СБОРНИКЪ

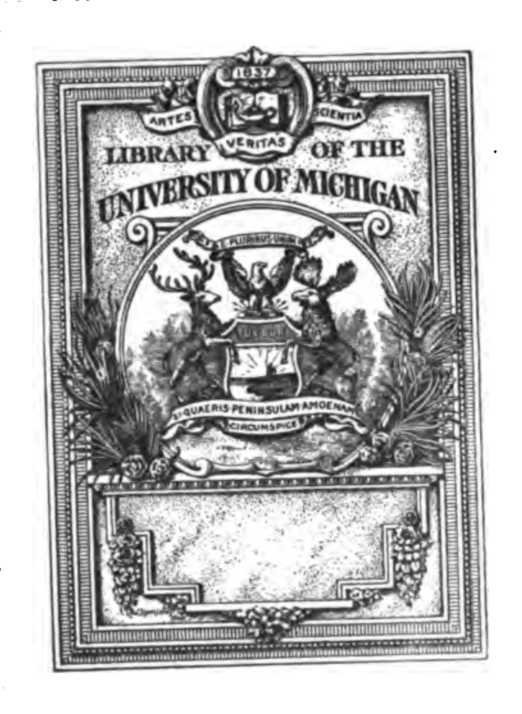
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Съ портретомъ Шлецера.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1875.

1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Съ портретомъ Шлецера.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

1875.

AUGUST LUDWIG SCHLÖZER
geb. den 5. Jul. 1735.
Lastic pinx: 1798.
S. Halle sculps.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Съ портретомъ Шлецера.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12.)
1875.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С-Петербургъ, Январь 1875 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

АВГУСТА ЛЮДВИГА ШЛЕЦЕРА,

ИМЪ САМИМЪ ОПИСАННАЯ.

ПРЕБЫВАНІЕ И СЛУЖБА ВЪ РОССІИ, ОТЪ 1761 ДО 1765 Г.

ИЗВѢСТІЯ О ТОГДАШНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

съ примѣчаніями и приложеніями

В. Кеневича.

Въ настоящемъ изданіи мы старались собрать всѣ труды Шлецера, относящіеся ко времени его перваго пребыванія въ Петербургѣ (съ 1761 по 1765), описанному имъ самимъ въ его автобіографіи, которая поэтому занимаетъ здѣсь первое мѣсто; все же остальное мы относимъ къ приложеніямъ.

Не вдаваясь въ оцѣнку книги Шлецера, какъ историческаго источника, замѣтимъ только, что она имѣетъ недостатокъ, свойственный всѣмъ автобіографіямъ, на что и самъ онъ указываетъ избраннымъ эпиграфомъ: авторъ, будучи самъ героемъ своего повѣствованія, не всегда способенъ оставаться безпристрастнымъ разскащикомъ; увлекаясь личнымъ чувствомъ, онъ, если не искажаетъ фактовъ, то освѣщаетъ ихъ произвольнымъ свѣтомъ. Мы однакожъ не нашли возможнымъ опровергать его взгляды, и присоединили свои замѣчанія лишь въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ ошибка автора очевидно безсознательна [1]).

Между приложеніями особеннаго вниманія заслуживаетъ *Грамматика русскаго языка*. Нѣмецкій подлинникъ ея составляетъ библіографическую рѣдкость, и о ней до сихъ поръ судили по рѣзкому отзыву Ломоносова. Нашъ переводъ сдѣланъ съ рукописной копіи, обязательно сообщенной намъ А. А. Куникомъ, и потомъ свѣренъ съ печатнымъ текстомъ, изданнымъ почтеннымъ академикомъ, при чемъ мы въ точности сохраняли орѳографію автора.

Хотя мысли, высказанныя въ *Планѣ обработки русской исторіи* и въ *Periculum*, развиты впослѣдствіи Шлецеромъ въ его обширномъ сочиненіи о Несторѣ и давно оцѣнены нашими исто-

---

[1]) Наши примѣчанія означены цифрами въ отличіе отъ примѣчаній автора.

риками, но мы должны были дать здѣсь мѣсто этимъ двумъ статьямъ, потому что онѣ имѣютъ важное біографическое значеніе: по нимъ академики должны были произнести свое сужденіе объ ученой подготовкѣ ихъ автора.

Изъ академическаго архива мы извлекли подробныя свѣдѣнія *о переводѣ еврейскихъ документовъ*, о чемъ Шлецеръ упоминаетъ въ своемъ разсказѣ, и *о переводѣ китайской исторіи*, который былъ переданъ Таубертомъ Шлецеру для просмотра и сокращенія. Тамъ же мы нашли, по указаніямъ покойнаго академика П. П. Пекарскаго, письма къ Миллеру и къ Тауберту и нѣсколько другихъ документовъ, на которые Шлецеръ только ссылается: таковы его записки, представленныя Теплову. Переписка съ Миллеромъ началась еще до пріѣзда Шлецера въ Россію, и хотя она не обширна, однако освѣщаетъ нѣкоторыя событія его жизни и открываетъ подробности, нелишенныя интереса. Письма къ Тауберту писаны изъ-за границы (1765—1766); они знакомятъ съ отношеніями автора къ своему начальнику, въ то время еще полновластно распоряжавшемуся въ Академіи, и въ нѣкоторой степени освѣщаютъ состояніе учебной части въ Россіи въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II.

Сверхъ того А. А. Куникъ (которому считаемъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность) доставилъ намъ рапорты Шлецера, изъ-за границы въ Академію. По свидѣтельству самого Шлецера, ихъ было гораздо больше; но кажется, остальные утрачены.

Въ заключеніе помѣщено нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе къ возвращенію Шлецера изъ-за границы. Съ этого времени начинается собственно дѣятельность его, какъ ординарнаго академика по каѳедрѣ Русской исторіи.

В. Кеневичъ.

PARVE, NEC IMPEDIO, SINE ME*), LIBER, IBIS IN ORBEM.

*) т. е. безъ предисловія; потому что все, что можетъ быть сказано объ автобіографіяхъ, за нихъ и противъ нихъ, уже сказано. (Шлецеръ.)

Написано уже давно по сохраненнымъ письмамъ, памятнымъ запискамъ и актамъ.

Печатано между 1799 и 1802 г. (прим. въ подлинникѣ.)

СОДЕРЖАНІЕ

стр.

Ne frustra vixisse videar.
Tycho Brahe.

ГЛАВА I.

Поводъ къ приглашенію меня въ Россію.

Мартъ 1761 г.

1.

Въ началѣ 1761 года мои восторженные взоры все еще пристально устремлялись къ востоку. Имѣя въ виду это путешествіе, я много работалъ; потому что тогдашнее мое мѣсто возлагало на меня обязанность только экономическаго и медицинскаго присмотра. Занятія мои были также разнообразны; но какъ ни разнородны повидимому были мои ученые труды, однако они направлялись къ одной главной цѣли.

Арабскому языку въ 7 лѣтъ я научился на столько, на сколько въ то время профессоръ восточныхъ языковъ въ Европѣ могъ съ трудомъ научить при помощи своего *Golius* [1]). Пять студентовъ, которыхъ ко мнѣ прислалъ Михаэлисъ [2]), на тотъ семестръ, когда онъ самъ не могъ читать объ этомъ языкѣ, остались совершенно мною довольны.

Медицинскій курсъ я могъ одолѣть въ одинъ годъ и съ честью

[1]) Оріенталистъ, авторъ арабскаго и персидскаго словарей, исторіи Сарацинновъ и др. Род. 1596, ум. 1667.

[2]) Род. 1717, ум. 1791 г. Знаменитый въ свое время оріенталистъ и критикъ въ области библейскихъ древностей.

получить ученую степень. Рёдереръ [1]) далъ мнѣ тему для диссертаціи на ученую степень *de pabulo vitae*.

Недоставало мнѣ еще, по моему плану, во 1-хъ, болѣе свѣдѣній въ естественныхъ наукахъ, и во 2-хъ, практики въ конторскомъ дѣлѣ. Чтобы пріобрѣсти первыя у праотца Линнея, Гіёрфелль въ Стокгольмѣ черезъ Варгентина [2]) старался снова заманить меня на нѣкоторое время въ Швецію и доставить мнѣ оффиціальную пенсію въ награду за то, что я посредствомъ переводовъ и одного журнала началъ приводить въ нѣкоторую извѣстность шведскую литературу, которая въ то время была еще мало извѣстна за границею.

За это я благодарилъ благороднаго Варгентина 3-го января 1761 года. Въ ожиданіи чего нибудь рѣшительнаго съ этой стороны, 12-го января 1761 года я просилъ моихъ торговыхъ друзей въ Любекѣ, Киппа и Багге, освѣдомиться въ Данцигѣ или въ Ригѣ о большой конторѣ, въ которой за годовое содержаніе, безъ жалованія, могъ бы на одинъ годъ найти занятія двадцатисемилѣтній студентъ, окончившій курсъ (но не студентъ), умѣющій не только писать письма и считать, но даже изучившій италіанскую бухгалтерію сообразно съ цеховымъ уставомъ. Конечно, при моихъ намѣреніяхъ я предпочелъ бы французскую контору; но баронъ Рузо де-Дельденгеймъ, консулъ въ Бордо (я ужъ не помню отъ какого двора) не сдержалъ слова, торжественно даннаго мнѣ въ Любекѣ; письмо мое отъ 10-го ноября 1759 года все еще оставалось безъ отвѣта.

Наконецъ мой путевой капиталецъ, до сихъ поръ пріобрѣтенный, уже превышалъ 200 червонцевъ, и въ слѣдующіе три года я могъ надѣяться удвоить его новымъ пріобрѣтеніемъ. Итакъ, я никогда не былъ столь близокъ къ исполненію послѣдняго изъ моихъ желаній—совершить путешествіе, въ крайнемъ случаѣ,

---

[1]) Профессоръ акушерскаго искусства; на его дочери Шлецеръ впослѣдствіи женился.

[2]) Астрономъ и секретарь стокгольмской Академіи Наукъ.

самостоятельно, независимо ни отъ публики, ни отъ какого либо двора, и при томъ не пускаться въ пространный свѣтъ на удалую. Но тутъ пришло предложеніе, которое разстроило всѣ мои предположенія.

2.

Профессоръ исторіи и исторіографъ въ Петербургѣ при тамошней Академіи Наукъ, и въ тоже время непремѣнный ея секретарь, Миллеръ, безспорно заслуженнѣйшій и извѣстнѣйшій за границею изъ ученыхъ въ Россіи, впродолженіе болѣе тридцати лѣтъ собралъ неимовѣрное множество свѣдѣній по древней и новой исторіи, географіи и статистикѣ этого вновь созданнаго государства, которое до сихъ поръ было истинною terra incognita или, что еще хуже, было совершенно ложно представляемо иностранцамъ большею частью людьми недовольными. Но подавленный и запуганный неслыханными придирками и интригами, онъ уже продолжительное время не рѣшался публиковать что либо изъ собраннаго. Только съ приближеніемъ старости (1758) онъ снова принялся за продолженіе на 21 годъ прерваннаго изданія Sammlung russischer Geschichte. Изданіе это, насколько оно проникло въ нѣмецкія книжныя лавки, было признано классическимъ, и ободренный этимъ Миллеръ искалъ средствъ мало-по-малу представить публикѣ изъ своихъ собраній то, что было наиболѣе интересно и уже въ то время несомнѣнно, или же все сохранить для потомства. Для этого ему нуженъ былъ помощникъ — и этотъ помощникъ необходимо долженъ былъ обладать какъ современнымъ нѣмецкимъ университетскимъ образованіемъ (слѣдовательно, въ то время ни одинъ русскій не былъ пригоденъ для такого дѣла), такъ и ученымъ знаніемъ русскаго языка.

Послѣднее требованіе было самое затруднительное. Русскій языкъ, какъ и всѣ славянскія нарѣчія, безконечно далеко отклоняется отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ языковъ, которые такъ легки нѣмцу, университетски образованному. Почему онъ такъ легко выучивается голландскому, шведскому, датскому, англійско-

му? — потому что онъ знаетъ по-нѣмецки; также—французскому, италіанскому, испанскому, португальскому — потому что онъ знаетъ по-латыни. Не то съ русскимъ. — Впродолженіе послѣднихъ тридцатипяти лѣтъ Академія была наполнена почти одними иностранцами, изъ которыхъ, кромѣ Миллера, никто не зналъ порусски. Я нашелъ въ Петербургѣ множество друзей различныхъ націй, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя семейства, прожившія тамъ двадцать и болѣе лѣтъ, которыя или не знали и пятидесяти русскихъ словъ, или хотя и научились говорить съ прислугою, но не могли прочитать печатной строки, а тѣмъ болѣе писать. Одна боязнь трудности языка останавливала ихъ; къ тому же Академія была такъ непростительно безпечна, что до сихъ поръ не позаботилась о вспомогательныхъ средствахъ: грамматикахъ, словаряхъ и т. п. (см. ниже). Даже великій знатокъ языковъ, Байеръ, котораго не испугалъ даже китайскій языкъ, занимаясь древнѣйшей русской исторіей, въ двѣнадцать лѣтъ своего пребыванія въ Академіи (1726—1738) не научился по-русски. И самъ Миллеръ откровенно сознается (Sammlung rus. gesch. V, стр. 7), что еще на седьмомъ году своей адъюнктской и профессорской службы (въ 1732 г.) «не былъ въ состояніи самъ читать русскія сочиненія, а долженъ былъ прибѣгать къ переводчику».

Выписать такого молодаго нѣмца, какой нуженъ былъ Миллеру, было опасно: онъ могъ быть человѣкъ способный, и все таки не годиться Миллеру, если бы у него не было охоты и способности къ русскому языку. Но домашнихъ учителей можно было всегда выписывать, какъ товаръ, и доставать ихъ въ Германіи за сходную цѣну. Потому Миллеръ, какъ я узналъ только впослѣдствіи, уже въ Петербургѣ, напечаталъ въ Кёнигсбергской газетѣ объявленіе, что «онъ ищетъ нѣмецкаго студента, который въ первое время былъ бы у него домашнимъ учителемъ, но которому, въ случаѣ его согласія, предоставитъ участіе въ своихъ занятіяхъ и со временемъ, особенно если онъ научится по-русски, опредѣлитъ на службу въ Академію». Никого не находилось.

Въ то же время Миллеръ испробовалъ другое очень велико-

душное и человѣколюбивое средство (см. ниже, § 13); но и это не удалось. Тѣ изъ нѣмецкихъ студентовъ, которые незванные бѣжали въ Россію, были вообще германскій измётъ; слѣдовательно, негодные для Миллера.

Въ это время гёттингенскій профессоръ Бюшингъ[1]) получилъ приглашеніе въ Петербургъ на мѣсто пастора въ тамошней нѣмецкой церкви Св. Петра. Онъ лежалъ тогда больной сильнѣйшею горячкою и принялъ приглашеніе, считая его божественнымъ призывомъ. Уже въ 1750 г. пробылъ онъ полгода въ Петербургѣ въ качествѣ наставника молодаго графа Линара и близко сошелся съ своимъ земляковъ и родственникомъ Миллеромъ. Теперь, по случаю этого приглашенія, Миллеръ поручилъ Бюшингу поискать вышеописаннаго лица, котораго онъ долго искалъ, и все еще не находилъ. Бюшингъ переговорилъ съ своими гёттингенскими товарищами и между прочимъ съ Михаэлисомъ.

Михаэлисъ, который еще съ большимъ энтузіазмомъ—если это возможно—относился къ моему плану путешествія, чѣмъ я самъ, тотчасъ же предложилъ меня Бюшингу, послѣ чего говорилъ со мною объ этомъ и съ своимъ обыкновеннымъ теплымъ участіемъ совѣтовалъ мнѣ попытать счастія. «Мой прежній главный планъ, такъ объяснялъ онъ мнѣ, не только могъ быть легко соединенъ съ этимъ новымъ проектомъ путешествія въ Россію, но даже выигралъ бы: спускаясь по Россіи, я совершилъ бы путешествіе на востокъ по новому пути, а не по тому, по которому обыкновенно путешествовали; оно совершилось бы удобнѣе и безопаснѣе для меня, потому что, безъ сомнѣнія, русская Академія, а можетъ быть, и самое правительство поддержало бы меня; вліяніе Россіи при Стамбульскомъ дворѣ доставило бы мнѣ выгоды, на которыя не могъ разсчитывать никакой европейскій путешественникъ».

Совершить дальнее путешествіе, имѣя въ виду еще гораздо

[1]) Род. 27 Сен. 1724, ум. 28 мая 1793 г. Знаменитѣйшее его сочиненіе: Erdbeschreibung стало являться въ свѣтъ съ 1754 г. отдѣльными томами и втеченіе жизни автора имѣло восемь изданій.

дальнѣйшее,—кто болѣе меня склоненъ былъ принять такое предложеніе? Что Миллеръ требовалъ только caput bonae spei на испытаніе за 100 рублей въ годъ, съ исполненіемъ обязанности домашняго учителя,—это меня такъ мало безпокоило, я считалъ это такъ мало унизительнымъ и незначительнымъ, какъ въ романахъ молодой маркизъ, который, чтобы съ честью овладѣть своею донною, исполняетъ нѣсколько мѣсяцевъ инкогнито обязанности егеря при желаемомъ тестѣ; потому что не только Михаэлисъ, но и я самъ былъ увѣренъ, что въ короткое время создамъ себѣ приличное положеніе. Но какъ я обманулся! Гордое смиреніе можетъ девять разъ удачно и обильно вознаградить рискъ; но десятый разъ не удается: смиряющагося хватаютъ за слово и обходятся съ нимъ сообразно съ этимъ словомъ. Это именно и случилось со мною, и было причиною трехлѣтнихъ приключеній, ожидавшихъ меня въ Россіи.

3.

И такъ, я пошелъ къ Бюшингу, съ которымъ по этому случаю мнѣ пришлось говорить впервые, и — торгъ состоялся.

Что Бюшингу нужно было знать обо мнѣ, еще не зная меня лично, и чего я не могъ сказать ему, не нарушая приличія, то сообщилъ Михаэлисъ.

Однакожъ, не полагаясь только на это, я 13-го Марта самъ написалъ къ Миллеру. Я скромно сообщилъ, что сдѣлалъ и напечаталъ по исторіи сѣвера съ 1756 года, во время моего двухлѣтняго пребыванія въ Упсалѣ и Стокгольмѣ [1]), и присовокупилъ что и тогда я желалъ ѣхать въ Россію, почему мнѣ тогдашній русскій посланникъ Стахіевъ обѣщалъ дать рекомендательное письмо къ нему (Миллеру); увѣрялъ его, что я изъ одной склонности къ языкознанію съ усердіемъ примусь за русскій, даже и

[1]) Сначала онъ былъ домашнимъ учителемъ въ Стокгольмѣ, потомъ прожилъ годъ въ Упсалѣ и въ 1757 году снова возвратился въ Стокгольмъ, въ домъ богатаго купца Зееле, у котораго занимался нѣмецкою корреспонденціей.

въ томъ случаѣ, если бы это не было (какъ онъ выразился) вѣрнымъ средствомъ составить себѣ карьеру въ Россіи; но въ концѣ просилъ позволенія отложить путешествіе до лѣта (потому что я желалъ усиленно подготовиться къ новымъ моимъ занятіямъ [1]).

Затѣмъ слѣдовалъ мой апокалипсисъ *), мой планъ путешествія въ Аравію; его я изложилъ въ подробностяхъ: «я не оставлялъ его; но вызвался заниматься русскою исторіею не только нѣсколько лѣтъ до путешествія, но и обѣщалъ вполнѣ посвятить себя ей по возвращеніи».

Миллеръ отвѣчалъ мнѣ очень любезно уже 10 апрѣля, и согласился на отсрочку до августа, а относительно путешествія сказалъ положительно, что для совершенія его «въ Россіи легко встрѣтится случай».

4.

Бюшингъ остался еще до конца мая. Между тѣмъ я время отъ времени посѣщалъ того, уже тогда знаменитаго человѣка, съ которымъ мнѣ теперь предстояло жить вмѣстѣ въ чужой странѣ; но удивлялся пренебреженію, съ какимъ повидимому онъ относился ко мнѣ. Все жъ таки я былъ нѣсколько болѣе стараго студента; при томъ Линней и Варгентинъ въ Швеціи, Михаэлисъ, Рёдереръ, Пюттеръ, Ахенвалль, Кёстнеръ, Бютнеръ и другіе меня избаловали. Презиралъ ли онъ меня за то, что я согласился на такія жалкія условія (было обыкновеніе даже съ голодомъ борющемуся кандидату нѣмцу, приглашаемому въ Россію или Лифляндію, предлагать не менѣе 200 рублей въ годъ)? Онъ самъ видѣлъ, что меня не нужда гнала изъ Гёттингена. Въ Müller's Leben (стр. 61) онъ самъ напечаталъ, что у меня тогда «былъ собранъ денежный запасъ на путешествіе въ Азію». Онъ зналъ обо всемъ этомъ планѣ изъ устъ Михаэлиса, человѣка, котораго онъ достаточно умѣлъ

---

[1]) См. Приложен. письма къ Миллеру.

*) Sebaldus Nothanker все еще не забытъ. Но что мой планъ путешествія былъ нѣсколько болѣе апокалипсиса, это я надѣюсь доказать въ другомъ мѣстѣ.

цѣнить; и хотя въ условіяхъ моихъ съ Миллеромъ было кое что рисковное, однакожъ не было ничего безразсудно отважнаго. Но главная причина зародившейся вражды его ко мнѣ происходила изъ другаго источника, о которомъ я узналъ еще въ Гёттингенѣ и о которомъ Бюшингъ впослѣдствіи самъ напечаталъ (Wöchentl. Nachr. 1774, St. 50, S. 401). Одинъ изъ его гёттингенскихъ товарищей, съ отцомъ котораго я не совсѣмъ дружелюбно разошелся въ ***, иначе представилъ ему меня, чѣмъ восемь упомянутыхъ выше лицъ; именно—будто я вспыльчивъ и неуживчивъ. Бюшингъ не только повѣрилъ своему товарищу, но и написалъ объ этомъ Миллеру. Миллеръ повѣрилъ своему другу Бюшингу, испугался и уполномочилъ его (24 апрѣля) устранить меня, сохраняя формы приличія. Бюшингъ попробовалъ, но очень тонкимъ образомъ: онъ торжественно объявилъ мнѣ, что я могу еще отступиться; онъ представилъ мнѣ множество затрудненій относительно поѣздки въ Россію, — а самъ все таки поѣхалъ!

И такъ, я не отступился, потому что приготовительныя мѣры были приняты мною уже два мѣсяца тому назадъ. О своемъ твердомъ намѣреніи ѣхать я написалъ Миллеру уже 3 мая и при этомъ былъ такъ остороженъ, что письменно сообщилъ ему условія, на которыхъ Бюшингъ ангажировалъ меня только словесно. Они были слѣдующія: 1) принять участіе въ его (Миллера) историческихъ и географическихъ трудахъ; 2) учить его дѣтей нѣсколько часовъ въ день; за то 3) готовое содержаніе и сто рублей въ годъ; и 4) въ случаѣ, еслибы я научился по-русски и понравился, имѣть надежду поступить на службу въ Академію. «Послѣднее, такъ заключилъ я, — т. е. надежда получить оффиціальное жалованіе и пособіе для извѣстнаго путешествія, было главною причиною, побудившею меня заключить это предварительное условіе, что можно было видѣть изъ сравненія незначительности назначеннаго имъ содержанія съ тогдашнимъ моимъ положеніемъ въ Германіи». [1])

---

[1]) См. Прилож. письма къ Миллеру

5.

2-го іюня Бюшингъ оставилъ Гёттингенъ навсегда. Съ патріотическою скорбью вспоминаю я о незамѣнимой утратѣ, понесенной вслѣдствіе того наукою. Бюшингъ всегда останется однимъ изъ замѣчательныхъ людей столѣтія; даже и послѣ отъѣзда своего отсюда онъ оказалъ важныя заслуги, какъ географъ. Но если допустить степени безсмертія, то, оставаясь здѣсь, онъ былъ бы безсмертнѣе и не испыталъ бы многаго горя. Гёттингенъ былъ стихіею для него и для его исполинскихъ трудовъ по географіи. Гёттингенъ, гёттингенская библіотека и Мюнхгаузенъ [1]) доставляли ему такія удобства, какихъ онъ не нашелъ нигдѣ на свѣтѣ.

И зачѣмъ онъ уѣхалъ? Причины извѣстны; я бы ихъ тутъ изложилъ, еслибы онъ былъ живъ; однако большую часть изъ нихъ, равно какъ и то, на сколько его географія оттого потерпѣла, онъ самъ исповѣдалъ въ своей біографіи (стр. 293, 310, 319, 532 и проч. [2].)

6.

Послѣ его отъѣзда я еще оставался два съ половиною мѣсяца и усиленно изучалъ Россію.

---

[1]) Герлахъ Адольфъ, гановерскій министръ и попечитель гёттингенскаго университета, которому этотъ университетъ обязанъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Род. 1688, ум. 1770.

[2]) Указанныя Шлецеромъ мѣста автобіографіи Бюшинга заключаютъ разсказъ, съ приведеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, о непріятностяхъ, возникшихъ вслѣдствіе его докторской диссертаціи (1756 г.), въ которой онъ высказался противъ схоластическаго богословія. Опасаясь, чтобы принятіе и одобреніе этого сочиненія гёттингенскими философами не повлекло дурныхъ послѣдствій для университета, Мюнхгаузенъ, подстрекаемый своимъ духовникомъ Гёттеномъ, 8-го января 1757 г. предложилъ Бюшингу прекратить свои богословскія лекціи и ничего не печатать по этому предмету безъ разрѣшенія гановерскаго тайнаго совѣта. Однакожъ онъ остался при университетѣ и въ 1759 г. былъ признанъ ординарнымъ профессоромъ философіи; но ему было непріятно, что его обвиняли въ ереси. «Меня Богъ привелъ въ Гёттингенъ,» говорилъ онъ своимъ друзьямъ и товарищамъ: «только ради географіи, но Онъ уведетъ меня отсюда, когда главныя части ея будутъ готовы.» Вслѣдствіе этого онъ принялъ приглашеніе въ Петербургъ, куда прибылъ 24 іюля 1759 г.

По вторичномъ возвращеніи изъ Швеціи въ Гёттингенъ, одною изъ главныхъ моихъ цѣлей было продолжать изученіе ботаники у Галлера [1]), о возвращеніи котораго тогда поговаривали, или у Цинна, моего земляка изъ Франконіи; но первый не пріѣхалъ, а второй умеръ. И такъ, въ этой наукѣ, которая была такъ важна при моихъ намѣреніяхъ, я далеко отсталъ, и это было мнѣ особенно прискорбно, потому что, какъ я зналъ, въ то время и въ петербургской Академіи не было ни одного ботаника. Въ послѣдніе мѣсяцы моего пребыванія здѣсь я случайно познакомился съ новымъ профессоромъ ботаники Бюттнеромъ (но не съ тѣмъ, что въ Іенѣ, Бюттнеромъ). Этотъ человѣкъ полюбилъ какъ меня, такъ и мои планы путешествія, и жертвовалъ цѣлые вечера занятіямъ со мною. Я удивлялся и радовался его философской ботаникѣ, совершенно отличной отъ линнеевской, большею частію терминологической; этотъ упрекъ, по крайней мѣрѣ въ то время, и сами шведы единогласно дѣлали своему великому соотечественнику. Замѣчу впрочемъ, что я не вполнѣ могъ усвоить себѣ философическую ботанику, потому что въ такъ называемой терминологической не былъ еще достаточно твердъ.

21 іюня я писалъ Миллеру о деньгахъ на дорогу [2]): въ августѣ черезъ Рёдерера мнѣ было выплачено, по его распоряженію, 10 червонцевъ. Предложилъ ли бы меньшую сумму петербургскій сапожникъ, выписывающій себѣ изъ Германіи подмастерья? но — см. выше стр. 6.

Сталъ я укладываться и взялъ бо̀льшую часть моихъ книгъ и бумагъ съ собою; большую же кипу шведскихъ рукописей я отдалъ на сохраненіе одному здѣшнему моему другу. Эта кипа была прислана мнѣ за нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Стокгольма

---

[1]) Альбрехтъ ф. Галлеръ (Haller) знаменитый анатомъ, физіологъ, ботаникъ и стихотворецъ, род. въ Бернѣ въ 1708 г. Съ 1736 до 1753 г. былъ профессоромъ анатоміи и ботаники въ Гёттингенѣ: гдѣ издалъ важнѣйшее изъ своихъ сочиненій Flora der Schweiz. Онъ оставилъ Гёттингенъ вслѣдствіе интригъ своихъ товарищей—профессоровъ и удалился въ Бернъ, гдѣ умеръ въ 1777 году.

[2]) См. Прилож. письма къ Миллеру.

(въ началѣ ноября 1758 г.) отъ неизвѣстнаго, но я могъ отгадать, отъ кого. Она заключала преимущественно важныя свѣдѣнія о тогдашнихъ политическихъ смутахъ въ Швеціи и болѣе древніе матеріалы, относящіеся до прошлаго столѣлія, которыми впослѣдствіи можно было бы воспользоваться въ видѣ продолженія моихъ Schwedischen Anekdoten (St. I, 1761). Но когда я въ 1765 г. возвратился въ Геттингенъ, ея уже не было: живущіе въ домѣ, вѣроятно, извели эти старыя бумаги, исписанныя по-шведски, слѣдовательно, для нихъ недоступныя, на папиліотки, или кто ихъ знаетъ, на что. Можетъ быть, незамѣнимая потеря для исторіи Швеціи!

Самое трогательное прощаніе съ обѣихъ сторонъ было въ домѣ Рёдерера, какъ будто мы предчувствовали, что именно отецъ и я никогда не увидимъ другъ друга. Маленькая восьмилѣтняя дочь тоже плакала.

ГЛАВА II.

Путешествіе изъ Гёттингена въ Петербургъ.

От 19 августа до 22 ноября 1761 г.

7.

Итакъ, 19 авг. 1761 г. я на удачу во второй разъ оставилъ Гёттингенъ, еще занятый французами, послѣ чего оставилъ моего неизлѣчимаго меланхолика вмѣстѣ съ его счетами по дорогѣ въ Гановерѣ, Лауенбургѣ и Рацебургѣ у его богатыхъ родственниковъ и неблагодарнаго опекуна.[1]), и 8 сентября прибылъ въ Любекъ. Во время моего пребыванія здѣсь, продолжавшагося нѣсколько недѣль, синдикъ (въ тоже время соборный пробстъ) Дрейеръ, съ которымъ я познакомился еще при возвра-

[1]) Для разъясненія этого мѣста см. § 31.

щеніи моемъ изъ Швеціи) въ 1758 году и совѣтами котораго пользовался герцогъ Мекленбургскій при замѣщеніи должностей во вновь основанномъ университетѣ въ Бютцовѣ, сдѣлалъ мнѣ честь, предложивъ тамъ мѣсто профессора филологіи и философіи. Онъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, что уговаривалъ меня совершенно оставить путешествіе въ Россію и ожидать рѣшенія герцога. Но и противъ этого искушенія я устоялъ. Ѣхать, ѣхать въ Россію, а тамъ, если Богу угодно, въ Аравію, даже въ Персію и Индію и т. д. — ѣхать!

15 сентября я простился съ своею матерью — старушкой въ Гогенлое и съ моимъ лучшимъ тамошнимъ покровителемъ, придворнымъ проповѣдникомъ Вольфомъ, въ Кирхбергѣ. Бухгалтеру Рёзе въ Грейсвальдѣ я писалъ, что вмѣстѣ предпринятый Hierozoikon (нѣмецкій концентрированный Бохартъ [1]), но исправленный и увеличенный множествомъ новѣйшихъ филологическихъ замѣчаній и особенно и естественно-историческихъ наблюденій) не остановится вслѣдствіе моего отъѣзда въ Россію. Въ заключеніе я сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ пользу моей матери, какъ будто ѣхалъ въ Остъ-Индію, откуда обыкновенно возвращался только одинъ изъ трехъ; я оставилъ ей на всякій случай въ одномъ любскомъ торговомъ домѣ 800 марокъ и 21 сентября отправился въ Травемюнде.

8.

Изъ шести моихъ морскихъ путешествій это, третье, было самое фатальное. Я даже сомнѣваюсь, чтобы изъ ста рейсовъ, совершаемыхъ ежегодно между Любекомъ и Петербургомъ, хоть одинъ былъ сопряженъ со столькими трудностями, опасностями и приключеніями.

Мой капитанъ былъ G — р., изъ Любека, человѣкъ сильный, въ прямомъ смыслѣ этого слова; получивши согласіе своей невѣ-

[1]) Авторъ сочиненія о животныхъ, упоминаемыхъ въ Св. Писаніи. Шлецеръ вмѣстѣ съ Рёзе намѣревались издать подобное же сочиненіе; но ихъ намѣреніе, кажется, не осуществилось.

сты онъ отъ радости такъ сердечно пожалъ ей руку, что ей пришлось втеченіе двухъ недѣль, какъ онъ выражался, «смазываться». Впрочемъ на сушѣ онъ былъ любезный и тонкій человѣкъ, въ особенности на биржѣ. Но что это былъ за человѣкъ, когда онъ между небомъ и землею царилъ на своемъ кораблѣ! Въ немъ были всевозможныя свойства дурнаго капитана, кромѣ развѣ того, что онъ не напивался. Какое удовольствіе и утѣшеніе во время скучнаго, продолжительнаго и даже счастливаго путешествія имѣть хорошаго капитана; но какая тоска находиться впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подъ деспотическою властью человѣка грубаго и скареднаго! Это было одно несчастіе.

Второе несчастіе — было общество какъ по количеству, такъ и по качеству. Въ очень узкой каютѣ, которую жадный капитанъ набилъ тюками и ящиками, потому что фрахтомъ онъ пользовался одинъ исключительно, пятнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ капитанъ и штурманъ, должны были жить, дышать, ѣсть и спать. Въ числѣ этихъ 15 человѣкъ шесть были: два трубача; изъ нихъ одинъ съ женою, которую онъ по крайней мѣрѣ черезъ два дня въ третій колотилъ, и тремя дѣтьми, изъ коихъ младшему было полтора года; всѣ они день и ночь хныкали; седьмой былъ купецъ, швейцарецъ, веселый балагуръ; восьмая — дѣвица изъ Гамбурга, которая давала понять, что читала Cronegks Einsamkeiten; девятый — называвшій себя графомъ де M — t, изъ австрійскихъ Нидерландовъ, былъ капитанъ императорской службы, человѣкъ большаго свѣта, съ ужасно большой офицерской шпагой и красивымъ дорогимъ туалетомъ, который онъ часто разбиралъ на палубѣ; но отъ него, какъ въ гостинницѣ, такъ и на кораблѣ нужно было беречь ящики, чемоданы и карманы; десятый — конторскій служитель изъ Гамбурга, которому плохо пришлось, когда онъ однажды назвалъ этого графа mon ami, и т. д. — Сверхъ того на суднѣ находились пассажиры съ канарейками, попугаями и девятью обезьянами. Вотъ все о капитанѣ и корабельномъ обществѣ.

За тѣмъ третье и самое главное несчастье — самое путешествіе.

9.

I. 21 сентября вечеромъ мы вышли изъ Травемюнде, однакожъ по случаю противнаго вѣтра на другой же день возвратились; но

II. тотчасъ же опять вступили подъ паруса. 25-го мы были въ виду Борнгольма; шесть дней мы тутъ прогуливались взадъ и впередъ, и такъ какъ сильный противный вѣтеръ продолжался, то мы 5 октября, наскучивъ лавировкою, возвратились во второй разъ въ Травемюнде, употребивъ на то 12 часовъ (36 миль). Тутъ мы снова простояли четыре дня. Что я не умеръ отъ скуки, этимъ я обязанъ веселому обществу тамошняго коменданта Рёдера и пастора Остермейера. Когда я однажды ходилъ по берегу моря, носясь съ своими докучливыми мыслями, я замѣтилъ плывущее существо, имѣющее видъ безжизненной, слизистой массы, однако повидимому произвольно двигающееся; я съ трудомъ вытащилъ его на берегъ и впослѣдствіи узналъ, что это была такъ называемая zoophyton, medusa, holoturia, Meerlunge. Въ одну изъ слѣдующихъ зимъ, проходя по берегу Невы въ Петербургѣ, мнѣ случалось замѣтить, что вода этой рѣки отъ внезапнаго холода сгустилась, какъ каша, послѣ чего на моихъ же глазахъ застыла. Тутъ я понялъ одно мѣсто изъ Пиѳія (у Strabo L. I), котораго Шёнингъ не понималъ (см. мою Allgem. Nord. Gesch. S. 14). Этотъ добросовѣстный авторъ путешествій говоритъ, будто бы въ его tule (Исландія или Норвегія?) не было ни земли, ни моря, ни воздуха, но смѣсь всего этого, подобная медузѣ, πλευμονι θαλαττιῳ εοικος. Итакъ Пиѳій находился тогда на далекомъ сѣверѣ, на берегахъ, гдѣ вода собиралась застыть. Никогда южный марселецъ не видѣлъ ни льда, ни моментовъ замерзанія, а потому онъ могъ найти сходство между этой ледяной кашей и слизеобразною медузою.

III. 9 октября рано утромъ мы опять вышли въ море, но къ обѣду опять возвратились.

IV. 12 октября мы вышли въ четвертый разъ. На другой день насъ постигла страшная буря. Мой сундукъ, который сто-

лѣ привязанный на палубѣ (я слишкомъ поздно прислалъ его на корабль, а потому онъ не попалъ въ каюту), съ одной стороны оторвался и упалъ за бортъ. Нѣсколько матросовъ вытащили его за веревку, на которой онъ держался съ другой стороны; но все было промочено. Такъ какъ потомъ наступила тихая и свѣтлая погода, то я вынулъ все, книги, бумаги и бѣлье, чтобы просушить, при чемъ какіе то варвары изъ корабельщиковъ меня обокрали. Еще и теперь сожалѣю о потерѣ маленкой люнебургской нѣмецкой библіи, которой я впослѣдствіи никогда не встрѣчалъ — такъ она рѣдка. Пропала также моя карманная библія на еврейскомъ и греческомъ языкѣ Лейздена, въ 12° (но впослѣдствіи я ее выручилъ въ Петербургѣ отъ вора или его укрывателя за одинъ рубль). Я жаловался капитану. Онъ, варваръ, и его разбойническій экипажъ отвѣчали мнѣ, чтобы я только назвалъ имъ того, кто у меня что либо укралъ! Между тѣмъ противный вѣтеръ продолжался, такъ что мы 15 октября въ четвертый разъ возвратились въ Травемюнде. Каждый разъ, когда мы бросали якорь на рейдѣ, капитанъ гналъ пассажировъ каюты на берегъ, чтобы сберечь расходы на столъ; а потому вы можете себѣ представить, каковы были издержки, соединенныя съ поѣздками взадъ и впередъ, платою за квартиру и столъ въ гостинницѣ и т. д. Наконецъ

V. 17 октября мы вышли въ пятый и въ послѣдній разъ. 19-го насъ опять встрѣтилъ противный вѣтеръ, и мы пристали къ острову Борнгольму. Послѣ того мы добрались до Готланда, въ виду котораго мы были 26-го. Рыбакъ съ берега, который долженъ былъ провести насъ въ гавань, не зналъ фарватера и навелъ судно на каменистый грунтъ, на которомъ якоря не могли укрѣпиться. Мы сдѣлали два выстрѣла, потому что намъ угрожала опасность при малѣйшемъ восточномъ вѣтрѣ мгновенно быть выброшеннымъ на берегъ. Нашъ капитанъ въ ярости ходилъ по палубѣ съ пистолетомъ въ рукахъ, чтобы въ нужномъ случаѣ застрѣлить лоцмана; мы же, пассажиры, въ глухомъ молчаніи стояли и «ожидали смерти съ упорнымъ равнодушіемъ.» Но мы

спаслись, конечно къ большому неудовольствію собравшихся противъ насъ на берегу береговыхъ разбойниковъ, ожидавшихъ кораблекрушенія. Вечеромъ мы благополучно причалили къ берегу; въ темнотѣ около четверти мили шли пѣшкомъ во внутрь острова и натолкнулись наконецъ — не на гостинницу, потому что гостинницъ здѣсь вовсе нѣтъ, а на крестьянскую избу, въ которой праздновали свадьбу. Между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ пассажировъ вмѣшались въ ряды танцующихъ, я сошелся со старыми крестьянами, такъ какъ я одинъ могъ говорить съ ними по-шведски. Они спрашивали меня о послѣднихъ новостяхъ тогдашней семилѣтней войны; эти плуты были добрые пруссаки и радовались постыдному отступленію своихъ земляковъ изъ Помераніи. — На другой день мы увидѣли корабль, который уже двѣ недѣли стоялъ на мели у берега, а черезъ три дня пришелъ другой — на немъ все было къ верху дномъ. Ничего утѣшительнаго въ виду не было: уже наступилъ конецъ октября, а мы едва совершили половину пути до Петербурга.

Цѣлую недѣлю мы оставались на этомъ островѣ. Мы жили, какъ дикіе и, вѣроятно, смотрѣли дикими въ нашихъ бараньихъ тулупахъ и съ нашими длинными бородами. Такъ какъ живущіе кругомъ крестьяне ничего не могли намъ предложить, кромѣ морскихъ сухарей, то мы, сложившись вмѣстѣ, купили барана. Капитанъ впродолженіе цѣлой недѣли былъ нашимъ гостемъ, но потомъ потребовалъ платы и за эту недѣлю, какъ будто бы мы были его гостьми.

Все имѣло такой видъ, что намъ придется оставаться здѣсь цѣлыя недѣли. Наконецъ мною овладѣла тоска, и я притащилъ себѣ съ корабля работу: 31 октября началъ передѣлывать въ настоящій компендіумъ лекціи Рёдерера о патологіи, которыя я точно и вполнѣ записывалъ. Но только что я окончилъ три страницы, какъ вѣтеръ перемѣнился, первый разъ втеченіе двухъ недѣль, и мы

1-го ноября снова сѣли на корабль. Радость наша была непродолжительна: тотчасъ же начался опять противный вѣтеръ и

притомъ продолжительныя страшныя бури. До сихъ поръ было плохо, теперь стало еще хуже. Передъ нашими глазами погибло судно; экипажъ спасся; капитанъ, изъ Любека, и нѣсколько человѣкъ экипажа перешли къ намъ на корабль, какъ были; пассажиры подѣлились съ ними рубашками, галстуками и платками. Потомъ мы увидѣли другой корабль, который гнало вѣтромъ; его привязали къ нашему. Когда мы проходили мимо Дагерорта, насъ выстрѣлами звалъ на помощь корабль, потерявшій уже одну мачту; но мы не могли подойти къ нему. Мы, недостойные счастливцы, благополучно миновали опасный Дагерортъ и еще опаснѣйшій Гохландъ (5 ноября); однакожъ не безъ страха, — потому что однажды нашъ корабль попалъ на песчаную мель, но счастливо прошелъ, шаркая по ней; это шарканье продолжалось съ полминуты и до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ. Не такъ важно было то обстоятельство, что всѣ эти передряги усиливали нашъ аппетитъ, почему хорошій корабельный провіантъ истощился, — по крайней мѣрѣ, по словамъ капитана, который впродолженіе нѣсколькихъ дней угощалъ насъ кашей безъ масла и соли, пока одинъ изъ насъ въ боковой стѣнѣ каюты не открылъ тайный складъ колбасъ и окороковъ. У одного пассажира вышелъ табакъ; но цѣна, которую просилъ матросъ за свой, какъ онъ говорилъ, послѣдній фунтъ, показалась ему слишкомъ высокой; онъ скоблилъ кору съ обручей бочекъ и этимъ набивалъ свою трубку!

Такимъ образомъ мы подъ снѣгомъ и льдомъ пролавировали далеко въ Финскій заливъ. Мы уже были въ 18 миляхъ отъ Петербурга; но капитанъ оставилъ всякую надежду при такой погодѣ и въ это время года дойти туда. Онъ даже боялся замерзнуть среди моря, а потому бросилъ якорь въ Аспё. Тутъ окончилось наше семинедѣльное плаваніе. Здѣсь мы вторично увидѣли русское судно, стоящее на мели у берега.

10.

7-го (18) ноября мы вышли на берегъ. Аспё—это островъ, или вѣрнѣе, группа скалъ въ Финскомъ заливѣ, противъ Фри-

дрихсгама въ 4 — 5 миляхъ отъ материка. Мнѣ казалось, будто я занесенъ на островъ въ с.-западной Америкѣ, только была та разница, что съ людьми, которые тутъ жили, я могъ говорить по-шведски. Но здѣсь не было ни молока, ни масла, ни даже земли для погребенія, въ случаѣ, еслибы тутъ пришлось умереть; я видѣлъ нѣсколько гробовъ, которые стояли непокрытые между скалами (не такъ, какъ на большомъ С.-Бернардѣ въ Швейцаріи). Если кто хотѣлъ что либо вымѣнять у здѣшнихъ жителей, то они требовали табаку, а голландскихъ червонцевъ не брали.

Тутъ было рѣшено всю остальную дорогу до Петербурга (33 мили) совершить сухимъ путемъ. Прежде чѣмъ наше общество разошлось, я имѣлъ столкновеніе съ вышеупомянутымъ графомъ. Этотъ господинъ былъ съ одной стороны нечистъ на руку — у одного изъ насъ онъ стащилъ шапку, у другаго пару шелковыхъ чулокъ, у меня серебряныя пряжки къ башмакамъ, которыми однако я деликатнымъ образомъ снова овладѣлъ; съ другой стороны онъ былъ навязчивъ въ предложеніи своихъ услугъ. У него былъ хорошій запасъ кофе, но больше ничего. Втеченіе послѣдней недѣли нашихъ бѣдствій онъ нѣсколько разъ навязывалъ мнѣ чашку кофе, такъ какъ мой уже вышелъ; за это, когда мы сошли съ корабля, онъ потребовалъ съ меня четыре червонца; но съ нимъ можно было торговаться, и дѣло окончилось однимъ червонцемъ. Это былъ странный человѣкъ! Онъ хотѣлъ биться со мною объ закладъ на 100 каролиновъ, что въ Парижѣ не одинъ, а 12 милліоновъ жителей. Мое противорѣчіе онъ потому считалъ ребяческимъ, что долгое время жилъ въ Парижѣ, между тѣмъ какъ я, по собственному своему сознанію, въ то время и въ глаза не видѣлъ Парижа. Много времени спустя послѣ того, я искалъ его и нашелъ вовсе не въ графской квартирѣ. Несчастный, кажется, игрою хотѣлъ составить счастіе въ Россіи. Но петербургская полиція къ этому ремеслу не особенно благосклонна.

Большая часть изъ насъ переправилась въ Фридрихсгамъ, какъ скоро мы могли получить людей, которые все еще были заняты на русскомъ суднѣ, постигнутомъ несчастіемъ. Къ Миллеру

въ Петербургъ я написалъ 7-го (18) ноября [1]). Во Фридрихсгамѣ мы сутки отдохнули, послѣ чего наняли сани до Выборга, а оттуда до Петербурга.

На всемъ протяженіи этихъ 33 миль почти всѣ говорили по-шведски, а многіе и по-нѣмецки. Собственно гостинницы нѣтъ ни въ одномъ изъ этихъ городовъ; но въ каждомъ изъ нихъ заведена годичная очередь, такъ что одинъ изъ домовладѣльцевъ обязанъ былъ принимать проѣзжающихъ. Хозяева наши были портные; угощали они не дурно, однакожъ не такъ хорошо, какъ заставили платить.

Foeda paupertas Fennorum (Tacit. de M. G. c. 46), помилуй ее Богъ, была въ этой странѣ по прошествіи 1700 лѣтъ. Мнѣ кажется, что ни прежде, ни послѣ я не видѣлъ такого бѣднаго крестьянскаго населенія, исключая развѣ Церковную область. Но причина нынѣшней нищеты была не та, что во времена Тацита: нынѣ ingemunt agris... *non* securi adversus homines.—Однажды ночью, мы, окоченѣлые отъ холода, вошли изъ саней въ финскую избу. На очагѣ горѣлъ сильный огонь; комната была низкая, безъ трубы, почему вверху стояло облако дыма, которое мало-по-малу опускалось, такъ что когда я стоялъ, то половина моей головы была въ облакѣ. Я почувствовалъ себя дурно, поспѣшилъ выйти изъ этой норы на свѣжій воздухъ, упалъ на снѣгъ и оставался безъ сознанія четверть, а по счету другихъ, полчаса. Я проснулся отъ этого угарнаго сна, который, еслибы я оставался въ комнатѣ, превратился бы, вѣроятно, въ смертный сонъ, потому что нигдѣ не было врача; но крестьянинъ — финнъ вовсе не страдаетъ отъ этого угара, въ которомъ онъ прозябаетъ съ минуты рожденія.

11-го (22) ноября мы прибыли наконецъ въ огромную столицу. Тутъ нашъ корабль уже благополучно стоялъ у биржи! Лишь только мы уѣхали съ Аспё, вѣтеръ сдѣлался благопріятный.

---

[1]) См. Прилож. письма къ Миллеру.

11.

Вотъ такъ морское путешествіе!... Впродолженіе полугода при видѣ корабля мною овладѣвалъ страхъ и ужасъ. Но впослѣдствіи эта водобоязнь утихла; я совершилъ еще три морскихъ путешествія; всѣ они были счастливѣе и одно изъ нихъ особенно счастливо. Оглядываясь назадъ и припоминая это злополучное путешествіе, я признаю его однимъ изъ поучительнѣйшихъ событій въ моей жизни. Сколько было случаевъ, когда жизнь всѣхъ насъ, и однажды моя особенно, подвергалась опасности! Надежда избѣгнуть этихъ опасностей уменьшалась по мѣрѣ того, какъ одинъ корабль за другимъ въ нашихъ глазахъ погибалъ, или когда мы встрѣчали уже погибшіе корабли. Вѣроятно, моя благоразумная діета была причиною, что я сохранилъ хладнокровіе и счастливо все перенесъ. Отчасти я самъ ее изобрѣлъ, отчасти опытные морскіе путешественники меня научили. Смѣю ли я вкратцѣ описать ее? Другъ мой L—г желаетъ этого. Во-первыхъ, одежда: хорошая шуба, не дорогая городская, потому что ее стараются беречь, и вслѣдствіе того подвергаются простудѣ, но простой бараній тулупъ, покрытый грубою матеріею, цѣною въ 4, 5 рейхсталеровъ, потому что сырость, деготь и всякая нечистота сдѣлаютъ его негоднымъ для другаго путешествія. Во-вторыхъ, пища: грубая корабельная пища, никакъ не сладости и вообще всякія лакомства; питье—вода съ большимъ количествомъ лимоннаго соку, старое французское вино и настоящая французская водка; послѣдняя, употребляемая постепенно въ бо̀льшемъ количествѣ, полезна даже и тѣмъ, кто на сушѣ, можетъ быть, пьетъ ликеры по каплямъ. Въ-третьихъ, и это, можетъ быть, самое важное — пребываніе на открытомъ воздухѣ, на палубѣ. Я избѣгалъ, на сколько это было возможно, зачумленной каюты, и проводилъ цѣлый день внѣ ея. Обыкновенно я сидѣлъ подъ большой мачтой, т. е. посрединѣ су̀дна, гдѣ, слѣдовательно, качка была наименьшая; при тихой погодѣ я тутъ работалъ, какъ дома, а во время продолжительныхъ мятелей паруса часто служили мнѣ прикрытіемъ. На лѣстницѣ,

ведущей въ каюту — тоже не дурное мѣсто — я рѣдко находилъ покой, потому что пассажиры не терпѣли, чтобы дверь оставалась открытой. И какая награда за эти, правда, суровыя лишенія? — Я никогда не падалъ духомъ, аппетитъ былъ втрое сильнѣе, чѣмъ на сушѣ, такъ что даже зеленоватая солонина ослабляла его не на долго, и при сильныхъ буряхъ, изъ которыхъ одна непрерывно продолжалась три ночи и два дня, отчего невозможно было варить и весь экипажъ страдалъ морскою болѣзнью, я не подвергся ей. Можете себѣ представить, какъ сами матросы мнѣ завидовали и сожалѣли, что я не сдѣлался морякомъ.

Но эта, безспорно, въ то время благоразумная діета мнѣ впослѣдствіи дорого стоила; даже спустя 40 лѣтъ, я чувствую ея послѣдствіе и не пожалѣлъ бы ничего, чтобы отъ него откупиться, — я привыкъ курить табакъ. Тому, кто плыветъ по Балтійскому морю въ октябрѣ и ноябрѣ, въ дождь и бури, и не обязанъ или не желаетъ гнить въ каютѣ, но ищетъ открытаго воздуха, — тому не только не запрещайте, но совѣтуйте курить; это ему здорово и составляетъ сущую потребность. Но когда онъ вступилъ на сушу, то пусть отучится отъ куренія, если можетъ, въ особенности, если онъ ученый, ведущій сидячую, кабинетную жизнь, а тѣмъ болѣе, если онъ близорукъ. Для перваго куреніе представляетъ сто, для втораго — тысячу неудобствъ. Сколько искреннихъ друзей человѣчества кричитъ теперь о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ оспою, но ни одинъ не кричитъ о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ табакомъ; и еслибы кто нибудь взялся доказать, что наше европейское общество сдѣлалось бы лучше, когда бы освободилось отъ куренія, тотъ подвергся бы осмѣянію. Хорошо было бы, еслибъ въ Германіи отцы, по крайней мѣрѣ изъ ученаго сословія, строгими запрещеніями или обѣщаніемъ наградъ удерживали своихъ сыновей отъ этой привычки, не доставляющей ни въ какомъ отношеніи истиннаго наслажденія въ жизни. Я обращаюсь только къ отцамъ — нѣмцамъ, потому что, какъ извѣстно, во всемъ христіанскомъ мірѣ, кромѣ Германіи и Голландіи, изъ нашего сословія почти никто не куритъ.

Однако я не слишкомъ дорого заплатилъ за пользу, извлеченную мною изъ этого злополучнаго путешествія. Я здѣсь опредѣлю ее въ трояком отношеніи:

I. Съ этого времени я лучше сталъ понимать поэтовъ, описывающихъ съ натуры и по собственному опыту бури и другія опасности на морѣ (напр. Виргилій, Энеида, II). Авторовъ, описывающихъ подобные предметы, я читаю съ большимъ чувствомъ, а слѣдовательно, и съ большимъ удовольствіемъ: то, что они разсказываютъ, представляется мнѣ совершенно ясно. Сверхъ того— и это чего нибудь стоитъ — я какъ въ поэтахъ, такъ и въ авторахъ путешествій могу отличить правду отъ обыкновенныхъ преувеличеній.

II. Я научился цѣнить и уважать человѣческую силу. Четыре матроса, которые втеченіе своей четырехчасовой вахты въ ноябрѣ, не смѣли ни на одно мгновеніе сойти съ палубы, покрытой льдомъ, снѣгомъ и градомъ,—еще болѣе, которые при сильнѣйшей бурѣ, проливномъ дождѣ или мятели, въ непроглядную ночь должны были маневрировать, при лавировкѣ ежечасно измѣнять направленіе корабля, переставлять паруса, и если запутывался канатъ, лѣзть на высокую мачту, на которой буря мгновенно перекидывала ихъ по дугѣ болѣе чѣмъ въ 90 градусовъ, — такіе люди представляютъ зрѣлище, о которомъ только очевидецъ можетъ составить себѣ надлежащее понятіе. Я говорю—очевидецъ: можетъ быть, найдутся тысячи совершавшихъ болѣе опасныя морскія путешествія, но не наслаждавшихся этимъ ужаснымъ и величественнымъ зрѣлищемъ; они тогда страдали морскою болѣзнью и безъ памяти лежали въ своихъ койкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, учредители табели о рангахъ уже потому дѣйствовали разумно, что поставили моряка вообще ступенью выше — адмирала выше фельдмаршала, матроса—выше сухопутнаго солдата. Требуется ли отъ управляющихъ машиною, которую называютъ кораблемъ съ экипажемъ, относительно болѣе генія, смѣлости, знаній и присутствія духа, чѣмъ отъ управляющихъ машиною, называемою полкомъ?—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Съ тѣхъ поръ вы-

раженіе: этотъ человѣкъ сносливъ какъ лошадь, стало казаться мнѣ неимѣющимъ смысла; наоборотъ: желая похвалить лошадь слѣдовало бы сказать: она сносйива, какъ человѣкъ.

III. Но вотъ еще важнѣйшее, по крайней мѣрѣ для меня: во время этого путешествія я началъ изучать очень полезное искусство «осваиваться со смертью». Я никому не желаю имѣть случай изучить это высокое искусство (commentatio mortis нѣкоторыхъ греческихъ философовъ, но не въ томъ и не въ такомъ практическомъ значеніи). Первые опыты, даже счастливо пережитые, производятъ, смотря по характеру, совершенно противоположныя дѣйствія. Нѣкоторые вслѣдствіе этого на всю жизнь становятся боязливы до трусости и съ тѣхъ поръ начинаютъ со страхомъ избѣгать того спеціальнаго рода опасностей, который однажды грозилъ имъ смертью. Такъ, я знаю людей, которые, дрожа, избѣгаютъ собакъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ случилось подвергнуться ихъ нападенію; или такихъ людей, которыхъ послѣ паденія съ лошади съ опасностью, что она ихъ поволочетъ, или послѣ паденія изъ кареты нельзя было уговорить какъ сѣсть на лошадь, такъ и въ карету. Напротивъ того, другіе, перенесши первыя испытанія безъ неизгладимыхъ дурныхъ послѣдствій, хотя становятся осторожнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлѣе. Перенесенная опасность закаливаетъ ихъ мужество и внушаетъ имъ увѣренность въ побѣдѣ надъ новою опасностію. Они остаются среди опасности хотя не съ полнымъ присутствіемъ духа, но съ тѣмъ спокойствіемъ, которое необходимо, чтобы въ рѣшительную минуту мгновенно пріискать средство къ спасенію и тутъ же употребить его въ дѣло. Еще другой выигрышъ: англичанинъ Броунъ (Brown) замѣчаетъ, что азіатецъ значительно больше наслаждается своею жизнью, потому что не дорожитъ ею такъ, какъ европеецъ. Броунъ правъ: счастливѣйшій человѣкъ не можетъ вполнѣ наслаждаться жизнью, если ему, какъ Людовику XI, мысль о смерти невыносима. Какъ тягостенъ для себя и для другихъ человѣкъ, который изъ заботливости о своей жизни, слѣдитъ за каждымъ измѣненіемъ въ своемъ тѣлѣ и боязливо наблюдаетъ ихъ,—считаетъ удары пульса и словно

ведетъ протоколъ часамъ сна и другимъ отправленіямъ! (Такіе люди существуютъ, напр. Адамъ Берндтъ). Счастливъ онъ, когда научится мало цѣнить бѣдную человѣческую жизнь,

quam totus homuncio *nil* est!

когда ему позже и раньше до нѣкоторой степени однозначуще. Это можетъ быть только вслѣдствіе часто испытываемыхъ опасностей; онѣ внушаютъ ему то спокойствіе, которое на столько же отстоитъ отъ азіатской тупости, какъ и отъ героизма мечтателя, и побуждаютъ къ дѣйствіямъ, имѣющимъ какъ видъ, такъ и результаты дѣйствій истиннаго героизма, а потому имѣютъ туже цѣну. Человѣка, обладающаго такимъ равнодушіемъ, не могутъ поразить удары случая, ни даже несравненно чувствительнѣйшіе удары человѣческой несправедливости: non potest *cogi*, qui didicit *mori*.—Не слѣдуетъ забывать, что были случаи, когда человѣкъ избѣгалъ смерти потому, что считалъ ее пустякомъ.

Втеченіе 58 лѣтъ, на сколько припоминаю, жизнь моя подвергалась опасности чаще, чѣмъ, можетъ быть, это думаютъ (кромѣ тѣхъ случаевъ, о которыхъ здѣсь упомянуто); нѣсколько разъ я испытывалъ смертельный страхъ, когда дѣло шло о моей собственной жизни или о жизни кого нибудь другаго, равно для меня дорогой. И какое же вѣроятное слѣдствіе этого? Я не думаю, чтобъ я подписался въ Бурбаумѣ... или въ Наумбургѣ... (я развѣ въ глухомъ лѣсу, окруженный убійцами, безъ свидѣтелей).

ГЛАВА III.

Первыя впечатлѣнія Петербурга.

22 ноября 1761 — январь 1762.

12.

Никогда молодой человѣкъ, въ первый разъ оставляющій свою родину, или еще болѣе, родительскій кровъ, не долженъ ввѣряться первымъ впечатлѣніямъ, производимымъ на него новою

страною, къ которой онъ пристаетъ. Если онъ, оставивъ любезную университетскую свободу, становится въ зависимость отъ начальника, хотя только въ оффиціальномъ отношеніи, или въ несравненно тягостнѣйшую домашнюю зависимость отъ какого нибудь семейства, то онъ дѣлается прежде всего неловокъ и только мало-по-малу, рано или поздно, смотря по тому, какова его голова и сердце и каково его воспитаніе, научается примѣняться къ своему положенію. До того его взглядъ будетъ ошибоченъ, часто до смѣшнаго.

Я уже перешелъ оба эти тяжелые періода: во-первыхъ, переходъ изъ родительскаго дома къ университетской независимости, 16-ти съ половиною лѣтъ отъ роду, въ 1751 году, когда я прибылъ въ Виттенбергъ, и во-вторыхъ — поступленіе въ домашнюю зависимость въ 1755 году, въ Стокгольмѣ. Нынѣ, на 27 году жизни, при нѣсколько большемъ знаніи свѣта и людей, которое я не дешево купилъ, новизна, на которую я наталкивался, менѣе поражала меня, но я уже правильнѣе наблюдалъ ее.

13.

Первое вступленіе мое въ домъ Миллера, не за долго до обѣда, было мнѣ пріятно. Это былъ большой, обширный кирпичный домъ, на берегу Невы, въ 13 линіи Васильевскаго острова; здѣсь все давало знать если не о роскоши, то о счастливомъ благосостояніи. Миллеръ держалъ хорошій нѣмецкій столъ, имѣлъ даже экипажъ: какъ профессоръ, исторіографъ и секретарь своей Академіи, онъ получалъ 1700 рублей въ годъ, и однако не имѣлъ долговъ, — что и тогда, до появленія бумажныхъ денегъ, было рѣдкостію въ этомъ классѣ людей въ Петербургѣ.

Миллеру было тогда 56 лѣтъ отъ роду; онъ былъ картинно красивъ, поражалъ высокимъ ростомъ и силой; — это выгнало его изъ родины, прусской Вестфаліи, гдѣ онъ подвергался вѣчнымъ преслѣдованіямъ прусскихъ вербовщиковъ. Даже шесть лѣтъ спустя, когда онъ, въ качествѣ русскаго профессора, путешествовалъ по Германіи, его, какъ онъ самъ со смѣхомъ и са-

удовольствомъ мнѣ разсказывалъ, на всѣхъ прусскихъ станціяхъ спрашивали, не желаетъ ли онъ вступить въ службу. — О характерѣ его уже въ первыя недѣли я составилъ себѣ понятіе, которое послѣ продолжительныхъ сношеній съ нимъ мнѣ не пришлось измѣнять. Онъ могъ быть чрезвычайно веселъ, нападалъ на остроумныя, причудливыя мысли и давалъ колкіе отвѣты; изъ маленькихъ глазъ его выглядывалъ сатиръ. Въ его образѣ мыслей было что-то великое, правдивое, благородное. Въ отношеніи достоинства Россіи, которая имъ до сихъ поръ очень пренебрегала, онъ былъ горячій патріотъ, и въ сужденіяхъ о недостаткахъ тогдашняго правительства, которыхъ никто лучше его не зналъ, былъ крайне сдержанъ. И этотъ достойный человѣкъ, оказавшій такъ много услугъ Россіи, послѣ тридцатишестилѣтней службы былъ только профессоромъ. Конечно, онъ не умѣлъ пресмыкаться — а кто тогда могъ подняться вверхъ, не пресмыкаясь? Къ тому присоединилась еще другая причина — необыкновенная вспыльчивость. Этотъ недостатокъ своего темперамента онъ не научился укрощать, не смотря на непріятныя столкновенія, которыя имѣлъ въ Академіи по возвращеніи изъ Сибири; кажется, что при глубокомъ сознаніи своего достоинства и недостоинства своихъ преслѣдователей, отъ этихъ непріятностей онъ еще болѣе озлоблялся. Онъ пріобрѣлъ множество сильныхъ, тайныхъ и явныхъ, враговъ между товарищами желаніемъ господствовать, а между подчиненными своею суровостью. На литературномъ поприщѣ онъ былъ то же, что фельдмаршалъ Минихъ на военномъ (и также былъ вознагражденъ). Онъ самъ былъ неутомимый работникъ, во всемъ исполнителенъ и точенъ, и хотѣлъ заставить другихъ обладать тѣми же качествами и въ той же степени. Каждый свой проектъ онъ хотѣлъ провести, во что бы то ни стало, потому что считалъ его хорошимъ, что впрочемъ въ большей части случаевъ было справедливо. И этотъ вспыльчивый человѣкъ, предъ которымъ часто дрожали даже его начальники, никогда втеченіе трехъ съ половиною лѣтъ не обнаруживалъ вспыльчивости въ отношеніи меня, своего подчиненнаго, не смотря на мно-

жество столкновеній. Да будетъ мнѣ позволено гордиться этимъ; ибо я предполагаю, что я заслужилъ это исключеніе не робкою уступчивостію, но основательностію и скромностію противорѣчія. По этому онъ въ моихъ глазахъ остался достойнымъ не только уваженія, но и любви. Еслибы онъ сошелся со мною только въ одномъ пунктѣ — въ страсти къ путешествіямъ, я бы охотно прожилъ съ нимъ полжизни, и кто знаетъ, можетъ быть, я сдѣлался бы его зятемъ.

Жена его была вдова нѣмецкаго хирурга въ Сибири; она съ необыкновенною заботливостію ухаживала за Миллеромъ, когда онъ смертельно заболѣлъ во время путешествія по Сибири. Но онъ женился на ней не изъ одной благодарности: она была во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная женщина, притомъ безпритязательная, и отличная хозяйка. У нея было только то несчастіе, что она плохо слышала и при извѣстномъ состояніи погоды не могла бесѣдовать съ другими безъ помощи слуховаго инструмента.

Дѣти у него были: добрая, кроткая падчерица, лѣтъ двадцати, которая, четыре года спустя, вышла за мужъ за капитана Шлюсселя, изъ Лифляндіи; маленькая родная дочь и двое сыновей, одинъ 13-ти, другой 8-ми лѣтъ, которые, кажется, не наслѣдовали ума отца.

Прислуги въ домѣ шлялось много: кучеръ — русскій; ключница — шведка; крѣпостная финляндка (русской прислуги иностранцы, за исключеніемъ фабрикантовъ, не имѣли права покупать, но финновъ могли) и еще другія русскія женщины, нѣкоторыя изъ нихъ съ дѣтьми.

Кромѣ того я нашелъ въ домѣ двухъ пансіонеровъ, молодыхъ, богатыхъ Кондоиди, опекуномъ которыхъ былъ Панинъ, вмѣстѣ съ ихъ гувернеромъ, магистромъ Урсиномъ, изъ Финляндіи; еще студента изъ Гольштиніи N—г, который училъ младшаго сына Миллера, и впослѣдствіи короткое время былъ аудиторомъ при гольштинскихъ войскахъ Петра III; да сверхъ того третьяго нѣмецкаго студента, имени котораго и занятій въ домѣ не помню. — Какимъ образомъ составилось въ домѣ Миллера это собраніе

иностранныхъ студентовъ (къ которымъ сперва присоединился я, четвертый, а вскорѣ потомъ Бакмейстеръ, пятый) стоитъ разсказать къ истинной чести этого благороднаго человѣка.

Стремленіе изъ Германіи въ Россію, преимущественно студентовъ, въ то время (1760 г.) было особенно сильно. Эти дураки представляли себѣ, что нигдѣ нельзя легче составить карьеру, какъ въ Россіи; многимъ изъ нихъ мерещился тотъ выгнанный изъ Іены студентъ богословія (Остерманъ), который впослѣдствіи сдѣлался русскимъ государственнымъ канцлеромъ: всѣ старались по крайней мѣрѣ куда нибудь пристроиться, но это именно затруднялось сильною конкуренціею. Нѣкоторые прибывали не только безъ рекомендацій и аттестатовъ, но и съ послѣднимъ червонцемъ въ карманѣ: и вотъ въ дорогомъ городѣ имъ приходилось жить по цѣлымъ мѣсяцамъ и выжидать. Въ крайнемъ бѣдствіи они обыкновенно обращались къ великодушному земляку своему, Миллеру, который былъ уже извѣстенъ съ этой стороны. Онъ ихъ бралъ къ себѣ въ домъ, кормилъ ихъ и, чтобы познакомиться съ ними, давалъ имъ различныя занятія, переписываніе и. т. п. При этомъ онъ всегда надѣялся попасть на человѣка, которому могъ бы предоставить участіе въ своихъ занятіяхъ, и въ случаѣ, если они не отвѣчали его требованіямъ, онъ доставлялъ имъ мѣста домашнихъ учителей, или же они сами, съ теченіемъ времени, находили почву, гдѣ ростетъ хлѣбъ. Такимъ образомъ они часто втеченіе четверти года пользовались готовою квартирою и столомъ. Еслибы не безпримѣрная доброта Миллера, то не одному изъ нихъ пришлось бы дойти до отчаянія.

14.

И такъ, вотъ мои первыя знакомства. Каждое изъ нихъ было въ своемъ родѣ пріятно, а нѣкоторыя даже интересны. Уже въ первыя недѣли я замѣтилъ, что живу въ особенномъ, новомъ мірѣ. Позвольте мнѣ предварительно привести нѣсколько примѣровъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ очень незначительны. Вообще я замѣтилъ въ людяхъ что-то открытое, нестѣсненное, довѣрчивое;

уже это составляло прiятный контрастъ съ натянутостью, жеманствомъ и чопорностью, что у обитательницъ маленькихъ городовъ называется тонкостiю манеръ и придворнымъ тономъ. — Въ нашемъ домѣ говорили постоянно на четырехъ языкахъ: на нѣмецкомъ, русскомъ, финскомъ и шведскомъ. Крѣпостной четырнадцатилѣтнiй мальчикъ говорилъ свободно и правильно на первыхъ трехъ, не смѣшивая ихъ. Къ этому присоединялся часто пятый, французскiй, потому что изъ толпы иностранцевъ, прибывавшихъ въ Петербургъ изъ всѣхъ частей Европы не было ни одного, имѣющаго какое либо значенiе, кто бы не посѣтилъ знаменитаго Миллера. Не упоминаю о многихъ иностранныхъ посланникахъ, которые пользовались назидательнымъ знакомствомъ съ этимъ человѣкомъ. Со всѣми ими разговорнымъ языкомъ обыкновенно былъ французскiй. — Я видѣлъ въ домѣ шестимѣсячнаго ребенка, ползущаго вверхъ по высокой лѣстницѣ,—и никто этому не удивлялся. Однажды въ воскресенье спросили одну изъ русскихъ прислужницъ, почему она такъ рано возвратилась изъ церкви; она отвѣчала, что «попъ такъ былъ пьянъ, что не былъ въ состоянiи служить», — этому тоже никто не удивлялся, и. т. д.

При тѣхъ многочисленныхъ новыхъ явленiяхъ, которыя я замѣчалъ непосредственно вокругъ себя, я естественно горѣлъ желанiемъ узнать и далѣе новую страну, куда былъ занесенъ. Но конецъ моимъ путевымъ несчастiямъ еще не насталъ. Я долженъ былъ выдержать цѣлыя шесть недѣль домашняго ареста. Причиною тому была самая мелочь. Чтобы убить время на кораблѣ и притомъ доставить себѣ здоровое движенiе, мы иногда, когда наши трубачи не играли и мы не потѣшались обезьянами, занимались очень нехитрою игрою. На палубѣ чертился мѣломъ большой четыреугольникъ, дѣлился на девять маленькихъ, и въ нихъ съ нѣкотораго разстоянiя бросали свинцовый кругъ, вдвое больше талера; смотря по тому, въ который четыреугольникъ онъ попадалъ, уменьшался или увеличивался проигрышъ и выигрышъ. Однажды невѣрно брошенный кружокъ попалъ мнѣ въ лодыжку; крови шло не много, а потому я не обратилъ на рану

вниманія и продолжалъ носить бумажные чулки. Въ Петербургѣ, нашъ домашній врачъ, др. Энсъ, нашелъ рану серьозной, потому что она была на самой лодыжкѣ, и запретилъ мнѣ выходить. Четыре недѣли она не закрывалась; и послѣ того я еще долженъ былъ рѣшиться втеченіе болѣе двухъ недѣль часто четыре часа сряду сидѣть безъ движенія на диванѣ, положивъ больную ногу на стулъ.

15.

Этотъ долгій арестъ былъ мнѣ крайне непріятенъ; но онъ имѣлъ и свою хорошую сторону. Вслѣдствіе его я ближе сошелся съ семействомъ и всѣмъ домашнимъ кругомъ; притомъ болѣзнь не мѣшала мнѣ работать, а потому я тотчасъ же принялся за работу, которая шла безъ перерывовъ, а вслѣдствіе того успѣшно. Моя комната была большая свѣтлая зала; окнакожъ я въ ней не зябъ: сажень дровъ тогда стоила еще только 1 р. 20 копѣекъ.— Къ сожалѣнію въ домѣ были клопы, отъ которыхъ пансіонеры не имѣли покоя даже въ своихъ желѣзныхъ кроватяхъ, отставленныхъ отъ стѣны; но ко мнѣ во время всѣхъ моихъ путешествій ни одинъ клопъ не коснулся. Обѣдалъ и ужиналъ я вмѣстѣ съ семействомъ; утромъ и послѣ обѣда (когда большею частью бывали гости) я почти всегда пилъ съ ними чай. Тутъ больше всѣхъ говорили Миллеръ и я. У насъ было столько сообщить другъ другу!

Миллеръ — и это очень естественно — на цѣлыя тридцать лѣтъ отсталъ отъ нѣмецкой литературы. Вѣроятно, онъ до 1725 года пріобрѣлъ хорошія основанія особенно въ классической литературѣ у своего отца, ректора въ Герфордѣ; но по выше сказанной причинѣ не могъ окончить курса въ Лейпцигѣ; пребываніе же въ Петербургѣ съ 1725 года, а еще болѣе десятилѣтніе разъѣзды по Сибири (съ 1733—1743) на протяженіи 4480 нѣмец. миль, — стерли все до чиста. Въ немъ сохранилось только глубокое уваженіе ко всему, что называлось литературою. Можетъ быть, онъ долгое время не находилъ человѣка, съ которымъ могъ

бы поговорить объ этомъ и который былъ бы въ состояніи пополнить пробѣлы; я же вышелъ изъ одного изъ главныхъ источниковъ, Гёттингена, — вотъ первая причина его чрезмѣрнаго — сказать ли мнѣ: расположенія? — или даже уваженія ко мнѣ.

Къ этому присоединялась вторая причина: погруженный въ древнюю русскую исторію, тѣсно связанную съ сѣверо-скандинавскою, онъ давалъ послѣдней большое значеніе; но не зналъ по-шведски и былъ мало знакомъ съ шведскою литературою, которая именно въ то время, особенно въ области исторіи, благодаря трудамъ Ире, Стіернмана, Бринга, была поднята на блистательную высоту. И тутъ онъ былъ мнѣ радъ, и тутъ къ величайшему его восхищенію, я могъ сообщить ему самыя живыя новости.

И еще третья причина: въ послѣдніе три мѣсяца въ Гёттингенѣ съ усиленнымъ прилежаніемъ готовился я къ путешествію въ Россію и узналъ почти все главное, что объ этомъ государствѣ можно было тогда узнать внѣ его предѣловъ. И такъ я зналъ то, чего я *не* зналъ, и умѣлъ спрашивать (особенное искусство), чѣмъ давалъ Миллеру поводъ изливать во всѣхъ нашихъ разговорахъ свое неисчерпаемое богатство свѣдѣній о Россіи; онъ этому радовался, а я удивлялся. (Впослѣдствіи будетъ упомянуто о четвертой причинѣ — моей любви къ труду, равной его, и о пятой — легкости, съ которой я учился по-русски).

Такимъ образомъ прошло только восемь дней со времени нашего знакомства, какъ я въ силу одной статьи нашего контракта, изъявилъ желаніе начать занятія съ его старшимъ сыномъ. «Еще будетъ время, отдохните прежде», сказалъ Миллеръ. Черезъ три недѣли я опять напомнилъ объ этомъ. «Вы для этого слишкомъ хороши», сказалъ мнѣ человѣкъ, у котораго колкости говорились легче, чѣмъ любезности. Могъ ли я не полюбить его?

16.

Канунъ Рождества (стар. ст.) 1761 года былъ послѣднимъ днемъ, въ который я смотрѣлъ на Петербургъ сквозь двойныя

плотно заклееныя окна. Въ первый день Рождества я вышелъ и прямо отправился въ домъ не задолго передъ тѣмъ умершаго нѣмецкаго пастора на моемъ островѣ, д-ра Мейнтельса, моего земляка изъ Франконіи. Еслибы я нашелъ въ Петербургѣ знакомыхъ, то они первые посѣтили бы меня. Другъ, живущій на мѣстѣ, первый посѣщаетъ уставшаго съ дороги пріѣзжаго (а не наоборотъ) и предлагаетъ ему свои услуги — всеобщій, очень благоразумный петербургскій этикетъ.

На этихъ дняхъ стало извѣстно о смерти Императрицы. Какъ будто мнѣ было предназначено находиться въ разныхъ государствахъ и мѣстностяхъ именно въ то самое время, когда тамъ совершаются великія событія! Въ 1756 году въ Стокгольмѣ я былъ свидѣтелемъ обезглавленія графа Браге и его сообщниковъ за неудавшуюся революцію. Въ Гёттингенѣ я въ 1760 году вмѣстѣ съ другими выдержалъ блокаду. Въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ моего пріѣзда, 1761 г. произошла перемѣна правителя, за которой, шесть мѣсяцевъ спустя, въ 1762 году, послѣдовала другая, несравненно важнѣйшая. Въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Людовика XV, въ 1774 году, я уже слышалъ въ Парижѣ, въ оффиціальныхъ кругахъ, громкіе вздохи и проклятія угнетенной націи — предвѣстники того, что совершилось пятнадцать лѣтъ спустя. Въ 1782 году я уѣхалъ изъ Рима на другой день послѣ отъѣзда Папы въ Вѣну, составившаго эпоху для папства. Этимъ оканчиваются мои личныя историческія наблюденія. Съ этихъ поръ уже восемнадцать лѣтъ я томлюсь надъ газетами, умозрѣніями и воспоминаніями прошлаго.

Миллеръ ни однимъ словомъ не высказался предо мною ни объ окончившемся, ни о начинающемся правленіи; но никто лучше его не зналъ ни того, ни другаго. Только объ Екатеринѣ II онъ началъ говорить, выражая свой энтузіазмъ: онъ нѣсколько разъ говорилъ съ нею, когда она была великою княгинею, и удивлялся ея ученымъ свѣдѣніямъ о Россіи. Иные радовались, что наконецъ снова взошелъ на престолъ императоръ и дамскому правленію конецъ. Однако въ первые же дни съ глазу на глазъ подсмѣивались надъ тѣмъ, что Петръ III приказалъ принести себѣ изъ

академическаго музеума офицерскій знакъ Великаго Петра и отличался другими подобными мелочами.

Нынѣ усопшая Елисавета, по мнѣнію знатоковъ, видѣвшихъ ее принцессою, была одна изъ совершеннѣйшихъ красавицъ своего времени. Одинъ нѣмецкій профессоръ, Коль, при видѣ ея сошелъ съ ума и былъ отправленъ въ Гамбургъ, гдѣ онъ опять пришелъ въ себя. Она дышала страстью и въ ея обращеніи выражалась благосклонность и грація; но ея правленіе было одно изъ несчастнѣйшихъ въ этомъ столѣтіи и имѣло поразительное сходство съ царствованіемъ Людовика bien-aimé. Все, что создалъ Великій Петръ и Анна сохранила при содѣйствіи своихъ нѣмцевъ, въ ея царствованіе рушилось (за исключеніемъ сухопутнаго войска). Флотъ, финансы и въ особенности юстиція въ послѣднія десять лѣтъ ея жизни пришли въ ужаснѣйшее состояніе. Собственно неограниченно правилъ Петръ Шуваловъ, еще болѣе неограниченно, чѣмъ въ свое время Потемкинъ; и еслибы онъ во время смерти Елисаветы самъ не былъ при смерти боленъ, то Петръ III, къ счастію своему, никогда не взошелъ бы на русскій престолъ. Еслибы мои раздоры съ Ломоносовымъ случились въ періодъ правленія этихъ обоихъ лицъ (Елисаветы и Шувалова), то въ какой изъ сибирскихъ степей была бы моя могила?

Въ своемъ Untersuch. über Russlands Reichs-Grundgesetze, S. 57, я глухо коснулся того, почему Елисавета не сдѣлалась императрицей уже въ 1730 году, по смерти Петра II. Причиною тому было то, что въ то время она лежала въ родахъ (слышано отъ Миллера).

ГЛАВА IV.

Мои первыя занятія въ Петербургѣ.

От ноября 1761 до января 1762.

17.

Теперь первою моею заботою было A) учиться русскому языку; второю B) помогать Миллеру при изданіи его собранія матеріаловъ о Россіи позднѣйшихъ временъ; это я могъ сдѣлать и не научившись еще по-русски, потому что множество его рукописей было на нѣмецкомъ языкѣ; третьею заботою было C) предаться изученію древней русской исторіи и читать лѣтописи; но для того нуженъ былъ еще одинъ языкъ — древній славянскій.

18. A.

Я освѣдомился объ учителѣ русскаго языка. «Такого вы здѣсь не найдете, какой вамъ нуженъ», сказалъ Миллеръ. Я спросилъ о пособіяхъ. И въ этомъ отношеніи была тогда невѣроятная скудость, не смотря на то, что уже 37 лѣтъ существовала богато надѣленная Академія, которая должна была распространять въ народѣ образованіе и сношенія съ другими просвѣщенными націями.

Русской грамматики Грёнинга на шведскомъ языкѣ (Стокгольмъ, 1750 г. 4°, 308 страницъ) у меня тогда не было и я даже не зналъ о ней. Ломоносова грамматика (Петербургъ, 1755 г. 8°, 212 страницъ) существовала только по-русски, а потому для перваго начала была мнѣ непригодна; въ нѣмецкомъ переводѣ она явилась только въ 1764 г. въ Петербургѣ, 8°. И такъ, въ этой крайности, моимъ единственнымъ пособіемъ была грамматика, заключающаяся на 48 страницахъ 4°, предпосланная нѣмецко-латинско-русскому лексикону Вейсмана (напечат. при Академіи, 1731, 4°, 788 страницъ).

Теперь словарь. — Выше упомянутый словарь Вейсмана не приносилъ мнѣ никакой пользы, потому что въ немъ нѣмецкія слова предшествовали русскимъ. Мнѣ указали одинъ Cellarius [1]), въ которомъ при латинскихъ словахъ, стоявшихъ на первомъ мѣстѣ, помѣщены были русскія, а въ концѣ русскія слова въ алфавитномъ порядкѣ со ссылками на страницы, на которыхъ можно было отыскать ихъ значеніе. Оба эти жалкія пособія доставилъ мнѣ Миллеръ. Теперь вопросъ заключался въ томъ, какую книгу начать переводить. При другихъ живыхъ языкахъ моимъ правиломъ было начинать учиться читать и переводить по государственнымъ календарямъ. Не многіе учителя языковъ знаютъ, какъ хороши для этого календари; но русскаго государственнаго календаря тогда еще не было; а потому я тотчасъ же долженъ былъ приняться за болѣе трудное. Я избралъ книгу, которая интересовала меня своимъ содержаніемъ и притомъ, какъ переводъ, могла быть обращена въ деньги у нѣмецкаго издателя: я назвалъ Миллеру недавно напечатанную при Академіи (1755 г. 4⁰, 438 и 319 страницъ), но уже знаменитую за границею книгу: Крашенинникова описаніе Камчатки. «Это не пойдетъ такъ скоро», насмѣшливо отвѣчалъ мнѣ Миллеръ, «начните съ болѣе легкой книги.» (Въ то время, какъ Миллеръ учился, латынь вездѣ начинали съ Corderi или Langii colloquiis). Между тѣмъ я скромно настаивалъ, чтобы мнѣ позволено было сдѣлать по крайней мѣрѣ опытъ на этой книгѣ; и онъ далъ мнѣ ее, видимо, чтобъ только подразнить меня.

Я принялся за предисловіе, которое Миллеръ написалъ къ этому сочиненію по смерти автора, и надѣялся, что оно будетъ мнѣ не такъ трудно, потому что оно переведено съ нѣмецкаго и наполнено германизмами. Но Миллеръ писалъ такими періодами, что Моисей и Геродотъ такъ не умѣли, и первый же періодъ былъ

---

[1]) Целларій — составитель латинской грамматики и словаря, употреблявшихся въ нѣмецкихъ школахъ въ прошломъ столѣтіи. Обѣ эти книги были обработаны и на русскомъ языкѣ.

перепутанъ придаточными предложеніями (коль ни — однако). Самъ Миллеръ не могъ мнѣ объяснить этого *ни* (напомнилъ бы онъ мнѣ только о cunque, libet, vis въ quicunque, quidvis). Но тотчасъ же въ слѣдующихъ предложеніяхъ дѣло пошло. Изъ жалкой моей грамматики и еще болѣе жалкаго Cellarius я многое удачно разобралъ. Я записывалъ то, чего не могъ добиться, и каждое утро сходилъ внизъ къ чаю со спискомъ вопросовъ. Не прошло недѣли, какъ Миллеръ уже сталъ удивляться. Не только съ охотою, но съ видимымъ удовольствіемъ отвѣчалъ онъ на всѣ мои вопросы. Такимъ образомъ я бодро подвигался впередъ. На четвертую недѣлю онъ уже говорилъ о prodigio, и разсказывалъ о мнимомъ чудѣ не только Тауберту, но и нашему домашнему врачу, оспопрививателю, д-ру Энсу, ежедневно посѣщавшему меня по случаю болѣзни ноги. Послѣдній по секрету спросилъ однажды Миллера, не imbecille ли я, у котораго, вѣроятно, вовсе нѣтъ judicio, потому что у меня такая чудовищная memoria.

19.

Чѣмъ далѣе я уходилъ въ Камчатку, тѣмъ болѣе умножались вопросы. Для техническихъ выраженій я вовсе не могъ пользоваться моимъ Cellarius; Миллеръ былъ моимъ живымъ лексикономъ. Этотъ любезный человѣкъ не уставалъ отвѣчать, скорѣе я уставалъ спрашивать. Осаждаемый моими безпрестанными жалобами, онъ однажды неожиданно обрадовалъ меня рукописью, которую привезъ въ каретѣ изъ Академіи домой и приказалъ втащить въ мою комнату. Эта рукопись, in folio, по точному счету, заключала въ себѣ 781 листъ или 34 алфавита [1]), была настоящій русскій Cellarius, въ которомъ всѣ слова были поставлены подъ своими, конечно, часто очень неправильными корнями, съ латинскимъ значеніемъ; онъ былъ чрезвычайно полонъ даже въ

[1]) Въ прошломъ столѣтіи, а въ нѣкоторыхъ типографіяхъ и нынѣ принято означать порядокъ листовъ въ книгѣ не цифрами, а буквами; отсюда выраженіе: два, три алфавита.

отношеніи къ естественноисторическимъ и другимъ техническимъ выраженіямъ. Авторъ его былъ Кириллъ Кондратовичъ [1]), человѣкъ не ученый, — но онъ зналъ однако по-латыни, а кто умѣлъ склонять mensa, тотъ уже считался тогда въ Петербургѣ ученымъ.

Какъ я обрадовался этой находкѣ! Но нестерпимо разгонистый почеркъ, а вслѣдствіе того затруднительное употребленіе рукописи (кипа бумаги была въ аршинъ высоты), отравило мою радость. Въ отчаяніи я началъ (18 января 1762 г.) переписывать in 4° слово въ слово это произведеніе — корни большимъ шрифтомъ, а производныя и составныя меньшимъ и болѣе сжатымъ. Я занимался этой тягостной работой, когда уставалъ отъ болѣе разумныхъ занятій, и (чтобы сразу покончить эту исторію) къ 12-му іюню у меня уже было готово 19 буквъ. Передъ Р и Т мнѣ стало страшно: въ оригиналѣ первая занимала 32, а вторая 98 листовъ. Только въ маѣ и октябрѣ слѣдующаго 1763 г. я превозмогъ себя. Остальныя шесть буквъ я окончилъ отъ 22 апрѣля до 27 іюля 1764 г., когда казалось, что моему пребыванію въ Россіи наступалъ конецъ. Теперь у меня былъ очень удобный лексиконъ: 34 алфавита in folio были сжаты въ три алфавита in 4°, съ широкими полями, на которыя впродолженіе 36 лѣтъ постоянно заносились этимологическія замѣчанія, исправленія, дополненія, сравненія и т. п.

Пусть другъ мой В — n не сравниваетъ меня болѣе съ Waisenhäuser, который, не знаю, изъ экономіи или изъ прихоти слово въ слово переписалъ греческій словарь Гедериха. Мой писанный квартантъ впродолженіе цѣлой четверти столѣтія былъ единственнымъ въ свѣтѣ русскимъ словаремъ, годнымъ къ употребленію. Такъ какъ онъ впослѣдствіи послужилъ случайнымъ поводомъ къ перевороту, который произвелъ въ моей

---

[1]) Не Кириллъ, а Киріакъ Кондратовичъ. О судьбѣ его труда см. *Матеріалы для біографіи Ломоносова*, собр. Билярскимъ, стр. 94 и 147.

судьбѣ графъ Влад. Орловъ, то онъ сдѣлался еще болѣе для меня интересенъ [1]).

Въ то время французское правительство держало въ Петербургѣ молодаго человѣка St. Prê съ исключительною цѣлью учиться по-русски. Съ позволенія Миллера, слѣдуя моему примѣру, онъ также началъ переписывать словарь; но успѣлъ ли онъ кончить, какъ я, не знаю. Я встрѣтилъ его въ 1774 году въ Парижѣ, въ кругу его любезнаго семейства, которое оказало мнѣ много доброжелательства. Конечно, во всемъ королевствѣ не было человѣка, знавшаго болѣе его по-русски; однако тогдашнее правительство не пользовалось его знаніемъ: у него не было покровителей!

20.

Когда Миллеръ, по прошествіи восьми недѣль моего пребыванія въ Россіи, показалъ Тауберту первый переведенный мною указъ, то онъ возбудилъ большое, почти до смѣшнаго доходившее удивленіе (см. выше стр. 34). Моя гёттингенская нѣмецкая рѣчь также понравилась; она была по крайней мѣрѣ лучше доГотшедовскаго петербургскаго нѣмецкаго языка, которымъ писали должностные переводчики.

Русскій языкъ казался мнѣ труднѣе всѣхъ, которые я до тѣхъ поръ изучалъ; однако въ короткое время я преодолѣлъ главныя его трудности — прошу замѣтить, что только въ такой мѣрѣ, чтобы понимать, но не писать, а тѣмъ менѣе говорить на немъ. Вообще при этомъ мнѣ принесли большую пользу мои предъидущія занятія языками. Я изучилъ грамматически до пятнадцати

---

[1]) Графъ Влад. Григорьевичъ Орловъ, назначенный 5 окт. 1766 г. директоромъ Академіи, былъ прямымъ виновникомъ паденія Тауберта. Это событіе имѣло весьма важное значеніе для Шлецера: онъ лишился почти единственнаго своего покровителя и защитника, и съ этихъ поръ началъ помышлять о томъ, чтобы оставить Россію, тѣмъ болѣе, что ему оставалось служить только три года по условію; и дѣйствительно, 1 сент. 1767 г. уѣхалъ въ отпускъ въ Германію на полтора года;—но какую роль игралъ въ этихъ событіяхъ словарь Кондратовича, нигдѣ не объяснено. (A. L. v. Schlözers öffentliches und privatleben . . . von Chr. v. Schlözer, Leipzig, 1828, S. 104 и слѣд.).

языковъ, если считать нижне-нѣмецкое нарѣчіе и халдейскій языкъ отдѣльными языками; а чѣмъ большее количество языковъ знаешь, тѣмъ легче изучаются другіе: ихъ особенности болѣе не поражаютъ, потому что вы ихъ уже гдѣ нибудь встрѣчали. Валахъ ставитъ членъ позади слова; это дѣлаетъ и шведъ; русское *apud me* est, замѣняющее нѣмецкое ich habe, есть латинское est mihi; греческое, шведское и русское medium и еврейское hitpaël взаимно разъясняютъ другъ друга; w арабы и британцы выговариваютъ одинаково; японское *a* въ названіи столицы Māko звучитъ совершенно какъ русское *я*... и. т. д. «Первыя стотысячь, сказалъ какой-то милліонеръ, мнѣ съ трудомъ достались; со слѣдующими 900 тысячами шло ужъ легче.»

При изученіи русскаго языка греческій (ахъ, какъ много я перезабылъ впродолженіе сорока лѣтъ) мнѣ особенно пригодился и притомъ двоякимъ образомъ. I. Есть что-то пугающее въ томъ, когда при изученіи новаго языка нужно изучать новый алфавитъ; отъ этого труда я по большей части былъ избавленъ: я зналъ греческія письмена тѣхъ столѣтій, когда копты и славяне заимствовали свою азбуку у византійцевъ (въ этомъ заключается причина сходства коптскихъ и древне-славянскихъ буквъ). Даже русская буква *ш*, простаго звука которой нѣтъ у грековъ, почему нѣтъ и буквы, была мнѣ уже извѣстна: составитель славянскаго алфавита обнаружилъ болѣе геніяльности, чѣмъ изобрѣтатель нѣмецкаго: онъ заимствовалъ у евреевъ ихъ ש. Итакъ изъ 40 древне-славянскихъ буквъ развѣ одна треть была мнѣ неизвѣстна. Греческій языкъ помогалъ мнѣ не только при чтеніи, но II. и при пониманіи. Всѣ русскія слова церковныя, которыхъ огромное множество, — греческія, какъ въ остальномъ христіанскомъ мірѣ латинскія; для самихъ русскихъ они звучатъ не по-славянски; но они не знаютъ, откуда они и что они первоначально значатъ. Въ 1773, 1776, 1779 годахъ Синодъ напечаталъ въ Москвѣ церковный словарь [1]) въ трехъ томахъ въ 396, 324,

---

[1]) Этотъ трудъ протоіерея Петра Алексѣева носитъ слѣдующее заглавіе: Церковный словарь, или истолкованіе рѣченій славянскихъ древнихъ також

299 страницъ въ большую осьмушку. На рѣдкой страницѣ не встрѣчается нѣсколько чисто греческихъ словъ, а сверхъ того попадаются цѣлые листы, усѣянные все такими словами; но издатели ничего не знаютъ о дю-Канжѣ и во всемъ изданіи не насчитаете и пятидесяти греческихъ буквъ. Остальнымъ я обязанъ той методѣ изученія языковъ, на которую я самъ напалъ, когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, но которую впослѣдствіи усовершенствовали Гиллеръ въ Виттенбергѣ и Геснеръ, а въ особенности Михаэлисъ въ Гёттингенѣ,—веселой методѣ, которая мышленіемъ ведетъ далѣе, чѣмъ памятью, и того, кто способенъ думать, избавляетъ отъ тупаго прилежанія. Молодые читатели, можетъ быть, найдутъ кое-что не общеизвѣстное, если я имъ опишу эту методу.

a) Съ одиннадцати лѣтъ я учился еврейскому языку и вслѣдствіе того набилъ себѣ голову коренными словами. Впослѣдствіи мнѣ пришло въ голову, что, вѣроятно, и въ другихъ языкахъ можно найти подобную генеалогію словъ, и что повидимому самыя различныя значенія должны имѣть одну соединительную точку. Такъ я ломалъ голову надъ alt и Eltern, trübe и betrüben, fünf и Finger, *pecus* и *pecunia*, *pes* и *impedio*, *jacio* и *conjectura*, *servus* и *servare*, *calamus* и *calamitas*, *video* и *invideo*, *venio* и *invenio*, *αλφεσιβοια* boum inventrix и проч. и проч.

У многихъ я угадывалъ соединительный пунктъ или основное значеніе и съ тѣхъ поръ во всѣхъ языкахъ охотился за корнями. Когда я узнавалъ въ новомъ языкѣ сто корней, то четыреста производныхъ (а еще болѣе сложныхъ, см. ниже) стоили мнѣ не много новаго труда: не раскрывая лексикона, я угадывалъ ихъ значеніе или по крайней мѣрѣ очень легко запоминалъ его. По этой корнесловной методѣ я сталъ учиться русскому. Вообще запоминать корни тягостная работа памяти; но мое знакомство съ другими языками почти избавило меня и отъ этого труда. Я скоро

иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ свящ. писаніе и другихъ церковныхъ книгахъ. Самое заглавіе объясняетъ, почему сюда должно было войти такое множество греческихъ словъ.

замѣтилъ, что изъ 10 русскихъ (или славянскихъ) коренныхъ словъ навѣрное девять находятся или въ нѣмецкомъ, или въ латинскомъ, или въ греческомъ, или даже во всѣхъ трехъ и что первоначальное ихъ тождество можетъ быть доказано по точнымъ правиламъ безъ ребячески-насильственной этимологіи. Обо всѣхъ этихъ хитростяхъ Миллеръ ничего не зналъ. Хотя онъ и соглашался, что Nacht, natt, nox, notte, nuit, νοξ, neight, ночь,—что ego, io, je, εγω, ich, ek, jag, я — одно и тоже слово, и что сходство между הר, ὄρος, польскимъ и русскимъ *góra* и *гора*, кажется, болѣе, чѣмъ простая случайность; хотя онъ признавалъ и удивлялся, какъ самъ не замѣтилъ, что славянинъ понятіе о нахожденіи выражаетъ точно также, какъ и римлянинъ: in-venio найти; но когда я серьозно увѣрялъ его, что viel и plurimus, finster и tenebrae происходятъ отъ одного корня (первыя черезъ посредствующія слова πολυς и шведское flere, вторыя черезъ древне-германское *thinster* и славянское *тьма)*, то онъ выходилъ изъ себя и бранилъ меня Рудбекомъ. Не помогало даже слѣдующее извѣстное доказательство: еслибъ онъ своего недѣльнаго крестника увидѣлъ черезъ двадцать лѣтъ, то не нашелъ бы въ немъ и слѣда сходства, но было бы совсѣмъ другое, еслибы онъ видѣлъ его каждый годъ и наблюдалъ постепенныя измѣненія, происходившія въ короткіе промежутки времени. Результатомъ моей методы корней *) было то, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я усвоилъ большинство русскихъ корней, всѣ славянскія нарѣчія—польское, чешское, кроатское, лужицкое и проч. стали доступны. Во всѣхъ ихъ коренныя слова одни и тѣ же; отклоненія въ флексіяхъ стоили мнѣ четырехъ недѣль изученія грамматики. И такъ, преодолѣвъ русскій языкъ, я увидѣлъ, что я въ тоже время узналъ четыре, пять другихъ языковъ, или по крайней мѣрѣ въ четыре недѣли могъ узнать.

---

*) которую, вѣроятно, никто не смѣшаетъ съ тѣмъ, что недавно предприняли Фульда въ нѣмецкомъ языкѣ и нѣкоторые голландскіе ученые въ греческомъ: они хотѣли найти первоначальные элементы, монады языка, что я почитаю мечтою.

b) Объ образованіи словъ я также много слышалъ въ еврейскомъ; напр. что приставка מ означаетъ мѣсто, окончаніе ם или ן усиливаетъ понятіе, и т. д. Я изучалъ *Simonis arcanum formarum* (Галле, 1735), соединилъ его идеи съ тѣми, которыя я извлекъ изъ сочиненій Ире въ примѣненіи къ шведскому, и перенесъ эти пріемы въ мою методу изученія русскаго языка. Нѣмецъ образуетъ hifil, но не всѣ глаголы къ этому способны: fallen fällen (fallen machen), sitzen setzen, dringen drengen, rauchen räuchern, wiegen wägen. Приставка er постоянно даетъ особенное значеніе: drücken erdrücken, kämpfen erkämpfen, schlagen erschlagen. Въ своей старой латинской грамматикѣ (новой я не знаю) я нашелъ опредѣленное замѣчаніе, что уменьшительныя образуются посредствомъ olus; но чтобы для окончаній or, osus, ivus, tas (actor, fructuosus, furtivus, securitas) были такія же общія правила, этого я не помню; но въ греческой грамматикѣ (Галле) такихъ правилъ не мало. Я надоѣдалъ Миллеру вопросами, что вообще значатъ такъ часто встрѣчающіяся русскія окончанія: ость, тель, ивъ, скій; онъ меня не понималъ: въ его университетскіе годы еще не было философіи языка; но онъ пересчиталъ мнѣ дюжину словъ съ одинаковыми окончаніями, вмѣстѣ съ ихъ значеніями; послѣ этого я самъ себѣ составилъ общее, хотя и темное понятіе.

c) Славянинъ, какъ всѣ европейцы (чего не дѣлаютъ евреи и проч.), часто составляетъ слова, а потому моей третьей заботой было научиться разлагать, въ особенности съ частицами. Опять чрезвычайное сбереженіе времени и труда. Если я (привожу латинскій примѣръ) знаю, что значитъ *pono* и что значитъ ex, prae, cum, trans, post, in и т. д., то мнѣ нѣтъ надобности искать въ словарѣ *expono*, *praepono* и т. д. Я угадываю ихъ значеніе. Или если въ словарѣ нахожу новое, произвольное значеніе (*com*pono помириться, похоронить, *im*pono обмануть, ср. навязать кому нибудь что либо), то я легко его запоминаю, потому что переходъ отъ одной идеи къ другой схватываю при первомъ намекѣ. Всему этому, мнѣ скажутъ, учитъ разумъ человѣческій; но учитъ ли этому всякій учитель языка?

d) О флексіяхъ (собственно грамматика: склоненія, спряженія, степени сравненія и т. д.) я достаточно узналъ изъ грамматики, приложенной къ Вейсманову лексикону. Простыя окончанія, вмѣсто того, чтобы ихъ запоминать по-дѣтски, я привелъ въ таблицы, которыя постоянно лежали предо мною, и много при томъ выигралъ, посредствомъ сокращеній; потому что авторъ, какъ и всѣ его позднѣйшіе преемники, писалъ безъ всякаго грамматическаго генія; такъ напр. въ склоненіяхъ принялъ вездѣ семь падежей, между тѣмъ какъ большая часть именъ имѣетъ ихъ только пять. Въ глаголахъ славянскія нарѣчія имѣютъ наибольшее число особенностей, которыя, отдѣльно взятыя, встрѣчаются и въ другихъ языкахъ, какъ напр. ихъ medium, о которомъ было выше упомянуто. Будущее они иногда образуютъ приставкою къ настоящему времени предлога, чему ни одного примѣра я не знаю въ другихъ языкахъ. Во временахъ они дѣлаютъ такія тонкія различія, какъ французы между j'avais и j'eûs и т. д. Эти тонкости затрудняютъ иностранцу научиться писать и говорить, но не очень затрудняютъ пониманіе языка.

Теперь представляю примѣръ всѣхъ четырехъ пріемовъ: русское слово *всемилостив*ѣйшему: a) корень *мил*, *mild* на всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ (см. Ире Glossar), безспорно тоже греческое μειλ въ μειλια, μειλινος, μειλιχια и т. д.; латинское mollis я даже не хочу приводить: кто станетъ возражать мнѣ, указывая на о, стоящее вмѣсто i, на того я не обращу вниманія, какъ на неопытнаго въ изысканіяхъ такого рода. b) Словопроизводство: отъ *мил* происходитъ существительное *милость*, отсюда прилагательное *милостивъ* (такъ же латинская форма adiec*tiv*um); c) декомпозиція: *все* отъ *весь*: это вѣдь греческое πας (какъ шведское и нижне-германское hel, ὅλος); d) флексіи: ѣйше*му*, *ѣйшій*, правильная превосходная степень (s вездѣ примѣта превосходной степени: clementi*ss*imus, gnädig*s*ter, κράτι-σ-τος); *ему* дательный мужескаго рода единственнаго числа (такъ точно нѣмецкое de*m*, ih*m*, древне-шведское herrano-*m*: нѣтъ ли въ древне-латинскомъ и греческомъ слѣда этого дательнаго на *m*?

21, В.

Второю моею заботою было помогать Миллеру при изданіи его матеріаловъ о новѣйшей Россіи.

Главнымъ предметомъ нашихъ первыхъ разговоровъ была географія и статистика Россіи. Свѣдѣнія этого человѣка и огромное собраніе до сихъ поръ нетронутыхъ рукописей, касающихся всѣхъ возможныхъ отдѣловъ этихъ наукъ, приводили меня въ истинное удивленіе. Часто, когда за чаемъ или за столомъ шелъ разговоръ о Бухаріи, о ловлѣ бѣлуги, объ Амурѣ, о горномъ промыслѣ, онъ велъ меня къ себѣ наверхъ, въ свой кабинетъ, вытаскивалъ одно за другимъ—тетрадь, свитокъ, квартантъ, все еще въ видѣ рукописей, отчасти русскихъ, отчасти нѣмецкихъ и давалъ ихъ мнѣ—перелистывать. «Тутъ рáбота для васъ, для меня и для десятерыхъ другихъ на всю жизнь», сказалъ онъ мнѣ однажды, указывая на цѣлую стѣну, заваленную такими сокровищами.

Я горѣлъ желаніемъ приняться за дѣло: каждый мѣсяцъ я могъ бы приготовить къ печати полалфавита важныхъ свѣдѣній, которыя всѣ были бы новы; потому что тогда еще удивительно мало было извѣстно о географіи и статистикѣ Россіи. Еслибы только Миллеръ далъ мнѣ работу и оцѣнилъ мой редакторскій трудъ, какъ поденщицкій, листъ въ рубль, съ какимъ избыткомъ я возвратилъ бы ему тѣ 70 рублей, которые я ему стоилъ и которыми онъ впослѣдствіи такъ низко меня попрекалъ. Конечно, онъ не получалъ ни копѣйки гонораріи отъ Академіи за свое Samml. russ. Gesch. (Michaelis Briefwechs. II, S. 512), но это не касалось моихъ разсчетовъ съ нимъ.

И такъ, я, бѣдный Танталъ, могъ только перелистывать и изумляться. Когда я въ восхищеніи дѣлалъ видъ, что желаю унести рукопись къ себѣ въ комнату, онъ нѣжно вынималъ ее изъ моихъ рукъ, лѣзъ на свою лѣсенку и пряталъ ее въ папку. Если я просилъ настоятельно, то обыкновенно говорилось: «Не горячитесь, еще будетъ время, не надо слишкомъ торопиться». Я же—торопился.

Единственныя рукописи, которыя я получилъ отъ него втеченіе 7 мѣсяцевъ моего пребыванія въ его домѣ, были слѣдующія: 1) Исторія Молдавіи Кантемира, по-латыни. Я переписалъ ее для себя, но Бюшингъ, которому онъ также сообщилъ ее, впослѣдствіи предупредилъ меня изданіемъ. 2) Memoires sur le commerce de Russie, безъ имени автора. Однажды заставъ меня, когда я читалъ эту рукопись, полную глубокихъ свѣдѣній и важныхъ матеріаловъ, и по привычкѣ выписывалъ кое-что на осьмушку бумаги, онъ воскликнулъ: «Боже мой! вѣдь вы всѐ переписываете!» (Только впослѣдствіи это восклицаніе мнѣ стало ясно.) 3) Schobers Memorabilia Russico-asiatica. Это единственная изъ его рукописей, которую онъ далъ мнѣ обработать для него. Я сдѣлалъ изъ нея извлеченіе, которое онъ вполнѣ одобрилъ; но напечаталъ только въ августѣ 1762 года въ Sammlung. Rus. Gesch. кн. VII, стр. 4—152, и то со своими примѣчаніями, которыя имѣли болѣе значенія, чѣмъ текстъ Шобера. 4) Свои собственныя примѣчанія къ Hist. de Pierre le Grand Вольтера, заключавшія исправленія ужасныхъ и дѣйствительно доходившихъ до смѣшнаго ошибокъ и невѣрностей, находившихся въ этой книгѣ. Съ вѣдома Миллера я съ жадностью переписалъ эти превосходныя поправки и только впослѣдствіи узналъ, что большая часть изъ нихъ была напечатана въ нынѣ забытомъ журналѣ Altonär Magazin (если не ошибаюсь) безъ имени Миллера.

22, С.

Но всего больше сердце мое лежало 3) къ русскимъ лѣтописямъ. О нихъ я привезъ въ Россію высокое понятіе; онѣ сдѣлались моимъ вторымъ апокалипсисомъ, послѣ того, какъ первый былъ брошенъ въ огонь, и оставались имъ ровно столько же, какъ и первый — девять лѣтъ. И теперь я не думаю, чтобы мнѣ нужно было стыдиться этого увлеченія. Сколько иностранцевъ громко вздыхали по изданіи этихъ лѣтописей и основательно ожидали отъ нихъ чрезвычайнаго расширенія всей исторіи сѣвера. Въ особен-

ности одушевило меня приведенное внизу мѣсто*) изъ Грубера, моего земляка изъ Франконіи, тогда надворнаго совѣтника и библіотекаря въ Гановерѣ, одного изъ ученѣйшихъ своего столѣтія изслѣдователей въ области исторіи.

И развѣ нельзя было простить мнѣ маленькое увлеченіе? Недалеко отъ себя я видѣлъ обильную жатву, которой еще не касался серпъ и, кромѣ моего, ничей не могъ коснуться такъ скоро. Хотя передъ тѣмъ я долженъ былъ въ потѣ лица воздѣлать еще поле,—но тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе чести! Быть первымъ издателемъ и толкователемъ лѣтописей народа перваго по численности, могуществу и богатству въ Европѣ — возможно ли было тогда считать это мелочью? И послѣ меня, до настоящаго времени достигъ ли кто нибудь этой чести?

Я не говорю о настоящемъ Несторѣ — я его еще не знаю: можетъ быть, онъ такой же жалкій лѣтописецъ, какъ и всѣ монахи его времени и какъ его описываетъ Тунманъ;—но я говорю, главнымъ образомъ, о слѣдовавшихъ за нимъ лѣтописцахъ вплоть до XV столѣтія. Всѣ они безъ исключенія бѣдные грѣшники: какое изложеніе, какія безсмыслицы, какія сказки и чудеса эти люди серьозно разсказываютъ! Не смотря на то въ этомъ илѣ

*) Gruber. Origg. Livon. (1740, Ffurt. fol) praef. p. VII. «Кіевская лѣтопись игумена Θеодосія (читай: Нестора) и лѣтопись XIII столѣтія неизвѣстнаго автора, лучшія части которой приводитъ въ извлеченіи знаменитый г-нъ Миллеръ въ собраніи русскихъ историческихъ памятниковъ, были бы большимъ пособіемъ, еслибы были изданы, и далеко превзошли бы тощій томикъ историковъ московскаго государства, который обращается въ публикѣ; ибо въ послѣднихъ говорится только о войнахъ, веденныхъ два вѣка тому назадъ, а въ первыхъ описывается исторія главнѣйшихъ вождей и князей, а также говорится объ обширнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ земель съ древнѣйшихъ временъ, о чемъ знать гораздо полезнѣе, чѣмъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія о недавнихъ войнахъ. Чтеніе ихъ не предоставляло бы затрудненій и для иностранцевъ, такъ какъ онѣ написаны по-латыни *(неправда!)*

Можно надѣяться, что петербургская Академія наукъ, которая, какъ мы видимъ, между прочими занятіями высокихъ умовъ, посвящаетъ свои труды и географіи своего государства, границы котораго опредѣляются не земными а небесными странами, можно, говорю я, надѣяться, что эта Академія обратитъ вниманіе и *на русскую исторію среднихъ вѣковъ*, которую едвали возможно отдѣлить отъ географіи, и что изданіемъ этихъ лѣтописей она окажетъ великія услуги во всѣхъ отрасляхъ науки».

скрываются перлы, которыхъ не найти ни на какой другой почвѣ. Какіе важные матеріалы для исторіи человѣчества и варварства!

Далѣе—замѣтьте, я говорю о 1762 годѣ, а не 1800—расчищать источники, сравнивать списки или исправлять грамоты, толковать ἅπαξ λεχομενα, — было живымъ вопросомъ того времени. Въ тѣ времена изслѣдователи въ области исторіи, критики, даже собиратели варіантовъ были знатью между историками и давали тонъ; но тѣ, которые писали исторію, стояли на заднемъ планѣ и имъ во снѣ не снилось, что внуки ихъ исключительно завладѣютъ честью и именемъ историковъ-мыслителей.

Но я долженъ предварительно разсказать, что до меня *a* (§ 23) всякій иностранецъ зналъ и могъ знать изъ древней русской исторіи и что *b* (§ 24) сами русскіе могли знать и въ самомъ дѣлѣ знали.

23, a)

Единственными источниками иностранцевъ были Герберштейнъ и Петрей, изъ которыхъ Трейеръ (1720) и всѣ послѣдующіе составители компендіумовъ сколотили свою древнюю русскую исторію; но въ ней совершенно пропадало 400 очень интреесныхъ лѣтъ—отъ Ярослава до Ивана Васильевича. Объ этомъ длинномъ и важномъ періодѣ много свѣдѣній Стрійковскій внесъ въ свою исторію Литвы, почерпнувъ ихъ изъ множества русскихъ лѣтописей. Но она была написана по-польски, слѣдовательно для иностранца была столь же недоступна, какъ и русскія лѣтописи. Одинъ Длугошъ, правда, только украшавшій исторію, писалъ по-латыни; но даже и имъ не пользовались.

Съ 1730 года Байеръ, критикъ перваго разряда, началъ читать Академіи свои вполнѣ ученыя диссертаціи. Въ большей части изъ нихъ онъ трактуетъ о древней русской исторіи, но только по классическимъ, сѣвернымъ и византійскимъ, но не русскимъ источникамъ, потому что по-русски онъ никогда не хотѣлъ учиться (стр. 4); при томъ же большая часть этихъ разсужденій была

напечатана въ *Комментаріяхъ* только послѣ его смерти и то съ ошибками, доходящими до смѣшнаго.

Вскорѣ послѣ того, въ 1732 году, Миллеръ началъ свое Samml. Rus. Gesch., гдѣ помѣщалъ извлеченія изъ настоящихъ лѣтописей. Они дошли до шестаго выпуска, но такъ были ошибочны, что впослѣдствіи самъ Миллеръ лишилъ ихъ значенія (стр. 4). Даже лѣтописецъ Несторъ, вслѣдствіе того, что переводчикъ Миллера не умѣлъ правильно склонять по-русски, получилъ ложное имя Ѳеодосія, которое за границею онъ сохранялъ впродолженіе болѣе тридцати лѣтъ.

При новомъ устройствѣ Академіи, въ 1747 году, историческій классъ былъ совершенно упраздненъ; не смотря на то, Миллеръ, по возвращеніи изъ Сибири, былъ назначенъ государственнымъ исторіографомъ, и въ 1749 году намѣревался публично читать рѣчь, въ которой старался доказать, что Рюрикъ пришелъ изъ Швеціи. Но уже напечатанная рѣчь была истреблена, по наущенію Ломоносова, потому что въ то время было озлобленіе противъ Швеціи [1]). Это происшествіе на много лѣтъ отбило у него охоту къ древней русской исторіи, для занятій которою у него безъ того недоставало знанія кассическихъ литературъ и искусной критики. То, что въ этомъ родѣ онъ рискнулъ напечатать въ 1760 году, (Samml. russ. Gesch. кн. V, стр. 382), незначительно.

Вотъ весь бѣдный запасъ древней русской исторіи, напечатанный на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ Россіи и за границею. То же, что было напечатано на русскомъ языкѣ (§ 24), было еще бѣднѣе; тѣмъ настоятельнѣе я стремился къ рукописямъ. Но читать ихъ въ первые мѣсяцы я еще не могъ: читать рукописи вовсе не то, что читать печатное; вполнѣ понимать я ихъ тоже не могъ, потому что всѣ онѣ были написаны по-славянски, а славянскій отъ новаго русскаго отличается флексіями.

[1]) Дѣло о диссертаціи Миллера см. *Матеріалы для біографіи Ломоносова*, собран. П. Билярскимъ, стр. 130—134, 137, 139, 144, 755—771; а также *Ист. Имп. Ак. Н.* Пекарскаго, т. I, стр. 359 и слѣд. особенно т. II, стр. 423 и далѣе.

Между тѣмъ я надѣялся, что найдутся другія вещи, относящіяся къ этому предмету, доступныя мнѣ; и въ самомъ дѣлѣ онѣ были, но о существованіи ихъ я узналъ спустя долгое время, когда я въ потѣ лица почти достигъ вершины горы. Большое сочиненіе Татищева, напримѣръ, пространное извлеченіе изъ множества рукописей, написанное по-русски, но большею частью новымъ русскимъ языкомъ, въ многочисленныхъ спискахъ уже ходило по рукамъ (см. ниже). Въ академической библіотекѣ лежало два писанныхъ фоліанта лѣтописей, даже переведенныхъ на нѣмецкій языкъ (см. ниже). Существовала также огромная генеалогическая таблица русскихъ великихъ князей со всѣми ихъ побочными линіями, тоже по-нѣмецки, и т. д. Такія побочныя пособія безконечно облегчили бы мнѣ вначалѣ мою работу надъ лѣтописями. Я освѣдомлялся о подобныхъ вещахъ и просилъ ихъ Христа ради; но мнѣ отвѣчали, то же, что и прежде (см. выше стр. 44): «еще будетъ время. Прежде, чѣмъ вы отважитесь взяться за національные письменные источники, читайте то, что напечатано». — Напечатано! отвѣчалъ я, и, не переводя духа, назвалъ Герберштейна, Петрея, Трейера, и Байера: «я уже знаю всѣхъ ихъ, и именно для того, чтобы у источника исправить ихъ безчисленныя ошибки, я пріѣхалъ въ Россію».

Миллеръ остался неумолимъ. Отъ скуки, а частью, чтобы исполнить его желаніе, я просилъ Миллера доставить мнѣ всѣ части *Комментаріевъ*, въ которыхъ находились статьи Байера, и даже неудобоваримыя origines russicas Шёттгена. Изъ всего этого хлама я сдѣлалъ извлеченіе по-своему, т. е. предложеніе за предложеніемъ, но крайне сжато и съ сокращеніями; со всѣмъ этимъ не исключая даже байеровскихъ Скиѳовъ и Венедовъ, я справился съ 17 ноября до 31 декабря. Я показалъ Миллеру свою работу; онъ все таки мнѣ ничего не далъ. Но счастливый случай уже въ срединѣ января приблизилъ меня къ осуществленію моихъ горячихъ желаній. Однакожъ я долженъ прежде сказать, что сами русскіе сдѣлали по неимовѣрно богатой исторіи своей страны.

24, b)

Со времени введенія книгопечатанія въ московскомъ патріархатѣ, въ 1562 г. (вѣроятно, при помощи лифляндскихъ плѣнныхъ) русское духовенство до конца XVII столѣтія напечатало множество книгъ старымъ или такъ называемымъ церковнымъ шрифтомъ, на прекрасномъ древнемъ-славянскомъ языкѣ; но это были почти исключительно переводы отцовъ церкви, и цѣлые фоліанты легендъ о святыхъ и т. д. При Петрѣ I былъ введенъ новый шрифтъ; имъ начали печатать указы и регламенты; тогда же стали переводить иностранныя книги. Собственно съ этого времени новый русскій языкъ сдѣлался книжнымъ. Съ учрежденія петербургской Академіи въ 1726 г. количество изданій умножилось; но это были большею частью переводы; русскіе оригиналы были весьма рѣдки. Выборъ переводовъ былъ крайне неудаченъ и при томъ не было обращено вниманія на потребности націи. Въ числѣ ихъ было множество романовъ. Въ 1761 году въ академическомъ книжномъ магазинѣ, въ то время единственномъ во всемъ государствѣ, былъ огромный складъ такой дряни, стоившій, какъ увѣрялъ Тауберть, 80,000 рублей, по магазинной цѣнѣ. Тутъ былъ, напр., весь Ролленъ въ 26 томахъ in 4°, стоившій 20 рублей. Ничтожную часть этого хлама составляли русскія оригинальныя сочиненія. Въ какомъ невѣроятно жалкомъ состояніи находилась литература еще въ 1764 году, можно видѣть изъ каталога, напечатаннаго петербургскимъ бухгалтеромъ Миллеромъ на 80 страницахъ въ большую 12 долю листа. Какъ непростительно грѣшила здѣсь Академія противъ великой націи, для просвѣщенія которой она была создана! Полуобразованный русскій съ необыковенною охотою берется за всякое чтеніе; особенно любитъ онъ отечественную исторію. Это доказываетъ распространившееся въ высшемъ и низшемъ сословіяхъ, даже между вовсе необразованными людьми обыкновеніе собирать всякаго рода хроники. Всѣ монастыри, частныя библіотеки даже многія ветошныя лавки были полны рукописныхъ лѣтописей; но ни одна

не была напечатана! Не понятно, какъ у этой доброй публики не было ни одного удобочитаемаго руководства; такъ называемый кіевскій Синопсисъ не заслуживаетъ этого имени. Это жалкое сочиненіе, извлеченное не непосредственно изъ русскихъ лѣтописей, а изъ ихъ переписщиковъ, изъ Стрійковскаго, ниже всѣхъ описаній. Оно появилось въ печати сперва въ 1674 году въ Кіевѣ; авторъ его былъ архимандритъ Гизель, а не древній патріархъ Константинъ, какъ писали Штраленбергъ и Вольтеръ. Однакожъ довольствовались этимъ историческимъ проказникомъ (см. стр. 4 о «грамотѣ Privilegio, писанной золотомъ на пергаментѣ, которую царь Александръ за 310 лѣтъ до Р. Х. изъ Египта далъ славянамъ»; также «о словяно-русскомъ князѣ Одонацерѣ, овладѣвшемъ Римомъ» и т. д.). И это сочиненіе дожило до пятаго изданія, явившагося въ 1762 году въ Петербургѣ, при Академіи. Непонятно, какъ никто ни въ Академіи, ни внѣ ея не напалъ на мысль напечатать одну изъ безчисленныхъ лѣтописей такъ, какъ она есть. Это могло бы сдѣлаться простою денежною спекуляціею — русская публика жадно раскупила бы ее. Онѣ всѣ написаны на народномъ языкѣ, хотя древнемъ, но къ нему, вслѣдствіе богослуженія, всѣ привыкли; грязная писанная книга, стоящая четыре рубля, напечатанная, стоила бы полрубля. Но сверхъ лѣтописей съ 1739 года существовала исторія, которую могли и должны были напечатать, но не напечатали: я говорю о знаменитомъ сочиненіи Татищева.

Василій Никитичъ Татищевъ, впослѣдствіи тайный совѣтникъ и астраханскій губернаторъ, былъ рожденъ для исторіи своей страны; жаль, что онъ не былъ и воспитанъ для нея: истинный историческій геній даже со способностями къ критикѣ словъ и предметовъ, но взросшій пажемъ при Петрѣ I, безъ всякаго научнаго образованія, онъ не зналъ другихъ языковъ, кромѣ русскаго и нѣмецкаго. Какъ поздно и случайно онъ сдѣлался первымъ удовлетворительнымъ, но гонимымъ историкомъ своего отечества, о томъ онъ разсказываетъ въ своемъ введеніи. Генералъ-фельдмаршалъ Брюсъ, не только великій человѣкъ, но и дѣй-

ствительно великій ученый, однажды въ засѣданіи Сената увидѣлъ, что невозможно постановить рѣшенія объ одномъ важномъ дѣлѣ, потому что не было ни географіи, ни карты государства. Онъ тотчасъ выхлопоталъ приказаніе о назначеніи геодезистовъ, о составленіи картъ и о присылкѣ изъ городовъ географическихъ свѣдѣній, и самъ началъ обработывать эти матеріалы для составленія географіи Россіи. Но такъ какъ въ 1718 году долженъ былъ ѣхать полномочнымъ министромъ на конгресъ на Аландъ, и по возвращеніи оттуда былъ обремененъ огромнымъ количествомъ другихъ занятій, то онъ поручилъ эту географическую работу своему — писарю или секретарю? — Татищеву. Послѣдній при внутреннемъ сознаніи своей необразованности испугался (тогда ему, должно быть, было по крайней мѣрѣ уже 30 лѣтъ), однако послушался и въ 1719 году сдѣлался русскимъ географомъ. Но вскорѣ этотъ геній замѣтилъ, что безъ исторіи страны въ этомъ дѣлѣ не далеко уйдешь. Просвѣщенный начальникъ утвердилъ его въ этомъ мнѣніи и далъ ему изъ кабинета Петра одинъ списокъ Нестора, который онъ тотчасъ же переписалъ для себя. Но въ слѣдующемъ, 1720 году, географъ Татищевъ былъ командированъ въ Сибирь. Хотя здѣсь служебнымъ его занятіемъ было горное и горнозаводское дѣло, но исторія осталась его любимымъ предметомъ. Тутъ онъ нашелъ у одного раскольника очень древній списокъ Нестора. Какъ онъ удивился, когда увидѣлъ, что онъ совершенно отличенъ отъ прежняго! Онъ думалъ, какъ и я сначала, что существуетъ только одинъ Несторъ и одна лѣтопись. Раскольникъ долженъ былъ переписать ему эту древнюю рукопись; но къ великому прискорбію Татищева (въ немъ уже вѣялъ критическій духъ) раскольникъ переписывалъ невѣрно; онъ сдѣлалъ ту глупость, что древнія, ему непонятныя слова и выраженія замѣнилъ новыми, имъ самимъ придуманными. Татищевъ мало-помалу собралъ десять списковъ, по нимъ и по сообщеннымъ ему другимъ варіантамъ составилъ одиннадцатый. Съ истинною критическою добросовѣстностію онъ сохранилъ въ текстѣ темныя для него мѣста и объяснялъ ихъ въ примѣчаніяхъ, какъ могъ.

До сихъ поръ все шло хорошо. Его работа, для которой не требовалось ученой подготовки, заслуживала всякаго уваженія; но вдругъ этотъ человѣкъ заблудился: ему было невыносимо, что исторія Россіи такъ молода и должна начаться съ Рюрика въ IX столѣтіи. Онъ хотѣлъ подняться выше! Вслѣдствіе этого онъ съ большими издержками нанялъ нѣсколькихъ ученыхъ, т. е. немного знавшихъ латынь, и заставилъ ихъ переводить на русскій цѣлые отрывки изъ Плинія, Мела, Геродота, Страбона и т. д. а также статьи Байера. Такимъ образомъ составилась безтолковая смѣсь Сарматовъ, Скиѳовъ, Амазонокъ, Вандаловъ, и т. д.; почти такая же, какою Фелькнеръ осчастливилъ, къ ужасу всѣхъ знатоковъ, A. Litt. Anz. въ 1797 году; и это авторъ назвалъ «первою частью Русской Исторіи». Это ни къ чему не пригодная часть; но Татищевъ цѣнилъ ее больше остальныхъ трехъ, очень полезныхъ, заключающихъ вѣрныя извлеченія изъ лѣтописей до 1462 года.

Сочиненіе возросло до трехъ фоліантовъ. Въ 1739 году онъ привезъ его изъ Астрахани въ Петербургъ, вѣроятно, съ намѣреніемъ напечатать. Онъ показывалъ свою рукопись различнымъ лицамъ; но вмѣсто того, чтобы ободрить его и поддержать, они дѣлали ему странныя возраженія и старались отклонить его отъ всего предпріятія. На одно изъ важнѣйшихъ возраженій, которыя ему дѣлали, что онъ не ученый, онъ отвѣчалъ всего неудачнѣе: «Несторъ тоже не былъ ученый». Но болѣе тягостно для него было подозрѣніе въ вольнодумствѣ и ереси. Уже въ 1730 году онъ высказалъ въ одномъ обществѣ, что Пѣсни Пѣсней Соломона считаетъ собраніемъ свѣтскихъ любовныхъ пѣсенъ; новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ опровергалъ его въ особомъ сочиненіи, которое только въ 1774 году было напечатано въ Москвѣ[1]) (Back-

[1]) Изъ словъ Шлецера можно заключить, что Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ обличителемъ Татищева въ ереси и вольнодумствѣ. Но изъ предисловія къ сочиненію *о книгѣ Соломоновой, нарицаемой пѣсни пѣсней*, видно, что она, какъ слѣдствіе дружеской бесѣды написана не ради обличенія, а только для вразумленія недоумѣвающаго, который самъ «съ прилежаніемъ просилъ... дабы обѣщеваемаго дѣла не забыли». Хотя историкъ въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ расходился съ архипастыремъ, но сохранялъ къ нему глубокое уваженіе, что под-

meister, russ. Bibl., B. III, S. 188). Русскія лѣтописи преисполнены нелѣпыми чудесами; приличны ли они свободно мыслящему человѣку, если просто разумный человѣкъ не могъ бы ихъ переварить? Однакожъ онъ поднесъ свою рукопись тогдашнему новгородскому архіепископу Амвросію и, по его совѣту, согласился сдѣлать многія исключенія. Но онъ позволилъ себѣ много смѣлыхъ разсужденій, которыя могли навлечь на него еще болѣе опасное подозрѣніе — въ политическомъ вольнодумствѣ. Безъ сомнѣнія, это было причиною, что печатаніе этого двадцатилѣтняго труда въ 1740 году не состоялось.

Такимъ образомъ, онъ, не достигнувъ цѣли, возвратился въ Астрахань. Въ 1741 году пріѣхали туда англійскіе купцы, которые должны были установить торговлю съ Персіею по Каспійскому морю; и съ ними Татищевъ совѣтовался о своей осиротѣлой исторіи. Впослѣдствіи онъ былъ смѣненъ съ губернаторства частію (какъ разсказываетъ Генвей) за вольнодумство, частью за скупость и притѣсненія, дѣланныя купцамъ, и удалился въ свое подмосковное имѣніе. Нѣсколько лѣтъ спустя, изъ своего изгнанія онъ написалъ странное письмо *) къ упомянутымъ выше англійскимъ купцамъ, въ которомъ просилъ, чтобы они нашли ему двухъ человѣкъ, могущихъ перевести его исторію на нѣмецкій языкъ; послѣ того съ нѣмецкаго должно было сдѣлать англійскій переводъ, который по напечатаніи онъ намѣревался посвятить лондонскому Ученому Обществу. Естественно, что и эта послѣдняя попытка не удалась. Наконецъ онъ умеръ въ 1750 году; такъ я полагаю, потому что я нигдѣ не нашелъ точнаго указанія ни года рожденія, ни года смерти этого замѣчательнаго человѣка.

тверждается многими мѣстами его исторіи и заключеніемъ *духовной*. Почитали же его за безбожника и еретика, по его выраженію, *несмысленные* и *безразсудные*. (Объ отношеніяхъ Татищева къ Ѳеофану см. Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, стр. 613—616). Цитируемое Шлецеромъ мѣсто изъ Библіотеки Бакмейстера заключаетъ краткій разсказъ о извѣстномъ случаѣ, подавшемъ поводъ Ѳеофану написать упомянутое сочиненіе.

*) Hanway (англійскій купецъ), An historical account of the British trade over the Caspian Sea (Edit. II, London, 1754. 4°), P. II, chap. 18, p. 79.

Между тѣмъ по рукамъ ходило много какъ исправныхъ, такъ и неисправныхъ списковъ этого сочиненія, высокой цѣны которaro нельзя не признать; но каждый хранилъ свой списокъ, какъ сокровище, особенно тѣ владѣтели, которые выдавали себя за знатоковъ русской исторіи и которымъ очень удобно было тайкомъ почерпать свою мудрость изъ этого не многимъ доступнаго источника. Но какая потеря для народа? Какая масса историческихъ свѣдѣній распространилась бы въ немъ съ 1740 до 1760 года, еслибы глупость, трусость и личный интересъ не воспрепятствовали изданію. Еще въ 1765 году я настоятельно просилъ Тауберта дозволить мнѣ напечатать его списокъ въ его пользу и безъ всякаго вознагражденія за мой трудъ; — но тщетно. Какъ наконецъ всѣ четыре части неудачно явились на божій свѣтъ (1768—1784), сюда не относится; объ этомъ я разскажу послѣ.

Самъ Татищевъ былъ уже мертвъ, а его Opus *triginta* annorum былъ полумертвъ. Тутъ возсталъ русскій исторіографъ Миллеръ и, начавъ въ 1755 году изданіе русскихъ *Ежемѣсячныхъ сочиненій*, уже въ апрѣльскомъ выпускѣ писалъ слѣдующее (стр. 275).

«Несторъ (достоинство и значеніе котораго онъ опредѣлилъ коротко, но сильно) вмѣстѣ со своими продолжателями долженъ быть напечатанъ; этого желаютъ здѣсь и за границею. Сколько было бы сбережено времени и издержекъ, которыя до сихъ поръ были употреблены на списываніе! Нельзя придумать другаго средства, чтобы избѣжать ошибокъ, незамѣтно и неизбѣжно вкрадывающихся въ списки. Татищевъ сравнилъ нѣсколько списковъ и такимъ образомъ составилъ общую лѣтопись (General-Chronik). Но (ученый) читатель желаетъ знать и самъ убѣдиться, сравнены ли различные способы чтенія съ надлежащею проницательностію, всегда ли избраны лучшіе изъ нихъ. Но это невозможно, если не напечатаны буквально и вѣрно самые списки, почитающіеся лучшими, а изъ остальныхъ не собраны важнѣйшіе варіанты. Не лишнимъ было бы напечатать такимъ же образомъ и самого Татищева. Диллетанты-историки охотнѣе будутъ читать

его; но кто вникаетъ глубже, тѣ придерживаются древнихъ хроникъ».

Такъ въ 1755 г. проповѣдывали Миллеръ и здравый смыслъ; но никто ихъ не слушалъ. Вѣроятно, этотъ трудолюбивый человѣкъ охотно самъ принялся бы за это; но ни Несторъ, ни Татищевъ при Академіи не были напечатаны. По всей вѣроятности, этому препятствовалъ Ломоносовъ; потому что въ 1760 году, тогда всемогущій Ломоносовъ, химикъ, явился со своимъ *Краткимъ Россійскимъ лѣтописцемъ* [1]) на русскомъ языкѣ. Не говоря о томъ, что на 54 страницахъ in 8° не много можно сказать объ исторіи Россіи отъ Рюрика до Петра, и что отъ химика по профессіи уже a priori можно было ожидать такой же отечественной исторіи, какъ отъ профессора исторіи химіи, — онъ совершенно передвинулъ точку зрѣнія на русскую исторію въ средніе вѣка. По его представленію, должно было бы заключить, что Россія впродолженіе всего этого времени составляла цѣлое, *одно* государство; между тѣмъ она была раздроблена на множество княжествъ, въ такой же мѣрѣ, какъ Франція въ большой періодъ времени, и еще болѣе, чѣмъ Германія; у нея не было великаго князя, облеченнаго достаточною властью, который могъ бы сколько нибудь соединять эти части: этотъ великій князь былъ тотъ же король Иль де Франса, о которомъ ни мало не заботились графъ Шампаньи и Тулузы.

Наконецъ въ 1761 году Таубертъ исходатайствовалъ у президента Академіи порученіе издавать мало-по-малу цѣлое собраніе лѣтописей подъ заглавіемъ *Библіотека Россійкая Историческая*. Слава тому человѣку, который наконецъ хотѣлъ сдѣлать то, что уже давно должно было сдѣлать! Но часто тогда, и долгое время послѣ, въ Россіи самая лучшая идея на половину или совсѣмъ погибала вслѣдствіе дурнаго исполненія. Невѣроятно, какъ много хорошаго въ государственной администраціи вслѣдствіе этого встрѣчало препятствія; обыкновенно ходъ дѣла былъ слѣдующій, и я

---

[1]) Объ этомъ см. *Матеріалы* Билярскаго, стр. 456, 482, 511.

видѣлъ безчисленные тому примѣры: геній — временный домашній учитель, секретарь, адъюнктъ, можетъ быть, даже камердинеръ, — на своемъ чердакѣ изобрѣталъ планъ, который могъ бы составить успѣхъ и счастіе изобрѣтателя; онъ представлялъ его какому нибудь знатному лицу, объяснялъ ему; тотъ милостиво ласкалъ его съ глазу на глазъ и исчерпывалъ его вполнѣ; послѣ того знатный человѣкъ говорилъ: я самъ мастеръ, отнималъ у генія честь изобрѣтенія, особенно, если онъ былъ иностранецъ и, желая самъ ею воспользоваться, принималъ на себя исполненіе плана, одинъ, или съ другими своими приближенными, безъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ изобрѣтателемъ. Если, не смотря на то, исполненіе было удачно, что могло случиться изъ десяти разъ одинъ, то объ изобрѣтателѣ никто больше не думалъ; но если вслѣдствіе неумѣнія исполнителя, дѣло неудавалось, и его должно было оставить, вся вина падала на изобрѣтателя плана. Припомните Колумба съ его планами открытія новыхъ странъ при португальскомъ дворѣ.

Что произошло при печатаніи лѣтописей, хотя не вполнѣ, но частью подходитъ сюда; за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Миллеръ сдѣлалъ предложеніе (см. выше стр. 55). Не должно ли было показаться ему обиднымъ, что не ему, который первый затѣялъ дѣло, тѣмъ болѣе, что онъ былъ профессоръ исторіи, а Тауберту поручено исполненіе? Поэтому онъ впослѣдствіи не принималъ въ немъ участія, а сверхъ того при этомъ случились еще три литературныя неудачи.

1. Изъ сотни лѣтописей, носившихъ надпись: Несторъ, но удивительно различавшихся между собою какъ орѳографіею, такъ правильностію и полнотою, — которую слѣдовало напечатать прежде? — Разумѣется лучшую, а чтобы найти лучшую, естественно слѣдовало собрать множество списковъ и сравнить ихъ. А гдѣ ихъ было взять? Въ академическомъ архивѣ ихъ было семь, но въ частныхъ библіотекахъ ихъ было безчисленное множество, и владѣтели ихъ съ удовольствіемъ и гордостію предоставили бы ихъ въ пользованіе. Списковъ, которыми пользовался Татищевъ,

надо было искать (потому что хотя нѣкоторые были отданы Академіи, но не всѣ) въ особенности древняго раскольничьяго списка. Петръ I, отъ 16 февраля 1722 года, издалъ указъ всѣмъ епархіямъ и монастырямъ «выслать въ Москву въ Синодъ находящіяся у нихъ хроники и хронографы, писанные на пергаментѣ или на бумагѣ; при этомъ запрещалось утаивать что либо, и объявлялось, что по снятіи съ нихъ копій они будутъ возвращены. Одновременно Синодъ получилъ приказаніе разослать нѣсколько лицъ для осмотра и собиранія этихъ рукописей.» Весь этотъ указъ находится слово въ слово въ напечатанномъ собраніи указовъ Петра I (Петербургъ, при Академіи, 1739, 4, стр 33). Не нужно ли было справиться въ Синодѣ объ этихъ собранныхъ спискахъ?— Наконецъ изъ Кіева, мѣста жительства Нестора, гдѣ втеченіе варварства всѣхъ среднихъ вѣковъ, поддерживалась нѣкоторая литературная дѣятельность, можно было ожидать многаго и, можетъ быть, лучшаго *). Но объ этомъ и помину не было. Это кажется невѣроятнымъ, но это правда. Никто, ни даже Миллеръ и Таубертъ, не зналъ о числѣ, тѣмъ менѣе о свойствахъ тѣхъ семи списковъ, которые я впослѣдствіи нашелъ въ академическомъ архивѣ. Никто ихъ тогда не искалъ, а тѣмъ менѣе сравнивалъ; еще менѣе собирали другія рукописи.

Теперь, какой же списокъ былъ избранъ? Слушайте и удивляйтесь. Въ 1697 году Петръ I во время своего знаменитаго путешествія проѣзжалъ черезъ Кёнигсбергъ; здѣсь посѣтилъ онъ и публичную библіотеку, гдѣ находилась русская рукопись, которую вмѣстѣ съ другими книгами подарилъ ей губернаторъ Пруссіи Богуславъ Радзивилъ, въ 1668 году. Мексиканцу въ дрезденскомъ музеумѣ показываютъ мексиканскія картины; рус-

*) Вишневскій, профессоръ при греческой коллегіи, учрежденной Екатериною II въ Петербургѣ, въ 1774 году, говоритъ (въ Alters filologisch-kritischen Miscellaneen, Wien, 1799, S. 119): «древнѣйшая славянская рукопись Нестора сгорѣла со многими другими славянскими рукописями во время большаго пожара кіевской академической библіотеки 21 годъ тому назадъ (слѣд. около 1777 года)». Если это и не была древнѣйшая рукопись, въ чемъ ее никто не изслѣдовалъ, то все-таки о потерѣ ея слѣдуетъ крайне сожалѣть.

скому, Петру I, показали тамъ русскую рукопись. Онъ этому обрадовался и, такъ какъ онъ, вѣроятно, никогда не видѣлъ списковъ Нестора, которыхъ въ его государствѣ были сотни, то онъ счелъ эту рукопись за что-то единственное въ своемъ родѣ и приказалъ въ 1716 г. сдѣлать точный списокъ съ этого оригинала со всѣми его забавными картинками. Этотъ списокъ, который впослѣдствіи перешелъ въ Академію и который я потомъ окрестилъ «Codex Radzivilianus», прославленный тѣмъ, что Великій Петръ имѣлъ его въ рукахъ,—этотъ списокъ былъ избранъ для напечатанія. Но въ Петербургѣ была только копія. Кстати, Кёнигсбергъ въ 1760 г. находился въ зависимости отъ Россіи; этимъ случаемъ воспользовались и вытребовали изъ Кёнигсбергской библіотеки оригиналъ (самъ по себѣ онъ вовсе не былъ оригиналомъ, а только въ отношеніи петербургской копіи). Кёнигсбергская библіотека должна была выдать свою овечку (2 Sam. XII, 3). Кто противъ Бога и великаго Новгорода! — И эта рукопись, вслѣдствіе страннаго недоразумѣнія названная оригиналомъ, была предназначена къ печати! Это одинъ изъ самыхъ дурныхъ списковъ, очень неправильный и при томъ крайне не полный; такъ отозвался о немъ уже Татищевъ. Безконечно лучшіе списки находились въ Россіи и даже въ Петербургѣ; но всѣмъ этимъ туземцамъ говорили: «за чѣмъ вы здѣсь?» *).

2. Таубертъ, не истинный ученый по профессіи, обремененный несравненно важнѣйшими дѣлами, вовсе не былъ такой человѣкъ, отъ котораго можно было бы ожидать успѣшнаго изданія средневѣковой лѣтописи. Печатаніе, корректуру и все дѣло онъ передалъ не ученому (однако знающему по-латыни) академическому канцеляристу Баркову Несчастный выборъ, потому что этотъ че-

*) Для занятія должности конректора въ одной гимназіи, выписанъ былъ иностранецъ съ жалованіемъ 400 рублей. Ректоръ, получавшій только 300 рублей, просилъ о прибавкѣ 100 рублей. Отказано! Онъ просилъ вторично и представлялъ, какъ несправедливо, что онъ, служебныя способности котораго уже давно испытаны, по содержанію поставленъ ниже лица, въ то время вовсе неизвѣстнаго. «Зачѣмъ же вы здѣсь?» отвѣчалъ начальникъ.

ловѣкъ, сверхъ недостатка учености, имѣлъ еще и ту слабость, что часто бывалъ нетрезвъ. И—что еще болѣе увеличило зло —

3. Таубертъ позволилъ, или лучше сказать, приказалъ этому издателю 1) измѣнять старую орѳографію или подновлять ее; 2) пропускать цѣлые отрывки не историческаго содержанія, какъ-то: религіозныя разсужденія со многими цитатами изъ библіи (которыя могли быть полезны при собираніи варіантовъ); 3) непонятныя мѣста измѣнять по догадкамъ и дѣлать ихъ понятными; старыя, обветшалыя слова замѣнять новыми по соображенію; 4) пробѣлы пополнять изъ другихъ списковъ.

Такого изданія древнихъ, важныхъ лѣтописей XVIII столѣтіе не видало ни у одного просвѣщеннаго народа! Это та самая книга, о которой рецензентъ Allgem. Lit. Zeit. нѣсколько разъ выражается въ слѣдующемъ тонѣ: «Такой-то авторъ говоритъ то-то и то-то; но мы можемъ сообщить ему болѣе основательное извѣстіе изъ русскаго лѣтописца XI столѣтія, Нестора, который лежитъ передъ нами». Нѣтъ! не русскій лѣтописецъ XI столѣтія лежалъ передъ нимъ, а русскій канцеляристъ XVIII столѣтія Барковъ и, вѣроятно, даже и не онъ, а его нѣмецкій переводчикъ, третій поддѣлыватель. Но и въ русскихъ книгахъ я все еще нахожу ссылки на это изданіе; напр. въ прекрасномъ большомъ русскомъ словарѣ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣло идетъ объ отдѣльныхъ словахъ и буквахъ, т. е. въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ ни одинъ критикъ не долженъ ссылаться на такое неслыханно-невѣрное изданіе[1]).

25.

Уже въ январѣ я случайнымъ образомъ услышалъ, что Несторъ печатается; и такъ какъ Миллеръ все еще не допускалъ меня къ рукописнымъ лѣтописямъ, то я умолялъ его доставить мнѣ печатную. Дѣйствительно, три листа были уже напечатаны, и Миллеръ принесъ мнѣ ихъ. Почти дѣтская радость овладѣла мною

[1]) См. слѣд. примѣчаніе.

при видѣ этихъ листовъ и я сталъ изучать ихъ съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ какимъ Ветстейнъ, Михаэлисъ, Кенникотъ, Грисбахъ и др. обращались съ библіею.

Древне-славянскую грамматику (Москва, 1722, 8°, 283 лист.), уже въ то время рѣдкую, я поймалъ и изучилъ, чтобы понимать языкъ Нестора. Впослѣдствіи, читая на этомъ языкѣ легенды и переводы греческихъ отцовъ церкви, я изумился богатству, великолѣпію этого языка и его силѣ въ звукахъ и выраженіяхъ. Въ составленіи словъ съ нимъ не можетъ сравниться ни одинъ языкъ, кромѣ греческаго; der Fernhintreffer, das Pfeilliebende Mädchen der Θεόταυρος и проч. выражены однимъ словомъ, звучатъ по-славянски такъ же естественно, какъ по-нѣмецки неестественно. Стòитъ заглянуть въ церковный словарь (см. выше), чтобы увидѣть, какое множество сильныхъ выраженій составляется только со словомъ *Богъ*. Гомеръ, переведенный на славянскій, отнялъ бы пальму первенства у всѣхъ другихъ переводовъ.

Но какъ я удивился, когда уже на первыхъ страницахъ этихъ листовъ наткнулся на совершенныя безсмылицы. Лѣтопись, какъ многія лѣтописи въ Европѣ, начиналась съ потопа и перечисленія странъ древняго міра по тому, какъ Ной раздѣлилъ ихъ между своими сыновьями. Я тотчасъ же почуялъ, что все это мѣсто переписано изъ византійцевъ; но прежде, чѣмъ я успѣлъ найти это мѣсто у нихъ, меня поразили нѣкоторыя грубѣйшія искаженія названій странъ; напр. *Ватръ* вм. *Бактрія*, *Фивулій* вм. *Өивы*, *Ливія*; *Онія* вм. *Іонія*; *Тигръ*, впадающій въ Понтійское море.

Я поспѣшилъ со своими открытіями къ Миллеру. О, какъ онъ торжествовалъ! Тутъ онъ въ первый разъ высказался предо мною, что онъ былъ не въ ладахъ съ своимъ товарищемъ (и начальникомъ) Таубертомъ; онъ говорилъ, что «положительно требовалъ сличенія нѣсколькихъ списковъ, чтобы избѣжать грубѣйшихъ ошибокъ невѣжественныхъ переписчиковъ; при томъ настоятельно убѣждалъ не подновлять орѳографіи и т. д.; но его не послушали.» При этомъ случаѣ мы сошлись ближе, чѣмъ когда

либо. Я настоялъ на томъ, чтобы сличить нѣсколько списковъ, и чѣмъ они будутъ старше, тѣмъ лучше. Самъ онъ никогда не собиралъ древнихъ лѣтописей (странно со стороны государственнаго историографа). Нѣсколько дней спустя, онъ принесъ мнѣ грязный, оборванный квартантъ, занятый имъ у надворнаго совѣтника Полетики. Это тоже былъ такъ называемый Несторъ, но во всѣхъ отношеніяхъ несравненно лучшій Радзивиловскаго. Трудно было его читать, но черезъ нѣсколько дней я все таки его читалъ. Тутъ я à la Михаэлисъ сталъ пріискивать варіанты, взбороздилъ эти три печатные листа и нашелъ въ рукописи очевидно болѣе вѣрное чтеніе; тутъ даже были *Фива и Ливія* (Θηβα και Λυβια), какъ я прежде только догадывался. Послѣ меня болѣе всѣхъ этому радовался, конечно, Миллеръ; при этомъ онъ возвращался къ филологическимъ годамъ своей юности, шутилъ надъ тѣми, которые охотятся за варіантами, и часто, когда я приносилъ ему вновь сравненный листъ, встрѣчалъ меня восклицаніемъ: lege meo periculo!

И такъ, я теперь сидѣлъ за рукописными лѣтописями, или, какъ я (подобно всѣмъ) ошибочно полагалъ тогда, за настоящимъ Несторомъ. Жизнеописаніе этого человѣка я перевелъ себѣ 23 марта 1762 г. изъ Миллеровыхъ *Ежемѣсячныхъ сочиненій*, и впослѣдствіи пользовался этой статьею, какъ въ моей Probe russ. Ann., такъ и въ предисловіи къ барковскому Нестору; вмѣстѣ съ тѣмъ я началъ переводить на латинскій языкъ и самую лѣтопись. Впослѣдствіи Миллеръ досталъ мнѣ отъ Полетики еще два списка, но не такіе хорошіе, какъ первый. Обо всемъ этомъ Миллеръ сообщилъ Тауберту; но тотъ остался при своемъ: «ороографія должна быть подновлена; русской публикѣ было бы это невыносимо, и она, читая premitto вм. pr*ae*mitto, inicio вм. ini*ti*o и т. п., сочла бы это опечатками.» Однакожъ послѣ этого печатаніе подвигалось такъ медленно (мои теоріи, представленныя Академіи, запугали Тауберта), что въ 1767 г. оно еще не было окончено, и вѣроятно, всѣ отпечатанные листы были бы брошены въ макулатуру, если бы это допустилъ Орловъ (см. ниже). Продол-

женія никогда не было; а вѣдь предполагалась *Библіотека лѣтописей* [1])!

26.

Вотъ мои занятія въ первые три мѣсяца моего пребыванія въ Россіи. Но они были не единственныя; напр., въ Камчаткѣ я дошелъ до главы о рыбахъ, именъ которыхъ мой Кондратовичъ или вовсе не приводилъ, или если и приводилъ, то не по Линнею. Моя хозяйка знала большую часть этихъ русскихъ названій, и если попадалась такая рыба, для которой не было нѣмецкаго имени, то она приказывала принести ее изъ рыбнаго ряда. Чтобы отыскать научное названіе рыбъ, я сталъ систематически изучать ихтіологію, сравнилъ Артеди съ Клейномъ и характеристики привелъ въ таблицы.

Однажды Миллеръ засталъ меня за моими рыбными тетрадями, и удивился, что я, какъ онъ выразился, такъ кропотливо работаю, между тѣмъ стоитъ только заглянуть въ книгу, какъ онъ полагалъ, и названіе будетъ найдено! Къ этой кропотливой, т. е. основательной методѣ работы тогда (1760) пріучались въ Гёттингенѣ. Какъ рѣзко она отличалась отъ легкомысленной, даже болѣе легкомысленной, чѣмъ поверхностная французская метода, съ какою обращались въ Петербургѣ со всѣми литературными предметами! Не было изученія, не было серьознаго прилежанія, не было по-

---

[1]) Не только здѣсь, но и въ своемъ изслѣдованіи о Несторѣ (перев. Д. Языкова I, Предувѣд. II и Введеніе, стр. рми и рмѳ (148 — 149), хотя и не столь рѣзко Шлецеръ осуждаетъ это изданіе Баркова, «можетъ быть и потому», предполагаетъ Д. А. Полѣновъ (*Библіогр. обозрѣн. рус. Лѣтоп.* стр. 25), «что въ тоже время онъ самъ издавалъ Ник. Лѣтопись, и совмѣстничество было ему непріятно.» Гораздо благосклоннѣе отнеслись *къ Библіотекѣ россійской* впослѣдствіи русскіе изслѣдователи лѣтописей: «Еще г. Перевощиковъ (въ статьѣ *о рус. Л—сяхъ и Л—цахъ по 1240 годъ*), пишетъ г. Полѣновъ, основательно замѣтилъ, что изданіе Кен. Лѣт—си сдѣлано не такъ дурно, какъ отозвался объ немъ Шлецеръ. И дѣйствительно: стоитъ только со вниманіемъ (и, конечно, съ снисхожденіемъ, какъ къ первому труду въ этомъ родѣ) сравнить Кен. Лѣт — сь съ варіантами, помѣщенными при Лавр. Лѣт — си. Тамъ можно увидѣть, что текстъ Кен. рукописи переданъ довольно вѣрно, исключая пропусковъ... Если же и найдутся противъ ея ошибки или несходства, то онѣ въ сущности маловажны и по количеству незначительны».

стояннаго стремленія; все поверхностно, primoribus labris degustatum. Никто не зналъ разницы между дѣйствительнымъ ученымъ и диллетантомъ: перелистывали Зюсмильха и—воображали себя знатоками политической ариѳметики; кто зналъ по-французски, тотъ, прочитавъ дюжину статеекъ изъ Dictionnaire de la peinture, ораторствовалъ о колоритѣ, голомъ тѣлѣ, позахъ.

Я принесъ съ собою сильную дозу ученой любознательности, стремленія къ открытіямъ, чего не было въ огромномъ русскомъ государствѣ, которое было terra virgo для каждаго не совсѣмъ тупаго ученаго. Какую сонливость, какой маразмъ я встрѣчалъ повсюду! Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ издохъ одинъ изъ слоновъ, присланныхъ въ подарокъ императрицѣ Елисаветѣ Надиръ-Шахомъ, и я слышалъ, что при Академіи, куда отданъ былъ трупъ, собирались произвести важное изслѣдованіе надъ толстыми нервами слона. Когда я, спустя нѣсколько недѣль, спросилъ объ этомъ Миллера, оказалось, что нервы собаки съѣли. Химикъ Леманъ цѣлые полгода не могъ работать въ своей лабораторіи, потому что Академическая канцелярія не выдавала слѣдуемаго ему угля; поэтому онъ неотступно надоѣдалъ канцеляріи и говорилъ, что, пожалуй, его наконецъ обвинятъ въ неисполненіи обязанности. «Если вы не получаете угля, отвѣчали ему, то вы не можете работать, слѣдовательно, вы внѣ всякой отвѣтственности.» (Слышано отъ Лемана).

Отъ нѣсколькихъ лицъ я слышалъ слѣдующее основное правило in thesi: «кто желаетъ имѣть покой, тотъ долженъ ничего не дѣлать». Такимъ образомъ здѣсь il dolce far niente имѣло честь быть и добродѣтелью и долгомъ.

Въ дѣйствительности это не было правиломъ Миллера; по крайней мѣрѣ въ своей спеціальности онъ былъ сама дѣятельность: работа была для него не только удовольствіемъ, но истинною потребностью; поэтому онъ ненавидѣлъ лѣность и въ другихъ. А все таки онъ такъ очевидно тормозилъ мою охоту къ занятіямъ (см. стр. 44, 49). — Загадка разрѣшится ниже.

27.

Я прожилъ цѣлые два мѣсяца въ Петербургѣ, не написавъ ни одной строки въ Германію: я прежде хотѣлъ изслѣдовать почву. Только въ январѣ 1762 г. я написалъ моимъ издателямъ, Иверсену и Рёзе, а еще позже моимъ друзьямъ, субректору Геснеру въ Любекѣ и Бакмейстеру, бывшему тогда домашнимъ учителемъ въ Ратсгофѣ въ Эстляндіи. Михаэлисъ и Бюттнеръ (лингвистъ) получили мои первыя письма только въ концѣ февраля. Всѣ эти письма были нѣсколько меланхолическаго содержанія и сдержаны.

Еще во время моего странствованія по Балтійскому морю (въ октябрѣ и ноябрѣ) мой дорогой Михаэлисъ отослалъ ко мнѣ въ Петербургъ два письма по адресу Миллера. Къ первому былъ приложенъ дипломъ на званіе корреспондента гёттингенскаго Ученаго общества (отъ 5 октября). Это было для меня неожиданностію въ истинномъ значеніи слова. Не только я не хлопоталъ объ этомъ, но даже Михаэлисъ (въ то время директоръ общества, по чему вмѣстѣ съ профессоромъ Гамбергеромъ, секретаремъ, подписалъ дипломъ) никогда не говорилъ мнѣ ни слова. Вотъ весь дипломъ:

«Франконецъ, Августъ-Людвигъ Шлецеръ, членъ Георго-Августовской академіи, находящійся нѣсколько лѣтъ посреди насъ, съ похвалою занимался съ превосходнымъ прилежаніемъ, не только труднымъ изученіемъ восточныхъ языковъ и исторіи, но даже, возвратившись къ намъ изъ Швеціи, направилъ свои силы на естественныя науки и медицину, чтобы этимъ довольно необыкновеннымъ сочетаніемъ различныхъ наукъ и предпринятыми путешествіями обогатить изучаемый имъ предметъ новыми открытіями;— поэтому королевское ученое гёттингенское общество привѣтствуетъ А. Л. Шлецера именемъ *друга* и *товарища* и выражаетъ желаніе имѣть съ нимъ ученыя сношенія; оно поощряетъ его далѣе къ тому, чтобы онъ тѣ знанія, которыя теперь началъ разрабатывать, слѣдуя своему природному влеченію, старался украсить, обогатить и завершить новыми открытіями, большаго обилія которыхъ наука ожидаетъ отъ путешествія на востокъ, которое онъ намѣревается предпринять; оно желало бы, чтобы онъ частію этихъ открытій подѣлился съ ко-

ролевскимъ обществомъ: онъ такимъ образомъ исполнитъ долгъ, который съ нѣкоторымъ правомъ налагаютъ на него узы новой дружбы, и онъ будетъ имѣть случай выказать расположеніе къ королевскому обществу, которое подобаетъ ему, какъ человѣку, названному именемъ его *друга*».

Такъ какъ Михаэлисъ втеченіе полугода ничего обо мнѣ не слышалъ, то считалъ меня умершимъ, и въ письмѣ, отъ 14-го февраля 1762 г., въ Константинополь къ профессору при датской экспедиціи въ Аравію Форскёлю (съ которымъ я познакомился въ Гёттингенѣ, а потомъ въ Упсалѣ) удостоилъ меня слѣдующей эпитафіи (Michaelis Briefwechs. II, S. 59):

«Мнѣ кажется, что вы были знакомы съ г. Шлецеромъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ (6) онъ отправился въ Петербургъ помогать г. профессору Миллеру при изданіи собранныхъ имъ матеріаловъ по русской исторіи, но съ намѣреніемъ возвратиться черезъ годъ. О прибытіи его туда я ничего не слышалъ, и это меня нѣсколько безпокоитъ. Такой всеобщій геній, какъ бы рожденный для воспріятія учености, пренебрегающій всѣми денежными выгодами, чтобы только найти возможность объѣхать весь свѣтъ,— не скоро сыщется, если этотъ погибнетъ. Я полагаю, вамъ извѣстно, что онъ изучалъ торговлю и наконецъ медицину, чтобы во время путешествія тѣмъ или другимъ способомъ поддержать себя. Если прибавить къ тому его равнодушіе къ опасностямъ, то я могу назвать его человѣкомъ, какъ бы избраннымъ для путешествія. Онъ предполагалъ, пробывъ *годъ* въ Петербургѣ, окончить здѣсь свои медицинскія занятія и потомъ искать временной службы при какомъ нибудь датскомъ резидентѣ или при конторѣ на востокѣ. Однако я дѣйствительно опасаюсь, что онъ умеръ, потому что онъ вовсе не писалъ».

Всѣмъ, что есть святаго, я могу увѣрить, что моимъ пламеннымъ желаніемъ было поселиться навсегда въ Россіи; но (лишь бы поняли меня правильно) при условіяхъ не худшихъ, чѣмъ тѣ, какихъ я, безъ притязаній, могъ ожидать въ Германіи, и главное, если бы мнѣ дали пособіе на путешествіе на Востокъ. Но получу ли я дѣйствительно это пособіе, это было неизвѣстно. Я заключилъ условіе только съ частнымъ человѣкомъ, который далъ мнѣ лишь надежду на путешествіе; но она легко могла быть обманута. Поэтому, чтобы не сдѣлаться смѣшнымъ въ случаѣ, если

надежда не осуществится, и я по истеченіи года принужденъ былъ бы возвратиться въ Германію, я долженъ былъ до моего отправленія съ сомнѣніемъ говорить о моемъ тамошнемъ пребываніи. Моимъ исконнымъ правиломъ въ жизни было, если я чего нибудь пламенно желалъ, до самого мгновенія осуществленія этого желанія менѣе всего надѣяться или по крайней мѣрѣ вообразить себѣ, что я не надѣюсь,—и при этомъ образѣ мыслей я чувствовалъ себя всегда хорошо. Что путешествіе мое на востокъ осуществится, въ этомъ я почти не могъ сомнѣваться; не смотря на то, когда Михаэлисъ захотѣлъ громко заявить о томъ публикѣ, я воспротивился этому (Michaelis Briefwechs. I, S. 199). Самъ Михаэлисъ мало этому вѣрилъ. Онъ писалъ мнѣ въ упомянутомъ выше письмѣ, отъ 17 ноября 1761 года (Briefwechs, I, S. 203):

«Перехожу къ важнѣйшему вопросу (прежніе были научные вопросы). Все ли у васъ хорошо идетъ? Вы знаете, что я въ этомъ заинтересованъ. Окончите ли вы еще здѣсь вашъ studium medicum? Могу ли я еще рекомендовать васъ на какое нибудь мѣсто на востокѣ? Съ истиннымъ почтеніемъ и проч...»

ГЛАВА V.

Переговоры о мѣстѣ адъюнкта.

Съ февраля до іюня 1762 г.

28.

То было пять критическихъ мѣсяцевъ! — Они на долго рѣшили судьбу двадцатисемилѣтняго человѣка, предоставленнаго самому себѣ, безъ совѣтника, безъ всякихъ связей въ странѣ, совершенно для него чужой. Съ благоговѣніемъ и гордостію, которая однако умѣряется нѣкоторымъ страхомъ, вспоминалъ онъ по прошествіи сорока лѣтъ, объ этихъ мѣсяцахъ.

Еслибы онъ потерпѣлъ неудачу, то его обдуманную твердость (какъ надо полагать) приняли бы за упорство и непреклон-

ность, а его требованія назвали бы дерзкими, и самъ онъ впродолженіе всей жизни упрекалъ бы себя, потому что онъ никогда не домогался чести назваться мученикомъ своихъ убѣжденій. Тѣ необдуманные люди, которые, поискавъ счастія не на обыкновенныхъ путяхъ, впадаютъ въ нищету до голода и гордо считаютъ себя стоящими подъ опекою провидѣнія, были ему всегда не по душѣ.

Не для оправданія себя, но только къ уясненію моихъ послѣдующихъ разсказовъ, предпосылаю слѣдующее:

Нація, на сколько я могъ видѣть ее въ столицѣ, по первому впечатлѣнію возбудила во мнѣ уваженіе. Во первыхъ, — внѣшнимъ видомъ. Я пріѣхалъ изъ Германіи въ послѣдніе годы семилѣтней войны; дорогой я видѣлъ различныя войска въ то время еще воюющихъ державъ и между ними множество пятивершковыхъ; а тутъ русскіе и преимущественно гвардейскіе полки! Стоя передъ ними, я чувствовалъ себя такъ, какъ будто бы я стоялъ предъ Свевами Аріовиста, quibus parvitas nostra (говоритъ римлянинъ Цезарь) contemtui est.» Во вторыхъ,— одною стороною своего характера. Въ народѣ, живущемъ на далекомъ сѣверѣ, я думалъ встрѣтить по крайней мѣрѣ ту неповоротливость или лѣность, которою такъ явно отличаются жители сѣверной Германіи; но какія дѣятельныя, подвижныя и ловкія существа являлись во всѣхъ классахъ націи! Недостатки ихъ обнаруживались также скоро; но они казались мнѣ нанесенными извнѣ: чѣмъ? Что могло бы быть (думалъ я тогда), что было бы изъ этой породы людей, еслибы ей дана была человѣческая свобода и разумное религіозное образованіе! Относительно правительства во мнѣ рано родились сомнѣнія, вѣроятно потому, что я пріѣхалъ сюда изъ Швеціи и Гановерской Германіи.

А петербургская Академія наукъ, которая ближе меня касалась, чѣмъ правительство и народъ?—Для нея ТОГДА *) вовсе него-

*) Для читателя, напр. въ Полангенѣ, я печатаю здѣсь «тогда,» разъ на всегда большими буквами. Не забывайте, что я теперь антикварій, говорю о давно минувшей Россіи, отойдя отъ нея болѣе чѣмъ на человѣческій вѣкъ.

дился молодой ученый изъ Геттингена, находившійся въ моемъ положеніи; онъ наталкивался здѣсь на совершенно иной образъ мыслей. Шведскій щтикъ-юнкеръ Ренатъ [1]) не могъ себя чувствовать страннѣе въ лагерѣ калмыковъ, у которыхъ однако онъ впослѣдствіи сдѣлался генералъ-фельдцейхмейстеромъ (Samml. russ. Gesch. IV, S, 228), чѣмъ я при этой Академіи. Не смотря на свою реформу (или скорѣе вслѣдствіе ея) въ 1747 году, она была въ такомъ плачевномъ состояніи, въ какомъ, вѣроятно, не была ни прежде, ни послѣ. Ея денежныя средства были увеличены и формальнымъ образомъ она была возвышена на степень государственной коллегіи, которая именемъ государыни давала указы. Гдѣ на свѣтѣ было болѣе богатое и выше поставленное ученое общество? Но всякое общество, какъ говорили, должно быть «*управляемо.*» А потому на шею этому обществу посадили канцелярію, въ которой президентъ съ однимъ или двумя совѣтниками, секретаремъ, писарями и т. д. управляли неограниченно; такимъ образомъ все было испорчено. Собственно ученые члены Академіи составляли *конференцію*, и дѣятельность ихъ ограничивалась исключительно литературными предметами; денежными дѣлами завѣдывала канцелярія исключительно: она заключала контракты, налагала штрафы, опредѣляла прибавки, и вмѣстѣ съ конференціею in corpore относилась указами! Вообразите себѣ послѣдствія, если эти всемогущіе члены канцеляріи даже не были

Россіи временъ Екатерины II, отъ 1770 до 1796 г., я не знаю; Россію временъ Павла I, отъ 1796, я знаю еще менѣе. Въ тридцать долгихъ лѣтъ могутъ образоваться новые міры, а старые преобразоваться.

[1]) О шведскомъ штыкъ-юнкерѣ Іоганнесѣ Ренатѣ разсказывается слѣдующее: вмѣстѣ съ караваномъ, шедшимъ на помощь Ямышевской крѣпости (построенной подполковникомъ Бухгольцемъ въ 1714 г.), онъ попалъ въ руки калмыковъ. Во время своего 17-ти лѣтняго пребыванія у нихъ онъ научилъ ихъ плавить желѣзную руду, лить пушки и бомбы, предводительствовалъ ими во время войны съ китайцами и, собравъ неимовѣрныя богатства, возвратился черезъ Сибирь и Россію въ свое отечество въ 1733 году. Шведъ Сальвіусъ, издавшій въ 1744 году сочиненіе Христ. Шнитшера о калмыкахъ, пополнилъ его замѣчаніями Рената, который самъ намѣревался было издать подробное описаніе этого народа. (Samml. russ. Geschich. IV, S. 228, 275—364).

ученые. Никакая заслуга не признавалась, основательную ученость презирали, люди достойные упали духомъ, и наконецъ оставили mundum vadere sicut vadit. Деспотизмъ постепенно распространился по всѣмъ степенямъ управленія; всякій начальникъ, какъ бы въ отместку или въ вознагражденіе за зло, которое приходилось претерпѣвать отъ своего начальника, обращался съ своими подчиненными такъ дико и грубо, какъ съ своими рабами. Если молодой нѣмецъ этому противился, то о немъ говорили: «очень хорошій человѣкъ; но жаль его, съ нимъ нельзя ужиться.» Впослѣдствіи (въ 1769 г.) Орловъ обо мнѣ выразился, какъ это предсказалъ Миллеръ, что я не сохраню цвѣта. Сохранять цвѣтъ (Farbe halten) значило тогда молчать, когда ругаютъ: это могли дѣлать, должно быть, только personae miserabiles.

Я долженъ былъ заняться обработкою русской лѣтописи; для этого нужна была *критика*. Что за люди считались тогда въ Россіи знатоками исторіи? Монахи, писаря, люди безъ всякихъ научныхъ свѣдѣній, которые читали только свои лѣтописи, не зная, что и внѣ Россіи тоже существуетъ исторія, не зная кромѣ своего роднаго языка ни одного иностраннаго, ни нѣмецкаго, ни французскаго, еще менѣе латинскаго и греческаго (Татищевъ зналъ только нѣмецкій языкъ, кн. Щербатовъ только французскій). Я по крайней мѣрѣ былъ ученый критикъ, четыре года учившійся въ школѣ Геснера, Михаэлиса и Ире, и упражнявшійся въ этомъ искусствѣ на классикахъ и библіи.

Еще болѣе: я не могъ скрыть передъ собою, что *въ этомъ родѣ* я былъ единственный. Я охотно соглашаюсь, что въ Германіи были сотни филологовъ, старыхъ и молодыхъ, которые въ этомъ дѣлѣ имѣли столько же или и гораздо болѣе меня знаній и опытности; но въ Россіи я кругомъ себя не видѣлъ ни одного. Классическую критику знали Байеръ и Фишеръ, и первый въ такой степени, какой я никогда не смѣлъ надѣяться достигнуть (никогда я не могъ, не краснѣя, читать параллели, которую уже въ 1775 году угодно было почтенному и любезному Праю провести между мною и Байеромъ въ своей Diss. hist. crit. стр. 79);

но ни одинъ изъ нихъ не примѣнялъ ея къ русскимъ лѣтописямъ.

Я былъ *трудолюбивъ*, можетъ быть, даже не въ такой степени, какъ Бюшингъ, Бакмейстеръ, Бекманъ, мои тамошніе современники нѣмцы; но при Академіи я работалъ за троихъ, и моей работой могли пользоваться. То и другое признавали за мною. Теперь я сталъ разсчитывать: «если дровосѣкъ можетъ нарубить полсажени дровъ въ день и получаетъ за то восемь грошей, то другой, если онъ справляется съ цѣлою саженью, потому ли, что онъ прилежнѣе, или искуснѣе, или по природѣ проворнѣе, долженъ получать шестнадцать грошей.» Въ этомъ со мною не соглашались.

Академія пріобрѣтала своихъ членовъ, по народной пословицѣ, какъ кошку въ мѣшкѣ. Отъ новаго способа приглашенія меня въ Россію (стр. 5) я ожидалъ, что удивительно хорошо себя рекомендую. Вышло наоборотъ. Въ этомъ я сдѣлалъ ошибку, которой мнѣ никогда не простили. Пріѣхалъ-ли я *незванный?* Дѣйствительно, Академія меня не приглашала; и такъ, я былъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ только случай или нужда погнала въ Россію. Или я *былъ званъ?* Да, но Миллеромъ, только въ качествѣ домашняго учителя, на неслыханно скудныхъ условіяхъ, котораго думали осчастливить, предложивъ самое большое — вдвое. Такъ плохо пришлось мнѣ за то, что я честнымъ образомъ «отдалъ себя на испытаніе.» Мнѣ съ Миллеромъ не слѣдовало бы договариваться ни объ одной копѣйкѣ: но ни я, ни мои гёттингенскіе совѣтники не знали тогда Россіи.

Не должно ли было меня возмутить странное счисленіе времени, aera adventus, которое хотѣли мнѣ навязать? — «Вы *только-что* пріѣхали въ Россію; вы *только-что* начинаете, *мало-по-малу* вы пойдете далѣе.»

Кто изучалъ туземный языкъ на столько, что могъ свободно переводить или даже писать на немъ, тотъ навѣрное составлялъ себѣ карьеру въ другихъ вѣдомствахъ, но только не при Академіи: здѣсь онъ годился только въ переводчики. Въ другихъ мѣ-

стахъ употребляли его знаніе на дѣла государственныя и выдвигали его до «превосходительства»; тутъ же можно было употребить его развѣ только на *ученыя* занятія; но вѣдь они не имѣли никакой цѣны.

300 или даже 600 рублей *жалованія* считались значительнымъ состояніемъ для иностранца изъ ученаго сословія; но и тогда уже это были малыя деньги для Петербурга и унижали сословіе въ сравненіи съ тѣмъ, что доставляли другія занятія. Незначительный хирургъ получалъ до 1000 рублей въ годъ; необразованный купецъ, ведущій коммисіонерскую заграничную торговлю, могъ тратить четыре, пять тысячъ въ годъ. Нѣкоторые изъ домашнихъ учителей получали при всемъ готовомъ отъ 4 до до 600 рублей и, выдержавъ на одномъ мѣстѣ опредѣленное время, могли ожидать 10,000 и болѣе. Мало кто понималъ, что ученый по профессіи могъ равнять себя съ этими сословіями, слѣдовательно, имѣть тѣ же притязанія на наслажденія жизни, главная ингридіенція которыхъ — *рубли:* какъ будто томленіе себя donum abstinentiae et continentiae относится къ достоинствамъ ученаго, какъ монаха! Что и въ Германіи ученый безъ особыхъ милостей, сохраняя гордую независимость, могъ заработать столько же и еще болѣе, — это еще менѣе кто понималъ.

Наконецъ, какъ молодой человѣкъ безъ состоянія, но способный и желающій работать (а потому имѣлъ viatica, quae cum naufrago enatent, *Diog.* Laërt, VI, 2, 6), могъ отважиться настойчиво желать сохранить свою волю (разумѣется, не нарушая воли другихъ), начертать себѣ планъ жизни и, соображаясь съ нимъ, пренебречь маленькою выгодою въ настоящемъ, которая, еслибы ею воспользоваться, уменьшила бы вѣроятность большей выгоды въ невѣрномъ будущемъ, или даже предпочесть меньшую выгоду большей, потому что она составляетъ для него voluptas et natura (стр. 66); — какъ онъ могъ осмѣлиться судить вообще о человѣческомъ счастьи и наслажденіяхъ жизни по своимъ индивидуальнымъ представленіямъ и чувствамъ и даже разбирать; какъ онъ могъ осмѣлиться при томъ взвѣшивать характеръ націи, сограж-

даниномъ которой онъ долженъ сдѣлаться, климатъ, форму правленія способъ управленія страны, возможность достиженія литературной извѣстности, возможность счастливо жениться и воспитать счастливыхъ дѣтей и многое другое, — короче, всего того, что выходило за предѣлы насущнаго куска хлѣба (de pane lucrando), никто не понималъ, и тому, кто высказывалъ такія идеи и чувства, удивлялись, какъ упавшему съ луны.

Вслѣдствіе этого я хотѣлъ уѣхать: я живо чувствовалъ, что этотъ міръ созданъ также мало для меня, какъ я для него. Эти люди хотѣли, выражаясь по-кантовски, употреблять меня какъ *средство* для ихъ цѣлей, а я хотѣлъ быть *цѣлію* для себя самого. Но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ меня такъ полюбили, что не хотѣли меня отпустить; я долженъ былъ только дозволить предписать мнѣ условія! Насильно меня не могли держать: я былъ свободный иностранецъ. Но тутъ меня вовлекли въ такую сумятицу, что моей *свободѣ* въ самомъ дѣлѣ стала угрожать опасность,— о Боже! моей свободѣ, которую я тогда тѣмъ пламеннѣе любилъ, что еще не философствовалъ о ней.

29.

Я уже сдѣлалъ нѣсколько пока еще маловажныхъ знакомствъ большею частію между земляками своей касты. Никто не зналъ меня; потому что я терялся у нихъ изъ виду посреди множества ежегодно наплывающихъ изъ Германіи, ищущихъ хлѣба кандидатовъ; и могъ ли я обижаться такимъ мнѣніемъ?

Но Миллеръ зналъ меня не только изъ писемъ Михаэлиса, не только изъ десятинедѣльныхъ сношеній со мною; онъ зналъ, что я уже десять лѣтъ тому назадъ началъ академическій курсъ и впродолженіе этого времени семь лѣтъ занимался, въ полномъ смыслѣ слова, въ трехъ университетахъ: въ Виттенбергѣ, Гёттингенѣ и Упсалѣ; онъ зналъ, что я съ 1755 года былъ авторомъ и что мои сочиненія не заслужили неблагопріятныхъ рецензій; онъ зналъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ мнѣ по поводу Бютцова, и кромѣ того, какъ корреспондентъ Гёттингенскаго общества, читалъ при-

сланный мнѣ патентъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ уже въ январѣ 1762 года началъ говорить объ опредѣленіи меня на службу при Академіи. Условія были объявлены не вдругъ, но (какъ въ Раштадтѣ) мало-по-малу. Я соединяю ихъ здѣсь вмѣстѣ и противъ каждаго излагаю мои жалобы.

I. Я долженъ былъ сдѣлаться *адъюнктомъ*.—И такъ не профессоромъ: но вѣдь мнѣ уже предлагали то же самое въ Бютцовѣ; да и большинство господъ, состоявшихъ тогда при петербургской Академіи, поистинѣ было не такого рода, чтобы могло стыдиться моего сотоварищества. Самъ по себѣ титулъ адъюнкта, конечно, заслуживалъ всякаго уваженія: по статутамъ, адъюнкты, такъ же какъ профессоры, имѣли кресло и голосъ въ конференціи; кромѣ того имъ присвоивался капитанскій чинъ, соотвѣтственно тому, какъ Петръ I присвоилъ его профессорамъ кадетскихъ корпусовъ.

II. Содержаніе 300 рублей.—Слишкомъ мало! Миллеръ сказалъ: «я началъ съ 200.»—Я отвѣчалъ: «вы начали на двадцатомъ году отъ роду, а мнѣ скоро будетъ 28, и я уже давно *началъ* и при томъ *не* на счетъ Россіи».—А почему же не 360 руб., какъ слѣдуетъ по статуту? Эти 60 руб. считались за квартиру: но впослѣдствіи я замѣтилъ, что планъ Миллера состоялъ въ опредѣленіи меня не въ адъюнкты Академіи, а скорѣе въ *свои*, т. е. въ адъюнкты исторіографа; тогда, по всей вѣроятности, я по-прежнему имѣлъ бы у него столъ и квартиру, что, конечно, стоило бы больше тѣхъ 60 рублей.

III. Я долженъ опредѣлиться адъюнктомъ на *пять* лѣтъ. — Ради Бога, нѣтъ! Да, прежде бывало, что Академія заключала условія на опредѣленное число лѣтъ съ выписанными заграничными учеными въ томъ случаѣ, если ей приходилось уплачивать имъ дорожныя издержки. Но меня не она выписала; а о десяти червонцахъ, которые мнѣ далъ Миллеръ, не стоитъ и говорить.— И какіе виды въ будущемъ? Тридцати трехъ лѣтъ я пользовался бы званіемъ профессора и 600 руб. жалованія (кромѣ этого постояннаго дохода я могъ въ Петербургѣ заработать или мало,

или ровно ничего). Развѣ *педель* въ процвѣтающемъ нѣмецкомъ университетѣ не богаче, а слѣдовательно и счастливѣе, чѣмъ въ императорской русской богатой Академіи въ С.-Петербургѣ *профессоръ* съ 600 руб.? Хотя и говорилось, что, въ случаѣ моего согласія, мнѣ дадутъ и высшее званіе и большее содержаніе еще до истеченія срока; но я только что имѣлъ передъ собою противоположный примѣръ. Ботаникъ Кёльрейтеръ былъ приглашенъ адъюнктомъ на пять лѣтъ: онъ отличался въ своемъ дѣлѣ и даже сдѣлалъ извѣстныя открытія. Его статьи принадлежатъ къ малому числу хорошихъ академическихъ комментаріевъ того времени; не смотря на то, строго держались пятилѣтняго срока, и когда по истеченіи его предложили этому достойному человѣку какое-то ничтожное повышеніе, онъ отвергъ его и возвратился въ Германію, — и отлично сдѣлалъ[1]). Какою же дорогою цѣною должна была Академія купить впослѣдствіи Гмелина младшаго, а тѣмъ болѣе Палласа!

IV. Я долженъ *посвятить себя совершенно* русскому государству. — Это выраженіе Миллеръ часто употреблялъ въ отношеніи меня и также писалъ объ этомъ къ Михаэлису (Briefwechs. II, S. 518). Я долго понималъ его такимъ образомъ, что мнѣ не слѣдуетъ отказываться отъ русской службы даже въ томъ случаѣ, еслибы мнѣ предложили такія же условія гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ: и противъ этого я, говоря откровенно, не имѣлъ ровно ничего Далѣе однакожъ Миллеръ говорилъ о *государственныхъ тайнахъ*, которыми пришлось бы овладѣть, если заняться обработкой русской исторіи; но эти тайны довѣряются только тому, кто *на всю жизнь записался* въ русскую службу, какъ это тре-

[1]) Есть основаніе думать, что настоящею причиною выхода Кёльрейтера изъ Академіи были неудовольствія его съ Ломоносовымъ. Когда въ 1763 году Екатерина подписала указъ объ увольненіи Ломоносова изъ Академіи, Миллеръ выразилъ свою радость въ письмѣ къ Гебенштрейту, отъ 16 мая, и между прочимъ говорилъ: «Увѣдомьте объ этомъ скорѣе г. Кельрейтера (котораго въ то время снова приглашали на вакантную каѳедру ботаники), навѣрное это ускоритъ его рѣшимость возвратиться опять сюда». (*Дополнит. извѣстія для біогр. Ломоносова*, Пекарскаго, 1865 г. стр. 87—88).

буется въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Такое предложеніе возмутило меня неописанно. Но тогда я еще не зналъ, что Миллеръ самъ сдѣлалъ подобную ошибку и тяжело ее искупилъ. Вслѣдствіе такого формальнаго обязательства онъ дозволилъ связать себѣ руки и этимъ самымъ предалъ себя своимъ врагамъ и лишилъ себя единственнаго спасительнаго средства отъ ихъ преслѣдованія—отставки (Müllers Leben von Büsching, S. 48). Такъ какъ онъ надоѣлъ мнѣ этимъ предложеніемъ до отвращенія, то я однажды, въ непріятную минуту, отвѣчалъ ему: «еслибы мнѣ пришлось подойти къ воротамъ рая, то я не иначе воспользовался бы позволеніемъ войти, какъ получивши отъ Св. Петра удостовѣреніе, что мнѣ позволено будетъ выйти вонъ, если мнѣ вздумается». Эта грубая острота понравилась ему; потомъ онъ часто повторялъ мнѣ ее, и съ-тѣхъ-поръ пересталъ наскучать мнѣ этимъ возмутительнымъ требованіемъ (но только до 1764 г., см. ниже).

V. На счетъ I, II и III пунктовъ мы, можетъ быть, еще и согласились бы послѣ обоюдныхъ уступокъ; но — *путешествіе на востокъ?*—Сначала Миллеръ выражался объ этомъ *неопредѣленно*: «со временемъ, когда я буду на службѣ, въ удобныхъ случаяхъ къ тому не будетъ недостатка; такія вещи не даются съ разу», и т. п. Этимъ я никакъ не могъ удовлетвориться; я ждалъ *опредѣлительныхъ* предложеній. Пусть бы послали меня къ русскому посольству въ Константинополь; я разузналъ бы тамъ о лучшихъ средствахъ проникнуть возможно глубже въ Азію. Я могъ бы быть полезенъ при коммерческомъ путешествіи въ Левантъ: именно въ то время, при Петрѣ III, былъ человѣкъ, который дѣятельно и осмотрительно трудился надъ расширеніемъ русской торговли; такого рода предложеніе, подкрѣпленное авторитетомъ Миллера, безъ сомнѣнія, было бы имъ принято. Но ничего этого не было!

Цѣлыхъ два мѣсяца грызлись мы такимъ образомъ. Наконецъ, когда я довольно колко напомнилъ ему, что у меня хранятся его *письма*, а у него мои; что путешествіе на востокъ было *главною причиною* моего путешествія въ Россію; что объ этомъ я за-

явилъ ему письменно, и онъ *письменно* согласился (стр. 7); что, слѣдовательно, тутъ идетъ рѣчь о тяжкомъ для меня *обязательствѣ* и т. д., тогда онъ вскричалъ, что «это дальнее путешествіе онъ давнымъ давно считалъ пустою причудою».

Причуда! почему же онъ не *писалъ* мнѣ этого? почему онъ писалъ мнѣ противное и еще *обнадеживалъ* меня? — Причуда? Другимъ она не казалась причудою. А былъ ли Миллеръ такой человѣкъ, который могъ бы судить объ этомъ, который могъ бы въ лицо противорѣчить истинно компетентнымъ судьямъ, каковъ Михаэлисъ? Причуда причудой! Воля человѣка—это его царство небесное. Это былъ мой любимый проектъ и я приготовлялся къ нему цѣлыхъ семь лѣтъ. Если это было не такъ важно, какъ думалъ я и многіе другіе настоящіе ученые перваго разряда; то все таки это не было смѣшно: кто изъ разсудительныхъ людей даже и теперь не согласится со мною, что еслибы я успѣлъ выполнить свой планъ, то вообще оказалъ бы литературѣ весьма *существенныя* услуги. Еслибы я при этомъ погибъ — кому какое дѣло? Я могъ рисковать, потому что не принадлежалъ никому, ни женѣ, ни дѣтямъ, а только себѣ: при самомъ дурномъ исходѣ дѣла пострадалъ бы только я, и обо мнѣ пожалѣли бы, но не презирали бы меня.

Всего страннѣе то, что *его* причуда, русская исторія, и *моя* причуда, путешествіе на востокъ, были такъ легко соединимы. Я сдѣлался бы адъюнктомъ съ 360 руб. содержанія на неопредѣленное время, пробылъ бы у Миллера еще два года и приготовилъ бы ему между тѣмъ шесть частей Samml. rush. Gesch.; послѣ того, въ качествѣ профессора, я отправился бы путешествовать, хотя бы даже съ удвоеннымъ только содержаніемъ (этимъ пользовались всѣ путешествовавшіе по распоряженію Академіи), и по возвращеніи сталъ бы печатать по-арабски, по-турецки, по-славянски, въ алфавитномъ порядкѣ... Развѣ эти мои планы были безразсудны, сумазбродны, а мои требованія нескромны? Но Миллеръ не уступалъ, и я (къ чести своей) не сдѣлался вторымъ Кёльрейтеромъ. Кто былъ упрямъ? кто былъ непреклоненъ?

30.

Въ это самое время началась моя переписка съ Михаэлисомъ (выше стр. 65), которая точно напечатана въ *Mich.* Briefwechs. B. I и II.

8 февраля 1762 г. писалъ я въ первый разъ къ Михаэлису (Briefwechs. I, стр. 204), жалуясь ему, что мнѣ предложили только 300 руб. «при полной жатвѣ, какую я вижу здѣсь передъ собою и при совершенномъ недостаткѣ рабочихъ, такъ что вся честь и весь трудъ работы падутъ на меня одного».

Въ тотъ же самый день Миллеръ тоже писалъ къ Михаэлису (Briefwechs. II, S. 511). Въ своемъ письмѣ онъ осыпаетъ меня величайшими похвалами; но

> «чѣмъ больше онъ видитъ то, чего ученый міръ можетъ ожидать отъ меня, тѣмъ менѣе онъ расположенъ поощрять во мнѣ странную (?) жажду къ путешествію, развѣ въ томъ только случаѣ, когда останусь въ Россіи.... Ему кажется, что къ такому путешествію, какое предназначилъ для меня Михаэлисъ, найдется и другой *способный* человѣкъ; a) слѣдовательно, меня можно оставить при занятіяхъ русской литературой. b)... Я могъ бы находиться при посольствѣ въ Константинополѣ, Персіи и проч., но не иначе (?), какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы возвратиться въ Россію... Нужно думать о старости и позаботиться о sedem fixam (кусокъ хлѣба!) Если эту выгоду можно найти въ Россіи (при 300 р.!), то онъ не понимаетъ, зачѣмъ искать ея въ другомъ мѣстѣ послѣ долгихъ странствованій. c) Это основныя правила, которыя онъ будто бы ежедневно старается мнѣ внушить; но приму ли я ихъ, это вопросъ. Подъ конецъ онъ даже проситъ Михаэлиса соединиться съ нимъ и своимъ совѣтомъ способствовать тому, чтобъ я уступилъ».

a) Да, правда, находились десятки болѣе способныхъ, болѣе дѣльныхъ по своимъ познаніямъ и наблюдательности; но имѣли ли они столько храбрости, рѣшимости и сносливости, сколько требовалъ мой во многихъ отношеніяхъ оригинальный планъ?

b) Какъ будто бы русскую и восточную литературы нельзя было соединить вмѣстѣ (стр. 77). Правда, у кого изъ находившихся тогда при Академіи была на плечахъ крошечная работа,

тотъ уже кряхтѣлъ и показывалъ видъ, что задохнется, если грозили навьючить на него еще крошку.

c) О *кусокъ хлѣба*! И такъ, этому человѣку казалось немыслимымъ, чтобы нѣмецъ могъ пріѣхать въ Россію ради науки, а не ради того, чтобъ избѣжать голода.—И такъ, Миллеръ воображалъ, что тогдашняя петербургская aera adventus введена еще гдѣ нибудь, и что, слѣдовательно, еслибы я послѣ десятилѣтняго дальняго путешествія возвратился назадъ, имѣя около 40 лѣтъ отъ роду, то мнѣ пришлось бы въ каждомъ нѣмецкомъ университетѣ, гдѣ бы я затѣялъ искалъ sedem fixam, *начинать* опять съ адъюнкта съ 100 тал. содержанія?

Михаэлисъ, который еще не могъ разгадать намѣреній Миллера, совѣтовалъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ принять пока какую нибудь должность въ Россіи. Я колебался и размышлялъ. Миллеръ тотчасъ же извѣстилъ Михаэлиса (отъ 11 марта, Briefwechs. II, S. 515), что

«я мало-по-малу привыкаю къ Петербургу и онъ надѣется, что я наконецъ соглашусь устроиться здѣсь. Правда, вслѣдствіе того благія намѣренія Михаэлиса касательно восточной литературы понесутъ ущербъ, но выиграетъ русская исторія, да при томъ и восточная ученость не останется въ сторонѣ, такъ какъ тамъ представляется къ тому много случаевъ, тѣмъ болѣе, что, находясь при посольствѣ, я могъ бы посѣтить сосѣднія страны».

Однако, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, я расширилъ кругъ моего знакомства за предѣлы дома, сближаясь въ особенности съ нѣмцами, членами Академіи: съ Фишеромъ, Брауномъ, Цейгеромъ, Леманомъ и проч. и претерпѣлъ не одно униженіе (стр. 73): 300-ми р. при Академіи не пренебрегалъ еще ни одинъ нѣмецкій *выходецъ*! Вмѣстѣ съ тѣмъ я повсюду слышалъ жалобы и неудовольствія, что нигдѣ нѣтъ вѣры и вѣрности, что никакія обѣщанія не исполняются, никакія заслуги не уважаются, что низшіе терпятъ отъ высшихъ брань и проч. и проч.

Слѣдовательно — писалъ я къ Михаэлису (отъ 16 апрѣля, Briefwechs. II, S. 211):

«еслибы я принялъ какую нибудь должность въ Россіи, то совершенно погибъ бы для библейской филологіи. О путешествіяхъ не-

чего и думать. А наградою за то, что я отказался бы отъ своего любимаго проекта, было бы то, что я не умеръ бы съ голоду, потому что честный человѣкъ не можетъ жить въ Петербургѣ на 300 рублей. Писать о множествѣ другихъ обстоятельствъ не считаю *полезнымъ*.

Въ тотъ же день и Миллеръ писалъ къ Михаэлису (16 апр., Briefwechs. II, S. 516):

«онъ совершенно помирился съ тѣмъ. что я могу искать счастія (хлѣба?) въ другомъ мѣстѣ»... Но между тѣмъ онъ говоритъ обо мнѣ благосклонно, въ особенности о моемъ «*невѣроятномъ* знаніи русскаго языка, пріобрѣтенномъ въ такое короткое время; извиняется очень искусно, часто двусмысленно, что не можетъ больше для меня сдѣлать; но на стр. 518 объявляетъ, не скрываясь, какъ онъ боится изданія русской исторіи за границею».—Почему?—см. ниже.

31.

Эти безпокойства нисколько не мѣшали моимъ работамъ. Я продолжалъ редактированіе моего лексикона, переписку Кантемировой Молдавіи и ихтіологію. *Memorab.* Шабера была давно готова. Но новыхъ работъ для Samml. russ. Gesch. я ни за что не могъ добиться. *Несторъ* Баркова подвигался впередъ, но медленно; какъ только выходилъ новый листъ, я получалъ его: 19 апрѣля вышелъ пятнадцатый листъ и я столько же сравнилъ со спискомъ Полетики, замѣтилъ малѣйшіе варіанты (даже въ ороографіи) и дополнилъ многія отчасти очень важные пропуски.

Одна радость, одно утѣшеніе были у меня втеченіе этихъ томительныхъ дней неизвѣстности: въ началѣ марта пріѣхалъ сюда Бакмейстеръ и помѣстился со мною въ одной комнатѣ. Онъ былъ изъ Рацебурга и нѣсколько лѣтъ смотрѣлъ за страдающимъ меланхоліею Н.;—когда это мѣсто надоѣло ему, я сдѣлался его преемникомъ (стр. 1), и онъ отправился на кондиціи въ помѣстіе Ратсгофъ возлѣ Дерпта. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ мы продолжали переписку, и онъ изъявилъ вскорѣ желаніе искать счастія въ столицѣ. Миллеръ тотчасъ предложилъ ему столъ и квартиру; Бюшингъ тоже, потому что очень хорошо зналъ этого до-

стойнаго человѣка уже въ Гёттингенѣ. Для него уже имѣли въ виду мѣсто домашняго учителя въ 300 руб., въ десяти верстахъ отъ Петербурга, и должность секретаря у Корфа; Миллеръ полагалъ такъ же, что, какъ онъ зналъ математику и рисованіе, то ему можно дать занятіе въ Академіи при географической и картографической конторѣ. Поэтому я писалъ къ нему (19 февр.):

«Пріѣзжайте сюда поскорѣе; каждый пропущенный вами день— для меня незамѣнимая потеря. Небо хочетъ еще разъ соединить насъ; счастіе, какого мы не предполагали. Но если лѣтомъ мы снова разстанемся, и я поѣду въ Іерусалимъ, то разстанемся на вѣки».

Онъ пріѣхалъ. — По моемъ переселеніи изъ дома Миллера, онъ тамъ остался въ качествѣ гувернера Кондоиди вмѣсто Урсина (стр. 27). Между тѣмъ Миллеръ заставилъ его обработать исторію университетовъ дерптскаго и пернаускаго (Samml. rus. Gesch. IX, S. 95—262).

Этому человѣку я въ полномъ смыслѣ обязанъ тѣмъ, что *существую*. Съ 1766 до 1767 мы жили большею частію вмѣстѣ: этого періода, втеченіе котораго я снова претерпѣлъ неслыханныя непріятности и все таки съ неразумнымъ напряженіемъ работалъ надъ лѣтописями, я, по человѣческимъ понятіямъ, безъ него не перенесъ бы. Будучи пятью годами старше меня и уже поэтому благоразумнѣе меня, онъ въ это время былъ по преимуществу моимъ другомъ, моимъ совѣтникомъ, моимъ *опекуномъ*, и заботился обо мнѣ столько, сколько я позволялъ о себѣ заботиться. Въ то же время онъ велъ за насъ обоихъ домашнее хозяйство— для меня неоцѣнимая выгода; потому что мнѣ, и въ этомъ отношеніи антиподу Бюшинга, не было занятій болѣе противныхъ, какъ экономическія; attentus ad rem, даже въ хорошемъ смыслѣ, я не изучалъ въ подробностяхъ, а между тѣмъ не сдѣлался ни мотомъ и не влѣзъ въ долги.

Еще два года тому назадъ Бакмейстеръ жилъ въ Петербургѣ, будучи статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ. Я надѣюсь, онъ еще живъ; но все вышесказанное я написалъ, не предполагая, что онъ когда нибудь это прочтетъ.

Къ этому же времени относится другое, совершенно новое, интересное знакомство, сдѣланное мною. Эйзенъ изъ Ансбаха, во Франконіи, попалъ въ Эстляндію, вѣроятно, домашнимъ учителемъ, и наконецъ сдѣлался тамъ сельскимъ пасторомъ. Этотъ человѣкъ былъ настоящій геній; но, какъ многіе геніи, чувствующіе силу своего генія, мало учился. Безплодныя пасторскія занятія не могли дать достаточной пищи его дѣятельному уму; для чтенія не литературная Эстляндія не доставляла ему ничего, а потому онъ самъ началъ сочинять, но только не стихи. Сначала онъ бросился на сельскую экономію, потомъ поднялся до государственнаго хозяйства и наконецъ заблудился въ общей политикѣ. Онъ воображалъ, что дѣлалъ повсюду очень важныя, новыя открытія, осчастливить которыми русское государство почиталъ обязанностію гражданина. Въ царствованіе Петра III онъ испросилъ у своей консисторіи отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ; здѣсь въ домѣ Миллера я познакомился съ землякомъ. Послѣ переворота все говорило о новыхъ учрежденіяхъ — желанный моментъ для Эйзена. Онъ склонилъ на свою сторону фаворита Орлова, и въ самомъ дѣлѣ, при посредствѣ послѣдняго множество его сочиненій, написанныхъ небрежно, безъ должнаго уваженія, на четвертушкахъ, попали прямо въ руки императрицы. Я имѣлъ честь быть его довѣреннымъ лицомъ и могъ прочитать многое. Какія идеи выходили между прочимъ изъ этой свѣтлой головы! Жаль только, что этотъ человѣкъ ничего не читалъ, не имѣлъ никакой системы, прялъ все изъ себя отрывочными нитями, и потому былъ одержимъ гордостію изобрѣтателя, наслѣдственною болѣзнію всѣхъ самоучекъ. Его проекты касались всего: въ одномъ сочиненіи онъ давалъ императрицѣ хорошій совѣтъ, какъ заручиться вѣрностію своей гвардіи. Многіе были не новы; какъ ни ограничено было тогда мое знакомство съ политическими сочиненіями, я все таки часто могъ указывать ему на цѣлый рядъ книгъ, въ которыхъ его тема была исчерпана. Еще большая часть была неисполнима: взглядъ его, какъ всѣхъ прожектеровъ по профессіи, неуклонно обращался на одну вѣрно опредѣленную точку, но оставался слѣпъ относи-

тельно всѣхъ трудностей и невыгодъ, которыя встрѣчались направо и налѣво. Онъ мечталъ о золотыхъ горахъ для себя, для своей семьи и друзей; но при этихъ условіяхъ всѣ надежды должны были рушиться. Наконецъ, недовольный, онъ оставилъ Петербургъ, сложилъ съ себя пасторскую должность, сдѣлался опять экономомъ и, сколько я знаю, умеръ управляющимъ какого-то герцогскаго имѣнія въ Курляндіи. Короткое знакомство съ этимъ умнымъ человѣкомъ было для меня важно въ томъ отношеніи, что укрѣпило меня въ ненависти и отвращеніи къ проектамъ исключительныхъ теоретиковъ. Эту ненависть я уже привезъ изъ Швеціи, гдѣ тоже въ мое время прожектеры шумѣли безсовѣстно: одинъ хотѣлъ, чтобы во всемъ государствѣ хлѣбъ родился самъ-двадцать, другой хотѣлъ изъ овса дѣлать рожь и т. д.

32.

Я чуть было не забылъ о Бютцовѣ. — Когда мои виды на Россію начали помрачаться, то мнѣ было очень пріятно, что Дрейеръ самъ отъ себя черезъ ганзейскаго агента въ Петербургѣ, Виллебрандта, велѣлъ обнадежить меня и потомъ 12 марта извѣстилъ меня письменно:

«— — еще съ большимъ удовольствіемъ отдаю вамъ отчетъ въ тѣхъ, чрезвычайно милостивыхъ sentimens, какія герцогъ выразилъ въ отношеніи васъ. Я думаю привести хорошее дѣло къ желанной цѣли».

Потомъ онъ потребовалъ отъ меня подробнаго описанія моихъ плановъ, преимущественно моего studium physicobiblicum, въ которомъ герцогъ находитъ особенное удовольствіе. Я послалъ ему это сочиненіе 12-го (23) апрѣля. Мои главныя предложенія и просьбы заключались въ слѣдующемъ: 1) я хотѣлъ еще одинъ годъ пробыть въ Швеціи частью для того, чтобы больше поучиться ботаникѣ, частію, чтобы окончить свой Hierozoikon; 2) я хотѣлъ самъ одинъ годъ пробыть въ Бютцовѣ и читать экзегетико-библейскія и статистическія лекціи, а потомъ уже 3) предпринять безъ всякой чужой помощи, только на свое профессор-

ское жалованіе путешествіе на востокъ и между прочимъ собрать рѣдкости для герцогскаго кабинета.

Но вскорѣ послѣ того произошло вторичное, чрезвычайно тягостное вторженіе пруссаковъ въ Мекленбургъ: могъ ли я сомнѣваться, что оно распространитъ свое вліяніе и на меня? Я не ожидалъ даже резолюціи; но мнѣ прислали засвидѣтельствованную копію съ письма къ Дрейеру, отъ 24 августа изъ Шверина, слѣдующаго содержанія:

«... такъ какъ наши кассы, истощенныя столькими несказанными военными бѣдствіями, пока не позволяютъ приглашать въ нашъ Бюцовскій университетъ профессоровъ и вообще къ намъ на службу, то мы должны отказаться отъ вызова этого способнаго человѣка».

33.

И такъ въ Бюцовѣ ничего не вышло, въ Петербургѣ тоже.

Когда я въ послѣдній разъ (въ маѣ) заговорилъ съ Миллеромъ о мѣстѣ адъюнкта, у него вырвались слова: «тогда вамъ остается только съ первымъ кораблемъ возвратиться въ Германію, теперь же вода вскрывается». Это были самыя жесткія слова, когда либо сказанныя мнѣ Миллеромъ.

Я нашелъ въ нихъ неописанно много неблагороднаго и даже несправедливаго. Цѣлые полгода обработывалъ я съ извѣстнымъ всѣмъ усиліемъ совершенно новое для меня поле; самыя непріятныя предварительныя работы кончилъ, сдѣлалъ уже половину дѣла, и теперь, когда я могъ начать съ удовольствіемъ и выгодою пожинать то, что посѣялъ въ потѣ лица,—я долженъ отправиться во свояси! Въ эти шесть мѣсяцевъ я научился многому такому, чего не зналъ ни одинъ нѣмецкій ученый; но развѣ мнѣ помогло это приблизиться къ моимъ будущимъ литературнымъ цѣлямъ? какую пользу принесло мнѣ это въ финансовомъ отношеніи? Я потерялъ годъ жизни; мой капиталецъ, который я собралъ для поѣздки на востокъ, въ это время не только не увеличился, но значительно уменьшился. — И что всего менѣе я могъ перенести: меня заманили сюда письменнымъ ручательствомъ честнаго

человѣка, что онъ окажетъ мнѣ содѣйствіе въ исполненіи моего любимаго плана, и этотъ честный человѣкъ мнѣ въ глаза назвалъ его *причудою!*

Здѣсь впервые покинуло меня «мое счастливое юношеское легкомысліе», которое еще до сихъ поръ поддерживало меня во всѣмъ, что я терпѣлъ, упорно преслѣдуя свою цѣль. Я сдѣлалъ открытіе, что на дняхъ мнѣ исполнится 28 лѣтъ: это открытіе было для меня ново и—*ужасно.* Я потерялъ цѣлый годъ жизни, и именно двадцать седьмой, драгоцѣнный годъ! неоцѣненный для человѣка въ такомъ возрастѣ, когда пора подумать о вѣрномъ будущемъ; для человѣка, которому, если онъ и не стремится высоко, то все таки остановка кажется мучительною! И кто (кромѣ Бакмейстера) былъ способенъ оцѣнить этотъ годъ? Кого я могъ призвать, чтобы вмѣстѣ оплакивать эту потерю?

Чтобы не потерять этого дорогаго года безвозвратно, но можетъ быть, даже возвратить его съ процентами, я рѣшился прожить второй годъ въ Россіи. По-русски зналъ я порядочно (въ маѣ 1762 г.), нѣсколько хроникъ уже было у меня: съ этими данными я составилъ себѣ слѣдующій планъ: напечатать въ Германіи по крайней мѣрѣ первые образцы этихъ лѣтописей и затѣмъ пополнить пробѣлъ русской средне-вѣковой исторіи отъ 1050 до 1450 г. (еще не пополненный ни однимъ иностранцемъ), пользуясь для этого если не самими лѣтописями, то туземными auctoribus secundariis. Чтобы исполнить этотъ планъ, мнѣ необходимо было прожить и проработать въ Петербургѣ еще одинъ годъ.

Это не значило играть quitte à double, потому что выгоду можно было вычислить навѣрное. Только цѣлый годъ жить на свой счетъ въ такомъ дорогомъ городѣ, какъ Петербургъ, было для меня рисковно. И такъ я вторично (стр. 6) съ гордымъ смиреніемъ преклонился предъ обстоятельствами, и попросилъ Миллера отыскать мнѣ на одинъ годъ мѣсто *домашняго учителя* въ Петербургѣ. Я вызывался давать уроки четыре часа въ день за квартиру даже при 200 р. жалованья (иной французскій парикмахеръ получалъ тогда, въ качествѣ домашняго учителя, отъ 400

до 600 руб.; а такъ какъ Петръ III вообще не терпѣлъ французовъ, то на такія мѣста часто искали нѣмцевъ). Я откровенно объявилъ Миллеру, что въ этотъ годъ хочу употребить пріобрѣтенное знаніе русскаго языка для переводовъ, а между тѣмъ и ему окажу услугу въ Samml. russ. Gesch. — Ко всѣмъ моимъ просьбамъ Миллеръ былъ глухъ и остался глухимъ.

Однажды онъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ помѣстить меня въ посольство, которое, какъ говорили, должно было отправиться въ Пекинъ, чтобы объявить о восшествіи на престолъ Петра III. Но что мнѣ дѣлать въ Китаѣ? Что всѣ иностранные посланники въ Пекинѣ держались, какъ плѣнники, и никто изъ ихъ свиты не имѣлъ права безъ стражи сдѣлать ни шага изъ дому, это я уже зналъ. Чтобы учиться по-китайски самому или съ помощію китайскаго переводчика Россохина, для этого было очень мало времени; а что станешь дѣлать въ странѣ, языка которой не понимаешь? Можно было что нибудь сдѣлать по ботаникѣ, но именно въ этой части естествознанія я былъ всего слабѣе. И такъ, я отказался отъ этого предложенія и остался при своей просьбѣ о кондиціи. — Все напрасно!

Я былъ какъ ошеломленный. Неужели, думалъ я, этотъ человѣкъ откажетъ мнѣ въ такой скромной просьбѣ, исполненіе которой для него было такъ легко, единственно за то, что я не послѣдовалъ слѣпо его плану; между тѣмъ какъ я ничего не искалъ кромѣ *справедливаго* вознагражденія. Въ этомъ случаѣ, кажется, имъ управляла жажда мести; но эту въ настоящемъ случаѣ слишкомъ мелочную страсть я не могъ согласить съ его прежнимъ великодушнымъ образомъ мыслей и дѣйствій. Нѣтъ, это не была жажда мести; тутъ заключался высшій интересъ, которому часто поддаются благородные характеры: то было тщеславіе ученаго, ревность и зависть. Это открытіе я сдѣлалъ съ полною достовѣрностію, только благодаря его письму къ Михаэлису отъ 16 апр. 1762 г. (Briefwechs. II, S. 518). Ему, какъ русскому исторіографу, который до сихъ поръ сдѣлалъ слишкомъ мало (хотя отчасти не по своей винѣ), становилось невыразимо страшно при

мысли объ изданіи русской исторіи за границею. Въ доводахъ, которые онъ приводилъ противъ этого изданія, очевидно, смѣшиваются древняя и новая русская исторія. Исторію Романовыхъ (съ 1613 г.) никто не рѣшится писать внѣ Россіи, еслибы даже это можно было сдѣлать безопасно; но чтобы издавать древнія хроники, предшествующія этой эпохѣ, для этого только чужіе края могутъ доставить и субсидіи и работниковъ. Безконечное число разъ съ энтузіазмомъ говорилъ я ему (весьма впрочемъ неполитично), какого шуму надѣлаетъ такое изданіе за границею. Зная мои занятія впродолженіе шести мѣсяцевъ, онъ ясно видѣлъ, что я успѣлъ бы сдѣлать въ слѣдующіе двѣнадцать мѣсяцевъ,— именно то, чего исторіографъ не сдѣлалъ въ 20 лѣтъ, и никогда не могъ сдѣлать. Онъ предчувствовалъ, что въ эти двѣнадцать мѣсяцевъ и другіе окажутъ мнѣ сильную помощь, хотя бы только изъ ненависти къ нему.

Теперь я также объяснилъ себѣ то, что для меня было неразрѣшимой загадкой (стр. 44, 49): почему этотъ дѣятельный человѣкъ тормазилъ мою дѣятельность, почему онъ не давалъ мнѣ работать? Его почитатели долго извиняли его тѣмъ, что онъ съ самаго начала былъ твердо убѣжденъ, вѣроятно, поддерживаемый Бюшингомъ, что я имѣлъ намѣреніе не остаться въ Россіи, а только собирать, что можно, и съ собраннымъ парадировать въ Германіи. Къ этому прибавляли, что именно въ это время въ Россіи были недовѣрчивы, потому что незадолго передъ тѣмъ Гмелинъ старшій напечаталъ свое путешествіе по Сибири со многими свѣдѣніями, изданіе которыхъ тогдашнему правительству (т. е. отдѣльнымъ выскочкамъ-невѣждамъ) было непріятно. Въ самомъ дѣлѣ, Гмелинъ оставилъ обязательство, что возвратится; но покровительствуемый своимъ государемъ, не явился [1]. Говорятъ, что Ло-

---

[1]) «По возвращеніи изъ сибирскаго путешествія (1743 г.), академикъ Гмелинъ-старшій, (Іоганнъ Георгъ) неоднократно просилъ объ увольненіи его въ Германію; но эти просьбы были оставлены безъ вниманія. Въ 1747 году онъ заключилъ новый контрактъ, въ силу котораго обязывался продолжать службу въ Академіи и издать матеріалы, собранные имъ во время сибирскаго путеше-

моносовъ вызывался, если его уполномочатъ и заплатятъ ему, силою, но тайно вывезти бѣглеца изъ Тюбингена и доставить его въ Петербургъ [1]); Миллеръ же, хлопотавшій объ отпускѣ Гмелина, имѣлъ вслѣдствіе того ужасныя непріятности [2]), и потому-то именно сдѣлался пугливъ и робокъ. — Но какимъ образомъ исторія Гмелина подходила къ моей? — I. Почему Миллеръ не заставилъ меня у себя на глазахъ обработывать его безчисленныя рукописи *для него* и для его Samml. russ. Gesch., которое печаталось въ Петербургѣ? Я только этого и домогался. II. Собиралъ ли я въ другомъ мѣстѣ, что, по правдѣ сказать, въ то время было не такъ легко? развѣ я былъ тогда единственный иностранный собиратель въ Петербургѣ? Не такъ ли прилежно собиралъ Бекманъ, а еще болѣе Бюшингъ? Не доставлялъ ли послѣднему самъ куманекъ Миллеръ очень многія рукописи и между ними даже нѣсколько двусмысленныхъ, которыя тотъ потомъ, еще при жизни Миллера, напечаталъ въ Германіи? — И III. есть ли во множествѣ статей, относящихся до Россіи, которыя я издавалъ втеченіе двадцати четырехъ лѣтъ послѣ своего удаленія изъ этой страны, хоть одна, пріобрѣтенная мною тогда въ Петербургѣ непозволительнымъ путемъ? Безъ сомнѣнія, единственная и настоящая причина, почему, Миллеръ теперь и впослѣдствіи другой разъ, въ 1764 году, хотѣлъ, во что бы то ни

ствія. Въ томъ же году ему разрѣшена была поѣздка въ Германію за поручительствомъ Ломоносова и Миллера. Въ слѣдующемъ году дошелъ до Шумахера слухъ, что Гмелинъ не намѣренъ болѣе возвращаться въ Россію». (*Дополн. извѣстія для біограф. Ломоносова* Пекарскаго, 1865, стр. 29—30): онъ принялъ по предложенію герцога виртембергскаго мѣсто профессора ботаники въ Тюбингенѣ, гдѣ и напечаталъ свои сочиненія: Flora Sibirica и Reisebeschreibung; на русскій языкъ они не переведены, хотя и были въ свое время представлены авторомъ въ Академію (*Мат.* Билярскаго, стр. 179).

[1]) Такіе слухи могли родиться вслѣдствіе того, что Ломоносовъ, поплатившійся своимъ жалованьемъ за поручительство, уговаривалъ Гмелина возвратиться въ Россію, что было извѣстно Академической канцеляріи. 18 янв. 1749 г. Ломоносовъ увѣдомлялъ канцелярію Академіи, что Гмелинъ прислалъ «ассигнацію на часть его поручительства и оныя деньги канцелярія принять можетъ». (*Мат.* Билярскаго, стр. 121—122 и 753).

[2]) У него, также какъ и у Ломоносова, вычитали половину жалованья.

стало, удалить меня изъ Россіи, была — не боязнь, что я открою государственныя тайны, что̀ могло бы повлечь за собою непріятности для него, потому только, что онъ вызвалъ меня; но — сознаніе своей старости, слабости слога и незнанія иностранной литературы. Онъ желалъ, пусть лучше *ничего* не дѣлается, чѣмъ что нибудь хорошее безъ его имени и на счетъ другихъ.

34.

До сихъ поръ я никому не сообщалъ о своихъ переговорахъ съ Миллеромъ, и еще менѣе смѣлъ кому нибудь открыть, что ищу мѣста домашняго учителя: могъ ли кто понять, что человѣкъ въ состояніи отказаться отъ императорской службы, доставляющей 300 рублей, и искать частнаго мѣста въ 200? Только Бюшингу я открылся наконецъ, потому что ему всегда давали порученія отыскивать наставниковъ. Но и онъ наотрѣзъ отказалъ мнѣ въ своей помощи и указалъ на Миллера такимъ тономъ, какимъ наставникъ говоритъ съ воспитанникомъ. Не нарушалъ ли онъ въ этомъ случаѣ *двойной* обязанности? Онъ былъ первымъ и единственнымъ поводомъ къ тому, что я принялъ приглашеніе въ Россію: въ этомъ онъ самъ признавался (Wöchentl. Nachr. 1773 г. стр. 362), или лучше сказать, попрекалъ меня оказаннымъ мнѣ благодѣяніемъ. Онъ зналъ отъ своего друга, Михаэлиса, точнѣе, чѣмъ кто нибудь другой, что путешествіе на востокъ вовсе не было глупостію и что въ моемъ договорѣ оно было положено въ основаніе, какъ conditio *sine qua non*.

И такъ 1) Бюцовъ ускользнулъ. 2) Мѣста адъюнкта нѣтъ. 3) Кондицій тоже. Но какъ только открылось при академической типографіи 4) *мѣсто корректора* по нѣмецкому и латинскому языкамъ съ жалованіемъ въ 200 руб., я поспѣшилъ къ Миллеру и просилъ его доставить мнѣ это мѣсто (разумѣется, на неопредѣленное время). Что мнѣ хорошо было знакомо это дѣло, я доказалъ ему тѣмъ, что продержалъ корректуру Государственной исторіи Пюттера (изд. 1762 г.) и арабской грамматики и хрестоматіи Михаэлиса къ полному удовольствію обоихъ авторовъ.

Миллеръ засмѣялся мнѣ въ лицо и спросилъ, неужели я говорю это серіозно? Но честное слово, это было серіозно. — Нѣсколько дней спустя, за чаемъ, онъ въ моемъ присутствіи разсказывалъ одному незнакомому лицу, что я вызвался быть corrector vitiorum academicorum! Но для меня это было не шуточное дѣло, потому что я дошелъ уже до конца. Пятаго проекта у меня не было: я истощился. Мое затрудненіе, мое негодованіе достигли высшей степени: тогда явился Таубертъ!

35.

Таубертъ — грудь моя подымается отъ высокаго чувства сердечной благодарности, когда я пишу это имя, называю или даже вспоминаю его. Михаэлисъ, Таубертъ, Струбе — вы для меня вѣчно дороги! Вы основатели моего счастія, т. е. того, что я, довольствующійся малымъ, называю счастіемъ!

Статскій совѣтникъ фонъ Таубертъ, нѣмецъ, родившійся въ Петербургѣ, въ то время слишкомъ пятидесяти лѣтъ отъ роду, передъ тѣмъ адъюнктъ, былъ тогда академическимъ библіотекаремъ и, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, начальникомъ академической канцеляріи; слѣдовательно, онъ былъ истиннымъ правителемъ Академіи (потому что у президента, гетмана Разумовскаго, мало было времени заниматься академическими дѣлами, а бѣдная конференція не смѣла). Тонкій, ловкій придворный, не записной ученый, но все таки человѣкъ свѣтлаго ума, со многими познаніями, особенно въ языкахъ (какъ адъюнктъ, онъ перевелъ кое-что на русскій языкъ и напечаталъ), Таубертъ былъ полонъ честолюбія и стремленія отличиться какимъ-нибудь блистательнымъ предпріятіемъ и dicier, Hic est! конечно съ сильною склонностью къ деспотизму, — но кто изъ русскихъ начальниковъ не имѣлъ ея въ то время?

Передъ нимъ Академіею управлялъ полновластно статскій совѣтникъ Шумахеръ (о которомъ Бюшингъ разсказываетъ такъ много дурнаго, конечно большею частью со словъ Миллера, и многое не ложно). Дочь этого Шумахера, одна изъ прекрасныхъ,

образованнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ дамъ въ столицѣ, была женою Тауберта. Такъ какъ Миллеръ и Бюшингъ были закадычными друзьями и курили ѳиміамъ другъ другу, а Таубертъ и Миллеръ ненавидѣли и отъ души презирали одинъ другаго, то M-me Таубертъ приходилось иногда въ обществѣ отпускать остроты на счетъ Бюшинга; конечно, онъ о нихъ узнавалъ и онѣ до такой степени возбудили его мстительность, что онъ позволилъ себѣ, еще при ея жизни (1785 г.) пустить въ свѣтъ ядовитое выраженіе, будто «Таубертъ получилъ *мѣсто директора Академіи ради своей жены*» (Müllers Leben, S. 63).

Таубертъ уже съ января зналъ меня по первой рекомендаціи Миллера, какъ феноменъ, такъ отлично учившійся по-русски; но больше онъ ничего не зналъ обо мнѣ. Впослѣдствіи я сдѣлалъ ему нѣсколько визитовъ: онъ встрѣчалъ меня всегда со вниманіемъ, какого обыкновенно въ Петербургѣ нашему брату не оказывалъ никто изъ имѣющихъ власть; впрочемъ онъ не освѣдомлялся о моихъ обстоятельствахъ. Только въ маѣ онъ нашелъ однажды случайнымъ образомъ въ заграничномъ книжномъ каталогѣ подъ моимъ именемъ мою *шведскую біографію;* онъ спросилъ меня: я ли это? и послѣ моего застѣнчиваго «да» видимо повеселѣлъ и удивился. Теперь только онъ началъ со мною разговоръ о подробностяхъ моего положенія. Что я былъ въ Швеціи, два раза учился въ Геттингенѣ, уже много напечаталъ, получилъ приглашеніе въ Бюцовъ, состою корреспондентомъ геттингенскаго общества, — все это для него было ново. Миллеръ, знавшій все это въ точности не счелъ нужнымъ сообщить Тауберту. Еще менѣе зналъ онъ о поводѣ моего путешествія въ Россію, о проектѣ путешествія на востокъ, о настоящей причинѣ, почему я не хочу быть адъюнктомъ (т. е. быть связаннымъ на пять лѣтъ). Все это онъ узналъ только отъ меня; при этомъ я тщательно остерегался внести въ свой разсказъ что-либо похожее на жалобу на Миллера; я разсказывалъ только факты серіозно и съ достоинствомъ. Этимъ я видимо склонилъ Тауберта въ свою пользу, и онъ отпустилъ меня со словами: *«вы должны остаться у насъ, вы будете довольны»*.

Я мало обратилъ вниманія на эту сцену: такъ глубоко овладѣло мною негодованіе и недовѣріе. Поэтому я вскорѣ послѣ того просилъ о мѣстѣ корректора (стр. 98); но такъ какъ я, къ моей чести, но по истинѣ не къ моей радости, получилъ отъ Миллера позорный отказъ, а между тѣмъ мѣсто отдавалось отъ канцеляріи, то я обратился къ Тауберту, который въ разсказанномъ выше разговорѣ почти оказался моимъ покровителемъ. Но Таубертъ принялъ меня, такъ же, какъ Миллеръ: *«лучше корректоромъ безъ чина съ 200 р., чѣмъ адъюнктомъ съ 300?»* Эту странность я объяснилъ ему тѣмъ, что корректору нѣтъ надобности связывать себя опредѣленнымъ числомъ лѣтъ, а отъ адъюнкта требуется обязательство и даже на пять лѣтъ, для чего я слишкомъ старъ. Съ этого времени Таубертъ убѣдился еще сильнѣе, что причина, по которой Миллеръ не могъ сладить со мною, заключается вовсе не въ моемъ нерасположеніи къ русской службѣ вообще. Но я втихомолку утѣшалъ себя во вторичномъ отказѣ въ корректорскомъ мѣстѣ тѣмъ, что онъ, повидимому, доказывалъ, что начинаютъ открывать охотника подъ его инкогнито (стр. 6).

36.

Прошло не много времени, какъ Таубертъ позвалъ меня къ себѣ (въ началѣ іюня) и сдѣлалъ мнѣ слѣдующія предложенія: I. быть при Академіи a) адъюнктомъ, b) на совершенно неопредѣленное время, c) съ 360 р. жалованія; за это я долженъ былъ работать для русской исторіи и приготовлять переводы. Кромѣ того II. давать по одному уроку въ день въ пансіонѣ сыновей гетмана Разумовскаго, за что предлагали совершенно готовую квартиру (т. е. квартиру съ мебелью, обѣдъ, ужинъ и особаго слугу). При моемъ тогдашнемъ крайне затруднительномъ положеніи эти предложенія показались мнѣ упавшими съ неба. Я принялъ ихъ немедленно и сердечно благодарилъ за нихъ небо и Тауберта. Какъ спокойно я могъ теперь — *выжидать.*

Все было уже окончено, когда Миллеръ узналъ объ этомъ отъ Тауберта. Этимъ разрушились его планы; но причиною тому

былъ не я, а его сослуживецъ и начальникъ Таубертъ. Еще $^{16}/_{27}$ апрѣля онъ просилъ Михаэлиса вмѣсто меня прислать другаго. Михаэлисъ предложилъ ему 22 мая двоихъ, а восемь дней спустя, третьего Старке (Briefwechs. II, стр. 5). Но 18 іюня Миллеръ писалъ ему «о перемѣнахъ, выражалъ надежду, что я останусь, а потому просилъ не искать мнѣ преемника». Вскорѣ послѣ того (25 іюня, Briefwechs. II, S. 529) онъ подтвердилъ Михаэлису прежнюю просьбу и изложилъ (отчасти невѣрно) условія моего опредѣленія на службу съ такими выраженіями и извиненіями, при чтеніи которыхъ Михаэлисъ долженъ былъ подумать, что все это сдѣлано Миллеромъ. Но онъ не только былъ далекъ отъ того, чтобы сдѣлать что нибудь, но въ немъ кипѣла желчь и гнѣвъ, потому что онъ не былъ въ состояніи измѣнить то, что сдѣлалъ для меня Таубертъ

Въ этомъ случаѣ его оставилъ обыкновенный, великодушный, справедливый образъ мыслей (стр. 36). Слѣдуя канцелярскому ходу дѣлъ, онъ долженъ былъ письменно предложить президенту назначить меня въ адъюнкты. Вотъ его записка, отличающаяся совершенною безсвязностію [1]). Какимъ высокимъ тономъ онъ говоритъ о себѣ! Въ самомъ дѣлѣ, его знакомство съ Россіею было обширно (стр. 44); но могло ли оно доставить ему почтеніе? Во всѣхъ отрасляхъ иностранной литературы онъ былъ совершенный невѣжда, и не могъ не быть невѣждою (стр. 30). Калмыкскій лама можетъ знать о своей странѣ и о своемъ народѣ больше, чѣмъ всѣ европейскіе ученые, вмѣстѣ взятые; но развѣ это даетъ ему право ставить себя выше всѣхъ? И какъ небрежно, отчасти явно несправедливо и неприлично гордо говоритъ онъ обо мнѣ! Онъ, который 20 лѣтъ отъ роду, не окончивши еще академическаго курса, сдѣлался адъюнктомъ и 25-ти лѣтъ ни одной строчкой не заявилъ себя и, даже не зная русскаго языка, сдѣлался профессоромъ, не стыдился обращаться со мною, 27-лѣтнимъ, окончившимъ курсъ

---

[1]) Шлецеръ перевелъ ее слово въ слово; но мы помѣщаемъ ее здѣсь въ оригиналѣ, который заимствуемъ изъ *Матеріаловъ* Билярскаго, стр. 695—697.

(ср. § 29), какъ съ кандидатомъ, котораго онъ выписалъ за 100 рублей....

«... Его Сіятельству, Академіи Наукъ господину Президенту графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому

Покорнѣйшее доношеніе.

«Разсуждая о лѣтахъ моихъ и о множествѣ положенныхъ на меня дѣлъ, кои по надлежащему исправить едва нахожусь въ состояніи, а когда смерть меня застигнетъ, то съ великимъ ущербомъ Россійской и сосѣдственныхъ государствъ исторіи останется много мною зачатаго и къ чему потребныя извѣстія уже собраны, не въ совершенствѣ, чего избѣгать можно, есть-ли опредѣленъ будетъ при мнѣ заблаговременно изъ молодыхъ ученыхъ людей человѣкъ, знающій историческія науки, древности, и нужнѣйшіе европейскіе и отчасти оріентальные языки» [такихъ людей, которые обладали означенными выше четырьмя отраслями познаній, конечно, можно было находить за границею на каждомъ перекресткѣ и выписывать ихъ по 100 рублей за штуку?], «который бы подъ моимъ руководствомъ (!) какъ въ издаваніи собранныхъ мною о Россіи и о прочихъ сѣверныхъ [1]) народахъ историческихъ и географическихъ извѣстій трудился, такъ и въ случаѣ смерти моей должность сію продолжать могъ; но здѣсь такого къ сему намѣренію способнаго человѣка я не нашелъ; буде же выписать изъ-за моря прямо на службу человѣка неизвѣстнаго, по одной отъ другихъ рекомендаціи, то статься можетъ, что въ здѣшную пользу явится послѣ негоденъ. Для сихъ причинъ разсудилось мнѣ быть лучшему средству совѣтовать съ нѣкоторыми иностранными корреспондентами, не сыщется ли гдѣ человѣкъ ученый и къ моему намѣренію способный, который бы пріѣхалъ сюда на моемъ囗коштѣ (!), будто бы для вспоможенія въ моихъ дѣлахъ приватно. Ежели же я потомъ усмотрю его достойнымъ, то Вашему Высокографскому Сіятельству его представить былъ намѣренъ съ рекомендаціею, а буде нѣтъ, то инымъ образомъ объ немъ стараться я имѣю (!!), и на такомъ основаніи выписалъ я въ прошломъ 1761 г. изъ Гёттингена кандидата гдна Шлецера, который мнѣ былъ выхваленъ яко человѣкъ ученый и добронравный и къ моему намѣренію во всемъ (?) способный, а я держалъ его при себѣ на моемъ коштѣ съ полгода, дабы довольно объ немъ быть увѣреннымъ, пока Вашему Высокографскому Сіятельству о моемъ съ нимъ намѣреніи представлю. Нынѣ же я совершенно извѣстенъ, что онъ, гднъ Шлецеръ, въ уче-

[1]) Въ нѣм.: и азіатскихъ.

ныхъ языкахъ, въ латинскомъ и греческомъ, да отчасти и въ еврейскомъ и въ арабскомъ, искусенъ, при томъ кромѣ достаточнаго знанія природнаго нѣмецкаго языка, знаетъ и говоритъ по французски и по шведски, а въ историческихъ наукахъ онъ довольно упражнялся, особенно по случаю, что нѣсколько лѣтъ онъ былъ въ Швеціи, прилѣгалъ къ исторіи сѣверныхъ народовъ и здѣсь съ немалымъ успѣхомъ и къ исторіи Россійской. Онъ же на нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ издавалъ разныя историческія книги, которыя отъ ученыхъ людей приняты съ похвалою, къ тому-жъ онъ въ короткое время бытія его при мнѣ такъ прилѣжно обучался Россійскому языку, что уже изъ Россійскаго на иностранные языки и переводить можетъ, чему есть опыты, два имъ переведенные и на нѣмецкомъ языкѣ напечатанные указы. Того ради Вашему Высокографскому Сіятельству его и рекомендовать я не сомнѣваюсь, прося, дабы соизволили его опредѣлить при *мнѣ* въ адъюнкты съ обыкновеннымъ адъюнктскимъ жалованіемъ и съ обнадѣживаніемъ, ежели онъ дѣйствительно окажетъ плоды своего въ россійской исторіи прилѣжанія, то со временемъ и въ профессоры произведенъ быть имѣетъ. Сей способъ признаваю за единственной къ совершенному сочиненію Россійской исторіи для славы имперіи и для пользы всенародной, чѣмъ Ваше Высокографское Сіятельство и весь ученый свѣтъ превосходнымъ образомъ себѣ обяжетъ. Г. Ф. Миллеръ. Маія дня 1762 года.

Это доношеніе, какъ и слѣдующій документъ, было помѣчено заднимъ числомъ, отъ прошедшаго мая мѣсяца, потому что Таубертъ хотѣлъ дать мнѣ возможность пользоваться полнымъ жалованіемъ уже съ іюня, при чемъ и Миллеръ сберегалъ $8^1/_3$ рубля. Затѣмъ послѣдовалъ приказъ президента (разумѣется, составленный Таубертомъ).

«Канцеляріи Академіи Наукъ.

«Предоставлено мнѣ отъ конференцъ-секретаря и профессора г. Миллера, что весьма бъ полѣзно было, есть ли бы къ нему яко исторіографу въ разсужденіи положенныхъ на него многихъ другихъ дѣлъ, опредѣлить въ помощь изъ молодыхъ ученыхъ людей, знающихъ историческія науки, древности и нужнѣйшіе европейскіе и оріентальные языки; дабы оной подъ руководствомъ какъ въ изданіи собранныхъ имъ о Россіи и прочихъ сѣверныхъ народахъ историческихъ извѣстій трудиться, такъ бы и въ случаѣ его смерти должность сію продолжать могъ, къ чему рекомендовалъ онъ прибывшаго сюда недавно изъ нѣмецкой земли ученаго человѣка г-на

Шлетцера, который во всѣхъ вышеписанныхъ наукахъ оказалъ уже изрядные опыты, и черезъ короткое время въ знаніи россійскаго языка столь предуспѣлъ, что съ онаго въ состояніи уже переводить на другіе языки; того ради для вышеписанныхъ резоновъ упомянутому г-дну Шлетцеру быть адъюнктомъ при Історіографѣ и подъ его руководствомъ упражняться въ собраніи и въ сочиненіи всякихъ до россійской исторіи касающихся извѣстій, а при томъ трудиться и въ сочиненіи газетъ и въ переводахъ съ россійскаго на нѣмецкій и латинской языки всякихъ дѣлъ, какія ему по его знанію и искуству препоручены будутъ; а жалованье опредѣляетси ему противъ прочихъ академическихъ адъюнктовъ, начиная съ 1 Іюня сего года по триста по шестидесяти рублей въ годъ съ такимъ обнадеживаніемъ, что есть-ли онъ окажетъ пользу отъ трудовъ своихъ то впредь награжденіемъ оставленъ не будетъ. Маія дня 1762 г. Графъ К. Разумовскій.

37.

Tantae molis erat — сдѣлаться с.-петербургскимъ адъюнктомъ съ 360 р. жалованія!! Но я еще не былъ адъюнктомъ. Фридрихъ единственный (der Einzige) своимъ вторженіемъ въ Мекленбургъ лишилъ меня профессорскаго мѣста въ Бюцовѣ, а моему опредѣленію въ адъюнкты помѣшало еще болѣе важное историческое событіе, вслѣдствіе котораго оно опять сдѣлалось сомнительнымъ.

Правда, недостовало только подписи президента подъ моимъ опредѣленіемъ. Это «совершится (писалъ Миллеръ Михаэлису въ вышеупомянутомъ письмѣ отъ 25 іюня, стр. 93), лишь только гетманъ возвратится въ городъ изъ Петергофа, гдѣ онъ находится при государѣ». Но онъ не пріѣхалъ, потому что....

28 іюня совершился *переворотъ*. Въ восьмомъ часу утра вошла ко мнѣ въ комнату моя хозяйка и сказала холодно и спокойно: «ея величество императрица *взошла на престолъ*», и болѣе ничего. Я такъ много *читалъ* и *слышалъ* о политическихъ переворотахъ, но ни одного *не видѣлъ* (ибо случившійся въ 1756 г., въ Стокгольмѣ остался незамѣченнымъ, потому что не удался), что мною овладѣло желаніе быть очевидцемъ такого интереснаго событія. Я наскоро одѣлся и вышелъ изъ дому въ (13 линія); ни-

кѣмъ незамѣченный и не остановленный, въ сильнѣйшую жару дошелъ я почти до 4 линіи и, по своей близорукости, только тутъ замѣтилъ, что, на всемъ пространствѣ ни предо мною, ни позади меня на улицѣ не было ни души, даже въ окнахъ никого не было видно. Мнѣ стало страшно: я дошелъ до Невскаго моста,[1]) поглядѣлъ и увидѣлъ разставленныя пушки и войско, которое кипѣло на необозримомъ пространствѣ. Меня бросило въ дрожь. Идти впередъ я не смѣлъ, а назадъ? — Что, еслибы обратили на меня вниманіе и, не закричавъ: стой! выстрѣлили мнѣ въ спину, или еслибъ меня только арестовали, какъ подозрительнаго человѣка? Я поворотилъ назадъ, прошелъ все длинное пространство, не встрѣтивъ никого; сначала я пробирался потихоньку, какъ убѣгающій левъ, но подъ конецъ пустился галопомъ и счастливо достигъ своего дома.

Впослѣдствіи отъ своихъ знакомыхъ я узналъ, въ какую большую опасность я попалъ, не по своей вѣтренности, а только по невѣдѣнію. Въ Петербургѣ существовало общее правило, что если ночью или среди бѣлаго дня на улицѣ совершалось убійство (тѣмъ болѣе во время переворотовъ), тó никому не позволялось выходить изъ дому: дѣйствовали только войска.

О самомъ переворотѣ я говорить не буду: cui non dictus Hylas? Многіе нарушили свое прежнее глухое молчаніе и громко благословляли его. Сказать правду, Петръ III выводилъ изъ терпѣнія. Уже одно презрѣніе, оказываемое русскому духовенству и богослуженію въ сравненіи съ приличіемъ, съ какимъ онъ присутствовалъ при лютеранскомъ богослуженіи въ Кронштадтѣ, должно было раздражить всю націю. А эта игра съ гольштин-

[1]) Невскимъ мостомъ Шлецеръ называлъ единственный въ то время мостъ чрезъ Большую Неву, находившійся противъ Исакіевскаго собора. Если Шлецеръ находился у этого моста, то могъ видѣть развѣ тотъ отрядъ войска, который окружалъ и грабилъ домъ Бестужева (бывшій на мѣстѣ нынѣшняго сената), гдѣ жилъ со своимъ семействомъ принцъ Георгъ Гольштинскій, дядя императора. Все же остальное ему легко могло показаться, какъ человѣку близорукому. (См. *Записки* Позье, *Русская Старина*, мартъ, 1870, стр. 220).

цами, которая была болѣе, чѣмъ игра (кто въ обществѣ могъ слушать безъ злости, какъ двадцатидвухъ-лѣтнихъ нѣмецкихъ господчиковъ величали маіорами, а русскихъ сѣдыхъ офицеровъ поручиками?) лишила его преданности арміи. Онъ потерялъ уваженіе даже у необразованной части публики, которой такъ часто являлся на балконахъ своихъ вельможъ съ трубкою въ зубахъ, пьяный, шатаясь, послѣ обѣда у нихъ. Никогда я такъ искренно не убѣждался въ практическомъ значеніи изученія исторіи, какъ во время этого переворота. Всѣ тѣ ошибки, и всѣ невѣроятныя ошибки, какія сдѣлалъ 157 лѣтъ тому назадъ извѣстный Лже-Димитрій, повторилъ Петръ III. Можно ли вообразить, что несчастный впалъ бы во второй разъ въ эти ошибки, еслибы зналъ ихъ, т. е. еслибы онъ не былъ полнымъ невѣждою въ своей исторіи?

Тауберть принималъ большое участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ: въ подвалахъ занимаемаго имъ академическаго дома ночью печатался манифестъ [1]), который былъ розданъ уже на разсвѣтѣ. Я благодарилъ небо, что не удостоился играть роль въ этомъ опасномъ событіи; вѣроятно, я былъ оставленъ въ сторонѣ потому, что былъ еще человѣкомъ слишкомъ новымъ и неизвѣстнымъ. Но какъ легко нашъ братъ безъ всякаго намѣренія можетъ быть втянутъ въ такой водоворотъ, показываетъ слѣдующая исторія. Одинъ служившій при Академіи ученый нѣмецъ былъ вечеромъ позванъ къ какому-то вельможѣ [2]), который объявилъ ему, что наборщики и печатники со своими приборами уже заперты тамъ-то и тамъ-то, съ тѣмъ чтобы ночью печатать революціонный манифестъ, а онъ, нѣмецъ, долженъ отправиться туда же и держать тамъ корректуру и тому подобное. Бѣднякъ отказывался отъ порученія, умолялъ,

---

[1]) Если не ошибаемся, это единственное свѣдѣніе о мѣстѣ печатанія манифестовъ: по свидѣтельству Пекарскаго, въ дѣлахъ Академіи нѣтъ вовсе упоминанія о печатаніи русскихъ манифестовъ; на иностранныхъ же языкахъ ихъ начали печатать при Академіи уже 29 іюня (*Ист. Имп. Ак. Н.* П. Пекарскаго, т. I, стр. 658).

[2]) По предположенію Пекарскаго, этотъ вельможа былъ самъ президентъ Академіи, гр. Кир. Гр. Разумовскій; имя же академика остается пока неизвѣстнымъ. (*Ист. Имп. Ак. Н.* т. I, стр. 659).

просилъ на колѣняхъ избавить его отъ порученія. «Вы знаете уже слишкомъ много», отвѣчали ему: «вы и я отвѣчаемъ головою, если что нибудь откроется. Вы *должны* и не можете идти никуда, кромѣ вашего назначенія». Его потащили. И за это отчаянное дѣло, за смертельный страхъ вознаградили его несчастными пятьюдесятью рублями!

Миллеру ничего не было поручено во время переворота; но онъ надѣялся, что въ царствованіе Екатерины II, которая, бывши великою княгинею, лично знала его, наступятъ времена лучше тѣхъ, которыя онъ прожилъ при Елисаветѣ и Петрѣ III. Спустя нѣсколько дней послѣ бури, онъ взялъ меня съ собою къ тайному совѣнику Теплову, который главнымъ образомъ управлялъ машиною[1]), чтобы принести ему поздравленіе. N'est ce pas une grande affaire? — et bien conduite? сказалъ Тепловъ съ гордостью и самодовольствомъ; но больше не заблагоразсудилъ каяться государственному исторіографу, врагомъ котораго былъ ужъ много лѣтъ.

38.

Дѣло Екатерины II и ея партіи было рѣшено; теперь снова дошла очередь и до *моего*.

Таубертъ напомнилъ мнѣ, что слѣдуетъ подать въ канцелярію прошеніе объ адъюнктскомъ мѣстѣ. Это было мнѣ не по сердцу, да сверхъ того я считалъ это совершенно не нужнымъ. Но ужъ такъ было заведено въ Россіи; только впослѣдствіи я узналъ, что эта мода, унизительная для чиновника, существуетъ въ Саксоніи, въ Грейсвальдскомъ университетѣ и еще гдѣ-то. Какъ будто правители не нуждаются въ чиновникахъ столько же, сколько народы въ правителяхъ!

---

1) Участіе Теплова въ событіи 28 іюня здѣсь преувеличено; ему поручена была редакція манифестовъ, изданныхъ по этому поводу. (*Ист. Имп. Акад. Н.* Н. Пекарскаго. т. I стр. 658; см. такъ же *XVIII вѣкъ*, Бартенева, кн. 2, стр 581).

Таубертъ приготовилъ мое формальное опредѣленіе:

1762 года 4-го Іюля. По указу ея Императорскаго величества, Академическая канцелярія, выслушавъ ордеръ его сіят. Президента графа... Разумовскаго, чтобы представленнаго ему господиномъ конференцъ-секретаремъ и профессоромъ Миллеромъ, прибывшаго сюда изъ Гёттингена кандидата Шлецера опредѣлить при исторіографѣ адъюнктомъ, съ жалованіемъ въ 360 рубл. съ 1-го іюня текущаго года, какъ для собиранія и составленія разнаго рода извѣстій, касающихся русской исторіи, такъ и для перевода разныхъ сочиненій на нѣмецкій и латинскій языкъ; — Приказали: чтобы означенный Шлецеръ занимался при гнѣ Миллерѣ въ упомянутой должности адъюнкта Академіи Наукъ, а сверхъ того, если понадобится, при газетѣ и переводахъ съ русскаго на нѣмецкій и латинскій; коммиссаріатъ долженъ выдавать ему выше опредѣленное жалованье ея имп. величества, 360 рублей, съ означеннаго дня; онъ долженъ быть приведенъ къ присягѣ и внести свое имя въ списокъ; и чѣмъ именно упомянутый Шлецеръ будетъ заниматься, о томъ онъ самъ, а равно гнъ профессоръ Миллеръ, на основаніи академическаго регламента обязаны рапортовать академической канцеляріи къ концу каждой трети года *). Это объявить ему, Шлецеру, съ подписаніемъ, а также по этому послать въ другія подлежащія мѣста указы.

Иванъ Таубертъ.
Секрет. Михайло Гурьевъ.

Опять недостовало подписи президента. Вскорѣ онъ снова явился на нашъ островъ и остановился въ пансіонѣ своихъ дѣтей, который только что былъ выстроенъ. Меня потребовали туда, Таубертъ меня представилъ ему и онъ подписалъ.

Вскорѣ послѣ того я присягнулъ въ канцеляріи. Миллеръ повезъ меня домой въ своемъ экипажѣ и дорогою сказалъ мнѣ, что теперь я долженъ выполнить первую адъюнктскую работу, — составить указатель къ одному тому его Samml. russ. Gesch. «Составить указатель», отвѣчалъ я, «даже какъ испытаніе было бы слишкомъ ничтожно для адъюнкта Императорской Академіи наукъ». Онъ, кажется, обидился и съ этого времени не поручалъ мнѣ ни составленія указателя, ни другой ученой работы; а вѣдь я былъ *его* адъюнктомъ.

*) Никогда не дѣлалось ни Миллеромъ, ни мною.

Въ конференцію я не былъ введенъ, а потому, какъ адъюнктъ, не имѣлъ тамъ ни кресла, ни голоса. Тутъ я самъ былъ виноватъ, потому что никогда не напоминалъ объ этомъ Тауберту. Отчасти я зналъ, какъ тамъ скучно, что̀ обыкновенно бываетъ въ академіяхъ и въ ученыхъ обществахъ; отчасти я боялся Миллера, который не утерпѣлъ бы, чтобы время отъ времени не наговорить мнѣ, навязанному ему товарищу, въ открытомъ собраніи непріятностей, которыхъ безъ вредныхъ послѣдствій нельзя было бы проглотить и на которыя нельзя было бы возражать.

39.

Мои комнаты, которыя я долженъ былъ занять въ пансіонѣ Разумовскаго, еще не были готовы [1]). Миллеръ спрашивалъ меня разъ и два, не могу ли я переѣхать. Когда онъ въ третій разъ сдѣлалъ мнѣ этотъ вопросъ, я уложилъ свои вещи и переѣхалъ отъ него; но на первый разъ къ своему частному знакомому, надворн. сов. Шишкову, члену нѣмецкой или лифляндской юстицъ-коллегіи. Цѣлыхъ три недѣли я весело провелъ у него на квартирѣ и пользовался его русскимъ столомъ. Наше знакомство продолжалось и послѣ непрерывно. Онъ говорилъ очень хорошо по-нѣмецки; правда, онъ не былъ ученый, но имѣлъ свѣтлыя идеи и всасывалъ въ себя ученыя свѣдѣнія, какъ губка, — характеристическая черта почти всѣхъ русскихъ, не совсѣмъ испорченныхъ воспитаніемъ. Отъ него я узналъ о ходѣ дѣлъ въ государственныхъ коллегіяхъ: деспотизмъ съ одной и подлость съ другой стороны, подкупъ и крючки (Schicane) были выше всякаго описанія.

У него было значительное имѣніе съ крѣпостными крестьянами; на счетъ послѣднихъ мы были, конечно, различныхъ мнѣній. Однажды онъ мнѣ разсказывалъ, что въ числѣ его крестьянъ

---

[1]) Сюда, если не ошибаемся, слѣдуетъ отнести VI письмо Шлецера къ Миллеру, безъ означенія числа и безъ подписи (см. Прилож. письма къ Миллеру), свидѣтельствующее о томъ, что переселеніе въ пансіонъ Разумовскаго не обошлось безъ мелочныхъ препирательствъ.

есть одинъ, превосходный человѣкъ, который мало-по-малу поправитъ все его имѣніе: продержавъ его пять лѣтъ на пустоши, которую тотъ съ искусствомъ и несказаннымъ трудомъ приводитъ въ цвѣтущее состояніе, онъ переводитъ его потомъ на другое такое же безплодное мѣсто, и честный малый опять начинаетъ съизнова; такъ проведетъ онъ его по всему имѣнію. Я удивлялся долготерпѣнію честнаго невольника, но въ то же время сомнѣвался, не обнаруживаетъ ли эта процедура неблагородства и безчеловѣчія въ самомъ господинѣ. Въ другой разъ онъ жаловался, что внутри Россіи часто на 100 и болѣе верстъ въ окружности нѣтъ не только врача, но даже хирурга, и удивлялся, что ни одному помѣщику не придетъ въ голову послать на свой счетъ одного изъ своихъ крѣпостныхъ за границу учиться медицинѣ и хирургіи, точно такъ же, какъ ихъ обучаютъ другимъ *«ремесламъ»* для пользы имѣнія.

Изъ своей коллегіи онъ выдалъ мнѣ (1763 г. 4 мая) одинъ важный писанный фоліантъ, изъ котораго я сдѣлалъ выписки и содержаніе котораго обозначаю здѣсь для будущихъ историковъ Лифляндіи. I. *Экстрактъ-бухъ* королевскихъ писемъ, касающихся различныхъ городскихъ, сельскихъ, военныхъ и другихъ privatorum дѣлъ, pro annis 1634—1655, по алфавиту, стр. 1—127. II. *Экстрактъ* королевскихъ писемъ и указовъ, относящихся до различныхъ предметовъ, съ 1660 до 1679, въ хронологическомъ порядкѣ, стр. 128—263. III. *Указатель* королевскихъ писемъ de anno 1680, по алфавиту. IV. *Указатель* словъ и предметовъ подлинныхъ шведскихъ королевскихъ писемъ de annis 1681, 82, 83. Здѣсь хранится еще нетронутое сокровище, частію весьма полезныхъ свѣдѣній, касающихся до состоянія Лифляндіи въ шведскій періодъ, особенно ея торговли и состоянія церкви, 30-ти лѣтней войны и слѣдующихъ войнъ, а также Россіи и проч. Такъ напримѣръ, я нашелъ здѣсь, что уже въ 1681 году въ Ригѣ печаталась газета, что лифляндское дворянство называло себя въ 1663 году patres patriae и defensores justitiae, и что король находилъ это неприличнымъ; что дерптскому профессору Меніусу

въ 1636 г. открыли архивы замка и города съ тою цѣлью, чтобы онъ написалъ лифляндскую хронику и т. д.

ГЛАВА VI.

Адъюнктъ, съ іюля 1762 г.

40.

Мои публичныя и оффиціальныя адъюнктскія занятія состояли, *во-первыхъ*, въ переводахъ на нѣмецкій языкъ такихъ указовъ, которые были особенно важны; но прошу не приписывать мнѣ всѣхъ указовъ съ того времени: большую часть все еще приготовляли старые переводчики и эта часть, какъ справедливо жалуется Бюшингъ, часто написана не по-нѣмецки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже совершенно невѣрно. Переводить указы гораздо труднѣе, нежели ученыя сочиненія; но вслѣдствіе того мое знакомство какъ съ языкомъ, такъ и съ отдѣльными отраслями государственнаго управленія (юстиція, финансы и проч.) значительно возросло. Гдѣ мнѣ приходилось оставлять пробѣлы, тамъ наставлялъ меня Таубертъ самымъ услужливымъ образомъ. Латинскій переводъ случился только однажды: то была льготная грамота, которою гернгутерамъ дозволялось селиться въ Россіи. Для газетъ (выше стр. 100) мнѣ не давали никакой работы. Гораздо важнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятнѣе для меня были бы, *во-вторыхъ*, работы, которыя адъюнктъ исторіографа обязанъ былъ исполнить, но исторіографъ ему ничего не давалъ. Я воображалъ, что Богъ вѣсть какъ скоро пойдетъ Samml. russ. Gesch. Если-бы я могъ только переписывать на-чисто и въ то же время поправлять слогъ и концентрировать ненапечатанные матеріалы Миллера, то, работая только въ часы досуга, я доставлялъ бы каждый мѣсяцъ по четверти алфавита. Но ни одного листочка не далъ онъ мнѣ для этой цѣли, хотя я продолжалъ посѣщать въ его

домѣ Бакмейстера, да и ему не забывалъ время отъ времени отдавать должные визиты.

И такъ большая часть времени оставалась мнѣ на *третью* мою обязанность, на древнюю русскую исторію. Я осторожно говорю: на *древнюю* русскую исторію, т. е. до дома Романовыхъ; новой я остерегался: намеки Миллера, что если станешь копаться въ государственныхъ тайнахъ, то нужно себя закабалить, напугали меня; до 1613 года, думалъ я, нѣтъ никакихъ государственныхъ тайнъ въ русской исторіи. Между тѣмъ все, что мнѣ удавалось узнавать о новѣйшихъ событіяхъ, я старательно скрывалъ, даже и не думая этимъ хвалиться. Но древняя русская исторія съ этихъ поръ сдѣлалась моимъ любимымъ занятіемъ: я работалъ надъ нею истинно con amore. Все было *ново!* Не нужно было быть ни геніемъ, ни ученымъ историкомъ; нужно было только понимать по-русски и быть прилежнымъ, и уже можно было въ короткое время услужить обществу квартантами и навѣрное разсчитывать на его похвалу, благодарность и благословеніе. И такъ я могъ теперь спокойно работать, свободный отъ заботъ о пропитаніи и хлопотъ, а напротивъ, всячески поддерживаемый и поощряемый Таубертомъ. Конечно, о путешествіи въ Аравію болѣе и рѣчи не было; но при всемъ томъ я вовсе не думалъ отъ него отказываться. Въ самомъ дурномъ случаѣ, годъ, много два я могъ извлекать пользу изъ того, что могъ въ Германіи обращать въ деньги то, что узнавалъ въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поправить пришедшія въ безпорядокъ мои обстоятельства; между тѣмъ я думалъ, что тридцать лѣтъ отъ роду не слишкомъ много, чтобы предпринять такое путешествіе.

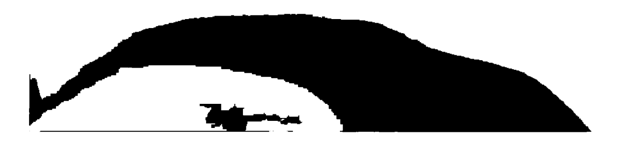
41.

Изученіе древней русской исторіи должно было происходить систематически и по извѣстному плану; и не глубокимъ размышленіемъ, но простымъ человѣческимъ разсудкомъ дошелъ я до слѣдующаго совершенно новаго плана; потому что метода, по которой передъ тѣмъ я изучалъ шведскую и другія частныя исто-

ріи, была еще непримѣнима къ русской: здѣсь еще не было предварительной разработки и никакихъ вспомогательныхъ средствъ.

Съ древними лѣтописями я былъ очень мало знакомъ, и то только по двумъ или тремъ спискамъ. Что огромное количество послѣднихъ разсѣяно по всему государству, этого я еще не зналъ. Еще менѣе было мнѣ извѣстно, что онѣ встрѣчаются во ста различныхъ видахъ. Я затруднялся такъ же въ способѣ пользованія ими: я хотѣлъ поступать съ ними, какъ съ библіею и классическими авторами; но онѣ этого не заслуживали и не терпѣли. Имъ вполнѣ соотвѣтствуютъ Annales Fuldenses и тому подобныя необработанныя средневѣковыя хроники; что дѣлать критикѣ съ такимъ матеріаломъ, еще въ 1761 году показалъ Землеръ въ своемъ *Опытѣ о пользованіи источниками... средневѣковой исторіи;* но съ этой драгоцѣнною книжкою я познакомился гораздо позже. Наконецъ, эта первоначальная хроника была для меня еще слишкомъ трудна; мнѣ попадалось множество мѣстъ, словъ и изрѣченій, которыхъ никто и никакая книга не могла мнѣ объяснить. Поэтому я прекратилъ сравненіе со спискомъ Полетики и переводъ издаваемаго Нестора, печатаніе котораго впрочемъ шло нестерпимо медленно, и на первое время вообще отказался отъ *критическаго* изученія древнихъ хроникъ, надъ которыми еще въ будущемъ, Богъ дастъ, послѣ счастливаго возвращенія изъ Іерусалима, придется поработать. Теперь же я съ усердіемъ принялся за слѣдующія предварительныя работы.

I. Прежде всего я сталъ искать полной генеалогіи всѣхъ русскихъ великихъ и другихъ князей, начиная съ Рюрика, со всѣми ихъ побочными линіями, впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ до устраненія этой династіи отъ престола въ 1598 году (она еще существуетъ, слѣдовательно, это самая древняя во всемірной исторіи фамилія изъ нѣкогда царствовавшихъ). У русскихъ лѣтописцевъ есть недостатокъ — называть этихъ князей только по имени и отчеству (Святославъ Ивановичъ, напр.); потому часто въ одномъ столѣтіи встрѣчаются пять Святославовъ и изъ нихъ трое съ одинаковыми отчествами. Для избѣжанія недоразумѣній

необходимы родословныя таблицы. Ломоносовъ и Миллеръ не за долго до того печатали ихъ; но обѣ чрезвычайно неполны; лучшая попалась мнѣ въ рукописи Татищева. Но гораздо больше услугъ оказала мнѣ чрезвычайно большая писанная таблица, склеенная изъ нѣсколькихъ листовъ, отъ Рюрика до Елисаветы, съ краткимъ означеніемъ главныхъ событій. Я списалъ и сравнилъ все это, и, разумѣется, нашелъ множество варіантовъ въ генеалогическихъ и хронологическихъ показаніяхъ. Но теперь у меня было по крайней мѣрѣ основаніе, на которомъ со временемъ я могъ оперить критику, поправки и сомнѣнія. Впослѣдствіи Щербатовъ много трудился надъ этимъ: множество родословныхъ таблицъ составляютъ главнѣйшую заслугу его огромнаго, но неудобоваримаго труда.

II. Вмѣстѣ съ тѣмъ я поспѣшилъ добыть, по возможности скорѣе и легче, пока только *всеобщее обозрѣніе* фактовъ, относящихся въ особенности къ четыремъ вовсе неизслѣдованнымъ столѣтіямъ (1050—1450), хотя бы они были перемѣшаны съ недостовѣрными разсказами. Для этой цѣли я уже получилъ отъ Тауберта Татищева; но даже и онъ былъ для меня еще труденъ, по крайней мѣрѣ я не былъ въ состояніи скоро дѣлать изъ него выписки. Но тутъ, къ неописанной моей радости, Таубертъ познакомилъ меня съ двумя писанными фоліантами, находившимися въ русской академической библіотекѣ (или въ архивѣ, какъ ее называли); они содержали нѣмецкій переводъ одной изъ полнѣйшихъ лѣтописей (не знаю точно, которой). Переводъ этотъ, какъ мнѣ разсказывали, былъ сдѣланъ нѣмецкимъ ученымъ Селліусомъ, который потомъ сошелъ съ ума и постригся въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Почеркъ въ этихъ двухъ фоліантахъ былъ очень небреженъ, однако можно было читать; языкъ перевода — скверный нѣмецкій, часто смѣшной и простонародный; но онъ былъ подстрочный и, сверхъ всякаго ожиданія, вѣрный. Съ какимъ удовольствіемъ выписывалъ я изъ этихъ фоліантовъ, имѣя пока единственною цѣлью составленіе обозрѣнія фактовъ. Если бы они попали ко мнѣ пятью мѣсяцами раньше, когда я еще дол-

женъ былъ мучиться надъ первоначальными лѣтописями! — 31 іюля 1762 г. я началъ дѣлать выписки, а 25 сентября окончилъ половину фоліанта. Я не начиналъ съ самаго начала, но выбралъ нѣсколькихъ великихъ князей, исторія которыхъ преимущественно была богата и важна, но притомъ еще наименѣе извѣстна. Осенняя лихорадка, которая во все время моего пребыванія въ Петербургѣ постоянно возвращалась ко дню Св. Михаила, прервала эту веселую работу, но только на нѣсколько мѣсяцевъ.

III. Чѣмъ далѣе я шелъ впередъ, тѣмъ яснѣе я видѣлъ, что въ русскихъ лѣтописяхъ все было *по-византійски.* Вслѣдствіе этого я началъ (лѣтомъ 1763 г.) серіозно изучать этихъ византійцевъ. Случайно я попалъ сначала на Георгія Пахимереса, а потомъ на Константина Багрянороднаго, съ отличнымъ коментаріемъ Рейске. Я нашелъ, что духъ византійцевъ обнаруживался на каждой страницѣ моихъ древнихъ русскихъ, въ образѣ мыслей и изложенія, и даже въ безчисленныхъ отдѣльныхъ словахъ и оборотахъ. И тутъ и тамъ монахъ назывался старцемъ и *черноризцемъ;* принять схиму (σχῆμα) значило сдѣлаться монахомъ и проч. Это повело меня еще дальше — къ дю-Канжа Glossar. med. graec.: какъ я удивился, встрѣтивъ здѣсь не десятки, а сотни русскихъ словъ, которыхъ до сихъ поръ, вѣроятно, никто не искалъ въ Константинополѣ! Я перелисталъ фоліанты отъ начала до конца, хотя только поверхностно, и сдѣлалъ множество открытій (впрочемъ только *грамматическихъ*).

IV. Очень естественно, что въ памятникахъ русской старины IX и X столѣтія встрѣчались слова и значенія словъ, уже утраченныхъ въ XVIII. Гдѣ было взять указанія? Если я показывалъ такое непонятное мѣсто русскому, хотя и не ученому, но одаренному здравымъ смысломъ, онъ отвѣчалъ мнѣ прямодушно: «я этого не понимаю, *этого уже никто изъ русскихъ не понимаетъ».* Но если я наталкивался на полуученаго, тотъ ни мало не думая, отвѣчалъ мнѣ наугадъ; но если замѣчалъ, что его догадки, по своей неосновательности, требуютъ доказательствъ, то смотрѣлъ на меня, на нѣмца, насмѣшливо или съ состраданіемъ и говорилъ:

«повѣрьте мнѣ (вѣдь я природный русскій): *это такъ*». Напрасно я возражалъ, что данное объясненіе, можетъ быть, и вѣрно, но что въ то же время возможны и четыре другія, подходящія къ тексту. Если же принимался наставлять меня какой нибудь превосходительный, или вообще господинъ въ чинахъ, нѣсколькими ступенями выше адъюнкта, то я долженъ былъ почтительно молчать, даже и въ томъ случаѣ, когда бы онъ мнѣ сказалъ: «повѣрьте мнѣ: 7-ью 9=64». Но я, только что вышедшій изъ еврейской школы Михаэлиса, первымъ основнымъ правиломъ котораго было: «если на еврейскомъ языкѣ встрѣчается слово только однажды, или очень рѣдко, и потому его значеніе неопредѣленно, то ищи его въ родственныхъ діалектахъ», — я въ слѣдующемъ же 1763 г. (17 апрѣля) началъ изученіе *славянскихъ нарѣчій*. Моимъ первымъ чтеніемъ, изъ котораго я многому научился, были совершенно случайно: 1) *Изслѣдованіе о морѣ*, Поповича, 1750 г. и 2) Origg. linguae Sorabicae, Френкеля, 1693 г. Я пріобрѣлъ совсѣмъ иной взглядъ на славянскій языкъ, благодаря этому Френкелю, не смотря на его этимологическія глупости, которыхъ онъ между прочимъ наболталъ довольно. — Какъ богата наша нынѣшняя литература средствами для изученія всѣхъ славянскихъ нарѣчій, развившихся до степени книжнаго языка, переводами библіи, грамматиками, словарями, тогда этого никто не зналъ въ Россіи, слѣдовательно, и я не зналъ; только впослѣдствіи стало мнѣ это извѣстно отъ Бюттнера и въ гёттингенской библіотекѣ.

Кто берется за древнія русскія лѣтописи, не зная, во-первыхъ, византійской литературы, а во-вторыхъ, множества славянскихъ нарѣчій, тотъ будетъ такимъ же страннымъ человѣкомъ, какъ большая часть прежнихъ комментаторовъ Плинія, которые не обладали ни естественно-историческими, ни технологическими познаніями. Не доказываетъ ли этого простой здравый смыслъ? Но вотъ теперь уже 38 лѣтъ я иду по этой единственно разумной дорогѣ, и нашелъ ли я до сихъ поръ хоть одного послѣдователя въ томъ и другомъ?

Это была работа по призванію, и она одна, еслибы я исполнялъ ее честно, сдѣлала бы меня достойнымъ моего званія и моихъ 360 рублей!

Приглашеніе въ упомянутое уже воспитательное заведеніе Разумовскаго представлялось мнѣ только частнымъ и денежнымъ дѣломъ, очень выгоднымъ для меня, но безъ всякихъ послѣдствій въ моей будущей судьбѣ. Но какъ чрезвычайно важно сдѣлалось оно для меня вслѣдствіе стеченія случайностей! Вотъ почему я долженъ описать его подробно.

ГЛАВА VII.

Воспитательный институтъ Разумовскаго.

Съ іюня 1762 года до начала 1765 г.

42.

У гетмана казаковъ и президента Академіи графа Разумовскаго было много дѣтей, между которыми было три сына, уже 13, 11 и 8 лѣтъ. Онъ хотѣлъ дать имъ хорошее воспитаніе, потому что былъ хорошій человѣкъ и желалъ, чтобы они были раньше образованы, чѣмъ онъ. Состоянія на это у него было достаточно; въ то время годовые доходы гетмана оцѣнивали въ 600,000 рублей. Но мамаша, какъ говорили, затрудняетъ хорошее воспитаніе этихъ подрастающихъ сыновей. Поэтому какой-то благоразумный человѣкъ (вѣроятно, Таубертъ) посовѣтовалъ отцу удалить ихъ отъ матери, не высылая изъ Петербурга. Вслѣдствіе этого по сю сторону Невы, на Васильевскомъ острову, въ 10-й линіи, слѣдовательно, въ моихъ предѣлахъ, наняли и прилично меблировали огромный, новый домъ, похожій на дворецъ. Сюда-то и помѣстили трехъ графовъ, Алексѣя, Петра и Андрея; къ нимъ прибавился 8-лѣтній Тепловъ, геніяльный мальчикъ, уже тогда

мило игравшій на скрипкѣ, потомъ такой же мальчикъ, Олсуфьевъ, а еще позже 14-лѣтній Козловъ.

У всѣхъ этихъ воспитанниковъ былъ гувернеромъ Mr Bourbier, прежде бывшій французскій лакей, но лакей образованный: на своемъ языкѣ онъ писалъ совершенно правильно ореографически и грамматически, потому что много читалъ. Кромѣ его было три учителя, которые въ томъ же домѣ пользовались квартирою и столомъ: полуученый іезуитскій ученикъ изъ Вѣны и двое ученыхъ, адъюнктъ Академіи Румовскій, математикъ, и я. Прочіе учителя только приходили на домъ и получали плату за уроки по часамъ. Мы, иностранцы, должны были преподавать на французскомъ языкѣ, потому что воспитанники еще не понимали по-нѣмецки. Все хозяйство велъ дворецкій, молодой, хитрый нѣмецъ, которому впрочемъ вскорѣ было отказано, такъ какъ его счеты стали невыносимы. Столъ былъ графскій. Въ постное время онъ былъ раздѣленъ: одна половина была для православныхъ; тутъ стояли только постныя кушанья: не было ни мяса, ни масла, ни молока, ни яицъ. Изъ шалости, или изъ страсти къ опытамъ сѣлъ я однажды на эту половину съ намѣреніемъ выдержать весь русскій постъ. Для этого не требовалось особеннаго умерщвленія плоти: прекрасная рыба, приготовленная самыми разнообразными способами; печеніе, приготовленное на прованскомъ или даже на лукскомъ маслѣ; миндальное молоко къ кофе вмѣсто коровьяго,— все могло понравиться самому большому лакомкѣ. И не смотря на то, у меня на пятый день появилась лихорадка, заставившая меня прекратить шутку.—Два экипажа постоянно стояли готовые: парадная карета для графовъ и другая для насъ, учителей; но мы всегда для порядка должны были сперва спрашивать у гувернера. Я жилъ внизу въ двухъ большихъ комнатахъ, а напротивъ меня мой товарищъ Румовскій. — Весь этотъ институтъ, какъ я слышалъ, стоилъ ежегодно 10,000 рублей; но я не понимаю, какъ могло доставать этой суммы.

И за все, чѣмъ я пользовался въ этомъ домѣ, я долженъ былъ работать только шесть часовъ въ недѣлю (не 12, какъ сказано у

Михаэлиса, Briefwechs. II, стр. 529). Мы жили здѣсь прекрасно! Все было согласно, общительно и юношески весело. Въ цѣломъ домѣ не было ни одной дамы, которая черезъ-чуръ стѣснила бы насъ; а между тѣмъ приличіе и достоинство не нарушались. Въ числѣ шести учениковъ было двое шалуновъ (только *живыхъ*, какъ выражается французская педагогика); но всѣ гуверneры имѣли способность удержать ихъ въ порядкѣ; только изрѣдка жалобы доходили до высшей инстанціи, до Тауберта. Когда одинъ изъ юныхъ господчиковъ сталъ слишкомъ часто повторять вопросъ: est-il *noble*? и возражать: mais il n' est pas *noble*, то мы, всѣ учителя, условились, даже съ согласія Тауберта, примѣнить къ нему продолжительное, но тонкое наказаніе, которое вполнѣ вылѣчило внука очень *не* благороднаго дѣда.—Какъ всегда водится въ большихъ смѣшанныхъ обществахъ, одно лицо является предметомъ шутокъ для остальныхъ; такъ было и здѣсь; но насмѣшки никогда не переходили въ оскорбленіе и такимъ образомъ увеличивали веселость нашего общества, вовсе не разстраивая его. Однимъ словомъ, здѣсь было прекрасно! Съ благодарностію я буду считать два съ половиною года, проведенные въ этомъ институтѣ, самыми пріятными въ моей долгой жизни.

43.

Нашъ домъ былъ наполненъ прислугою, большею частью русскою, крѣпостными уважаемыхъ отцовъ нашихъ учениковъ. Они не спали на постеляхъ, но проводили ночь на голой землѣ, на цыновкахъ, или на шерстяныхъ одѣялахъ, а зимою на низкихъ продолговатыхъ печахъ, устроенныхъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ. Держали только двухъ свободныхъ нѣмцевъ: тогда это было въ модѣ во всѣхъ большихъ домахъ. Хотя одинъ нѣмецъ — слуга стоилъ въ три раза дороже русскаго, но про нихъ распространилась слава, что они аккуратнѣе и чище и что вообще могутъ сдѣлать втрое болѣе, чѣмъ русскій крѣпостной.

I. Одинъ изъ этихъ нѣмцевъ имѣлъ несчастіе — повода не знаю — сойти съ ума. Его нужно было связать; прислуга сдѣ-

лала это очень грубо, и тогда его помѣшательство перешло въ ярость. Кромѣ меня, никто не могъ смирять его посредствомъ убѣжденія, а потому меня часто призывали къ бѣдному земляку. Нѣсколько минутъ ласковаго разговора по-нѣмецки успокоивали его и хотя онъ не становился совершенно разсудительнымъ, по крайней мѣрѣ не шумѣлъ, и я каждый разъ рѣшался развязывать его съ помощью прислуги, на свой рискъ. Но только что я удалялся, онъ снова начиналъ бѣситься и его снова связывали жестокимъ образомъ. Отчего не посадили его въ домъ сумасшедшихъ и тѣмъ не облегчили его страданій? Отвѣтъ: Тогда въ Петербургѣ еще не было такого заведенія. Только спустя нѣсколько лѣтъ подумали объ этомъ, и то потому, что какой-то сумасшедшій бросилъ камень въ окно императорскаго дворца, увидѣвъ стоящую тамъ императрицу [1]). Тогда сенатъ послалъ въ академію за свѣдѣніями объ устройствѣ такихъ домовъ и за планами; но ихъ не

---

[1]) Не отвергая возможности этого факта, считаемъ необходимымъ замѣтить, что первое распоряженіе о постройкѣ домовъ для умалишенныхъ, заключавшихся, въ старину въ монастыряхъ, относится ко времени императора Петра III и поводомъ къ нему послужилъ совершенно иной случай. Въ *Полномъ Собраніи Законовъ*, томъ XV, № 11,509, находимъ высочайше утвержденный докладъ Сената о постройкѣ для безумныхъ особенныхъ домовъ и объ отдачѣ имѣній, принадлежащихъ безумнымъ, подъ надзоръ наслѣдниковъ. Докладъ этотъ составился «по обстоятельству производимаго въ Сенатѣ дѣла о безумныхъ князѣ Андреѣ, князѣ Сергѣѣ князь Степановыхъ дѣтяхъ Козловскихъ», имѣніе которыхъ, по ихъ безумству, на основаніи существовавшихъ законовъ, желали взять въ свое смотрѣніе ихъ ближайшіе родственники и наслѣдники. Постановивъ рѣшеніе касательно движимой и недвижимой собственности, Сенатъ присовокупилъ, «что какъ оныхъ безумныхъ князей Козловскихъ, такъ и впредь таковыхъ же, дабы они, будучи у родственниковъ, по безумію своему въ непристойные поступки не впали, ежели они, родственники, имѣть ихъ безумныхъ у себя не пожелаютъ, надлежитъ отдать подъ началъ въ монастыри»... На этомъ докладѣ слѣдующая резолюція императора: «Безумныхъ не въ монастыри опредѣлять, но построить на то нарочный домъ, какъ то обыкновенно и въ иностранныхъ государствахъ учреждены долгаузы». По восшествіи на престолъ Екатерины указъ этотъ оставленъ во всей своей силѣ, «токмо пока упомянутый долгаузъ строится для такихъ безумныхъ, Сенатъ разсуждаетъ назначить монастырь къ тому способный; и при построеніи долгауза, на какомъ содержаніи опредѣляемымъ въ оной быть и къ тому какіе чины потребны, слѣдуетъ по примѣру другихъ государствъ учинить установленіе. И объ ономъ поднесенный Ея Имп. Велич., сего Августа 8 дня (1762), въ Высочайшемъ въ Сенатѣ присутствіи докладъ, Ея Имп. Велич. собственноручнымъ подписаніемъ Всемилостивѣйше апробовать соизволила»... Полн. С. Зак. т. XVI, № 11,047.

было; поэтому, когда въ 1755 г. мнѣ дали первый отпускъ въ Германію, то въ числѣ многихъ порученій однимъ изъ важнѣйшихъ было собраніе такихъ свѣдѣній. Я честно и съ не малымъ трудомъ, но только въ тихомолку, исполнилъ это важное порученіе, началъ осмотръ, разспросы и переписку въ Любекѣ и продолжалъ въ Целлѣ, Нюрнбергѣ и т. д. до Пфорцгейма. [1])

Ни одного дома сумасшедшихъ въ городѣ, который тогда уже насчитывалъ болѣе 100,000 жителей! О другомъ въ такой же степени важномъ недостаткѣ узналъ я на погребальномъ пиршествѣ, которое давалось въ честь умершаго домашняго учителя нѣмца. Когда умиралъ иностранецъ, то ни правосудіе, ни полиція не обращали вниманія на его наслѣдство, но все, каково бы ни было его состояніе, переходило въ руки окружающихъ его знакомыхъ, т. е. primis occupantibus. Отъ честности послѣднихъ зависѣло, чего могли ожидать иногородные наслѣдники. Тогда еще не было хорошо извѣстныхъ въ образованныхъ государствахъ особенныхъ *хранительницъ наслѣдствъ*, называемыхъ Formula и Sportula (сравн. съ Searches, осмотрщицами умершихъ въ Лондонѣ), методическая дѣятельность которыхъ спасала иногда изъ наслѣдства, за вычетомъ расходовъ, до двухъ процентовъ.

Но во многихъ отношеніяхъ полиція въ столицѣ была образцовая. Она составляла особенную сильную государственную коллегію, имѣвшую во главѣ генерала. Но какъ вездѣ, такъ и здѣсь не только не было конца жалобамъ на нее, но недоброжелательная публика искажала неоспоримо хорошія ея дѣйствія, приписывая эти дѣйствія грязнымъ источникамъ; но развѣ публикѣ нужно было ломать голову надъ мотивами хорошихъ дѣйствій? Въ одну зиму мостъ черезъ Неву (который соединяетъ Васильевскій островъ въ Ингерманландіи съ противулежащею главною частію города въ Кареліи) былъ устроенъ въ неслыханно дотолѣ короткое время; злые языки объяснили такую поспѣшность не заботливостію объ общей пользѣ полицеймейстера, но его тоскою по madame von ***, которая жила по ту сторону рѣки.

---

[1]) См. прилож. рапортъ Акад. Н. отъ 25 мая 1765 г.

II. Второй слуга — нѣмецъ, Mr. Іоганнъ, былъ нѣмецъ изъ Венгріи; красивый молодой человѣкъ, со своею образованною, прекрасною женою, послѣ странныхъ приключеній, о которыхъ никто никогда не могъ узнать ничего опредѣленнаго, былъ занесенъ судьбою изъ своего отечества въ Россію. Румовскій и я постоянно обращались съ нимъ особенно внимательно, потому что во всемъ его поведеніи не было ничего лакейскаго. По-русски онъ говорилъ бѣгло; по всему вѣроятію, онъ уже въ Венгріи познакомился съ языкомъ Словаковъ. Случайно мы открыли, что онъ знаетъ и полатыни: онъ былъ въ состояніи разсказать содержаніе латинской повѣстки изъ конференціи, которая не застала насъ дома. Въ другой разъ мнѣ, также случайно, привелось увидѣть кое что имъ написанное: такого прекраснаго нѣмецкаго и латинскаго почерка не было во всемъ государствѣ, тѣмъ болѣе въ Академіи. — Еще третье явленіе: воспитанники брали уроки рисованія, и рисовали пастилями: Mr. Іоганнъ долженъ былъ приносить и уносить вещи и при этомъ украдкою посматривалъ на работу. Однакожъ этотъ человѣкъ, завѣрявшій насъ честью, что онъ во всю свою жизнь не бралъ въ руки пастильнаго карандаша, посадилъ свою жену и снялъ съ нея портретъ удивительно похоже. Также удачно вышелъ и мой портретъ.

Такому генію не слѣдовало долѣе оставаться на запяткахъ нашей кареты! Однажды я показалъ Тауберту образчикъ его письма; въ слѣдующій годъ онъ былъ опредѣленъ копіистомъ въ Академію съ жалованьемъ въ 200 рублей.

Его честное и привѣтливое поведеніе, соединенное съ универсальными способностями, съ теченіемъ времени поднимали его все выше и выше, тѣмъ болѣе, что онъ отошелъ отъ Академіи; въ 1797 г. онъ былъ уже коллежскимъ совѣтникомъ (полковникомъ). Жаль только, что онъ потомъ, увлеченный знаніемъ многихъ языковъ, впалъ въ этимологическія причуды и хотѣлъ греческія и нѣмецкія техническія слова объяснить арабскимъ, турецкимъ и Богъ вѣсть какимъ языкомъ (Gött. Gel. Anz. 1798).

III. *Николай* (уменьшительное *Николашка*), шестнадцатилѣт-

ній расторопный малый, одинъ изъ крѣпостныхъ гетмана, былъ опредѣленъ спеціально ко мнѣ. Это былъ первый мой слуга; слѣдовательно, мнѣ пришлось довольно поздно обладать такою мебелью; но я поздравлялъ себя съ тѣмъ, что мнѣ не пришлось имѣть ее раньше. Человѣкъ, которому въ 16 или даже въ 6 лѣтъ даютъ особаго слугу съ правомъ повелѣвать имъ, а не только пользоваться его помощію, будетъ испорченнымъ человѣкомъ и впослѣдствіи долженъ будетъ размышлять десять лѣтъ дольше, чтобы впитать въ кровь и плоть идею о равенствѣ всѣхъ людей и признать въ слугѣ ami malheureux (выраженіе экономистовъ). Въ человѣческой жизни совершается множество спокойныхъ перемѣнъ, на которыя обращается очень мало вниманія, потому что онѣ сами по себѣ очень малы, и вслѣдствіе того ихъ рѣдко признаютъ причинами значительныхъ явленій; но по всей вѣроятности, въ самомъ человѣкѣ, который даже не можетъ дать себѣ въ томъ яснаго отчета, онѣ производятъ существенный переворотъ. Юноша получаетъ шпагу или становится офицеромъ (я не говорю о томъ случаѣ, когда патентъ дается при крещеніи); получаетъ первые карманные часы (пріобрѣтеніе заслуженное, не подарокъ: Землеръ отмѣтилъ эту эпоху въ своемъ жизнеописаніи); жена счастливца, до сихъ поръ легко ходившая пѣшкомъ, въ первый разъ катитъ по улицамъ въ собственномъ экипажѣ и т. д.; — но слуга производитъ въ образѣ мыслей своего господина бо́льшій переворотъ, чѣмъ шпага, часы и карета, при чемъ и самъ претѐрпѣваетъ тоже. Господинъ приказываетъ и приказываетъ только для своей собственной пользы (такъ даже государь не можетъ приказывать своему подданному); онъ взваливаетъ на слугу тѣ дѣла, которыя предъ тѣмъ самъ исполнялъ съ трудомъ; онъ требуетъ этихъ услугъ повелительнымъ, слѣдовательно, оскорбительнымъ тономъ; онъ грубо обращется съ человѣкомъ, а тотъ долженъ оставаться спокойнымъ, даже вѣжливымъ, hilari vultu, non patienter tantum, ferendae injuriae? Презрѣнный человѣкъ, ты обязанъ исполнять несчетныя услуги, ты униженъ до степени только *средства*, слѣдовательно до *мебели*, и только то, что ты добро-

вольно и притомъ на опредѣленное время согласился нести этотъ позоръ, отличаетъ тебя отъ раба! Въ низшихъ сословіяхъ положеніе слуги не связано съ такимъ позоромъ и вредомъ: крестьянинъ предъ своимъ работникомъ, крестьянка предъ своею работницею не забываютъ никогда, что эти люди имъ равны и со временемъ сдѣлаются тѣмъ же, чѣмъ они сами. Но уже въ такъ называемыхъ среднихъ и высшихъ кастахъ начинается это ужасное зло и становится хотя мало замѣчаемою, но главною причиною испорченности этихъ сословій. Господинъ и слуга взаимно унижаютъ другъ друга. Господа... мнѣ нѣсколько разъ случалось быть свидѣтелемъ, какъ молодой, здоровый мужчина (мужчина!), занимаясь своимъ туалетомъ, или скорѣе, приказавъ слугѣ заняться имъ, стоялъ или сидѣлъ, какъ деревянная кукла, боясь каждаго свободнаго движенія, и даже дозволялъ Іоганну подвязывать ему подвязки... (Съ шестаго до шестьдесять-шестаго года моей жизни я тоже дозволялъ втеченіе нѣсколькихъ недѣль раздѣвать и одѣвать себя: разъ—послѣ паденія вмѣстѣ съ лошадью, въ другой разъ—послѣ паденія съ лѣстницы въ книжной кладовой); но что кромѣ того нѣкоторые господа вмѣняли слугѣ въ обязанность такія угожденія и даже женщины требовали отъ мужской прислуги такихъ грязныхъ и мерзкихъ услугъ, на которыя, къ сожалѣнію, соглашались не только довѣренные крѣпостные, но и свободные, подложадные до денегъ слуги,—это превосходитъ границы вѣроятія— да и кто станетъ сообщать публикѣ подобныя мерзости?

Понятно, что при моихъ правилахъ моему первому слугѣ со мною и около меня было очень мало дѣла. Но вскорѣ эти правила, какъ ни были они основательны и человѣколюбивы, чуть было не причинили мнѣ и мальчику, Николашкѣ, бѣды. Я не давалъ ему достаточно занятій, да и по дому у него не было никакой работы. Для *истиннаго* человѣка эта скука была бы невыносима (Гельвецій говоритъ, что еслибы обезьяны могли узнать, что такое скука, то онѣ сдѣлались бы людьми): отъ скуки онъ началъ пьянствовать. Къ счастію, я узналъ, что онъ можетъ читать и писать, и даже очень порядочно писать. Тогда я взялъ его въ руки: за-

ставилъ его списывать при себѣ, и вскорѣ могъ дать ему срочную работу, которую онъ долженъ былъ исполнить въ то время, когда меня не было въ комнатѣ. Конечно, въ первые мѣсяцы его писаніе было для меня безполезно; но со временемъ онъ достигъ того, что могъ приготовлять цѣлые квартанты лѣтописей и другихъ русскихъ манускриптовъ, которые мнѣ оставалось только просматривать и которые мнѣ служатъ и до сихъ поръ. — Вѣдь я сдѣлалъ доброе дѣло. Но какъ впослѣдствіи его перетолковали, объ этомъ см. ниже плачевно-смѣшное доношеніе.

Однажды я нашелъ его полупьянымъ; но такъ какъ онъ на другой день, уже совершенно трезвый, исполнилъ свою работу, и исполнилъ ее особенно хорошо, то я прочиталъ ему наставленіе (на-сколько умѣлъ проповѣдывать по-русски), что онъ легко могъ бы составить себѣ счастіе въ свѣтѣ, если бы велъ порядочную жизнь и трудился, потому что онъ пишетъ уже такъ хорошо, какъ не многіе въ его лѣта. Онъ выслушалъ меня и, когда я кончилъ свое наставленіе, отвѣчалъ: я крѣпостной человѣкъ. Эти слова проняли меня до костей. По прошествіи тридцати семи лѣтъ, все стоитъ предо мною семнадцатилѣтній человѣкъ въ своемъ голубомъ сюртукѣ; я все еще вижу равнодушную физіономію, слышу глухой голосъ, какимъ онъ, повидимому, безчувственно, безъ всякаго выраженія горести произнесъ эти слова. Да будетъ проклято крѣпостное право (glebae-adscription)! Съ этого времени я не могъ думать безъ горечи объ этомъ безчеловѣчномъ изобрѣтеніи, объ его имени и о немъ самомъ. Эта адская выдумка, введенная въ законную силу христіанскимъ попомъ, епископомъ констанцкимъ, къ стыду его религіи, германизма и человѣчества, притупляетъ и убиваетъ всякое даже инстинктивное движеніе человѣка къ личному счастію и къ пользѣ общей.

44.

Сначала въ этомъ институтѣ мнѣ были поручены только уроки нѣмецкаго языка; но потомъ ихъ передали нѣмцу изъ Вѣны (стр. 110), а мнѣ досталась латынь. Тутъ я дѣйствовалъ по-сво-

ему, и старый пасторъ уже не мѣшалъ моей новой методѣ, какъ шесть лѣтъ тому назадъ въ ***.

Между прочими новѣйшими пріемами я, кромѣ перевода, при чемъ пользовались грамматикою при случаѣ и въ видѣ таблицъ, ввелъ также разговоры со своими учениками по-латыни. Такъ какъ при разговорѣ, вмѣсто словаря, нужно было прибѣгнуть къ вещественнымъ предметамъ, то я бралъ географическія карты (естественныя науки и математика, можетъ быть, были бы для этого удобнѣе географія). «Russia *divisa* est in *partes viginti*; haec pars (покажи пальцемъ!) versus *orientem* sita, colore *viridi* tincta, quomodo vocatur»? Можно вообразить, какъ легко молодые люди, которые уже бѣгло говорили по-французски, отгадывали и вмѣстѣ съ тѣмъ запоминали значеніе этихъ словъ; divisé, partie, vingt, orient, verd и проч. они уже знали. Дѣло шло превосходно. Таубертъ, нашъ главный наблюдатель, еженедѣльно посѣщавшій насъ, восхищался новой методой. Такъ какъ намъ, латинистамъ, хотя мы и можемъ бѣгло болтать о предметахъ науки, трудно выражаться на этомъ языкѣ о предметахъ обыденной жизни, то я принялся за нѣкоторыя комедіи Плавта и Теренція, сдѣлалъ изъ нихъ большой выборъ фразъ, и убѣдился, что даже древній римскій разговорный языкъ, какъ народный, такъ и образованный, не принадлежитъ къ числу погибшихъ искусствъ.

Маленькій Тепловъ также долженъ былъ начать учиться по-латыни. Его отецъ былъ настоящій ученый, а потому имѣлъ высокое мнѣніе о латыни. Для этого восьмилѣтняго ребенка я пріискалъ преимущественно изъ Марціала и Овена 172 маленькія и немного большія стихотворенія, которыя Таубертъ велѣлъ напечатать при Академіи подъ заглавіемъ: «Epigrammata, in quibus tirocinium ponere latinae linguae studiosi queant», 84 стр. 12°. Первыя стихотворенія состояли изъ 2, 3, 4 строчекъ, слѣдовательно, вниманіе приковывалось только на тридцать минутъ; постепенно слѣдовали болѣе длинныя и самыя длинныя были: Овидія Pyramus et Thisbe и Ariadne Theseo. Просвѣщенному отцу, который посреди множества государственныхъ дѣлъ не терялъ изъ виду своего

любимца, напротивъ, часто приказывалъ привозить его къ себѣ и освѣдомлялся о его занятіяхъ, понравилась моя легкая, но нисколько не шуточная метода преподаванія латинскаго языка. Впослѣдствіи онъ также, какъ и отецъ Козлова, потребовалъ отъ меня особый планъ моего преподаванія ихъ сыновьямъ. Тогда я не предчувствовалъ, что эти сильные вельможи, черезъ нѣсколько лѣтъ, за мои малыя услуги, оказанныя имъ въ этомъ случаѣ, избавятъ меня отъ угрожающихъ опасностей.

45.

Наша учебная машина была уже въ полномъ ходу, и всѣ уроки были приведены въ порядокъ. При составленіи плана и распредѣленіи ихъ не спрашивали моего совѣта.

Однакожъ я однажды осмѣлился сказать Тауберту, что въ учебномъ планѣ нашихъ молодыхъ людей забыта *географія* или даже еще болѣе важная наука, вполнѣ соотвѣтствующая назначенію нашихъ воспитанниковъ, а именно: *отчизновѣдѣніе*. Подъ послѣднимъ я разумѣлъ *статистику*, но не осмѣливался выговорить этого совершенно незнакомаго слова, котораго не произносилъ еще языкъ ни одного русскаго. Этотъ человѣкъ, не смотря на свои годы, еще сохранявшій воспріимчивость къ новымъ идеямъ, если только онѣ были очевидно справедливы и полезны, немедленно принялъ мое предложеніе и просилъ, чтобы я самъ испыталъ его на дѣлѣ. Мои первые уроки были: «какъ велика Россія въ сравненіи съ Германіею и Голландіею?» (За нѣсколько дней передъ тѣмъ математикъ сообщилъ понятіе о квадратныхъ миляхъ; такъ согласно мы работали!) «Что такое юстицъ-коллегія? Что покупаетъ и продаетъ русскій? Откуда получаетъ онъ золото и серебро?» Никогда я не забуду, съ какимъ наслажденіемъ Таубертъ слушалъ однажды такой урокъ! За столомъ (онъ часто тоже обѣдалъ у насъ) онъ продолжалъ разговоръ о тѣхъ же предметахъ, экзаменовалъ учениковъ и наставлялъ меня. Кончилось тѣмъ, что кромѣ шести уроковъ латинскаго языка я долженъ былъ еженедѣльно давать пять уроковъ статистики (новое слово

уже начало пріобрѣтать право русскаго гражданства) и получать за нихъ сто рублей въ годъ.

«Начало русской статистики» — да, самое первое начало въ буквальномъ смыслѣ слова и безъ всякаго хвастовства. Я самъ только теперь началъ изучать статистику Россіи; до сихъ поръ я вовсе объ этомъ не думалъ, потому что Миллеръ хотѣлъ предоставить мнѣ обработку статей для его Samml. russ. Geschichte Скорѣе я боялся этого, будучи напуганъ намеками Миллера (стр. 104). Русскіе же только въ слѣдующіе годы открыто стали изучать свое огромное отечество, т. е. писать о немъ и печатать. Пусть будущій литераторъ исчислитъ всѣ подобнаго рода сочиненія, вышедшія въ свѣтъ въ самой Россіи до 1765 г., и сравнитъ съ ними то огромное количество большихъ и малыхъ сочиненій, трактующихъ о разныхъ предметахъ статистики, и большею частію до сихъ поръ неизвѣстныхъ за границею, появившихся между 1770 и 1790 г., вызванныхъ либеральнымъ образомъ мыслей великой императрицы, который уже обнаружился въ 1764 году.

Прежде объ этомъ нельзя было и подумать, потому что статистика и деспотизмъ несовмѣстны; мы, нѣмцы, уже 140 лѣтъ тому назадъ усердно изучали эту науку. Конрингъ въ Гелленштедтѣ, Бозіусъ въ Іенѣ, Бекманъ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, возвысили ее до степени университетской науки прежде, чѣмъ она получила свое настоящее названіе. Но когда въ послѣдней половинѣ прошедшаго (XVII) вѣка въ Германіи деспотизмъ началъ жестоко тѣснить свободу мысли и печати, у всѣхъ статистиковъ захватило дыханіе; новая наука тоже пала предъ вновь изобрѣтенными штыками и поднялась только въ серединѣ текущаго столѣтія.

Чего можно было ожидать въ этомъ отношеніи въ Россіи въ промежутокъ отъ смерти Петра I до Екатерины II? За нѣсколько лѣтъ до меня въ русскую академическую книжную лавку (въ то время единственную во всемъ государствѣ) зашелъ одинъ англійскій путешественникъ и спросилъ русскихъ книгъ о русской юс-

тиціи, финансахъ и торговлѣ. *«Господи помилуй! что станетъ печатать такія вещи?»* отвѣчалъ ему факторъ и перекрестился. Еще лѣтомъ 1763 г. спросилъ я въ одномъ купеческомъ обществѣ, отчего этой весной выгружено пеньки гораздо меньше, чѣмъ прежде, и указалъ на разность въ числахъ. Одинъ маклеръ отвелъ меня въ сторону и предостерегъ отъ такихъ показаній; на меня могли бы донести, говорилъ онъ, и тогда заставили бы меня назвать того, отъ кого я получилъ эти свѣдѣнія, а тотъ, вслѣдствіе этого, могъ бы сдѣлаться несчастнымъ. Даже самыя свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ товаровъ считались тогда государственною тайною. Впослѣдствіи Чулковъ напечаталъ безчисленное количество такихъ списковъ въ своихъ многочисленныхъ квартантахъ о *русской торговлѣ*. Этотъ новый міръ открылся, когда императрица, по случаю моей ссоры съ Ломоносовымъ, ограничила понятіе о *государственной тайнѣ*, а Тепловъ и другіе просвѣщенные вельможи открыто признали варварствомъ причислять къ государственнымъ тайнамъ даже древнія лѣтописи, какъ то, кажется, сдѣлали Ломоносовъ и Сенатъ. Но я возвращаюсь къ началу моей исторіи, которая представляетъ новое подтвержденіе поговорки: великія послѣдствія изъ малыхъ причинъ.

Все, что я излагалъ въ своихъ первыхъ урокахъ статистики и что могъ изложить, было заимствовано у иностранцевъ; слѣдовательно, во всемъ этомъ было мало вѣрнаго. Таубертъ часто меня оспоривалъ и въ большинствѣ случаевъ основательно; въ свое оправданіе я показывалъ ему свои источники. Съ этого времени у Тауберта является патріотическое негодованіе на все, что до сихъ поръ иностранцы писали о Россіи, и вслѣдствіе того онъ обѣщалъ доставить мнѣ лучшія свѣдѣнія. — Онъ сдержалъ слово.

Таубертъ былъ знакомъ съ большею частію президентовъ и членовъ государственной коллегіи, пользовался ихъ уваженіемъ и любовью (не такъ, какъ Миллеръ); такъ какъ они считали его ученымъ, то часто сообщали ему поступавшіе къ нимъ отчеты, мемуары и проекты; такого рода свѣдѣній у Тауберта было го-

раздо больше, чѣмъ у Миллера. Многія изъ этихъ статей сдѣлались для него важными только вслѣдствіе моихъ заблужденій и вопросовъ; боязнь огласки и таинственность не были его недостатками; о печатаніи впрочемъ еще и рѣчи не было; поэтому онъ прислалъ мнѣ множество такихъ бумагъ и радовался, когда я съ энтузіазмомъ говорилъ о важности ихъ для меня. Я же при этихъ обстоятельствахъ — кто не извинитъ мнѣ этого? — совершенно оставилъ свою прежнюю застѣнчивость (стр. 104), собиралъ, писалъ и говорилъ о русской статистикѣ такъ развязно, какъ будто бы я былъ въ Гёттингенѣ, а не въ Петербургѣ.

Я не могу и не долженъ подробно обозначать сотни писанныхъ статей, которыя при этомъ случаѣ проходили чрезъ мои руки. Слово въ слово я не списалъ ни одной, хотя мнѣ этого и не запрещали; но я извлекъ изъ нихъ очень много отдѣльныхъ, прежде неизвѣстныхъ фактовъ. Для примѣра я приведу три изъ большихъ Communicatis. I. Писанный фоліантъ, содержащій настоящія статистическія свѣдѣнія о состояніи Россіи тотчасъ же послѣ смерти Петра I, составленныя въ 1726 году для герцога Гольштинскаго, изъ академическаго архива. II. Оригиналы всѣхъ тѣхъ сочиненій, которыя были вытребованы изъ департаментовъ и посланы Вольтеру, чтобы дать ему возможность сообщить исторіи Петра I, которая была ему поручена, болѣе фактической основательности въ изображеніи новыхъ твореній его героя. Эти рукописи, которыми, какъ извѣстно, Вольтеръ не воспользовался, составляли кипу актовъ вышиною въ локоть; онѣ лежали у меня около двухъ лѣтъ и я могъ черпать изъ нихъ, не торопясь. III. Писанный фоліантъ документовъ, относящихся до трактатовъ Москвы съ казаками въ 1664 году, когда послѣдніе отдѣлились отъ Польши и снова подчинились Россіи. Исторія этихъ малороссовъ имѣетъ чрезвычайно много сходнаго съ судьбами нѣмцевъ въ Зибенбюргенѣ.

Непосредственное употребленіе, которое я сдѣлалъ изъ всѣхъ этихъ Communicatis очень нравилось Тауберту, и онъ постоянно становился щедрѣе. О каждомъ главномъ предметѣ я изгото-

вилъ маленькія книжечки, въ карманномъ форматѣ, писалъ ихъ такъ чисто, какъ могъ, велѣлъ переплести ихъ въ золотую бумагу и роздалъ ученикамъ. Вмѣсто in usum *Delphinorum* онѣ носили надпись: à l'usage de *l'Academie de la X-me ligne* (выше стр. 100). Географія Россіи годилась для всѣхъ: она только была написана дѣтскимъ языкомъ, но содержала множество въ то время совершенно новыхъ фактовъ и пріобрѣла нѣкотораго рода извѣстность: многіе домашніе учителя списывали ее и даже въ академической гимназіи училъ по ней одинъ старый преподаватель (старшій братъ Миллера). Въ другихъ книжкахъ было обращено особенное вниманіе на назначеніе каждаго изъ воспитанниковъ. Такъ, старшій графъ, который уже носилъ мундиръ ротмистра, получилъ книжечку *sur le Militaire*, третій, мичманъ во флотѣ, долженъ былъ преимущественно изучать *la Marine*, другой *le Commerce* и т. д. Кромѣ уроковъ каждый писалъ сочиненіе о своемъ предметѣ; послѣднія представлялись потомъ на экзаменъ и не однократно удостоивались *fort bien* отъ самого Monseigneur (гетмана), который иногда, хотя очень рѣдко, обѣдалъ у насъ.

Съ этого времени всѣ мои знакомые сдѣлались статистиками и доставляли мнѣ свѣдѣнія и сочиненія, чтобы имѣть честь, какъ нѣкоторые изъ нихъ говорили, шутя, сдѣлаться членами Академіи X линіи.

46.

Mr. Bourbier, гувернеръ, сперва обнаружилъ неправильныя понятія о своихъ гувернерскихъ правахъ и хотѣлъ обращаться съ нами, съ учителями, какъ съ подчиненными; но мы скоро привели его въ порядокъ.

Онъ долженъ былъ не только быть гувернеромъ, но и учителемъ — преподавать ежедневно по часу всеобщую исторію. Но при этомъ онъ велъ себя такъ неловко, что наши воспитанники уже на второй мѣсяцъ открыли разницу между его уроками и нашими, хотя въ совершенно различныхъ отрасляхъ, и стали шутить надъ нимъ. Теперь наконецъ Бурбье понялъ, что умѣть

по-французски и быть ученымъ или даже только учившимся чему нибудь—различныя вещи. Наши графы добровольно начинали за столомъ ученые разговоры и обнаруживали знанія, которымъ удивлялся бывшій лакей.

Такъ какъ не было конца похваламъ моимъ первымъ пяти урокамъ статистики, то Бурбье однажды дружески спросилъ меня, не хочу ли я взять вмѣсто его еще пять уроковъ всеобщей исторіи, и обѣщалъ отдавать мнѣ изъ своего годоваго жалованія (600 рублей) 100 рублей. Я согласился на предложеніе, которое охотно одобрилъ Таубертъ, и такимъ образомъ у меня составилось шестнадцать уроковъ въ недѣлю. Всеобщая исторія была не такъ неизвѣстна, какъ статистика. Руководство Кураса въ вопросахъ и отвѣтахъ, переведенное на русскій языкъ и дополненное исторіею Россіи на 17 листкахъ, имѣло честь дожить до втораго изданія при Академіи въ 1762 году [1]). Это жалкое сочиненіе употреблялось въ гимназіи, но могъ ли я имъ пользоваться? Предо мною были три молодые графа, которые уже носили мундиръ: могъ ли я имъ говорить о шести дняхъ творенія, объ адамовомъ ребрѣ, объ Исавовомъ блюдѣ чечевицы и проч.? Подобная мысль въ прошедшемъ столѣтіи побудила Пуфендорфа *) къ реформѣ политической исторіи Европы; здравый смыслъ привелъ меня къ первой попыткѣ превратить универсальную исторію (Universal-Historie) во всемірную исторію (Welt-Geschichte). Сообразно съ моимъ идеаломъ, который впослѣдствіи я старался

---

[1]) Сокращенная универсальная исторія, содержащая всѣ достопамятные въ свѣтѣ случаи отъ сотворенія міра по нынѣшнее время, со многимъ пополненіемъ, вновь переведенная и съ пріобщеніемъ краткой Россійской исторіи вопросами и отвѣтами, въ пользу учащагося юношества. Гильмара Кураса. Изданіе третье, 1793 г. 323 стр. — Второе, упоминаемое Шлецеромъ изданіе не сохранилось въ Академіи, а потому мы приводимъ полное заглавіе этого учебника по третьему изданію.

*) Meusel, *Bibl. histor.* vol. I, P. I, p. 196: «Сам. Пуфендорфъ ввелъ въ обработку всеобщей исторіи новую методу. Въ руководствѣ всеобщей исторіи, изданномъ для знатнаго юношества, этотъ знаменитый историкъ менѣе обратилъ вниманіе на хронологію, но тѣмъ болѣе выдвинулъ исторію государственнаго развитія, указывая на причины возвышенія и паденія государствъ».

осуществить въ Гёттингенѣ, съ 1770 до 1792 года, я выбросилъ множество фактовъ, относительно ненужныхъ, которыми всеобщая исторія была переполнена, а вмѣсто ихъ помѣстилъ много другихъ. Даже о цѣлыхъ народахъ, которые прежде едва упоминались, должно было сказать въ особенности русскому ученику; не важнѣе ли для него, напр. всемірные завоеватели, калмыки или монголы, чѣмъ ассирійцы и лонгобарды? Древняя исторія въ своихъ главныхъ событіяхъ давно была мнѣ извѣстна; я выросъ на филологіи. Но въ выборѣ и сочетаніи фактовъ, — что зависитъ отъ *историческаго вкуса*, — моими путеводителями и образцами были, не Ролленъ и Англійская всемірная исторія, но Goguet и Вольтеръ, а впослѣдствіи Робертсонъ.

Мысль объ этой перемѣнѣ впослѣдствіи не только доставила мнѣ кое-какія деньги, но и пріобрѣла благодарность нѣмецкой публики, по крайней мѣрѣ на цѣлое поколѣніе (потому что *теперь*, кажется, все забыто). Этою идеею я обязанъ вышеописанному преподаванію въ институтѣ Разумовскаго; но не могу забыть двухъ другихъ побужденій: я самъ хочу лишить себя той заслуги, что я пришелъ къ этой мысли путемъ размышленія, но охотно приписываю это побужденію обстоятельствъ и случаю. I. Въ 1757 году одинъ купецъ въ Стокгольмѣ пожелалъ, чтобъ я на его счетъ напечаталъ *исторію торговли финикіанъ*. Не могъ же я насчитать ему десятокъ пустыхъ именъ, говорить о царяхъ Сидона и Арада, разсказывать о Фениксѣ, сынѣ Агенора, объ Итобалѣ и Арбалѣ. II. Въ послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ Таубертъ просилъ меня не то, что читать его дочери лекціи о русскихъ лѣтописяхъ, но за обѣдомъ или послѣ обѣда (я тогда очень часто обѣдалъ у него и у его тещи, Шумахеръ) въ разговорѣ ознакомить ее съ главными чертами судебъ ея гордаго отечества. Что бы подумала шестнадцатилѣтняя барышня объ исторической наукѣ, или вообще объ учености и въ особенности объ учителѣ, еслибы тотъ проговорилъ ей, какъ молитву, все, что было о русской исторіи у Кураса и Ломоносова, и ничего больше?

И эти новые историческіе уроки, сверхъ всякаго ожиданія, пошли хорошо. Теперь приготовлены были и историческія книжечки, красиво написанныя и переплетенныя (стр. 26) à l'usage de la X-me ligne; старшій графъ получилъ исторію римлянъ, Тепловъ исторію евреевъ и проч. Въ особенности самый младшій графъ (тогда девяти лѣтъ), мичманъ, находилъ удовольствіе въ моемъ преподаваніи. Несчетное число разъ, когда вечеромъ, послѣ шести часовъ, наступало время общаго отдыха, приходилъ онъ ко мнѣ и цѣлые часы проводилъ въ умныхъ, не по лѣтамъ, разговорахъ о статистикѣ и исторіи.

47.

Между тѣмъ бѣдный гувернеръ Бурбье съ удивленіемъ смотрѣлъ на ученые ужасы въ нашемъ институтѣ и чувствовалъ все болѣе свое ничтожество и вызванное имъ презрѣніе воспитанниковъ. Дошло до того, что онъ (въ мартѣ 1763 г.) сталъ задумываться, и когда однажды за столомъ одинъ изъ преподавателей, очевидно, вовсе неумышленно, упомянулъ о какомъ-то французѣ, который ничему не учился и былъ прежде лакеемъ, а теперь занималъ должность домашняго учителя въ одномъ знакомомъ ему знатномъ домѣ, Бурбье принялъ это на свой счетъ и разразился слезами. Съ этого времени онъ сдѣлался меланхоликомъ, часто плакалъ, задумывался, а подъ конецъ даже заговорилъ о Сибири, куда въ скоромъ времени пошлетъ его Monseigneur. Я былъ единственнымъ его утѣшителемъ. Онъ пріобрѣлъ рѣдкое уваженіе ко мнѣ, потому что я давалъ ему поправлять всѣ свои французскія сочиненія. При этомъ онъ мнѣ всегда говорилъ, что я пишу, какъ Вольтеръ, хотя я дѣлалъ грубыя грамматическія ошибки (il avait вм. il eût, la carosse вм. le carosse и проч.); для него это было непонятно (хотя оно очень понятно, даже если бы первое было справедливо). Когда имъ овладѣвало сильнѣйшее безпокойство, онъ надоѣдалъ мнѣ по цѣлымъ часамъ. Часто онъ уводилъ меня съ собою въ винный погребъ; тогда бутылка понтаку дѣлала его такимъ воспріимчивымъ ко всѣмъ моимъ дово-

дамъ, что онъ самъ смѣялся надъ своими безпокойными мечтами и проводилъ ночь спокойно. Но припадки возвращались; онъ долженъ былъ подать въ отставку. Бывши еще въ здоровомъ состояніи, онъ вызвалъ изъ Франціи своего брата; тотъ хотѣлъ было отвезти бѣднаго неизлѣчимаго больнаго моремъ домой; но когда они были уже близъ береговъ Франціи (кажется у Руана), несчастный зарѣзался.

Преемникомъ его въ нашемъ институтѣ былъ г. de l'Isle, также французъ, имѣвшій патентъ на чинъ польскаго полковника; ему было около пятидесяти лѣтъ, и его наружность вселяла уваженіе. Его жена, которая часто обѣдала у насъ, была, кажется, изъ низкаго сословія. Что касается науки, то полковникъ не зналъ положительно ничего, а все-таки часто противорѣчилъ мнѣ въ предметахъ, относившихся до древней французской исторіи и политики, о которыхъ, слѣдовательно, можно было пріобрѣсти свѣдѣнія только чтеніемъ, но не посредствомъ наблюденія. Напримѣръ: когда и какъ былъ основанъ орденъ св. Духа? Какъ бы я ни былъ увѣренъ въ своемъ знаніи, онъ все-таки подчивалъ меня доказательствомъ, что я иностранецъ (выше стр. 18). Вообще этотъ человѣкъ, которому прежде, можетъ быть, приходилось голодать, не могъ вынести настоящаго довольства, и оскорблялъ всѣхъ въ домѣ. Наконецъ мы съ Румовскимъ составили списокъ его прегрѣшеній и черезъ Тауберта подали Monseigneur; а такъ какъ при разбирательствѣ всѣ наши жалобы оказались справедливыми, то полковникъ сошелъ со сцены и возвратился въ свое прежнее ничтожество.

Ему наслѣдовалъ третій гувернеръ, Mr. de M — n, опять французъ! — онъ назывался лейтенантомъ и былъ нѣчто въ родѣ ученаго (авторъ статьи объ officia palatina Меровинговъ, которую показывалъ мнѣ въ рукописи), но самовластвовалъ также нестерпимо, какъ его предшественникъ, только скрытнѣе и хитрѣе. Мы, адъюнкты, должны были бы и на него подать прошеніе; но послѣ новаго 1765 года самый институтъ былъ упраздненъ. Г-нъ лейтенантъ остался въ милости и въ домѣ Монсиньера, гдѣ надъ нимъ

болѣе не было контролеровъ. Впослѣдствіи онъ сопровождалъ младшихъ графовъ за границу (въ 1771 году я видѣлся съ нимъ въ Гёттингенѣ), и вѣроятно, пріобрѣлъ на русскіе рубли во Франціи *une terre*, конечная цѣль всѣхъ его соотечественниковъ, которой двадцать изъ нихъ достигали скорѣе, чѣмъ одинъ нѣмецъ.

48.

Еще нѣсколько маленькихъ приключеній, случившихся со мною въ этомъ домѣ.

I. Однажды обѣдали у насъ четыре сына императрицы Елисаветы (слѣдовательно, двоюродные братья нашихъ графовъ) подъ именемъ графовъ T — v, съ своимъ гувернеромъ, нѣмцемъ, по фамиліи D — l, который назывался полковникомъ и даже носилъ мундиръ [1]). Они возвратились изъ Швейцаріи, гдѣ пробыли шесть лѣтъ, и впродолженіе этого времени проштудировали, т. е. проѣли 36,000 рублей. Они, казалось, остались круглыми невѣждами, разумѣется, не по своей винѣ, а по винѣ своего руководителя. Такъ какъ они часто приходили къ намъ, то я на-скоро прошелъ со вторымъ графомъ о Женевѣ, по Бюшингу: какъ удивились эти любезные юноши, когда мой воспитанникъ началъ разспрашивать ихъ объ образѣ правленія, объ улицахъ, о гуляніяхъ и проч. города, въ которомъ никогда не былъ; а они, проведши тамъ нѣсколько лѣтъ, не могли дать никакого отвѣта.

Но таково было сорокъ лѣтъ тому назадъ воспитаніе въ Россіи. Вельможи и богачи искренно желали взрастить своихъ дѣтей

[1]) Г. А. Васильчиковъ въ своей статьѣ «Семейство Разумовскихъ», на основаніи историческаго документа, утверждаетъ, что здѣсь подъ буквами T—v должно разумѣть братьевъ Дараганъ (ихъ было двое; другіе двое были братья Закревскіе), племянниковъ гр. Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, фамилію которыхъ измѣнили сначала въ Дарагановыхъ, а потомъ, согласно нѣмецкому произношенію, въ Таракановыхъ; буквы же D—l означаютъ фамилію наставника молодыхъ людей, Дитцеля, который, какъ полагаетъ г. Васильчиковъ, вѣроятно, и пустилъ въ ходъ молву, что состоитъ при дѣтяхъ императрицы Елисаветы, «графахъ von Taracanov», путешествующихъ подъ строгимъ инкогнито. (*XVIII вѣкъ*, изд. Бартенева, кн. II, изд. 2-е, стр. 443 и слѣдд.).

въ высокомъ образованіи, которое не выпало на ихъ долю; полными горстями сыпали на это деньги, платили и награждали не только справедливо и щедро, но съ великодушіемъ, примѣры котораго въ другихъ государствахъ рѣдко давали и государи (стр. 72). Но они были несчастливы въ выборѣ людей, которыхъ пріискивали и выбирали для своихъ благородныхъ цѣлей.

Домашними учителями должны были быть французы, все равно, какіе, лакеи, или ремесленники, или исключенные изъ службы офицеры (обыкновенно, т. е. такъ говорилось, вслѣдствіе affaire d'honneur покидавшіе свое отечество), если только они обладали наружнымъ приличіемъ, чего большею частію недоставало болѣе способнымъ нѣмцамъ. Наконецъ само правительство обратило вниманіе на это зло, и уже въ царствованіе Елисаветы вышелъ указъ, по которому всякій пріѣзжающій въ Россію въ званіи домашняго учителя, будь онъ вызванъ или не вызванъ, долженъ экзаменоваться при Академіи. Однажды спросили такого examinandus, что значитъ article partitif, adjectif, conjonctif и проч.; онъ оставался нѣмъ на всѣ вопросы и наконецъ объявилъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ выѣхалъ изъ Парижа, предложенныя же ему имена, вѣроятно, только послѣ его отъѣзда изобрѣтены французскою академіею, которая только и дѣлаетъ, что выдумываетъ такія pédanteries (слышано отъ профессора Брауна). Я приготовляю здѣсь читателя къ плану, относящемуся къ русскому воспитанію, который я по выходѣ изъ русской службы представилъ правительству и который изложу ниже.

II. У насъ часто бывали гости: всѣ наши гувернеры были французы, а потому большая часть нашихъ гостей принадлежала къ этой націи. Съ этими господами, которые всѣ были недоучки, у насъ, ученыхъ, завязывались часто странные споры, которые въ другомъ мѣстѣ едва ли мыслимы. Что они гордились своею націею, это мы имъ прощали, не смотря на то, что иногда они выражали эту гордость оскорбительнымъ образомъ для русскихъ и нѣмцевъ. Но они гордились и языкомъ—и только языкомъ; къ французской литературѣ мы оказали бы все наше почтеніе, но

что знали эти господа о своей литературѣ? Эта гордость наконецъ надоѣла намъ, не-французамъ. «Il parle très bien français», говорили они такимъ тономъ, какъ будто этимъ хотѣли сказать: онъ такой великій математикъ, какъ Эпинусъ, или такой великій химикъ, какъ Леманъ. И напротивъ, все, что ни разсказывали хорошаго о достойномъ ученомъ, уничтожалось единственнымъ: «mais il parle très mal français». Общія замѣчанія объ отношеніи языка къ наукѣ, какъ средства къ цѣли и о вытекающемъ изъ этого отношенія преимуществѣ послѣднихъ предъ первыми, а также различіи умственныхъ силъ, которыя требуются для тѣхъ и для другихъ,— все это для нихъ было слишкомъ высоко; съ ними нужно было спорить ad hominem. Такъ, напримѣръ, мы ихъ спрашивали: за кѣмъ больше заслуги, за двадцатилѣтнимъ ли французомъ, который, выросши во Франціи, научился по-французски, или за готтентотомъ на мысѣ Доброй Надежды, который при тѣхъ же условіяхъ научился бѣгло и вѣрно говорить по-готтентотски? — Имъ разсказывали о знаменитомъ лапландцѣ, Никласѣ Эра, величайшемъ дуракѣ въ мірѣ, который въ одинъ мѣсяцъ выучился во Франціи по-французски (и за то получилъ подарокъ отъ Людовика XIV), а въ Петербургѣ въ шесть недѣль на-столько научился по-русски, что могъ прочесть русскую проповѣдь предъ Петромъ I *). — Одну дѣвицу, которую считали чудомъ, потому что она говорила на четырехъ языкахъ, а между тѣмъ ничего не читала и не имѣла никакого литературнаго образованія, сравнивали съ человѣкомъ, который съ большимъ трудомъ добылъ себѣ ключи отъ библіотекъ четырехъ ученыхъ, постоянно носилъ ихъ при себѣ, бренчалъ ими въ обществѣ, но никогда не переступалъ за порогъ этихъ библіотекъ. Я не хотѣлъ оставаться нѣмымъ при этихъ спорахъ, и у меня однажды сорвалось съ языка, что въ доказательство того, какъ легко изученіе языковъ, я берусь въ четыре недѣли научить ученика даже по-еврейски на-столько, что онъ прочтетъ и переведетъ цѣлую главу изъ Моисея.

*) Samml. russ Gesch. VII. S. 100. — Webers Veränd. Russl. II, S. 165.

Эти господа улыбнулись: я предложилъ старшему графу, не позволитъ ли онъ сдѣлать надъ собою этотъ опытъ. Онъ тотчасъ согласился. Приблизительно послѣ двадцати четырехъ уроковъ, распредѣленныхъ на четыре недѣли, онъ бѣгло и правильно читалъ и переводилъ Genes. X. Я не упомянулъ бы объ этой шуткѣ,— дѣйствительно, это была только шутка, потому что господинъ графъ, ротмистръ, разумѣется, не продолжалъ своего studium hebraicum, — еслибы я не зналъ примѣровъ, что молодые люди, которымъ латинскій и греческій языки не были трудны, дрожали предъ еврейскимъ, и только потому отказывались отъ богословія. Мнѣ этотъ языкъ казался всегда однимъ изъ самыхъ легкихъ; конечно, очищенный отъ раввинско-данцигскаго педантизма съ гласными и moris и проч. Ихъ азбука такъ бѣдна, какъ руническая, и при помощи извѣстныхъ мнемоническихъ пріемовъ ученикъ можетъ выучить ее въ двѣнадцать часовъ. Ихъ грамматика также проста, какъ въ языкѣ галибовъ и всѣхъ дикихъ и малообразованныхъ народовъ, къ числу которыхъ, какъ извѣстно, принадлежатъ и евреи.

III. Однажды ночью, около 11 часовъ, я шелъ отъ Бакмейстера, жившаго въ домѣ Миллера, въ 13-й линіи, домой въ 10-ю линію, и хотя со мною былъ мой слуга, но безъ фонаря, вопреки полицейскому приказу, по которому послѣ десяти часовъ должно было ходить съ фонаремъ; къ несчастію, на этомъ короткомъ пути насъ встрѣтилъ пѣшій патруль съ поручикомъ; онъ меня окликнулъ и взялъ съ собою. Когда мы проходили мимо нашего дома, Николашка убѣжалъ отъ караула, счастливо проскользнулъ чрезъ незапертый входъ во дворъ дома и поднялъ всѣхъ на ноги. Дворецкій въ халатѣ и ночномъ колпакѣ съ шестью лакеями выскочилъ на улицу, чтобы освободить меня. Онъ дерзкимъ тономъ говорилъ съ начальникомъ патруля, вслѣдствіе чего тотъ обидился и взялъ его въ плѣнъ со всѣмъ его сильнымъ конвоемъ. Насъ повели въ глубь острова, до Малаго проспекта, и здѣсь сдали въ караульню, похожую скорѣе на вертепъ разбойниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ нашихъ сомнѣвались, точно ли мы находи-

лись среди настоящей милиціи, и горько плакались. Къ утру дворецкій, который между тѣмъ началъ вести мирные переговоры, потребовалъ отъ меня одинъ рубль и всунулъ его въ руку поручику; тогда тотъ подошелъ ко мнѣ, вѣжливо извинялся въ случившемся, оправдывался тѣмъ, что не зналъ моего званія, и обѣщалъ сейчасъ же велѣть привести сани и проводить всѣхъ насъ домой. Лишь только мы очутились на своемъ дворѣ, какъ дворецкій, который до сихъ поръ былъ совершенно смиренъ, выскочилъ изъ саней со словами: «теперь моя очередь», изругалъ и осыпалъ ужасными угрозами поручика, который теперь самъ присмирѣлъ. На другое утро объ этомъ происшествіи было донесено Тауберту, а тотъ сейчасъ подалъ жалобу въ военную канцелярію объ оскорбленіи меня, какъ адъюнкта, и нанесеніи безчестія гетманскому дому. Меня потребовали для внесенія всего дѣла въ протоколъ. Между прочимъ меня спросили, правда ли то, что поручикъ, какъ показывали другіе, былъ пьянъ. Я не могъ скрыть, что видѣлъ, какъ онъ сидѣлъ на столѣ и свалился съ него; но я вспомнилъ, что нетрезвое состояніе караульнаго офицера влечетъ за собою тяжелое наказаніе; поэтому я прибавилъ, что мое показаніе, по причинѣ моей крайней близорукости, не можетъ имѣть значенія. Я не знаю, какъ кончилось дѣло. По моему мнѣнію, я былъ виноватъ въ томъ, что послѣ десяти часовъ шелъ безъ фонаря; хотя пространство было не велико, но все-таки это было противно приказу полиціи; и поручикъ ни въ чемъ не провинился, развѣ только въ томъ, что исполнилъ свою обязанность слишкомъ неловко.

(Въ другой разъ я легче избѣжалъ ареста. Въ ужасный морозъ я пробѣжалъ мимо императорскаго дворца, не снявъ шляпы, разсуждая про себя, что императрица вѣдь не здѣсь, а въ Москвѣ. Но съ часовыми никогда не должно разсуждать. Одинъ изъ нихъ пошелъ мнѣ на встрѣчу и хотѣлъ меня арестовать; я откупился *пятью* копѣйками).

IV. Еще одинъ случай въ военной канцеляріи, но болѣе пріятный. Канцелярія должна была окончить счеты съ польскими евре-

ми, которые представили квитанціи и документы, написанные по еврейско-нѣмецки. Канцелярія спросила Академію, нѣтъ ли кого нибудь, понимающаго это письмо и языкъ, — нужно замѣтить, какъ часто государственныя коллегіи по своимъ дѣламъ обращались къ этому ученому учрежденію (выше стр. 112); сколько, слѣдовательно, оно имѣло бы случаевъ заставить уважать себя и вообще ученость, еслибы оно было въ надлежащемъ состояніи. Таубертъ спросилъ объ этомъ меня; я вспомнилъ, что когда-то въ школѣ для препровожденія времени занимался этимъ, и просилъ испытать меня. Меня пригласили въ канцелярію. Я прошелъ сквозь ряды людей, стоявшихъ по правой и лѣвой сторонѣ и часто произносившихъ слова: «еврейскій переводчикъ!» Въ канцеляріи меня приняли очень любезно; одинъ членъ, говорившій по-нѣмецки, попросилъ меня сѣсть къ его столу и положилъ предо мною документы. Евреи также присутствовали здѣсь; ихъ-то я и заставилъ читать и объяснять эти бумаги. Я еще на-столько помнилъ еврейско-нѣмецкій языкъ, что могъ предлагать имъ вопросы, изъ которыхъ они ясно видѣли, что я въ состояніи ихъ контролировать. Подлога нигдѣ не было, суммы сходились вѣрно съ ихъ показаніями. Я составилъ рапортъ и былъ отпущенъ съ благодарностію. Таубертъ очень радовался этому незначительному случаю, а мнѣ онъ былъ выгоденъ въ томъ отношеніи, что множество лицъ, въ томъ числѣ и нѣсколько значительныхъ людей, незнавшихъ о моемъ существованіи, узнали мое имя [1]). При этомъ я живо вспомнилъ нравоученіе, которое отецъ давалъ своему сыну: «Учись всему, къ чему представится тебѣ случай; считай каждую мысль, которую ты можешь усвоить, каждое искусство, которымъ можешь овладѣть, за чистыя деньги. Талеръ, полученный тобою, не приноситъ тебѣ никакой пользы въ ту же минуту; но этотъ талеръ—деньги, и какъ деньги, доставятъ тебѣ истинное наслажденіе, хотя ты не знаешь, когда, гдѣ, и какъ».

---

[1]) См. Приложеніе: Переводъ съ еврейскаго.

ГЛАВА VIII.

Начало церковныхъ списковъ, или статистическія таблицы въ Россіи.

История ихъ до 1790 г.

49.

Я уже замѣтилъ выше (стр. 83), что съ восшествія на престолъ Екатерины II въ Россіи начался золотой вѣкъ для составителей проектовъ, разряда людей, которыхъ я шесть лѣтъ тому назадъ не только узналъ, но изучилъ въ Швеціи. Но въ Россіи они пошли несравненно дальше и говорили о совершенно новыхъ вещахъ (regénérations).

И первый, кто говорилъ здѣсь громко и на кого обращали вниманіе, былъ генералъ-лейтенантъ Бецкій. Этотъ господинъ пользовался въ высшей степени уваженіемъ и довѣренностію императрицы. Онъ много путешествовалъ по южной Европѣ и пріобрѣлъ много отрывочныхъ свѣдѣній, безъ научной связи; при этомъ онъ питалъ рѣшительную страсть ко всему французскому и въ особенности къ французской литературѣ. Лѣтомъ 1763 г. онъ выступилъ сперва съ планомъ учрежденія въ Москвѣ воспитательнаго дома. Но прежде чѣмъ представить на утвержденіе императрицѣ, сообщилъ его Тауберту и просилъ его мнѣнія: Таубертъ сообщилъ его мнѣ и потребовалъ отъ меня письменнаго мнѣнія.

Вообще воспитательные дома, по ихъ пагубному дѣйствію, были мнѣ тогда слишкомъ мало извѣстны: я еще не читалъ Confessions Руссо, а потому не могъ ненавидѣть ихъ, какъ убійственныя норы нравственныхъ и физическихъ силъ. Только относительно предположеннаго устройства у меня явилось много сомнѣній. Такъ напр., все съ самаго начала предполагалось поставить на большую ногу, тотчасъ построить собственно для дома велико-

лѣпную церковь, стоящую много тысячъ; а въ самомъ главномъ пунктѣ составитель плана обнаруживалъ, что говоритъ не на основаніи опыта, что даже не читалъ достаточно о своемъ предметѣ: напр. о физическомъ воспитаніи найденышей, нужно ли ихъ вскармливать грудью кормилицы, или другими способами, какъ, въ какомъ случаѣ и т. д.

Второпяхъ (потому что при подобныхъ порученіяхъ никогда не давали времени) я написалъ нѣсколько листовъ не только откровенныхъ, но и шутливыхъ замѣчаній: я не зналъ, что составитель плана былъ сильный человѣкъ. Изъ моихъ замѣчаній было сдѣлано нѣкоторое хотя и незначительное употребленіе, потому что нѣкоторыя изъ моихъ возраженій относились до тѣхъ мѣстъ, которыя въ опубликованномъ впослѣдствіи планѣ были пропущены (Neuveränd. Russl. II, S. 11—86). Но отъ того основанія, которое испортило такъ много прекрасныхъ проектовъ, отъ учрежденія всего въ широкихъ, роскошныхъ размѣрахъ, не отказались. Подозрѣваютъ, что воспитательному дому должна была дорого обойтись его неподатливость на предостереженія и добрые совѣты, потому что смертность въ немъ, кажется, также велика, какъ во Франціи и въ Данцигѣ. Это подозрѣніе основывается на томъ, что воспитательный домъ до 1790 г., не смотря на повелѣніе императрицы, не публиковалъ списковъ о числѣ принятыхъ и умершихъ *).

50.

Этотъ планъ воспитательнаго дома ввелъ меня въ дальнѣйшіе разговоры съ моимъ начальникомъ Таубертомъ. Тамъ много говорилось о народонаселеніи; это, кажется, былъ любимый предметъ государыни. Втеченіе одного 1763 года она учредила, вскорѣ одно за другимъ, три заведенія, которыя всѣ клонились къ

---

*) Krafft in den Novis Act. Acad. Ppolit. Tom. VIII, p. 255: «la publicité à l'égare de nombres annuels des morts arrivés dans les maisons des *enfants trouvés*, dans les hôpitaux et les prisons, intéresse trop l'humanité, pour ne pas la *désirer*; aussi *l'ordre impérial* en fait, je le repète, une expresse mention».

тому: 22 іюля опекунскую канцелярію (призывать колонистовъ), 1 сентября воспитательный домъ, а 12 ноября медицинскую государственную канцелярію (проекты всѣхъ трехъ находятся въ моей Neuveränd. Russl.). Обо всѣхъ трехъ я многократно бесѣдовалъ съ Таубертомъ. Но моя тема была всегда одна и та же: не посредствомъ колонизаціи, а изъ самой себя Россія должна увеличить свое чрезвычайно слабое населеніе; но безъ статистическихъ таблицъ, объ этомъ нечего и думать.

Статистическія таблицы?—Кто въ Россіи зналъ это учрежденіе, названіе и самое дѣло? Но я зналъ ихъ подробно еще въ Швеціи; тамъ я изучалъ ихъ на мѣстѣ въ самомъ источникѣ, у самого Воргентина, добылъ оригинальные образцы и кратко упомянулъ обо всемъ этомъ дѣлѣ уже въ 1760 г. въ своей Geschichte der Gelers. in Schweden (St. IV, S. 791). Это новое слово: статистическія таблицы Таубертъ запомнилъ также счастливо, какъ выше на стр. 119 отчизновѣдѣніе; а я съ жаромъ продолжалъ ему представлять, какъ стыдно для Россіи не знать числа своихъ гражданъ; толки объ этомъ доходили до смѣшнаго. Я утверждалъ, что не поголовныя податныя ревизіи или ревизскія сказки доставляютъ надлежащія данныя, а церковные списки; что послѣдніе кромѣ доставленія требуемыхъ и при томъ вѣрныхъ данныхъ приносятъ еще большую пользу; что практическія выгоды, какія извлекаютъ изъ этого въ Швеціи, превосходятъ всякое ожиданіе и т. д. Таубертъ совершенно увлекся: я долженъ былъ достать для него книгу Зюсмильха, и взялъ ее у Бюшинга, потому что она была у него одного во всемъ государствѣ.

Тогда я полагалъ, что ни одинъ смертный въ Россіи не думалъ о церковныхъ спискахъ. Но уже Петръ Великій въ прибавленіи къ Духовному Регламенту *) 1722 г. § 86 приказалъ попамъ вести книги о родившихся и умершихъ въ каждомъ приходѣ и каждые четыре мѣсяца посылать подробный докладъ своему

*) Этотъ Дух. Реглам. я самъ напечаталъ въ приложеніяхъ къ Neuveränd. Russl. T. I, p. 147 — 260, но по петербургскому изданію 1721 года, въ которое слѣдовательно новое прибавленіе 1722 г. еще не вошло.

архіепископу, который потомъ долженъ доставлять общую таблицу въ синодъ. Послѣ смерти Петра, въ 1726 г. вышелъ второй указъ, чтобы въ спискѣ умершихъ отмѣчались также лѣта умершихъ мужчинъ; эти списки надлежало отсылать въ военную коллегію (!). Въ 1737 г. этотъ указъ былъ повторенъ въ строгихъ выраженіяхъ. Но все это, какъ и многое другое, черезъ 25 лѣтъ было забыто; ни Таубертъ, ни я не знали объ этихъ старыхъ указахъ, которые только Германъ (см. ниже) привелъ въ извѣстность.

51.

Въ концѣ 1763 года Таубертъ поручилъ мнѣ, впрочемъ мимоходомъ, доставить ему образчикъ такихъ списковъ, чтобы сами попы могли ихъ составлять. Stans pede in uno приготовилъ я образцы для родившихся, умершихъ, сочетавшихся бракомъ, для болѣзней и лѣтъ умершихъ, и отдалъ ихъ.

Прошли мѣсяцы въ совершенномъ молчаніи объ этомъ дѣлѣ; я къ этому уже привыкъ; я дѣлалъ всегда все, что мнѣ приказывали, а потомъ caetera permitte divis. Но въ февралѣ слѣдующаго, 1764 года Таубертъ сообщилъ мнѣ, также только мимоходомъ, объ именномъ указѣ императрицы, отъ 11 (22) февраля, поступившемъ въ Академію, что мои таблицы (это было его выраженіе; мы говорили съ глазу на глазъ, выше стр. 57) для испытанія будутъ введены въ Петербургѣ и должны будутъ ежемѣсячно доставляться въ Академію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подалъ мнѣ нѣмецкій оттискъ моего образца для корректуры и русскій переводъ его для провѣрки.

Гдѣ я былъ, что было со мною? Вмѣсто того, чтобы гордиться и радоваться, я искренно испугался. Свои пробныя таблицы я набросалъ бѣгло, единственно для удовлетворенія любопытства Тауберта: что онѣ дойдутъ до высшаго начальства, что на нихъ даже будетъ основано государственное учрежденіе, которое засадитъ за работу тысячи людей, заставитъ ихъ руки писать, головы думать, или, по крайней мѣрѣ, складывать, этого мнѣ и въ голо-

ву не приходило. Какимъ образомъ это случилось, я никогда не узналъ. Вѣроятно, Таубертъ хлопоталъ черезъ Бецкаго, а тотъ легко провелъ дѣло у императрицы. О моемъ имени при этомъ, вѣроятно, и не думали. Богъ съ ними! Но —

но еслибы я имѣлъ или могъ имѣть хотя малѣйшее предчувствіе, что изъ этого сдѣлаютъ такое употребленіе въ государствѣ съ 36-ю-милліоннымъ населеніемъ, съ какимъ стараніемъ и напряженіемъ я работалъ бы надъ этими образцами! Я выговорилъ бы себѣ на это не дни и недѣли, а цѣлые мѣсяцы. Во-первыхъ, эти образцы должны были бы быть сдѣланы несравненно полнѣе и содержать въ себѣ гораздо больше чиселъ, по крайней мѣрѣ, столько, сколько въ шведскихъ; вѣдь все бы дѣлалось за одинъ разъ. Во вторыхъ, къ нимъ нужно было бы приложить краткую, понятную для каждаго попа инструкцію на русскомъ языкѣ, хоть на нѣсколькихъ листахъ, которая объясняла бы почтеннымъ людямъ самое дѣло и его пользу. Такимъ образомъ, не только списки стали бы вѣрнѣе, но сотни духовныхъ лицъ порадовались бы такому дѣлу (сколько лицъ изъ нѣмецкаго духовенства занимаются этимъ, какъ ученымъ трудомъ, только по собственному побужденію, безъ понужденія правительства), вмѣсто того, чтобы жаловаться на возложенную на нихъ новую, по ихъ мнѣнію, безполезную работу и поминать лихомъ (мнѣ это было разсказано лифляндскими священниками) виновника всего проекта, имя котораго, къ моему счастію, они не знали.

Но теперь нечего было дѣлать. Указъ былъ изданъ и ограничивался приложенными образцами, этимъ чрезвычайно несовершеннымъ трудомъ, набросаннымъ въ нѣсколько часовъ. Но все-таки въ корректурѣ я осмѣлился сдѣлать нѣсколько измѣненій. Какой-то Балгорнъ (Balhorn) расширилъ мои списки родившихся тремя графами, для дѣтей дворянъ, мѣщанъ и крѣпостныхъ: cum permissu Superioris я ихъ вычеркнулъ. При переводѣ на русскій было много затрудненій, въ особенности въ названіяхъ болѣзней: объ этомъ слѣдовало бы позаботиться въ инструкціи.— Въ маѣ я долженъ былъ свои образцы перевести и на латинскій языкъ.

52.

Императорское повелѣніе было исполнено. Уже съ марта мѣсяца таблицы аккуратно доставлялись въ Академію, и Тауберть представлялъ ихъ мнѣ по мѣрѣ того, какъ онѣ поступали. Я радовался, что, по крайней мѣрѣ, на видъ не оказывалось ни одной явной ошибки, а все было въ точности исполнено по предписанію. Поэтому я рѣшился сдѣлать сюрпризъ Тауберту и показать ему въ видѣ образца, какую пользу можно извлечь изъ этихъ голыхъ цифръ, хотя онѣ были собраны только за одинъ годъ и то безъ двухъ мѣсяцевъ. Теперь я снова и съ живѣйшимъ интересомъ принялся за сочиненія Зюсмильха и Варгентина, помѣщенныя въ комментаріяхъ шведской академіи, и за другія книги, какія только можно было достать.

Здѣсь я долженъ забѣжать впередъ и разсказать о концѣ, *послѣдствіяхъ* и *вліяніи* моей работы, хотя все это, если слѣдовать хронологическому порядку, относится къ позднѣйшимъ періодамъ моей жизни или вовсе ея не касается.

Втеченіе шести ужасныхъ для меня мѣсяцевъ, съ іюля до декабря 1764 г., я окончилъ редакцію всѣхъ десяти таблицъ за этотъ годъ и сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ. Вѣчные счеты были мнѣ тягостны, потому что я не имѣлъ достаточнаго навыка, особенно въ буквенныхъ вычисленіяхъ (хотя и не высшихъ), которыя весьма облегчаютъ общее обозрѣніе отношеній, сокращая его.

Я все болѣе и болѣе отчаявался въ своихъ образцахъ. Если бы я выставилъ больше требованій, то какія интересныя данныя они принесли бы мнѣ! Очень часто я говорилъ объ этомъ съ Таубертомъ, и наконецъ предложилъ ему не только болѣе совершенные образцы, но и учрежденіе русской статистической конторы, точно такъ какъ въ Швеціи; въ этой конторѣ, разумѣется, онъ долженъ былъ сдѣлаться президентомъ, а я секретаремъ. Таубертъ поддался увѣренію и склонился на сторону этого дѣла. Чтобы прочнѣе подвести фундаментъ (выраженіе Мозера), я долженъ

былъ написать статью подъ заглавіемъ: *русскій патріотъ*, которую предполагалось напечатать по-русски и по-нѣмецки. Я написалъ. Въ первомъ отдѣлѣ я насчитывалъ (часто по Зюсмильху) девять причинъ значительной смертности дѣтей (распутство родителей, неосторожность беременныхъ, тяжелые роды, общая слабость дѣтей, предразсудки въ уходѣ, кормилицы, дѣтскія болѣзни, бѣдность и дѣтоубійство) и излагалъ средства къ ихъ устраненію; затѣмъ слѣдовало примѣненіе къ Россіи: я настоятельно совѣтовалъ этому государству предпочесть Parta tueri дорогому и неудобному способу колонизаціи, потому что общая сумма ежегодныхъ рожденій почиталась здѣсь громадною.

Таубертъ былъ доволенъ моимъ сочиненіемъ и показывалъ его многимъ еще въ рукописи. Здѣсь я опредѣлилъ тогдашнее народонаселеніе всего государства въ 20 милліоновъ душъ (по моимъ статистическимъ вычисленіямъ, мнѣ казалось болѣе вѣроятнымъ 24 милл.), и слѣдовательно, число рождающихся — въ 800 тысячъ. Но всѣ съ испугомъ отпрянули отъ такихъ, какъ полагали, ужасныхъ чиселъ (живая картина тогдашней статистики Россіи! выше стр. 120). Таубертъ сконфузился и обратился къ вице-президенту К(лингштедту), который повсюду считался ученымъ (онъ прибылъ въ Россію въ качествѣ домашняго учителя и хорошаго піаниста), а тотъ возвратилъ ему мою рукопись съ слѣдующимъ отзывомъ:

«Вычисленіе сочинителя, § 5, кажется мнѣ слишкомъ произвольнымъ и недовольно основательнымъ. Положимъ (!), что можно согласиться на число 20 милліон. населенія, которое онъ предполагаетъ въ русскомъ государствѣ: однако трудно повѣрить, что на 30 человѣкъ можно считать ежегодно по одному новорожденному (а я считалъ даже на 25 по одному!). Изъ 30 человѣкъ безспорно половина дѣтей; изъ остальныхъ 15 семь или восемь слишкомъ стары, чтобы производить дѣтей, или не женаты: слѣдовательно, остается около трехъ паръ, отъ которыхъ можно ожидать дѣтей. При этомъ нужно сообразить, можетъ ли быть ежегодно по одному новорожденному отъ 10 обвѣнчавшихся паръ, не говоря уже о трехъ.

«Кажется, что авторъ, столь искусный и внимательный во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчитъ себѣ въ этомъ пунктѣ, который со-

ставляетъ основаніе всѣхъ остальныхъ вычисленій. Въ 11 § онъ говоритъ: «въ большихъ городахъ на 120 человѣкъ приходится едва одно супружество, но въ деревнѣ, при хорошей пищѣ всегда найдется одно на 90». Если это положеніе справедливо, какъ оно и кажется очень вѣроятнымъ: то какъ же можетъ имѣть мѣсто первое, какъ же хотятъ считать на 30 человѣкъ ежегодно по одному новорожденному? особенно въ Россіи, гдѣ вслѣдствіе бѣдности низшаго класса и множества господскихъ безбрачныхъ дворовыхъ людей браки бываютъ еще рѣже».

«Съ этимъ человѣкомъ я не спорю, онъ не знаетъ и азбуки такихъ вещей», сказалъ я Тауберту; однако обѣщалъ дать отвѣтъ и сослался на Эпинуса. Мое возраженіе было не много шутливо; но кто могъ оставаться серіознымъ при такихъ противорѣчіяхъ? Не обращая вниманія на то, что мой противникъ былъ человѣкъ сильный, я развилъ слѣдующее положеніе: «пропорціи вообще, называемыя *политическою ариѳметикою* и принимаемыя въ совершенно новой наукѣ, не могутъ быть созданы однимъ геніемъ (чего я не вытерпѣлъ въ своей жизни изъ-за les gens d'esprit savent tout, sans l'avoir appris!), еще менѣе взяты ни съ того, ни съ сего, но составляются посредствомъ трудныхъ вычисленій по даннымъ, взятымъ во всѣхъ странахъ свѣта, слѣдовательно, должны быть изучены; однимъ словомъ, этому нужно учиться».

Таубертъ послалъ мои статьи (7 дек. 1764) къ Эпинусу съ запискою:

«Прошу прилагаемое, если возможно, сегодня же просмотрѣть со всевозможнымъ вниманіемъ и взвѣсить, достаточно ли сочинитель отвѣчалъ и опровергнулъ сдѣланныя ему возраженія противъ принятыхъ имъ отношеній».

Видно, Таубертъ считалъ дѣло важнымъ. Великій знатокъ Эпинусъ отвѣчалъ:

«Я прочиталъ приложенное и могу только согласиться съ г. Шл. Его противникъ не зналъ многочисленныхъ, тщательно произведенныхъ наблюденій, уже лѣтъ 100 тому назадъ, въ различныхъ странахъ и утверждавшихъ то самое отношеніе между рождающимися и живущими, которое принимаетъ г. Шлецеръ: онъ основывается только на собственныхъ догадкахъ, не зная, что они противны опыту.

«Второе возраженіе основывается также, какъ совершенно справедливо говоритъ г. Шл., только на ошибкѣ противника, который не обратилъ вниманія на различное значеніе словъ, именно: ежегодно сочетающихся бракомъ и сочетавшихся (дѣйствительно живущихъ въ бракѣ».)

Теперь Таубертъ былъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. Нѣсколько недѣль спустя, распри мои съ Ломоносовымъ такъ побѣдоносно для меня были рѣшены самой императрицею. Тогда Таубертъ нашелъ, что настало отличное время показать меня, своего протеже, великой *Женѣ* съ новой хорошей стороны. Онъ велѣлъ великолѣпно переписать всѣ таблицы, составленныя мною за десять мѣсяцевъ 1764 г., съ выведенными изъ нихъ заключеніями, а также первую часть моего *Русскаго патріота* (стр. 140); къ этому я прибавилъ предварительный проектъ учрежденія въ Петербургѣ для всей Россіи русской статистической конторы, по примѣру шведской, и наконецъ прошеніе непосредственно отъ меня императрицѣ (9 марта 1765 г.). Таубертъ самъ ничего не могъ вручить императрицѣ; онъ отдалъ все тайн. сов. Олсуфьеву. Отчего не Бецкому? отчего не Теплову?

53.

Одинъ взглядъ на міръ возможностей! Что̀ бы вышло изъ этой русской статистической конторы, еслибъ она состоялась? И она несомнѣнно состоялась бы, еслибы кто нибудь изъ вышеупомянутыхъ господъ представилъ ее просвѣщенной монархинѣ въ настоящемъ видѣ, т. е. только разсказалъ бы о ней. Вѣдь она сейчасъ же разрѣшила ввести статистическія таблицы въ Петербургѣ. Россія имѣла бы честь быть первою изъ великихъ державъ, и вообще третьимъ государствомъ въ образованномъ мірѣ, принявшимъ такое учрежденіе. Оно существовало только въ Пруссіи и Швеціи; во Франціи только въ 1772 году сдѣлано было слабое начало. Но Зюсмильху и Варгентину пришлось вычислять только по нѣсколькимъ милліонамъ людей; мои же милліоны были бы въ десять или пятнадцать разъ больше, а сверхъ того были бы крайне различны по климату, религіи и нравамъ: сколько со-

вершенно новыхъ и при томъ болѣе точныхъ данныхъ пріобрѣла бы вслѣдствіе этого вся наука?

Тогда эту контору соединили бы, какъ въ Швеціи, съ медицинскою государственною коллегіею. Податная ревизія открыла бы не одну утайку. Военная канцелярія съ ужасомъ увидѣла бы въ огромныхъ суммахъ вредъ войны, который въ малыхъ, слѣдовательно, менѣе бросающихся въ глаза числахъ, обнаружили англійскіе списки при Кромвелѣ, прусскіе и ганноверскіе послѣ семилѣтней войны (но въ нѣкоторыхъ государствахъ именно эта высокая услуга, оказываемая таблицами, едва ли была бы для нихъ рекомендаціею). Духовенство было бы побуждено къ новому полезному и для него не непріятному занятію. И черезъ нѣсколько лѣтъ удобопонятно написанный русскій Зюсмильхъ возбудилъ бы въ цѣлой націи охоту къ этому новому роду познаній.

Но въ совѣтѣ (*полу*)-*боговъ* было постановлено: *не быть по сему!* Въ слѣдующіе три мѣсяца никто больше не думалъ объ этомъ дѣлѣ. Были ли мои сочиненія утаены, потому что на этотъ разъ дѣйствовали отъ моего собственнаго имени? Или же они попали въ надлежащія руки, а потомъ преданы забвенію? — Я ничего не знаю. Въ іюлѣ императрица поѣхала въ Лифляндію, а я вскорѣ потомъ въ Германію. По возвращеніи моемъ черезъ годъ только что я хотѣлъ взяться за новыя таблицы 1765 и 66 г., какъ послѣдовала въ Академіи революція, произведенная Владиміромъ Орловымъ, которая совершенно ослабила дѣятельность Тауберта и мою. Въ 1767 г. я получилъ второй отпускъ въ Гёттингенъ. Здѣсь весною 1768 г. я напечаталъ свою книжку о населеніи Россіи (б 8°, 152 стр.). Она содержитъ съ трудомъ извлеченныя мною и обработанныя таблицы 1764 г., затѣмъ извлеченія изъ моего *Русскаго патріота*, изъ предложенія объ основаніи русской статистической конторы и изъ моего прошенія къ императрицѣ. Я не хотѣлъ, чтобы моя тяжелая работа, лишившаяся при Академіи всякаго значенія и поддержки, была напрасна, или чтобы лѣтъ черезъ двадцать она явилась предъ публикою подъ другимъ именемъ. Я не думалъ также, чтобы опубликованіе

ея могло быть принято въ Россіи въ дурную сторону (выше стр. 121). Я не ошибся: она тамъ была едва замѣчена.

54.

Между тѣмъ Академія продолжала аккуратно получать петербургскія таблицы; но ихъ прятали не только отъ Тауберта и отъ меня, да и отъ всякаго. Въ 1769 г. я просилъ выслать мнѣ копіи съ нихъ въ Гёттингенъ, чтобы продолжать выше упомянутую книгу и исправить ее, такъ какъ за четыре года собралось много новыхъ данныхъ. Покойный Штеллинъ, бывшій незадолго передъ тѣмъ секретаремъ конференціи, едва ли зналъ о существованіи этихъ таблицъ: я могъ назвать ему уголъ, гдѣ онѣ лежали, по крайней мѣрѣ, гдѣ онѣ когда-то лежали. Но я ихъ не получилъ.

Не смотря на то, безъ содѣйствія Академіи и безъ новаго именнаго указа веденіе таблицъ мало-по-малу распространялось и за Петербургъ. Кажется, что первоначальное побужденіе человѣческой души, которое Линней называетъ curiositas naturalis и которое онъ такъ прекрасно описалъ въ особенной диссертаціи, благопріятствовало учрежденію; прямая очевидность также говорила въ его пользу; притомъ оно имѣло одну хорошую сторону, которую имѣютъ не многіе проекты: выполненіе не требовало никакихъ новыхъ издержекъ.

Въ 1767 году губернаторская канцелярія въ Выборгѣ приказала консисторіямъ, чтобы такія таблицы изготовлялись пасторами и доставлялись въ канцелярію. Въ 1768 году новгородскій губернаторъ Сиверсъ ввелъ ихъ въ своей губерніи и посылалъ ихъ въ Сенатъ. Сенатъ же обязалъ послѣ того всѣ губерніи приготовлять ихъ ежегодно. Эти три извѣстія Германъ сообщаетъ въ своемъ мемуарѣ (см. ниже). Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ появилось множество церковныхъ таблицъ изъ отдаленнѣйшихъ губерній и епископствъ, до самаго Тобольска; онѣ были введены также во всей Лифляндіи по высочайшему повелѣнію. Но 1) всѣ были составлены по моимъ чрезвычайно несовершеннымъ образ-

цамъ (стр. 137). 2) Все это были обрывки, потому что еще многаго недоставало: онѣ присылались далеко не изъ всѣхъ мѣстъ обширнаго государства. 3) Не было назначено мѣста для генеральнаго депо. Слѣдовательно, 4) никто не сводилъ итога, а объ общей таблицѣ нельзя было и думать.

Не думали даже о петербургскихъ городскихъ таблицахъ. Только спустя восемнадцать лѣтъ явился преемникъ мнѣ въ дѣлѣ обработки и изданія ихъ, проф. Крафтъ. За нимъ, въ 1786 г. послѣдовалъ Германъ, которому попало въ руки—онъ не говоритъ, какимъ образомъ,—множество церковныхъ таблицъ изъ цѣлыхъ губерній и епархій.

55.

I. Въ 1781 г. Крафтъ принялся за давно забытыя петербургскія таблицы за семнадцать лѣтъ (1764 — 1780), сгруппировалъ ихъ и представилъ Академіи. На этотъ разъ послѣдняя приняла ихъ и оказала имъ честь: по крайней мѣрѣ, напечатала ихъ въ своихъ актахъ:

Acta Academiae scient. imperial. Petropolitanae pro anno 1782 (печатано въ 1786).

Histoire de l'Acad. p. 3—66.—Population. Essai sur les tables des mariages, des naissances et des morts de la ville de St. Pétersbourg, dans la période de 17 ans *depuis* 1764 *jusqu'à* 1780; précédé d'une *exposition* générale de l'*utilité* qu'auroient de pareilles tables si elles s'étendoient sur des *Gouvernemens entiers* de la Russie. Par Mr. Krafft.

Предварительное Exposition de l'utilité и проч. содержитъ на четырнадцати страницахъ въ четвертку однѣ истины; но эти истины составляютъ азбуку извѣстнѣйшихъ и давнымъ давно напечатанныхъ *rudimenta* arithmetices politicae, которыхъ я не предложилъ бы никакой академіи, которыя я самъ въ своей книгѣ о населеніи Россіи, написанной для публики, привожу только въ извлеченіяхъ, ссылаясь на классиковъ, Зюсмильха и Варгентина. Желаніе автора, чтобы образцы были лучше и полнѣе, спра-

ведливо. На стр. 61 онъ пишетъ:... vû les progrès, qu'a fait depuis (съ 1764 г.) l'Arithmétique politique (объ этихъ progrès съ тѣхъ поръ я ничего не знаю) il seroit à désirer que les *modèles* sur lesquels elles ont été construites, quoique *bons pour leur premier établissement* (нѣтъ, даже и для этого не годны; а отчего они такъ бѣдны, см. выше стр. 137), eussent cependant aujourd'hui des détails plus grands qui les rendissent propres à servir pour un plus grand nombre d'objets.

Но одного желанія мало. Отчего самъ авторъ, вмѣсто того, чтобы ограничиваться желаніемъ помѣстить нѣсколько отдѣльныхъ данныхъ (стр. 29, 51, 62), не представилъ лучшихъ, полнѣйшихъ образцовъ? Пусть бы онъ списалъ шведскіе образцы. Также справедливо его желаніе имѣть списки не для одного города, но для всего государства. Но одного желанія мало. А тогда было лучшее время, чѣмъ въ 1765 году: такія патріотическія желанія можно было черезъ княгиню Дашкову непосредственно доводить до престола. Не говоря уже о томъ, что тогда существовали таблицы цѣлыхъ губерній (см. ниже), которыя лежали или въ Сенатѣ, или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, и Академія легко могла сдѣлаться ихъ общею Dépositaire.

Съ 17 стр. начинаются самыя таблицы вмѣстѣ съ извлеченными изъ нихъ заключеніями и полезными примѣненіями. Обработка не Варгентиновская, но такъ похожа на мою, напечатанную за 18 лѣтъ предъ тѣмъ, какъ одно яйцо на другое. Я ссылаюсь на очевидность. Правда, пропорціи здѣсь вѣрнѣе, потому что Крафтъ вычисляетъ за 17 лѣтъ, а я за 5/6 года; но результаты не плодотворнѣе, потому что они относятся также только до одного города и до тѣхъ не многихъ данныхъ, которыхъ требовали мои образцы. Мое ариѳметическое доказательство вреда водки, которому даже Бюшингъ оказалъ вниманіе, онъ усердно продолжаетъ на стр. 55 (впослѣдствіи ни одинъ счетчикъ не осмѣлился коснуться этой струны; *Act.* T. VIII, p. 251 была бы для этого хорошимъ поводомъ).—Отъ математика по профессіи нельзя было ожидать растянутости выраженій (стр. 16). Отчего вмѣ-

сто naissances, morts, mâles, femelles и проч. не поставить просто буквы N: M, m: f, которыя понимають всѣ знатоки, не будучи алгебраистами. Сравненія петербургскихъ отношеній съ отношеніями другихъ городовъ, которые только и доставляютъ подобнымъ изслѣдованіямъ прелесть и занимательность, не находимъ нигдѣ. Сверхъ того кромѣ Франклина (Бернулли, Зюсмильхъ, T. IV, стр. 192 и слѣд.) не цитируется ни одинъ авторъ. Въ концѣ 66 стр., гдѣ повторяется неопровержимое положеніе, что «было бы полезно, еслибы такіе списки, но avec *précision*, получались изъ всѣхъ намѣстничествъ государства», и я наконецъ имѣю честь быть наименованнымъ въ примѣчаніи *).

II. Начатую работу Крафтъ продолжалъ въ 1788 г. и свелъ итоги за пять лѣтъ, съ 1781 до 1785. Съ этого времени Академія приняла ихъ даже въ свои *Acta*, подъ рубрику *Physico*-Mathematica:

Nova Acta Acad. Petropolit. Tom. IV, ad annum 1786 (напеч. 1789), стр. 174—208. *Suite* du Mémoire sur les Listes... contenant la période de 1781—1785.

III. Тамъ же третій и до сихъ поръ послѣдній мемуаръ, представленный въ 1792 г., снова за 5 лѣтъ.

Nova Acta... Tom. VIII, ad annum 1790 (напеч. 1794) стр. 227 — 255. Sur les Listes... Mémoire troisième, contenant la période de 1786—1790.

Въ обоихъ мемуарахъ обработка таблицъ совершенно одинакова съ первымъ. Часто повторяются устарѣлыя желанія, чтобы образцы были распространены и усовершенствованы; а въ послѣднемъ мемуарѣ, стр. 227, предлагается именно «*Bureau* établi *exprès* pour la rédaction de ces Tables», еслибы они доставля-

*) «См. разсужденіе: von der Unschädlichkeit... und Russlands Bevölkerung überhaupt, изданное въ Гёттингенѣ въ 1768 г. Составляя свой мемуаръ, я *часто* пользовался этимъ, полнымъ самыхъ интересныхъ свѣдѣній разсужденіемъ, авторъ, котораго — знаменитый г. Шлецеръ. Я дамъ о немъ точный отчетъ во второмъ мемуарѣ объ этомъ же предметѣ». (Это обѣщаніе потомъ забыто г. авторомъ).

лись изъ всего государства, т. е. *Русская Статистическая контора* по моему забытому идеалу; — но не предложено лучшихъ образцовъ, не представлено обстоятельнаго плана желаемаго Bureau.

IV. Еще прежде (въ 1786 г.) Германъ, въ то время Conseiller de cour et Associé pensionnaire regnicole à Catharinenbourg en Perme, представилъ въ Академію Mémoire sur les naissances, mariages et morts dans quelques *provinces* et *villes* de la Russie, который она помѣстила въ только что упомянутомъ *Nova Acta*, Tom. IV, и все-таки только въ Hist. p. 59—88. Здѣсь находятся таблицы не только для отдѣльныхъ городовъ (также для С.-Петербурга, но числа не всегда согласны съ числами Крафта), но для цѣлыхъ отдѣльныхъ намѣстничествъ и епархій. Какъ сочинитель пріобрѣлъ ихъ, объ этомъ онъ не говоритъ. Тобольскія таблицы подробны особенно въ графахъ умершихъ; здѣсь различается полъ, и показаны возрастъ и мѣсяцы смерти; но повсюду не достаетъ одной изъ важнѣйшихъ рубрикъ—болѣзней. Не смотря на то, ими можно было бы пользоваться, какъ отрывками, еслибы только можно было полагаться на числа. Но источники ихъ неизвѣстны, да сверхъ того часто встрѣчаются отношенія, противорѣчащія всякому опыту. Напримѣръ: въ Твери M : N = 10 : 26; въ Вологдѣ даже 29 родившихся на 10 умершихъ. Способъ обработки этихъ таблицъ совершенно такой же, какъ у Крафта.—Судя по 61 страницѣ, составитель, кажется, не имѣетъ никакого понятія о безконечной разницѣ трехъ родовъ таблицъ: 1) обыкновенныхъ церковныхъ; 2) шведскихъ народныхъ листовъ (поголовное исчисленіе съ классификаціею жителей по возрасту, сословію, занятію и проч.), и 3) прусскихъ провіантскихъ (промышленность, продукты). Сколько людей ежегодно рождается и умираетъ, показываетъ священникъ въ церковныхъ спискахъ. Но сколько въ государствѣ военныхъ, ремесленниковъ, врачей, кандидатовъ и проч.; сколько у крестьянина лошадей и овецъ; сколько онъ ежегодно выработываетъ зерна; сколько тюковъ сукна доставляетъ мануфактуристъ и т. д.,—все это очень важныя за-

мѣтки *), — но внесеніе ихъ требуетъ совсѣмъ другихъ людей и учрежденій, да сверхъ того, онѣ принадлежатъ кабинету или камерѣ, но не табельной конторѣ. Еслибы только послѣдняя состоялась, то впослѣдствіи, можетъ быть, возможно было бы соединить съ нею и тотъ и другую; только сразу не требуйте слишкомъ много. Свой мемуаръ сочинитель начинаетъ краткою исторіею церковныхъ списковъ въ Россіи (о чемъ я говорю выше, стр. 137) и обо мнѣ вовсе не упоминаетъ **), и даже, сказавъ о Бюшинговыхъ спискахъ иностранцевъ въ Петербургѣ, тотчасъ

*) Если правительство, при видѣ недостатка въ хлѣбѣ, велитъ чиновникамъ записать запасъ зерна, то вся страна будетъ этимъ встревожена; прусское правительство изъ вышеозначенныхъ списковъ узнаетъ въ концѣ каждаго года, сколько потребителей и сколько четвериковъ зерна. Сверхъ всякаго ожиданія, въ архистатистической Англіи только въ концѣ 1800 года г. Абботтъ возбудилъ въ нижней палатѣ вопросъ о такомъ учрежденіи.

**) Новиковъ въ своемъ спискѣ русскихъ писателей (О россійскихъ писателяхъ, Петербургъ, 1772 г. 8. 264 стр.) ни одного раза не упомянулъ меня; между тѣмъ съ 1764 по 1767 г. я издалъ три книги и даже на русскомъ языкѣ и подъ своимъ именемъ. Мои статьи въ Барковскомъ Несторѣ онъ приписываетъ Тауберту, стр. 215. Издателемъ Никоновской Лѣтописи, на стр. 17, онъ, не зная дѣла, противъ совѣсти, называетъ моего благодарнаго ученика, покойнаго Башилова, котораго мнѣ дала Академія въ переписчики для этого важнаго предпріятія [1]).

[1]) Не совсѣмъ вѣрно: назначеніе, данное Академіею Башилову, какъ видно изъ опредѣленія академической канцеляріи, было гораздо серіознѣе:

«Журн. 1767 года марта 19-го дня, № 322». По представленію г-на Шлецера и по прошенію переводчика Башилова, отослать онаго Башилова къ г-ну профессору Шлецеру съ тѣмъ, что г-нъ профессоръ еще до отъѣзда своего переводчику Башилову не только довольное далъ наставленіе, какимъ образомъ поступать ему при изданіи Никоновскаго Лѣтописца и другихъ, по мнѣнію его, достойныхъ изданія сочиненій, но и самымъ дѣломъ въ бытность свою началъ еще онаго Лѣтописца»...

Замѣтимъ кстати, что упрекъ, дѣлаемый Шлецеромъ Новикову въ томъ, что онъ приписалъ Тауберту предисловіе къ Лѣтописи, изданной Барковымъ, также не основателенъ: предисловіе подписано: *Издатель*, т. е. Таубертъ, который предпринялъ изданіе по приказанію президента Академіи гр. Разумовскаго въ 1761 г., когда Шлецеръ едва пріѣхалъ въ Петербургъ и вовсе не принадлежалъ Академіи; сверхъ того, въ самомъ предисловіи упоминается о Шлецерѣ, но какъ о лицѣ, представившемъ проектъ занятій русскою исторіею. (*Библ. Росс. Историч.* ч. I, стр. 31, а также *Ист. Ак. Н.* П. Пекарскаго, т. I, стр. 657). Слѣдующій ниже (въ § 60, IV) рѣзкій отзывъ о Новиковѣ слѣдуетъ объяснить оскорбленнымъ авторскимъ самолюбіемъ.

же продолжаетъ: presque dans le même tems... вышелъ императорскій указъ (11 февраля 1764 г.)» — какъ будто эти незначительные листки были поводомъ къ этому указу.

56.

Съ тѣхъ поръ во многихъ нѣмецкихъ газетахъ встрѣчались русскіе церковные списки какъ отдѣльныхъ городовъ, такъ и цѣлыхъ губерній, но всегда sine die et consule: можно ли имъ довѣрять? Подозрительно a priori отношеніе между M: N (выше стр. 148); еще подозрительнѣе пущенное въ публику отношеніе между умершими и всею массою народонаселенія 1 : 58. Въ Monthly Magazine (май 1800, стр. 348) оспоривается эта неслыханно малая смертность и сравнивается со смертностью въ Ваатѣ, 1:45, и въ Швеціи, 1:34.

«*Масса Народонаселенія*», развѣ она извѣстна въ этой огромной имперіи? Но ее можно было бы опредѣлить съ большою вѣроятностію, еслибы въ Россіи уже 30 лѣтъ тому назадъ существовала табельная контора. Но этого не было. И это число было бы еще точнѣе, чего такъ жаждутъ всѣ статистики, еслибы были предприняты общія исчисленія; но этого тоже не было. При трехъ такъ называемыхъ ревизіяхъ нашего столѣтія считались, какъ извѣстно, только, такъ называемыя *души*, т. е. крѣпостные мужескаго пола, и только при четвертой и предпослѣдней, въ 1782 г., записывали и крѣпостныхъ женщинъ. Копію со списковъ крѣпостныхъ мужескаго пола Шторхъ получилъ изъ государственнаго архива; но о числѣ крѣпостныхъ женщинъ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ ничего не публиковано. И не смотря на то, даже въ Россіи печатались цѣлые реестры народонаселенія отдѣльныхъ намѣстничествъ и всѣхъ вмѣстѣ; но никто не знаетъ откуда взялись эти цифры?

Плещеевъ (флота капитанъ и кавалеръ), *Обозрѣніе Россійскія имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи.* Петерб. 1787, больш. 8. 190 страницъ. Здѣсь опредѣлено количество народонаселенія 43 губерній, не въ круглыхъ цифрахъ, но въ точно

опредѣленныхъ (напр. въ Уфѣ 355, 598 человѣкъ): кто можетъ подозрѣвать, что эти числа составлены на обумъ? — Сочинитель насчитываетъ для своего времени (1787) всего 26,617,698 человѣкъ, но не считая дворянства, духовенства, гражданскихъ чиновниковъ, войска и полудикихъ народовъ азіатской Россіи; а такъ же не считая послѣднихъ пріобрѣтеній въ Польшѣ.

Шторхъ (8 лѣтъ спустя) *Statistische Uebersicht* der Statthalterschaften des *Russischen Reichs*, Riga, 1795, kl. fol. 131 S. Въ концѣ 116 стр. количество народонаселенія 45 губернаторствъ и 3 другихъ областей опредѣляетъ, и NB круглымъ числомъ, въ 30,830,000, а «со всѣми не считанными классами народа *вѣроятно*» 33 милліона.

Статистикъ и составитель альманаховъ долженъ наконецъ по обязанности сказать своему читателю, знаетъ ли онъ, или не знаетъ, сколько народонаселенія въ Россіи. Но отнынѣ пусть онъ будетъ остороженъ — пусть не продолжаетъ смѣшнаго, чего еще недавно не избѣжалъ даже туземецъ Германъ (statistische Schilderung von Russland, Petersburg, 1790), стр. 6 и слѣдд., — пусть не заимствуетъ свѣдѣній о большомъ числѣ изъ Вольтера, Кокса, Леклерка, Крома, Альбома, Болтина, изъ моихъ Stats-Anzeigen (ихъ однихъ не знаетъ Германъ) и проч. и проч. и проч., и не ставитъ ихъ другъ возлѣ друга, какъ важные варіанты. Говорите лучше честно, какъ прилично ученому: «количество народонаселенія Россійской имперіи въ точности никому неизвѣстно, даже самому правительству; нынѣшнее исчисленіе, 33 милліона, вѣроятно, но не болѣе, какъ вѣроятно». Если окажется два, три милліона больше или меньше, для статистики во многихъ случаяхъ это не важно.

57.

Я уже давно забылъ о петербургскихъ церковныхъ спискахъ и русской табельной конторѣ, когда Бюшингъ напомнилъ мнѣ объ этомъ самымъ непріятнымъ образомъ. Въ своихъ Wöchentl. Nachr. 1773, стр. 178, онъ писалъ.... Но къ чему мнѣ ссылаться на документы въ такомъ противномъ для меня дѣлѣ? Выписываю здѣсь только то, что я по необходимости отвѣчалъ въ моемъ

Аскольдъ и Диръ (Гёттингенъ, 1773), предисл. стр. X—XII, при чемъ смягчаю всю полемическую жесткость.

Г-нъ Бюшингъ говоритъ: «для Россіи выгодно, чтобы теперь сдѣлали изъ этого оффиціальное дѣло—чтобы ежегодно вносили въ списки число родившихся, умершихъ и вступившихъ въ бракъ». За тѣмъ онъ называетъ того человѣка, который первый въ Россіи подалъ поводъ къ тому, чтобы государство обратило вниманіе на подобные списки. И этотъ человѣкъ... гнъ Бюшингъ! Хотя онъ знаетъ и не отрицаетъ, даже самъ говоритъ, что императорскій указъ о доставленіи такихъ списковъ въ Академію изданъ 11 (22) февраля 1764 года; хотя онъ знаетъ и не отрицаетъ, и даже самъ говоритъ, что онъ, гнъ Бюшингъ, не повиненъ въ этомъ указѣ, но что покойный ст. сов. Таубертъ выхлопоталъ его по моему побужденію; — не смотря на все это, онъ пишетъ: «начало положилъ Я». «*Когда* мой первый опытъ сдѣлался извѣстенъ, Шлецеръ внушилъ ст. сов. Тауберту» и проч. Гнъ Бюшингъ, какъ онъ самъ утверждаетъ, и я ему охотно вѣрю, составлялъ такіе списки, 1) лютеранъ, реформатовъ и католиковъ въ Петербургѣ, 2) уже въ концѣ 1763 года, и 3) эти списки печатались къ Пасхѣ 1763 года въ первой части его ученаго сочиненія *о Россіи и изъ Россіи*. Все это говоритъ самъ гнъ Бюшингъ, и не смотря на то, 4) продолжаетъ: «когда мой первый опытъ (о Пасхѣ 1764 г.) сдѣлался извѣстенъ, Шлецеръ внушилъ Тауберту» (такъ какъ императорскій указъ вышелъ уже въ февралѣ 1764 г.). Изъ этихъ противорѣчій... гна Бюшинга не выводитъ и то обстоятельство, что онъ уже въ концѣ 1763 года сосчиталъ дѣтей своего прихода и приходовъ своихъ товарищей. Еслибы я началъ хлопотать о дѣлѣ не раньше, какъ въ концѣ 1763 г., то 11 февр. не могло бы быть никакого указа. Гнъ Бюшингъ, вѣроятно, самъ знаетъ, что въ Россіи, пока адъюнктъ разъяснитъ дѣло своему начальнику, а тотъ убѣдитъ министра, а послѣдній, выбравъ удобное время, доведетъ его до престола и получитъ разрѣшеніе, проходитъ обыкновенно болѣе шести недѣль. Но еслибы я началъ и не раньше г. Бюшинга, то все таки мнѣ не было извѣстно, что г. Бюшингъ началъ въ тоже самое время. И какимъ образомъ я, въ то время адъюнктъ Академіи, могъ знать, что предпринимаетъ въ своемъ кабинетѣ пасторъ церкви Св. Петра? И къ чему мнѣ было брать его за образецъ? Вѣдь онъ не первый пасторъ на свѣтѣ, который ведетъ счетъ дѣтей своего прихода; въ самой Россіи тысячи поповъ дѣлали тоже самое прежде него. Развѣ тогда еще не было на свѣтѣ Зюсмильха? И могли бы остаться неизвѣстными мнѣ статистическія таблицы во время моего продолжительнаго пребыванія въ Швеціи? Какъ же могъ г. Бюшингъ сказать, что предло-

женіе ввести въ Россіи статистическія таблицы я заимствовалъ отъ него, что начало положилъ онъ?...

Развѣ я не смѣлъ, я, бѣднякъ, потребовать своего маленькаго имущества отъ Бюшинга, и безъ того уже богатаго репутаціею?

Но зачѣмъ черезъ 27 лѣтъ вспоминать объ этой распрѣ? Отвѣтъ: Semper aliquid haerit! Мое вышеприведенное доказательство не встрѣтило никакого возраженія: самъ Бюшингъ впослѣдствіи въ своихъ жестокихъ нападкахъ на моего *Аскольда и Дира* не возразилъ ни однимъ словомъ. И при всемъ томъ Бауманъ, послѣдній издатель Зюсмильха, еще въ 1776 г. писалъ (часть III, стр. 36), что списки Бюшинга тѣмъ замѣчательнѣе, что вслѣдствіе моихъ стараній они сдѣлались поводомъ ко введенію съ 1764 г. подобныхъ же списковъ въ Россіи. А какъ по-товарищески и по-дружески Германъ употребилъ фигуру опущенія, переходя отъ Бюшинга къ императорскому указу, о томъ см. выше стр. 149.

ГЛАВА IX.

Продолженіе главы VII, стр. 109.

58.

Новая работа совсѣмъ другаго рода.

Съ своимъ начальникомъ Таубертомъ я много разъ говорилъ о русскомъ языкѣ, потому что не только при переводѣ указовъ (см. выше, стр. 103), но и при чтеніи сообщаемыхъ имъ мнѣ сочиненій (стр. 122) мнѣ постоянно попадались мѣста, которыхъ не могли мнѣ объяснить ни одна грамматика, ни одинъ лексиконъ. Таубертъ дѣйствительно изучалъ свой языкъ; но ему не доставало общихъ философскихъ познаній, потому онъ часто слышалъ отъ меня такіе вопросы и возраженія, которые ставили его втупикъ. Естественно, что при этомъ часто

приходилось говорить о существовавшихъ тогда русскихъ грамматикахъ, и чаще всего о Ломоносовской, которая почиталась тогда образцовымъ произведеніемъ. При помощи моей общей грамматики, я указалъ ему въ грамматикѣ Ломоносова множество неестественныхъ правилъ и безполезныхъ подробностей съ такою ясностію, что ему стало досадно, какъ онъ самъ не замѣтилъ этихъ ошибокъ. И конецъ былъ такой (въ началѣ 1763 г.): «Напишите сами русскую грамматику; Академія должна ее напечатать».

Я принялъ предложеніе. Не было ли это слишкомъ смѣло?— Кромѣ того, что мнѣ была немного извѣстна общая грамматика, я уже долгое время (стр. 108) занимался сравненіемъ русскаго языка, словъ и грамматики, съ многочисленными родственными ему нарѣчіями: ни о томъ, ни о другомъ Ломоносовъ никогда не думалъ; слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ я имѣлъ предъ нимъ значительное преимущество. Изъ осторожности я бралъ примѣры большею частію у него, но правила были мои. Въ сомнительныхъ случаяхъ я могъ ежедневно пользоваться совѣтомъ моего товарища, Румовскаго, который изучалъ свой языкъ въ математическомъ духѣ. Впрочемъ, мой главный планъ клонился не столько къ тому, чтобы иностранецъ могъ научиться по-русски по моей грамматикѣ; но скорѣе, чтобы онъ пріобрѣлъ общее, *ученое* знаніе этого безконечно богатаго и высоко обработаннаго, но въ то время еще совершенно неизвѣстнаго языка, который иные даже считали варварскимъ. Такъ въ VI главѣ, стр. 35 — 130, я распространился о чрезвычайно близкомъ родствѣ русскаго языка съ нѣмецкимъ, латинскимъ и греческимъ въ большей части коренныхъ словъ и въ доказательство приложилъ цѣлый *славянскій глоссарій* (который съ тѣхъ поръ я увеличилъ въ три раза). Такъ въ III главѣ, стр. 12 — 20, я говорю о буквѣ ъ, свойственной русскимъ, но звукъ которой является скрытымъ во многихъ другихъ языкахъ, и составляетъ причину маленькихъ измѣненій, претерпѣваемыхъ словами при переходѣ отъ одного народа къ другому и при возникновеніи діалектовъ; какъ напр. изъ *mel* франц. *miel*, изъ *bono* италіанск. *buono* и проч.

Началось печатаніе. Нѣмецкіе шрифты въ академической типографіи были сносны; но не таковъ былъ факторъ и наборщикъ, хотя послѣдній былъ нѣмецъ. Оба они были лишены чувства типографской точности и красоты, и каждое измѣненіе, котораго я требовалъ въ корректурѣ, если оно не относилось до опечатки въ строгомъ смыслѣ слова, казалось имъ однимъ авторскимъ упрямствомъ и прихотью. Мнѣ даже приходилось слышать то, что впослѣдствіи такъ затруднило мнѣ печатаніе лѣтописи Никона: «они не состоятъ подъ моимъ начальствомъ, мнѣ нечего имъ приказывать». Но я пробивался съ желѣзнымъ терпѣніемъ.

Весною 1764 года было готово одиннадцать листовъ, больш. 8°, до 176 стр., гдѣ начиналось склоненіе прилагательныхъ. Тогда вмѣшался Ломоносовъ (см. ниже), и Таубертъ не осмѣлился продолжать печатаніе. Ломоносовъ умеръ въ слѣдующемъ году; но тогда помѣшала моя поѣздка въ Германію, а по возвращеніи моемъ въ 1766 г. о продолженіи печатанія не было и рѣчи. Въ 1769 г. я изъ Гёттингена предложилъ окончить книгу, но не получилъ никакого отвѣта. Безъ сомнѣнія, эти одиннадцать листовъ разошлись по свѣту (обращены въ макулатуру), и можетъ быть, существуетъ только шесть экземпляровъ, изъ коихъ одинъ наслѣдуетъ гёттингенская библіотека. Списанные экземпляры этого отрывка еще года два тому назадъ обращались въ Москвѣ.

59.

Вотъ мои *литературныя* занятія въ Петербургѣ съ ноября 1761 г. до весны 1764, почти два съ половиною года: они *многочисленны* и *разнообразны*. Не навлечетъ ли на меня слово *разнообразны* подозрѣнія въ desultoriae levitatis. Очевидно, что въ этомъ разнообразіи была связь и что оно состояло въ связи съ моимъ призваніемъ. Или, не преувеличиваю ли я, употребляя слово *многочисленны*? Слѣдующія замѣчанія, можетъ быть, уяснятъ, почему я могъ въ короткое время одолѣть эту мнимую *многочисленность*.

I. Я привыкъ къ скорописанію. Уже на одиннадцатомъ году я усердно занимался этимъ, записывая за проповѣдникомъ, и съ каждымъ слѣдующимъ годомъ усвоивалъ себѣ новые способы сокращеній. Знаніе языковъ навело меня на многія удобства, которыя, вѣроятно, неизвѣстны ни одному скорописцу въ англійскомъ парламентѣ; напр. въ нѣмецкомъ страдательномъ глаголѣ я отбрасываю приставку и вспомогательный глаголъ и пишу по-шведски funnits вмѣсто *ist ge*funden *worden*. Въ общемъ выигрывается такимъ способомъ гораздо больше времени и труда, чѣмъ можно предполагать. Еще теперь съ моими сокращеніями я пишу въ одинъ часъ ровно столько же, сколько безъ сокращеній въ два. А такъ какъ большая часть моихъ работъ состояла въ письмѣ, причемъ только въ послѣднемъ, обработанномъ спискѣ, представляемомъ начальству, не могло быть сокращеній, то вообще я считаю, что въ одинъ годъ выполнялъ работу двухъ лѣтъ.

(Сверхъ того у меня былъ пріятель, который такъ превосходно чинилъ перья, что нерѣдко одно перо служило мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Я не упомянулъ бы объ этой мелочи, еслибы не видѣлъ, что Лихтенбергъ (Vermischte Schriften, B. II) серіозно признаетъ вліяніе хорошихъ перьевъ на авторство).

II. Мой способъ работать былъ слѣдующій. Я не занимался одновременно разными предметами, но предавался одному предмету, особенно въ началѣ, исключительно (не считая обыкновенныхъ занятій по должности), съ жаромъ, который, мои друзья называли бѣшенствомъ, впродолженіе трехъ или четырехъ недѣль, пока предметъ мнѣ не надоѣдалъ. Тогда я для отдыха принимался за совершенно другое дѣло, и только спустя нѣсколько мѣсяцевъ возвращался къ первому; въ два, три дня прерванная нить снова связывалась. Этотъ способъ занятій можетъ имѣть свою дурную сторону, не говоря ужъ о томъ, что не во всякомъ положеніи онъ примѣнимъ; но несомнѣнно и то, что онъ имѣетъ и свои выгоды, и можно очевидно исчислить сбереженное время и трудъ. Напримѣръ, пусть студентъ университета непрерывно беретъ въ каникулярное время уроки какого нибудь легкаго языка

(испанскаго, шведскаго и т. д.), во всѣ четыре недѣли по шести часовъ: я по опыту утверждаю, что въ эти 24 часа онъ болѣе успѣетъ, чѣмъ въ 48, раздѣленные на шесть мѣсяцевъ; потому что понятія, которыя онъ усвоилъ 2-го апрѣля, присущи ему 20-го апрѣля; но до 20-го іюня большая часть изъ нихъ исчезнетъ.

III. Я работалъ до того, что заболѣлъ. Ни одной зимы (кромѣ первой) не провелъ я въ Петербургѣ безъ лихорадки. То была изнурительная, только слабая, но, можетъ быть, поэтому именно и болѣе опасная нервная лихорадка, начинавшаяся у меня обыкновенно около Михайлова дня и продолжавшаяся два мѣсяца. Она нисколько не мѣшала мнѣ работать, напротивъ, казалось, еще болѣе возбуждала умственныя силы. Врачемъ моего духа и тѣла былъ д-ръ Гіонгіосси (Gyöngyössi), докторъ при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, честный венгерецъ и превосходный человѣкъ. Восточная литература была для него также, какъ и для меня, старою любовью; въ Голландіи, гдѣ онъ учился, онъ глубоко изучилъ арабскій языкъ, и мы часто по цѣлымъ часамъ разговаривали объ этомъ предметѣ прежде, чѣмъ дѣло доходило до лихорадки и рецептовъ. Этотъ докторъ-философъ (впослѣдствіи онъ могъ быть лейбъ-медикомъ императрицы и жить при дворѣ; но отказался отъ этой чести, потому что «дворъ его стѣснялъ») всякій разъ помогалъ мнѣ хининой, такъ что я остальную часть зимы, весну и все лѣто могъ трудиться по-прежнему; но злая осень снова приносила мнѣ лихорадку.

Теперь я самъ понимаю, что такое напряженіе было неблагоразумно. Но да простятъ голодному, если онъ объѣстся за хорошимъ столомъ. Какой міръ новыхъ знаній открывался предо мною, и преимущественно такихъ знаній, которыя я могъ только *тамъ* пріобрѣсти! Чтобы съ пользою употребить драгоцѣнное время, я долженъ былъ спѣшить, особенно потому, что еще не было рѣшено, какъ долго мнѣ возможно будетъ учиться въ этой всесвѣтной школѣ. Между тѣмъ мое начальство было недовольно моимъ безразсуднымъ прилежаніемъ. Дѣйствительно, если тотъ, кто на службѣ заработывается до болѣзни или до полусмерти, заслужи-

ваетъ названіе глупца, то можно пожелать каждому хорошему правительству побольше такихъ глупцовъ въ чиновники.

60.

Надѣюсь, никто не подумаетъ, что, занимаясь выше означенными предметами литературы, я пренебрегъ изученіемъ несравненно важнѣйшихъ предметовъ, страны и народа, людей, природы и искусства, на сколько было возможно въ моемъ маленькомъ кругѣ. Но пусть никто не ожидаетъ отъ меня такихъ извѣстій о тогдашней Россіи вообще, о великолѣпіи императорскаго города Петербурга и объ особенностяхъ жителей, какія находятъ у путешественниковъ; могу предложить нѣсколько общихъ замѣчаній.

Говоря вообще, Россія большой свѣтъ, а С.-Петербургъ — маленькій свѣтъ, въ извлеченіи. Счастливъ тотъ молодой человѣкъ, который, въ качествѣ ученаго путешественника, начинаетъ свои ученые годы въ этомъ большомъ и маленькомъ свѣтѣ. Я пришелъ — увидѣлъ — и удивился, а между тѣмъ я прибылъ не изъ деревни. Еслибы судьба, согласно моимъ желаніямъ, забросила меня сперва въ Константинополь, Алеппо или Пекинъ, я, можетъ быть, нашелъ бы тамъ много для себя новаго, и на первый взглядъ страннаго; но не нашелъ бы ничего поражающаго своимъ разнообразіемъ, поучительнаго, расширяющаго умъ, какъ въ Петербургѣ. Многое, что въ другихъ мѣстахъ прекрасно, но миніатюрно, здѣсь великолѣпно и обширно; что въ другихъ мѣстахъ велико, здѣсь колоссально. Азіятская роскошь, доходящая до расточительности, соединяется съ тонкимъ европейскимъ вкусомъ. Ни одинъ стоикъ не останется тутъ вѣренъ своему nil admirari; за то, если онъ здѣсь надивился, тѣмъ менѣе будетъ удивляться въ другихъ мѣстахъ.

Здѣсь я упомяну нѣкоторыя странности, особенности, назовите, какъ хотите, малыя и большія, но, можетъ быть, всѣ характерическія; назову предметы, которые въ другихъ мѣстахъ или вовсе не встрѣчаются, или встрѣчаются въ иномъ видѣ или иныхъ соединеніяхъ. Обрисовывать, художественно описывать я

не хочу и не могу; но если бы даже художникъ сталъ ихъ описывать, то и ему пришлось бы многія описанія заключить приглашеніемъ: иди самъ, смотри, слушай и чувствуй.

I. Какое разнообразіе національностей и языковъ! гораздо больше, чѣмъ въ Кадиксѣ. Здѣсь сталкиваются Европа и Азія: армяне, калмыки, бухарцы (китайцевъ въ мое время не было) посреди людей, можетъ быть, изъ всѣхъ странъ нашей части свѣта безъ исключенія. Если на самыхъ многолюдныхъ улицахъ осмотрѣться кругомъ, то какое различіе между группами людей въ физіономіяхъ и костюмахъ! Общественное богослуженіе совершается теперь *) на четырнадцати языкахъ. Можно найти переводчиковъ съ самыхъ рѣдкихъ языковъ (но не знатоковъ, т. е. не ученыхъ переводчиковъ). — И какой здѣсь странный colluvies gentium, если посмотрѣть съ другой стороны! Постоянный наплывъ пришельцевъ, большею частью нѣмцевъ (по крайней мѣрѣ я больше всего на нихъ обратилъ вниманіе), изъ которыхъ, можетъ быть, половина прибита къ берегамъ Россіи несчастіями, приключеніями, и смѣлыми затѣями. Въ то время впускали всѣхъ кто только предъявлялъ видъ о здоровьи отъ самаго незначительнаго городишка; никого не спрашивали: какого ты вѣроисповѣданія? да едва ли спрашивали: какой ты націи? (только евреямъ и іезуитамъ запрещенъ былъ въѣздъ указомъ Петра I); но впослѣдствіи стали спрашивать: въ чемъ ты *намъ* можешь *пригодиться?*

Такихъ людей часто можно было встрѣтить за разъ съ полдюжины въ одномъ обществѣ, въ особенности у нѣмецкихъ купцовъ. Часто, стоя съ Бакмейстеромъ въ углу, мы разсматривали ихъ и находили, что точный разсказъ ихъ похожденій составилъ бы интереснѣйшій романъ. Хотя никто не зналъ подробностей ихъ жизни, и это они хранили въ тайнѣ, однакожъ многое обнаруживалось само собою, во многомъ они должны были покаяться, чтобы получить право на входъ въ почтенные дома. Вотъ идетъ

*) Георги, Описаніе Петербурга (1790) стр. 234. Въ мое время богослуженіе еще не совершалось на греческомъ и турецкомъ языкахъ.

нѣмецъ, нѣкогда кандидатъ на святую проповѣдническую должность, возвратившійся изъ Остъ-Индіи, гдѣ онъ, какъ можно замѣтить, впродолженіе семи лѣтъ пробивался въ должности матроса; тамъ стоитъ пожилой пасторъ изъ Пруссіи, который предпринялъ путешествіе сюда, чтобы уклониться отъ объявленной ему (неизвѣстно почему) отставки; тамъ сидятъ мужъ и жена, молодая любящая пара; они вступили въ бракъ прежде, чѣмъ мужъ успѣлъ пріобрѣсти кусокъ хлѣба; онъ думалъ найти его здѣсь по своимъ заслугамъ, которыхъ не хотѣло признать его отечество, и т. д. Нерѣдко стоило труда продолжать начатое знакомство съ этими людьми: оно было поучительно, потому что они многое могли поразсказать (глупцы никогда не бываютъ авантюристами, а обыкновенные люди рѣдко). Какъ и чѣмъ они жили, этого никто не зналъ; но это такъ же никого не касалось, пока они не знакомились съ полиціею. Далеко не всѣ они были дурные люди. Какъ часто случается, что самый лучшій человѣкъ дѣлаетъ ошибку по необдуманности, потомъ удаляется отъ близкихъ свидѣтелей своей ошибки, уѣзжаетъ за море съ твердымъ намѣреніемъ никогда больше не ошибаться и составляетъ блестящую карьеру.

II. Я стою у своего окна; мимо гонятъ стадо животныхъ, которыхъ я зналъ еще по библейскимъ разсказамъ Гюбнера, но никогда не видѣлъ въ натурѣ, — верблюдовъ. (Чтобы видѣть слоновъ Надира, нужно было сдѣлать дальнюю прогулку за городъ). Они принадлежали прибывшему тогда въ столицу калмыкскому посольству. Это посольство со своею свитою и однимъ переводчикомъ посѣтило однажды Миллера; а потомъ всѣ они взошли наверхъ къ Бакмейстеру, у котораго я былъ въ то время. Ихъ поподчивали трубкою табаку, по калмыцкому обычаю: хозяинъ (Бакмейстеръ) закурилъ трубку, потянулъ разъ шесть, и предложилъ ее дальше; такимъ образомъ она обошла весь кругъ. Черезъ переводчика мы предлагали имъ вопросы, чтобы слышать, какъ они говорятъ по калмыцки (монгольски). — Я воображалъ, что заключилъ болѣе важное знакомство съ однимъ туркомъ, по имени

Эминымъ, который выдавалъ себя за сына турецкаго паши; онъ, дѣйствительно, говорилъ по-турецки и при томъ былъ полуученый, по крайней мѣрѣ зналъ по-латыни. Я хотѣлъ-было научиться у него читать Абулгази на коренномъ языкѣ; но съ этимъ человѣкомъ ничего нельзя было сдѣлать: онъ не могъ читать турецкой рукописи, тѣмъ менѣе давать уроки грамматики этого языка.

III. Свой миръ съ Фридрихомъ единственнымъ Петръ III праздновалъ фейерверкомъ. При такихъ торжествахъ, которыя даютъ поводъ къ стеченію сотенъ тысячъ народа, полуслѣпые должны обуздывать свое любопытство и не подвергать въ тѣснотѣ свою жизнь опасности, если у нихъ нѣтъ надежныхъ проводниковъ (стоитъ только вспомнить о несчастіи въ Парижѣ во время бракосочетанія Маріи Антуанеты). Послѣднихъ я всегда старался найти въ подобныхъ случаяхъ. Изъ одного частнаго сада, на довольно близкомъ разстояніи и внѣ всякой опасности я вмѣстѣ съ надв. сов. Шишковымъ (выше стр. 101) смотрѣлъ на это зрѣлище, превосходящее все, что можно себѣ представить. Русскіе фейерверкеры и безъ того уже славились тѣмъ, что довели свое искусство до такого совершенства, какого не знали въ остальной Европѣ; въ особенности много слышалъ я о томъ, что они изобрѣли способъ придавать огню цвѣтъ, чего долго добивались за границею, но еще не нашли. Этотъ фейерверкъ продолжался около двухъ часовъ; перекатывающійся громъ пушекъ, который слышался во время освѣщенія, сообщалъ ему нѣчто невыразимо величественное, ужасающее, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасное. Говорятъ, что онъ стоилъ 100,000 рублей. Съ тѣхъ поръ всѣ фейерверки, которые я изъ учтивости долженъ былъ смотрѣть въ другихъ мѣстахъ, казались мнѣ игрушкою.

IV. Въ душный лѣтній вечеръ сижу я за своимъ письменнымъ столомъ и слышу: вотъ ѣдетъ Григорій Орловъ на яхтѣ внизъ по Невѣ. За нимъ вереница придворныхъ шлюпокъ, а впереди лодка съ сорока приблизительно молодцами, производящими музыку, какой я въ жизни не слышалъ, — а я воображалъ, что знаю всѣ музыкальные инструменты образованной Европы. Казалось,

какъ будто играли — выраженіе одного знатока этого искусства — «на нѣсколькихъ большихъ церковныхъ органахъ съ закрытыми трубами въ двухъ низшихъ октавахъ, и вслѣдствіе отдаленности звукъ казался переливающимся и заглушеннымъ». Это было такъ же ново для слуха, какъ изобрѣтенная впослѣдствіи гармоника. То была изобрѣтенная въ 1753 году чехомъ Марешемъ и оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ русская полевая или *охотничья музыка*. Хоръ состоитъ изъ сорока человѣкъ; у каждаго изъ нихъ свой рогъ, у каждаго рога свой собственный тонъ, и только этотъ единственный звукъ можетъ извлечь играющій, а потому каждый долженъ только считать, когда ему приходится сдѣлать паузу. И не смотря на то, слышны тріоли, трели въ цѣлыхъ симфоніяхъ съ аллегро, анданте и престо. Остальное Штелинъ художественно описалъ въ моихъ *приложеніяхъ* къ Neuverӓnd. Russland, B. II, S. 115—122. Возможно ли гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ подражать этой русской охотничьей музыкѣ, — въ этомъ сомнѣвается одинъ новѣйшій издатель анекдотовъ; я также сомнѣваюсь — по уважительнымъ причинамъ.

V. Въ одинъ высоко торжественный праздникъ я присутствовалъ при богослуженіи въ императорской придворной капеллѣ, гдѣ слышалъ знаменитую русскую церковную музыку, какъ извѣстно, только вокальную, безъ всякаго инструментальнаго аккомпанимента, даже безъ органа. У меня было столько музыкальнаго чувства и знанія музыки, что я могъ не мало удивляться. Вообразите себѣ постоянный, состоящій на жалованіи хоръ, въ которомъ 12 басовъ, 13 теноровъ, столько же альтовъ и 15 дискантовъ, слѣдовательно, болѣе 50 пѣвцовъ, и столько же малолѣтнихъ воспитанниковъ и постоянно подрастающихъ учениковъ, безпрерывно упражняющихся въ пѣніи подъ руководствомъ директора (въ чинѣ полковника) и инспектора (оба они прежде сами были придворными пѣвчими). При ежедневномъ богослуженіи въ придворной капеллѣ поютъ только нѣкоторые простымъ обыкновеннымъ напѣвомъ; въ воскресные дни, когда присутствуетъ императрица, они поютъ концертную обѣдню; но въ большіе праздники они въ

полномъ составѣ выполняютъ особенные, нарочно сочиненные Галуппи [1]) и украинцами (музыкальнымъ народомъ въ Россіи, какъ чехи въ Германіи) псалмы, хвалебныя пѣсни и другіе тексты, въ полныхъ церковныхъ концертахъ, въ которыхъ пылъ италіанской мелодіи соединяется съ мягкостію греческой. Такой церковный концертъ, исполненный такъ хорошо выученнымъ и такимъ многочисленнымъ хоромъ, выше всякаго описанія. Самые нѣжные (въ хорѣ нѣтъ ни одной дѣвушки, ни одного кастрата), звучные и вмѣстѣ съ тѣмъ самые сильные голоса: — казалось, что пульты, предъ которыми стояли басы, дрожали. Мое удивленіе здѣсь ничего не значитъ; но какъ многіе иностранные посланники, слышавшіе музыку въ Италіи, Франціи, Англіи, такъ же были поражены; а Галуппи, услышавъ въ первый разъ этотъ полный русскій церковный концертъ, воскликнулъ: un si magnifico coro mai non ho sentito in Italia!

Музыкальный міръ долго восхищался единственнымъ въ своемъ родѣ Miserere Аллегри (57-мъ псалмомъ), который въ страстную недѣлю поеѣтся въ папской секстинской капеллѣ въ Римѣ, такъ же безъ всякого аккомпанимента и только въ четыре голоса. Но тутъ пѣвчихъ всего 32, по восьми для каждаго голоса, и три верхніе голоса визжатъ только кастраты (можетъ ли мыслящій человѣкъ, еще болѣе чувствительная женщина слушать съ удовольствіемъ самую нѣжную арію, если ее поютъ кастраты?). Но вотъ въ чемъ состоитъ главнѣйшее различіе: русскій концертъ занимаетъ только слухъ; римскій, напротивъ, потрясаетъ въ тоже время нервы другаго чувства, зрѣнія, и ослѣпляетъ преимущественно оптическимъ обманомъ. Miserere начинается въ семь часовъ вечера; вся капелла обвѣшана чернымъ; папа и кардина-

[1]) Галуппи (род. 1703, ум. 1785) италіанскій композиторъ, прославившійся преимущественно комическими операми, былъ вызванъ императрицею Екатериною II въ 1766 г. для театра. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ сочинилъ шесть духовно-музыкальныхъ пьесъ (три концерта и три мелкія пьесы), которыя, по отзыву знатоковъ, хотя и составлены по всѣмъ правиламъ музыкальной гармоніи, но по характеру своему не удовлетворяютъ требованіямъ церковной музыки.

лы на колѣнахъ; у входа горятъ факелы, въ капеллѣ свѣчи. Во время двухъ послѣднихъ хоровъ, когда тактъ становится медленнѣе, постепенно гасятъ факелы и свѣчи, и сами пѣвцы, подобно свѣчамъ, исчезаютъ одинъ за другимъ. Какое поражающее дѣйствіе должно все это производить на присутсвующихъ, слушателей и зрителей! — Crescendo и pianissimo этого Miserere всякій назоветъ неподражаемыми; но развѣ русскій церковный хоръ не могъ бы подражать ему или даже превзойти его? — Весною 1782 г. мнѣ нужно было бы остаться въ Римѣ четыре недѣли, еслибы я захотѣлъ видѣть и слышать чудеса Miserere. Кардиналъ Hyzan былъ такъ добръ, что обѣщалъ мнѣ и всему моему дорожному обществу доставить самыя лучшія мѣста, и не могъ понять, что я для одного этого не прождалъ еще мѣсяцъ. Я не могъ, и меня это не очень печалило: моя русская гордость не дозволяла мнѣ ожидать, что я здѣсь *услышу* то, чѣмъ уже насладился въ Петербургѣ; а добавки для *зрѣнія* вознаградилъ вообраЖеніемъ.

VI. Дворъ давалъ открытый балъ en masque. Я послалъ своего слугу туда, гдѣ раздавались даровые билеты; онъ назвалъ, вѣроятно, неясно мое имя и званіе, и ему сказали, что билетовъ нѣтъ больше. Но вскорѣ его позвали назадъ и спросили, не иностранецъ ли я. Слуга отвѣчалъ утвердительно, и билетъ былъ тотчасъ же выданъ. Я знаю множество такихъ примѣровъ, что титулъ «иностранецъ» для образованнаго русскаго такой же почтенный, я готовъ былъ бы сказать: священный, какъ étranger для утонченнаго парижанина. Новиковы (выше стр. 149), къ чести націи, были въ ней рѣдки: она такъ велика, что не можетъ ревниво относиться къ не-русскимъ и къ тому благополучію, которое они могутъ найти среди нея; сверхъ того она живо чувствуетъ, что обязана благодарностію чужеземцамъ, которымъ съ древнихъ временъ одолжена своимъ облагороженіемъ.

На этомъ балѣ по-петербургски было: множество масокъ, не сотни, а тысячи (всѣ въ домино; характерныхъ масокъ вовсе не было), величина и великолѣпіе залы, въ особенности же освѣще-

ніе. Зеркальныя стѣны неизмѣримой залы и тысячи свѣчей давали свѣтъ, который становился ужъ не ночнымъ освѣщеніемъ, а настоящимъ дневнымъ свѣтомъ. Различіе чувствовалось, когда изъ залы выходили въ переднюю и корридоры; тамъ тоже не было недостатка въ свѣчахъ, но все таки ночь была замѣтна, которая совершенно забывалась въ залѣ съ зеркальными стѣнами.

VII. У каждаго зажиточнаго человѣка въ домѣ есть баня, и ею угощаютъ они своихъ друзей, какъ обѣдомъ или ужиномъ. Мой другъ, надв. сов. Шишковъ, оказалъ мнѣ эту вѣжливость.— Въ предбанникѣ раздѣваются. Въ самой банѣ овальная печь; огонь, согрѣвающій ее, накаливаетъ такъ же булыжники, находящіеся надъ нею; тутъ же вмазанъ котелъ для горячей воды. Горящій огонь нагрѣваетъ комнату, а отъ кипящей воды воздухъ становится влажнымъ; то и другое значительно усиливается тѣмъ, что чрезъ каждыя пять минутъ льютъ холодную воду на раскаленные камни. У одной стѣны, на подобіе ступеней, подымаются три, четыре, пять скамеекъ. Моющіеся, совершенно раздѣтые, садятся или ложатся на нижнюю скамью, потомъ, если имъ угодно, поднимаются выше. Чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ болѣе усиливается жаръ и паръ становится гуще. Кто рѣшается подняться на самую верхнюю скамью, тѣмъ наконецъ овладѣваетъ пріятный, почти сладострастный обморокъ, который однакожъ принуждаетъ потѣющаго мало-по-малу спуститься внизъ. Черезъ полчаса сходятъ съ полка; слуга моетъ все тѣло болѣе или менѣе теплою водою, третъ по-турецки, за тѣмъ вытираются до-суха. Послѣ этого чувствуешь себя, какъ новорожденный, тѣломъ и духомъ. — Мой любезный хозяинъ не только потчивалъ шеколадомъ и т. п., но, по обычаю страны, предложилъ купальный подарокъ — большую, прекрасную шубу, доходившую до лодыжекъ, изъ черныхъ калмыцкихъ барановъ; нѣкоторые куски мѣха были чрезвычайно тонки, почему мнѣ казалось, что они сняты съ неродившихся ягнятъ.

Возможно ли сомнѣваться, что эти бани, еще и теперь общепринятыя во всей русской націи безъ исключенія, въ высшемъ,

среднемъ и низшемъ сословіи, доставляютъ неисчислимыя выгоды какъ въ отношеніи чистоты, такъ и здоровья? И у насъ, нѣмцевъ, онѣ такъ же были *). Какъ мы ихъ лишились?

VIII. Одно изъ свойственныхъ сѣверной Россіи карнавальныхъ увеселеній—ледяныя горы, которыя на масляницу строятъ на Невѣ подъ присмотромъ полиціи. Это деревянныя подмостки вышиною около 6 сажень; съ одной стороны лѣстница для всхода на верхъ, съ другой выложенный льдомъ, крутой скатъ, по которому скатываются внизъ; для того, чтобы онъ былъ такъ гладокъ, какъ зеркало, его поливаютъ водою. Внизу начинается гладкая, какъ зеркало, прямая дорога длиною до 100 сажень. Катающійся, за одну копѣйку, садится наверху совершенно одинъ на

*) Самый фактъ извѣстенъ; не смотря на то, не могу удержаться, чтобы не выписать здѣсь слѣдующее (вѣроятно, мало извѣстное) частію комическое мѣсто, потому что оно показываетъ, что мы, купающіеся нѣмцы, въ мелочахъ были русскими: купальный подарокъ и такъ же изъ шкурокъ не родившихся ягнятъ. — *Vita Meinwerkii*, episcopi Paderborn, LXXVIII, in *Leibnit. Scriptt.* Brunsvic. Tom. I, p. 553. — «Приглашенный... императоръ Генрихъ II (въ 101.. году), предупредилъ епископа о своемъ прибытіи и приказалъ ему приготовить все необходимое для *бани* (balneo). Епископъ велѣлъ во всѣхъ своихъ имѣніяхъ убить *беременныхъ овецъ*, изъ шкуръ ягнятъ, найденныхъ въ чревѣ матокъ, сдѣлать шубу и, покрывъ ее новымъ плащемъ и украсивъ вокругъ по краямъ куньимъ мѣхомъ, *одѣлъ* императора *послѣ бани*. Но царскіе вельможи, которыхъ тутъ было много, подойдя по-ближе, разсматривали плащъ, а такъ какъ онъ возбудилъ ихъ подозрѣніе, то они сняли его и замѣтили императору. Тотъ, призвавъ епископа, спросилъ его, зачѣмъ онъ далъ ему *овечью шубу*, и назвалъ его невѣждою, не знающимъ ни долга чести, ни любви, и забывшимъ достоинство римской имперіи. Епископъ же, утверждая, что далъ императору лучшую одежду, приличную каждому состоянію, сану и достоинству, пригласилъ знающихъ купцовъ и ихъ свидѣтельствомъ подтвердилъ справедливость своихъ словъ. И, подойдя къ императору, сказалъ: «я, Генрихъ, для облаченія твоего смертнаго тѣла опустошилъ бѣдное епископство Присnодѣвы Маріи, тобою мнѣ врученное; канониковъ, сельскихъ жителей и нищихъ, которые должны были согрѣваться шерстью убитыхъ овецъ, питаться обиліемъ ихъ молока и всяческою другою пищею, получаемою отъ нихъ, я ограбилъ и обобралъ; а виновникомъ этого зла предъ Господомъ будешь ты, если въ скоромъ времени и вполнѣ не возвратишь церкви отнятое у нея имущество». Тогда императоръ, улыбнувшись, отвѣчалъ: «если я кого нибудь чего либо лишилъ, или узнàю, что изъ-за меня кто нибудь лишенъ чего либо, я возвращу четверицею».—И такъ для вознагражденія его убытковъ онъ далъ ему имѣніе въ Штейнѣ».

санки въ 2 фута длиною и вышиною въ ладонь; одинъ изъ прислуги сталкиваетъ санки такимъ образомъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ имъ прямое направленіе, и они летятъ часто далѣе, чѣмъ сама дорога. Быстрота превосходитъ всякое воображеніе. Если закрыть платкомъ ротъ и носъ (потому что захватываетъ дыханіе) и держать ноги высоко и прямо, то нѣтъ никакой опасности. Нѣкоторые путешественники разсказываютъ чудеса о поѣздкѣ съ Мон-Сениса въ Ланслебургъ. Въ 1782 г. я нашелъ это катаніе (*ramazziren*) гораздо менѣе рисковнымь и удивительнымъ, чѣмъ русское: тамъ на каждыя сани садятся два проводника и вы спускаетесь не вдругъ, а съ остановками.

IX. Зимы въ Петербургѣ не такія, какъ въ Гиресѣ и въ Монпелье; онѣ имѣютъ не только свою хорошую сторону, но даже свою пріятность и заслуживаютъ того, чтобы ихъ воспѣвать. Впродолженіе многихъ—не недѣль, а мѣсяцевъ постоянно самый чистый воздухъ, ясное, не омраченное ни однимъ облачкомъ небо, которое само приглашаетъ прогуляться. — На канунѣ новаго года дѣйств. стагск. сов. С — въ давалъ ужинъ: около полуночи общество встало изъ-за стола и кто-то (кажется, дама) предложилъ прежде, чѣмъ разойтись, прогуляться пѣшкомъ. Мы прошли съ Большаго проспекта на Малый и дошли до острововъ, которые (въ тѣ времена) лѣтомъ были совершенно непроходимы, потому что были покрыты густымъ лѣсомъ и болотами. — Но развѣ нельзя было замерзнуть? — Нужды нѣтъ! — Совѣтъ, который Руссо даетъ путешественникамъ, оченъ уменъ: «посѣщайте теплыя страны лѣтомъ, а холодныя зимою». Каждая нація достаточно умна для того, чтобы замѣтить правильно возвращающіяся неудобства своего климата и придумать наиболѣе цѣлесообразныя средства защиты. Италіанецъ отъ своей жары умѣетъ защищаться сотнями средствъ; но если вдругъ наступитъ сильный холодъ, то нѣмецъ-путешественникъ будетъ отъ него страдать гораздо болѣе въ Венеціи и въ Римѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь все разсчитано на холодъ: печи, двойныя, заклееныя окна, и вся постройка домовъ, а въ особенности платья — даже

парадный дамскій нарядъ защищаетъ отъ холода; не короткія шубы, а длинные халаты окутываютъ все тѣло; для ногъ существуетъ особое покрывало, для головы и ушей тоже,

oraque de toto corpore sola patent. *Ovid.*

Бываютъ дни, когда носъ въ опасности отмерзнуть. Но въ такіе рѣдкіе дни никто безъ надобности не рѣшается выходить на улицу; а кому необходимо, тотъ сумѣетъ защититься.

Въ одну изъ шести зимъ, которыя я тамъ прожилъ, было однажды сѣверное сіяніе совершенно особаго рода, приведшее весь городъ — не въ страхъ, а въ удивленіе своимъ неописаннымъ великолѣпіемъ и красотою. Оно сіяло не только бѣлымъ и краснымъ, но тремя или четырьмя другими цвѣтами, видимо различными, на подобіе радуги, то попеременно, то вмѣстѣ всѣми, длинными, пестрыми полосами, или же подобно волнующемуся пламени. Я полагаю, что какой нибудь знатокъ гдѣ нибудь художественно описалъ это величественное и рѣдкое явленіе природы.

X. Румовскій пригласилъ меня въ Александро-Невскій монастырь, гдѣ учился его братъ, бывшій монахомъ. Я нашелъ здѣсь столько новаго, столько литературнаго образованія, что мнѣ стало досадно, что я такъ много читалъ о дурной сторонѣ русскаго духовенства и никогда ничего о хорошей, которая здѣсь была очевидна. — На столѣ лежалъ открытый квартантъ: мнѣ позволили посмотрѣть, что это за книга. И что жъ? То былъ Голлацъ (Systema theolog.), мой добрый, старый знакомецъ еще изъ Виттенберга. Молодой, просвѣщенный монахъ разсказалъ мнѣ, что «это ихъ главная богословская система, потому что ихъ богословіе только въ немногихъ случаяхъ уклоняется отъ Голлаца» (т. е. вообще евангелическо-лютеранскаго).

61.

Объ остальной моей жизни въ петербургскомъ обществѣ, о которой я вспоминаю съ удовольствіемъ и благодарностію, замѣчу только слѣдующее (кое-что изъ нея относится къ послѣднимъ годамъ (1766 — 1767), проведеннымъ мною въ Петербургѣ):

I. Въ русскихъ домахъ у меня мало было знакомства, потому что очень немногіе (исключая такъ называемыхъ вельможъ) говорили по-нѣмецки или по-французски, а я еще не могъ сносно говорить по-русски; не смотря на то, я посѣщалъ нѣкоторые изъ нихъ по приглашенію. Однажды наши графы и мы всѣ были приглашены на обѣдъ къ одному русскому барину. Насъ, иностранцевъ, поразило то, что хозяинъ дома, не то, чтобы больной или въ день своего рожденія застигнутый врасплохъ своею роднею, но просто въ качествѣ хозяина дома сидѣлъ за своимъ, по русскому обычаю, очень хорошо сервированнымъ столомъ, въ халатѣ.

II. Въ концѣ іюня 1763 года я имѣлъ радость, кромѣ Бакмейстера, пріобрѣсти еще одного спеціальнаго университетскаго друга: пріѣхалъ Бекманъ, вызванный Бюшингомъ на должность учителя въ нѣмецкой школѣ при церкви св. Петра. Мы — Бекманъ и я — познакомились уже въ 1760 году въ Гёттингенѣ совершенно случайно, точно такъ, какъ обыкновенно возникаетъ искренняя университетская дружба. Въ слѣдующемъ году я отправился въ Россію, а онъ въ Голландію. Встрѣтившись неожиданно въ Петербургѣ, мы продолжали наше знакомство, и очень часто проводили вмѣстѣ цѣлые дни, съ 10 часовъ утра до 10 вечера, не смотря на то, что жили другъ отъ друга почти на четверть мили. Мы не играли, не читали одинъ другому ученыхъ сочиненій; а между тѣмъ нашъ разговоръ никогда не истощался и часто даже становился громкимъ и веселымъ. Прислуга въ школѣ не могла этого понять, и наконецъ стали подозрѣвать, что мы дѣлаемъ золото. Да, мы точно въ Петербургѣ учились дѣлать золото — нашимъ прилежаніемъ, и только десять лѣтъ спустя, дѣйствительно, начали его дѣлать въ Гёттингенѣ — тоже прилежаніемъ, лекціями, сочиненіями.

III. Другіе нѣмецкіе ученые, домà которыхъ я посѣщалъ, были слѣдующіе:

Пасторъ Гротъ[1]), — когда онъ учился въ Кёнигсбергѣ, то

[1]) Я. К. Гротъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о своемъ дѣдѣ:
«Іоакимъ Христіанъ Гротъ род. 14 іюня 1733 г. въ гольштинскомъ го-

не разъ игралъ на бильярдѣ съ тогдашнимъ поручикомъ Григоріемъ Орловымъ, о чемъ всемогущій фаворитъ еще и теперь снисходительно припоминалъ ему. Гротъ былъ домашнимъ учителемъ и проповѣдывалъ хорошо. Нѣмецкій пасторатъ на нашемъ островѣ сдѣлался вакантнымъ; Бакмейстеръ и я нѣсколько способствовали тому, чтобы онъ получилъ прибыльный приходъ: мы ходили изъ дома въ домъ къ тѣмъ нѣмцамъ, которые должны были подавать голосъ, и сообщали за вѣрное, что большинство за достойнаго Грота. Дѣйствительно, оно оказалось въ его пользу. Я остался въ короткой съ нимъ пріязни и часто пользовался его столомъ и экипажемъ.

Профессоръ Цейгеръ, недовольный. Онъ заключилъ съ Академіею контрактъ на пять лѣтъ, на 860 рублей; но не могъ прозябать въ Россіи, еще менѣе его жена; поэтому въ 1764 г. возвратился въ Виттенбергъ на 400 талеровъ.

Браунъ, профессоръ физики, открывшій способъ приводить ртуть къ замерзанію. Когда онъ однажды истощался въ жалобахъ (см. выше, стр. 79) и я спросилъ его, почему онъ не уходитъ, подобно Цейгеру, то онъ отвѣчалъ: «да, еслибы у меня на ногахъ не было кандаловъ», и очень неучтиво указалъ на свою жену. (Замѣть это, холостякъ! сказалъ я самъ себѣ). Эта женщина была вдова профессора Рихмана, который вслѣдствіе долговъ убилъ себя электрическимъ ударомъ [1]).

родкѣ Плёнѣ (Plön), гдѣ отецъ его былъ адвокатомъ. На 18 году онъ отправился для окончанія своего образованія въ Іену и послѣ двухлѣтняго курса въ тамошнемъ университетѣ, принятъ былъ на родинѣ въ кандидаты на пасторскую должность. Въ Кёнигсбергѣ онъ не учился, но во время 7-милѣтней войны находился тамъ; въ 1758 г. онъ поступилъ въ секретари къ барону Корфу и черезъ два года переѣхалъ въ Россію. (*Сборн. 2-го отд. И. А. Н.* т. V, *Дополнит. замѣтка* Я. К. Грота, стр. 289 — 292.)

[1]) Это свѣдѣніе о Рихманѣ вполнѣ опровергается показаніемъ гравера Соколова, свидѣтеля событія, подвергавшагося равной опасности съ Рихманомъ. Этому художнику поручено было изобразить сущность электрическихъ опытовъ на виньеткѣ къ рѣчи, которую Рихманъ долженъ былъ читать въ торжественномъ собраніи Академіи, а потому профессоръ пригласилъ его къ себѣ, чтобы ознакомить его съ самымъ дѣломъ. «Какъ профессоръ, посмотрѣвши на указателя электрическаго, разсудилъ (такъ разсказывалъ Соколовъ), что

У профессора Фишера была жена, три взрослыя дочери и 600 рублей дохода, слѣдовательно, онъ также былъ недовольный. То былъ старый, честный швабъ изъ Виртемберга. Бывши адъюнктомъ, онъ совершилъ путешествіе въ Сибирь подъ начальствомъ Миллера, на котораго очень жаловался и который уже тогда его притѣснялъ. Въ то время онъ былъ единственный человѣкъ въ русскомъ государствѣ, знавшій классическую древность и критически понимавшій латынь. Но кто это оцѣнитъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ не только искусный, но и ученый піанистъ; онъ объяснилъ мнѣ многое въ контрапунктѣ, чего я не понималъ. — Этотъ человѣкъ сдѣлался полезнымъ и важнымъ для всѣхъ моихъ послѣдующихъ историческихъ изслѣдованій. Основное правило Лейбница отыскивать origines populorum по ихъ языкамъ давно мнѣ было извѣстно. Изъ слѣдующаго мѣста Цезаря de B. Gall. 1, cap. 1: «hi omnes, Belgae, Aquitani, Celtae vel Galli, *lingua* differunt», Бютнеръ побудилъ меня извлечь мою систему (сначала только предположеніе) о Баскахъ, Кимрахъ и Галлахъ. Во время путешествія по Сибири Фишеръ напалъ на мысль собирать повсюду слова неизвѣстныхъ народовъ; такимъ образомъ составился единственный въ своемъ родѣ Vocabularium. Онъ охотно сообщилъ его мнѣ и радовался, видя, что я съ уваженіемъ смотрю на его тяжелый трудъ, котораго тамъ никто не цѣнилъ. По этому Vocabulari'ю я составилъ классификацію всѣхъ русскихъ національностей, которая изъ моей Proba russ. Ann. и allgem. Nord. Gesch. перешла въ свѣтъ и съ тѣхъ поръ принята всѣми писателями въ Россіи и внѣ ея съ немногими существен-

---

громъ еще далеко отстоитъ, то увѣрилъ онъ грыдоровальнаго мастера Соколова, что теперь нѣтъ еще никакой опасности, однако, когда подойдетъ очень близко, то-де можетъ быть опасность. Вскорѣ послѣ того, какъ г. профессоръ, отстоя на футъ отъ желѣзнаго прута, смотрѣлъ на указателя электрическаго, увидѣлъ помянутой Соколовъ, что изъ прута, безъ всякаго прикосновенія, вышелъ блѣдно-синеватый огненный клубъ, съ кулакъ величиною, шелъ прямо ко лбу г-на профессора, который въ самое то время, не подавъ ни малаго голосу, упалъ назадъ на стоящій позади его у стѣны сундукъ.» (*Ист. Имп. Акад. Н.*, П. Пекарскаго, стр. 710.)

ными перемѣнами (напр. Тунгузовъ не признаютъ Манджурами): Но такъ какъ я далеко не исчерпалъ этого Vocabulari'я, то выпросилъ его у Фишера для тогдашняго (1767) историческаго института въ Гёттингенѣ. Онъ охотно отдалъ даже свой оригиналъ, который теперь предоставленъ публикѣ въ Гёттингенѣ и которымъ пользуются уже въ настоящее время, а въ будущемъ, вѣроятно, будутъ пользоваться еще прилежнѣе [1]).

IV. Остальныя мои знакомства были между нѣмецкими купцами и другими гражданами. Въ нѣкоторыхъ домахъ я былъ приглашенъ вообще къ обѣду, слѣдовательно, могъ безъ доклада являться къ столу, или же приходилъ къ чаю и къ ужину, которые были столько же пріятны, какъ и поучительны. Обыкновенно собирались люди самыхъ различныхъ классовъ: ремесленники, профессоры, офицеры, купцы, маклера и статскіе совѣтники. Въ обхожденіи съ ними не было замѣтно никакого различія, кромѣ того, которое полагаетъ самое состояніе. Въ тѣ времена не играли, но разговаривали; самое большое, что въ обществѣ изъ 20 человѣкъ былъ одинъ столъ для картъ или для шахматъ. Младшіе члены семейства также были здѣсь, но не вмѣшивались въ разговоръ; даже семнадцатилѣтнія дѣвушки считали себя еще дѣтьми, можетъ быть, потому, что не были еще конфирмированы, что обыкновенно исполнялось при вступленіи ихъ въ бракъ. Взрослые молодые люди уходили на дворъ, на качели; пожилые или серіозные

---

[1]) Сообщенныя здѣсь свѣдѣнія объ академикѣ Фишерѣ не совершенно точны: 1) въ эпоху знакомства съ нимъ Шлецера онъ получалъ жалованія не 600, а 860 р. 2) Во время путешествія по Сибири Миллеръ не могъ притѣснять его, потому что послѣ кратковременнаго свиданія въ Тобольскѣ (въ 1740 г.) они разъѣхались въ разныя стороны; притомъ же всѣмъ членамъ этой экспедиціи предоставлена была полная возможность трудиться самостоятельно. 3) Фишеръ вовсе не былъ составителемъ упоминаемаго въ текстѣ Vocabulariu'ма. По словамъ Мюллера, одинъ сборникъ словъ разныхъ инородцевъ былъ составленъ имъ самимъ, а другой былъ у Татищева, который разсылалъ его къ воеводамъ и требовалъ переводовъ. Фишеръ привезъ изъ Сибири только нѣкоторые образцы изъ сборника Татищева и ихъ-то передалъ Шлецеру. (См. жизнеописаніе Фишера въ *Ист. Ак. Н.* П. Пекарскаго, т. I, стр. 617 — 636.)

бесѣдовали; никто не скучалъ. Откровенное, свободное, безцеремонное обращеніе отличало въ особенности петербургскихъ женщинъ средняго сословія; чепорныя, жеманныя и внѣ карточнаго стола безсловесныя дамы въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ провинціяхъ сочли бы его дерзостію, если не неловкостію; точно такъ, какъ такое же свободное обращеніе парижанокъ, но соединенное съ высшею образованностію и граціей, онѣ называютъ кокетствомъ.

Въ числѣ подобныхъ моихъ знакомыхъ была вдова булочника, г-жа Шталь. Она вела себя совершенно по-мѣщански; но въ ея пріемной, гдѣ я часто встрѣчалъ людей, стоявшихъ по званію выше меня, не было никакихъ признаковъ ремесла; только около восьми часовъ приходили ея русскіе работники за полученіемъ приказаній на слѣдующій день. — Въ то время она выдавала за мужъ свою дочь и я видѣлъ кровать изъ краснаго дерева для ея брачной постели; мать выписала ее изъ Англіи за 800 рублей.

V. И еще одно, не новое, но возобновленное знакомство — съ Бюшингомъ. При истинномъ уваженіи, которое уже тогда я питалъ къ великимъ литературнымъ заслугамъ этого человѣка, не смотря на все случившееся, я не могъ принудить себя, чтобы не дуться на него; но съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ въ новое положеніе, я часто посѣщалъ его и даже обѣдалъ у него нѣсколько разъ, потому что тамъ нѣмецкіе пасторы могли держать открытый столъ, что было не возможно ни одному профессору. Мы одолжали другъ друга книгами; отъ меня онъ получалъ рукописи. Все старое, казалось, было забыто! Въ концѣ 1763 года онъ оказалъ мнѣ честь очень дружескимъ посѣщеніемъ, когда я находился въ хорошемъ, могу даже сказать, въ *гордомъ* положеніи. Но спустя нѣсколько дней, онъ прислалъ мнѣ слѣдующую записку (оригиналъ лежитъ предо мною):

«Еслибы ваше высокоблагородіе не были при Академіи, и еслибы содержаніе, которое я могу вамъ предложить, не было немного меньше получаемаго вами изъ Академіи; то я желалъ бы предоставить вамъ должность учителя исторіи и географіи въ нашей школѣ, не соединяя съ ней обязанностей гувернера; преимуще-

ственно же работать вмѣстѣ со мною въ утвержденномъ періодическомъ изданіи, которое должно выходить отъ имени нашей школы. Но теперь... — Пришлите мнѣ суммы рижскаго привоза и вывоза, которыя вы написали для моей книги и обозначьте, какого онѣ года».

Что я долженъ былъ подумать объ этомъ предложеніи? Оно показалось мнѣ не только непонятно страннымъ, но насмѣшливымъ и оскорбительнымъ. Конечно, Бюшингъ могъ извлечь изъ меня пользу, во-первыхъ, для своей школы; онъ могъ слышать, что моими уроками исторіи и географіи были очень довольны (выше, стр. 123, 126); во-вторыхъ, для своего журнала у него не было никого, кто бы могъ переводить съ русскаго. Но неужели мнѣ, получившему предъ тѣмъ отъ Бюшинга отказъ въ мѣстѣ домашняго учителя (выше, стр. 89), надлежало оставить свое прекрасное положеніе въ разумовскомъ институтѣ, который вмѣстѣ съ адъюнктскимъ жалованьемъ доставлялъ 800 рублей и болѣе — и за все это взять отъ Бюшинга 300 рублей? Сдѣлаться учителемъ въ его школѣ? Мѣсто, достойное всякаго уваженія; но я уже занималъ на государственной службѣ оффиціальную должность, которой присвоивался чинъ капитана. Мало того: кто могъ знать лучше Бюшинга, что я прибылъ въ Россію не изъ-за куска хлѣба! Я не хотѣлъ отнести къ себѣ оскорбленіе, и въ отвѣтѣ своемъ выразился такъ, какъ будто я понялъ, что онъ предлагаетъ мнѣ написать руководство всеобщей исторіи для его школы; на это я соглашался и даже дружески предложилъ ему свой планъ. Тогда онъ разсердился и въ первомъ порывѣ гнѣва написалъ записку, которою еще болѣе унизилъ меня:

«За рижскій таможенный реестръ благодарю и поспѣшу возвратить его. Мемуарами (sur la Pologne) вы можете пользоваться эту недѣлю. Я ищу не хорошаго Compendium всеобщей исторіи, а учителя, который *сдѣлалъ уже что нибудь* для этого предмета и могъ бы одинъ заниматься. *Хорошій Compendium я самъ могу составить* и даже съ лѣтосчисленіемъ не по LXX толковникамъ (я предложилъ это для русскихъ), но по еврейскому тексту. А этотъ послѣдній я предпочитаю».

Я принялъ это терпѣливо и промолчалъ. Къ сожалѣнію, я

долженъ буду впослѣдствіи еще разъ возвратиться къ *важнымъ* послѣдствіямъ этого *незначительнаго* приключенія.

ГЛАВА X.

Новые переговоры съ Академіею.

Съ января до 3-го іюля 1764 г.

62.

Въ началѣ 1764 года я заботливо открылъ «главную книгу» моей жизни, сравнилъ кредитъ и дебетъ, и нашелъ, что для меня уже давно настала пора начертать планъ моего будущаго опредѣленнаго жизненнаго хозяйства (не матеріальнаго хозяйства — съ этой стороны я былъ обезпеченъ). Я спросилъ себя: сколько тебѣ лѣтъ? къ чему ты назначаешь себя, соображаясь съ своими наклонностями и не идя противъ теченія? чего ты можешь ожидать или требовать безъ наглости? что указываютъ тебѣ обстоятельства, и какъ ты пользуешься ими, не дѣлаясь ихъ рабомъ? — Наступили новые пять мѣсяцевъ, которые становились гораздо затруднительнѣе прежнихъ (выше, стр. 67).

Пусть презираютъ насъ люди, nosmet fortunae nostrae fabros, но только пусть не сожалѣютъ о насъ тѣ юные читатели, которые, благодаря наслѣдству, сдѣлались могущественными денежными людьми, или которые прокатываются сквозь жизнь по извѣстному мосту (какъ бы онъ ни назывался: мостомъ старшинства (Anciennetäts-Brücke) или иначе), и когда имъ недостаетъ собственной силы, чтобы катиться впередъ, ихъ подталкиваютъ отцы, двоюродные братья, патроны и жены. Вы не нуждаетесь въ собственномъ движеніи, подобно куклѣ (см. выше, стр. 116); вы избавлены отъ необходимости размышлять, чтобы если не съ достоинствомъ, то сносно пройти по землѣ. Поэтому вы, слѣдуя истинно-саддукейской философіи, причисляете себя къ счастливымъ.

Многіе такъ и смотрятъ на васъ: но мы — нѣтъ, и тысячи другихъ тоже — нѣтъ, — тѣхъ, которыхъ вы презираете и о которыхъ вы сожалѣете, такъ же какъ и мы васъ отъ души презираемъ и сожалѣемъ. — Не вѣрьте даже отцамъ вашимъ, когда они поздравляютъ васъ, а еще больше самихъ себя, что они посредствомъ животнаго процесса, названнаго рожденіемъ (не *воспитаніемъ*), вызвали васъ къ существованію, гдѣ вы можете только или катиться, или быть подталкиваемы. Не вѣрьте имъ, когда они, торжествуя, будутъ кричать вамъ, если вы случайно услышите разсказы о людяхъ, которые собственными силами сдѣлались полезными членами человѣчества: «слушайте, слушайте! вы счастливцы! какъ ему приходилось мучиться!»

Уже третій годъ я былъ въ Россіи и изъ нихъ полтора года состоялъ на службѣ въ Академіи. Втеченіе этого времени я, дѣйствительно, жилъ хорошо, даже пріятно: доходы мои, сверхъ всякаго ожиданія, были значительны, такъ что я могъ кое-что сберегать, а веселья въ домѣ Разумовскаго нельзя было оцѣнить рублями. — Но меня безпокоила *мысль о будущемъ*. Я приближался къ тридцатому году. «До сихъ поръ (такъ я писалъ Михаэлису, Briefwechs., I, S. 219) я, подобно номаду, кочевалъ изъ одной науки въ другую (увлекаемый не юношескою вѣтренностію, но потокомъ обстоятельствъ). Разнообразіе знаній, пріобрѣтенныхъ мною вслѣдствіе этого, должно было бы принести мнѣ пользу, еслибы я наконецъ сосредоточилъ ихъ на извѣстномъ *Unum*. Безъ того оно меня только развлекаетъ».

Мое путешествіе на востокъ далеко еще не вышло у меня изъ ума. На принятіе мѣста адъюнкта я простосердечно смотрѣлъ только какъ на средство черезъ годъ или два достигнуть этой цѣли, и надѣялся, что Таубертъ окажется просвѣщеннѣе или уступчивѣе Миллера. Но уже въ первый годъ я замѣтилъ, что ошибся и въ Таубертѣ. Я не смѣлъ заикнуться объ этой поѣздкѣ: мнѣ смѣялись въ лицо и говорили о искателяхъ приключеній и мечтателяхъ. Въ какую среду я попалъ здѣсь? Не задолго предъ тѣмъ одинъ датскій министръ, вовсе не ученый по ремеслу, по

предложенію Михаэлиса, принялъ подобный же проектъ, не ради непосредственной пользы своего государства, но единственно для распространенія наукъ, и для выполненія его назначилъ большія суммы. А здѣсь ученые по профессіи, члены Академіи Наукъ, неспособны были понять мысль такого проекта. Они, получавшіе отъ 60 до 80 тысячъ рублей годоваго дохода и такъ мало дѣлавшіе для націи, тѣмъ легче могли пожертвовать хотя двадцатую часть того, что жертвовала Данія, для всего литературнаго міра,— они не понимали, что дѣлать благоразумному человѣку въ Аравіи и въ Палестинѣ! Мунго Паркъ среди негровъ въ Бонду восклицаетъ: «какой дуракъ поѣдетъ изъ одной любознательности? какая польза въ томъ, что увидишь Нигеръ? кому какое дѣло: течетъ ли онъ на востокъ или на западъ», и проч.

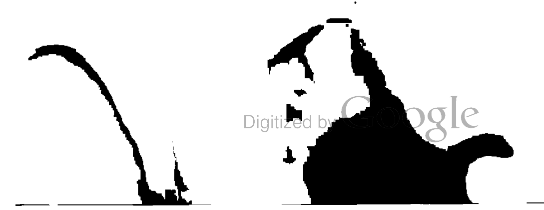
Если Таубертъ иногда хотѣлъ польстить моей страсти къ путешествію, то заводилъ рѣчь о «путешествіи внутрь Россіи, для чего нужно было выждать удобнаго случая». Но къ куриламъ и якутамъ мнѣ не хотѣлось, а для ожиданій я становился уже старъ.

Пусть чувствуетъ это, кто можетъ! Любимый проектъ, который навѣрное обѣщалъ мнѣ честь, къ выполненію котораго побуждали меня и частью образовали такіе люди, какъ Михаэлисъ, Линней и Рёдереръ; проектъ, съ которымъ я носился болѣе девяти лѣтъ, которому пожертвовалъ не однимъ случаемъ составить себѣ спокойное счастіе,— этотъ проектъ, безъ всякой вины съ моей стороны, разрушался предъ моими глазами! Съ главною причиною (недостаткомъ всякой поддержки, ожидаемой въ Россіи), соединились другія случайности. Въ 1763 г. 4 апрѣля умеръ Рёдереръ въ цвѣтущихъ годахъ: онъ былъ единственный человѣкъ, подъ руководствомъ котораго я желалъ окончить свой cursum medicum, какой былъ мнѣ необходимъ для путешествія (выше, стр. 67). Въ арабскомъ языкѣ въ послѣдніе три года я не подвинулся ни на шагъ; а въ естественныхъ наукахъ отсталъ. При усиленномъ изученіи лѣтописей, моя близорукость очень замѣтно усилилась. Сверхъ того мнѣ представились теперь въ болѣе яр-

комъ свѣтѣ и другія затрудненія, мѣшавшія моему старому проекту, которыя прежде я считалъ не стоящими вниманія.

Что-жъ бы было, еслибъ я покорился, отказался отъ своего проекта и позволилъ заключить себя въ новую область, о которой только и говорили со мною, и въ которой тоже росли лавры,— издавать русскія лѣтописи, создать русскую статистику и распространить среди великаго русскаго народа иноземныя знанія?— Первое, *изученіе русскихъ лѣтописей*, было самое заманчивое. Главная трудность была побѣждена—я зналъ по-русски. Сверхъ того, для обработки этихъ хроникъ я, вслѣдствіе стеченія случайныхъ обстоятельствъ, имѣлъ преимущество предъ другими: знаніе 1. сѣверной, 2. византійской, 3. восточной литературы: всѣ эти три литературы вмѣстѣ ни въ одной средневѣковой исторіи не представляются столь необходимыми, какъ въ русской, и рѣдко знаніе ихъ соединяется въ одномъ лицѣ. — Но что было бы мнѣ *наградою* за мое отреченіе, вынужденное обстоятельствами, въ которыя я попалъ?

Таубертъ былъ ко мнѣ сердечно расположенъ; никто не зналъ меня такъ близко и не нуждался во мнѣ такъ часто, какъ онъ. Что онъ поручалъ мнѣ, какъ начальникъ, я дѣлалъ скоро, охотно и такъ хорошо, какъ могъ. Когда онъ присылалъ мнѣ утромъ указъ для перевода, на другой день онъ былъ уже у наборщика. Онъ поручалъ мнѣ разныя разности, и всегда былъ мною доволенъ. (Какой-то кандидатъ долженъ былъ произнести пробную проповѣдь, и Тауберту, какъ самому значительному члену нашего островскаго прихода, надлежало выбрать для нея текстъ: я долженъ былъ это сдѣлать, «потому что я во время оно самъ проповѣдывалъ», писалъ Таубертъ). Но представить меня уже на 2-й годъ къ повышенію въ чинѣ или увеличенію жалованія, онъ не смѣлъ: я ужъ разъ на всегда сѣлъ на мостъ старшинства. О другихъ моихъ литературныхъ планахъ, которые не были разсчитаны на добываніе хлѣба и не относились непосредственно къ Россіи, онъ не думалъ. У него, какъ и у всѣхъ другихъ, въ головѣ сидѣла еще аега *adventus*; а потому онъ думалъ, что я, какъ на-

чинающій, на первый разъ могъ быть еще доволенъ. Да, на *первый разъ* я былъ отъ души доволенъ: но что представлялось въ будущемъ? Самый институтъ Разумовскаго со всѣми чрезвычайными выгодами, которыя онъ мнѣ доставлялъ, былъ чѣмъ-то временнымъ и неизвѣстнымъ: кто могъ знать, какъ долго онъ просуществуетъ?

И еслибы даже Таубертъ ускорилъ мое движеніе по службѣ при Академіи, чего мнѣ было ожидать?—Титула экстраординарнаго профессора съ 660 руб. жалованія, въ счастливомъ случаѣ, и титула ординарнаго профессора съ 860 рубл. въ самомъ счастливомъ, но въ самомъ невѣроятномъ случаѣ. Но даже и послѣднее не давало *положенія* (французск. état) ученому въ Петербургѣ: онъ обезчестилъ свое званіе тѣмъ, что не могъ сравниться въ роскоши ни съ однимъ тамошнимъ нѣмецкимъ цирюльникомъ, ни даже съ большинствомъ иностранныхъ ремесленниковъ. И что бы было, еслибы ученый, предвидя ужасъ жизни стараго холостяка, захотѣлъ, проживъ 30 лѣтъ, замѣнить непріятность одинокой жизни въ совершенно чужой странѣ домашнимъ счастіемъ, т. е. *женитьбой*? Въ красивыхъ дочеряхъ важныхъ отцовъ не было недостатка, и кто только заявилъ себя какимъ нибудь образомъ, какъ caput bonae spei, тому нечего было опасаться получить отказъ. Но у большей части этихъ отцовъ ничего не было, кромѣ жалованія, которое они ежегодно съѣдали, а своихъ дочерей, выросшихъ въ довольствѣ, они снабжали только обѣщаніемъ своей *протекціи*. И этихъ дамочекъ вмѣстѣ съ дѣтьми содержать съ ученымъ достоинствомъ въ столицѣ на 860 рублей? И такъ, человѣкъ осторожный предпочиталъ таскаться холостякомъ до старости, когда у него являлось болѣе дохода, но ужъ болѣе не было охоты жениться; и между тѣмъ съ состраданіемъ и ужасомъ смотрѣлъ онъ на изнуреніе, уныніе и подличаніе, которое сдѣлалось почти необходимостію для неосторожныхъ, связавшихъ себя поспѣшнымъ бракомъ и такимъ образомъ разрушившихъ весь планъ своего счастія.

Часто старались заманить меня тѣмъ, что когда Миллеръ

выйдетъ, то я необходимо долженъ буду занять его мѣсто. Конечно, *россійскій императорскій государственный исторіографъ* — титулъ великолѣпный, а при немъ — 1200 рублей содержанія! Но Миллеръ (род. 1705, 18 окт.) былъ тогда здоровый, даже крѣпкій мущина 58 лѣтъ. «Если онъ будетъ жить еще такъ долго, какъ я ему желаю и какъ можно предполагать, то онъ проживетъ еще двадцать лѣтъ»; такъ писалъ я въ 1763 г. 27 мая къ Михаэлису (Briefwechs. I, S. 220), и мое предсказаніе сбылось въ точности! Онъ дѣйствительно умеръ въ 1783 г. 11 октября. Я такъ же принималъ во вниманіе и то, что всякое полученіе мѣста, съ разсчетомъ на смерть другаго, было для меня всегда невыносимо противно.

И такъ литературныя и *экономическія* причины соединились такъ, что я твердо рѣшился оставить Россію. Въ этомъ я уже признался Михаэлису лѣтомъ 1763 г. (Briefwechs. I, S. 216); при томъ я описалъ ему, какъ вожделѣнно было мое *тогдашнее* положеніе, но какъ безутѣшны были всѣ мои виды на будущее. Я хотѣлъ въ ту же осень или слѣдующею весною 1764 г. возвратиться въ Гёттингенъ, издать тамъ мою Russica, и на вырученныя деньги прогуляться на Синай. Но предварительно я просилъ Михаэлиса доставить мнѣ, на случай моего выхода изъ петербургской Академіи, въ которомъ я не смѣлъ сомнѣваться, ученое званіе отъ какого нибудь *уважаемаго* правительства. (Ганноверскаго правительства именно я не смѣлъ предложить, не смотря на то, что уже съ 1754 г. въ отношеніи къ ученой жизни моимъ девизомъ было: extra Gottingam vivere, non est vivere). Страсть къ титуламъ, эта злая болѣзнь, во всю мою жизнь такъ же мало меня безпокоила, какъ головная боль, геморрой и ипохондрія; обо всѣхъ этихъ четырехъ недугахъ я не имѣю никакого понятія, потому что никогда ихъ не испытывалъ. Оттого-то я не взялъ съ собою въ свѣтъ даже академической степени, въ чемъ дѣйствительно ошибся. Но теперь я желалъ титула — чтобы удовлетворить мою русскую Академію, которая до сихъ поръ лишилась множества способныхъ людей, потому что она тогда

только научалась ихъ уважать, когда другіе ихъ оцѣнивали, и когда они уже ускользали отъ ея невниманія и неблагодарности.

Просто требовать только отставки было безполезно. Таубертъ обвинилъ бы меня, что мнѣ вообще русская служба противна, между тѣмъ какъ я такъ часто увѣрялъ его въ противномъ (разумѣется, при предполагаемыхъ условіяхъ), а Миллеръ торжествовалъ бы. Чтобы удалиться совершенно мирно, мнѣ нужно было вести дѣло иначе. Осенью 1763 г. я не былъ еще готовъ къ отъѣзду; но слѣдующею весною весьма благопріятныя обстоятельства доставили мнѣ случай начать переговоры еще до вскрытія водъ.

63.

4-го марта 1764 года коллежскій совѣтникъ профессоръ Эпинусъ *) пригласилъ меня къ себѣ. Это безспорно самый великій ученый во всей тогдашней Академіи, въ то же время учитель великаго князя и съ недавняго времени инспекторъ классовъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ; каждое изъ этихъ трехъ мѣстъ доставляло ему по 1000 рублей. Какъ инспекторъ классовъ, онъ представлялъ учителей на вакантныя ученыя мѣста, или скорѣе, приглашалъ ихъ: онъ формально предложилъ мнѣ такое мѣсто съ 600 руб. жалованія, даровою квартирою и титуломъ профессора, за что я долженъ былъ еженедѣльно давать только двѣнадцать уроковъ географіи и исторіи. Эпинусъ былъ домашній другъ Тауберта. Можетъ быть, онъ составилъ обо мнѣ выгодное понятіе во время выше упомянутаго (стр. 141) враждебнаго столкновенія, когда я къ нему аппелировалъ. Я ближе освѣдомился о моихъ будущихъ занятіяхъ и, узнавъ о нихъ, обѣщалъ сообщить ему письменно мое рѣшеніе.

И это рѣшеніе было: «я *отказываюсь* отъ выгоднаго мѣс-

---

*) Сколько я знаю, онъ живъ еще теперь (1800); ему 82 года; но (у меня сердце обливается кровью, когда я объ этомъ думаю) онъ совершенно умопомѣшанный.

та». — Почему? — Главнымъ основаніемъ я выставилъ мое желаніе остаться при русской исторіи; а второстепеннымъ — то, что на этомъ мѣстѣ въ корпусѣ ничего не могъ бы сдѣлать; потому что самъ Эпинусъ откровенно сознался мнѣ, какъ тогда шло тамъ ученіе и какъ должно было идти при большомъ множествѣ кадетъ и еще большемъ невѣжествѣ большинства: «преподаватель *диктовалъ* предложеніе, которое тѣ должны были выучивать наизусть; кто этихъ предложеній не могъ сказать на экзаменѣ, того замѣчали; а понимали ли они что нибудь, это не касалось учителя, онъ сдѣлалъ свое дѣло. Этотъ достойный человѣкъ призналъ мое *главное основаніе* героизмомъ, а *второстепенное* назвалъ «благородно придуманнымъ»; но благодаря обоимъ, я, кажется, много выигралъ въ его мнѣніи.

Дѣло стало извѣстно; всѣ на меня смотрѣли и даже другъ *В—н* пѣлъ мнѣ: *wir wagten schon so manche Nacht* etc.; однако не было замѣтно, чтобы мой отказъ принимали за упорство или наглость. Большинство думало, что я могу и хочу быть полезнымъ только при Академіи, а потому, отказываясь, не много рисковалъ.

Едва прошелъ мѣсяцъ, какъ я получилъ второе предложеніе въ Морской кадетскій корпусъ отъ самого начальника его Кутузова, съ такими же выгодами и условіями, какъ первое. — Снова отказался, только на выше упомянутомъ *главномъ* основаніи. Между тѣмъ я ближе познакомился съ начальникомъ и въ благодарность напечаталъ въ его типографіи сочиненіе объ *Избраніи польскихъ королей* (что тогда составляло насущный интересъ) порусски, въ двухъ маленькихъ частяхъ въ 8°, и со своимъ именемъ. Гонораріи тамъ не были въ модѣ: самое большое было то, что получали нѣкоторое число экземпляровъ, да и то не всегда безъ хлопотъ.

Таубертъ, котораго я, конечно, извѣщалъ немедленно объ этихъ приглашеніяхъ, вѣжливо отклоненныхъ, неотступно убѣждалъ меня обратить ихъ въ свою пользу при Академіи.

64.

Съ этого времени моя исторія, въ спеціальномъ смыслѣ, заключается въ актахъ; потому что большая часть того, что я разсказываю, было изложено письменно сначала въ академической канцеляріи и конференціи, потомъ въ Правительствующемъ Сенатѣ и у президента Академіи, и наконецъ непосредственно предъ императрицею. Всѣ эти акты должны еще находиться въ академическомъ архивѣ. Моихъ читателей и покупателей, изъ должнаго уваженія къ ихъ времени и деньгамъ, я заботливо избавлю отъ актовъ in extenso (я ихъ въ рукописяхъ отдамъ въ какое нибудь оффиціальное мѣсто); только въ некоторыхъ мѣстахъ они позволятъ мнѣ сдѣлать исключеніе въ отношеніи къ самымъ важнымъ для меня предметамъ.

(Возвращаясь въ Петербургъ въ 1766 г., я, на случай новыхъ бурь, оставилъ главные акты запечатанными въ Гёттингенѣ у Михаэлиса. Возвратившись второй разъ изъ Россіи въ 1767 г., я забылъ вытребовать отъ него пакетъ, и только семь лѣтъ спустя, въ 1774 г., я вспомнилъ о немъ по тому случаю, что Бюшингъ сталъ печатать нѣкоторыя свѣдѣнія, клонившіяся къ моему вреду. Я, который, кочуя по свѣту, понесъ не одну подобнаго рода потерю, совершенно растерянный, спросилъ у Михаэлиса о пакетѣ. Вмѣсто отвѣта, онъ пошелъ къ ящику и прямо вынулъ его. Я хотѣлъ тотчасъ положить его въ карманъ, но онъ, шутя, пригласилъ меня «сперва осмотрѣть печать». Я изумился не вѣрности человѣка, честность котораго была болѣе чѣмъ піэтистическая, но рѣдкому порядку, въ какомъ этотъ чрезвычайно занятый ученый держалъ тысячи разныхъ предметовъ).

65.

И такъ въ концѣ апрѣля 1764 г. я подалъ въ Академію мое *Доношеніе* [1]) слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Оно въ современномъ переводѣ помѣщено въ *Матеріалахъ* Билярскаго стр. 697—698. — Кромѣ болѣзни Шлецеръ приводилъ еще двѣ причины, побуждающія его ѣхать въ Германію: нѣкоторыя обстоятельства, касавшіяся его семейства, съ которымъ уже 12 лѣтъ онъ жилъ въ разлукѣ, и «судное дѣло» съ книгопродавцемъ, которому онъ ввѣрилъ свои *Шведскія біографіи* и съ которымъ не могъ окончить счетовъ.

Во-первыхъ, я просилъ объ увольненіи меня изъ Академіи на три мѣсяца въ Германію. Главнымъ поводомъ къ тому я представилъ свое болѣзненное состояніе. Это не было только предлогомъ: прошлогодняя осенняя лихорадка продолжалась три мѣсяца и обратила меня въ скелетъ; по мнѣнію моего врача, только морской воздухъ и уменьшеніе занятій могли спасти меня.

Во-вторыхъ, я желалъ — въ случаѣ, если мои почти двухлѣтніе труды съ тѣхъ поръ, какъ я состою на службѣ въ Академіи (*я отдалъ себя ей на пробу*), имѣли счастіе заслужить ея одобреніе, и она, поэтому, считаетъ меня достойнымъ мѣста при ней, — чтобы она благоволила объявить мнѣ свое мнѣніе до моего отъѣзда... Я ожидалъ указа Академіи, долженъ ли я представить на ея разсмотрѣніе и исправленіе планъ тѣхъ работъ, частью на пользу наукъ вообще, частію для распространенія ихъ въ русской публикѣ, которыя я, сообразно съ ея видами, могъ надѣяться исполнить. Между тѣмъ я представилъ ей предварительную пробу подъ заглавіемъ: «*Periculum* antiquitatis *russicae*, *graecis* collustratae luminibus».

Этотъ Periculum заключалъ почти на четырехъ листахъ слѣдующее: I. *Nestoris* ex *Kedreno* restituti specimina 4. II. Отдѣльныя слова въ Несторѣ, которыхъ до сихъ поръ никто не понималъ, такъ же разсужденіе о *греческомъ* огнѣ. III. Lingua russica graecissans, triplici vocabulorum genere demonstrata. IV. Объясненіе окончанія *вичъ* въ Ивано*вичъ* и проч., статья въ Миллеровой Sammlung Russ. Gesch. VIII. стр. 537 [1]). Моею главною темою было неслыханное со временъ Байера положеніе, что изслѣдователь русской исторіи долженъ знать по-*гречески* и прежде всего изучать Византійскихъ писателей. При Академіи единственный человѣкъ, который когда-то, можетъ быть, зналъ по-гречески, — Фишеръ; Ломоносовъ и Миллеръ едва умѣли читать.

Что я о своемъ старинномъ проектѣ, о путешествіи на востокъ, упоминалъ не иначе, какъ мимоходомъ, читатель пойметъ

---

[1]) Это сочиненіе Шлецера помѣщаемъ въ Приложеніяхъ.

изъ всего вышесказаннаго. Еслибы я это поставилъ въ ряду предложеній, которыя я дѣлалъ Академіи для пользы наукъ, и въ добавокъ просилъ по 200 червонцевъ на путевыя издержки втеченіе двухъ-трехъ лѣтъ (какая бездѣлица для богатой Академіи!), эти господа (по крайней мѣрѣ въ канцеляріи) съиграли бы негрскаго короля Альмами въ Бонду [1]) (M. Park, S. 62, der Hamb. Uebersetzung).

66.

Я полагалъ, что съ величайшею точностію разсчиталъ дальнѣйшій ходъ моего дѣла, какимъ бы случайностямъ оно ни подверглось. Выслушали бы мои предложенія и предложили бы мнѣ какую нибудь ничтожную прибавку; но я хотѣлъ выговорить себѣ, кромѣ мѣста ординарнаго профессора, 1000 руб. жалованія, безъ контракта на опредѣленное время. На эти требованія легко бы согласились, еслибы меня *здѣсь не было* (стр. 59); но такъ ничего другаго нельзя было предполагать, кромѣ того, что назовутъ ихъ наглыми, представятъ ихъ какъ простой предлогъ и какъ доказательство вѣчныхъ наущеній Миллера, что я въ русской службѣ не нуждаюсь, что меня, какъ свободнаго иностранца, нельзя удерживать насильно, и предоставили бы мнѣ уйти, какъ précieux ridicule. И такъ, я самымъ мирнымъ образомъ, преимущественно

---

[2]) Для уясненія этого выраженія приводимъ разсказъ Мунго Парка: «Я рѣшился уже совсѣмъ откланяться его величеству (королю Альмами въ Бонду), но онъ удержалъ меня. Превознесши похвалами, въ длинномъ предисловіи, несмѣтное богатство и щедрость бѣлыхъ, началъ онъ послѣ говорить похвальное слово и моему платью, коего желтые пуговицы чрезвычайно его слѣпили. Напослѣдокъ заключилъ рѣчь свою тѣмъ, что ежели я подарю ему кафтанъ свой, то онъ будетъ его носить во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ и не преминетъ предъ всѣми прославлять даръ сей, какъ полученный отъ щедролюбія бѣлаго. Просьба африканскаго государя есть непреложное повелѣніе, особенно для иностранца. Я изъявилъ знакъ учтивости уступкою того, что могъ бы онъ отнять у меня силою; впрочемъ моя польза требовала ему понравиться. Почему съ спокойнымъ духомъ скинулъ съ себя синій кафтанъ и положилъ оный къ ногамъ его величества». *Путешествіе во внутренность Африки*, переводъ съ франц. Москва, ч. I, стр. 66—67.

на радость Миллеру (такъ я думаю), оставилъ бы Россію и ея Академію. — Однако я былъ приготовленъ и на другой, хотя совершенно неожиданный случай. Еслибы они согласились на мои просьбы, то я примирился бы съ пожертвованіемъ своихъ старыхъ плановъ, совершенно предался бы своему новому назначенію и, довольный и счастливый, продолжалъ бы жить въ Россіи.

Могло ли мнѣ во снѣ присниться, что предъ моимъ выходомъ станутъ придумывать мѣры къ тому, чтобы принудить меня не дѣлать *за-границею* никакого употребленія изъ того, чему я научился въ Россіи и что я опредѣлилъ на путевыя издержки въ Іерусалимъ? — что сдѣлаютъ распоряженія *отнять* у меня всѣ мои собранія, даже древне-историческія и критическія? — что въ состояніи будутъ склонить высшую власть къ наложенію на меня шестимѣсячнаго ареста, хотя и отдаленнаго, — и, можетъ быть, на всю жизнь лишить меня свободы, еслибы слѣпой случай, или полу-чудо не открыло мнѣ дорогу непосредственно къ престолу?

Первый мой шагъ былъ въ академическую канцелярію, гдѣ какъ директоры, засѣдали рядомъ статскіе совѣтники Таубертъ и Ломоносовъ: къ нимъ поступило мое прошеніе, изложенное на стр 184. Ломоносовъ не зналъ меня, такъ же какъ и я его; однако я его боялся. Онъ обыкновенно противодѣйствовалъ всему, что предпринималъ Таубертъ для своей партіи, потому что оба они были отъ души враждебны другъ другу (такъ же какъ Ломоносовъ и Миллеръ). Сколько труда и искусства, должно быть, стоило Тауберту склонить своего товарища къ моей просьбѣ! Однако черезъ мѣсяцъ ему удалось это.

1764, 26 Мая. Протоколъ канцеляріи.... «Г-нъ адъюнктъ Шлецеръ... проситъ о увольненіи его... на три мѣсяца въ отечество, въ чемъ канцелярія и намѣрена ему снисходить». Но такъ-какъ онъ желаетъ знать, чего онъ впредь... можетъ ожидать — постановила: послать указъ вмѣстѣ съ копіей его прошенія и требовать, «дабы распрося его о всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, которыми надѣется онъ Академіи и Россійскому обществу оказывать полезныя услуги, подать въ канцелярію Академическую письменное мнѣніе о томъ, имѣетъ ли онъ довольныя качества, чтобъ въ какой нибудь наукѣ при академическомъ ученомъ корпусѣ или при университетѣ» (чего

я вовсе не желалъ) «быть профессоромъ, дабы не упустить человѣка, который, какъ извѣстно, сверьхъ прочихъ своихъ достоинствъ оказалъ уже такіе успѣхи въ россійскомъ языкѣ, какихъ отъ выписываемаго вновь иностраннаго человѣка не инако, какъ черезъ долгое время ожидать можно». [1])

Въ тотъ же самый день этотъ указъ пошелъ въ конференцію. И этотъ указъ со всѣми лестными для меня выраженіями подписалъ самъ Ломоносовъ. Этого никто не могъ понять. Одни разсказывали, будто бы Таубертъ увѣрилъ Ломоносова, что онъ могъ бы хорошо воспользоваться мною, какъ *чернорабочимъ* при своихъ занятіяхъ русскою исторіею; другіе полагали, что Ломоносовъ подписалъ, бывши въ хмѣлю. Во всякомъ случаѣ онъ моего Periculum (стр. 184) еще не могъ прочитать.

Миллеръ, какъ конференцъ-секретарь извѣщалъ канцелярію:

«По прочтеніи въ академическомъ собраніи о господинѣ адъюнктѣ Шлецерѣ указа разсуждено, Канцеляріи предложить, что понеже гднъ Шлецеръ въ своемъ доношеніи требуетъ повелѣнія подать ли ему планъ.... то удобнѣе сего плана отъ него ожидать нежели его распросить на словахъ, а наипаче для того, что онъ словеснаго распросу могъ бы почесть за экзаменъ, которому онъ едва ли себя подвергнетъ. Мая 28. 1764. [2])

3 Іюня. Журналъ Канцеляріи. На доношеніе Миллера опредѣлено: Гнъ адъюнктъ Шлецеръ долженъ немедленно представить конференціи упомянутый планъ и ему по этому послать ордеръ [3]).— Въ *тотъ же самый день* ордеръ ко мнѣ (№ 962), но въ формѣ письма. Обращеніе: его благородію Гну адъюнкту... И такъ *благоволите* немедленно представить планъ... готовый къ услугамъ Иванъ Таубертъ».

Черезъ нѣсколько дней (6-го іюня) оба мои обширные плана были готовы къ поданію, потому что все было давно приготовлено.

---

[1]) *Матеріалы*, Билярскаго, стр. 698—699. Слова, не заключенныя во вносныя знаки, измѣнены по тексту Шлецера.

[2]) Это доношеніе, помѣщенное въ *Матеріалахъ* Билярскаго на стр. 699, Шлецеръ цитируетъ съ малымъ пропускомъ, который означенъ точками, и относитъ его къ 25 мая.

[3]) Тамъ же.

Шестидесяти-шести-лѣтній профессоръ многое вычеркнулъ бы у двадцати-девяти-лѣтняго адъюнкта; но вообще я не стыжусь того, что написалъ. Нѣкоторую дерзость и чувство собственнаго достоинства должно извинить ради моего положенія: до сихъ поръ мною слишкомъ пренебрегали, и я видѣлъ, среди какихъ людей я находился, inter caecos luscus *rex* (стр. 70). Ученымъ другихъ отраслей я оказывалъ все должное уваженіе. Но что это были за люди, въ Академіи и внѣ ея, которые принимали на себя видъ, что они были тѣмъ, чѣмъ я хотѣлъ сдѣлаться, — *изслѣдователями русской исторіи*! Объ иностранной исторіи они ничего не знали, объ исторической критикѣ, историческихъ вспомогательныхъ наукахъ еще менѣе; древнихъ языковъ они не понимали, даже и новѣйшихъ; византійцевъ и монголовъ даже именъ не слыхали и т. д. О такихъ историкахъ иностранецъ не имѣетъ никакого понятія. Впрочемъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, еще попадались въ Германіи школьные учители, или даже ремесленники, которые прилежно читали городскія и сельскія хроники и правильно понимали ихъ содержаніе, но не знали, жилъ ли Лютеръ до Карла Великаго или послѣ него. Таковы были тогда всѣ безъ исключенія *читатели лѣтописей* въ Россіи. Фишера и Миллера я не смѣю исключить по другой причинѣ: оба они были *истинные* ученые, но ни тотъ, ни другой не употребили своей учености на *критическую* обработку *русскихъ* лѣтописей.

67.

Я подалъ два плана.

Первый: Мысли о способѣ обработки *древней русской исторіи* [1]). Главная тема: ея нельзя еще *изучать*, должно сначала *создать* ее. Это стоило другимъ европейскимъ государствамъ цѣлыхъ столѣтій; но русскую исторію, при методическомъ, прилежномъ трудѣ, избѣгая ошибокъ, сдѣланныхъ другими, можно было бы въ двадцать лѣтъ поднять на ту же высоту и даже исчерпать

[1]) См. Приложеніе.

ее совершенно. Для этого я предложилъ слѣдующія работы, которыя хотѣлъ взять на себя: 1) Studium monumentorum *domesticorum*, т. е. *хроникъ*. Ихъ слѣдовало бы обработать a) *критически* (mit kleiner Kritik); *собрать* возможно больше списковъ одной и той же лѣтописи и *сравнить* ихъ весьма различныя чтенія, чтобы прежде всего получить чистый и вѣрный *текстъ*. b) *Грамматически*. Этотъ текстъ долженъ быть объясненъ, потому что въ немъ встрѣчаются многія слова, которыя уже стали непонятны для русскихъ, и которыхъ значеніе должно было опредѣлить по славянскому переводу библіи, другимъ славянскимъ нарѣчіямъ и по словеснымъ объясненіямъ туземцевъ, много читавшихъ свои древнія книги. c) *Исторически*. Надлежало бы сличить по *содержанію* различныя, часто совершенно несходныя между собою хроники и другія историческія книги и отмѣтить, что въ одной разсказывается полнѣе, въ другой иначе. II. Studium monumentorum *extrariorum*. Здѣсь я указалъ, какъ бѣдна русская исторія, почерпнутая только изъ лѣтописей: лѣтописи почти всего міра: польскія, венгерскія и шведскія, но преимущественно византійскія и монголо-татарскія, даже нѣмецкія, французскія и папскія и проч. съ X столѣтія доставляли свѣдѣнія о фактахъ русской исторіи. Собственно критическимъ изученіемъ, по правиламъ искусства, я хотѣлъ заняться по-фабричному: всѣмъ спискамъ, сколько бы ихъ ни было, должно было дать опредѣленное наименованіе и затѣмъ описать ихъ дипломатически точно; потомъ нужно было бы всю массу русской исторіи раздѣлить на части, всего лучше, по періодамъ велико-княженій, для каждой части сдѣлать особую книгу и въ нее заносить всѣ сравненія, объясненія, прибавленія и противорѣчія изъ всѣхъ источниковъ какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ. На сколько я подвигался бы впередъ, о томъ ежегодно представлялъ бы на разсмотрѣніе. Для предварительнаго обозрѣнія я хотѣлъ приготовить на нѣмецкомъ языкѣ руководство русской исторіи, безъ критики, только по сочиненіямъ Татищева и Ломоносова.

Самое лучшее, что я здѣсь предложилъ, составляло бы толь-

ко *черновую* работу; но какъ благодѣтельно было бы для будущаго истиннаго *историка*, еслибы эта работа продолжалась многіе годы! И еслибы даже черезъ нѣсколько лѣтъ я ушелъ, моя работа была бы не безполезна: мой преемникъ продолжалъ бы съ того мѣста, гдѣ я остановился. — Всѣ эти предложенія диктовалъ мнѣ простой человѣческій разумъ: каждый нѣмецкій студентъ, только два года занимавшійся исторіею, при необходимой филологической подготовкѣ, и лишь вообще познакомившійся съ русской лѣтописной системой, сдѣлалъ бы то же самое. Простота этихъ предложеній доставила мнѣ ту выгоду, что всѣ члены конференціи, даже не историки, но только ученые, поняли ихъ и удостоили своего одобренія.

Не то было со *вторымъ* моимъ планомъ [1]), который былъ почти дороже для меня, нежели первый. Пусть судятъ современники и потомки, не сдѣлался ли бы я (да простятъ мнѣ мою гордость) благодѣтелемъ великой націи, еслибы меня выслушали, поняли и поддержали.

Я видѣлъ націю, т. е. высшій слой ея, на второй степени литературнаго образованія; на эту степень поднялъ его Петръ I. Милліоны русскихъ могли читать и писать; сотни тысячъ могли читать и книги, и любили читать, и жаждали знаній. Но только весьма не многіе понимали иностранные языки, а потому имъ нужно было помочь *переводами*. *Кто* же долженъ былъ помочь? естественно, дорого-стоящая Академія: ея призваніе состояло не только въ томъ, чтобы дѣлать открытія для міра и наукъ вообще; русскій міръ касался ея ближе. И *какъ* помогала она? Въ первые десять лѣтъ ея существованія (1726 — 1736) Байеръ и другіе напечатали очень хорошіе ими самими составленные, непереводные учебники для молодаго императора Петра II; но почти съ 1737 до 1764 слѣдовало печальное затишье. Въ доказательство я привелъ выше (стр. 50) только книгопродавческій каталогъ; будущій литераторъ найдетъ довольно важнымъ сдѣлать изъ него

---

[1]) См. Приложеніе.

catalogue *raisonné*. Ни одного собственнаго сочиненія: почти ничего, кромѣ дословныхъ переводовъ, и то еще выбранныхъ безъ всякаго соображенія съ тогдашними требованіями націи. Латинскіе комментаріи Академіи, конечно, заключали отличныя сочиненія; но туземцы ихъ не читали и не понимали. Они высчитывали большія суммы, которыя стоило учрежденіе со времени его основанія, и громко говорили, что нація ему обязана только ежегодными *календарями*. При этомъ особенно пострадало уваженіе къ *иностранцамъ*, потому что до того изъ нихъ главнымъ образомъ состояла Академія. (О другой причинѣ отсталости націи въ литературномъ образованіи, о выборѣ невѣждъ французовъ въ домашніе учителя, см. выше стр. 128).

Задача, которую я предложилъ, состояла въ томъ, чтобы «*по извѣстному плану* въ *короткое* время пересадить *иностранныя знанія* на очень хорошую, но большею частію еще сырую почву, по которой еще не проходилъ плугъ». При этомъ я предполагалъ: I. Слѣдуетъ предлагать эти знанія въ *малыхъ дозахъ;* римскую исторію, напримѣръ, не въ 26 томахъ in 4 (выше стр. 50), но для начала въ одинъ и самое большое въ два алфавита. II. Высоко-ученыхъ *классическихъ* волюминозныхъ иностранныхъ произведеній еще нельзя было предложить тогдашнему поколѣнію: еще никто ихъ не понималъ. Венгерцы слишкомъ рано перевели на свой языкъ Esprit des loix. III. Даже тѣхъ небольшихъ, хорошихъ иностранныхъ книгъ, которыя были по-легче, нельзя было предложить русской публикѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ были, особенно если онѣ были очень богато надѣлены литературою, совершенно чуждою русскимъ. Таубертъ имѣлъ однажды намѣреніе дать перевести на русскій языкъ Статистику Ахенваля: я замѣтилъ ему, что это превосходное руководство слишкомъ учено для массы тамошней публики; прежде чѣмъ переводить его, слѣдовало бы его передѣлать, т. е. приноровить къ понятіямъ тогдашняго русскаго читателя, а потому исключить множество цитатъ, которыя, какъ непонятныя читателямъ, не только были бы для нихъ безполезны, но даже самое чтеніе сдѣлали бы противнымъ.

На этихъ основаніяхъ (которыя далеко еще не были бы примѣнимы, еслибы просвѣщенный государь вздумалъ когда либо зажечь свѣтъ образованности темному народу въ Валахіи, въ Египтѣ, въ Марокко; европейскихъ полковъ онъ могъ бы изъ нихъ надрессировать въ одинъ годъ; но чтобы сдѣлать изъ нихъ образованныхъ европейцевъ, для этого нужно не менѣе тридцати лѣтъ)—я намѣревался, въ часы отдохновенія отъ критики и древностей, мало-по-малу составить отдѣльныя небольшія *руководства* или *народныя книги* по тѣмъ наукамъ, которыя мнѣ не были чужды, именно, по исторіи, географіи и статистикѣ. Я положилъ бы въ основаніе уже существующую книгу и передѣлалъ бы ее, или же изъ девяти хорошихъ составилъ бы десятую. Слогъ долженъ быть самый легкій, какъ въ моихъ книжечкахъ pour l'Akad. de la X-me ligne; слѣдовательно, и переводъ ихъ на русскій языкъ былъ бы легкій: молодой русскій студентъ (который вмѣстѣ съ тѣмъ многому научился бы) могъ ихъ перевести; о правильности я могъ самъ судить, а за чистотою языка наблюдалъ бы другой русскій, по-ученѣе, только при корректурѣ. Такимъ образомъ ежегодно выходило бы въ свѣтъ нѣсколько алфавитовъ.

При замѣчательной страсти народа къ чтенію, Академія, какъ издательница этихъ народныхъ книжекъ, за которыя ей не нужно было бы платить гонораріи, была бы не въ убыткѣ. Естественно, нужно было еще позаботиться, чтобы, кромѣ Петербурга, были склады въ важнѣйшихъ городахъ, въ Москвѣ, Ярославлѣ, Казани, Архангельскѣ, Вологдѣ, до самаго Тобольска. — (Еще одна выгода: когда, спустя долгое время, Екатерина II учредила народныя школы, и нужно было, сломя голову, фабриковать для нихъ руководства, какъ значительно облегчилось бы это великое дѣло, еслибы нашли запасъ такихъ народныхъ книжекъ, которыя нужно было бы только исправить!)

Такъ космополитически и патріотически мечталъ я, и въ заключеніе предоставилъ Академіи выборъ: начать ли мнѣ *Статистикою Испаніи*, которая могла бы служить образчикомъ, какъ слѣдовало бы мало-по-малу описать всѣ европейскія государства,

и которая явилась бы весьма кстати, потому что именно въ это время завязалась торговля съ Испаніей, — или начать *всемірною исторіею*, или же *основаніями камеральныхъ наукъ*? Но на этотъ мой второй планъ частью вовсе не обратили вниманія, частію дурно меня поняли, частію обошлись со мною презрительно, *см. ниже*.

68.

Между тѣмъ мое прошеніе вообще было принято гораздо лучше, чѣмъ я ожидалъ. Меня тронули уже сильныя выраженія канцелярскаго указа (стр. 186), которыми канцелярія рекомендовала меня конференціи. Еще поразительнѣе было то, что такъ многіе изъ членовъ Академіи оказались моими жаркими друзьями; потому что вскорѣ по представленіи моихъ сочиненій, я узналъ, что преобладающее большинство мнѣ благопріятствовало.

Только двое оказались моими противниками; они же были противниками Тауберта: одинъ русскій—Ломоносовъ, другой мой соотечественникъ—Миллеръ: первый въ дикой ярости грубо ругался; второй—хвалилъ и лицемѣрилъ, слѣдовательно, былъ опаснѣе. Съ давнихъ поръ Иродъ и Пилатъ не шли такъ согласно, рука объ руку, какъ теперь въ моемъ дѣлѣ: изъ одинаковаго *побужденія* (ученая ревность) слѣпо стремились они совершенно различными путями (насиліе и хитрость) къ одной цѣли (не только къ удаленію меня изъ Академіи—этого я самъ желалъ, — но и къ моей погибели, въ серіозномъ значеніи).

Можетъ быть, Ломоносовъ сначала понялъ иначе то, что подписалъ въ канцеляріи; потому что какъ только онъ услышалъ, что рѣчь идетъ о *русской исторіи* и о *профессорствѣ* и что въ обоихъ случаяхъ большинство было на моей сторонѣ, перемѣнилъ мнѣніе и оставилъ въ канцеляріи слѣдующую грубую и безсмысленную записку:

Мнѣніе статскаго совѣтника и профессора Ломоносова, поданное въ канцелярію.

Свидѣтельство иностранныхъ профессоровъ о знаніи гдна Шле-

цера въ Россійскихъ древности (sic) почитать должно недѣйствительными, затѣмъ что они сами оныхъ не знаютъ. Что-жъ до меня надлежитъ, то оному Шлецеру много надобно учиться, пока можетъ быть профессоромъ Россійской исторіи (*ктожъ этого требовалъ?*) Сверхъ того и мѣста ему при Академіи нѣтъ порожнаго. Гда Миллеръ и Фишеръ суть профессоры исторіи. Я ужъ и самъ сочиняю Россійскую и уже въ печати. И такъ помянутой Шлецеръ Россійской исторіи быть не можетъ и нѣтъ мѣста. Іюня дня 1764 года. [1]) Михайло Ломоносовъ.

Мои переговоры съ Академіею были уже въ полномъ ходу, когда въ началѣ іюня прибылъ мой патентъ на званіе гёттингенскаго профессора, отъ 24 мая. Онъ не могъ явиться болѣе кстати. Такъ какъ онъ не давалъ мнѣ ничего кромѣ титула (а потому не было оффиціально извѣщено гёттингенскому университету), то и не обязывалъ прерывать начатые переговоры съ русскою Академіею. И когда они оказались безплодными, я нашелъ въ этомъ патентѣ достаточное удовлетвореніе.

Никто не зналъ объ этомъ; даже предъ Таубертомъ, изъ хорошо обдуманной деликатности, я сдѣлалъ изъ этого тайну. Между тѣмъ пренія продолжались; они сдѣлались жаркими, а конференціи бурными. Среди нихъ, недѣли двѣ спустя, пришли Götting. Gel. Anz. и объявили о моемъ званіи въ Гёттингенѣ. Мои друзья ликовали; но оба врага сдѣлались необузданнѣе; мой дорогой Таубертъ страдалъ при этомъ безконечно, о чемъ я узналъ не отъ него. Наконецъ, наскучивъ ссорой, чтобы окончить дѣло конституціоннымъ порядкомъ, онъ потребовалъ отъ всѣхъ членовъ конференціи *письменно* vota singula. Эпинусъ, Штелинъ, Фишеръ, Леманъ, Браунъ и Цейгеръ (такъ же Румовскій, если не ошибаюсь [2])) не только благосклонно подали голосъ въ мою пользу, но нѣкото-

[1]) Шлецеръ относитъ эту записку къ маю, полагая, что Ломоносовъ отмѣтилъ ее впередъ; но это несправедливо, потому что свои планы Шлецеръ представилъ въ Академію 6-го іюня и мнѣнія академиковъ собирались втеченіе всего этого мѣсяца. См. *Матеріалы*, Билярскаго, стр. 699 и слѣд. — Неправильности выраженій этой собственноручной записки Ломоносова Шлецеръ исправилъ въ переводѣ; но мы сохраняемъ ихъ въ точности.

[2]) Шлецеръ не ошибся: Румовскій, дѣйствительно, подалъ голосъ въ его пользу. *Матеріалы* Билярскаго, стр. 702.

рые даже въ чрезвычайно почетныхъ выраженіяхъ. И такъ, я имѣлъ восемь голосовъ, считая Тауберта; даже двое русскихъ [1]) ничего не имѣли противъ меня, кромѣ того, что не было вакантнаго мѣста.

А что жъ Ломоносовъ и Миллеръ?—Я думаю, что могу быть здѣсь нѣсколько обстоятельнѣе, не наводя скуки. Когда при возникновеніи въ странѣ учености didicisse artes лишено fideliter, и потому не явятся самыя благословенныя ея послѣдствія, emollire mores nec finere esse feros, когда во главѣ веденія ученаго порядка являются полуученые, но все еще полуварвары, и эти Геркулесы *мусагеты* бьютъ по немъ своими палицами; когда дикій деспотизмъ не нуждается даже въ прикрытіи интриги, но можетъ необузданно дѣйствовать съ открытымъ насильемъ;—тогда являются феномены, которые большинству читателей покажутся не только новыми, но даже немыслимыми. Таковъ былъ первый изъ выше названныхъ лицъ. Теперь пусть не спрашиваютъ, почему тогда петербургская Академія не сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ она могла и должна была бы сдѣлаться при другихъ обстоятельствахъ — первою и самою блестящею *Академіей наукъ* во всемъ нашемъ литературномъ мірѣ.

69.

Vota singula, а еще болѣе гёттингенскій патентъ вывели Ломоносова изъ себя, и онъ подалъ противное мнѣніе, полное варварской гордости, грубаго злословія противъ меня, и оскорбительное для его сотоварищей; какъ совершенный невѣжда во всемъ, что называется историческою наукою, онъ не могъ пуститься въ обсужденіе моего плана; онъ даже не могъ его понять, а потому долженъ былъ напасть на меня совершенно съ другихъ

[1]) На то, что для Шлецера не было вакантнаго мѣста, ссылались Ломоносовъ, въ выше приведенной запискѣ, и Поповъ; Протасовъ присоединился къ большинству спеціалистовъ, а Котельниковъ уклонился отъ подачи своего мнѣнія, не считая себя достаточно компетентнымъ въ исторіи. *Матеріалы* Билярскаго, стр. 701—702.

сторонъ, только на основаніяхъ *a priori*, и съ ругательствами. И эти основанія были слѣдующія: 1) что я былъ advena, alienigena (русскій Ломоносовъ былъ отъявленный ненавистникъ, даже преслѣдователь всѣхъ не-русскихъ); 2) что я еще не долго находился въ Россіи, а потому былъ ѳуго, novitius (двадцати девяти лѣтъ отъ роду и гёттингенскій профессоръ); 3) что только онъ одинъ могъ понимать по-русски и работать по русской исторіи. Не могу не привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ его длиннаго voto съ моими примѣчаніями. Его хвастливыя рѣчи прочтутъ еще съ большимъ омерзеніемъ, чѣмъ его ругательства. Но чтобы очевидно представить невѣроятное невѣжество и нагую безсмыслицу, заключающуюся въ немъ, мнѣ пришлось бы напечатать свой планъ (стр. 188) in extenso.

> . . хвалю стараніе его о изученіи россійскаго языка и успѣхѣ его въ ономъ; но сожалѣю о его безразсудномъ предпріятіи, которое однако извинить можно тѣмъ, что повидимому не своею волею, но наипаче по совѣту другихъ a) принялся за такое дѣло, кое въ разсужденіи малаго ево знанія въ нашемъ россійскомъ языкѣ съ силами его не согласно. Да ктожъ бы и подумалъ, что человѣкъ въ короткое время пребыванія своего въ отечествѣ нашемъ, и то живучи по большей части между пришлецами, можетъ спорить съ уроженцами, а притомъ еще *учеными* (*veteranis*) о знаменованіи рѣчей b)... а наипаче древности, касающіяся до россійской исторіи толковать, c) предписывать законы [1]).

---

a) Это относится къ его товарищу Тауберту.

b) Слушайте! У Нестора три раза встрѣчается слово Суда. Ломоносовъ въ своей *древней россійской исторіи* (стр. 81) перевелъ его: узкій проходъ Зундъ. Ошибка забавная, потому что въ одномъ мѣстѣ Несторъ говоритъ, что непріятели сожгли Суду, а Зунда невозжно же сжечь. Я нашелъ у Дю-Канжа, что Σȣδα назывался ровъ предъ Константинополемъ, обставленный палисадомъ, и помѣстилъ это въ своемъ Periculo. Ломоносовъ же, вмѣсто того, чтобы должнымъ образомъ отблагодарить за то, осыпаетъ меня ругательствами и ставитъ безразсудное положеніе, какъ общее, что «только русскій можетъ объяснять слова, встрѣчающіяся въ русскихъ лѣтописяхъ, каковы бы они ни были, византійскія, турецкія или монгольскія.

c) Въ своемъ планѣ я умышленно только вскользь намекалъ на то, что чрезвычайно много Russica заключается по крайней мѣрѣ въ 10 различныхъ

---

[1]) Въ латинской редакціи и у Шлецера: imo historiae russicae condendae fontes indigitare, atque leges dictare.

... нельзя извинить скоропостижности его въ разсужденіяхъ, въ безмѣрномъ хвастовствѣ и безвременныхъ требованіяхъ. Ибо что касается до *перваго*, то думаетъ онъ, что не смотря, на свое *иностранство*, разумѣетъ древней славенской языкъ не меньше каждаго *нашего* природнаго *ученаго*, приведя въ примѣръ, что шведъ именемъ Ире d) въ толкованіи древнихъ германскихъ книгъ былъ превосходнѣе, нежели нѣмецъ Вахтеръ... Г-днъ Шлецеръ долженъ думать о древнемъ словенскомъ языкѣ и о себѣ инако, нежели о *природныхъ* россійскихъ ученыхъ, а именно помыслилъ бы о себѣ, что ему ни которой изъ словенскихъ языковъ не природной, не упоминая о томъ, что онъ упражнялся въ ономъ [1]), и онъ *новичокъ* еще въ россійскомъ; а напротивъ того представилъ бы себѣ «нѣкоего изъ нашихъ природныхъ, которой съ малолѣтства спознаʌъ общей россійской и словенской языки, а достигши совершеннаго возраста съ прилежаніемъ прочелъ почти всѣ, древнимъ словено-моравскимъ языкомъ сочиненныя и въ церкви употребительныя книги. Сверхъ сего невольно знаетъ всѣ провинціальные діалекты здѣшней имперіи, также слова, употребляемыя при дворѣ, между духовенствомъ и между простымъ народомъ, разумѣя притомъ польской и другіе съ россійскимъ сродные языки (?). Онъ же и предъ прочими своими согражданами пріобрѣлъ въ отечествѣ своемъ *особливую похвалу* во всемъ, что до языка и древностей россійскихъ принадлежитъ»; по сему не можно ли почесть за неразсуднаго и наглаго, ежели онъ похочетъ сравниться съ вышеупомянутымъ? e).

иностранныхъ лѣтописяхъ. Грубый невѣжда, ничего не знавшій, кромѣ своихъ лѣтописей, при этихъ совершенно чуждыхъ для него именахъ разсвирѣпѣлъ, потому что слышалъ ихъ въ первый разъ и не понималъ. Такъ шестнадцатилѣтній школьникъ бѣсится на своего 10-тилѣтняго товарища, отвѣчающаго на экзаменѣ на тѣ вопросы, при которыхъ онъ молчалъ. Но тутъ присоединилась разница условій (безконечно важная тогда въ Россіи): тотъ былъ статскій совѣтникъ, я — только адъюнктъ; онъ — начальникъ, я — его подчиненный.

d) «Шведъ именемъ Ире». Quasi tu diceres: какой-то писатель именемъ *Ньютонъ*.

e) Да развѣ я когда либо говорилъ, что знаю новый русскій языкъ такъ же, какъ онъ? Рѣчь была о старомъ Несторѣ: его византійскія слова я умѣлъ объяснять. Химикъ Ломоносовъ, который, вѣроятно, едва-ли слышалъ имя Ви-

---

[1]) Въ лат. редакціи: nempe secum recognoscere, nullam ex familia Slavicarum linguarum sibi esse *vernaculam*, non dico a se excultam; т. е. что ему никакой изъ словянскихъ языковъ не природный, не говорю, что онъ не изучалъ бы его.

Но безстыдство, какое усматривается изъ требованій г-дна Шлецера, увидитъ каждой, кто познаетъ раченіе *мое* о природномъ языкѣ и оказанные успѣхи отечеству, такъ же труды въ чтеніи россійскихъ и *иностранныхъ* (?) древнихъ книгъ, а наконецъ стараніе о сочиненіи самой россійской исторіи. «Всего того г-нъ Шлецеръ требуетъ себѣ въ помочь въ той силѣ, чтобъ человѣкъ знатной по лѣтамъ, по заслугамъ, по достоинству и по разнымъ наукамъ, а особливо извѣстный по россійской исторіи, уступилъ собранія свои съ достохвальностію въ сочиненіи исторіи отечества своего молодому иностранцу, дабы оныя преданы были вѣчному забвенію... f).

Конечно, этой оскорбительной записки не сообщили мнѣ оффиціально, а потому я не могъ требовать никакого удовлетворенія; но заключающееся въ ней злословіе на вѣки сохранено въ академическомъ архивѣ. Не обязанъ ли я, ради моей чести, изобразить здѣсь *клеветника*, сдѣлавшагося впослѣдствіи яростнымъ преслѣдователемъ?

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился въ 1711 г. въ Холмогорахъ, которые теперь деревня на островѣ Двины, а до построенія Архангельска были главнымъ пунктомъ тамошняго конца свѣта. Сынъ рыбака, съ которымъ онъ въ юности занимался рыбной ловлей, въ тоже время учился читать и писать. Здѣсь попался ему въ руки славянскій переводъ псалтири въ стихахъ, и съ того времени является въ немъ склонность къ стихотворству. Когда отецъ хотѣлъ принудить его къ женитьбѣ, кото-

---

зантіи, не понималъ ихъ. И такъ здѣсь ни въ какомъ случаѣ не было рѣчи о aequiparation (сравненіи).

f) Это самое забавное мѣсто. Въ своемъ планѣ я дважды упомянулъ имя Ломоносова: вопервыхъ, вызываясь на первый разъ доставить иностранцамъ древнюю русскую исторію, составленную изъ его и Татищева сочиненій; и потомъ, выражая надежду, что при розысканіи старыхъ словъ, болѣе непонятныхъ неученому русскому, найду у него и другихъ русскихъ *ученыхъ* благосклонное содѣйствіе. Оба раза я прямо хотѣлъ сказать ему комплиментъ; а онъ (вѣроятно, будучи хмѣленъ) понялъ такъ, будтобы я хотѣлъ *похоронить* его безсмертное произведеніе, открытія и заслуги [1]).

---

[1]) Мнѣніе Ломоносова см. *Матеріалы* Билярскаго, стр. 702—70?.

рая была ему не по сердцу, онъ бѣжалъ отъ него, попалъ въ Москву, поступилъ въ училище и учился тамъ латинскому, греческому, риторикѣ и поэзіи. Въ 1736 г. петербургская Академія послала его и еще двухъ студентовъ въ Марбургъ; здѣсь онъ учился 4 года подъ надзоромъ великаго въ то время Вольфа. Тогда Гюнтеръ былъ главнымъ нѣмецкимъ поэтомъ. Вѣроятно, здѣсь Ломоносовъ написалъ свои первыя оды на тогдашнія побѣды русскихъ надъ турками. Онъ не столько подражалъ одѣ Гюнтера «Eugen ist fort, ihr Musen nach», сколько переводилъ ее; но этого никто не зналъ въ Россіи и такимъ образомъ создалась его поэтическая слава. Въ Марбургѣ онъ слишкомъ близко познакомился со своею прачкою, которая послѣдовала за нимъ въ Россію и сдѣлалась его женою, когда блюстительница цѣломудрія, Елисавета, запретила конкубинатъ; какъ статская совѣтница, она повсюду являлась очень достойною женщиною. На обратномъ пути изъ Марбурга онъ, подъ руководствомъ Генкеля, учился въ Эрцгебирге горному дѣлу. Возвратясь въ 1741 году въ Петербургъ, онъ продолжалъ писать стихи, сталъ заниматься химіею, привелъ въ порядокъ минералы въ академической кунц-камерѣ, за что въ 1742 г. сдѣланъ былъ адъюнктомъ. Въ 1745 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ химіи и въ 1751 г. получилъ чинъ коллежскаго совѣтника. Въ 1752 г. онъ получилъ привиллегію на учрежденіе бисерной фабрики. Онъ работалъ мозаическія картины, изображающія главныя дѣянія Петра I, съ помощію однихъ русскихъ, безъ всякаго содѣйствія иностраннаго художника. Уже съ 1751 года онъ былъ директоромъ академической канцеляріи; въ 1760 ему порученъ главный надзоръ надъ гимназіею и университетомъ при Академіи, а потомъ произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. Онъ умеръ въ 1765 г. 4 апрѣля, только 54 лѣтъ отъ роду, и былъ великолѣпно погребенъ на казенный счетъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ (гдѣ покоился Петръ III). Большая часть этихъ свѣдѣній находится у Новикова, котораго я цитировалъ выше (стр. 149).

Ломоносовъ былъ дѣйствительный геній, который могъ сдѣ-

лать честь всему сѣверному полюсу и Ледовитому морю и дать новое доказательство тому, что генiй не зависитъ отъ долготы и широты. Онъ такъ поздно поднялся съ своего двинскаго острова и, не смотря на то, въ слѣдующiя десять лѣтъ прiобрѣлъ такъ много и столь разнообразныхъ познанiй. Онъ создалъ новое русское стихотворство, и новой русской прозѣ онъ первый далъ свойственную ей силу и выразительность. Благодарное отечество наградило его; его клiенты, которые пользовались его положенiемъ для своего преуспѣянiя, боготворили его и пѣли: «Виргилiй и Цицеронъ соединились въ холмогорцѣ». Это испортило его. Его тщеславiе превратилось въ варварскую гордость, которая всѣмъ, особенно его подчиненнымъ, сдѣлалась невыносимою. Это высокое о себѣ мнѣнiе увлекло его къ занятiямъ самыми разнородными предметами. Еслибы онъ остановился на своихъ не многихъ предметахъ, онъ, вѣроятно, былъ бы въ нихъ великъ; но онъ даже въ нихъ остался посредственностiю, и все-таки почиталъ себя во всемъ величайшимъ. Какъ могъ онъ, зная въ совершенствѣ только свой языкъ, взяться, не говорю, за новую русскую исторiю, но за хроники XI столѣтiя, онъ, которому была совершенно чужда иностранная историческая литература и который даже по имени не зналъ *исторической критики*? Прибавьте къ тому ужасное пьянство: онъ наконецъ сдѣлался нечувствительнымъ къ менѣе возбудительнымъ вину и ликерамъ и придерживался простой водки, которую пилъ чрезъ мѣру. Часто онъ хмѣльной приходилъ заниматься въ канцелярiю и въ конференцiю: грубость, свойственная ему и тогда, когда онъ былъ трезвъ, переходила въ звѣрство; тогда онъ при всей конференцiи вырывалъ листы изъ протокола (слышано отъ Миллера); все трепетало предъ сильнымъ человѣкомъ и никто не смѣлъ указать дверь пьяному. Все это было извѣстно, но, конечно, не написано на монументѣ, который поставилъ ему Воронцовъ.

Но чтоже я сдѣлалъ, что онъ и на меня напалъ, какъ хищный звѣрь? Такъ какъ я часто долженъ былъ ходить въ канцелярiю, то не разъ заставалъ его одного, но всегда тщательно его избѣ-

галъ. Только разъ, отдавая переводъ указа, я принужденъ былъ стоять передъ нимъ. Онъ взялъ у меня переводъ, въ первыхъ строкахъ котораго встрѣчалось выраженіе: «Glück und Wohlstand des Reichs». Wohlstand, бормоталъ онъ; это невѣрно, Wohlstand значитъ decorum. Я скромно возразилъ, что Wohlstand имѣетъ еще другое значеніе. Онъ грубо вскричалъ, что я еще слишкомъ молодъ, чтобы поправлять его (ему 53, а мнѣ 29!) Я сказалъ, что молодой нѣмецъ осмѣливается больше понимать по-нѣмецки, чѣмъ старикъ-русскій, и удалился. Потомъ во всю мою жизнь никогда съ нимъ не только не ссорился, но даже и не разговаривалъ.

Его страшный гнѣвъ на меня имѣлъ другія причины. I. Онъ совершенно серіозно утверждалъ, что ни одинъ иностранецъ не могъ и не долженъ былъ заниматься ни древней, ни новой русской исторіей. Объ *ученомъ* историкѣ онъ вовсе не имѣлъ понятія; конечно, онъ могъ читать лѣтописцевъ и полагалъ, что этого достаточно, чтобы быть историкомъ. Опьяненный ѳиміамомъ, который курили ему его льстецы и даже многіе вельможи при дворѣ, онъ считалъ себя универсальнымъ геніемъ и претендовалъ на монополію въ русской исторіи. Никто не долженъ былъ иначе работать на этомъ полѣ, на которое нужно было бы привлечь всѣми способами двадцать рабочихъ, какъ подъ его руководствомъ въ качествѣ его работниковъ (выше стр. 187). Такъ какъ онъ эту монополію отстаивалъ даже у стараго государственнаго исторіографа Миллера, то что долженъ былъ онъ думать обо мнѣ, иностранцѣ, прибывшемъ въ Россію всего за два съ половиною года? II. Такъ какъ я у многихъ пожилыхъ русскихъ, неученыхъ—замѣтилъ непонятное убѣжденіе, что не-русскій вовсе не можетъ заниматься древними русскими лѣтописями, то я, изъ philosophie du bon sens, прибавилъ въ моемъ планѣ, что «въ объясненіи древнихъ хроникъ, при чемъ иностранная литература составляетъ главное условіе, (ученый) иностранецъ можетъ смѣло стать на ряду съ (неученымъ) русскимъ. На этомъ мѣстѣ остолбенѣлъ невѣжда; онъ никогда не могъ мнѣ его простить; а вѣдь я это положеніе

подтвердилъ въ своемъ Periculo очевиднѣйшими доказательствами (Σὔδα, выше стр. 196) Даже и то должно было быть ему невыносимо, что я въ своемъ планѣ только вскользь назвалъ множество именъ и книгъ, упомянулъ такъ много источниковъ, изъ которыхъ необходимо должно было бы черпать и о которыхъ онъ тутъ услышалъ въ первый разъ въ жизни. Наконецъ III, я сталъ печатать *русскую грамматику*. Онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, первый учитель русскаго языка, хотѣлъ быть и *единственнымъ*: вездѣ монополистъ! И теперь иностранецъ осмѣлился написать грамматику, и даже въ безчисленныхъ случаяхъ отступать отъ формы монополиста, даже поправлять его, хотя безмолвно, и разбрасывать цитаты, идеи, разсужденія, которыя никогда и въ голову не приходили учителю языка—механику. Особенно должно было его уколоть то, что я на стр. 8 моей грамматики, въ доказательство жесткости русскаго языка привелъ стихъ изъ одной его оды (но опять не называя его):

пōзнāвъ, кто нōсūтъ скипт ръ, мēчъ, щūтъ,

точно такъ какъ нѣкогда въ Alzeitung порицали переводчика Аввакума (*пророка*) за его грубое:

Schweigst, wenn verschlingt der Böswicht den Schuldlosen.

Вотъ все на первый разъ о Ломоносовѣ.

70.

Совершенно иначе, но безконечно опаснѣе для меня поступилъ Миллеръ.

Мнѣніе Миллера. [1])

Во исполненіе даннаго изъ Канцеляріи Академіи Наукъ отъ 26 Маія сего года указа, касающагося до господина адъюнкта Шлетцера, объявляю я, что, какъ мнѣ онаго господина адъюнкта способность и прилѣжаніе не токмо изъ его сочиненій, но и изъ полугодоваго приватнаго обхожденія, довольно извѣстны; такъ ни малѣйшаго сомнѣнія не имѣю, что естьлибъ онъ вознамѣрился, не

---

[1]) *Матеріалы* Билярскаго стр. 705—707.

токмо нѣсколько, но много лѣтъ, по состоянію обстоятельствъ *всю свою жизнь* a) препровождать въ здѣшней службѣ, то могъ бы онъ Академіи и Обществу, яко профессоръ и ординарный членъ Академіи показать полезныя услуги; но какъ мнѣ за подлинно извѣстно, что къ такому намѣренію, о которомъ я здѣсь говорю, склонить его *не можно будетъ* a): то всѣ для него учиненныя и впредь чинимые опыты, по елику оные клонятся къ *здѣшнему* его *пребыванію* a), почитаю я за излишніе. Обязательство на два, на три, на пять да и на десять лѣтъ *не можетъ признано быть за дѣйствительное* b). Такое обязательство подало бы ему *больше извѣстій* b), которыя онъ по возвратномъ своемъ прибытіи въ Германію могъ бы употреблять съ большою *прибылью* b); но я не вижу, какой чести и пользы Россія изъ того ожидать себѣ имѣетъ. Сверхъ того я увѣренъ, что о Россійскихъ дѣлахъ писать въ нѣмецкой землѣ, хотя-бъ и всѣ достовѣрныя извѣстія и самыя *лѣтописи* c) при себѣ имѣть, безконечнымъ трудностямъ подвержено будетъ. Ибо писателю останутся всегда безчисленныя сомнительства и неизвѣстныя обстоятельства, кои ему *тамъ* c) никто изъяснить не можетъ. *Склонность къ вольности* d) въ описаніи можетъ подать поводъ, издавать въ печать много такого, что *здѣсь будетъ непріятно* d). Чего ради по моему мнѣнію совѣтовать не должно, что-бъ иностранцу, ищущему своего щастія не въ Россіи, давать въ руки такія *извѣстія* d), которыя можетъ онъ впредь употребить *не по здѣшнему намѣренію.* Господинъ Шлецеръ предлагаетъ троякіе труды, кои онъ исправить желаетъ. Намѣренъ онъ по лѣтописцамъ *сочинить* Русскую Исторію e). Изъ чужестранныхъ писателей хочетъ собрать и привесть въ порядокъ то, что принадлежитъ къ Россійской Исторіи. Да еще онъ хочетъ писать о состояніи правительства иностранныхъ государствъ, о коммерческой исторіи и о прочемъ. Сіе *послѣднее* f) можетъ во всѣхъ мѣстахъ учиниться лучше здѣшняго, потому что болѣе къ тому вспомогательныхъ способовъ имѣютъ, какъ то и самые искуснѣйшіе иностранные писатели въ томъ упражняются. Для того я не совѣтую здѣсь такое предпринимать; да при томъ можно время гораздо полезнѣе употребить на такія дѣла, которыя *иностранцамъ совершить невозможно. Второе*, хотя при Россійской Исторіи весьма полезно и нужно, но оное можетъ и всякой посредственно знающій о Россійской Исторіи, учинить въ другихъ государствахъ, да еще и легче нежели здѣсь, потому что тамъ можетъ имѣть всѣ къ тому потребныя книги, коихъ здѣсь недостаетъ. И *перьвому*, по моему мнѣнію, необходимо здѣсь учиниться должно, но и въ ономъ случаѣ Исторія, на однихъ только лѣтописахъ, безъ *сношенія* g) съ иностранными Историками, основанная, ни Академіи, ни сочинителю къ чести служить не можетъ.

Естьлибъ господинъ Шлецеръ вознамѣрился препроводитъ *всю свою жизнь* h) въ сочиненіи Россійской Исторіи и *въ службѣ Россійскаго государства* h) то-бъ я весьма тому радовался, потому, что тогда, *мое* i) намѣреніе, которое я при выписываніи его изъ-за моря имѣлъ, и по коему я *содержалъ его у себя шесть мѣсяцевъ* i), во *всемъ потребномъ* (!!) его снабдѣвалъ по договору, во исполненіе притти можетъ i). Онъ бы то продолжалъ, что мною начато, и чего я будучи *воспрепятствованъ многими другими дѣлами* i), не могъ совершить. Я бы своихъ *рукописей* i) ни какимъ лучшимъ рукамъ оставить не могъ. А когда сему учиниться не можно; то однакожъ я думаю, что Академія должна стараться, отъ господина Шлецерова искуства и прилѣжанія столько пользы получить, сколько въ *отсудствіи* его учиниться можетъ. Можно его опредѣлить *иностраннымъ членомъ* съ *пенсіономъ*, и за то *требовать* j), чтобъ онъ *безъ вѣдома Академіи ничего* j), *что до Россіи касается, въ печать не издавалъ, но паче всѣ* j) *свои о Россіи сочиненія для напечатанія сюда присылалъ*. Если тогда случатся погрѣшности, то оныя здѣсь исправить, а сомнительныя, не извѣстныя обстоятельства здѣсь изъяснить можно; къ тому-жъ сочиненія о Россіи способнѣе здѣсь печататься будутъ, для того что часто Россійскія слова и цѣлыя мѣста изъ лѣтописцовъ въ оныхъ случиться должны, кои не иными, какъ токмо Россійскими литерами, печатаны быть должны j). По сему моему искреннему и *безпристрастному* мнѣнію, коего основаніе всякъ любящій честь и пользу Академіи для произвожденія Россійской Исторіи, несомнѣнно усмотрѣть имѣетъ желаю я, чтобъ здѣсь на мѣсто господина Адъюнкта Шлецера опредѣленъ искусной и прилѣжной человѣкъ k), которой бы въ моихъ еще не доконченныхъ сочинсніяхъ i) при жизни моей трудиться могъ. По справедливости *я удерживаюсь учинить для того другой опытъ на собственномъ иждивеніи, потому что первый толь мало мнѣ удался.*

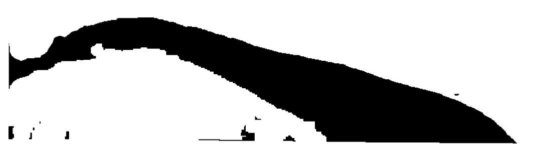
Какъ уже я сіе написалъ, то публичными вѣдомостями объявлено, что господинъ Адъюнктъ Шлецеръ отъ Гановерскаго правительства объявленъ профессоромъ Геттингенскаго Университета. Я зналъ давно, что онъ имѣлъ къ тому *надежду.* (?) Но еще ему не опредѣлено профессорское *жалованье.* И сіе черезъ два (?) года получить имѣетъ. Можетъ быть, теперь мнѣ повѣрятъ, что я выше писалъ по совершенному познанію дѣла, по увѣренію. Желаетъ ли еще нынѣ господинъ Шлецеръ вступить въ новое обязательство при здѣшней Академіи, то мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть, что желаетъ, и *то до тѣхъ поръ, пока ему учинятъ въ Геттингенѣ окладное жалованье.* Есть ли же сіе такъ, то я думаю, что честно будетъ Академіи предупредить Гановерское правительство черезъ

предложенной мною *пенсіонъ* 1) иностраннаго члена; и потому я сіе предложеніе, яко одно токмо *возможное* и *полезное*, по елику мнѣ господина *профессора* Шлецера обстоятельства и *склонности* d) извѣстны, здѣсь еще повторить за должность почитаю. … Іюнь 1764.

Г. Ф. Миллеръ.

a) Т. е. мнѣ нужно было обязаться *на всю жизнь*. Но на *этомъ* пунктѣ мы уже познакомились другъ съ другомъ (выше стр. 7 7) И человѣкъ, обязанный своими не выразимыми страданіями только поспѣшности, съ которою онъ заключилъ обязательство такого же рода (тамъ же) ожидалъ отъ меня, что я сдѣлаюсь его miser malorum socius? Нѣтъ, онъ смотрѣлъ на это, какъ на самое вѣрное средство удалить меня. Не говорите мнѣ, что и у *нѣмецкихъ* правительствъ были примѣры подобныхъ контрактовъ и что достойный человѣкъ вслѣдствіе того никогда не подвергался опасности: я говорю здѣсь о *тогдашнемъ* управленіи русской Академіи.—И гдѣ же до того, даже при Академіи, вымогали когда либо отъ иностранца такого обязательства, исключая одного Миллера? Даже отъ Миллера взяли это обязательство не какъ отъ государственнаго исторіографа, которому пришлось бы рыться въ государственныхъ тайнахъ;[1]) но чтобы защититься отъ

[1]) Это не совсѣмъ правильно: въ концѣ 1747 г. въ Академической канцеляріи шли переговоры съ Миллеромъ о заключеніи новаго контракта, при чемъ непремѣннымъ условіемъ полагалось, чтобы Миллеръ принялъ русское подданство. 10 ноября 1747 г. состоялось опредѣленіе Акад. канцеляріи, въ которомъ послѣднее требованіе мотивируется такимъ образомъ: «Понеже сочиненіе русской исторіи и географіи требуетъ того, что россійской исторіи состояніе внутреннее не закрыто было предъ тѣмъ, кто долженъ подлинныя, до исторіи и географіи касающіяся извѣстія описать, того ради надлежитъ къ сему дѣлу употребить *природнаго россійскаго и вѣрноподданнѣйшаго человѣка*, котораго опредѣлить бы при Академіи надлежало исторіографомъ россійскаго государства».. а такъ-какъ Миллеръ уже занимался этимъ дѣломъ, «того ради,… канц. Ак. Н. опредѣлила съ нимъ, Миллеромъ, заключить контрактъ и въ ономъ написать: 1) онъ, Миллеръ, обязуется быть при Академіи наукъ профессоромъ въ университетѣ и для сочиненія генеральной россійской исторіи; къ тому же опредѣляется исторіографомъ, при чемъ обѣщаетъ всякій ея имп. величества интересъ и Академіи честь и пользу наблюдать» и проч. (*Ист. Акад. Н.* П Пекарскаго, т. I, стр. 345—346.)

дальнѣйшихъ притязаній на прибавки жалованія.—Я же хотѣлъ и долженъ былъ изучать, сравнивать и объяснять только *древнія хроники*. Развѣ это *государственныя тайны*? Дѣйствительно, впослѣдствіи Ломоносовъ призналъ ихъ такими.

b) Пламечко становится здѣсь синѣе. Почему же *недѣйствительное?* Дровосѣкъ, напили мнѣ двадцать саженъ; живописецъ, напиши мнѣ три портрета; историкъ, издай этотъ томъ лѣтописей: тогда я тебѣ заплачу, и мы квитъ.—*Извѣстіе*—здѣсь въ первый разъ вылилось изъ пера это слово, сдѣлавшееся для меня впослѣдствіи роковымъ словомъ. Онъ еще не прибавляетъ «*тайныя*», но вскорѣ характеризовалъ ихъ такъ, и тогда остался только маленькій шагъ къ *государственнымъ тайнамъ*.—Развѣ не относится это ко всякому иностранцу, что онъ можетъ собрать и дѣйствительно собираетъ свѣдѣнія о странѣ? Развѣ Миллеръ поэтому когда либо навлекъ подозрѣніе на этого ужаснаго собирателя Бюшинга?—*Съ большою прибылью*—очень естественно; потому что намъ, собирателямъ извѣстій о Россіи, въ Германіи платили гонораріи, а въ Петербургѣ—нѣтъ.

c) Здѣсь упоминается о *лѣтописяхъ*, о невинныхъ вещахъ, о которыхъ только и была рѣчь въ моемъ планѣ.—Но «*имѣть лѣтописи при себѣ*» (внѣ страны)—это тяжело ложилось ему на сердце.

Конечно, первоначальная обработка ихъ должна совершиться въ Россіи; но послѣ того останется столько же «неизвѣстныхъ обстоятельствъ», которыя можно объяснить только за границею, т. е. съ помощью иностранной литературы.

d) Тогда въ Россіи еще не было рѣчи о *якобинцахъ* и *мартинистахъ*; но громкое обвиненіе въ «склонности къ вольности» могло для всякаго сдѣлаться чрезвычайно опаснымъ.—«*Извѣстія*»—ничего другаго здѣсь не можетъ значить, какъ *древнія лѣтописи*; потому что только ихъ нужно было бы *дать мнѣ въ руки*, еслибы меня пригласили выполнить мои предложенія. Или Миллеръ думалъ, что и *древнюю* исторію слѣдовало обрабатывать только по «*тамошнему намѣренію*».

e) Вовсе нѣтъ! Я обѣщалъ самымъ положительнѣйшимъ образомъ только предварителйно обработать лѣтописи. Я могъ бы долго жить и очень прилежно работать, и все таки не достигнуть окончательной обработки моихъ матеріаловъ и не рѣшаться приступить къ дѣйствительной исторіи. Но пользу, или скорѣе необходимость этихъ предварительныхъ работъ я могъ объяснить только немногимъ. Очевидно, самъ Миллеръ не имѣлъ понятія объ исторической критикѣ.

f) И Миллеръ тоже еще не знаетъ имени статистики (см. стр. 119). — Но какъ забавно здѣсь его недоразумѣніе! Онъ не былъ въ состояніи даже допустить мысли о *народныхъ книгахъ*, о распространеніи литературнаго образованія въ русской публикѣ, о священной, но до того времени непростительно пренебреженной обязанности Академіи содѣйствовать этому образованію. Я хотѣлъ изъ девяти книгъ извлечь самое лучшее и сжать въ одну 10-ю книжечку и многое хорошее уже существующее приноровить только къ русскому читающему міру, а вовсе не писать статистики Испаніи для свѣта.

g) Вѣдь это явное противорѣчіе предыдущему? — И кто станетъ ожидать, чтобы иностранецъ подвергся тяжкой работѣ собиранія, не имѣя никакихъ туземныхъ свѣдѣній, о существованіи которыхъ однакожъ ему извѣстно? Ничего не было естественнѣе моего предложенія. Такъ, изъ всѣхъ сравненныхъ мною списковъ я бы вписалъ въ одну тетрадь все, что говорится, напримѣръ, о князѣ Изяславѣ; потомъ въ иностранныхъ книгахъ я отыскалъ бы и внесъ въ другую тетрадь его переговоры съ Польшею, съ нашимъ нѣмецкимъ императоромъ, съ папою, и такимъ образомъ сравнивалъ бы, дополнялъ, исправлялъ и проч. Но такъ мало понималъ меня даже ученый нѣмецъ Миллеръ (или не хотѣлъ понимать?)! Чего же было ждать отъ Ломоносова?

h) А развѣ не могло дѣлаться и то и другое безъ всякаго *обязательства*? Не дѣлается ли это ежедневно? И развѣ нѣтъ множества другихъ *либеральныхъ* средствъ обязать на всю жизнь нужнаго человѣка? Если онъ сдѣлается ненасытнымъ въ своихъ

требованіяхъ, то правительство, сознавая свое достоинство, предоставитъ ему удалиться; non deficit alter. О мѣстѣ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ здѣсь и рѣчи не было; говорилось только о чисто литературно-критическихъ занятіяхъ.

i) «*Его намѣреніе*», но не мое! — Онъ снова (стр. 94) напоминаетъ мнѣ о ничтожныхъ 70 руб., которые я ему стоилъ и которые я вмѣстѣ со столомъ и квартирою могъ бы, поденно работая, отслужить въ три мѣсяца, еслибы онъ почти насильно не удерживалъ меня отъ работы (стр. 44). Кто не чувствуетъ тутъ крайняго неблагородства? Что его рукописи лежатъ у него мертвыя, тому были, вѣроятно, не тѣ причины, о которыхъ онъ тутъ упоминаетъ (стр. 89). Екатерина II дорого за нихъ заплатила: о ихъ цѣнѣ надо спросить Штриттера,*) у котораго они подъ рукою. Не смотря на ихъ множество, я въ четыре, пять лѣтъ выжалъ бы ихъ до капли.

j) И такъ, меня хотѣли *приковать* въ Россіи, хотя не въ самой Россіи, но еще хуже, *за границею*, только приковать золотыми цѣпями! За то все, чтобы я ни писалъ, отдавать въ Петербургъ, не только для «*цензированія*, но и для *печати*». — Изъ приведенныхъ причинъ послѣдняя самая странная: будто-бы русскаго текста нельзя печатать, какъ польскій, латинскимъ шрифтомъ! Что могло бы настать время, когда сама Екатерина II учре-

---

*) Штриттеръ уже умеръ. Не задолго до смерти онъ писалъ мнѣ отъ [illegible] дек. 1800 г.: «изъ бывшей Миллеровской библіотеки, что касается до рукописей, кромѣ нѣсколькихъ хроникъ, я до сихъ поръ ничѣмъ не пользовался; потому что *большая часть состоитъ изъ сдѣланныхъ безъ всякаго плана извлеченій изъ оригиналовъ, которыми я самъ могъ пользоваться, или же изъ такихъ, о которыхъ неизвѣстно, откуда они взяты*». Къ чести умершаго статскаго совѣтника, не только къ своей чести, привожу еще слѣдующее мѣсто изъ его послѣдняго письма: «И такъ вы, дражайшій покровитель, вѣроятно, первый внѣ Россіи получили экземпляръ (*моей большой Русской Исторіи*). Это весьма справедливо, потому что вы, 33 года тому назадъ, своимъ предложеніемъ и руководствомъ положили основаніе моихъ историческихъ работъ и вмѣстѣ съ тѣмъ моего послѣдующаго счастія. Это я говорю каждому, съ кѣмъ только мнѣ случается говорить объ этомъ, и скажу моимъ дѣтямъ, когда они способны будутъ это понять».

дитъ русскую типографію въ Лейпцигѣ, для него это было немыслимо.

k) На всякаго иностраннаго студента и ученаго смотрѣли тогда, какъ на *выписанный* товаръ; но за 10 червонцевъ путевыхъ издержекъ и 100 рублей годоваго жалованія нельзя было выписать безнадежнаго кандидата (выше стр. 6 и 10).

l) «Пансіонъ», т. е. вышеупомянутыя цѣпи. И такъ, за 100 червонцевъ въ годъ мнѣ пришлось бы издавать все то, что я пишу, при Академіи, безъ гонорарія, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ я легко получилъ бы вдвое больше. — *Пансіонъ*, вѣроятно, съ новымъ обязательствомъ, никогда отъ него не отказываться.

71.

Вотъ до чего я дошелъ, между тѣмъ какъ я воображалъ, что уже достигъ цѣли. Даже простой *предварительный вопросъ*, дать ли мнѣ мѣсто при Академіи, не былъ еще рѣшенъ. Что бы было тогда, еслибы зашла рѣчь объ *условіяхъ* мѣста? Ни за что я не хотѣлъ снова подвергаться такимъ *motibus*, какихъ мнѣ стоило это первое бѣдное мѣсто, данное на испытаніе (стр. 74 и 100). Я уложилъ свои вещи съ намѣреніемъ осенью отправиться въ Гёттингенъ, и такимъ образомъ положить конецъ всякой враждѣ. При этихъ обстоятельствахъ я бы оставилъ Россію, вовсе не какъ недовольный, напротивъ, совершенно довольный. Я перебралъ всѣхъ и нашелъ, что изъ милліоновъ народонаселенія только два человѣка поступили со мною несправедливо; съ истиннымъ чувствомъ благодарности я признавалъ, что безъ большаго труда нажилъ нѣсколько сотъ червонцевъ, которые могъ взять съ собою. Но —

въ концѣ іюня мое ничтожное дѣло еще безпокоило конференцію. Началась ужасная борьба между тремя лицами, изъ коихъ каждый былъ въ своемъ родѣ могуществeнъ и дѣйствовалъ изъ своихъ собственныхъ побужденій. Долго я съ удовольствіемъ и гордостію смотрѣлъ на эту борьбу изъ-за моей ничтожной лич-

ности, на сколько я могъ узнать о ней extra-officialiter; могъ ли я предчувствовать ея послѣдствія?

Первый планъ Миллера теперь, какъ и два года назадъ, очевидно, состоялъ въ томъ, чтобы удалить меня изъ Петербурга; но вѣдь я этого и желалъ. Я могъ остаться, но съ такимъ условіемъ, на которое никогда бы не согласился, о чемъ никто лучше его не зналъ. Но у меня были *«извѣстія»*, которыя, естественно, я взялъ бы съ собою и публиковалъ бы за границею. Ясно, это мѣтило на мои *статистическія собранія*, при которыхъ, какъ ему было извѣстно, Таубертъ оказывалъ мнѣ особенное содѣйствіе. Этотъ извѣтъ, еслибы онъ былъ объясненъ, сдѣлался бы ядовитымъ,— даже, повидимому, ядовитѣе втораго, будто-бы у меня, какъ разсказывалъ Миллеръ въ конференціи, находятся древнія хроники, много древнихъ хроникъ, для списыванія которыхъ я держу особаго человѣка. Ну, что дѣлать съ этими извѣстіями и хрониками? Отнять отъ меня? Къ такому дикому предложенію Миллеръ не былъ способенъ; онъ былъ слишкомъ хитеръ; онъ боялся суда за границею, и выдумалъ другое средство, чтобы я не могъ воспользоваться ни тѣмъ, ни другимъ за границею — парализировать меня вышеописаннымъ способомъ — пансіономъ.

Ломоносову было совершенно все равно — уйду ли я, или останусь. Его мнѣніе оканчивалось словами: «впрочемъ гнъ Шлецеръ можетъ съ пользою употреблять успѣхи свои въ Россійскомъ языкѣ, не сомнѣваясь о награжденіи за его прилежаніе, ежели онъ, не столь *много о себѣ думая*, приметъ на себя труды по силѣ своей.» И такъ, онъ охотно бы удержалъ меня при Академіи, но только какъ переводчика; онъ хотѣлъ, чтобы я по крайней мѣрѣ оставилъ Нестора: онъ былъ исключительно его дѣломъ. Но когда онъ впослѣдствіи узналъ, что я хочу выдти и что у меня есть хроники, то онъ объявилъ ихъ такими же *«извѣстіями»*, изъ которыхъ за границею можно сдѣлать вредное употребленіе, и чтобы обезпечить себя и государство съ этой стороны, онъ не согласился съ хитрою идеею Миллера, а выдумалъ свой планъ— *ограбить меня.*

Третье лицо, Тауберть, напротивъ, хотѣлъ, во чтобы то ни стало, удержать меня въ Петербургѣ, и именно при Академіи. Онъ думалъ, что преобладающее большинство должно одержать побѣду: въ возраженіяхъ Ломоносова и Миллера каждый видѣлъ явное пристрастіе. Напрасно я говорилъ ему, что если они оба останутся моими противниками, то я не имѣлъ бы спокойной минуты при Академіи, и это отбило бы у меня охоту ко всякой работѣ. Таубертъ однакожъ смотрѣлъ на это дѣло, какъ на рѣшенное: но этотъ обыкновенно столь опытный, свѣтскій и придворный человѣкъ не зналъ, на что могъ рѣшиться *неистовый человѣкъ*, даже въ царствованіе Екатерины II.

А я зналъ еще менѣе. Хотя мнѣ разсказывали множество примѣровъ омерзительнаго деспотизма, но я отчасти имъ не вѣрилъ, отчасти думалъ, что то, что бывало при Елисаветѣ, невозможно теперь, при Екатеринѣ II. Я самъ еще ничего непріятнаго не испытывалъ: въ домѣ Тауберта, какъ по наружности и у Миллера, обращались со мною *по-нѣмецки*. И такъ, я до того времени слишкомъ хорошо думалъ о всемъ человѣчествѣ, а о Россіи въ особенности, не смотря на испытанія послѣднихъ двухъ съ половиною лѣтъ. Конечно, Ломоносовъ и Миллеръ стояли предо мною какъ исключенія: но исключенія только подтверждаютъ правило.

ГЛАВА XI.

Мой паспортъ задержанъ Сенатомъ

отъ 3 іюля 1764 до конца года.

72.

3 іюля 1764 года рано утромъ, едва я только всталъ, на нашемъ дворѣ остановилась гремящая карета. Въ мою комнату врывается Таубертъ и, тономъ ошеломленнаго человѣка, требуетъ, чтобы я, какъ можно скорѣе, собралъ всѣ рукописи, которыя по-

лучилъ отъ него. Рукописи Вольтера (выше стр. 122) лежали вмѣстѣ въ порядкѣ; другія же, которыя были разбросаны, я собралъ поспѣшно. Но прежде всего Таубертъ боязливо спросилъ о своемъ *Казацкомъ* фоліантѣ (тамъ же III). Всю эту груду бумагъ лакей бросилъ въ карету — и Таубертъ уѣхалъ.

Гдѣ я былъ, что было со мною при этой совершенно новой для меня сценѣ, повода и цѣли которой никто мнѣ не объяснилъ? Таубертъ вскользь намекнулъ мнѣ о *возможномъ обыскѣ* и, припрятавъ свои бумаги, далъ мнѣ знакъ, чтобы «я теперь позаботился и о своихъ»; — все это было для меня темно. Что могли придти *осматривать* мои бумаги, этому я вѣрилъ, и Таубертъ долженъ былъ это знать. Но что нашли бы у меня? Груду тетрадей и отдѣльныхъ листовъ всѣхъ форматовъ и на всѣхъ языкахъ, а на нихъ большею частью крайне неразборчивыя выписки историческаго, критическаго, грамматическаго, статистическаго содержанія: ни одной подозрительной строки, въ какомъ бы то ни было отношеніи, — только невинная *literaria*. — Пусть себѣ идетъ визитаторъ! cantabo vacuus coram и пр. Еще болѣе: пусть идетъ и опишетъ доказательства моего не совсѣмъ обыкновеннаго прилежанія въ исполненіи моей ученой обязанности и пусть такимъ образомъ выставитъ, къ моей чести, судебныя свидѣтельства моего хорошаго поведенія!

Но внезапно вспомнилъ я о *факторѣ и маклерѣ* (выше стр. 121): что̀, еслибы еще продолжались или возвратились тѣ времена, когда самое невинное, только статистическое свѣдѣніе о странѣ признавали за государственную тайну? Вломился бы ко мнѣ невѣжда-инквизиторъ, но науськанный противною партіею, и его ужъ то изумило бы и возбудило бы его подозрѣніе, что бо̀льшая часть моихъ бумагъ была написана только мнѣ понятными сокращеніями. Еслибы онъ нашелъ замѣтки, которыя въ глазахъ каждаго благоразумнаго человѣка имѣли бы только литературное значеніе, развѣ не могъ онъ по глупости или по злости признать ихъ подозрительными? И еслибы вслѣдствіе того не причинили мнѣ никакого вреда, то принудили бы выдать того, отъ кого

я получилъ эти извѣстія. Тутъ вспомнилось мнѣ дорогое имя Тауберта, у котораго были явные, злые враги. Наконецъ уже самая мысль объ *осмотрѣ бумагъ* начала меня пугать. Развѣ между тысячами бумагъ, которыя мы беззаботно оставляемъ въ своихъ столахъ, не нашелся бы лоскутокъ, могущій по крайней мѣрѣ подать поводъ озлабленному визитатору взвести формальное обвиненіе, — и отъ него при самой явной очевидности освободили бы развѣ черезъ нѣсколько лѣтъ?

Предоставленный самому себѣ, я все утро рылся въ моихъ тысячахъ бумагъ и разсортировалъ ихъ на четыре отдѣла: хроники, критику, грамматику и статистику. О первыхъ трехъ нечего было думать; но что дѣлать съ четвертою? *Отложить въ сторону*? но меня могли бы принудить присягою выдать бѣглеца. Такъ сжечь?

«*Сжечь*» — плодъ тридцати-двухъ мѣсячнаго прилежанія, который могъ бы или доставить мнѣ средства на путешествіе въ Аравію, или составить мое счастіе въ Россіи, — его сжечь? Кто изъ читателей можетъ мнѣ сочувствовать? И — ей Богу! — по моему самому строгому обсужденію, тамъ не было ничего, что бы могло казаться подозрительнымъ или даже могло походить на государственную тайну. Ничего, чего бы я не получилъ самыми позволительными путями, которыя я могъ открыть всему свѣту. Но *факторъ* и *маклеръ*!..

Всѣ эти бумаги я сунулъ въ духовую печку въ передней, но еще не зажогъ; я хотѣлъ еще подумать, а такъ же подождать точнѣйшихъ извѣстій. Во время этой нерѣшительности я вспомнилъ о восьми чисто и тщательно написанныхъ мною листахъ, заключавшихъ таблицы народонаселенія, вывоза и ввоза товаровъ, рекрутскихъ наборовъ и проч. Я вынулъ ихъ изъ печки, разрѣзалъ пергаментный переплетъ моего Golius (арабскій лексиконъ) и съ каждой стороны всунулъ между пергаментомъ и картономъ по четыре листа in folio, и поставилъ книгу снова на свое мѣсто.

День прошолъ — визитаторъ не являлся, никакихъ дальнѣй-

шихъ свѣдѣній не было; бумагъ своихъ я не зажегъ, и ночь проспалъ спокойно.

73.

Настоящее объясненіе всего этого происшествія я получилъ только нѣсколько дней спустя.

Въ послѣднія числа іюня Ломоносовъ замѣтилъ, что всѣмъ своимъ шумомъ противъ меня ничего не могъ сдѣлать, между тѣмъ какъ мысль, что у меня находятся списки хроникъ (до другихъ моихъ собраній ему дѣла не было), которые я бы взялъ за границу, была ему невыносима; а потому выдумалъ постыдный планъ. Обойдя своего и моего начальника, гетмана, за что уже могъ подлежать отвѣтственности, онъ обратился въ Сенатъ, высшую государственную коллегію, и склонилъ его къ изданію слѣдующаго указа:

«Указъ Ея И. В—ва Самодержицы Всероссійской изъ пр. Сената Канцеляріи А. Н. По указу ея И. В—ва. Сенатъ по доношенію статскаго совѣтника и профессора Ломоносова, коимъ объявлялъ»[1]), «увѣдомился де онъ, что находящейся здѣсь при переводахъ адъюнктъ Шлецеръ съ позволенія статскаго совѣтника Тауберта переписалъ многія историческія извѣстія, еще не изданныя въ свѣтъ, находящіяся въ библіотечныхъ манускриптахъ, на что онъ и писца нарочнаго содержитъ. А какъ извѣстно, что оной Шлецеръ отъѣзжаетъ за море и оные манускрипты конечно вывезетъ съ собою для изданія по своему произволенію; извѣстножъ, что и здѣсь издаваемыя о Россіи черезъ иностранныхъ извѣстія не всегда безъ пороку и безъ ошибокъ, служащихъ Россіи въ предосужденіе; сверхъ того Гмелинъ и Шапъ недоброхотные намъ примѣры показали; и представлялъ, не соблаговолено ли будетъ принять въ разсужденіи сего предосторожности», приказали: въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ послать указъ, въ которомъ написать, чтобъ оная находившагося здѣсь при переводахъ адъюнкта Шлецера, которой отъѣзжаетъ за море, отпускомъ для нѣкотораго дѣла впредь до

---

[1]) Здѣсь прописано слово въ слово, отъ начала до конца, донесеніе Ломоносова, котораго собственноручная черновая хранится въ Собраніи его бумагъ въ академической библіотекѣ (№ 17, стр. 126). Примѣч. Билярскаго, *Матеріалы*, стр. 707.

указу удержали, а Канцелярія А. Н. обще съ статскимъ совѣтникомъ Ломоносовымъ у объявленнаго Шлецера, ежели по вышеписанному предписанію, историческія извѣстія неизданныя въ свѣтъ найдутся, всѣ отобрать немедленно. И по отобраніи отдать въ библіотечные манускрипты, дабы оные имъ Шлецеромъ отсюда въ иностранныя государства вывезены не были, и по отобраніи оныхъ въ Сенатъ съ приложеніемъ оныхъ описанія немедленно репортовать. И канцеляріи А. Н. о томъ вѣдать и учинить по сему Ея И. В—ва указу. А въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ указъ изъ Сената посланъ Іюля 3-го дня 1764 году. На подлинномъ подписано: Надворный Совѣтникъ Самойло Дѣнъ. Подканцеляристъ Александръ Федоровъ. № 1401 изъ 3-го Департамента.

Черезъ полгода послѣ того, когда все было кончено, тайный совѣтникъ Тепловъ сказалъ мнѣ въ присутствіи Тауберта: «c'est une honte éternelle pour le Sénat». Я этого не думаю. Сенатъ, въ которомъ не было ни одного настоящаго ученаго, не долженъ ли былъ навѣдаться, по неопредѣленному доносу Ломоносова, объ историческихъ еще неизданныхъ извѣстіяхъ, опубликованіе которыхъ могло бы повредить государству (и такъ, дѣйствительно, *тайныхъ* извѣстій). Я болѣе удивляюсь, что онъ не дѣйствовалъ скорѣе, а велѣлъ только отобрать списки съ библіотечныхъ рукописей, если они у меня найдутся.

Ломоносовъ навѣрное разсчитывалъ на нападеніе, внезапный арестъ и обыскъ. И еслибы дошло до того, то если не я, такъ другіе сдѣлались бы несчастными; по крайней мѣрѣ пошла бы инквизиція на цѣлые годы.

Таубертъ, у котораго тоже были добрые друзья въ Сенатѣ, узналъ, чѣмъ тамъ занимаются; но самъ, вѣроятно, еще не читалъ указа или нашелъ его двусмысленнымъ и приготовился къ *нападенію*; вотъ причина его ранняго посѣщенія (стр. 211).

74.

Прошло 3-е и 4-е іюля, а визитаторъ не являлся.

5-го іюля я получилъ ордеръ изъ канцеляріи, подписанный только секретаремъ Гурьевымъ; вотъ онъ слово въ слово:

«Въ Академическую канцелярію г-нъ Адъюнктъ Шлецеръ имѣетъ письменно донести: I. бралъ ли онъ съ позволенія г-на статскаго совѣтника Тауберта изъ библіотеки книги и рукописи для снятія съ нихъ копій? и II. какія именно? и III. когда? и IV. когда онъ съ нихъ снялъ копіи? V. съ какимъ намѣреніемъ онъ это дѣлалъ? и VI. возвратилъ ли онъ ихъ снова въ библіотеку?» [1]).

Это было нѣчто въ родѣ инквизиціонныхъ вопросовъ, но такъ странно поставленныхъ, какъ будто спрашивающій имѣлъ намѣреніе доставить мнѣ возможность торжествовать. Я также не замедлилъ воспользоваться этимъ и на другой же день представилъ слѣдующіе отвѣты:

«Въ канцелярію... Вслѣдствіе указа оной симъ отвѣчаю на присланные ко мнѣ вчера изъ оной запросы:

На I: *бралъ ли я?*.. Отвѣтъ: 1. Съ того времени, какъ я пріѣхалъ въ Санктпетербургъ, бралъ я изъ здѣшней библіотеки для исправленія порученныхъ мнѣ дѣлъ иностранныя книги, а съ того дня, какъ вступилъ въ академическую службу, хотѣлъ я равно и россійскими книгами пользоваться. Но комисаръ, приставленный къ онымъ, къ великому моему удивленію, до нихъ меня не допустилъ. И такъ я принужденъ былъ просить о томъ г-на статскаго совѣтника Тауберта и ему представить, что есть ли мнѣ Россійскихъ книгъ давать не будутъ, то я ни коимъ образомъ по главнѣйшимъ пунктамъ, содержащимся до Россійской исторіи исполненія чинить не могу (въ ономъ контрактѣ именно изображено: упражняться въ собраніи и сочиненіи всякихъ до Россійской Исторіи касающихся извѣстій). Помянутый господинъ Статскій Совѣтникъ Таубертъ тотчасъ послалъ въ вышеозначенному комисару ордеръ, чтобъ мнѣ въ предь въ дачѣ Россійскихъ книгъ не отказывать.

2. Помянутыхъ книгъ просилъ я для исправленія положеннаго на меня дѣла; хотя при требованіи и взятьѣ оныхъ точными словами не было означено, читать ли мнѣ ихъ, или переводить, выписывать, списывать или какъ ихъ употреблять, чего и нигдѣ и никогда не бываетъ.

---

[1]) Здѣсь Шлецеръ приводитъ не весь указъ канцеляріи отъ 5-го іюля 1764 г., а только первый его пунктъ, опуская остальные два, относящіеся къ архиваріусу Богданову, который будто бы давалъ ему рукописныя книги и другія историческія извѣстія; и къ копиcту Семену Корелину, котораго спрашивали, не выписывалъ ли онъ чего изъ книгъ для Шлецера. Подлинный указъ см. въ *Матеріалахъ* Билярскаго, стр. 708 и 709.

Вопр. II. *Какія именно?* Отв. Когда здѣсь разумѣется вообще о книгахъ, какія я бралъ изъ библіотеки, то я не могу нынѣ всѣхъ ихъ именно показать; число ихъ было весьма велико. Если же спрашивается только о Россійскихъ манускриптахъ, то сколько я припомнить могу, бралъ я у комисара Богданова нижеслѣдующіе:

1. Торговый уставъ Царя Алексѣя Михайловича.

2. Новгородскій лѣтописецъ (если я не ошибаюсь въ имени манускрипта, у котораго не было заглавія).

Ежели же я кромѣ сихъ двухъ бралъ еще другіе, о чемъ однако я сомнѣваюсь, то о томъ можетъ подать извѣстіе помянутой Богдановъ.

Вопр. III. *Когда?* — Отв. Иностранныя книги началъ я брать изъ здѣшней библіотеки съ пріѣзду моего въ Санктпетербургъ, а Россійскія съ того дня, какъ вступилъ въ службу Академическую. Но дня и мѣсяца, когда я по какую книгу въ библіотеку посылалъ, я не записывалъ.

Вопр. IV. *Съ оныхъ буде копіи списывалъ?* — Отв. Съ помянутыхъ двухъ манускриптовъ, то есть торговаго устава и Новгородскаго лѣтописца велѣлъ я списать копіи. Послѣдняя до половины уже съ подлинникомъ повѣрена, а перьвую снести съ онымъ времени еще не имѣлъ.

Вопр. V. *Съ какимъ намѣреніемъ?* Отв. Что я книги сіи употреблялъ, то I. была причина горячее мое усердіе къ службѣ Ея И. В—а, совѣсть въ наблюденіи моей должности, сильное желаніе порученное мнѣ дѣло исполнять наиточнѣйше. Ибо мнѣ формально было приказано, чтобъ я всевозможное прилагалъ стараніе ко изученію Россійскаго языка и исторіи, за что я отъ Академіи получалъ и жалованіе. Наконецъ хотѣлъ я черезъ сіе стараніе заслужить и то, что мнѣ обѣщано въ контрактѣ («есть-ли онъ окажетъ пользу отъ трудовъ своихъ, то впредь награжденіемъ оставленъ не будетъ»).

II. Особливыя же были причины сіи: a) что касается до торговаго устава: нѣсколько времени переводилъ я по приказанію Академіи указы. Приказный стиль былъ для меня труденъ; я принялъ намѣреніе научиться оному изъ Россійскихъ правъ и купилъ себѣ уложеніе. Нѣкоторый пріятель ссудилъ меня книгами, называемыми Русская Правда и Судебникъ. Одного недоставало мнѣ торговаго устава; а по щастію нашелъ я и его въ библіотекѣ; и такъ намѣренъ былъ я по малу собирать всѣ Россійскія права, оныя въ хронологическомъ порядкѣ прочесть и снискать себѣ значеніе старинныхъ приказныхъ Россійскихъ словъ, кои и нынѣ еще въ указахъ случаются. b) Въ разсужденіи Новгородскаго лѣтописца имѣлъ

я еще другое намѣреніе; я началъ читать лѣтопись преподобнаго Нестора, однако его не разумѣлъ. Лексиконовъ и симъ подобныхъ къ разобранію древнихъ писателей, какъ извѣстно, на русскомъ языкѣ еще нѣтъ. Между тѣмъ какъ я почиталъ за должность мою стараться о россійской исторіи и не зналъ, откуда мнѣ ее почерпнуть, то мнѣ пришло на умъ слѣдующее: въ собраніи Россійской Исторіи находится экстрактъ Новгородскихъ происшествій на нѣмецкомъ языкѣ. Сей экстрактъ хотѣлъ я снести съ подлинникомъ, чтобы изъ одного выразумѣть другое, и думаю, что всѣ ученые люди сей мой порядокъ апробуютъ.

А что я съ сихъ манускриптовъ списалъ копіи, къ тому я отчасти приведенъ нуждою, отчасти имѣлъ способный случай.

1. Сихъ книгъ навсегда я у себя держать не могъ; въ книжныхъ лавкахъ ихъ не продаютъ; однако онѣ были мнѣ, какъ выше тому показаны причины, необходимо надобны. Пословица есть на нѣмецкомъ языкѣ: не можно быть юристомъ безъ книгъ, [1]) ниже богословомъ безъ библіи, равномѣрно мнѣ показалось, что невозможно учиться и писать Россійскую исторію безъ лѣтописей и переводить указовъ, не читавъ древнихъ узаконеній.

2. Читать слегка и мимоходомъ древнія книги для меня было бы недовольно: мнѣ надлежало въ нихъ вникнуть подробно и темныя мѣста особливо замѣтить. Я долженъ былъ на поляхъ приписывать изъясненія, кои я отчасти собственнымъ стараніемъ, отчасти спрашивая у другихъ получилъ, дабы послѣ ихъ не позабыть; но всякъ легко разсудитъ, что я на чужой книгѣ, взятой изъ библіотеки, на поляхъ приписывать ничего не смѣлъ. По сей причинѣ я такъ же далъ для себя списать академическому копиисту Корелину за свои деньги часть Россійской исторіи, сочиненной Татищевымъ, которая однако у меня была не изъ библіотеки (съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ кончится лѣтопись Нестора до Всеволода III Димитрія) [2])

3. А больше меня къ списыванію помянутыхъ книгъ побудило слѣдующее: Его С—во г-нъ Президентъ изволилъ ко мнѣ опредѣлить одного изъ моихъ слугъ: сей слуга, который впрочемъ не былъ глупъ, вдался въ пьянство и въ другіе пороки, свойственныя подлому народу: я старался его отъ того отвлечь, и за наилучшее почелъ средство пріобучить его къ трудамъ. Я не могъ инаго ему дать дѣла, какъ заставить его писать. А другихъ у меня для него письменныхъ дѣлъ не было, кромѣ лѣтописей; въ намѣреніи моемъ

---

[1]) Corpus Juris.

[2]) Въ нѣм. подлинникѣ сказано: bis auf Vsewolod III

мнѣ удалось и я вдругъ здѣлалъ троякую пользу: дѣтина отъ пороковъ своихъ отвадился, я досталъ лѣтописи, а Его Сіятельство получилъ годнаго и употребительнаго слугу.

Вопр. VI. *Тѣ манускрипты ... возвращены ли?...* Отв. Торговый уставъ давно уже мною въ библіотеку возвращенъ, и Новгородская лѣтопись на прошедшей недѣлѣ отдана отъ меня г-ну статскому совѣтнику Тауберту. [1])

Шлецеръ.

Въ Санктпетербургѣ
1764 года іюля 6 дня.

75.

Этотъ отвѣтъ я написалъ, не вставая съ мѣста, и тотчасъ принесъ его къ Тауберту. Читая его, онъ нѣсколько разъ громко хохоталъ, особенно при V, 3. Давно уже сочиненія мои не доставляли ему столько удовольствія. Его радовалъ шутливый тонъ моего отвѣта, который доказывалъ ему, что я вовсе не терялъ бодрости; ему такъ же нравились мои снисходительныя наставленія, которыя довольно ясно говорили спрашивающему: *мальчикъ*, поучись *читать по складамъ*! Таубертъ велѣлъ тотчасъ перевести мой отвѣтъ на русскій языкъ сдѣлать множество нѣмецкихъ и русскихъ копій и разослать повсюду.

Съ этого времени мое дѣло начало обращать на себя вниманіе и мое ничтожество имѣло честь сдѣлаться предметомъ разговоровъ большаго города. Важнѣйшее извѣстіе, указъ Сената отъ 3 іюля, рано переправилось черезъ Неву, вѣроятно, отъ Миллера къ Бюшингу. Уже 6 іюля писалъ мнѣ пріятель мой Бекманъ: «accepi a rumore, rupte iam esse ilia *M*omo (*M* подчеркнуто), Teque μαρτορειν Rogo te etiam atque etiam ut cras ad me venias si fieri potest. Fortasse fortitudo Tua meam timiditatem minuet. Vale et cura ut valeas. *B.*

Я одинъ еще не предчувствовалъ дальнѣйшей опасности; напротивъ, я мечталъ скорѣе объ удовлетвореніи и торжествѣ.

---

[1]) *Матеріалы*, Билярскаго. стр. 709—712.

Боязнь нападенія и осмотра бумагъ прошла; меня даже не требовали къ *устному* отвѣту. Въ своемъ отвѣтѣ я прямо сказалъ, что у меня есть копіи съ рукописей, взятыхъ изъ библіотеки, но даже ихъ не потребовали отъ меня, хотя сенатскій указъ (стр. 215) особенно уполномочивалъ къ тому канцелярію. Теперь, думалъ я, канцелярія должна: 1) *немедленно* (слово указа) *рапортовать* въ Сенатъ; 2) находящіяся у меня копіи *описать* (слово указа), и потомъ, 3) по всей вѣроятности, приложить копію моего *отзыва* (стр. 216), въ которомъ представлено, что собираніе извѣстій о Россіи, вмѣненное мнѣ Ломоносовымъ въ преступленіе, возложено на меня какъ обязанность. Невозможно, думалъ я, чтобы Сенатъ, melius informatus, продолжалъ противъ меня процессъ, и Ломоносовъ окажется лжецомъ и клеветникомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, сначала клеветнику сдѣлалось страшно. Онъ сознался въ конференціи, что его рапортъ основанъ единственно на словесномъ заявленіи другаго (Миллера) и искалъ свидѣтелей, слышавшихъ такъ же это заявленіе, чтобы имѣть отговорку въ случаѣ, если его по этому втянутъ въ отвѣтственность.

76.

До сихъ поръ публика и самъ Таубертъ подозрѣвали болѣе Миллера, чѣмъ Ломоносова, въ этихъ затѣяхъ противъ меня. Всѣ знали, какъ сильно Миллеръ противился, когда меня хотѣли назначить только адъюнктомъ, только его помощникомъ. Теперь предполагали, что онъ изъ ревности, чтобы избавиться отъ меня, въ состояніи будетъ даже вступить въ союзъ со своимъ смертельнымъ врагомъ, Ломоносовымъ. Но этого не было.

Я хотѣлъ уѣхать, и канцелярія мнѣ позволила. Я хотѣлъ возвратиться, если это нужно будетъ Академіи, и просилъ ее передъ тѣмъ войти со мною въ переговоры. Миллеръ испугался моихъ хроникъ и моихъ собраній; онъ не хотѣлъ, чтобы я работалъ въ Петербургѣ, и хотѣлъ, чтобъ я ничего не дѣлалъ за границею: вслѣдствіе того онъ напалъ на свой проектъ о пансіонѣ (который безконечно хитрѣе грабительскаго проекта Ломоносова), на кото-

рый никто не обратилъ вниманія. Такъ какъ онъ опасался, что Таубертъ и большинство настоятъ на моемъ опредѣленіи, то разглашалъ повсюду (какъ онъ уже сдѣлалъ въ своемъ «мнѣніи»), что «онъ знаетъ навѣрное, лишь только я получу титулъ и жалованіе отъ Академіи и пріѣду въ Германію, тотчасъ же откажусь отъ того и отъ другаго, и такимъ образомъ только *одурачу* и *обману* Академію». Что ученый принимаетъ приглашеніе и потомъ, получивъ другое болѣе выгодное, отказывается отъ перваго, конечно, съ сохраненіемъ должнаго достоинства и выраженіемъ благодарности,—это въ Германіи случается ежегодно, и никто за это не назоветъ его обманщикомъ. Чувствовать такъ глубоко подобный отказъ было бы даже несовмѣстно съ достоинствомъ правительства.

Но Таубертъ думалъ иначе и вынудилъ у меня 7-го іюля обязательство съ моею подписью слѣдующаго рѣшительнаго содержанія: «если Академія заключитъ со мною контрактъ NB, на тѣхъ условіяхъ, на какихъ она до сихъ поръ приглашала на службу другихъ иностранцевъ, и я, не смотря на то, не возвратился бы, то я подвергаюсь всевозможнымъ оштрафованіямъ и позору; если же я сдержу слово и не нарушу контракта, тогда этотъ позоръ падетъ на тѣхъ, кто такимъ оскорбительнымъ способомъ навлекъ на меня подозрѣніе». Таубертъ воображалъ, что этимъ Богъ знаетъ какъ много выиграю въ своемъ дѣлѣ. Конечно, Миллеръ былъ теперь окончательно устраненъ; но Ломоносовъ нѣтъ — ужасный человѣкъ!

Канцелярія не рапортовала, хотя должна была *немедленно* это сдѣлать, по силѣ сенатскаго указа; этого не допускалъ Ломоносовъ. Онъ даже стращалъ Сенатъ, который не рѣшался настаивать на требованіи немедленнаго отвѣта. Онъ, Сенатъ, послалъ свой часто упоминаемый указъ гетману, когда тотъ возвратился изъ Лифляндіи, гдѣ онъ былъ съ императрицею. Вслѣдствіе этого президентъ приказалъ 28 іюля: I. Академической канцеляріи представить на его разсмотрѣніе всѣ акты, касающіеся моего дѣла; II. Ломоносову подать отвѣтъ, почему онъ, помимо

президента, главнаго начальника Академіи, утруждалъ Сенатъ моимъ дѣломъ, которое, по академическому регламенту, подлежитъ единственно разсмотрѣнію и рѣшенію президента [1])? Все это должно было представить президенту въ указанномъ имъ мѣстѣ [2]) и ожидать его «неукоснительныхъ» повелѣній. Но Ломоносовъ не слушалъ уже никакихъ ордеровъ, ни Сената, ни своего президента. Невѣроятно, но не необыкновенно во времена Елисаветы: этотъ дикій силачъ, или сильный дикарь рѣшался на все и самымъ террористическимъ образомъ все ставилъ на своемъ. Если предположить это и прибавить къ тому, что Ломоносовъ ошибся только въ томъ предположеніи, будто времена Екатерины составляютъ продолженіе предыдущаго, только тогда будетъ понятно нѣмцу, какъ этотъ человѣкъ, которому первые бездѣльническіе поступки противъ меня прошли безнаказанно, котораго не могли обуздать ни Сенатъ, ни Президентъ, месть котораго, возбуженная ничтожнымъ интересомъ, была ненасытима, — какъ этотъ человѣкъ рѣшался впослѣдствіи дѣйствовать противъ меня, никогда не обидившаго его ни малѣйшимъ образомъ.

77.

Теперь длинный рядъ приключеній и опасностей, серіозныхъ, невообразимыхъ опасностей. И я былъ такъ мало къ нимъ приготовленъ! Я думалъ, что мнѣ не нужно другаго покровительства, кромѣ правоты моего дѣла, и что съ Екатериною II настали другія времена! — У меня не было больше совѣтника, потому что Таубертъ, такъ же какъ я, былъ въ бѣдственномъ положеніи и стыдился открыть предо мною свою слабость.

У меня прошла вся охота къ русской службѣ. Теперь я принялся за свою любимую *систему расторженія*, т. е. я избѣгаю тѣхъ людей, съ которыми совладать не въ состояніи, или кото-

[1]) Отвѣтъ см. *Матеріалы* Билярскаго, стр. 713, а также *Очерки Россіи*, изд. Пассека, кн. V, стр. 57.

[2]) Мыза Гостилицы, куда онъ уѣзжалъ на три недѣли для поправленія здоровья. *Матеріалы* Билярскаго, стр. 713.

рыхъ я слишкомъ глубоко презираю, чтобы долго съ ними бороться. — И такъ: «назадъ въ Германію, ограбленный или неограбленный; Ломоносовъ и Миллеръ будутъ довольны, а я еще болѣе».

Въ началѣ августа я писалъ Тауберту: «онъ теперь все сдѣлалъ; мое довѣріе къ его расположенію ко мнѣ всегда было совершенно полное; а все то, что онъ въ эти послѣдніе дни попытался сдѣлать для меня, превышаетъ мое ожиданіе. Но успѣхъ не отвѣчаетъ его и моимъ желаніямъ; однакожъ этотъ неуспѣхъ не уменьшаетъ моей благодарности. Теперь я прошу принять эти строки, какъ залогъ моей вѣчной признательности къ нему, которую я сохраню навсегда и внѣ всякихъ отношеній къ Россіи. Можетъ быть, онъ еще не усталъ плыть противъ теченія; но я усталъ. И такъ я прошу позволить мнѣ доставить врагамъ моимъ удовольствіе — уступить имъ, можетъ быть, только на короткое время... Одного я просилъ бы у него и у канцеляріи—бумаги, въ которой 1) мнѣ дано бы было позволеніе уѣхать, 2) съ удостовѣреніемъ, что меня вызовутъ назадъ, если во мнѣ окажется надобность. Потомъ я хотѣлъ подумать о мести, но о благородной мести: въ самой Германіи я хотѣлъ работать для Россіи, продолжать изученіе русской исторіи»....

Тогда возможно было выхлопотать въ канцеляріи указъ, о которомъ я просилъ; но Тауберта нельзя было склонить къ этому, и онъ, хотя ненамѣренно, вовлекъ меня въ новыя непріятности, продолжавшіяся еще пять мѣсяцевъ. Мое дѣло сдѣлалось теперь его дѣломъ; этого было довольно: онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, поставить на своемъ, уже не обращая вниманія на меня. Онъ циталъ ко мнѣ чрезвычайное расположеніе, и этого никто не могъ отрицать. Честолюбіемъ, патріотизмомъ, esprit du corps онъ обладалъ въ высокой степени: онъ смотрѣлъ на меня, какъ на орудіе, чтобы моею любовью къ труду и связями съ заграничными учеными, къ сужденіямъ которыхъ онъ былъ весьма чувствителенъ, вывести Академію изъ ея тогдашней летаргіи и смирить надменныхъ монополистовъ. Можетъ быть, онъ опасался, что,

такъ какъ со мною дурно поступили въ Россіи, то я стану мстить за границею менѣе благороднымъ образомъ, чѣмъ было обѣщано, во вредъ Академіи. Который изъ этихъ мотивовъ дѣйствовалъ всего сильнѣе, или они всѣ вмѣстѣ дѣйствовали, этого я не знаю; только онъ желалъ, чтобы я остался.

Какъ же, на какихъ условіяхъ? Объ этомъ *главномъ* вопросѣ еще не было ни слова, ничего болѣе, какъ только: «о васъ позаботятся надлежащимъ образомъ». Но когда я однажды далъ замѣтить, что я потребую большаго вознагражденія отчасти за пожертвованіе моимъ старымъ любимымъ проектомъ, путешествіемъ на востокъ, отчасти за то, что я промѣнялъ Германію на Россію, онъ отскочилъ и сказалъ боязливо: «но если вы поставите большія требованія, то они подтвердятъ подозрѣніе, которое взвелъ на васъ Миллеръ, что вы вовсе не хотите вступить въ русскую службу». Я испугался еще больше, и съ тѣхъ поръ сталъ замѣчать, что мнѣніе самого Тауберта состояло въ томъ, чтобы меня не выпускали ни подъ какимъ видомъ, а я съ своей стороны долженъ принять все, что бы мнѣ ни предложили. Въ первый разъ въ жизни пришлось мнѣ почувствовать рабство: я казался себѣ моимъ Николашкою (выше стр. 115), и даже въ глазахъ самого Тауберта я не былъ ни преступнымъ, ни опаснымъ, совершенно какъ Николашка. Какъ? Неужели мнѣ, свободному иностранцу, нельзя было бы сказать: я вовсе не хочу служить въ Россіи? или ужъ если поступлю на службу, такъ на такихъ-то условіяхъ? Если это вамъ не нравится, такъ отпустите меня! — Таубертъ былъ добрый человѣкъ; но свобода духа была ему, какъ и неимовѣрно многимъ людямъ, чужда—совершенно чужда.

78.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а я безпечно оставался въ томъ же положеніи. Случайно кто-то спросилъ меня: ist Ihr Pass noch immer beschlagen [1]) (петербургское выраженіе)? Я проснулся, какъ

[1]) Вашъ паспортъ все еще задержанъ?

отъ глубокаго сна. «Мой паспортъ задержанъ»? «Да, ваша канцелярія не рапортовала Сенату, а до того вы не смѣете выѣхать за границу». «Развѣ я плѣнникъ»? (Конечно, я былъ подъ арестомъ, но только весьма *просторнымъ*, въ европейской части Россійской имперіи, потому что для Сибири нужны особые паспорты). Съ этого времени, не смотря на *просторность* этого ареста, міръ для меня сдѣлался тѣсенъ.

Я, близорукій, никогда не обращавшій вниманія на физіономіи, началъ смотрѣть и на нихъ, на сколько мнѣ было возможно. Мнѣ казалось, что многіе изъ моихъ знакомыхъ измѣряли меня въ обществахъ или подозрительными, или сострадательными взорами, какъ преступника, или какъ несчастнаго, и относились ко мнѣ съ замѣтно робкою сдержанностію. Мой паспортъ задержанъ—*почему?* Подумайте, какой безконечный просторъ открывало это *почему* любопытству, глупости и злобѣ.

Единственный человѣкъ, которому я открылся въ настоящемъ моемъ положеніи, былъ старый, честный, но вслѣдствіе перенесенныхъ оскорбленій, чрезвычайно робкій профессоръ Фишеръ. Онъ много нашепталъ мнѣ о могуществѣ Ломоносова (въ предыдущее царствованіе?) и почиталъ возможнымъ, что еслибы даже не къ чему было привязаться, то меня все-таки, par raison d'état, не выпустили бы изъ страны, потому что ужъ я пріобрѣлъ репутацію имѣющаго много свѣдѣній о Россіи, которыми могъ бы за границею воспользоваться ей во вредъ. Я возразилъ: но если я все отдамъ, что у меня есть, и завѣрю присягою, что у меня нѣтъ ничего больше? Но онъ думалъ, что страхъ при одной мысли, при одномъ воспоминаніи возбудитъ сомнѣніе, и наконецъ произнесъ слово, которое въ прошедшія двадцать лѣтъ часто слышалось въ подобныхъ случаяхъ, когда хотѣли поскорѣе покончить дѣло,—онъ произнесъ: *Сибирь!*

Сибирь! это слово однакожъ меня не потрясло. Когда я хотѣлъ на востокъ, то уже тогда я принялъ мѣры на тотъ случай, еслибы меня, какъ раба, потащили въ Алжиръ. (Вѣдь это всегда было бы возможно, даже еслибы были узнаны и приняты всѣ

мѣры предосторожности). Сибирь вовсе не представлялась мнѣ такой ужасной. Я зналъ, что ссылаемые туда пользуются здоровьемъ и достигаютъ глубокой старости, получаютъ хорошія порціонныя деньги и вовсе не должны добывать себѣ пропитаніе ловлею соболей (какъ глупо тогда еще думали иностранцы). Я надѣялся познакомиться съ тамошними воеводами, сдѣлаться учителемъ ихъ дѣтей и *тамъ* пріобрѣсть громкую репутацію ученаго человѣка. Наконецъ, я оставилъ бы въ Петербургѣ дѣятельныхъ друзей, а потому я могъ надѣяться, что Екатерина II, которую на этотъ разъ оставили въ невѣдѣніи, въ мудрость и справедливость которой я твердо вѣровалъ, рано или поздно узнала бы о моемъ жалкомъ существованіи и съ честью освободила бы меня.

Гораздо болѣе Сибири пугало меня другое положеніе дѣла, которое я считалъ болѣе вѣроятнымъ. Со времени сенатскаго указа прошло шесть недѣль, а Академическая канцелярія еще не сдѣлала ни шагу: что, если мое дѣло такъ и останется еще шесть мѣсяцевъ или пожалуй шесть лѣтъ? Тогда бы я, бѣдный адъюнктъ, шатался со своими 360 р., ничего бы не дѣлалъ, не смѣлъ бы ничего дѣлать и не могъ бы никому сказать, *почему?* Лучшіе годы моей жизни и дѣятельности поблекли бы; и еслибы я когда нибудь снова выбился изъ этого положенія, то былъ бы ужъ ни къ чему не способенъ. Такая будущность, признаюсь, меня потрясла гораздо больше, чѣмъ страхъ Сибири, гдѣ мнѣ, какъ шведу, пропавшему подъ Полтавой, оставалась еще надежда на возможность дѣятельности: она потрясла меня, но еще не отняла у меня бодрости для дальнѣйшей дѣятельности.

79.

Съ 3 іюля до конца августа я находился въ этомъ странномъ положеніи. Мнѣ начался тридцатый годъ, но этотъ прекраснѣйшій годъ въ жизни мужчины начался для меня вовсе не прекрасно!

Въ чемъ же состояли мои преступленія, или по крайней мѣрѣ, въ чемъ обвиняли меня мои два противника? I. Ломоносовъ считалъ себя обиженнымъ, *потому что* я предложилъ свои услуги

заниматься изслѣдованіемъ русской исторіи; *потому что* у меня были копіи съ лѣтописей, которыя, безъ сомнѣнія, я напечаталъ бы за границею; *потому что* я исправилъ его ошибку (не называя его), сдѣланную въ переводѣ слова *Σῦδα*; *потому что* я зналъ и поименовалъ много книгъ и авторовъ, которыхъ онъ не зналъ; *потому что* я былъ Таубертіанецъ. II. Миллеръ *далъ понять* (не столько говорилъ, сколько далъ понять), будто бы я хорошо изучилъ Россію; что, какъ ни тщательно онъ пряталъ отъ меня свои извѣстія, я множество ихъ получилъ отъ другихъ (отъ Тауберта); что я, подобно Гмелину и Шаппу, могъ бы ихъ публиковать такимъ образомъ, что это было бы непріятно *государству* (понимай: *ему*). (И такъ, на первый разъ только возможность). Это все. Я внимательно вслушивался въ рѣчи публики: подозрѣваютъ ли меня въ томъ, что я непозволительнымъ путемъ собралъ тайныя свѣдѣнія; и не услышалъ ничего подобнаго. И какъ это могло придти въ голову? Всѣмъ было извѣстно, и Миллеру лучше всѣхъ, что главный мой источникъ былъ у Тауберта, и этотъ, до робости осторожный придворный и государственный человѣкъ ввѣрилъ бы мнѣ *государственныя тайны*! И такъ, я страдалъ и грѣшилъ, потому что почти три года изучалъ Россію, не поверхностно, какъ туристъ, а учено-систематически и прилежнѣе даже самого Бюшинга. Какой прекрасный грѣхъ!

Сознаніе, что я подъ арестомъ, становилось все невыносимѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось отвращеніе къ русской службѣ. Самое естественное было подать во второй разъ прошеніе въ канцелярію и просить уже не отпуска, а совершенной отставки; тогда мой прежній вопросъ о моемъ будущемъ назначеніи устранился бы самъ собою, а о миломъ предложеніи Миллера, назначить мнѣ пансіонъ, не было бы и рѣчи.

Но я не смѣлъ этого сдѣлать! Я испортилъ бы свои отношенія къ Тауберту. Мнѣ нужно было всегда такъ дѣйствовать, какъ будто бы я жаждалъ вступить въ русскую службу и считалъ бы себя несчастнымъ, еслибы находился внѣ всякихъ связей съ Академіею. Слѣдующею запискою, поданной въ концѣ августа,

большую часть которой, конечно, продиктовалъ Таубертъ, я надѣялся развязаться.

«До сихъ поръ нагло оклеветанный и при томъ лишенный естественнаго juris defensionis, я желалъ бы по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время удалиться изъ общества, предупрежденнаго противъ меня. Отъ древней русской исторіи, на сколько надлежало бы двинуть ее впередъ на основаніи еще не напечатанныхъ хроникъ, я отказался: къ тому у меня нѣтъ болѣе ни охоты, ни силы. Я прошу позволить мнѣ ѣхать въ Гёттингенъ и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока Академіи угодно будетъ призвать меня назадъ, въ случаѣ открытія ваканціи. Между тѣмъ я предлагаю свои услуги 1. собирать monumenta extraria (выше стр. 189); 2. приготовить *тамъ же* предложенныя руководства и 3. имѣть надзоръ за нѣсколькими русскими студентами, которыхъ тогда намѣревались отправить за границу. Я добровольно предложилъ между тѣмъ ничего безъ цензуры Академіи не печатать и не носить другаго званія, кромѣ того, которое она мнѣ дастъ. О жалованіи я не упоминалъ; но оканчивалъ послѣднею просьбою: въ случаѣ, еслибы обстоятельства не допустили принятія моихъ новыхъ предложеній, окончить мое дѣло по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ я могъ уѣхать. «Если «ускоренію его воспрепятствуютъ мои копія съ древнихъ хроникъ, «то отъ приказа Академіи только зависитъ, чтобъ я ихъ ей вы«далъ, и чтобъ она ихъ могла сохранить какъ вѣчный памятникъ «моего усердія въ ея службѣ» [1]).

Такъ осторожно я долженъ былъ высказать предложеніе, чтобъ меня ограбили. Ломоносовъ совершенно откровенно далъ замѣтить, что онъ это имѣетъ въ виду (и не только мои хроники, но и лексиконъ (выше стр. 37) должны были сдѣлаться его добычею): но другіе, благородные люди, содрогнулись при этомъ варварствѣ. Только я отъ того ничего не выигралъ: имъ, благороднымъ, стыдно было позволить меня ограбить; но чтобы выпустить меня за границу неограбленнаго, на томъ они не могли настоять.

80.

И на это мое второе прошеніе ни строчки въ отвѣтъ. Господа члены конференціи читали его съ участіемъ, сожалѣли обо мнѣ,

---

[1]) Здѣсь Шлецеръ привелъ очень краткое извлеченіе изъ своей весьма пространной записки, напечатанной вполнѣ въ *Матер.* Билярскаго, стр. 720—725

хвалили меня, бранили Миллера и Ломоносова, но не помогли мнѣ, или скорѣе, не могли мнѣ помочь. А я ничего не просилъ кромѣ *отставки*.

Между тѣмъ Ломоносовъ съ ожесточеніемъ продолжалъ на меня клеветать, особенно придворнымъ вельможамъ, которые почти всѣ были его обожателями. Весьма не многое узналъ я въ подробностяхъ; привожу здѣсь два примѣра.

Онъ прокричалъ меня хвастуномъ, потому что я обѣщалъ приготовить въ нѣсколько лѣтъ безъ большаго труда такія работы, которыя ему стоили 30 лѣтъ поту и усилій. Въ языкѣ и въ исторіи онъ былъ чистый натуралистъ: онъ не понималъ, что тому и другому, какъ всякой наукѣ, можно и должно было учиться; ему и въ голову не приходило, что онъ, Ломоносовъ, со всѣмъ своимъ геніемъ, съ величайшимъ трудомъ въ нѣсколько недѣль произвелъ бы калѣку-сапогъ, между тѣмъ какъ ученый подмастерье, шутя, въ два дня сшилъ бы сапогъ по всѣмъ правиламъ искусства.

Другая выходка противъ меня не состоящая вовсе въ связи съ предыдущимъ, истинно *комическая* сама по себѣ, но почти въ продолженіе полугода неимовѣрно мнѣ вредившая: въ этимологической части своей *русской грамматики* (стр. 89) я напечаталъ:

«*Князь*, высшая степень русскаго дворянства, мнѣ кажется, есть нѣмецкое Knecht».

Вслѣдъ за тѣмъ говорю: «оба слова требуютъ поясненія; изъ сравненія ихъ обнаружатся основанія моего мнѣнія». И потомъ съ этимологическою ученостію ясно вывожу изъ Вахтера, Дю-Канжа и проч. какъ слѣдуетъ. I. Knab, Knecht, первоначально одно, значитъ первоначально все, что мужскаго рода. Иродъ убилъ въ Виѳлеемѣ всѣхъ Knechte (*Tatian*). Der Knecht (сынъ тюрингенскаго ландграфа) былъ семи, а его венгерская невѣста четырехъ лѣтъ *(древняя хроника)*. II. Knecht значитъ servum, но liberi obsequii. Ученики Христа называются его Lehr-Knechte (*Otfrid*). Особенно наемники—Fuss,-Lands-Knechte. III. Knape, nobilis equitum tiro, Edel-Knabe, Knapen-Gericht. IV. Болѣе высокое значеніе: milites majores. Высокое нѣмецкое имперское

дворянство называлось des heil. Reichs-Knecht. Англ. Knight, eques auratus; еще теперь: Knight of the Garter, Knight Baronet, Knight Marshal и проч.

Положимъ, что мое этимологическое сравненіе было *неправильно*; но оно вовсе не было смѣшно и ни мало не позорно какъ для русскаго княжескаго сословія, такъ и для высокаго нѣмецкаго имперскаго дворянства. Но Ломоносовъ, который во всю свою жизнь такъ мало слышалъ объ ученой этимологіи, какъ матросъ о логариѳмахъ, вырѣзалъ приведенныя выше двѣ строки, оторвавъ отъ всего послѣдующаго, обѣгалъ съ ними всѣхъ князей и всѣхъ ихъ науськалъ на меня. Какую этотъ пустякъ произвелъ повсюду сенсацію, это сверхъ всякаго описанія: мое имя произносили тысячи устъ, которыя безъ того никогда бы его не произнесли: на всѣхъ обѣдахъ только и говорили о *князь*, *кнехтъ* и—обо *мнѣ*. Кто же хотѣлъ защитить меня благороднымъ англійскимъ *Knight (многіе вельможи знали* по-англійски), тому не давали слова *).

И такъ кромѣ тяжести Сената, лежавшей на мнѣ съ 3 іюля, меня стала давить новая тяжелая масса — все княжество.

Не задавила ли она меня? — Нѣтъ.

Едва ли Мунго Паркъ въ Бенов‍нѣ былъ въ худшемъ расположеніи духа, чѣмъ я тогда. Я потерялъ всякую охоту да почти и способность работать, и сдѣлался боленъ. По совѣту моего доктора, я по вечерамъ купался въ Невѣ, протекающей вблизи моего

---

*) Нѣсколько лѣтъ спустя упомянутый выше турокъ Эминъ поступилъ еще безумнѣе. Въ его *Россійской исторіи*, стр. 36 (Петерб. 1767) напечатано: «Одинъ изъ новѣйшихъ профессоровъ весьма безразсудно производитъ *начало* Россіи и *русскихъ князей*. Онъ пишетъ: слово *князь* происходитъ отъ нѣм. *Knecht*, что значитъ *мужикъ*. Я не вижу ни сходства въ словахъ, ни разума въ мысли; потому что еслибы русскіе князья происходили отъ нѣмецкаго мужика, то они должны были бы получить свое названіе отъ имени мужика, а не отъ его мужицкаго состоянія, о которомъ мужикъ, прибывъ въ чужія страны, ужъ вѣроятно не много разсказывалъ». Par represailles онъ еще прибавилъ, что нѣмецкое слово König, Konung имѣетъ много сходства съ русскимъ *конюхъ*, однакожъ никто не станетъ отсюда заключать, что нѣмецкіе короли произошли отъ русскаго конюха.

дома. Но что вечернее купаніе поправляло, то снова портилъ день; потому что за каждымъ кораблемъ, спускавшимся по рѣкѣ по направленію въ Германію — *Германія!* въ первый разъ, можетъ быть, и въ послѣдній, подъ этимъ именемъ мнѣ представилась единица — *одно отечество* — я, плѣнникъ, слѣдилъ изъ моего окна съ такими чувствами, которыя поймутъ только не многіе изъ моихъ читателей.

Однажды мнѣ даже кто-то сказалъ, что «не понимаетъ, какъ я въ этомъ положеніи не умираю.» Даже умереть? Мнѣ? въ угоду этой сволочи? нѣтъ, этого удовольствія я имъ не сдѣлаю. Я никогда не уважалъ тѣхъ людей, которые дозволяли другимъ *раздражать* ихъ *до смерти*.

Только одинъ разъ я забылся. Однажды (въ сентябрѣ) у насъ въ домѣ, когда встали изъ-за стола, заговорили о моемъ дѣлѣ съ состраданіемъ и ругательствами, но не съ тѣмъ чувствомъ, которое я испытывалъ. Таубертъ, присутствовавшій при этомъ, имѣлъ первый голосъ. Наконецъ я тоже вмѣшался, вышелъ изъ себя, говорилъ сильно, но тихо, и въ заключеніе со слезами на глазахъ; этого не привыкли видѣть. «Что съ нимъ? что съ нимъ?» спросилъ пораженный Таубертъ моего друга Румовскаго. Я удалился. Въ первый и въ послѣдній разъ я велъ себя въ своемъ положеніи по-бабьи.

81.

Прошелъ весь сентябрь. Изъ канцеляріи никакого отвѣта на мои прошенія, поданныя въ началѣ іюня. Ни изъ канцеляріи, ни изъ конференціи никакого отвѣта на второе прошеніе, отъ послѣднихъ чиселъ августа. Снова прошло болѣе шести недѣль въ этомъ мучительномъ для меня ожиданіи. Отъ Тауберта я ничего болѣе не узналъ: онъ дѣлалъ для меня все, что могъ, но больше онъ ничего не могъ сдѣлать.

Я ободрился въ послѣдній разъ и безъ всякаго посторонняго внушенія, слѣдуя единственно самому себѣ, однако безъ возраже-

ній Тауберта, я въ третій и послѣдній разъ, 7 октября, подалъ двѣ слѣдующія бумаги.

Первую, *латинскую*, въ *конференцію*, т. е. собственно въ Академію, но безсильную. Я говорилъ тутъ нѣсколько высоко, съ достоинствомъ *гёттингенскаго профессора*, въ противоположность advenae alienigenae tyronis Ломоносова. Вотъ этотъ документъ слово въ слово:

Совѣту императорской Академіи Наукъ.

И такъ, покоряюсь силѣ обстоятельствъ, славнѣйшіе мужи, схожу съ поприща и торжественно надлежащимъ образомъ отказываюсь отъ русской исторіи, которую я разработывалъ въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ не по собственному побужденію и выбору, а по возложенной на меня вами обязанности; отъ русской исторіи, говорю я, для разработки которой я и призванъ въ Россію и былъ причисленъ къ вашему сонму свѣтлѣйшимъ президентомъ, ибо, какъ кажется, такъ опредѣлено судьбою. Воздаю великую благодарность вамъ, академики, которые почти одновременно съ Георгомъ III сдѣлали оцѣнку моихъ достоинствъ, за это блестящее доказательство вашей ко мнѣ благосклонности. Чѣмъ пріятнѣе было мнѣ выраженіе вашего расположенія, которое я всегда цѣнилъ выше всего, тѣмъ тщательнѣе буду хранить память объ этой вашей въ отношеніи ко мнѣ услугѣ и всегда буду такъ вести себя въ свѣтломъ ученомъ мірѣ, чтобы вамъ никогда не пришлось раскаяться въ вашей столь почтенной оцѣнкѣ.

Теперь, когда мнѣ необходимо позаботиться о другомъ и возвратиться туда, откуда я уѣхалъ три года тому назадъ, остается только, покровители мои, чтобы вы какъ можно скорѣе доставили мнѣ къ тому возможность и дали мнѣ отпускъ почетный, если я окажусь достойнымъ его, если же нѣтъ, то по крайней мѣрѣ отпускъ по болѣзни. — И такъ возвратите меня библейской филологіи, надъ которой я, какъ вы, можетъ быть, слышали изъ общественной молвы, давно не безъ успѣха трудился, но отъ которой меня потомъ отвлекли забота объ исполненіи моихъ обязанностей и любовь къ древностямъ россійскимъ. Дайте мнѣ осуществить надежды знаменитѣйшихъ людей, которыя я возбудилъ въ нихъ тогда, какъ обѣщалъ и обязался предпринять первое своё путешествіе въ Азію. Возвратите меня моей родинѣ, которая, кажется, хорошо понимаетъ мои занятія, удостоивъ ихъ когда-то публичной похвалы и недавно еще почетнаго отзыва. Возвратите меня мнѣ самому, влачащему печальные остатки здоровья, удрученнаго бдѣніемъ, трудами, тревогами и медленною лихорадкою; дозвольте мнѣ

въ концѣ ноября удалиться въ другое мѣсто, гдѣ бы я могъ безъ замедленія приступить къ излѣченію тѣла и возстановленію силъ, и вознаградить потери, понесенныя мною втеченіе утраченнаго для меня трехлѣтія.

Если, живя въ Гёттингенѣ, я могу быть вамъ чѣмъ нибудь полезенъ; если вамъ желательно, чтобы я *или* часто переписывался съ вами, подробно сообщая ежемѣсячно о томъ, что совершается въ ученомъ мірѣ, *или* употребилъ свободное отъ занятій время на исторію Византіи и Славянъ, что будетъ не безполезно для тѣхъ, труды которыхъ здѣсь направлены къ составленію Россійской Исторіи; *или* вы желаете, чтобы я составилъ для здѣшнихъ школъ сокращенные учебники, въ которыхъ свѣдѣнія, разбросанныя и почти незаконченныя въ сочиненіяхъ лучшихъ новѣйшихъ авторовъ были бы представлены отчетливо распредѣленными по одному общему взгляду; *или*, наконецъ, чтобы я помогалъ дѣломъ и совѣтомъ русскимъ студентамъ, которые, какъ я слышалъ, будутъ посланы для полученія умственнаго образованія въ чужіе краи;— если вообще вы въ какомъ нибудь дѣлѣ соблаговолите воспользоваться моими трудами, вы всегда найдете меня такимъ, какимъ знали и считали до сихъ поръ. Если же обстоятельства могли бы помѣшать постановить какое нибудь рѣшеніе и нужно было бы опасаться, чтобы новыя совѣщанія не причинили новаго замедленія моего отпуска, — въ такомъ случаѣ главнѣйшею моею просьбою было бы, чтобы вы, отложивъ эти дѣла до болѣе удобнаго времени, сохранили между тѣмъ ко мнѣ тѣ чувства, которыя вы выразили вашими мнѣніями и голосованіемъ.

Далѣе: такъ какъ вы очень не много и то развѣ по темнымъ слухамъ знаете о томъ, что я дѣлалъ до сихъ поръ, не пренебрегая ничѣмъ, что надлежитъ доброму гражданину, который не равнодушенъ къ своей славѣ и причисленъ къ вашему почтеннѣйшему обществу, а я очень заинтересованъ въ томъ, чтобы вы знали основательно, съ какою дѣятельностію я работалъ въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ по вашему опредѣленію, то еще и еще разъ прошу васъ, знаменитые мужи, разсмотрѣть въ публичномъ засѣданіи мои сочиненія и за мое трудолюбіе удостоить меня одной награды — признать ихъ. Что я всею душею и съ полнымъ усердіемъ, на сколько могъ при своихъ человѣческихъ силахъ, предался Россійскимъ древностямъ, на то я имѣлъ три достаточно уважительныя причины: во-первыхъ, это дѣло казалось мнѣ само по себѣ похвальнымъ и уже, конечно безвреднымъ; во вторыхъ, свѣтлѣйшій президентъ возложилъ его на меня; наконецъ, я предпринялъ его для услажденія собственной души, такъ какъ почти не находилъ затрудненій въ этого рода занятіяхъ, къ которымъ присту-

пилъ, будучи подготовленъ знаніемъ греческой словесности и сѣверныхъ древностей и хорошо знакомъ съ филологіею. Что я читалъ русскія лѣтописи, переводилъ ихъ, дѣлалъ изъ нихъ извлеченія, списывалъ и разработывалъ ихъ денно и нощно собственными руками, не безъ ущерба для своего здоровья, — это я дѣлалъ по вашему желанію, ибо человѣкъ, желающій достичь цѣли, не долженъ пренебрегать средствами. Такъ какъ вы сами достаточно знаете, какъ между тѣмъ поступили со мною, то я обойду это молчаніемъ, а потомъ предамъ забвенію. Теперь, академики, ваше дѣло позаботиться о томъ, чтобы мое прилежаніе, хотя до сихъ поръ для васъ безполезное, чтобы невѣроятное мое стараніе оказать лучшія услуги вашей Академіи и наукѣ вообще не принесло мнѣ вреда, а для другихъ не послужило бы примѣромъ, въ высшей степени способнымъ отвратить ихъ отъ полезнаго дѣла. Рѣдко сходятся къ вамъ люди столь возвышеннаго духа, которые, жертвуя собственными выгодами, руководимые лишь любовью къ наукѣ, рѣшаются переплывать моря. Еще рѣже, быть можетъ, никогда не приставали къ вашимъ берегамъ такіе, которые на вашихъ глазахъ работали три года для того, чтобы заслужить отъ васъ тѣ почести, отъ которыхъ они добровольно отказались, когда онѣ уже были имъ предложены въ другихъ мѣстахъ. Но если вы боитесь вреда для вашей Академіи или для науки вообще отъ копій съ русскихъ лѣтописей, снятыхъ мною въ публичной библіотекѣ, «то или примите отъ меня письменное обязательство, выраженія котораго вы сами предпишете, въ томъ, что я никогда ничего изъ нихъ не издамъ въ свѣтъ безъ вашего вѣдома и разрѣшенія: или потребуйте у меня возвращенія не только этихъ копій, но даже всего остальнаго, что я за эти три года писалъ о русской исторіи и словесности; все это (хотя оно и пропадетъ безъ пользы, потому что лишь набросано и намѣчено и неудобочитаемо), все это сложите въ ваши архивы, какъ славный памятникъ трудолюбія бывшаго когда-то вашего согражданина». Такъ какъ ничто не бываетъ дороже ученымъ людямъ ихъ собственныхъ трудовъ, то посудите сами, академики, какъ дорого для меня должно быть то, чего я не отказываюсь купить принесеніемъ въ жертву самыхъ драгоцѣнныхъ для меня залоговъ.

Тяжелыя утраты потерпѣлъ я, знаменитые мужи, печальныя для меня, бѣдственныя для науки, непоправимыя во все время моей послѣдующей жизни! Пропали у меня три года изъ того возраста, который почти единственно способенъ на совершеніе того, что нѣкогда было начато мною и къ чему мнѣ поздно приходится возвращаться! Пропали для меня даромъ труды трехъ лѣтъ, труды, конечно, не небрежные, конечно, не нерадивые! Тогда какъ я на-

мѣревался предпринять путешествіе въ Азію, во всякомъ случаѣ знаменательное для памяти потомства, которое должно было принести много пользы теологіи, естественной исторіи, всѣмъ наукамъ вообще; тогда какъ изъ того, что я написалъ наскоро, въ часы досуга, однако не дурно, ученѣйшіе люди дѣлали предположенія о томъ, чего они могутъ ожидать отъ другихъ моихъ трудовъ, надъ которыми я работалъ съ большимъ усердіемъ; тогда какъ я началъ пользоваться ихъ благосклонностію и достигать нѣкоторой извѣстности, — тогда я былъ вызванъ къ вамъ и, оставивъ всѣ эти занятія, въ которыхъ я уже начиналъ жить, не отказался снизойти до элементарнаго изученія новой науки. Такою-то цѣною купилъ я надежду на обезпеченіе отъ всякаго ущерба, обезпеченіе, которое, какъ я полагаю, навѣрное черезъ нѣсколько лѣтъ вы мнѣ дадите, если человѣческое усердіе имѣетъ какую нибудь силу, если оно заслуживаетъ какой нибудь почести или вознагражденія. Теперь не по моей, и не ни по вашей винѣ вышло иначе.

Пусть мнѣ будетъ позволено, академики, въ полномъ собраніи вашего совѣта жаловаться на свою горькую участь: не для того, чтобы обвинять въ ней кого нибудь; не для того, чтобы я хотѣлъ болѣе огорчаться моими потерями и убытками; не для того, чтобы я отъ кого либо требовалъ вознагражденія за свои потери и жертвы, — а для того, чтобы вы знали, что я пишу правду и прошу справедливаго, когда въ такомъ несчастіи прошу у васъ только одного, какъ-бы въ утѣшеніе, чтобы не оставлять меня долѣе въ моемъ несчастіи и чтобы вы не сочли съ моей стороны неразумнымъ, что я съ такимъ безпокойствомъ исчисляю всѣ потери, понесенныя мною въ мѣсяцы, дни, часы, и страшусь еще новыхъ. Кромѣ того, дѣло идетъ не обо мнѣ одномъ; я защищаю дѣло науки, а слѣдовательно, и ваше, академики. Найдутся, безъ сомнѣнія, такіе люди, которые съ одинаковымъ рвеніемъ, съ большимъ талантомъ и даже съ большимъ успѣхомъ пожелаютъ подвизаться въ разработкѣ Библіи. Но не найдется такого человѣка, повѣрьте мнѣ, повѣрьте памяти прошлаго, который, не будучи поддержанъ казенными деньгами, не будучи поощряемъ стипендіями королей, посвятилъ бы цвѣтущіе годы своей жизни путешествіямъ въ отдаленныхъ земляхъ, чтобы собирать тамъ разбросанныя искорки новаго свѣта.

И потому исполните эту мою просьбу, покровители мои: не задерживайте долѣе хода моихъ занятій, а напротивъ, своею властію, просьбами, всѣми средствами устройте такъ, чтобы мнѣ можно было въ будущемъ мѣсяцѣ, хотя въ зимнее и трудное время года — такъ какъ вы не позволили мнѣ этого въ болѣе удобное, лѣтнее время, — возвратиться въ отечество къ моимъ прежнимъ

занятіямъ. Дозвольте мнѣ это ради той науки, надъ которой впослѣдствіи я буду трудиться; хотя она и чужда той, которой вы занимаетесь, не смотря на то, она достойна вашей поддержки, ради того, что въ наше время она обратила на себя высочайшее вниманіе двухъ великихъ королей. Дозвольте мнѣ это ради самихъ себя, чтобы не казалось, что ваша Академія отказала въ помощи человѣку, не вовсе лишенному извѣстности, которому давно уже явно покровительствуетъ шведская Академія, котораго Гёттингенская три года тому назадъ привѣтствовала именемъ члена, котораго король Георгъ недавно причислилъ къ знаменитѣйшему германскому университету, наконецъ, доброму гражданину ученаго міра.

Писано въ С.-Петербургѣ, 7 Октября 1764 года.

Вторую, по-русски, въ канцелярію въ выраженіяхъ вовсе не застѣнчивыхъ:

«Спокойствіе мое, благополучіе, здравіе и жизнь не терпятъ дальнѣйшаго отлагательства въ моемъ дѣлѣ. Я прошу Канцелярію Академіи Наукъ о неукоснительномъ, по приказанію Его Высокографскаго Сіятельства гдна президента, рѣшенія, о представленіи онаго Правительствующему Сенату и о дачѣ мнѣ абшида и паспорта, дабы я, не утратя ни малѣйшаго времени, могъ по первому пути отправиться и паки возвратиться къ прежнимъ моимъ упражненіямъ, которыя наукамъ знатное приращеніе а мнѣ надежное благополучіе обѣщаютъ.

Прежде просилъ я Академію Наукъ о моемъ произвожденіи: но услыша, что прозьба моя произвела замѣшательства въ Академіи, и въ то самое время Его Величество Король Великобританскій безъ моего искательства всемилостивѣйше пожаловать меня изволилъ профессоромъ гёттингенскаго университета, теперь болѣе отъ оной ничего не требую. Однакожъ и не отрицаюсь, какъ нынѣ, такъ и впредь готовымъ быть ко всѣмъ услугамъ, къ какимъ бы она употребить меня за благо разсудила.

О спискахъ съ россійскихъ рукописныхъ книгъ, которые я, въ силу контракта моего [1]), по должности моей, собственнымъ трудомъ и иждивеніемъ пріобрѣлъ [2]), за три уже мѣсяца Канцеляріи доносилъ. Теперь ожидаю отъ нее приказанія письменно ли мнѣ обязаться, чтобъ не выдавать ихъ въ народъ безъ согласія Академіи или ей самой вручить оные.

---

[1]) Это обстоятельство въ нѣм. подлинникѣ пропущено.

[2]) Это тоже пропущено.

Первое мое прошеніе подавалъ я въ Академію въ Апрѣлѣ, и такъ тому уже пять мѣсяцевъ; другое уже шесть недѣль предъ симъ: однако ни на которое изъ оныхъ не получилъ ни рѣшенія, ниже отвѣта. Теперь подаю третіе; прошеніе мое справедливо, ясно и коротко: я не требую ничего, кромѣ *абшита* и *паспорта*; и чтобъ получить оные, я готовъ на всѣ ея требованія согласиться.

Если же Канцелярія Академіи Наукъ и теперь не изволитъ удовольствовать отвѣтомъ на столь справедливое мое прошеніе: то я принужденъ буду принять послѣднія мѣры, которыя утѣсняемой невинности одни остаются, что принесть безпосредственно свои жалобы предъ Великою Монархинею, которая почитаетъ правосудіе, защищаетъ иностранныхъ, любитъ науки и упражняющихся въ оныхъ [1]).

И результатъ этого моего третьяго прошенія? — Опять ни слова въ отвѣтъ! Въ конференціи, какъ я узналъ за достовѣрное, мою записку читали съ истиннымъ умиленіемъ; но мнѣ помочь господа члены не осмѣливались. Ломоносовъ же изрыгнулъ на меня новый пасквиль подъ именемъ Voti, котораго мнѣ не только не дали списать, но даже никогда не показывали [2]).

Канцелярія тоже не отвѣтила. Моя угроза принять *послѣднія мѣры* была сильна; но—подождемъ, думалъ, вѣроятно, холмогорецъ еще по прежнимъ временамъ; гдѣ *тогда* было найти дорогу къ престолу?

Такъ томился я одинъ мѣсяцъ за другимъ и никакимъ способомъ не могъ никого заставить говорить, а потому мои страданія продолжались. Проклятіе всѣмъ правительствамъ и всѣмъ ихъ высшимъ и нисшимъ чиновникамъ, которые задерживаютъ своихъ подчиненныхъ замедленіемъ окончательныхъ рѣшеній и безбожно отнимаютъ у гражданина право Habeas-Corpus, одно изъ естественнѣйшихъ правъ человѣка и государства. Невѣроятно, сколько тысячъ невинныхъ ежегодно во всѣхъ странахъ, конечно, въ

---

[1]) *Мат.* Билярскаго, стр. 726—727. Записка помѣчена 8 окт. 1764.

[2]) Мнѣніе Ломоносова (въ *Матер.* Билярскаго стр. 727) начинается слѣдующими словами: «Сія плачевная просьба у незнающихъ сожалѣніе, а у свѣдущихъ о дѣлѣ смѣхъ произвести долженствуетъ за тѣмъ, что составлена по ложнымъ основаніямъ и наполнена гнуснымъ самохвальствомъ.»

одной больше, въ другой меньше. страдаютъ отъ такихъ замедленій. Подобное преступленіе совершается изъ лѣности и разсѣянности: чиновнику не хочется приняться за дѣла; онъ идетъ на охоту или сидитъ въ клубѣ за ломбернымъ столомъ. Еще не простительнѣе, но и это нерѣдко бываетъ, что чиновникъ въ торопливости дѣлаетъ грубую ошибку, за которую можетъ опасаться штрафа или выговора; онъ не хочетъ просто сознаться въ ней, не хочетъ позволить уличить себя во лжи, и вмѣсто того, чтобы одну несправедливость немедленно исправить, какъ того требуетъ обязанность, чтобы загладить первую ошибку, дѣлаетъ другую еще грубѣе, замедляетъ дѣло и заставляетъ обиженнаго томиться въ томъ положеніи, въ которое онъ его ввелъ.

82.

Таубертъ сознался наконецъ въ томъ, что не могъ моего, т. е. своего дѣла выиграть у превосходившаго его силою Ломоносова. Если я на словахъ напоминалъ о чемъ нибудь, то развѣ только объ отставкѣ отъ Академіи и о паспортѣ. Чувствовать то, что я чувствовалъ, Таубертъ не могъ; но наконецъ онъ уступилъ моему разрыву съ Академіею, сталъ искать для меня другихъ мѣстъ у вельможъ, среди которыхъ у него была сильная партія, и дѣлалъ мнѣ одно предложеніе за другимъ.

Сначала я долженъ былъ составить Species-facti, по какому поводу я былъ призванъ Миллеромъ въ Россію, какъ я сдѣлался адъюнктомъ, что въ то время дѣлалъ, что предложилъ сдѣлать въ послѣдствіи и т. д. Она составила нѣсколько листовъ и, конечно, была подтверждена документами. Таубертъ велѣлъ перевести ее на французскій и русскій языки и распространилъ ее повсюду, особенно среди своей партіи при дворѣ. Это подѣйствовало.

Я могъ сдѣлаться учителемъ исторіи и географіи у великаго князя Павла, какъ Эпинусъ математики, и за четыре часа въ недѣлю получать 1,000 рублей.—Но четыре раза въ недѣлю одѣваться по праздничному, ѣхать ко двору и, можетъ быть, три раза не быть принятымъ, когда его высочество не могъ взять

урока,—Боже сохрани! такое мѣсто, какъ ни было оно знаменито, такая жизнь, какъ ни была она праздна,—была не для меня. Для человѣческаго счастія и наслажденій жизнью у меня былъ совершенно другой масштабъ.

Бецкій (выше стр. 134) выразилъ желаніе пригласить меня во вновь основанную Академію Художествъ секретаремъ съ титуломъ профессора исторіи и жалованьемъ въ 1,000 рублей.

Приглашали меня такъ же секретаремъ съ 1,000 руб. жалованія во вновь учрежденную Collegio medico. Это было всего заманчивѣе: тутъ были бы кстати мои медицинскія еще не совсѣмъ вывѣтрившіяся свѣдѣнія; и статистическія таблицы тоже перенесли бы туда.

Но ни одного изъ этихъ трехъ предложеній я не довелъ до формальныхъ переговоровъ. Я хотѣлъ уѣхать; но такъ какъ я не смѣлъ этого говорить громко, то я употреблялъ выраженіе: либо русская исторія, либо ничего. При томъ я не скрывалъ, что пока я не буду *свободнымъ* человѣкомъ, т. е. пока мой паспортъ будетъ задержанъ, я ничего не предприму.

83.

Съ половины октября мною овладѣло нѣчто въ родѣ отчаянія. Но не всегда въ отчаяніи человѣкъ становится робкимъ и растеряннымъ, напротивъ, иногда бодрымъ и находчивымъ.

Первою моею мыслью было просить прямо государыню, въ которую вѣра моя была непоколебима, какъ скала. Но какъ попасть къ ней? Я хотѣлъ приготовить записку по-нѣмецки строчекъ въ десять, но съ подписью: «гёттингенскій профессоръ» — конечно, это мѣстечко ученой дамѣ было небезъизвѣстно—пойти къ стражѣ и требовать, чтобъ меня допустили къ самой государынѣ; девять разъ мнѣ бы отказали, но въ десятый разъ допустили бы (подобныя продѣлки уже многимъ удавались); или я подстерегъ бы ее при выѣздѣ, сталъ бы въ сторону, держа свою бумагу на головѣ, а въ самомъ крайнемъ случаѣ, слѣдуя старо и ново-персидскому обычаю (см. Бриссонъ и Шарденъ), поднялъ бы

крикъ. Навѣрное одно изъ двухъ средствъ удалось бы. Но моя несчастная близорукость дѣлала меня робкимъ: въ двадцати шагахъ я не могъ отличить императорской кареты отъ другихъ; вслѣдствіе слѣпоты я могъ сдѣлаться смѣшнымъ въ глазахъ стражи, могъ бы придти въ замѣшательство, и меня просто вывели бы вонъ. Итакъ нужно было попробовать другія средства.

Я обратился къ англійскому посланнику, герцогу Буккингаму, предъявилъ ему свой гёттингенскій патентъ и оставилъ письменный разсказъ о томъ, что до сихъ поръ было со мною въ Россіи. Онъ обѣщалъ мнѣ свою помощь, на сколько возможно, и дѣйствительно, говорилъ обо мнѣ съ гетманомъ; но вѣдь тотъ самъ не могъ помочь.

Онъ (президентъ и гетманъ) намѣревался тогда оставить столицу, можетъ быть, на долгое время, и отправиться въ одно изъ своихъ помѣстій. Его отсутствіе послужило бы новымъ поводомъ отложить мое дѣло; поэтому я и ему подалъ записку, въ которой кратко изложилъ все случившееся до сихъ поръ, покорнѣйше благодарилъ за все, чѣмъ пользовался въ его воспитательномъ институтѣ, очевидно представилъ плохое состояніе моего здоровья, и просилъ только *позволенія уѣхать*. Ничего не помогло, даже не было отвѣта!

Послѣднее, на что я рѣшился, было для меня всего труднѣе. Мой милый старикъ, Фишеръ, который въ моемъ дѣлѣ трусилъ болѣе меня, сообщилъ мнѣ однажды, по его мнѣнію, прекрасную мысль: объяснить Ломоносову мое желаніе ѣхать на востокъ. На это онъ согласился бы и, по крайней мѣрѣ, оставилъ бы мнѣ полное адъюнктское жалованіе, потому что такимъ образомъ онъ избавился бы отъ меня и навсегда устранилъ бы меня отъ лѣтописей. Но въ такомъ случаѣ мнѣ слѣдовало говорить съ нимъ *самимъ*... Чтобы я прямо пошелъ къ нему, этого отъ меня нельзя было требовать; потому профессоръ Браунъ, единственный нѣмецъ, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, потому что тотъ все переносилъ, долженъ былъ освѣдомиться, приметъ

ли онъ меня, если я къ нему приду. Браунъ спросилъ. Ломоносовъ отвѣчалъ, что подумаетъ, но потомъ не далъ никакого отвѣта.

84.

Теперь я дошелъ до конца!

Покрайней мѣрѣ я такъ думалъ тогда. Конечно, я часто удивлялся про себя, что Таубертъ, который долженъ былъ лучше меня знать русскіе порядки, не указалъ мнѣ другихъ способовъ. Почему не обратиться къ Сенату? Но тотъ отвѣчалъ бы, что все передалъ президенту Академіи (выше стр. 221). Но почему и президентъ ничего не могъ сдѣлать?

Теперь, тридцать семь лѣтъ спустя, лежатъ предо мною три указа Екатерины II, отъ 11 и 14 іюня 1763 г. въ Москвѣ, и отъ 23 іюня уже опять въ Царскомъ Селѣ. Первымъ она снова воспрещаетъ утруждать ее, при возвращеніи въ Петербургъ, непосредственною подачею прошеній, но позволяетъ въ крайнихъ случаяхъ подавать ихъ ей чрезъ тайнаго совѣтника Олсуфьева, или дѣйствит. статскихъ совѣтниковъ Теплова и Елагина. Три дня спустя, *великая Жена* вспомнила чрезвычайно важное дополненіе: дозволяется такъ же подавать вышеозначеннымъ тремъ лицамъ *запечатанные* пакеты съ надписью: en mains propres de Sa Majesté. Мало того: десять дней спустя, она даетъ этимъ тремъ лицамъ обстоятельную инструкцію, состоящую изъ десяти пунктовъ, и между прочимъ повелѣваетъ имъ запечатанные пакеты представлять ей немедленно, а въ случаѣ ея отсутствія, отсылать къ ней съ нарочными; но отъ подателя требовать письменнаго показанія, кто онъ, и единственно въ случаѣ подозрѣнія его задерживать, но съ сохраненіемъ приличія и безъ нанесенія вреда. А въ концѣ еще прибавила: «если эта инструкція въ которомъ нибудь пунктѣ окажется недостаточной, о томъ меня увѣдомить» [1]).

---

[1]) Упоминаемые здѣсь указы см. въ *Полн. собр. зак.* т. XVI №№ 11,858, 11,867 и 11,868. Послѣдній изъ нихъ, инструкція упомянутымъ тремъ лицамъ, въ подлинникѣ заключается слѣдующими словами:... «ежели податель человѣкъ не извѣстный, то взять съ него сказку за его рукою, кто онъ таковъ, и гдѣ жи-

Я не знаю ничего прекраснѣе этихъ трехъ указовъ, изданныхъ этой во многихъ отношеніяхъ достойной обожанія женщиною. Если бы ихъ исполняли, то никогда не могло бы быть жалобъ на protracta или даже denegata iustitia. Всѣ три указа напечатаны особо in fol., а такъ же въ собраніи ея указовъ съ января до іюня включительно 1763 года (Петерб. 1764, 8°) стр. 156, 160, 161. Только я, увы! *тогда* ихъ не зналъ, а Таубертъ, которому я до тѣхъ поръ слѣпо ввѣрялся, — развѣ онъ тоже не зналъ? Не можетъ быть? Но почему онъ черезъ Олсуфьева или Теплова, его знакомыхъ (не знаю, были ли они ему пріятели) и моихъ доброжелателей, по институту Разумовскаго (выше стр. 109), не послалъ прямою дорогою къ императрицѣ?

Вмѣсто того я принужденъ былъ *любезничать* съ разными вельможами, принадлежавшими къ его партіи, плакаться предъ ними на нанесенныя мнѣ обиды и искать покровителей. *Протекціи!* До того времени я думалъ, что въ *протекціи* никто не нуждается, кто поступаетъ честно, и если другіе поступаютъ съ нимъ несправедливо, такъ на то существуютъ на свѣтѣ дорого стоящія правительство и юстиція!.. Ахъ, я въ жизни своей много узналъ и слышалъ о извилистыхъ путяхъ деспотизма и о проискахъ придворныхъ и писарей, но далеко не достаточно!

И такъ, я дошелъ до конца: я не видѣлъ предъ собою никакого спасительнаго средства, соотвѣтствующаго моимъ планамъ... Въ тупомъ ожиданіи высматривалъ я *случая*, который мнѣ могъ послать развѣ Deus ex machina... И онъ явился — Козловъ!

ветъ. Въ случаѣ же какого либо объ немъ подозрѣнія, или сомнительства, можете его пристойнымъ и безобиднымъ ему образомъ, и задержать при себѣ до полученія Нашей объ немъ резолюціи.—Мы всемилостивѣйше полагая въ семъ дѣлѣ Нашу довѣренность на васъ, уповаемъ, что вы со всякимъ просителемъ, каковаго бы онъ званія ни былъ, видя Наше правосудіе и человѣколюбіе, кротко, терпѣливо и снисходительно поступать будете». Ниже подписи прибавлено: «Впрочемъ, ежели въ чемъ еще сія инструкція недостаточна покажется, о томъ намъ докладывать имѣете».

ГЛАВА XII.

Исходъ дѣла.

Съ ноября 1764 до начала 1765 года.

85.

Въ нашемъ институтѣ (стр. 109) съ давнихъ поръ былъ четырнадцатилѣтній мальчикъ Козловъ, дитя хорошихъ качествъ; но до того времени его воспитаніемъ совершенно пренебрегали. Его отецъ, императорскій генералъ-рекетмейстеръ, особенно рекомендовалъ мнѣ его черезъ Тауберта и впослѣдствіи просилъ меня составить для него особый планъ воспитанія.

Должно быть, Таубертъ этого господина, какъ и многихъ другихъ, потѣшалъ разсказами о моихъ приключеніяхъ. Однажды, когда онъ былъ дежурнымъ у государыни, она жаловалась, что, желая добра и дѣлая самыя благодѣтельныя распоряженія, часто не находитъ людей, которые въ состояніи были бы ихъ исполнить. «А если такіе и находятся», возразилъ его пр—во, «то ихъ выживаютъ и преслѣдуютъ». Государыня потребовала объясненія. Козловъ назвалъ меня, разсказалъ кое-что изъ моихъ приключеній при Академіи, и такъ какъ государыня оказала вниманіе, то онъ спросилъ, не позволитъ ли мнѣ ея величество письменно изложить все происшедшее со мною и представить ей. Она позволила.

Козловъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ Тауберту. Тотъ снова вломился ко мнѣ въ комнату, какъ выше на стр. 211, но на этотъ разъ въ порывѣ радости. Я, сломя голову, полетѣлъ благодарить Козлова, составилъ записку императрицѣ и приложилъ всѣ Species facti (выше стр. 238), и то и другое по-нѣмецки

Все я написалъ собственноручно и такъ чисто, какъ могъ; запечаталъ пакетъ и, написавъ: à Sa Majesté Imp. en mains propres, отдалъ Козлову. Бывши въ слѣдующій разъ дежурнымъ, онъ передалъ ей пакетъ и при томъ всеподданнѣйше просилъ, чтобы никто не узналъ, что *онъ* передалъ этотъ пакетъ ея величеству. «Нѣтъ, никто не узнаетъ, кромѣ этого кармана», сказала императрица, положивъ не распечатанный пакетъ, не знаю куда. (Всякій пойметъ, что я старался уловить, на сколько могъ ipsissima verba изъ устъ Козлова, который говорилъ только по-русски).

Моя записка императрицѣ начиналась плачевно. «Невинность, съ давнихъ поръ воздыхающая подъ гнетомъ преслѣдователей, осмѣливается прибѣгнуть къ священному престолу вашего величества. Служитель науки, который, пожертвовавъ разными другими случаями, чтобъ составить свое счастіе при Академіи наукъ вашего величества, два года съ половиною работалъ съ самою напряженною ревностію, но вслѣдствіе этого не только подвергся самымъ неожиданнымъ притѣсненіямъ, но даже находится въ опасности видѣть *уничтоженными* всѣ плоды его прилежанія, всѣ памятники его *) ревностной службы (вслѣдствіе грабежа, которымъ грозилъ Ломоносовъ), проситъ или доставить ему счастіе безпрепятственно продолжать работать въ службѣ вашего величества на пользу русской литературы, или дозволить ему, какъ профессору гёттингенскому слѣдовать его назначенію». Затѣмъ я перешелъ къ моей жалобѣ вообще: «Самое добросовѣстное исполненіе моихъ обязанностей подвергло меня такой участи, которая, по вашимъ намѣреніямъ и законамъ, могла быть только слѣдствіемъ преступленія. Обезсиленный болѣзнью и горемъ, я уже потерялъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ жизни, которую я вполнѣ посвятилъ службѣ вашего величества и наукѣ; сверхъ того мнѣ, слишкомъ слабому, чтобы противостать насилью необиженныхъ мною враговъ, угрожаютъ еще болѣе чувствительною потерею». Потомъ я сослался на приложенный Factum, гдѣ разсказывалъ

*) Разумѣется, я пропускаю канцелярскія украшенія, adiectiva, epitheta etc.

часть моихъ тяжелыхъ испытаній, содержаніе котораго, я просилъ, чтобъ государыня дозволила себѣ доложить. Ссылаясь на него, я всѣ мои просьбы заключилъ въ четыре пункта и альтернативы:

дабы ваше величество приказать изволили, чтобы мое дѣло такъ долго тянувшееся, къ моему крайнему вреду, при вашей Академіи наукъ было рѣшено безотлагательно и чтобы указъ сената о задержаніи паспорта былъ отмѣненъ;

дабы ваше величество дозволили мнѣ написанныя мною во время моего пребыванія здѣсь сочиненія, касающіяся до русскаго языка и древней исторіи (изъ коихъ одно (Periculum) уже дѣйствительно *остановлено* неслыханнымъ въ ученомъ мірѣ и во времена вашего величества способомъ, а другому угрожаетъ подобная же участь), напечатать или здѣсь, или въ Германіи, и такимъ образомъ предъ лицемъ міра отдать отчотъ о моемъ рвеніи, которое я до сихъ поръ, по моей должности, оказывалъ въ службѣ вашего величества;

дабы ваше величество позволили мнѣ продолжать мои занятія и, подъ собственною вашего величества защитою, огражденному отъ несправедливостей, которыя отнимаютъ необходимыя для такой работы силы духа, и возвышенному надъ всѣми препятствіями, которыми зависть полагаетъ предѣлы моему рвенію, — разработать прагматически, коротко и основательно *древнюю исторію* вашего государства, отъ основанія монархіи до пресѣченія Рюрикова дома, по образцу всѣхъ другихъ европейскихъ націй, согласно съ вѣчными законами исторической правды и съ добросовѣстностью вѣрнѣйшаго слуги, обязаннаго вашему величеству присягою и долгомъ;

или же, если я не имѣю счастія удовлетворить этому прекраснѣйшему изъ моихъ желаній, то ваше величество изволили бы оказать мнѣ милость, еслибы оставили меня и послѣ моего отъѣзда въ сношеніяхъ съ вашею Академіею, въ качествѣ membre étranger pensionnaire, дозволили мнѣ предпринять подъ вашимъ покровительствомъ давно задуманное мною путешествіе на Востокъ,

посвященное пользѣ религіи, и такимъ образомъ, и внѣ государства, пользоваться честью быть гражданиномъ осчастливленной вашимъ величествомъ имперіи, посвятить мои слабыя силы вашей службѣ, какова бы ни была воля вашего величества, и въ вѣчной преданности....

Ноября 1764.

Написалъ ли я когда нибудь *худшую* записку при такомъ особенно важномъ случаѣ, который могъ опредѣлить и отчасти дѣйствительно опредѣлилъ судьбу всей моей будущей жизни? Въ ней нѣтъ ловкости, вовсе нѣтъ силы. Но такъ бываетъ, когда человѣкъ истомленъ, когда не съ кѣмъ посовѣтоваться, да сверхъ того еще торопятъ.—Задолго передъ тѣмъ составленный Factum былъ лучше, и не у одного читателя возбудилъ чувство умиленія а у одного переписщика вызвалъ слезы.

Но какъ скоро мой пакетъ попалъ въ руки императрицы, мы торжествовали; но слишкомъ рано. Прошла одна, другая недѣля: Козловъ въ это время былъ нѣсколько разъ при дворѣ, и государыня ни однимъ словомъ не упоминала о моемъ дѣлѣ. Наконецъ-то, наконецъ она вспомнила и спросила генералъ-рекетмейстера, кто составилъ записку? «онъ самъ», отвѣчалъ тотъ; а она: «да? хорошо написано».—Должно быть, *великая Жена привыкла* читать еще худшія и едва выносимыя прошенія.

86.

Не много дней спустя, Таубертъ получилъ именной указъ передать изъ Академіи всѣ акты, касающіеся моего дѣла, дѣйствит. стат. сов. и тайному секретарю императрицы, Теплову.

Тепловъ, родомъ украинецъ, былъ болѣе, чѣмъ образованный человѣкъ; онъ былъ ученый, когда-то былъ адъюнктомъ при Академіи, печаталъ разныя сочиненія, и во время путешествія образовалъ гетмана такъ, что онъ впослѣдствіи могъ сдѣлаться президентомъ Академіи. Его маленькій сынъ не только былъ у насъ въ нашемъ институтѣ (выше стр. 109), но я съ нимъ издавна особенно много занимался и часто о немъ долженъ былъ доносить

отцу. Въ руки *этого* человѣка, уже знавшаго меня и благопріятствовавшаго мнѣ, съ давнихъ поръ смертельнаго врага Миллера, и друга Тауберта, слѣпой, но для меня чрезвычайно счастливый случай отдалъ мою судьбу.

Его превосходительство очень хорошо зналъ по-нѣмецки, но охотнѣе говорилъ и читалъ по-французски, а потому на этомъ языкѣ я долженъ былъ вести съ нимъ переговоры письменно и устно. Когда я ему въ первый разъ представился, то изъ разговора тотчасъ замѣтилъ, что онъ не только читалъ всѣ переданные ему акты, но разсмотрѣлъ ихъ критически: онъ замѣтилъ, что въ двухъ экземплярахъ моего Species-facti (главный документъ), изъ коихъ одинъ былъ приложенъ къ актамъ, переданнымъ изъ канцеляріи, а другой къ моей запискѣ, поданной императрицѣ, находились *варіанты*. Но я его совершенно успокоилъ, сказавъ, что эти Species-facti я по крайней мѣрѣ четыре раза переписывалъ, или сдѣлалъ столько разныхъ *изданій* (я могъ употребить это слово, вѣдь я говорилъ съ авторомъ), и при всякой перепискѣ не могъ удержаться, чтобы не исправить выраженія и *обороты*, по моему соображенію; ни одинъ главный фактъ не пропущенъ, не прибавленъ и не измѣненъ.

Конечно, я хотѣлъ устно изложить главнѣйшее изъ моего Species-facti и особенно обратить его вниманіе на то, какъ безпримѣрно неблагодарно поступила со мною Академія, послѣ того какъ я втеченіе двухъ лѣтъ предоставлялъ ей себя на испытаніе и, какъ видно изъ актовъ, выдержалъ это испытаніе. Но онъ внезапно прервалъ мою іереміаду словами: *ни слова болѣе; императрица велѣла спросить васъ, желаете ли вы остаться въ ея службѣ и какъ?* Я испросилъ позволенія изложить мои планы письменно. Втеченіе разговора меня восхитилъ либеральный образъ мыслей этого человѣка. Не только съ негодованіемъ, но съ нѣкотораго рода стыдомъ отозвался онъ объ потребованномъ отъ меня обязательствѣ всю жизнь оставаться въ русской службѣ; точно также говорилъ онъ мнѣ о сенатскомъ указѣ отнять у меня списки; но выдать древнія лѣтописи за государственныя тай-

ны — это онъ прямо назвалъ *варварствомъ.* Казалось, что онъ заимствовалъ мысли и выраженія не только изъ души, но и изъ устъ Екатерины II.

87.

Съ этого времени я чувствовалъ себя въ новомъ мірѣ: это было очень пріятное чувство.

Велика была моя радость, что мое дѣло приняло давно желанный оборотъ; но еще больше была моя гордость, что я не ошибся въ моей вѣрѣ въ Екатерину II. Вмигъ исчезло рѣшительное отвращеніе къ русской службѣ, втеченіе шести мѣсяцевъ внушаемое мнѣ поведеніемъ Ломоносова. Но такъ какъ я не хотѣлъ быть сосѣдомъ съ этимъ человѣкомъ, то снова всею душею предался своему старому проекту, путешествію на востокъ, и хотѣлъ только это предложить императрицѣ. Но Таубертъ, безъ совѣта котораго я все еще не смѣлъ дѣлать ни шагу, не допустилъ этого; онъ говорилъ только *о русской литературѣ.* Наконецъ мы примирились: я долженъ былъ одновременно представить на выборъ императрицы и Теплова три плана.

Первый планъ, voyage au Levant, почти по образцу датской экспедиціи, по поводу которой я ссылался на вопросы Михаэлиса; существенное различіе заключалось только въ томъ, что я хотѣлъ ѣхать *одинъ.* Но чтобы кто нибудь помышлялъ о путешествіи только съ литературною цѣлью, этого я не могъ ожидать; все должно было имѣть *практическое* значеніе. Поэтому необходимо было внести спеціальный интересъ Россіи; я самымъ тщательнымъ образомъ изложилъ, что поѣздка не должна имѣть въ виду *только* ученые интересы; торговля — самый любимый предметъ императрицы; нѣкоторыми коммерческими свѣдѣніями я уже обладаю; и такъ, мимоходомъ я могъ бы собрать коммерческія свѣдѣнія, которыя указала бы мнѣ коммерцъ-коллегія, о гаваняхъ Средиземнаго и Чорнаго морей, и проч. — И еслибы не все путешествіе совершилось подъ покровительствомъ Россіи, то я желалъ

бы только нѣкотораго вспомоществованія для исполненія тѣхъ порученій, которыя бы мнѣ дали.

Второй планъ, histoire *ancienne* de la Russie. И на это я бы рѣшился, еслибы при томъ могъ vivre avec honneur, aisement et avec une famille: но охотнѣе служилъ бы при Академіи художествъ, чѣмъ при Академіи наукъ, подъ начальствомъ Бецкаго, которому въ то же время могъ бы быть полезенъ при составленіи его воспитательныхъ проектовъ. Во всякомъ случаѣ, контрактъ только на пять лѣтъ, разрѣшеніе весною ѣхать въ Германію и немедленная отмѣна (revoqué d'abord) сенатскаго указа (стр. 214). Сверхъ того я подробно изложилъ пять работъ, которыя хотѣлъ исполнить въ эти пять лѣтъ: удобочитаемое извлеченіе изъ русской исторіи Татищева, начало критическаго сравненія рукописныхъ лѣтописей и проч. и проч.

Третій планъ: если ни одинъ изъ предыдущихъ плановъ не понравится, то пусть позволятъ мнѣ нѣсколько лѣтъ въ видѣ новаго *испытанія* работать въ Гёттингенѣ съ титуломъ и пансіономъ члена Академіи; пусть опредѣлятъ мнѣ предметы занятій или предоставятъ моему собственному выбору; безъ цензуры Академіи я ничего не печаталъ бы о Россіи; только въ такомъ случаѣ я могъ бы быть призванъ къ исполненію перваго или втораго плана, еслибы выдержалъ испытаніе.

Эти три предложенія я самъ отнесъ его превосходительству. Онъ говорилъ объ нихъ со мною. Было очень пріятно: съ этимъ русскимъ министромъ можно было говорить, какъ съ нѣмецкимъ попечителемъ университета. Я уже воображалъ, что въ дѣлѣ путешествія на Востокъ я совершенно склонилъ его на свою сторону. Но вскорѣ послѣ того (около первой недѣли декабря) мнѣ неожиданно сообщили рѣшеніе, навѣрное подсказанное Таубертомъ: ея величество избрала второй планъ, и мнѣ надлежитъ представить *письменно* болѣе точныя условія.

88.

При этомъ повелѣніи я немного испугался. Записка, которую я долженъ былъ представить и которую императрица, невѣрное, сама прочитаетъ, будетъ послѣдняя, а потому будетъ и рѣшительною на всю мою будущую жизнь. Я охотно обдумывалъ бы эту записку цѣлыя недѣли; мнѣ дали короткій срокъ и опредѣлили день и часъ для ея представленія: я долженъ былъ повиноваться и торопиться. Изъ благодарности и необходимости я еще оставался подъ диктатурою Тауберта. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, которые онъ мнѣ диктовалъ, я уступалъ ему съ тяжелымъ чувствомъ, чтобы только положить конецъ торгу; наприм. оставаться при Академіи наукъ и на первое время довольствоваться 860 рублями, и проч. Итакъ наконецъ на моей бумагѣ явились слѣдующія девять статей:

I. Нижеподписавшійся поступаетъ въ Академію наукъ въ качествѣ профессора и ординарнаго члена по историческому классу. Онъ начнетъ занятія, какъ только будетъ утвержденъ въ этомъ званіи ея императорскимъ величествомъ.

II. Какъ скоро Академіи будетъ данъ новый регламентъ, онъ будетъ пользоваться всѣми преимуществами и содержаніемъ, опредѣленными ординарнымъ академикамъ.

III. Пока этотъ новый регламентъ не состоится, онъ будетъ пользоваться жалованьемъ въ 860 рублей.

IV. Главное его занятіе составитъ древняя исторія Россіи. Для этой цѣли его снабдятъ всѣми необходимыми пособіями; онъ будетъ имѣть такъ же полную свободу пользоваться всѣми книгами, рукописями и мемуарами императорской библіотеки.

V. Кромѣ этихъ историческихъ изслѣдованій, онъ принимаетъ на себя и другія занятія, къ которымъ будетъ способенъ, особенно касающіяся до коммерціи и воспитанія, когда ея императорскому величеству угодно будетъ оказать ему честь своими распоряженіями.

VI. Чтобы онъ могъ представить публикѣ доказательство

своей ревности, и чтобы его сочиненія не подверглись запрещенію, его превосходительство... Тепловъ окажетъ ему честь своею особенною защитою отъ его враговъ и въ случаѣ необходимости представитъ его жалобы къ подножію престола.

VII. Этотъ контрактъ будетъ заключенъ на пять лѣтъ по примѣру многихъ другихъ иностранныхъ членовъ Академіи. По истеченіи этого срока, ему будетъ предоставлено продолжать свою службу, или удалиться, безъ всякаго рода стѣсненій.

VIII. Будущею весною ему позволено будетъ отправиться на три мѣсяца въ Германію для свиданія съ родными и для поправленія здоровія: путешествіе, необходимость котораго въ другомъ мѣстѣ была доказана самыми рѣшительными доводами.

IX. Въ случаѣ, что эти VII пунктовъ не удостоятся одобренія, онъ умоляетъ ея императорское величество повелѣть, чтобы указъ правительствующаго сената былъ отмѣненъ, и чтобы онъ могъ уѣхать прежде, чѣмъ окончательно истощатся его силы и онъ навсегда сдѣлается неспособнымъ оказать какую нибудь услугу наукамъ.

Мой другъ Бакмейстеръ наскоро исправилъ кое-что въ языкѣ, въ выраженіяхъ и даже въ нѣкоторыхъ мысляхъ. Мы вмѣстѣ, со страхомъ взвѣшивали каждое словечко и все таки оставили одно невыносимое слово.

Но Тепловъ и императрица сначала сами его не замѣтили.

89.

Каждый пойметъ, что я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ исхода дѣла и считалъ дни и часы. Я зналъ, что Тепловъ мнѣ благопріятствовалъ и по возможности ускорилъ бы дѣло; но я примирился съ тѣмъ, что пройдетъ еще не одна недѣля, пока секретарь россійской императрицы улучитъ mollia tempora fandi, чтобы переговорить о такомъ ничтожномъ дѣлѣ.

Однако гораздо ранѣе, чѣмъ я ожидалъ и могъ ожидать, а именно 18 декабря, я получилъ не отвѣтъ на мои пункты, а новое предложеніе въ сущности совершенно другаго рода.

Тауберть писалъ мнѣ:

Вашему высокоблагородію посылаю при семъ условія новаго engagement, по мысли гдна статскаго совѣтника Теплова. Я увѣренъ, что они такъ honorable, какъ по справедливости только возможно желать. Отъ васъ зависитъ принять ихъ *безъ всякихъ дальнихъ возраженій*, или самимъ письменно объясниться съ гдномъ статскимъ совѣтникомъ. Мой планъ, по снятіи копіи, прошу возвратить мнѣ in originali. P. S. *не принадлежитъ* къ существеннымъ пунктамъ контракта; это *только независимое* дружеское предложеніе г-дна статскаго совѣтника.

18 дек. 1764. Т.

Проектъ контракта съ гдномъ Шлецеромъ.

I. Онъ опредѣляется въ Академію наукъ въ качествѣ профессора и ординарнаго члена по историческому классу.

II. До занятія назначеннаго ему мѣста онъ будетъ получать жалованье 600 р. и будетъ зависѣть только отъ его прев—ства г-дна дѣйствит. статскаго совѣтн. Теплова, который озаботится доставленіемъ ему необходимыхъ пособій для *работъ, которыя могутъ быть налагаемы на него сообразно съ его талантами и признанными способностями.*

III. Отъ его же прев—ства онъ будетъ получать приказанія ея величества и тѣмъ же путемъ будетъ отдавать отчетъ въ томъ, что сдѣлаетъ.

IV. Ему будетъ предоставлена полная свобода пользоваться всѣми книгами, рукописями и мемуарами императорской библіотеки, въ которыхъ онъ будетъ нуждаться для лучшаго исполненія своихъ обязанностей.

V. Какъ скоро Академія будетъ снабжена новымъ регламентомъ, онъ вступитъ въ нее и будетъ пользоваться всѣми преимуществами и содержаніемъ присвоенными ординарнымъ Академикамъ.

VI. Этотъ контрактъ будетъ заключенъ на *три* года; по истеченіи этого срока ему предоставляется свобода продолжать свою службу или удалиться безъ всякаго рода стѣсненій.

P.S. Его прев—ство г-нъ Тепловъ, чтобы показать ему свое *доброе расположеніе*, предлагаетъ ему сверхъ того въ своемъ *домѣ безплатно столъ и квартиру*

Въ гордомъ спокойствіи я цѣлый мѣсяцъ считалъ себя стоящимъ въ гавани на якорѣ; это извѣстіе кинуло меня опять въ бурное море. Невозможно описать, въ какое замѣшательство и нерѣшительность поставило меня это новое предложеніе. И въ самомъ дѣлѣ, это было совершенно *новое* предложеніе, существенно отличное отъ всего того, о чемъ со мною и обо мнѣ переговаривались, на которое, поэтому, я вовсе не былъ приготовленъ. Это было такое почетное предложеніе и представляло въ близкомъ будущемъ такіе блестящіе виды, что тысячи въ моемъ положеніи сочли бы его небеснымъ счастіемъ и немедленно приняли бы его. Главное содержаніе скрывалось во II и III параграфахъ, въ словахъ: «*travaux... reconnue*», но я ихъ тотчасъ понялъ. Я вспомнилъ безчисленныя выраженія, которыя слышалъ втеченіе цѣлыхъ лѣтъ, но на которыя никогда не обращалъ вниманія; сопоставленіе ихъ озарило меня свѣтомъ, который оградилъ меня отъ ослѣпленія,—не искать въ новыхъ предложеніяхъ ничего другаго и ничего болѣе, чѣмъ дѣйствительно въ нихъ было. Однимъ словомъ, все дѣло заключалось въ томъ, чтобъ я отказался отъ Академіи и всего литературнаго дѣла и отдалъ себя на испытаніе въ carrière *politique*. Со времени основанія Академіи существовало множество примѣровъ такого перехода, и всѣ безъ исключенія были удачны, ко взаимному удовольствію звавшаго и званнаго. Теперь, съ наступленіемъ въ Россіи новаго порядка вещей, такое преобразованіе ученаго въ чиновника, сдѣлалось настоятельною необходимостію.—Но я долженъ начать издалека и предпослать два наблюденія.

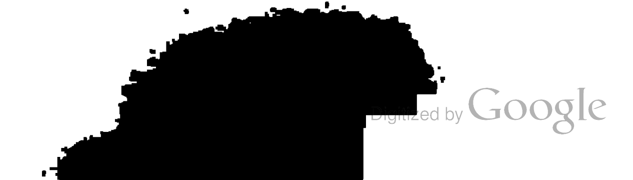
Въ то время во всей образованной Европѣ, вѣроятно, не было государства, гдѣ бы ученость такъ уважили, такъ искали ея и такъ ее награждали, и гдѣ бы между тѣмъ чиновники были менѣе учены, какъ въ Россіи. Это не противорѣчіе; напротивъ, одно вытекало изъ другаго. Петръ I убѣдилъ своихъ подданныхъ, что

современный міръ долженъ управляться учеными знаніями; и дѣйствительно, при немъ началось литературное образованіе среди его гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, которыхъ онъ во всѣхъ классахъ смѣшалъ съ иностранцами. Это образованіе сохранилось въ періодъ императрицы Анны. Но оно исчезло въ двадцати-лѣтнее правленіе императрицы Елисаветы; потому что неблагодарная ненависть къ иностранцамъ, особенно къ нѣмцамъ, вытѣснила ихъ изъ высшихъ и среднихъ государственныхъ учрежденій; туземцы уединились и возлѣ нихъ не было товарищей, которые могли бы ихъ стыдить ихъ невѣжествомъ. Было еще много вельможъ, которые, при всей своей необразованности, имѣли чрезвычайно свѣтлыя головы, и потому глубоко чувствовали свою пустоту, и отъ души старались наверстать въ своихъ дѣтяхъ то, что было пренебрежено въ нихъ самихъ. Но тутъ случилось новое несчастіе: они ошиблись въ выборѣ просвѣтителей — воспитаніе благороднѣйшихъ юношей попало въ руки французскихъ лакеевъ и ремесленниковъ (выше стр. 128). Теперь явилась Екатерина II; будучи сама ученая, она была одушевлена уваженіемъ къ наукѣ, которую почитала неизбѣжно необходимою для своихъ обширныхъ, благодѣтельныхъ и необходимыхъ предначертаній. Но для исполненія ихъ ей нужны были орудія; вышеупомянутое молодое поколѣніе, какъ она его нашла, для этого не годилось: отсюда ея громкія жалобы (стр. 243). Русскихъ, обладающихъ настоящими учеными познаніями, обыкновенно не находили; искали этихъ познаній у иностранцевъ, которые снова поднялись, находили ихъ, и нѣмецкіе наставники (еще легче французскіе), секретари (а иногда и камердинеры) составляли свое счастіе.

Но при этомъ достохвальномъ уваженіи къ наукѣ все таки вкралась одна погрѣшность — ложное понятіе о *практикѣ*. Все, что не было непосредственно практично, называлось пустой теоріей, если даже не педантствомъ, и глубоко презиралось. Никто не зналъ изреченія, что нѣтъ ничего столь малаго, безъ чего не могло бы произойти великое, а потому, то, что мы, нѣмцы, называемъ фундаментальнымъ изученіемъ, было пренебрежено. Каза-

лось, въ наукѣ уважали только то, что непосредственно и немедленно приносило пользу государству или отдѣльнымъ лицамъ; отсюда возникла особенная табель о рангахъ, крайне обидная для науки и ученыхъ. Учитель латинскаго языка не имѣлъ того значенія, какъ калмыцкій переводчикъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; математикъ, занимающійся вычисленіемъ безконечно малыхъ величинъ, былъ по службѣ ничтожное существо въ сравненіи съ совѣтникомъ казенной палаты; а хирургъ, въ четыре недѣли вылѣчившій какому нибудь князю сломанную ногу, былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ архиваріусъ, который цѣлые годы рылся въ пыльныхъ грамотахъ. Петербургская Академія, какъ видно изъ предисловій къ первымъ частямъ ея Комментаріевъ, со времени своего основанія должна была бороться съ этимъ вообще вреднымъ непониманіемъ *практическаго*. (Во Франціи, гдѣ въ наше время, съ конца революціи, стараются возстановить разрушенную науку, кажется, господствуетъ таже ошибка).

Объ обоихъ явленіяхъ въ Россіи я могу говорить по собственному опыту. Таубертъ употреблялъ меня на все (стр. 178), совѣтовался со мною обо всемъ; точно такъ же Шишковъ (стр. 101) и многіе другіе. Мои политическія свѣдѣнія были еще очень скудны; то, что я въ безпорядкѣ извлекъ изъ безчисленныхъ брошюръ, сдѣлавшихъ столь достопамятными Стокгольмскій сеймъ 1756 г., началъ приводить въ систему только впослѣдствіи, въ лекціяхъ Ахенвалля. Вотъ вся моя мудрость! Но что, не смотря на это, доставило мнѣ извѣстный почетъ у этихъ господъ, это мое *знаніе книгъ*, неоцѣненное преимущество нѣмецкаго ученаго, которымъ онъ (*тогда*) превосходилъ французовъ и англичанъ. Дѣйствительно, мой покойный товарищъ, Вальхъ, былъ правъ, когда говорилъ, полушутя, полусеріозно: «тотъ уже ученый, кто только умѣетъ найти, что сказали другіе ученые.» Представьте же себѣ такихъ чиновниковъ безъ всякой начитанности. Какъ они изумлялись, когда я при какомъ нибудь вопросѣ, который бросалъ ихъ въ холодный потъ, о которомъ, какъ они думали, никогда еще и мысль не приходила въ человѣческую душу, называлъ рядъ

книгъ, гдѣ тема была уже давно исчерпана, проектъ не только уже описанъ, но даже разсказано, какъ произведено было испытаніе, къ чему оно привело, нашли ли его хорошимъ, или дурнымъ. Если я самъ не могъ доставить книгъ, или если онѣ были написаны на языкахъ, непонятныхъ для этихъ господъ, то говорили: подайте мнѣ объ этомъ записку, или какъ тамъ почти сдѣлалось поговоркой: *составьте мнѣ планъ*, и я дѣлалъ его, какъ могъ. Такимъ невиннымъ образомъ я навлекъ на себя подозрѣніе въ знаніи политики. Но никогда я не обнаруживалъ этого рода свѣдѣній иначе, какъ по приглашенію и со скромностію; что же касается до моихъ занятій лѣтописями, то напротивъ, я часто говорилъ безъ вызова, con amore, съ жаромъ и гордостію. Но —

Какъ это принимали! — *Второй* опытъ. Упрекъ: къ чему такіе пустые споры и буквоѣдство? я слышалъ несчетное число разъ съ присовокупленіемъ выраженія: «какъ это возможно, что вы занимаетесь такимъ пустымъ дѣломъ и даже находите въ немъ удовольствіе? Вы слишкомъ хороши для этого». Это я долженъ былъ принимать за комплиментъ; но я чувствовалъ только заключающееся въ немъ оскорбленіе моему любимому занятію, а слѣдовательно и мнѣ самому.

Тепловъ уже давно и хорошо зналъ меня, какъ учителя его сына (стр. 118); еще лучше, должно быть, онъ узналъ меня и съ другихъ сторонъ, по рекомендаціямъ моего жаркаго покровителя, Тауберта. Тепловъ былъ человѣкъ ученый, былъ правою рукою императрицы во многихъ ея предпріятіяхъ, а потому чувствовалъ, какъ и она, съ одной стороны потребность дѣльныхъ людей, съ другой, зналъ невѣжество или лѣность большинства, и искалъ лучшихъ. Если онъ находилъ во мнѣ только два качества — *знаніе книгъ* и *любовь къ работѣ*, то я уже былъ годенъ для него и его дѣлъ, а слѣдовательно, былъ однимъ изъ такихъ, какихъ онъ искалъ. Мои критическія занятія ему, навѣрное, не казались презрѣнными; будучи самъ ученымъ, онъ долженъ былъ ихъ цѣнить; но въ тогдашнія времена и въ его положеніи помощникъ въ практическихъ дѣлахъ былъ для него важнѣе. Въ чемъ

же вслѣдствіе этого состоялъ его планъ? — Я долженъ былъ 1) сдѣлаться при немъ чиновникомъ, но для этого 2) онъ хотѣлъ взять меня на три года на испытаніе. Чтобы имѣть возможность произвести это испытаніе, онъ предложилъ мнѣ 3) у себя столъ и квартиру (гдѣ легче проникнуть въ душу человѣка, какъ не во время длинныхъ ежедневныхъ встрѣчъ за столомъ?). Вѣроятнѣе всего имѣлось въ виду, 4) чтобы я между прочимъ продолжалъ занятія съ его сыномъ, его и моимъ любимцемъ, потому что институтъ Разумовскаго въ скоромъ времени долженъ былъ закрыться. Но чтобы 5) не казаться частнымъ секретаремъ Теплова, мнѣ предоставляли сохранить свое оффиціальное положеніе при Академіи съ высшимъ жалованіемъ и титуломъ; 6) моего конька — такъ нѣкоторые называли мои русскія хроники — не хотѣли отнять отъ меня разомъ, чтобъ я не кричалъ; хотя о немъ и вообще о русской исторіи въ новомъ планѣ не упоминается ни однимъ яснымъ словомъ.

Представте себѣ — я *чиновникъ!* Развѣ ученый вообще не такъ же испорченъ для того, чтобы быть полезнымъ *чиновникомъ*, какъ и *придворнымъ?* Или развѣ *я одинъ*, въ сознаніи личной негодности; былъ слишкомъ *застѣнчивъ*, чтобы сдѣлаться чиновникомъ? — Ни то, ни другое. Молодому человѣку, котораго аббатъ де-ла-Билль хотѣлъ увлечь на политическое поприще, но который объявилъ себя неспособнымъ къ нему, онъ сказалъ: Eh Monsieur, ouvrez l'Almanac royal. Напротивъ того, Вольтеру отказали, когда онъ искалъ мѣста при посольствѣ. «У васъ есть познанія», говорили; «но вы не знакомы съ принятыми формами и со введеннымъ порядкомъ дѣлъ». — И тому и другому я скоро научусь, возразилъ Вольтеръ, потому что я упражнялъ свою память изученіемъ языковъ, а формы — дѣло памяти, и такъ же легко изучаются, какъ языки.

Или жизнь чиновника была для меня слишкомъ *тягостна*, слишкомъ gênant, и потому противна моимъ наклонностямъ? — И то нѣтъ. По тому весьма ничтожному опыту, который я сдѣлалъ въ Стокгольмѣ въ 1758 г., я заключилъ, что эта жизнь чрезвы-

чайно пріятна и представляетъ несравненно больше удовольствій, чѣмъ жизнь ученаго. Россія въ этомъ отношеніи не составляла исключенія. Если нѣкоторые ученые, перешедши въ государственную службу, удалились отъ всякаго человѣческаго общества (какъ математикъ Гольдбахъ, который умеръ въ 1764 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, см. *Müllers Leben* von Büsching, S. 16); то они дѣлали это по собственной волѣ или скорѣе изъ причудничества. — Сомнительнѣе былъ вопросъ о *субординаціи*; но я былъ еще довольно молодъ и могъ къ ней привыкнуть. (Ученому въ лѣтахъ труднѣе научиться ей; ихъ негибкая спина или вовсе не гнется, или же они впадаютъ въ другую крайность — они *ползаютъ*). — Или я *боялся*? — Конечно, еслибы я спросилъ совѣта у десяти иностранцевъ въ Петербургѣ, то, вѣроятно, всѣ десять напугали бы меня тѣмъ, какъ опасна въ Россіи государственная служба и какъ многіе, особенно иностранцы, находили въ ней свое несчастіе. Это меня вовсе не тревожило. Я зналъ исторію этихъ несчастныхъ и былъ увѣренъ, что всѣ они, если не совершили дѣйствительныхъ преступленій, то впали въ непонятныя ошибки неосторожности. Такихъ ошибокъ, думалъ я, можно избѣгнуть; честно и твердо исполнять свою обязанность, не принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ рисковныхъ — и потомъ спокойно по вечерамъ ложиться спать, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока на престолѣ государыня, подобная Екатеринѣ II. И при всемъ томъ я остался бы *чиновникомъ*, только *въ кабинетѣ*, не прилагая *своей* руки къ исполненію: моимъ дѣломъ было бы составить планъ, представить мотивированныя мнѣнія, которыя могли принять или не принять, а потому вся отвѣтственность падала бы на исполнителя. Отъ смѣлыхъ замысловъ я и мои начальники были бы обезпечены; они нашли бы во мнѣ скорѣе человѣка, дѣлающаго имъ затрудненія, нежели рьянаго прожектера (выше стр. 83).

И кромѣ того, какъ много привлекательнаго было въ предложеніи такого положенія. Быть въ ежедневныхъ отношеніяхъ не только съ просвѣщеннымъ, но дѣйствительно ученымъ мини-

стромъ, — чему бы я не научился только изъ разговора съ такимъ практикомъ! Работать на виду у сильнаго человѣка, еще болѣе (что не могло не быть), работать на виду у самой монархини, обладавшей свѣдѣніями, но не ставившей большихъ требованій своимъ сотрудникамъ (стр. 246), которая между прочими похвальными качествами имѣла и то, что часто не обращала вниманія на законъ давности, наркотическая сила котораго была ей извѣстна и противна, и не разсчитывала по этому aera adventus (стр. 178). Даже мои критическія изслѣдованія—потому что я не пересталъ бы посвящать имъ свободные часы — много бы выиграли. Одно слово Екатеринѣ черезъ Теплова, и я въ полгода собралъ бы всѣ *списки* десяти монастырей, нисколько ихъ не раздражая и т. д.

Всѣ эти прелести я представлялъ себѣ въ темномъ свѣтѣ, другіе, напротивъ, въ ясномъ. И все таки, послѣ строгаго размышленія, сдѣлаюсь ли я при этомъ дѣйствительно *счастливымъ* (felix ut *mihi* videar, non ut *aliis*, Sen. ep. 110), мое мнѣніе оказалось отрицательнымъ: я преодолѣлъ себя — и не безъ труда!— и почтительно отказался отъ милостивыхъ предложеній, выразивъ желаніе остаться при моемъ прежнемъ планѣ (стр. 252) или получить милостивое увольненіе. — Постороннія обстоятельства были слѣдующія: 600 р. fixum было слишкомъ мало: въ кадетскихъ корпусахъ уже больше мнѣ предлагали; а изъ просимыхъ мною 1000 р. Таубертъ уже устранилъ 140 (стр. 250). Хотя квартиру и столъ можно было оцѣнить гораздо выше 400 р., однако, судя по припискѣ (стр. 253), это не было fixum. Меня обнадеживали, ссылаясь на новый регламентъ Академіи, что я получу больше жалованія; но кто могъ знать, когда онъ явится (до сихъ поръ его еще нѣтъ). И былъ бы я до того времени только профессоромъ при Академіи in partibus infidelium по историческому классу, котораго болѣе не было. Но другія соображенія заставили меня быть *рѣшительнымъ*: I. Неужели еще разъ, въ третій разъ перемѣнить? я сдѣлался бы въ собственныхъ глазахъ достойнымъ презрѣнія. Восточною критикою я пожертвовалъ для русской; и

17*

промѣнять и ее тоже на третье совершенно новое занятіе? и для того снова подвергнуть себя трехгодичному испытанію? II. Я еще не зналъ его съ тѣхъ сторонъ, которыя впослѣдствіи сдѣлали его характеръ столь почтеннымъ въ моихъ глазахъ. Онъ былъ однимъ изъ могущественныхъ людей въ государствѣ, а потому, какъ у всякаго, даже самаго безукоризненнаго человѣка, облеченнаго властію, были свои грубые клеветники: и отъ этого, до сихъ поръ мнѣ неизвѣстнаго individuo, который могъ имѣть свои капризы, стать мнѣ въ личную зависимость? А еслибы я не могъ сойтись съ нимъ, не выдержалъ бы испытанія, и онъ бы мнѣ послѣ или еще до истеченія трехъ лѣтъ отказалъ въ квартирѣ и столѣ? — случай, который я почиталъ возможнымъ и очень вреднымъ для моей чести. III. И что было бы, еслибы черезъ три года новыя бури въ Академіи, все таки принудили меня навсегда оставить Россію? Неужели въ 34 года въ четвертый разъ начинать что нибудь новое въ Германіи? — Нѣтъ, виды были прекрасны, даже согласны съ моими наклонностями, но не прочны, а мнѣ казалось, что ужъ очень пора позаботиться о надежномъ назначеніи здѣсь на землѣ.

Долго послѣ того мнѣ иногда казалось, что я тогда не достаточно обдумалъ дѣло. Но я былъ въ какомъ-то упадкѣ духа, который лишилъ меня бодрости. Слова: *«безъ всякихъ дальнихъ возраженій»* въ запискѣ Тауберта (стр. 252) меня ожесточили; къ новому плану я не былъ приготовленъ, а воспоминаніе о всѣхъ неудачахъ, которыя до сихъ поръ я почти безпрерывно испытывалъ, постоянное безпокойство, *semper aliquid novi*, притупили мое чувство. Можетъ быть, скрывалось тутъ педантическое пристрастіе къ ученому званію и авторской славѣ? я этого теперь не знаю.

Но какой кругъ дѣятельности открылся бы тому работнику, которому пришлось бы принять участіе въ преобразованіяхъ, предстоявшихъ обширному государству! Какъ много хорошаго можно было тутъ сдѣлать, и какъ легко, обладая познаніями, не многимъ больше самыхъ обыкновенныхъ!

Слово «*дѣйствовать*» въ языкѣ прожектеровъ сдѣлалось обыкновеннымъ, а вслѣдствіе того получило levis notae maculam. Но если *побужденіе дѣйствовать* не только не достойно презрѣнія, а напротивъ достойно уваженія (кто можетъ отрицать такое побужденіе); если оно имѣетъ въ виду не только «digito monstrari et dicier, *Hic* est», но самое большое имѣетъ въ виду «ne frustra vixisse videar» и сверхъ того приведено въ дѣйствіе сладостнымъ чувствомъ: я полезенъ своимъ современникамъ,—то не упрекнутъ меня, когда я откровенно сознаюсь, что я и теперь еще сожалѣлъ бы, что я былъ бы безутѣшенъ, что упустилъ предложенный мнѣ случай *дѣйствовать* въ Россіи, еслибы въ послѣдствіи судьба не помогла мнѣ въ другомъ, въ своемъ родѣ тоже не незначительномъ кругѣ дѣятельности (моимъ журналомъ, requiescat in pace!).

90.

Вотъ мои приключенія, мои безпокойства, мои соображенія (не заблужденія ли тоже?) 18-го декабря 1764 года.

Конечно, я ожидалъ, что мой отказъ будетъ принятъ *не милостиво*. Бѣшеному Ломоносову я не рѣшился бы дать такой отвѣтъ; но Теплову и императрицѣ, въ рукахъ которыхъ находилось мое дѣло, можно было. *Несчастія* (Сибирь и проч., стр. 225) я болѣе не опасался ни въ какомъ случаѣ; увольненіе отъ императорской службы и съ тѣмъ вмѣстѣ свободный выѣздъ съ *разнаго рода* моими бумагами,—вотъ все, чего я ожидалъ.

Между тѣмъ приближались рождественскіе праздники, и я разсчитывалъ, что улажу конецъ моего дѣла не раньше, какъ черезъ четыре недѣли. Впродолженіе праздничныхъ недѣль все петербургское общество жило въ упоеніи радости; посѣщали другихъ и принимали у себя; но я еще избѣгалъ обществъ (стр. 225), потому что того, что тянулась уже четыре недѣли, никто не зналъ, кромѣ начальства и друзей. Скука мучила меня вдвойнѣ: моя работа надъ таблицами (стр. 141), служившая пріятнымъ развлеченіемъ втеченіе бурныхъ мѣсяцевъ, прекратилась; начать новую работу у меня не было охоты, и менѣе всего къ

занятіямъ лѣтописями. Тогда внезапно овладѣлъ мною не страхъ, а невыносимое томленіе: все еще *задержанный паспортъ* внутренно терзалъ меня; живѣе, чѣмъ когда либо я чувствовалъ *несвободу*, и просуществовать еще четыре недѣли, умышленно запертымъ въ одной части свободнаго божьяго міра, казалось мнѣ хуже, чѣмъ вовсе не существовать. Я напалъ на мысль употребить хорошій оборотъ, который наконецъ приняло мое дѣло, во-первыхъ, по крайней мѣрѣ на то, чтобы свергнуть съ себя это ужасное чувство. — 21-го декабря я послалъ письмо къ Теплову, у котораго уже былъ въ рукахъ мой отвѣтъ на его новое предложеніе, и усердно просилъ его позволенія немедленно отправиться въ Або, въ шведской Финляндіи, гдѣ у меня были знакомые, провести тамъ праздники и остаться такъ долго, пока ея величеству угодно будетъ окончить мое дѣло.

Мое письмо, написанное въ чрезвычайно меланхолическомъ тонѣ, вывело изъ себя вельможу, вѣроятно, потому особенно, что я предложилъ выѣхать изъ государства sans mes *papiers*, sans mes hardes, seulement pour ma personne: о предполагаемомъ ограбленіи бумагъ онъ уже объяснился (стр. 247). Онъ самъ выбѣжалъ въ переднюю, гдѣ мой слуга ждалъ отвѣта и съ жаромъ вскричалъ: «чего онъ боится, чего онъ боится?» Изъ всего этого Николашка не понялъ ни слова, но добросовѣстно, съ испуганнымъ видомъ отрапортовалъ мнѣ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ.

Не поступилъ ли я необдуманно? рѣчь шла только о *задержаніи* паспорта, что я терпѣлъ уже шесть мѣсяцевъ; почему же не потерпѣть еще четыре недѣли?—Тридцать пять лѣтъ спустя (при началѣ французской революціи), я объяснилъ себѣ отсюда возможность перехода отъ *свободы*, этого благороднаго чувства, безъ котораго человѣкъ не достоинъ самого себя, къ *сумозбродству свободы*, которое выводитъ изъ себя человѣка, чувствующаго себя несвободнымъ (дѣйствительно или мнимо; въ чемъ бы ни состояло стѣсненіе), дѣлаетъ его слѣпымъ къ полезнымъ и позволительнымъ средствамъ снова овладѣть утраченнымъ человѣче-

скимъ правомъ, и наконецъ въ своей высшей степени можетъ неудержимо увлекать его отъ необдуманности къ безумію, отъ безумія къ преступленіямъ, наконецъ къ неистовству, рѣзнѣ, самоубійству и т. д.

91.

Теперь мнѣ опять ничего не оставалось дѣлать. Изъ молчанія Теплова я не извлекъ ни хорошихъ, ни дурныхъ предзнаменованій; думалъ только о предлежащемъ мнѣ *фактѣ*, не докапываясь до возможныхъ его послѣдствій (подобно тому, какъ въ послѣдніе годы читаю газеты, какъ зритель событій міра) и только приготовился къ четырехнедѣльному—выжиданію.

Наступили праздники. Всѣ были веселы — только не я; всѣ искали общества—только не я. Кто могъ думать, что въ эти дни общей остановки во всѣхъ дѣлахъ, министръ возьмется за мое ничтожное дѣло, станетъ искать и найдетъ минуту, чтобы поднести его на разрѣшеніе монархини? Чудо совершилось — незаслуженное слѣдствіе моего страннагѡ письма.

28-го (или 29-го) декабря въ академическую канцелярію пришла моя записка (250) съ именнымъ указомъ императрицы, чтобы опредѣлили меня на основаніи всѣхъ изложенныхъ тамъ пунктовъ. Кто прежде и скорѣе всѣхъ распространилъ эту новость, легко отгадать: то былъ Таубертъ; но кого она всего болѣе озадачила—конечно, Ломоносова и Миллера: оба они ничего не знали, не имѣли ни малѣйшаго предчувствія, хотя дѣло тянулось цѣлыхъ шесть недѣль. Для Ломоносова это былъ самый сильный ударъ: опьяненный своимъ могуществомъ въ прежнія царствованія, онъ не могъ считать презрѣннаго въ его глазахъ alienigenam tyronem способнымъ къ дерзкому шагу—искать себѣ пути къ престолу, а Тауберта или кого нибудь другаго достаточно сильнымъ, чтобы пробить эту дорогу.

Именной указъ, дѣйствительно, былъ полученъ; но оффиціально не былъ еще мнѣ сообщенъ; поэтому въ слѣдующіе дни я еще не принималъ поздравленій, которыя сыпались на меня со всѣхъ

сторонъ, хотя въ тишинѣ наслаждался этимъ совершенно неожиданнымъ праздничнымъ подаркомъ.

Какъ кстати была моя сдержанность! Еще одинъ переворотъ, но уже послѣдній.—2-го января 1765 года вечеромъ черезъ переводчика дошелъ до меня глухой слухъ, что именной указъ изъ академической канцелярiи снова потребованъ ко двору. 3-го и 4-го января никто ничего мнѣ не говорилъ; изъ моей противной партiи я не сталкивался ни съ кѣмъ, кто бы мнѣ открыто и радостно сообщилъ о взятiи указа обратно.

92.

Наконецъ 5-го января любопытство и мучительное состоянiе неизвѣстности побѣдили меня: я пошелъ къ Тауберту и разсказалъ ему противорѣчивые слухи. *Пустяки!* сказалъ онъ, и принесъ именной указъ, написанный по-русски и подписанный Тепловымъ, но помѣченный *4 января*, и обѣщалъ мнѣ въ тотъ же день съ него копiю.

Вотъ мой подлинный контрактъ:

1. По имянному указу Ея Императорскаго Величества бывшiй передъ симъ адъюнктъ Августъ Людвигъ Шлецеръ опредѣляется при Академiи Наукъ профессоромъ ординарнымъ исторiи и членомъ академическаго собранiя, съ жалованiемъ въ годъ по осьми сотъ шестидесяти рублевъ, включая въ томъ квартиру, дрова и свѣчи.

2. Какъ скоро Академiя снабжена будетъ новымъ регламентомъ, то ему пользоваться всѣми тѣми выгодами, какiя въ ономъ опредѣлены будутъ академикамъ ординарнымъ.

3. Главное его упражненiе имѣетъ состоять въ древней россiйской исторiи и во всякихъ до объясненiя оной касающихся сочиненiяхъ; а для сего дѣла не только не возбраняется ему употреблять всѣ находящiяся въ Императорской библiотекѣ и при Академiи книги, манускрипты и прочiя къ древней исторiи принадлежащiя извѣстiя, но и дозволяется требовать чрезъ Академiю всего того, что къ большему совершенству поручаемаго ему дѣла служить можетъ.

4. Сверхъ историческихъ розысканiй упражняться ему съ неменьшимъ прилежанiемъ и ревностно въ другихъ матерiяхъ, въ

коихъ признана будетъ его способность, когда по Высочайшему Ея И. В—ва указу оныя поручаемы будутъ.

5. А дабы какъ историческія его сочиненія такъ и прочіе труды, склоняющіеся къ народной пользѣ, тѣмъ безпрепятственнѣе могли производимы быть въ печать, то позволяется ему оные для засвидѣтельствованія его усердія всеподданнѣйше представлять Ея Императорскому Величеству или кому отъ Ея Величества разсмотрѣніе оныхъ поручено будетъ. Впрочемъ поступать ему такъ, какъ въ регламентѣ академическомъ предписано академикамъ ординарнымъ.

6. Сей контрактъ заключается на пять лѣтъ; а по прошествіи оныхъ вольно ему, Шлецеру, либо далѣе продолжать службу свою, или возвратиться въ свое отечество безъ всякаго препятствія и задержанія.

7. Для поправленія его здоровья и для свиданія съ фамиліею дозволяется ему наступающею весною на три мѣсяца ѣхать въ Германію; а дабы онъ на предписанный срокъ возвратился, взять съ него по обыкновенію реверсъ и снабдить его такими отъ Академіи комиссіями, которыми бы онъ производимое ему на то время жалованье заслужить могъ. [1])

Подлинный подписалъ: Григорей Тепловъ.

Съ подлиннымъ сличалъ: Иванъ Дандулинъ,
Регистраторъ.

Генваря 4 дня
1765 года.

93.

Но вѣдь это былъ тотъ самый контрактъ, о которомъ я прежде просилъ (стр. 250)? *Ни одинъ* пунктъ не былъ исключенъ или измѣненъ, хотя впрочемъ иное было выражено опредѣлительнѣе, съ явною выгодою для меня. Извѣстно однакожъ, что въ концѣ года онъ былъ присланъ въ канцелярію, нѣсколько дней спустя, взятъ назадъ и 4-го января снова возвращенъ въ канцелярію. Какъ это случилось?

Объ этомъ странномъ ходѣ дѣла я никогда не могъ узнать ничего подробно и точно: Таубертъ никогда не произносилъ при

---

[1]) *Матер.* Билярскаго, стр. 733—4. Остальные документы, относящіеся до опредѣленія Шлецера ординарнымъ академикомъ и до отъѣзда его за границу, помѣщены въ приложеніяхъ.

мнѣ объ этомъ ни одного слова. Но, по довольно вѣроятнымъ извѣстіямъ и догадкамъ другихъ, дѣло шло такимъ образомъ: Ломоносовъ узналъ поразительную для него новость за нѣсколько дней до новаго года. Въ этотъ праздникъ всѣ, малые и большіе, въ томъ числѣ и Ломоносовъ, съѣзжались ко двору. При этомъ случаѣ онъ у сенаторовъ и всѣхъ вельможъ, особенно у Орловыхъ, у которыхъ пользовался высокимъ уваженіемъ, неистово шумѣлъ о (мнимо) добытомъ происками именномъ указѣ, и высыпалъ всѣ клеветы вмѣстѣ, которыя онъ и Миллеръ втеченіе долгаго времени порознь взводили на меня. Изъ незначительныхъ перемѣнъ, сдѣланныхъ во второмъ указѣ, можно догадаться, о чемъ именно онъ шумѣлъ. 1. Мое жалованіе, 860 рублей, было для него слишкомъ велико; прибавленіе перваго пункта, что въ эту сумму зачислены квартира, дрова и освѣщеніе, должно было, такъ сказать, его утѣшить. 2. Непремѣнное требованіе реверса въ пунктѣ 7-мъ, было вызвано вѣчнымъ нашептываніемъ Миллера, будто я не возвращусь. 3. Тепловъ отказался отъ своего специальнаго покровительства, о которомъ я просилъ его (стр. 250, VI): отъ этого пострадала бы честь Академіи, отъ которой я оставался бы независимымъ. Но самое большое вниманіе сенаторовъ Ломоносовъ привлекъ къ 4. непочтительному выраженію, которое вырвалось у меня: чтобы сенатскій указъ былъ отмѣненъ (révoqué, стр. 251).—Всѣ эти жалобы, и кто знаетъ, сколько еще другихъ, фаворитъ Григорій Орловъ тотчасъ послѣ новаго года представилъ императрицѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что указъ былъ взятъ обратно — и только черезъ два дня — возвратился назадъ.

94.

Итакъ, побѣда надъ Ломоносовымъ, побѣда надъ Миллеромъ и что еще больше (по крайней мѣрѣ *временная*) побѣда надъ *Орловыми*. «*Этого я недумалъ*», твердило большинство; «*это не можетъ долго продолжаться, берегитесь*», говорили другіе; «*плохо бываетъ, когда покровители умираютъ*», сказалъ Миллеръ,

прощаясь со мною передъ отъѣздомъ въ Москву; *«посмотримъ»*, думалъ я.

Прежде всего Таубертъ поѣхалъ со мною къ Теплову. Его превосходительство снова распространился очень подробно и откровенно о моемъ столь достославно и скоро оконченномъ дѣлѣ. Очевидно, сказалъ онъ, когда рѣчь коснулась множества изученныхъ имъ актовъ, относящихся къ моему настоящему дѣлу, — очевидно, Миллеръ дѣйствовалъ противъ меня изъ ревности, потому что онъ никого не могъ терпѣть возлѣ себя. (Ломоносовъ погрѣшилъ гораздо болѣе; но онъ его не упомянулъ: къ нему не прикасался даже такой человѣкъ, какъ Тепловъ). Среди этого разговора онъ произнесъ: «нѣтъ, имъ обоимъ (Миллеру и мнѣ) не слѣдуетъ быть вмѣстѣ, они должны быть врознь».—По чести, я этого не понялъ. Однако—
вскорѣ повсюду распространился слухъ, будто Миллеръ указомъ переводится въ Москву директоромъ тамошняго Воспитательнаго дома. Это извѣстіе потрясло меня. Человѣка 60-ти лѣтъ, съ чрезвычайною честью занимавшаго свой постъ втеченіе 40 лѣтъ, откомандировываютъ къ совершенно чуждому для него дѣлу! Это было ужасно жестоко.

Но такъ какъ Миллеръ одновременно получалъ и большее жалованіе и высшій чинъ (изъ профессора онъ сдѣлался коллежскимъ совѣтникомъ, перескочивъ надворнаго) и оставался государственнымъ исторіографомъ, то я думалъ, что все дѣлается съ его добраго согласія. Однакожъ, когда я на этихъ дняхъ сдѣлалъ ему визитъ, онъ встрѣтилъ меня словами: unius *corruptio* est alterius generatio, и не скрывалъ, что не можетъ утѣшиться въ этомъ неестественномъ перемѣщеніи, которое почиталъ наказаніемъ.

95.

Здѣсь, въ концѣ этого перваго отдѣла, я долженъ просить благосклоннаго и неблагосклоннаго читателя (если онъ только уважаетъ *истину)* немного остановиться и отыскать въ Бюшинговомъ жизнеописаніи Миллера (въ 3-й части его Beiträge zur

Lebens Geschichte etc. Halle, 1785) стр. 68—70 и прежде того 60—63. Или я здѣсь разсказалъ неправду о перемѣщеніи Миллера въ Москву и о моемъ профессорствѣ и еще болѣе выше о поводахъ прибытія въ Россію, какъ я сдѣлался адъюнктомъ и проч., или покойный Бюшингъ жестоко ошибся на мой счетъ. Если послѣднее вѣрно, то ни одинъ честный человѣкъ не осудитъ меня, что я возражаю Бюшингу и дозволяю выставить въ ложномъ и для меня очевидно невыгодномъ свѣтѣ *главную* сцену моей жизни, какъ бы эта жизнь ни была незначительна.

По разсказу гдна Бюшинга, «Миллеръ былъ перемѣщенъ въ Москву, потому что онъ, Бюшингъ, отказался отъ этого, предложеннаго ему мѣста и рекомендовалъ на него Миллера; я же будто бы сдѣлался профессоромъ вслѣдствіе *продѣлокъ* Тауберта, *потому что* мѣсто Миллера осталось свободнымъ». Я привожу здѣсь *) большею частію ipsissimis verbis безсмертнаго разскащика, главныя мѣста, касающіяся хода дѣла при этомъ перемѣщеніи и моемъ опредѣленіи, и только означаю курсивомъ неблагородныя выраженія, щелчки, совершенно превратный хронологическій по-

---

*) Стр. 66 и слѣд.... «Бецкій предложилъ мнѣ (Бюшингу) въ 1764 году мѣсто главнаго надзирателя московскаго воспитательнаго дома; я отказался, и *я* предложилъ на это мѣсто профессора Миллера... и увѣрилъ, что уговорю Миллера принять эту должность. Въ это время пришелъ Миллеръ; при этомъ предложеніи онъ *поблѣднѣлъ отъ испуга*, смотрѣлъ на меня *съ удивленіемъ*, поспѣшилъ домой въ явномъ *душевномъ безпокойствѣ*, задумчивый, чтобы разсказать своей супругѣ о неожиданномъ предложеніи. Бецкій *не дождался* его рѣшенія, но *тотчасъ* предложилъ его императрицѣ, которой это было такъ же неожиданно, но пріятно... На другой день уже это сдѣлалось извѣстно... и Таубертъ тотчасъ началъ *хлопотать*, чтобы адъюнкта Академіи, гдна Шлецера, назначили профессоромъ на мѣсто Миллера. Все это такъ быстро слѣдовало одно за другимъ, что Миллеръ сперва былъ совершенно оглушенъ, а потомъ впалъ въ уныніе. Все это случилось *въ концѣ* 1764 года. Гнъ Шлецеръ, который, благодаря содѣйствію гдна Михаэлиса, *въ апрѣлѣ* этого года получилъ титулъ профессора Гёттингенскаго университета, чтобы *тѣмъ легче получить* профессорство при петербургской Академіи, *достигъ своей цѣли* стараніями директора Тауберта, потому что онъ въ началѣ 1765 года указомъ, собственноручно подписаннымъ императрицею, былъ назначенъ членомъ Академіи наукъ и ординарнымъ профессоромъ исторіи, при чемъ онъ заключилъ на пять лѣтъ контрактъ, втеченіе которыхъ долженъ былъ преимущественно заниматься обработкою древней русской исторіи».

рядокъ событій, лежащее въ самомъ разсказѣ противорѣчіе и проч. Покойникъ только по памяти пишетъ о дѣлахъ совершившихся цѣлыхъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ говоритъ только по слухамъ: отчасти только на основаніи сплетень своей партіи. Должно быть, онъ никогда и въ глаза не видѣлъ ни листа изъ моихъ многочисленныхъ документовъ. Но о моихъ дѣлахъ въ Петербургѣ повсюду говорили впродолженіе цѣлаго полугода, а къ концу всего болѣе о вмѣшательствѣ въ нихъ самой императрицы; все это онъ, вѣроятно, въ двадцать лѣтъ просто забылъ....

Иначе и совершенно различно разсказывается ходъ дѣла, въ особенности касательно Миллера, какимъ-то безъименнымъ авторомъ въ книгѣ ландфохта Энгеля Reise nach dem Nordpol (Bern, 1777, 4) въ Neuen Versuch etc. S. 26 ff. Тамъ говорится, будто бы «Миллеръ полученіемъ директорскаго мѣста въ Воспитательномъ домѣ составилъ *полное*, неожиданное, великое *счастіе*; этимъ счастіемъ онъ былъ обязанъ Бюшингу, безъ котораго Миллеръ былъ бы ничто; какъ бы онъ достигъ той *высоты*, на которой онъ теперь, еслибы не Бюшингъ?»... Весь разсказъ кишитъ не только грубою ложью, но и другими гораздо болѣе чувствительными клеветами на Миллера. Я не назвалъ клеветника на оберткѣ моихъ Stats-Anz. Heft 42, № 14, — но все таки далъ возможность его узнать.

96.

Послѣ такого исхода дѣла, мнѣ снова пригодилось то, что мое имя втеченіе шести мѣсяцевъ, благодаря старанію Ломоносова (стр. 229), съ насмѣшкою и проклятіямъ произносилось сотнею князей; потому что столько же вельможъ, въ которыхъ при другихъ обстоятельствахъ вновь опредѣленный въ Академію профессоръ не возбуждалъ никакого интереса, теперь, при совершенно неожиданной развязкѣ обратили на меня вниманіе, а многіе и благосклонное вниманіе: у Ломоносова, Миллера и Орловыхъ такъ же были свои жаркіе противники, которые отъ души порадовались ихъ пораженію.

Вотъ примѣръ этого милостиваго вниманія и его вліянія даже на иностранца. 16-го января... envoyé графъ R... черезъ своего французскаго секретаря пригласилъ меня обѣдать и самъ пріѣхалъ за мною въ своемъ vis-à-vis. Онъ зналъ множество анекдотовъ о моихъ дѣлахъ, жаль только, что лучшіе изъ нихъ были невѣрны. Впослѣдствіи я очень часто былъ приглашаемъ къ нему; у него былъ самый утонченный столъ, какой я когда либо встрѣчалъ во время моихъ путешествій (исключая развѣ нѣсколько большихъ домовъ въ Парижѣ); два раза онъ присылалъ мнѣ на домъ въ подарокъ старый токай. Мало-по-малу мы совершенно подружились; дошло даже до того, что г-днъ посланникъ, когда я приходилъ и уходилъ (если при томъ никого не было), обнималъ меня, т. е. смотрѣлъ налѣво и направо черезъ мои плечи. Наконецъ открылась причина этихъ сердечныхъ отношеній: онъ все чаще и чаще начиналъ говорить объ императрицѣ и ея правахъ на престолъ. Конечно, я не вызывалъ его словъ, но молчалъ. Однако вскорѣ онъ еще болѣе приблизился ко мнѣ и, лаская меня, говорилъ о множествѣ *тайнъ*, извѣстныхъ мнѣ о Россіи, которыя, какъ онъ думалъ, должны быть *чрезвычайно важны*, потому что я даже о томъ пускался въ подробности. Тутъ я его увѣрилъ, что со времени моего прибытія, занимался только Россіею, какова она была за пять, шесть, семъ сотъ лѣтъ; всѣми этими замѣчаніями могу служить его превосходительству, какъ ученому знатоку древней русской исторіи и связанной съ нею исторіи его отечества. Съ этого времени я лишился роскошнаго стола; никто не являлся болѣе съ приглашеніемъ, даже книги, которыя онъ мнѣ обѣщалъ, не были доставлены. (Этотъ господинъ былъ именно тотъ, который въ послѣдующихъ польскихъ смутахъ игралъ чрезвычайно неблагородную роль).

Но безконечно важнѣе было то, что, какъ слѣдствіе моего процесса, явилось для всей націи: съ этого времени въ Россіи начинается новый литературный міръ (стр. 121), который одинъ уже дѣлаетъ царствованіе Екатерины II эпохою. Если кто меня, можетъ быть, заподозритъ въ неправильномъ заключеніи, post

hoc, *ergo* propter hoc, того я попрошу сопоставить слѣдующія событія. — До того времени *общественная робость* была велика до невѣроятности и страхъ печати по истинѣ ребяческій. Почти все, что касалось государства или правительства, считалось государственною тайною; объ этомъ можно было говорить только въ дружеской бесѣдѣ, но избави Богъ публично. До тѣхъ поръ даже не было напечатано ни одной древней лѣтописи, потому что тамъ мѣстами разсказываются позорныя дѣла великихъ князей или вельможъ, поздніе потомки которыхъ еще были въ живыхъ; даже не было ничего сноснаго по русской географіи и статистикѣ, потому что все сдѣланное иностранцами было большею частію невыносимо. — И не могло быть иначе. Страшная *тайная канцелярія*, которая со всѣми своими ужасами существовала со временъ царя Алексѣя, болѣе ста лѣтъ, необходимо должна была притупить націю. Хотя Петръ III уничтожилъ ее въ 1762 г. и Екатерина II подтвердила это уничтоженіе, однако тому, кто долго былъ оглушенъ ужасомъ, нужно время для отдыха еще послѣ того, когда вся опасность миновалась. — Тутъ начались мои дрязги съ Ломоносовымъ и Миллеромъ и сдѣлались гласными. Въ слухахъ и толкахъ не было недостатка: «иностранецъ умышленно вывѣдываетъ, что дѣлается въ государствѣ; онъ этимъ совершилъ государственное преступленіе; его дѣло, должно быть, чрезвычайно важно, потому что оно дошло до Сената, который либо отниметъ отъ него бумаги, либо самого не выпуститъ изъ государства». Развѣ, поэтому, *тайная канцелярія* не существовала еще вполнѣ въ своихъ основаніяхъ? — Но явилась Екатерина II: она опредѣлила понятіе о *государственной тайнѣ*, узаконила безконечное различіе между «измѣнническимъ *вывѣдываніемъ* дѣлъ государственныхъ и ученымъ *изслѣдованіемъ*», объявила свои государственныя *хроники* общимъ достояніемъ всего ученаго міра, и того, кто до сихъ поръ на дѣлѣ придерживался этихъ правилъ, не смотря на самое дикое противодѣйствіе, не только взяла подъ свое покровительство, но приняла въ свою службу, удостовѣривъ его, что онъ и впослѣдствіи, если захочетъ, можетъ

безопасно идти во всѣ четыре стороны со всѣмъ, что узнаетъ объ ея государствѣ. — Но тѣмъ фактомъ, что дѣло съ самого престола было разрѣшено въ мою пользу, любопытство не удовлетворилось: все еще заботливо спрашивали: *какъ* и *почему?* Естественно, что, вслѣдствіе этого, мнѣнія императрицы и Теплова получили чрезвычайно сильное обращеніе. Сдѣлалось *bon ton* превозносить эти мнѣнія,—и вотъ въ слѣдующія двадцать пять лѣтъ русская печать выпустила гораздо болѣе народныхъ произведеній по всѣмъ отраслямъ, нежели во всѣ двѣсти лѣтъ со времени введенія книгопечатанія въ Россіи при всѣхъ прежнихъ правительствахъ вмѣстѣ взятыхъ.

97.

5-го января 1765 года я подписалъ въ канцеляріи присяжный листъ.

7-го января Таубертъ ввелъ меня въ конференцію. Присутствовалъ ли Ломоносовъ въ этотъ первый разъ, я не помню; впослѣдствіи мы встрѣчались нѣсколько разъ. Что онъ ни слова не говорилъ со мною, это было естественно; но что онъ не вцѣпился мнѣ въ горло, этому удивлялись многіе, знавшіе его прежде. — Миллера я избавилъ отъ дальнѣйшихъ посѣщеній (стр. 267); только иногда мы видѣлись въ конференціи. И здѣсь онъ обнаружилъ ожесточеніе противъ меня: однажды онъ оффиціально вздыхалъ о томъ, что у него нѣтъ *преемника*.

4-го марта Миллеръ отправился въ Москву въ Воспитательный домъ. Но уже черезъ годъ былъ освобожденъ отъ этого неестественнаго для него мѣста и переведенъ въ свою стихію, въ тамошній государственный архивъ.

4-го апрѣля умеръ Ломоносовъ на 54-мъ году отъ роду, какъ Петръ Великій. Его поклонники распространили, будто онъ увѣрялъ, что скорбь о томъ, что Таубертъ случайно подстрекнулъ его подписать канцелярскій указъ 26 мая (стр. 186), свела его въ могилу. Правда ли это, или нѣтъ, но я въ его ранней смерти невиненъ. Но еслибы я не былъ достаточно силенъ (стр. 231),

чтобы перенести его пятимѣсячныя кляузы, кто былъ бы названъ моимъ убійцею? На его мѣсто въ канцеляріи никого не назначали, а потому Таубертъ остался одинъ ея директоромъ, т. е. дѣйствительнымъ правителемъ всей Академіи; и мнѣ, его тайному совѣтнику, при этомъ новомъ statu rerum тоже не было дурно.

3-го мая я подалъ въ эту канцелярію прошеніе о доставленіи мнѣ паспорта на предстоящую поѣзду въ Германію; я получилъ его и снова чувствовалъ себя — *свободнымъ!*

30 мая (11 іюня н. с.) уѣхалъ Бюшингъ (см. его автобіографію). Онъ удостоилъ меня прощальнымъ визитомъ.

15 (26) іюня я отправился въ Кронштадтъ.

13 (24) іюля Бекманъ отправился въ Швецію. Еще передъ тѣмъ я имѣлъ отъ Тауберта порученіе предложить ему адъюнктское мѣстѣ при Академіи; но онъ отказался отъ него. Демонъ, распоряжавшійся въ Академіи со времени новаго регламента 1747 года, снова поскупился рублями и титулами, и вслѣдствіе того Россія снова лишилась иностранца, который какъ будто былъ созданъ для службы при ея новыхъ учрежденіяхъ. Но этимъ злодѣй (демонъ) неумышленно сдѣлался благодѣтельнымъ для науки: онъ сохранилъ для Гёттингена творца двухъ новыхъ наукъ: Экономіи и Технологіи.

Вскорѣ и Бакмейстеръ отправился въ Швецію, куда онъ сопровождалъ своихъ воспитанниковъ Кондоиди. (По возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ назначенъ инспекторомъ академической гимназіи).

И такъ, втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ большинство лицъ, такъ часто упоминаемыхъ въ настоящемъ моемъ разсказѣ, разсѣялось. — Снова нѣчто характеристическое для Петербурга!

98.

Конецъ моей *(первой) маленькой* драмы, которую я долженъ былъ сыграть на *большой* сценѣ и провести черезъ четыре акта.

Блаженъ былъ покой, несказанно сладостно удовольствіе, которое я теперь чувствовалъ! Какъ будто меня посѣтило чрез-

вычайное счастіе, котораго впрочемъ въ дѣйствительности не было. Но я, предоставленный самому себѣ, такъ утомился нравственно отъ неизвѣстности, проектовъ, опасеній! Я чувствовалъ себя, какъ пассажиръ, который послѣ продолжительнаго, чрезвычайно несчастнаго путешествія достигаетъ берега и входитъ въ едва сносную гостинницу: втеченіе первыхъ 24 часовъ всѣ перенесенныя безпокойства забываются; или же путешественникъ вспоминаетъ о нихъ даже съ удовольствіемъ и гордостію, что его опытность умножилась.

Теперь (*думалъ я тогда*) у меня есть *прочное назначеніе* и моя судьба навсегда опредѣлилась здѣсь, на землѣ. Вотъ лежитъ предо мною безконечное, богатое лаврами поле русской исторіи, при обработкѣ котораго, еслибы я прожилъ Богъ знаетъ, какъ долго, никогда не найду конца и никогда не впаду въ пресыщеніе.

Для меня было трогательно и то, что Екатерина, которая уже тогда являлась міру *Великою Женою*, сама непосредственно такъ много *занималась* мною, чужестранцемъ, — если только это выраженіе не непочтительно. Этимъ она пріобрѣла себѣ добровольнаго, а потому тѣмъ болѣе преданнаго ей раба, и для своего государства завоевала патріота, который съ радостію пожертвовалъ бы собою для его славы и пользы.

Но я все еще не имѣлъ никакого état (стр. 179). Въ это именно время случайнымъ образомъ я напалъ на утѣшеніе Аристотеля (Polit, L, VII, cap. 16), гдѣ мудрецъ говоритъ, что мущинѣ въ 37 лѣтъ еще есть время *жениться*. (Древній грекъ при этомъ, вѣроятно, думалъ только о *физическихъ* основаніяхъ; какъ много другихъ болѣе важныхъ основаній, при нынѣшнемъ состояніи свѣта, согласны съ его совѣтомъ!). До того времени, т. е. до истеченія срока моего пятигодичнаго контракта, я надѣялся найти случай снова обратить на себя взоры *Великой Жены* и достигнуть того, чтобы осмѣлиться спросить: *чего мнѣ еще не достаетъ для моего счастія?*

99.

О филологическомъ путешествіи на востокъ теперь, конечно, и думать нечего было: но я ли тому виноватъ? Цѣлыхъ девять лѣтъ я боролся за этотъ проектъ, о которомъ все еще вспоминаю съ удовольствіемъ; и еще въ самомъ концѣ рѣшился для него на попытку полную надеждъ (стр. 248). Но nolentem *trahebant* fata; зачѣмъ мнѣ было долѣе бороться и подвергаться упреку въ фанатическомъ упрямствѣ? Я никому не былъ обязанъ исполненіемъ этого проекта. И на новое поприще, на которое я дозволилъ себя вовлечь, я могъ смотрѣть съ разныхъ сторонъ, какъ на достаточное вознагражденіе за старое, оставленное. И свѣдѣнія въ восточной литературѣ, которыя я долженъ былъ пріобрѣсти, чтобы приготовиться къ тому путешествію, были мнѣ при обработкѣ русскихъ лѣтописей вовсе не безполезны. — Одинъ изъ моихъ друзей удостоилъ меня, или лучше сказать, дразнилъ меня, по поводу моей терпѣливой покорности, возможность которой я такъ долго отрицалъ, пѣснью, начало и конецъ которой были слѣдующіе:

Träumend von dem Ruf der Ehre...
Zog er über Land und Meere
Schon im Geist nach Salem hin...

. . . . . .

Aber Gott und Katharina
und sein Fatum sprachen, Nein!
und der Pilger nach dem Sina
fror in Girwi-Sari *) ein.

(Мечтая о призывѣ чести, онъ мысленно уже отправился черезъ землю и моря въ Іерусалимъ.... Но Богъ и Екатерина и его судьба сказали: нѣтъ! И пилигримъ на Синай замерзъ на Гирви-Сари).

Еще равнодушнѣе оставилъ я помыслы о *медицинѣ*, потому что мой энтузіазмъ въ этой наукѣ постоянно направлялся преиму-

---

*) Древнее финское названіе Васильевскаго острова.

щественно къ *практикѣ*; но моя постоянно усиливающаяся близорукость уже раньше сдѣлала мнѣ печальное открытіе, что я именно вслѣдствіе близорукости не гожусь для практики.

100.

Но — все таки *но!* — Другое послѣдствіе моего новаго неизмѣнимаго назначенія было для меня менѣе безразлично. Хотя я тогда заглушилъ свое горе множествомъ другихъ пріятныхъ мечтаній, однако воспоминаніе о немъ въ позднѣйшіе годы моей долгой жизни возмущало многіе часы размышленій. — Меня лишили всякой надежды на удовлетвореніе желанію путешествовать, которое пробудилось во мнѣ уже въ дѣтскіе годы и возросло до страсти вслѣдствіе жаднаго чтенія географіи Гюбнера и всѣхъ существовавшихъ тогда глупыхъ и умныхъ Робинзоновъ, сначала только изъ темныхъ представленій пользы и удовольствія, доставляемыхъ путешествіемъ, которыя потомъ въ юношескіе годы прояснялись и все болѣе и болѣе крѣпли; у меня отняли всякую надежду на удовлетвореніе этого невиннаго, этого разумнаго стремленія, — безъ котораго, какъ мнѣ казалось, я не могъ быть *счастливымъ* человѣкомъ, — даже въ *томъ* государствѣ, гдѣ я видѣлъ не только возможность, но и легкость удовлетворенія этого стремленія.

«Путешествовать» — думалъ я — не значитъ, по модѣ faire le tour de l'Europe, или съѣздить только въ Аравію или въ Сибирь; но изучать *міръ* и *человѣчество* по сю и по ту сторону Европы, гдѣ въ сущности господствуетъ всеобщее, скучное однообразіе, на востокѣ, на западѣ, на югѣ, не вскользь, а останавливаясь, всесторонне, въ цѣломъ и въ нѣкотораго родѣ системѣ.

«Какъ глупо это желаніе, какъ фанстатиченъ этотъ планъ (скажутъ) для всякаго, кто не лордъ и у кого путевая касса не восполняется ежегодно новыми 5000 фунтовъ стерлинговъ». — Нѣтъ, для меня, да притомъ въ Россіи, этотъ планъ не былъ фантастиченъ. Это государство имѣетъ обширныя связи и состоитъ въ сношеніяхъ съ половиною міра и для поддержанія ихъ должно

было въ то время искать иностранцевъ (не такъ, какъ Англія, Франція и проч.): развѣ я не былъ годенъ для этого? вѣдь я очень мало боялся опасностей, а неудобствъ и работы вовсе не боялся (не могъ ли я этихъ двухъ хорошихъ качествъ путешественника представить взамѣнъ моей близорукости?). Я вѣдь хотѣлъ путешествовать не въ качествѣ мыслящаго наблюдателя, еще менѣе въ качествѣ сантиментальнаго пейзажиста; но по *дѣламъ*, съ порученіями отъ своего правительства, которому я долженъ былъ бы отдавать частые и точные отчеты о своихъ работахъ. Я бы на все согласился: быть переводчикомъ, секретаремъ, агентомъ, консуломъ, резидентомъ и проч. и проч. и проч. Въ лучшемъ возрастѣ для путешествія я изслѣдовалъ бы восемь, десять главныхъ странъ и главныхъ народовъ; прожилъ бы по году или по два во всѣхъ странахъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга, въ Персіи, въ Индіи, въ Китаѣ, Египтѣ, Марокко, Америкѣ и т. д., устроился бы въ каждомъ изъ нихъ и, какъ должностной человѣкъ, занялся бы не только народомъ и правительствомъ, но и внутреннимъ бытомъ семьи (объ этомъ странствующій пяти-тысячный лордъ узнаетъ очень мало). — Обо всемъ этомъ теперь нѣтъ и мысли! Я долженъ буду покинуть свѣтъ и людей, не изучивъ ихъ. (Развѣ изъ *книгъ?* о книжное знаніе! оно такъ часто ложно и всегда пусто въ сравненіи съ самою дѣйствительностію!). — Если я былъ предназначенъ къ кабинетному труду, то зачѣмъ же такъ рано? Кочеваніе навѣрное надоѣло бы мнѣ, и я лѣтъ въ сорокъ удалился бы въ музей, блаженствовалъ бы въ своемъ созерцаніи и при этомъ не былъ бы безполезенъ для отечества и для свѣта.

Меня лишили этого блаженства ничтожныя обстоятельства, незначительные частные интересы другихъ и привели меня въ то состояніе, въ которомъ при нынѣшнемъ устройствѣ нашей гражданской жизни находятся милліоны: *наклонность* и *назначеніе* не гармонируютъ между собою; первая часто бываетъ притворная, въ счастливомъ случаѣ искуственно вызванная, а въ несчастномъ—даже вынужденная.

Но, судьба! я не ссорюсь съ тобою! Съ давнихъ поръ я находилъ правило глубокой житейской мудрости, нисколько не препятствующее стремленію къ совершенствованію, въ изреченіи Ире, которое онъ въ Упсалѣ писалъ въ альбомы молодымъ людямъ, и всегда добросовѣстно слѣдовалъ этому изреченію къ своему успокоенію; вотъ оно:

tu quod sis, esse velis, nihilque malis.

Давно уже *написано* большею частью по сохранившимся письмамъ памятнымъ запискамъ и актамъ.

Напечатано между 1799—1802 годами.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПЕРЕВОДЪ ЕВРЕЙСКИХЪ ДОКУМЕНТОВЪ.

Къ стр. 133.

24 окт. 1763 г. Главная провіантская канцелярія просила Канц. Ак. н. послать, если имѣется, переводчика съ еврейскаго языка для разобранія и перевода присланныхъ при указѣ прав. Сената писемъ, векселей и счетовъ еврея Вульфа, писанныхъ по-еврейски.

Въ отвѣтъ на это Канц. Ак. н. просила прислать всѣ эти бумаги для перевода, ибо такого, «который по-еврейски знаетъ, за положенною на него должностію, отъ Академіи отлучить не можно».

5-го ноября 1763 г. Провіантская канцелярія отвѣчала промеморіею, въ которой изъяснила, что такъ какъ всѣ документы еврея Вульфа изъ Сената присланы въ запечатанномъ конвертѣ, который слѣдуетъ распечатать въ присутствіи при самомъ ихъ владѣльцѣ и по словесномъ переводѣ, что окажется не нужнымъ, возвратить ему; опредѣлено: ... «требовать, дабы благоволено было имѣющемуся еврейскаго языка переводчику приказать, чтобы онъ по повелѣнію Главной провіантской канцеляріи на одно тогда короткое время для разобранія и словеснаго перевода тѣхъ писемъ, векселей и счетовъ въ присутствіи оной Провіантской канцеляріи, при немъ Вульфѣ явился въ оной канцеляріи, а по разобраніи, которыя слѣдовать будутъ къ переводу съ еврейскаго на россійскій языкъ и отданы быть имѣютъ тому переводчику съ реестромъ, а по окончаніи онаго, что болѣе до него переводчика надобности не будетъ, оной Канцеляріи Академіи наукъ сообщено быть имѣетъ»...

Вслѣдствіе этого новаго требованія посланъ былъ Шлецеръ. Вотъ его двѣ записки въ Канц. Ак. н. по этому предмету:

1.

Росписка, которую мнѣ третьяго дни въ провіантской канцеляріи показывали, не еврейскимъ, но новожидовскимъ языкомъ написана, также

и слова въ ней не жидовскія, но нѣмецкія или польскія, а послѣднее кажется мнѣ вѣроятнѣе, потому что въ третьей строкѣ нашелъ, какъ мнѣ показалось, слово podpisan.

Копія, которую я съ оной росписки въ скорости взялъ, не ясна, и слѣдовательно, ни я, ни г-нъ Старке, учитель при нѣмецкой школѣ, который въ жидовско-нѣмецкомъ языкѣ искусенъ, всю разобрать не могли; а между тѣмъ я разобралъ нѣкоторыя слова (напр. въ первой строкѣ слова Исакъ Абрамовичь), а надѣюсь еще болѣе разобрать, ежели

1) не только сія одна росписка, но и другія жидовскія письма, въ провіантской канцеляріи находящіяся, на нѣсколько дней отданы мнѣ будутъ на домъ;

2) чтобъ краткое при томъ было извѣстіе вообще о содержаніи сихъ писемъ, а особливо о собственныхъ именахъ въ оныхъ случающихся.

Авг. Людв. Шлецеръ.

Ноября 20-го дня
1763 года.

2.

Росписку разобралъ я почти всю, а особливо написаны имена собственныя ясно, какъ оныя усмотрѣть можно, на ломаномъ польскомъ языкѣ.

[1]לאל עבשי· Вѣри Исакъ Абрамовичь и съ товарищами Львекъ, Абиль и Гершенъ Іосефовичь, подписуя ренкимъ нашимъ [2]נאל בון אלי, вѣримъ.

то есть:

Симъ свидѣтельствую я Исакъ Абрамовичь съ товарищами своими Львекъ, Абель и Гершенъ Іосефовичь и мы подписали то нашими руками.

Примѣчанія.

1. Т. е. *Leel Ebschi*; *ш* не ясно, а буде вмѣсто того *г* читать можно, то выйдетъ: я свидѣтельствую богомъ Евреевъ.

2. Сіи буквы я не разумѣю, однако онѣ до самого дѣла не касаются, потому что прочія всѣ, особливо заглавныя слова, нарочито ясны и въ нихъ сумнѣнія нѣтъ, а буде потребуется, чтобъ эти слова точно знать, то прошу прислать ко мнѣ еще одинъ разъ двухъ или трехъ жидовъ и подлинникъ, не сказавъ имъ напередъ о томъ, для чего они ко мнѣ посылаются; я тогда у каждаго особливо спрашивать стану, какъ онъ сіи слова читаетъ и изъясняетъ.

Шлецеръ.

Ноября 27 дня
1763 года.

Но, какъ видно, объясненія Шлецера не удовлетворили Провіантской канцеляріи, потому что въ концѣ января 1764 года снова возникла переписка о переводчикѣ съ еврейскаго языка; дѣло дошло даже до Сената, которому Канцелярія Ак. н. уже въ іюлѣ окончательно отрапортовала, что при Академіи переводчика, знающаго по-еврейски, вовсе нѣтъ.

Здѣсь кстати будетъ сообщить свѣдѣнія о другомъ не менѣе важномъ дѣлѣ, въ которомъ Шлецеръ, благодаря Тауберту, принималъ дѣятельное участіе (хотя онъ объ этомъ и не упоминаетъ въ свой автобіографіи) и которое дало Ломоносову поводъ къ самымъ рѣзкимъ осужденіямъ ихъ обоихъ. Это дѣло — переводъ китайской исторіи.

Еще въ мартѣ 1756 года прав. Сенатъ прислалъ въ Канцелярію Академіи наукъ 16 томовъ исторіи и описанія китайскаго государства, купленные въ Китаѣ, при указѣ «велѣть при Академіи знающими тамошнихъ языковъ людьми со всѣхъ тѣхъ томовъ учинить на россійскій діалектъ переводъ, и стараться, чтобъ оной окончанъ былъ безъ продолженія времени; по окончаніи же какъ оригинальные такъ и тотъ переводъ при доношеніи подать въ прав. Сенатъ; а между тѣмъ, какъ скоро который томъ переведенъ будетъ, то подавать въ Сенатъ репорты, и Канцеляріи Академіи наукъ учинить о томъ по сему ея императ. величества указу»...

По распоряженію Канцеляріи, или точнѣе, Шумахера, переводъ порученъ былъ (2-го апрѣля) академическому переводчику, прапорщику Ларіону Россохину, который 1-го мая того же года доносилъ академической Канцеляріи, что данная ему для перевода книга есть «описаніе манджурскаго войска, изъ осьми знаменъ состоящаго, на манджурскомъ языкѣ», «что описаніе это важно и полезно; понеже манджуры всѣ обычаи приняли китайскіе и содержатъ себя во всѣхъ дѣлахъ по большей части по ихъ же порядкамъ, то по сему описанію не токмо состояніе законовъ и учрежденія однихъ манджуровъ, но такъ же и всѣ обряды китайскіе и словомъ вся форма ихъ правительства ясно представляются»... Что же касается перевода, то такъ какъ сочиненіе чрезвычайно обширно, то Россохинъ просилъ Канцелярію представить Сенату о назначеніи ему помощника изъ переводчиковъ, находившихся при Иностранной коллегіи. Сенатъ указомъ отъ 17 сент. 1756 г. назначилъ ему помощника, а вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе обширность сочиненія и трудность языка, предоставилъ Академіи сличать рукопись съ имѣющимися въ ея библіотекѣ сочиненіями на другихъ языкахъ, и что встрѣтится сходнаго, того не переводить; если же ничего на другихъ языкахъ нѣтъ сходнаго, то «его прапорщика понуждать, чтобъ наиприлежнѣйше старался въ исправленіи онаго перевода, обнадежа награжденіемъ чина»...

Вслѣдствіе этого указа, переводъ былъ переданъ въ профессорское собраніе, и 30 апр. 1757 г. исторіографъ Миллеръ представилъ въ Канцелярію слѣдующій рапортъ:.. «По опредѣленію собранія принялся я за сіе дѣло и сличалъ оной переводъ съ печатными на иностранныхъ языкахъ о Китаѣ книгами, съ которыми сходства почти никакого не усмотрѣлъ, чему и быть невозможно, понеже китайская книга, по которой переводъ сочиненъ, новая и въ другихъ краяхъ еще неизвѣстна. Но дабы имѣть изъ оной книги настоящую пользу, то надлежитъ выбирать, которыя главы переводить пространнѣе, а которыя не переводить, для того, что есть совсѣмъ не нужныя, и время бы на оныя не утратилось напрасно. Другія же заключаютъ не мало важности»...

Въ началѣ 1761-го г. Россохинъ умеръ, окончивъ вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ Леонтьевымъ переводъ одиннадцати томовъ; остальные шесть томовъ Леонтьевъ окончилъ къ іюню 1762 года, о чемъ канцелярія Академіи наукъ немедленно донесла Сенату, и вмѣстѣ съ тѣмъ просила о назначеніи награды какъ Леонтьеву, такъ и женѣ и дѣтямъ Россохина. 7-го августа 1762-го года послѣдовалъ указъ Сената «переведенную книгу въ Академіи печатать какъ наискорѣе и производить въ продажу по надлежащей цѣнѣ.» При этомъ назначались и награды: женѣ и дѣтямъ Россохина 600 р., а Леонтьеву 400 р. и чинъ первыхъ трехъ коллегій секретаря.

Въ это время, какъ надо полагать, Таубертъ передалъ весь этотъ переводъ на разсмотрѣніе Шлецеру, который уже въ ноябрѣ 1762 г. представилъ въ Канцелярію Академіи слѣдующую записку:

Въ Канцелярію Академіи наукъ представленіе, касающееся до экстракта переведенной китайской исторіи.

Присланные мнѣ 13 томовъ китайской исторіи прочиталъ я съ надлежащимъ вниманіемъ. Содержаніе оныхъ сносилъ я съ сочиненіями г-на ду-Галде (du-Halde) и другихъ писателей китайской исторіи, дабы тѣмъ лучше исполнить повелѣніе Канцеляріи Академіи наукъ и представить оной мои мнѣнія о сочиненіи экстракта изъ помянутой исторіи.

I. Содержаніе книги, вообще сказать, важно. Я нашелъ въ оной многія извѣстія, касающіяся до состоянія сего достопамятнаго государства, о которыхъ другіе писатели или совсѣмъ умолчали, или неправильно и не обстоятельно писали; того ради изданіе въ свѣтъ сихъ извѣстій за настоящую услугу обществу оказуемую почесть можно; а хотя бъ оной иначе не продавали столько экземпляровъ, сколько продать надобно, чтобъ наградить коштъ, употребляемой на печатаніе оной, ибо такіе люди съ удовольствіемъ оную книгу читать станутъ, которымъ китайская исторія нѣсколько уже извѣстна, токмо Академія можетъ отъ того ожидать себѣ честь и благодареніе.

II. А какъ всѣ сіи извѣстія по формѣ указовъ и протоколовъ написаны, то должно изъ нихъ выписать обстоятельства, которыя принадлежатъ до исторіи; все излишнее, что по приказному стилю написано, пропустить, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ извѣстія объ одной матеріи, собрать въ одну главу и вмѣсто употребительнаго у китайцевъ пространнаго порядка, по которому они считаютъ годы и числа, употреблять сокращенный, употребительный у европейцевъ порядокъ; такимъ образомъ выкинуть надобно будетъ почти совсѣмъ 6, 7 и 8 часть, въ которыхъ только о именахъ и родословіяхъ знатнѣйшихъ господъ ханской фамиліи упомянуто. Девятая, десятая и прочія всѣ части, въ которыхъ описаны только житія разныхъ персонъ должно сократить, хотя изъ нихъ выписаны будутъ многія обстоятельства, которыя сами собою не важны, но принадлежатъ до китайской исторіи, слѣдовательно, по мнѣнію моему, сей экстрактъ составитъ не больше, какъ 2 тома въ 8°.

III. На благоразсужденіе Канцеляріи Академіи наукъ предаю, не надлежало ли бы въ разныхъ мѣстахъ приписать особливыя примѣчанія, которыми извѣстія, содержащіяся въ сей рукописной книгѣ изъ другихъ китайскихъ писателей, отчасти изъяснить, отчасти дополнить можно. Правда, что нѣтъ въ томъ необходимой нужды: читатели бы сами могли сносить между собою извѣстія разныхъ писателей; а какъ китайская исторія не всякому извѣстна, то дабы издаваемую объ ней книгу больше покупали, надобно внесть въ оную такія обстоятельства, для которыхъ бы ее читали съ большимъ любопытствомъ. Еслибы гднъ профессоръ Миллеръ соблаговолилъ сообщить публикѣ рукописныя свои китайскія извѣстія, и позволилъ мнѣ внести оныя примѣчаніями, то бы вся книга тѣмъ стала гораздо лучше и важнѣе; такія примѣчанія, сочиняемыя изъ упомянутыхъ извѣстій, собранныхъ гдномъ профессоромъ Миллеромъ, довольно бъ отличались предъ прочими по ихъ важности; а дабы читатели честь собранія сихъ извѣстій приписали только тому, кто въ нихъ дѣйствительно трудился, то бы можно было ихъ особливыми знаками отличать.

IV. Въ россійскомъ переводѣ нашелъ я разныя мѣста, которыя не только мнѣ, но и другимъ не разумительны; того ради надлежало бы объ нихъ спрашиваться у гдна Леонтьева, ему жъ бы надлежало сообщить мнѣ и нѣкоторыя историческія извѣстія китайскаго оригинала, которыя въ предисловіе внесть можно.

V. А какъ трудъ сей весьма продолжителенъ, и я бы желалъ сколько возможно скорѣе оной окончить, дабы я другія мои дѣла по исторіи россійской зачинать и безпрестанно продолжать могъ, то желалъ бы я, чтобъ сія книга напечатана была какъ возможно скорѣе; вдругъ сочинить сей экстрактъ для разныхъ причинъ не возможно, не упоминая, что лучшій способъ писать пространную книгу есть тотъ, когда изготовленный листъ изъ рукъ

сочинителя переходитъ въ руки наборщика, ибо сіе есть единое средство, чтобъ не скучать такою пространною работою.

VI. Какъ скоро повелѣно будетъ оную книгу печатать, то прошу присылать ко мнѣ русскаго копеиста, знающаго нѣсколько по-нѣмецки, который бы ко мнѣ приходилъ каждую недѣлю въ назначенные часы и мнѣ бы помогалъ какъ въ переводѣ, такъ и въ переписаніи.

Августъ Людвигъ Шлецеръ.

Ноября 18 дня
1762 года.

Записка эта попала въ портфель Ломоносова (*Ист. Ак. Н.* Пекарскаго, т. II, стр. 960), а печатаніе, не смотря на сенатскій указъ, не начиналось. Наконецъ черезъ два года, 29-го іюля 1764 г. Сенатъ послалъ въ академическую Канцелярію запросъ: «напечатана ли книга, и сколько, и кому въ смотрѣніе поручена, или еще не напечатана понынѣ и для чего?»

Тогда Таубертъ нашелся вынужденнымъ, что называется, отписаться и, помимо Ломоносова, послалъ въ Сенатъ отвѣтъ, въ которомъ объяснялъ, что, по разсужденіи академическаго собранія, печатать всѣ 16 томовъ нѣтъ возможности, такъ какъ они содержатъ множество лишняго, изданіе стоило бы такъ дорого, что никто не сталъ бы покупать его; что для того, чтобы изъ этого сочиненія извлечь надлежащую пользу, необходимо сдѣлать изъ него экстрактъ, сличивъ его содержаніе съ тѣмъ, что другіе писали о Китаѣ; но какъ дѣло это требуетъ много труда и времени, «то оное хотя и препоручаемо было адъюнкту Шлецеру, котораго Академія, по его искуству въ историческихъ сочиненіяхъ и знанію многихъ языковъ, къ тому за способнаго признала, однако онъ представилъ противъ того разныя свои требованія, по которымъ его вскорѣ удовольствовать было невозможно; и такъ изданіе въ печать сего описанія Китайскаго государства за вышеписанными обстоятельствами понынѣ остановилось; а кромѣ его Шлецера, заключаетъ Таубертъ, онаго дѣла, на такомъ основаніи, какъ здѣсь предписано, препоручить было некому, потому что исторіографъ профессоръ Миллеръ обязанъ многими другими дѣлами, а другой при университетѣ исторіи профессоръ, Фишеръ, какъ по должности своей при томъ университетѣ, такъ и по лѣтамъ своимъ и недовольному знанію россійскаго языка къ сему сочиненію употребленъ быть не можетъ».

Документъ этотъ вызвалъ со стороны Ломоносова рядъ самыхъ рѣзкихъ замѣчаній, въ которыхъ высказывается мысль, что порученіемъ такого дѣла «новопріѣзжему иностранцу, незнающему россійскаго языка», нанесено оскорбленіе профессорамъ Миллеру и Фишеру; что кромѣ ихъ «могли сыкаться Россіане къ тому способные, и что наконецъ «никаковаго разсужденія о томъ въ Академическомъ собраніи не бывало; развѣ самъ

гдѣ ст. сов. Тауберт себя одного Академіею называетъ» (*Матеріалы* Билярскаго, стр. 717); что «г. ст. сов. Таубертъ не обинулся свои проступки неправильнаго внушенія Шлецера въ библіотеку такъ далече закрывать бо́льшими, т. е. неисправность свою извинять не токмо пустыми отговорками, но и совсѣмъ ложными въ правительствующій Сенатъ отвѣтами». (*Ист. Акад. Н.* Пекарскаго, стр. 833). Это дѣло казалось Ломоносову столь важнымъ, что онъ не забылъ упомянуть о немъ въ объяснительной запискѣ президенту, въ которой излагалъ причины, почему донесъ Сенату о намѣреніи Шлецера выѣхать изъ Россіи (*Очерки Россіи*, Пасека, кн. V, стр. 59; *Матер.* Билярскаго, стр. 715) и въ своей исторіи академической Канцеляріи посвящаетъ ему цѣлый параграфъ (62), заключающій слѣдующими язвительными словами: «Однакожъ что здѣлано по сему (дѣлу) Шлецеромъ, неизвѣстно. Можетъ быть сдѣланъ экстрактъ на нѣмецкомъ языкѣ и сообщенъ въ чужія государства». (*Матер.* Билярскаго, стр. 093). [1])

II.

ПЛАНЫ ЗАНЯТІЙ.

Къ § 67.

Въ Конференцію Императорской Академіи Наукъ.

Приложеніями А и В исполняется приказаніе академической Канцеляріи отъ 29-го мая. Въ нихъ я представляю очеркъ нѣкоторыхъ работъ, которыя надѣюсь выполнить на пользу русской публики и къ удовольствію Академіи. Я говорю только о нѣкоторыхъ работахъ. Случаи оказывать ученому міру важныя услуги здѣсь такъ часты, поле такъ обширно и жатва такъ богата (это всему свѣту извѣстно), что за каждаго, кого ни чрезвычайная vis inertiae, ни низкія заботы не удерживаютъ отъ высшаго полета, кто при томъ чувствителенъ къ чести и неравнодушенъ къ суду публики, этого великаго судьи, и къ святости контрактовъ, кто наконецъ на поприщѣ своего трудолюбія не только не встрѣчаетъ непреодолимыхъ препятствій, но находитъ вознагражденіе и поощреніе, — за

[1]) Распоряженіе о печатаніи перевода послѣдовало въ 1767 г., появился же онъ въ свѣтъ въ 1784 г. подъ заглавіемъ: *Обстоятельное описаніе происхожденія и состоянія Маньджурскаго народа и войска, въ осми знаменахъ состоящаго;* издано Академіею наукъ. 17 частей. Такимъ образомъ предложенное Шлецеромъ сокращеніе этого сочиненія не было принято Академіею.

каждаго такого, говорю я, гораздо скорѣе слѣдуетъ опасаться, чтобъ онъ слишкомъ рано не заработался до смерти, чѣмъ думать, что можетъ провиниться въ непростительномъ пренебреженіи своихъ обязанностей.

Извѣстна ли мнѣ обширность всего этого поля и имѣю ли я вѣрное понятіе о способѣ его обработки, Академія въ состояніи будетъ рѣшить это по двумъ упомянутымъ планамъ. Если она найдетъ ихъ достойными обсужденія, то я беру смѣлость просить *письменныхъ* исправленій и замѣчаній.

Но буду ли я въ состояніи исполнить то, что обѣщаю, императорская Академія рѣшитъ по другимъ основаніямъ. Впродолженіе моего $2^1/_2$ годичнаго пребыванія здѣсь я имѣлъ случай представить по совершенно различнымъ наукамъ доказательства моихъ прежнихъ и здѣшнихъ трудовъ. Хотя самая малая часть изъ нихъ сдѣлались publique, однако они извѣстны нѣкоторымъ членамъ Академіи. Но кромѣ того уже за 6 лѣтъ до моего прибытія сюда я подвергся суду публики, *) и ея сужденіе всегда было мнѣ благопріятно. Голосъ публики не такъ часто обманываетъ, какъ самыя шумныя похвалы рекомендующихъ. Подъ публикою я не разумѣю г-на надв. сов. Михаэлиса: сужденіе этого человѣка, которое хотя и кажется важнымъ величайшимъ ученымъ въ Европѣ, просвѣщеннѣйшимъ государственнымъ министрамъ и двумъ великимъ королямъ, мнѣ не пригодно, потому что его хотятъ опровергнуть и набросить на него подозрѣніе, будто въ немъ участвовало болѣе доброе расположеніе, чѣмъ справедливость (но и расположеніе должно имѣть свое основаніе). Я разумѣю здѣсь публично выраженныя мнѣнія многихъ другихъ ученыхъ, которыхъ до сихъ поръ я знаю только по имени и которыхъ я могъ бы назвать, еслибы было въ модѣ къ спискамъ своихъ трудовъ прилагать засвидѣтельствованныя доказательства и еслибы истинная заслуга не отличалась самымъ очевиднымъ образомъ отъ пустоты и высокоумія тѣмъ, что предпочитаетъ лучше остаться неизвѣстною, чѣмъ явиться своимъ собственнымъ адвокатомъ.

Сверхъ того, что уже приведено въ самыхъ планахъ, прошу Академію обратить вниманіе еще на слѣдующіе пункты:

I. *Русская* исторія (но только древняя, до пресѣченія Рюриковой династіи) была бы главнымъ предметомъ моихъ занятій. Во всей области наукъ я не знаю другаго предмета, который могъ бы меня вознаградить за то, что я когда-то, въ общемъ и своемъ собственномъ интересѣ намѣревался сдѣлать для религіи и библейской филологіи при общемъ одобреніи всѣхъ благоразумныхъ людей, возлагавшихъ на меня большія надежды; и который могъ бы снискать мнѣ прощеніе у тѣхъ, кто существенными выгодами поощрялъ меня къ этому моему прежнему проекту, нынѣ оставленному мною. Не смотря на то, я охотно соглашаюсь, чтобы Акаде-

---

*) Приложеніе С.

мія, если она найдетъ это удобнымъ, указала мнѣ другую отрасль наукъ, которою я занимался прежде.

II. Я еще не знаю, угодно ли будетъ императорской Академіи ангажировать меня на извѣстное, опредѣленное число лѣтъ (что мнѣ было бы болѣе желательно), или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ какъ интересъ Академіи, такъ и мой собственный требуетъ, чтобы я въ своихъ занятіяхъ установилъ слѣдующія два главныя правила:

a) Я постараюсь *каждый годъ явно представлять, что и сколько я сдѣлалъ*, и давать отчетъ объ этомъ не только письменными рапортами въ Канцелярію, но печатными статьями предъ лицомъ всего свѣта.

b) Такъ какъ русская исторія составляетъ цѣлое, которое должно быть обработано по частямъ, мало-по-малу, то я позабочусь, чтобы мои работы не были потеряны, когда бы и гдѣ бы я ни остановился, но чтобы тотъ, кому послѣ меня придется работать на этомъ поприщѣ, могъ начать именно тамъ, гдѣ я кончилъ, и такимъ образомъ изъ моихъ, наприм. двухгодичныхъ работъ извлекъ, въ отношеніи времени и труда, столько пользы, какъ я самъ, еслибы мнѣ самому предстояло продолжать. Возможность этого предложенія видна изъ того, что я привелъ въ планѣ A § 10, 12 и 15. Такимъ образомъ русская исторія сдѣлается, если смѣю употребить низкое сравненіе, родомъ фабрики, которая постоянно въ движеніи и постоянно возрастаетъ, гдѣ каждый приготовляетъ работу для другаго и гдѣ, не смотря на перемѣну работниковъ, преемникъ пользуется трудомъ своего предшественника.

III. Заранѣе опредѣлять въ точности и ограничивать предѣлами извѣстнаго времени—это почти противно природѣ ученыхъ занятій, ибо извѣстно, что лучшія сочиненія обязаны своимъ существованіемъ вдохновенію и условіямъ. Но я все таки рѣшаюсь обѣщать уже въ первые три года исполнить именно слѣдующія работы:

1) Продолженіе на нѣмецкомъ языкѣ русской исторіи отъ основанія государства до пресѣченія рюриковой династіи, по русскимъ хроникамъ (но безъ сравненія ихъ съ иностранными писателями) съ помощію трудовъ Татищева и гна стат. сов. Ломоносова; [1])

2) нѣкоторыя части критическихъ изслѣдованій по русской исторіи (A. § 15, 4).

3) Относительно плана B. предоставлю самой Академіи избрать: начать ли мнѣ и составить опытъ

статистики Испаніи, которая могла бы служить образцомъ, какъ мало-по-малу слѣдовало бы описать всѣ европейскія государства, и была бы

[1]) Противъ этого мѣста рукою Ломоносова написано: Ich lebe noch und schreibe selbst. (Я еще живу и пишу самъ).

сообразна съ обстоятельствами времени относительно торговли, установливающейся теперь съ Испаніею; [2])

или же

всеобщую исторію или основанія коммерческихъ наукъ. [3])

Августъ Людвигъ Шлецеръ.

4 января 1764 года.

А.

МЫСЛИ О СПОСОБѢ ОБРАБОТКИ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

§ 1.

Обработывать французскую, англійскую, нѣмецкую исторію—значитъ

1) *въ низшемъ смыслѣ* — ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что Даніель, Рапенъ, Бюнау и другіе безчисленные историки собрали изъ первыхъ источниковъ своей отечественной исторіи, сравнили и привели въ систему;

2) *въ высшемъ смыслѣ*—когда рѣчь идетъ объ историческихъ изслѣдователяхъ, о профессорахъ, то это значитъ: все то, что сказано этимъ множествомъ писателей, сравнить одно съ другимъ, замѣтить ихъ несогласія, и рѣшить, кто изъ нихъ правъ; открыть ихъ ошибки, отбросить ложныя мнѣнія и внести вновь открытыя правильныя; отыскивать новые источники исторіи и изъ извѣстныхъ дѣлать новые выводы, которые ускользнули отъ вниманія другихъ, подробнѣе изслѣдовать небольшія отдѣльныя части исторіи и вообще пополнять и совершенствовать *цѣлое*, уже дѣйствительно существующее.

§ 2.

Обработка русской исторіи имѣетъ нѣсколько иное значеніе. Это не значитъ продолжать то, на чемъ другіе остановились, — *но начать сначала*; это не значитъ расширять, очищать и украшать уже приведенное въ порядокъ и въ своихъ главныхъ частяхъ совершенное *цѣлое*, но *создать это цѣлое.* Бо́льшая часть русской исторіи еще погребена въ хроникахъ, которыхъ никто не можетъ понять, кромѣ ученаго; никто не хочетъ читать, кромѣ антикварія.

---

[2]) Рукою Ломоносова: Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ читать школьныя статистики.

[3]) Рукою Ломоносова: Писать объ этомъ вовсе не дѣло магистра, не имѣвшаго случая заглядывать въ большія конторы, которыя ведутъ торговлю съ востокомъ и западомъ.

§ 3.

Итакъ это *цѣлое*, это Corpus historiae Russicae составляетъ конечную цѣль тѣхъ, кого обязанность или склонность побуждаетъ къ обработкѣ русской исторіи. Подъ этимъ я разумѣю систему, въ которой всѣ замѣчательныя событія и перемѣны въ русской націи описываются основательно, прагматически, подробно и пріятно, въ ихъ естественной связи; такъ чтобы и читатели, не-изслѣдователи исторіи по профессіи, могли читать ее съ удовольствіемъ и извлекать изъ нея пользу, которая составляетъ достоинство исторіи вообще и отечественной исторіи въ особенности.

§ 4.

Не одна Россія желаетъ такой системы: вся Европа ожидаетъ ея съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Она ждетъ съ нетерпѣніемъ, которое публично высказывается въ самыхъ горькихъ жалобахъ, съ нетерпѣніемъ, которое должно извинить ради ея справедливаго желанія узнать полную исторію государства, играющаго такую блестящую роль на театрѣ міра. Вольтеръ, Ла-Комбъ и Іоахимъ не удовлетворяютъ ея желанію; но въ нуждѣ, не имѣя ничего лучшаго, она принуждена довольствоваться писателями, которыми пренебрегаетъ.

§ 5.

Но какъ безконечно трудно создать это Corpus Historiæ Russicæ можетъ показать исторія литературы другихъ государствъ. Только запасъ, собранный втеченіе цѣлыхъ столѣтій, только соединенное трудолюбіе искуснѣйшихъ людей, только ужасающее количество предшествующихъ изслѣдованій по отдѣльнымъ частямъ, которыя потому могли исчерпать свой предметъ, что онъ былъ тѣстно опредѣленъ и не терялся въ безпредѣльности,—только это дало возможность Даніелю, Рапену, Бюнау составить систему своей отечественной исторіи.

§ 6.

Отсюда я не заключаю, что Россія еще втеченіе ста лѣтъ не можетъ имѣть такой исторіи, какъ Франція, Германія и Англія. Во всѣхъ этихъ государствахъ работала только природа, предоставленная самой себѣ, не освѣщенная искусствомъ и не наученная чужими ошибками. Работали безъ системы, наугадъ; писали по хроникамъ, которыхъ не понимали; важныя положенія основывали на опискахъ хроникеровъ; смѣшивали подлинныя извѣстія съ апокрифическими. Могло ли изъ этого выйдти что

либо иное, кромѣ исторіи, протканной сказками? Но чтобы отвергнуть эти сказки, которыя своимъ переходомъ изъ одной книги въ другую получаютъ нѣкоторое право давности, вырвать истину изъ массы заблужденій и означить предѣлы между достовѣрностію и предположеніемъ, понадобилось болшее труда и времени, чѣмъ для того, чтобъ совершенно съизнова написать исторію.

§ 7.

Нужно произойти чему нибудь очень неестественному, чтобы при *методическомъ прилежаніи* нельзя было въ 20 лѣтъ сдѣлать для русской исторіи столько, сколько для исторіи другихъ государствъ сдѣлано въ сто лѣтъ. Я говорю: *методическое прилежаніе*, которое, минуя все постороннее, всегда избираетъ кратчайшій путь, никогда, не упускаетъ изъ виду своей конечной цѣли и не только употребляетъ всѣ средства, необходимыя для достиженія этой цѣли, но и употребляетъ ихъ какъ для надлежащаго порядка, такъ и по принципу: ea præmittenda sunt; *прилежаніе*, которое, будучи поддержано вниманіемъ всего ученаго общества, можетъ получить всѣ необходимыя пособія безъ большихъ хлопотъ.

§ 8.

Методу, которая должна руководить этимъ прилежаніемъ, указываетъ мнѣ самая природа предмета и исторія литературы. Я изслѣдую, какія пути избирала, напр. французская исторія, какія ступени она проходила прежде, чѣмъ достигла той высоты, съ которой она съ презрительною гордостію можетъ взирать на исторію другихъ народовъ. Я думаю, русская исторія должна идти тѣми же путями; поэтому обработку русской исторіи я дѣлю на *три* различные класса работъ, изъ коихъ первые два составляютъ только приготовленіе и средство къ *третьему*, заключающему въ себѣ конечную цѣль:

I. Studium monumentorum *domesticorum*.

II. Studium monumentorum *extrariorum*.

III. Usus utrorumque ad *Corpus* historiæ Russicæ conficiendum, § 3.

§ 9.

I. STUDIUM MONUMENTORUM DOMESTICORUM.

Подъ этими monumentis domesticis я разумѣю преимущественно хроники, множествомъ, подробностію и хронологическою точностію которыхъ русская исторія можетъ гордиться. Эти хроники требуютъ такъ же троякой работы:

1) *критической* — нужно *имѣть* хроники;

2) *грамматической* — нужно ихъ *понимать*;
3) *исторической* — ихъ нужно *сравнить*.

§ 10.

1. Studium annalium criticum.

А. Нужно *имѣть* хроники. Я полагаю, что большая часть изъ нихъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшія, находятся въ императорской библіотекѣ; съ тѣхъ же, которыя разбросаны по монастырямъ, возможно будетъ въ нѣсколько лѣтъ снять копіи, если только къ тому будутъ приняты мѣры; а тѣ, которыя находятся въ частныхъ рукахъ, пусть потомство приведетъ въ извѣстность. Въ сущности, всѣ эти хроники, по многимъ основательнымъ причинамъ, слѣдовало бы напечатать; въ большей части государствъ существуютъ большія ихъ собранія; но такъ какъ этого нельзя ожидать въ скоромъ времени, то пока нужно удовлетворяться однѣми рукописями. Только слѣдовало бы всѣ эти рукописи точно описать, пронумеровать или означить инымъ какимъ нибудь опредѣленнымъ способомъ, чтобы впредь при цитатахъ можно было ссылаться на нихъ, безъ опасенія перемѣшать одну съ другою. Этотъ трудъ мало-по-малу собралъ бы матеріалы для статьи: de fontibus historiæ Russicæ.

В. Но если я не знаю, которое отдѣльное предложеніе, которое отдѣльное слово принадлежитъ, напр., Нестору, а не его переписчику, тогда у меня *нѣтъ* самого Нестора. — Здѣсь-то начинается большая работа, которую я называю Studium annalium criticum; она состоитъ въ томъ, чтобы сравнить хроники между собою, замѣтить въ различныхъ спискахъ варіанты, пропуски, вставки и точно ихъ обозначить. Для этой цѣли я бы просилъ себѣ копію съ каждой хроники съ широкими полями или проложенную чистыми листами, чтобы мало-по-малу вносить туда варіанты изъ всѣхъ другихъ списковъ, какіе попадутся мнѣ въ руки, съ точнымъ указаніемъ рукописи, изъ которой они взяты. Впослѣдствіи этотъ экземпляръ постоянно оставался бы въ библіотекѣ и доставлялъ бы значительную пользу будущимъ изслѣдователямъ русской исторіи. Только эту работу нужно было бы исполнять медленно; потому что она, вслѣдствіе того, что вниманіе обращается на безчисленныя мелочи, притупляетъ и глаза, и умъ. Это именно та работа надъ хрониками, которая требуетъ самаго большаго труда, которая драгоцѣннѣе всего для знатока, а у французовъ самая презрѣнная. Гронова называли педантомъ, потому что онъ тщательно и добросовѣстно замѣчалъ, когда въ одномъ спискѣ онъ находилъ Liviano et, а въ другомъ atque. Но безъ этого педантизма голландскаго филолога Монтескьё не могъ бы написать своего безсмертнаго сочиненія о причинахъ величія и паденія римлянъ, и безъ Давида Милліа англійскіе деисты не одержали бы побѣды надъ религіею. Бываютъ случаи, когда очевидно обнаруживается не только польза, но и необхо-

димость этихъ, такъ называемыхъ, пустяковъ. Я нахожу, напр.. въ законахъ Ярослава (п. XI) слово *колбягъ;* я изслѣдую его значеніе, истощаюсь въ догадкахъ и наконецъ нахожу, что это слово не Ярослава, а его небрежнаго переписчика, и въ другихъ спискахъ нахожу другое, понятное слово. Отсутствіе критики сыграло со мною такую же шутку, какъ золотой зубъ съ докторомъ, и я даю обѣщаніе не приниматься за объясненіе такихъ хроникъ, въ достовѣрности и правильности чтенія которыхъ я не буду убѣжденъ заранѣе. — При этомъ я напоминаю, что къ этой работѣ, сравненію хроникъ, иностранецъ въ извѣстномъ отношеніи способнѣе туземца. Не довѣряя своему знанію языка, онъ будетъ болѣе смотрѣть, чѣмъ разсуждать, и менѣе будетъ расположенъ къ поправкамъ, основаннымъ на остроумныхъ предположеніяхъ.

§ 11.

2. STUDIUM ANNALIUM GRAMMATICUM.

За первою работою слѣдуетъ вторая: нужно *понимать* хроники. *Знать по-русски* и *понимать хроники* — разныя вещи. Первое предполагается, но еще далеко не достаточно. Можно быть природнымъ, даже ученымъ нѣмцемъ, и не понимать Willeram: не относится ли это такъ же и къ русскому? Знаніе древняго языка страны — особенное studium. Это дѣло учености, плодъ изслѣдованій. Иностранецъ, который никогда не можетъ надѣяться овладѣть *живымъ* языкомъ, какъ туземецъ, смѣло можетъ стать, cæteris paribus, на ряду съ туземцемъ, когда рѣчь идетъ о *древнемъ* языкѣ. Вахтеръ, великій человѣкъ, природный нѣмецъ, зналъ по древне-нѣмецки; но публика [1]) говоритъ, что Ире, шведъ, знаетъ еще лучше.

Средствомъ для пониманія древнихъ языковъ въ другихъ странахъ служатъ глоссаріи. Какъ они необходимы, знаютъ наши сосѣди. Тѣ же государственныя сословія, которыя побудили Дали къ сочиненію шведской исторіи, поощрили пособіями гна Ире къ составленію шведскаго Glossarium. Но для славянскаго языка еще нѣтъ глоссарія. Нужно стараться другими средствами дойти до пониманія русскихъ хроникъ, и употребленіе именно этихъ средствъ можетъ мало-по-малу положить основаніе славянскому глоссарію. Эти средства слѣдующія:

1) *Устные разспросы.* Прежде знаніе и содѣйствіе гна надв. сов. Полетики были мнѣ очень полезны; льщу себя надеждою на такое же благосклонное содѣйствіе со стороны тѣхъ членовъ Академіи, для которыхъ

---

[1]) На поляхъ рукою Ломоносова: которая понимаетъ менѣе, чѣмъ Ире, и еще менѣе, чѣмъ Вахтеръ.

русскій языкъ есть языкъ природный, и особенно гна ст. сов. Ломоносова. [1])

2) *Чтеніе славянской библіи.* Такъ какъ она буквально переведена съ LXX толковниковъ, то для тѣхъ, кто въ состояніи сравнивать ее съ оригиналомъ, можетъ служить богатымъ и надежнымъ лексикономъ. Кромѣ того знакомство съ славянскою библіею приноситъ двоякую пользу:

a) Сочинители хроникъ были монахи, прилежно читавшіе библію. Ея слогъ образовалъ ихъ историческій слогъ: выраженіе, обороты и весь ихъ способъ разсказа очевидно библейскій; слѣдовательно, знающій славянскую библію найдетъ менѣе трудностей при чтеніи хроникъ; точно такъ же, какъ арабскіе историки и поэты гораздо доступнѣе для тѣхъ, кто свободно читаетъ Коранъ.

b) Славянскій переводъ библіи (я разумѣю древній, отрывки котораго еще часто встрѣчаются въ хроникахъ) открываетъ еще не початый источникъ для собранія варіантовъ библіи. Чрезвычайная важность этой работы извѣстна знатокамъ библейской филологіи.

3. Изслѣдованіе *славянскихъ нарѣчій.* Извѣстно, что очень часто слова, утратившіяся въ одномъ нарѣчіи, остались въ другомъ. 300 лѣтъ тому назадъ слово *biden* было нѣмецкое, теперь оно шведское, но ни одинъ нѣмецъ его уже не понимаетъ. Какъ много, должно быть, встрѣчается въ хроникахъ такихъ словъ, которыхъ теперь не понимаетъ ни одинъ русскій, но которыя живутъ въ устахъ крестьянина чеха, поляка, литовца, венда.

§ 12.

3. STUDIUM ANNALIUM HISTORICUM.

Нужно *сравнить* хроники: не различные списки одной и той же хроники въ отношеніи чтенія—это было первымъ дѣломъ, § 10, — но различныя хроники объ одномъ и томъ же событіи въ отношеніи содержанія. Часто въ Степенныхъ книгахъ находятся обстоятельства, которыхъ напрасно ищешь у Нестора и его продолжателей, и часто Новгородская лѣтопись разсказываетъ о томъ, чего нѣтъ ни въ тѣхъ, и у другихъ.

Чтобы сдѣлать эту работу возможно болѣе полезною какъ для себя, такъ и для тѣхъ, кто впослѣдствіи будетъ заниматься русскою исторіею, я раздѣлю ее на маленькіе отдѣлы (напр., по велико-княженіямъ), для каждаго отдѣла заведу особую книгу и въ каждую книгу буду вносить все то, что найду объ отдѣльной эпохѣ или объ отдѣльномъ событіи во всѣхъ хроникахъ или въ другихъ древнихъ книгахъ, какія попадутся мнѣ подъ руку. Само собою разумѣется, что источники, изъ коихъ я черпалъ

[1]) На поляхъ рукою Ломоносова: т. е. я долженъ сдѣлаться его чернорабочимъ.

бы эти дополненія, были бы точно обозначены. Это составило бы родъ регистратуры или General-Repertorio для русской исторіи.

§ 13.

II. STUDIUM MONUMENTORUM EXTRARIORUM.

Исторія Россіи переплетается съ исторіею множества другихъ народовъ. Войны, дружественные договоры и родственныя отношенія связали ее не только съ сосѣдями, но и съ далекими Бритами и Французами. Здѣсь открывается широкое поле, на которомъ обширная историческая ученость можетъ явиться во всемъ своемъ величіи. Собрать всѣ свѣдѣнія, разсѣянныя у иностранныхъ историковъ и нерѣдко тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ищутъ; разрѣшить ихъ противорѣчія и judicio discretino historico точно опредѣлить случаи, гдѣ туземный лѣтописецъ заслуживаетъ болѣе вѣроятія, нежели иностранный, и наоборотъ, — было бы дѣломъ труднымъ, но для полноты русской исторіи необходимымъ.

§ 14.

Всѣ народы, исторія которыхъ имѣетъ вліяніе на русскую исторію, я раздѣлилъ на особые разряды. Вотъ они:

1. Исторія *Славянъ* и всѣхъ тѣхъ народовъ, которые, кромѣ русскаго, происходятъ отъ Славянъ; какъ-то: Булгаръ, Поляковъ, Богемцевъ, Вендовъ, и многихъ славянскихъ національностей въ Венгріи. Іорданъ уже исполнилъ предварительную работу; но его сочиненіе заключаетъ только collectanea: это смѣшанный хаосъ, изъ котораго, съ прибавленіемъ того, что послѣ него было писано о славянахъ, можно было бы составить только систему исторіи Славянъ.

2. Исторія *Чуди* или *Финновъ*, аборигеновъ западной части Россіи. Древнѣйшая ихъ исторія до сихъ поръ была неизвѣстна; только десять лѣтъ тому назадъ описалъ ее одинъ норвежскій писатель.

3. Древняя *Скандинавская* исторія. Исландскіе и шведскіе историки неоцѣненны для русской исторіи. Есть множество полезныхъ сочиненій, которыя однакожъ за предѣлами Швеціи мало извѣстны.

4. Исторія другихъ народовъ, которые временно жили въ Россіи или имѣли вліяніе на событія и ея судьбу; какъ-то: Готовъ, Гунновъ, Печенѣговъ, Половцевъ. Извѣстія объ этихъ народахъ, сообщаемыя русскими лѣтописями, очень недостаточны. Всего болѣе и лучше всего сохранилось въ Византійской исторіи; но еще никто этого не собралъ. Байеръ положилъ начало.

5. *Византійская исторія*. Ея богатство и ея необходимость для русской исторіи извѣстна. Одна эта часть могла бы занять полжизни самаго прилежнаго ученаго.

6. *Татарская исторія.* Само собою разумѣется, что безъ нея ничего нельзя сдѣлать во всемъ періодѣ, втеченіе котораго Россія страдала подъ игомъ татаръ. Академія обладаетъ классическимъ сочиненіемъ объ этой исторіи, въ рукописи. Знакомство съ нимъ было бы полезно для русской исторіи и чрезвычайно важно для всей публики.

7. Исторію Франціи, Англіи, Даніи я пропускаю, потому что она только рѣдко и въ извѣстныхъ случаяхъ касается событій русской исторіи. Но какъ неожиданныя услуги и она можетъ оказать русской исторіи, свидѣтельствуетъ между прочимъ странный примѣръ, что имя русскихъ въ первый разъ встрѣчается въ Annalibus Bectinianis.

§ 15.

Способъ, какъ бы я работалъ на этомъ пріятнѣйшемъ полѣ русской исторіи, состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Прежде всего я избралъ бы главнымъ предметомъ исторію Славянъ и старался бы привести въ исполненіе вышеупомянутую систему (§ 14, 1).

2. Изъ византійскихъ и другихъ писателей я собралъ бы свѣдѣнія, касающіяся Печенѣговъ, Булгаровъ, Гунновъ и проч. и такимъ образомъ продолжалъ бы работу Байера.

3. Принялся бы за историковъ сосѣднихъ народовъ, какъ-то: польскихъ, богемскихъ, венгерскихъ и т. д. и всѣ встрѣчающіяся у нихъ свѣдѣнія о русской исторіи внесъ бы въ проектированный выше General-Repertorium (§ 12). Эта метода чрезвычайно много обѣщаетъ какъ для полноты, такъ и основательности русской исторіи. Она можетъ показать прилежаніе историка-изслѣдователя и постепенный успѣхъ изъ года въ годъ, и тому, кто впослѣдствіи будетъ пользоваться этимъ реперторіумомъ, сбережетъ безконечно много труда.

4. Существуетъ множество маленькихъ сочиненій, написанныхъ иностранцами, особенно Шведами, о русской исторіи, и изъ нихъ нѣтъ ни одного такого плохаго, которое не содержало бы въ себѣ по крайней мѣрѣ что нибудь хорошее. Но эти pièces volantes отчасти трудно найти, отчасти то немногое хорошее, что въ нихъ хранится, покрыто такимъ слоемъ ложныхъ, безполезныхъ или общеизвѣстныхъ фразъ, что чтеніе ихъ требуетъ своего рода самоотверженія. Поэтому я собралъ бы всѣ эти сочиненія, какія только возможно найти, извлекъ бы изъ нихъ все необходимое въ самой сжатой формѣ и мало-по-малу издалъ бы все это подъ заглавіемъ: Критическія статьи по русской исторіи

---

§ 16.

III. USUS UTRORUMQUE AD CORPUS HISTORIÆ RUSSICÆ CONFICIENDUM.

Ясно,

1) что, какъ я уже выше упомянулъ, пока всѣ эти работы не будутъ исполнены надлежащимъ образомъ, нечего и думать о системѣ русской исторіи, которая могла бы соперничать съ исторіею другихъ государствъ, а слѣдовательно достойна чести народа и Академіи;

2) но когда только эти работы будутъ дѣйствительно исполнены, то составленіе такой системы естественнымъ образомъ значительно облегчится, если

3) составитель будетъ обладать качествами, необходимыми не только для того, чтобы собрать матеріалы, но и воспользоваться ими сообразно съ указанною конечною цѣлью.

§ 17.

Эти качества извѣстны; было бы смѣшно, еслибы я поименовалъ ихъ здѣсь, потому что они не составляютъ предмета контракта. Собрать историческіе матеріалы есть дѣло учености, которую можно пріобрѣсти, и прилежанія, которое можно гарантировать; но писать исторію—дѣло генія, который создаетъ природа, а не договоры. Здравый *разсудокъ*, который безъ усиленныхъ изслѣдованій при первомъ взглядѣ открываетъ сущность событія и не скрываетъ ея въ массѣ незначительныхъ посторонниxъ обстоятельствъ; *остроуміе*, обогащенное знаніемъ, которое собираетъ сравненія и цвѣты изъ всего царства наукъ и усыпаетъ ими указанное ему поле исторіи; плодовитая *краткость* въ выраженіи, которая не растягиваетъ періодовъ вводными словами и не обременяетъ свѣта фоліантами вмѣсто маленькихъ томиковъ; строгій *порядокъ* изложенія, при которомъ длинные ряды событій ясно и легко запечатлѣваются въ умѣ читателя; наконецъ *нравственный* характеръ, который, вѣчно оставаясь вѣрнымъ истинѣ и стоя выше предразсудковъ и страстей, ничего не умалчиваетъ изъ подлости и ничего не искажаетъ изъ злобы;—все это самыя важныя и необходимыя качества историческаго генія. Если Богъ создалъ его, если обстоятельства образовали и государство ободрило къ дѣятельности, то появленіе на поприщѣ его назначенія будетъ въ пользу міру и во славу ему. Но если этихъ качествъ ему недостаетъ, то самыя лучшія желанія, самое напряженное трудолюбіе, самые торжественные обѣты не сдѣлаютъ его способнымъ къ этому назначенію.

Августъ Людвигъ Шлецеръ

1-го іюня.

В.

§ 1.

Русская императорская Академія наукъ тѣмъ отличается отъ большинства ученыхъ обществъ въ Европѣ, что, по предначертанію своего великаго основателя, кромѣ *общей* цѣли, расширенія предѣловъ наукъ, она имѣетъ *особенную* цѣль — распространеніе ихъ въ русскомъ народѣ. Послѣдняя цѣль требуетъ мѣръ совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя ведутъ къ первой.

§ 2.

Я полагаю,

1) что одно изъ лучшихъ средствъ для достиженія этой цѣли есть доставленіе публикѣ такихъ сочиненій, которыя доступны пониманію и не ученыхъ по профессіи, которыя не только учатъ, но и пріятно занимаютъ, и съ разу на небольшомъ количествѣ листовъ предлагаютъ главныя положенія необходимѣйшихъ наукъ, коихъ открытіе стоило многимъ народамъ нѣсколько столѣтій работы;

2) что русская публика еще не богата такого рода сочиненіями и что, слѣдовательно, Академія въ этомъ отношеніи можетъ сдѣлать очень много хорошаго;

3) что и у иностранцевъ недостаетъ подобныхъ, а слѣдовательно, этому дѣлу нельзя помочь одними переводами.

§ 3.

Качества, которыя, по моему мнѣнію, должны имѣть такія книги, приблизительно слѣдующія:

I. Общеполезность. Есть науки, которыя каждый человѣкъ, каждый гражданинъ въ государствѣ можетъ понять и долженъ знать; но есть и такія, которыя менѣе полезны и немногимъ доступны. Логика, Ars critica, Grammatica universalis на русскомъ языкѣ были бы для русской публики не очень важнымъ подаркомъ; а напротивъ естественныя и юридическія науки, исторія европейскихъ государствъ, коммерческія науки, система естественной религіи и проч.

II. Полнота. Для этого необходимо основательное знаніе исторіи литературы. Чтобы написать хорошую книгу, напр., о политикѣ, недостаточно пользоваться лучшей, новѣйшей книгой объ этомъ предметѣ; собственно говоря, слѣдовало бы собрать все, что написано втеченіе настоящаго и прошедшаго столѣтій англичанами, французами, шведами, испанцами и нѣмцами, и изъ всего этого составить одну книгу, въ которой была бы сконцентрирована существенная часть содержанія всѣхъ пред-

шествующихъ. Требованіе слишкомъ большое; оно невозможно, я сознаюсь; но при исполненіи нужно по крайней мѣрѣ стараться удовлетворить ему въ возможно большей степени. Науки постоянно растутъ, а потому достоинство книгъ измѣняется: тридцать лѣтъ тому назадъ Ролленъ былъ классическій авторъ; нынѣ же о римской исторіи можно было бы написать совершенно другое.—Я имѣю ту выгоду, что могу читать книги на языкахъ большинства образованныхъ европейскихъ народовъ; это послужило бы мнѣ хорошимъ средствомъ для достиженія этой цѣли, если только богатая библіотека будетъ снабжать меня всѣми необходимыми пособіями.

III. Краткость. Она нимало не противорѣчитъ предыдущему качеству (II). Величіе наукъ не должно измѣрять величиною и множествомъ книгъ, которыя трактуютъ о нихъ. Скажите только разъ предложеніе, которое у девяноста девяти писателей встрѣчается девяносто девять разъ; пропустите всѣ отступленія; слѣдуйте повсюду самому строгому порядку, и вы рѣдко найдете писателя столь богатаго содержаніемъ, который послѣ этой операціи дастъ еще 20 процентовъ: цѣлые листы у васъ сольются въ нѣсколько страницъ. Я сдѣлалъ такой опытъ съ исторіею магнитной стрѣлки Тромбелли и Коллина.

IV. Ясность и легкость. Это слѣдствіе II и III. Въ нѣмецкихъ компендіумахъ это главный недостатокъ. Это выборка, чистые реестры предметовъ, которые читатель или уже долженъ знать, или которые профессоръ будетъ объяснять въ коллегіи. Темнота этихъ книгъ обыкновенно происходитъ отъ того, что составители въ своихъ разсужденіяхъ дѣлаютъ скачки и переходятъ, напр., отъ *a* къ *g*, не объяснивъ предварительно *b*, *c*, *d*, *e* и *f*. Отъ такого недостатка легко освободиться, и это освобожденіе можетъ произвести чудеса. Такимъ способомъ самыя трудныя положенія изъ высшей политики возможно сдѣлать доступными дѣтямъ, хотя они представляютъ затрудненія людямъ съ болѣе зрѣлымъ разсудкомъ.

§ 4.

Изъ такихъ книгъ извлекли бы существенную пользу три класса людей:

a) Всѣ лица средняго сословія, которыя смотрятъ на чтеніе книгъ, какъ на препровожденіе времени, но, по незнанію иностранныхъ языковъ, лишены этого. Извѣстно, что особенно здѣсь, въ Петербургѣ, такихъ очень много между офицерами, гражданскими чиновниками и купцами.

b) Учителя. По какой книгѣ учитель ознакомитъ ученика съ его отечествомъ? По какимъ книгамъ научитъ онъ его всеобщей исторіи и всѣмъ другимъ наукамъ, необходимымъ юношескому возрасту, если у него нѣтъ ничего кромѣ жалкихъ коемпендіумовъ, а самъ онъ не имѣетъ ни времени, ни способности изъ болѣе обширныхъ и лучшихъ сочиненій извлечь

то, что необходимо для его цѣли. Дюжина хорошихъ руководствъ могла бы произвести въ народномъ образованіи, этомъ государственномъ дѣлѣ, желанный переворотъ.

c) Духовные. У нихъ наиболѣе времени читать. Они также источникъ просвѣщенія для низшаго сословія народа; тѣмъ важнѣе ихъ собственное просвѣщеніе. Есть множество сочиненій, къ чтенію которыхъ они, можетъ быть, легче привыкли бы, потому что они находятся въ ближайшей связи съ ихъ состояніемъ; напр., церковная исторія, греческія христіанскія древности и другія.

§ 5.

Подобныя работы принесли бы еще двѣ важныя выгоды:

1. Еслибы мнѣ дали студента, который переводилъ бы ихъ подъ моимъ надзоромъ, то я вмѣстѣ съ тѣмъ наставлялъ бы его въ той наукѣ, о которой трактуетъ книга. Нѣтъ лучшаго средства образовать искуснаго переводчика.

2. Академическая типографія извлекла бы большую выгоду отъ изданія подобныхъ книгъ, на которыя не могутъ не найтись покупатели.

C.

СПИСОКЪ МОИХЪ СОЧИНЕНІЙ.

1. Disp. de Lumine Mysticorum interno, Vitemb. 1753. sub. præs. Meisneri. Только какъ respondens.

2. Disp. de Vita Dei, Vitemb. 1754. Sub. præs. Hilleri.

3. Статья безъ имени *о пониженіи воды* въ Svenska-Mercurius, 1756. Она обратила на себя вниманіе гёттингенскаго рецензента и возбудила любопытство г. Линнея узнать автора и рвеніе одного абоскаго магистра, который въ 1758 г. написалъ объ этомъ предметѣ диссертацію на ученую степень.

4. Neueste Geschichte der Gelehrsamkeit in Schweden, Rostock. 1-tes Stück 1756, 2—1757, 3—1758, 4—1759, 5—1760, 8° каждый выпускъ отъ 10 до 12 листовъ.

5. Färfök til en allmän Historia am Handel och Sjöfart uti the äldste tider, Stockholm, 1758, 8°.

Вслѣдствіе рецензіи буцовскаго профессора гна Эпинуса (Aepini), два года спустя, явился безъ моего вѣдома переводъ въ Ростокѣ.

6. Schwedische Biographie, *erster* Theil, 1760, 8° Altona.

Рукопись второй части давно уже отдана издателю.

7. Различныя мелкія статьи и переводы въ *Hannoverschen Beiträgen* dem Hamburger Magazin и въ другихъ журналахъ.

8. Usbecks Reise nach Ost-Indien, переводъ съ Шведскаго; печатается въ Ростокѣ.

9. Опытъ славяно-русскаго глоссарія, здѣсь напечатано.

10. Объ избраніи королей въ Польшѣ, 1-я и 2-я часть.

Сверхъ того, что мнѣ предстоитъ розыскать въ гёттингенской библіотекѣ о различныхъ предметахъ, на которые я былъ наведенъ моими изслѣдованіями по древней русской исторіи и списокъ которыхъ я составилъ;

сверхъ того, что во время путешествія постараюсь найти корреспондентовъ, переписка съ которыми можетъ быть полезна не только для моего дѣла, но и вообще для Академіи, которой впослѣдствіи я предложу полученныя извѣстія, я

1) постараюсь обогатить библіотеку недостающими книгами по исторіи сѣвера, на что Канцелярія назначитъ мнѣ опредѣленную сумму;

2) привести обоихъ студентовъ, назначенныхъ въ Гёттингенъ, въ такое состояніе, чтобы они могли изъ пребыванія тамъ извлечь всевозможную пользу; и

3) такъ какъ четыре года тому назадъ соборный пробстъ гнъ Дрейеръ письменно изъяснилъ мнѣ, что еслибы его избрали въ члены, то онъ выхлопоталъ бы у любскаго совѣта позволеніе снять копіи съ находящихся въ тамошнемъ архивѣ документовъ, касающихся древней торговли Новгорода, въ случаѣ еслибы Академія когда либо этого пожелала; то я очень желалъ бы, чтобы импер. Академія черезъ своего секретаря напомнила гну Дрейеру объ этомъ обѣщаніи. Это было бы дѣйствительное пріобрѣтеніе для русской исторіи, къ чему, можетъ быть, не такъ скоро снова представится случай.

Шлецеръ.

III.

СОСТОЯНІЕ ДѢЛА АДЪЮНКТА ШЛЕЦЕРА.

Къ § 70.

Съ 1751 по 1755 годъ учился я въ Санктпетербургѣ [1]) и Геттингѣ богословіи и языкамъ. Еще тогда принялъ я намѣреніе оказать наукамъ и закону важную услугу воспріятіемъ пути въ восточныя страны, какъ

[1]) Въ современномъ переводѣ этого документа, который здѣсь помѣщаемъ явная ошибка: вмѣсто Санктпетербургъ слѣдуетъ Виттенбергъ, куда Шлецеръ прибылъ въ началѣ октября 1751 года.

для изученія оріентальныхъ языковъ, при самыхъ ихъ источникахъ, такъ и для осмотрѣнія тѣхъ мѣстъ, кои были позорищемъ упоминаемыхъ въ священномъ писаніи великихъ происшествій.

Предпріятіе мое съ похвалою признано было отъ всѣхъ разумныхъ людей. Не требуя подкрѣпленія отъ Государей, и не имѣя самъ большаго достатку, но единственно надѣясь на свое трудолюбіе и на помощь Провидѣнія, благословляющаго успѣхомъ предпріятія честныхъ людей, началъ я пріуготовляться къ великому моему намѣренію. Я пріѣхалъ въ Швецію, и препроводя три года съ половиною, отчасти въ Стокгольмѣ, а отчасти въ Упсалѣ, прилежалъ къ натуральной исторіи, учася при томъ коммерціи и бухгалтерству, единственно для предпріемленнаго мною азіатскаго путешествія. Прочіе мои свободные часы употребилъ я на древнюю сѣверную и на новую Шведскую исторію, и въ тѣ же самые часы сочинилъ первые опыты пріобрѣтеннаго мною знанія. Они не только приняты были съ похвалою въ Швеціи и Германіи, но и доставили мнѣ благосклонность тогдашняго Шведскаго иностранной коллегіи президента, барона Гепкена, который меня къ сочиненію Шведской исторіи употребить хотѣлъ. Я бы могъ тогда совершенно быть счастливымъ, но сохраняя всегда первое свое намѣреніе, котораго великость всю мысль мою наполняло, пренебрегъ я великодушно изрядную сію надежду, въ ожиданіи важнѣйшаго впредь себѣ назначенія, и поѣхалъ назадъ въ Геттингенъ, дабы пріобрѣтенныя мною въ Швеціи знанія спокойнѣйшимъ пребываніемъ при упомянутомъ университетѣ, и при помощи находящейся тамъ преизрядной библіотеки далѣе распространить.

Въ 1759 году пріѣхалъ я назадъ въ Геттингенъ. Пріятели мои совѣтывали мнѣ учиться медицинѣ, яко такой наукѣ, чрезъ которую могу я въ восточныхъ странахъ облегчить себѣ доступъ къ тамошнимъ народамъ, а при томъ получить и достаточное содержаніе. Такимъ образомъ препроводилъ я паки два года съ половиною въ Геттингенскомъ университетѣ, отчасти слушая лекціи, а отчасти самъ преподавая оныя молодымъ студентамъ, и имѣя при томъ довольное пропитаніе. Самые знатные изъ тамошнихъ ученыхъ съ радостію подавали мнѣ безденежно всякое требуемое мною отъ нихъ наставленіе, дабы чрезъ то возъимѣть участіе въ знатной той пользѣ, которую я по ихъ ожиданію впредь новыми дорогами наукамъ принести въ состояніи буду. Не доставало мнѣ только одного году, чтобъ совсѣмъ приготовиться къ намѣренному пути. Я не требовалъ казеннаго подкрѣпленія, и въ вексельныхъ письмахъ не имѣлъ нужды: купецъ и медикъ съ однимъ своимъ знаніемъ пройти можетъ въ самую внутренность Азіи.

Въ такомъ вожделенномъ для себя состояніи находился я въ Геттингенѣ, когда г. профессоръ Миллеръ въ 1761 году меня оттуда вытащилъ. Онъ искалъ единственно для себя такого человѣка, который бы ему въ историческихъ и географическихъ его трудахъ вспомоществовалъ. Въ

письменномъ своемъ о томъ предложенін прибавилъ онъ: *если тотъ человѣкъ имѣетъ склонность учиться языкамъ, то онъ при мнѣ легко можетъ выучиться по-россійски, и будучи принятъ въ службу академическую, сдѣлать свою фортуну.* Предложеніе сіе учинено мнѣ было г. докторомъ Бишингомъ. Мнѣ казалось, что Провидѣніе открываетъ мнѣ нечаянную дорогу къ облегченію и лучшему произведенію въ дѣйствіе моихъ предпріятій. Сіе заключалъ я особливо по двумъ причинамъ:

I. Всѣ, которые до сего времени объѣздили востокъ, ходили туда Средиземнымъ моремъ. Изъ Россіи надѣялся я пройти туда сухимъ путемъ. Сія путешествующими по нынѣ еще мало испытанная дорога открыла бы мнѣ новое поле къ изобрѣтеніямъ, и слѣдственно усугубила бы пользу моего путешествія. Мысль сія для меня была весьма важною. Еще въ 1758 году, будучи въ Стокгольмѣ, говорилъ я о томъ съ г. совѣтникомъ посольства Стахѣевымъ, и просилъ его доставить мнѣ случай къ проѣзду въ Россію. Ссылаюсь въ томъ на записку мою, которую я тогда же ему вручилъ.

II. Обучался я коммерціи, но такъ какъ надлежитъ оную знать ученому человѣку. Извѣстно мнѣ было, сколь ревностно со временъ Петра Великаго высокое россійское правительство печется о распространеніи купечества своихъ подданныхъ. Я зналъ, коликіе богатые и неизвѣданные еще источники коммерціи востокъ въ себѣ заключаетъ, и къ которымъ въ то самое время королевскій датскій дворъ, заключеніемъ съ оттоманскою портою весьма прибыточнаго для себя купечественнаго трактата дорогу себѣ открылъ; но къ которому по моему признанію, россійская имперія имѣетъ ближайшіе пути, въ самомъ дѣйствіи гораздо удобнѣйшее право. Надежда моя при вознамѣренномъ моемъ азіатскомъ путешествіи чрезъ то весьма умножилась: я ласкалъ себя, что не только наукамъ принесу пользу, но и для россійской имперіи буду полезнымъ гражданиномъ. Въ такомъ мнѣніи упомянулъ я еще въ первомъ моемъ письмѣ къ г. Миллеру изъ Геттинга отъ 14 марта 1761 года: что съ симъ моимъ путешествіемъ можно бы соединить и другія намѣренія, которыя бы не непріятны были Россіи, а именно: я бы могъ для коммерцъ-коллегіи собирать всякія извѣстія, не безполезныя такому государству, которое не меньше печется о распространеніи торговъ какъ и вся прочая Европа. Изъясняясь такимъ образомъ г. Миллеру, объявилъ я ему обстоятельно, въ чемъ мои намѣренія состоятъ, которыхъ оставить ни мало не желаю, что я для оныхъ пренебрегъ уже многіе авантажи, и что я думаю, что съ такимъ путешествіемъ весьма способно соединить можно будетъ и упражненіе въ россійской исторіи.

Отвѣтъ г. Миллера (который я имѣю еще у себя оригинальный) исполнилъ меня надеждою. Онъ все мнѣ обѣщалъ, но можетъ быть нѣсколько двоякимъ образомъ. Однако можно ли меня за то винить, что я отъ такого человѣка, каковъ г. Миллеръ, не чаялъ отвѣту, который бы

двоякимъ образомъ толковать было можно? Онъ понуждалъ меня ѣхать; я пересталъ продолжать науки свои въ Геттингѣ, и оставилъ довольное то пропитаніе, которое я тамъ имѣлъ. Отправясь въ дорогу на собственномъ коштѣ и издержавъ въ пути около 70 рублей собственныхъ денегъ, прибылъ я сюда и жилъ здѣсь цѣлые 9 мѣсяцевъ, не имѣвъ другихъ доходовъ кромѣ 50 рублей, которые получилъ я отъ г. Миллера. Я сталъ учиться по-российски, и въ третьемъ мѣсяцѣ моего здѣсь пребыванія перевелъ первый указъ, который напечатанъ при Академіи. Въ то же время началъ я упражняться и въ россійской исторіи, и въ четвертомъ мѣсяцѣ сводилъ уже разные списки Нестора лѣтописца по правиламъ критики; однимъ словомъ, я все дѣлалъ, что только человѣку сдѣлать возможно, и надѣялся неутомленнымъ моимъ прилежаніемъ, чрезвычайными моими успѣхами умягчить жестокость моего рока; но все было напрасно. Какъ же я ужаснулся о поведеніи ко мнѣ г. Миллера? Сколь жестоко пострадало мое къ праву и справедливости чувствительное сердце, увидя его къ себѣ неслыханные поступки!

I. Тотъ человѣкъ, который меня сюда призвалъ, чтобъ упражняться въ россійской исторіи, который видѣлъ, съ какою безпримѣрною ревностію я слѣдую моему назначенію; самый тотъ человѣкъ дѣлалъ всевозможное, чтобъ мнѣ въ томъ воспрепятствовать, и вмѣсто того, чтобъ питать жадность мою къ ученію пресѣкалъ мнѣ всѣ пути. Я требовалъ лѣтописцевъ, ибо изъ чего бы мнѣ безъ нихъ учиться россійской исторіи? Развѣ изъ Герберштейна, изъ Шетхена, изъ Байера? но онъ мнѣ въ томъ отказывалъ, я требовалъ лѣтописцевъ, а не государственныхъ секретовъ? который народъ въ свѣтѣ, не говорю о просвѣщенной Европѣ, могъ бы быть столь дикъ, чтобъ древніе свои лѣтописи хранить и таить, какъ государственные секреты? Одна только ревность и зависть, а не присяжный долгъ исторіографа къ россійской исторіи побудила его къ такому поступку, который почти всякую вѣроятность превышаетъ.

II. Тотъ человѣкъ, который меня наиболыше тою надеждою сюда привлекъ, что я найду здѣсь способъ къ путешествію въ Азію, не устыдился скоро по моемъ сюда прибытіи мнѣ въ глаза сказать, что онъ весь мой проэктъ почитаетъ сумасброднымъ; что онъ никогда не мыслилъ мнѣ въ томъ способствовать; что онъ думалъ, что когда я только сюда пріѣду, то я уже самъ собою оставлю сіе пустое предпріятіе. Такая его откровенность привела духъ мой въ крайнее смущеніе, и можетъ ли исторія представить много такихъ примѣровъ, чтобъ человѣка, который кромѣ своей честности, своего трудолюбія и полезности для общества никакихъ избытковъ не имѣетъ, изъ благополучныхъ его обстоятельствъ исторгнуть и заманить въ отдаленную на 200 миль и болѣе чужую землю одною надеждою, которая не только дѣйствомъ не исполняется, но по собственному признанію никогда и намѣренія не было оную исполнить? Тщетно ссылался я на право человѣчества, тщетно представлялъ святость заклю-

ченныхъ договоровъ. Не хотя слышать моихъ жалобъ и безчувственъ будучи къ моему состоянію, называлъ онъ меня упрямымъ, что не хочу я оставить такого предпріятія, къ которому цѣлыя 6 лѣтъ приготовлялся; для котораго пренебрегъ я уже многіе выгодные для себя случаи, и для произведенія котораго я точно сюда пріѣхалъ. Весь отвѣтъ состоялъ въ томъ, что когда я не хотѣлъ слѣдовать его намѣреніямъ, то я бы лучше дома остался.

III. Тотъ человѣкъ, который зналъ, что я уже съ 1755 по 1760 годъ не однократно отказалъ предложенные мнѣ въ отечествѣ моемъ духовные чины, а въ 1761 году на проѣздѣ моемъ въ Россію и профессорскаго мѣста въ Бицовскомъ университетѣ не принялъ; тотъ самый человѣкъ, который зналъ, что я еще въ началѣ 1762 года спрашиванъ былъ, хочу ли я съ отправляющеюся отъ королевскаго датскаго двора ученою и коммерческою экспедиціею ѣхать въ Леванту, требовалъ отъ меня, чтобъ я здѣсь на 5 лѣтъ опредѣлился адъюнктомъ съ жалованьемъ въ годъ по 300 рублей. То ли называется поощрять прилежаніе, искуство и усердіе, или самымъ наглымъ образомъ вдругъ оныя низвергать?

IV. Тотъ человѣкъ, который меня уже зналъ изъ прежнихъ моихъ сочиненій, и отчасти читалъ похвальныя обо мнѣ разсужденія иностранныхъ; который внутренно въ себѣ признавалъ, что я имѣю такія познанія, которыхъ въ немъ самомъ не достаетъ, а къ сочиненію россійской исторіи необходимо нужны,—обходился со мною, какъ съ молодымъ студентомъ, академическій свой курсъ едва только окончавшимъ, и желая меня во всемъ употреблять какъ подлаго помощника, требовалъ, чтобъ я ничего инаго не дѣлалъ, кромѣ реэстровъ и изъ книгъ экстрактовъ; и отнюдь не хотѣлъ мнѣ дозволить, чтобъ я что нибудь отъ себя написалъ. Любимыя его рѣчи всегда были: *будетъ еще время; не должно торопиться впредь*. Какъ ни прилежно я просилъ его, чтобъ мнѣ изъ богатаго своего собранія россійскихъ историческихъ извѣстій дать опредѣленную нѣкоторую часть, которую бы я по надлежащему могъ выработать, и еще здѣсь въ печать издать, дабы, если не найду здѣсь своего счастія, по крайней мѣрѣ безгласенъ не выѣхалъ изъ Россіи, и пріобрѣтенной себѣ похвалы годнаго въ наукахъ человѣка и вояжира у иностранной публики совсѣмъ не лишился.

Такое было печальное мое состояніе, въ которомъ я виною однаго человѣка въ началѣ 1762 года находился. Вся надежда къ сысканію здѣсь моего счастія изчезла; дорогое для меня лѣто моей жизни было потеряно: больше ста рублей, собственныхъ денегъ я истратилъ, и г. Миллеръ всячески меня понуждалъ, чтобъ я опять выѣхалъ изъ Россіи. Не имѣя чѣмъ предпріять возвратный путь, вознамѣрился я препроводить здѣсь еще одинъ годъ въ обученіи молодыхъ людей. Я просилъ у г. Миллера рекомендаціи; но онъ мнѣ въ томъ отказалъ. Наконецъ будучи приведенъ къ

отчаянію, сталъ я просить корректорскаго мѣста при академической типографіи.

Между тѣмъ я по счастію моему получилъ знакомство съ г. статскимъ совѣтникомъ Таубертомъ. Сей великодушный человѣкъ, который узналъ обо мнѣ по переведеннымъ мною указамъ, а о прочихъ моихъ обстоятельствахъ несравненно меньше вѣдалъ, нежели г. Миллеръ, предложилъ мнѣ тотчасъ 360 рублей жалованья при Академіи, и притомъ свободное во всемъ содержаніе при дѣтяхъ его сіятельства гетмана графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго. Притомъ онъ желалъ, чтобъ я на три года въ службу обязался; но какъ я имѣлъ твердую надежду чрезъ мои неусыпные труды и прилѣжаніе получить въ меньшее время пристойное повышеніе, или по крайней мѣрѣ, то самое, что я уже прежде въ другихъ мѣстахъ имѣть могъ, то я просилъ его, чтобъ меня къ такому обязательству не принуждать, и онъ безъ дальняго затрудненія склонился на мое прошеніе, которое тѣмъ справедливѣе было, что я не на囗囗коштѣ академическомъ сюда пріѣхалъ, и тотчасъ по вступленіи моемъ въ ея службу могъ трудиться въ такой наукѣ, для которой другимъ иностраннымъ надлежало бы напередъ пожить нѣсколько лѣтъ въ Россіи, нежели бы къ настоящему дѣлу приступить могли.

Теперь началъ я будущія свои намѣренія располагать по новому плану. Вмѣняя себѣ за честь быть первымъ, который изъ единаго усердія, чтобъ наукамъ оказать важную услугу, принялъ здѣсь чинъ и званіе ниже того, какія ему въ другихъ мѣстахъ уже предлагаемы были, и въ спокойномъ упованіи получить впредь достойное воздаяніе за такое свое безкорыстіе, и необычайное пренебреженіе самолюбія, покинулъ я всѣ прежнія свои въ наукахъ упражненія, и совсѣмъ вдался ученію россійскаго языка и исторіи, сколько оставалось мнѣ времени отъ прочихъ по должности моей упражненій.

Нынѣ два года прошли, что я имѣю честь быть въ службѣ академической. Въ сихъ двухъ годахъ труды мои были слѣдующіе:

1) Не малое число переведенныхъ на нѣмецкій языкъ указовъ и другихъ дѣлъ академическихъ.

2) Экстрактъ изъ Шоберова путешествія чрезъ Россію, напечатанный въ собраніяхъ къ россійской исторіи, 10 листовъ печатныхъ.

3) Опытъ россійской грамматики, котораго напечатано 11 листовъ.

4) Эпиграммы латинскія, для употребленія начинающихъ учиться латинскому языку, 3 листа.

5) О избраніи королей польскихъ 8 печатныхъ листовъ.

6) Россійскій патріотъ, или предложеніе о способахъ къ умноженію народа. Сіе сочиненіе поднесено рукописное Ея Императорскому Величеству всемилостивѣйшей государынѣ.

Кромѣ того сочинилъ я небольшую россійскую географію, и разныя другія піесы на французскомъ языкѣ о комерціи, законахъ, мореплаваніи

россійскомъ и проч., которыя хотя и написаны, только для наставленія молодыхъ г. графовъ Разумовскихъ, однако съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ сіи сочиненія, когда они достигнутъ большаго совершенства, въ печать здѣсь издать.

Въ семъ состоятъ двухлѣтніе мои труды; но кромѣ того имѣлъ я еще гораздо важнѣйшія и труднѣйшія упражненія, а именно, древнюю россійскую исторію, которой посвятилъ я большую часть моего времени. Я читалъ и дѣлалъ экстракты изъ древнихъ лѣтописцевъ и хронографовъ, сколько я оныхъ могъ получить. Я сличалъ оные между собою, и старался изъ того сдѣлать себѣ систему россійской исторіи, какую уже Петръ Великій видѣть желалъ, и какой вся ученая Европа еще ежегодно съ нетерпѣливостію отъ здѣшней Академіи требуетъ.

Такимъ образомъ трудился я полтора года безпрерывно въ новомъ моемъ назначеніи, и съ такимъ удовольствіемъ, что я забылъ восточное мое путешествіе, или по крайней мѣрѣ отложилъ оное до будущаго удобнѣйшаго къ тому случаю; всѣмъ извѣстно было мое усердіе къ Академіи; часть моихъ трудовъ предложена была публикѣ, а однако не видѣлъ я еще никакого слѣду къ моему счастію. Между тѣмъ я еще не совсѣмъ забытъ былъ въ Германіи, хотя тамошняя публика, чрезъ цѣлые два года моихъ трудовъ и ничего не видѣла, и я, такъ сказать, упражнялся въ первыхъ основаніяхъ совсѣмъ новыхъ наукъ. Еще въ сентябрѣ прошедшаго года получилъ я извѣстіе, что гановерское правительство намѣреніе имѣло представить меня его королевскому великобританскому величеству профессоромъ при Гетингенскомъ университетѣ. Но какъ я принужденъ былъ ожидать возвратнаго прибытія въ С.-Петербургъ его сіятельства Академіи г. президента, то я пропустилъ цѣлые 5 мѣсяцевъ, прежде нежели я на сіе милостивое предложеніе отвѣтъ учинилъ. Могъ ли я показать сильнѣйшій опытъ моей склонности, чтобъ остаться въ службѣ при здѣшней Академіи, не взирая, что я по всѣмъ обстоятельствамъ столь мало предвидѣлъ надежды къ исполненію моего желанія?

Вскорѣ потомъ, а именно въ прошедшемъ мартѣ мѣсяцѣ предложена мнѣ была бывшая тогда профессорская ваканція при шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ съ весьма выгодными кондиціями, однако я и тутъ по столь многимъ непріятнымъ случаямъ презрилъ собственной свой интересъ отвѣтствуя, что я имѣю только два намѣренія, либо россійской имперіи служить въ сочиненіи исторіи, либо закону путешествіемъ въ восточныя страны. Ссылаюсь въ томъ на записку, поданную мною тому знатному ученому, который мнѣ выгодное такое предложеніе учинилъ. Наконецъ не могъ я уже болѣе снести того множества трудовъ, которые я самъ себѣ наложилъ, а еще болѣе горестнаго моего состоянія, и почти совсѣмъ истощенъ былъ продолжительною лихорадкою. И по нынѣ чувствую я оную въ слабомъ моемъ тѣлѣ; еще грозитъ она мнѣ совершенно чахоткою: медики не знали лучшаго къ излѣченію моему способа, какъ поѣхать отсю-

да на малое время. Сверхъ же того находился я уже 13 лѣтъ въ отдаленіи отъ моего отечества и отъ престарѣлой матери и трехъ сестеръ и братьевъ. Обѣ сіи законныя причины побудили меня въ началѣ мая мѣсяца поданнымъ въ Канцелярію Академіи наукъ доношеніемъ просить о увольненіи меня на 3 мѣсяца въ мое отечество. Притомъ просилъ я и о томъ, какого могу я здѣсь впредь счастія надѣяться, и представилъ въ собраніе академическое пробное мое сочиненіе, подъ титуломъ: *Опытъ россійскія древности, изъясненныя греческими писателями.*[1]) Четыре недѣли спустя послѣ того, подалъ я по приказу канцеляріи два плана о трудахъ, которые я на себя принять намѣренъ. По сей часъ не имѣю еще отвѣту на то, что отъ меня представлено. Пробное мое сочиненіе похвалилъ тотъ самый человѣкъ, который одинъ при Академіи знаетъ греческую литературу, а однако въ печатаніи онаго мнѣ отказываютъ. Коль неслыханный поступокъ въ вѣкѣ Петра Великаго и Екатерины Вторыя! Буде есть въ сочиненіи моемъ какія неисправности и заблужденія, то пускай оныя напечатаны будутъ къ моему стыду: сіи заблужденія не происходятъ отъ публициста, упражняющагося въ розысканіи народныхъ правъ и преимуществъ, котораго ложныя заключенія возжигаютъ войну и кровопролитія причиняютъ: они происходятъ отъ филолога, и честь государства и Академіи, при томъ ничего не теряетъ. Пускай другой напишетъ на то свои возраженія и пускай напечатаютъ ихъ вмѣстѣ; тогда вся Европа, сколь далеко простирается греческая литература, разсудитъ, кто изъ насъ правъ? Между тѣмъ получилъ я 7 іюня ваканцію на профессорское мѣсто въ Гетингѣ; я для того оныя никому не объявлялъ, что судьба моя здѣсь еще не разрѣшена была, а однакожъ я, еслибъ оное рѣшеніе воспослѣдовало къ моей пользѣ, не хотѣлъ навести на себя отъ гановерскаго правительства непристойное подозрѣніе, яко бы я оказанную мнѣ отъ онаго милость, единственно на то употребилъ, чтобъ здѣсь сыскать свое счастіе; но вѣдомость о томъ дошла въ здѣшнюю Академію чрез печатныя Гёттингскія газеты отъ 25 іюня. Однако еще прежде, слѣдственно безъ всякаго свѣдѣнія о сей оказанной мнѣ отъ его великобританскаго величества высочайшей милости, голоса большей части членовъ академическихъ даны были въ мою пользу: одинъ только подалъ вмѣсто мнѣнія презрительный пасквиль, ни мало не соотвѣтствующій достоинству наукъ, которыя требуютъ учтивости и благонравія отъ упражняющихся въ оныхъ, и не дѣлающій ни малой чести протоколу ученаго собранія. Обносятъ меня, будто бы я никогда не имѣлъ намѣренія обязаться въ россійскую службу. Такъ говорили за два года, и такъ говорятъ и по нынѣ, не взирая, что нахожусь я здѣсь уже близко трехъ лѣтъ добровольно, и не будучи обязанъ никакимъ контрактомъ. Въ послѣднемъ моемъ представленіи, поданномъ въ Академію, объявилъ я имен-

[1]) Т. е. Periculum. см. ниже.

но, что мнѣ еще и пріятно будетъ, когда императорская Академія наукъ соизволитъ со мною, такъ какъ со всѣми иностранцами, которыхъ она на своемъ коштѣ выписываетъ, заключить контрактъ на урочные годы, во время которыхъ я бы долженъ былъ совершить нѣкоторую предписанную мнѣ часть трудовъ, а до прошествія тѣхъ урочныхъ лѣтъ не помышлять ни о какомъ иномъ обязательствѣ? Можно ли представить Академіи выгоднѣйшій контрактъ? Пріѣхавъ сюда на своемъ коштѣ, хотя и не безъ призыву, и получа десятилѣтнимъ своимъ вояжированіемъ и упражненіемъ въ наукахъ безъ всякаго отъ Академіи подкрѣпленія тѣ знанія, которыя необходимо нужны къ сочиненію россійской исторіи, подвергаю себя тѣмъ самымъ кондиціямъ, которыя бы Академія предписала другимъ, коихъ она на своемъ коштѣ выписать и напередъ нѣсколько лѣтъ на своемъ же коштѣ, пріуготовлять должна бы была; прежде нежели бы они способны были къ тѣмъ трудамъ, которые я съ перваго дня моего обязательства на себя снимаю.

Честь иностранца, который дѣлаетъ себя гражданиномъ въ имперіи Великія Екатерины, состоитъ не въ долготѣ того времени, какъ онъ пользовался тѣмъ гражданствомъ, но въ числѣ и въ пользѣ отъ добрыхъ дѣлъ, которыя онъ между тѣмъ произвелъ. Иначе жалуетъ Государь инвалидовъ, иначе такихъ людей, которые по своимъ лѣтамъ и качествамъ государству служить могутъ. Который иностранецъ достойнѣйшій гражданинъ россійской имперіи? Тотъ ли который 10 лѣтъ здѣсь жилъ и за 30 лѣтъ работалъ, или тотъ, который государству 30 лѣтъ, получая жалованье, въ тягость былъ, а только за 10 лѣтъ работалъ?

Я не отвѣтствую на безчестное намѣреніе, учиненное мнѣ предъ симъ, яко бы я хотѣлъ обмануть Академію и ищу при оной службы единственно для того, чтобъ въ другомъ мѣстѣ получить равныя себѣ выгоды; я признаваю оное ложнымъ и оскорбительнымъ для меня. Возможно ли, чтобъ я при столь нѣжномъ чувствованіи, какое имѣю я къ разсужденію публики, хотѣлъ безъ всякой нужды учинить такой поступокъ, за который достоинъ бы я былъ омерзѣнія отъ всѣхъ мнѣ современныхъ? Развѣ я учинилъ какое преступленіе, для котораго я бы долженъ былъ тайно выкрасться изъ Государства, и для котораго не смѣю сослаться на привилегію каждаго иностранца, которою при славномъ и кроткомъ государствованіи нашея Великія Монархини и самые подлѣйшіе изъ ея подданныхъ пользуются? или не могъ я инымъ образомъ, кромѣ безчестнаго обману, сыскать въ другомъ мѣстѣ своего счастія? Георгъ Третій избавилъ меня отъ сего оскорбительнаго подозрѣнія; онъ представилъ мнѣ свою милость еще прежде, нежели судьба моя здѣсь разрѣшена была.

Императорской Академіи наукъ принадлежитъ то право, чтобъ разсудить о моемъ достоинствѣ. Хотя мнѣніе ея и будетъ не въ мою пользу, однако я оное признавать буду съ почтеніемъ; но если я здѣсь буду негоденъ, и если знанія мои и науки россійскому отечеству никакой поль-

зы принести не могутъ, то однако оныя могутъ цѣну имѣть въ другомъ мѣстѣ. Всегда ли мнѣ быть сожалѣнія достойною жертвою моего къ наукамъ патріотическаго усердія? Долго ли мнѣ терять лучшія свои лѣта въ темнотѣ, не употребляя ихъ ни въ пользу себѣ ни въ пользу общества? Долго ли мнѣ терпѣть здѣсь гоненіе и презрѣніе, когда счастіе и честь зовутъ меня въ другое мѣсто, и когда Георгъ Третій открываетъ мнѣ дорогу, на которой я, безопасенъ будучи въ презрѣніе подлости, и не имѣя нужды пещися о пропитаніи своемъ, могу показывать наукамъ такія услуги, которыя имя мое съ почтеніемъ предадутъ потомству.

Но я имѣю у себя государственные секреты, которые могу увезти отсюда. Правда, я имѣю лѣтописцевъ, имѣю экстракты изъ оныхъ и лексиконы; а не тайны государственныя. Съ несказаннымъ трудомъ выписалъ я, перевелъ и сличилъ между собою столь много древнихъ лѣтописцевъ, что другой чрезъ пять лѣтъ едва бы могъ сдѣлать. Отъ г. статскаго совѣтника Тауберта получилъ я Татищевы сочиненія, тѣ самыя, которыя покойный тайный совѣтникъ Василій Никитичь хотѣлъ напечатать въ Англіи, и о которыхъ переписывался онъ съ Ганвѣемъ. (Зри описаніе его путешествія). И имѣлъ цѣлое собраніе россійскихъ законовъ, для того, что всемѣрно, хотѣлъ разумѣть уложеніе, а по методу согласному съ правиломъ логики я, не читавъ прежнихъ законовъ, онаго разумѣть не могъ; я имѣлъ *правду русскую*, изъ которой при здѣшней Академіи напечатанъ экстрактъ на французскомъ языкѣ; я имѣлъ *судебникъ*, съ котораго предъ давнымъ уже временемъ Герберштейнъ (буде не обманываюсь) напечаталъ неисправный переводъ; я имѣлъ *торговый уставъ Царя Алексѣя Михайловича;* я имѣлъ также *новгородскій лѣтописецъ*; изъ котораго напечатанъ экстрактъ въ собраніяхъ къ россійской исторіи.

Всѣ сіи, и древнія сочиненія, которыя получилъ я по случаю и изъ благосклонности нѣкоторыхъ россійскихъ патріотовъ, читалъ я безпрестанно, чтобъ научиться старинному россійскому языку, и очистить древнюю россійскую исторію отъ погрѣшностей, которыя вышли въ оную по незнанію чужестранцевъ. У меня весьма много о томъ записано; я представляю записки свои наистрожайшему разсмотрѣнію, и никогда изъ оныхъ ни лоскута не скрою; честь моя получитъ отъ того вящее приращеніе, онѣ содержатъ похвальные опыты моихъ трудовъ, и явно свидѣтельствуютъ о всеподданнѣйшемъ моемъ усердіи къ службѣ Ея Императорскаго Величества; онѣ служатъ мнѣ неоспоримымъ доказательствомъ неутрудимаго моего раченія о исполненіи моихъ должностей.

Но я держалъ собственнаго писца для списыванія тѣхъ лѣтописцевъ. Сіе паки доказываетъ, сколь прилежно я старался исполнять предписанныя мнѣ должности и научиться россійской исторіи! однако нѣтъ, я не нанималъ писца, но самъ его сдѣлалъ. Крѣпостной человѣкъ Академіи наукъ г. президента, котораго его сіятельство изволилъ мнѣ придать для моихъ услугъ, склоненъ былъ къ пьянству, карточной игрѣ, и къ дру-

гимъ подлымъ порокамъ; я хотѣлъ его отвести отъ того, и выбралъ къ тому самое лучшее средство, которое подать можетъ знаніе человѣческаго сердца: я задалъ ему дѣло. Долго писалъ онъ безъ всякой пользы и единственно только, чтобъ писать, то есть, чтобъ празднымъ не быть и къ пьянству не обратиться; однако моимъ наставленіемъ и другими сильными поощреніями сдѣлался онъ въ шесть мѣсяцевъ годнымъ копистомъ, который нынѣ почти съ критическою исправностію списываетъ самыя трудныя для прочитанія хронографы. Такимъ образомъ доставилъ я себѣ писца! Какое наказаніе новѣйшіе законы опредѣляютъ, за такое хорошее преступленіе? Древній Римъ наградилъ бы за то въ свое время гражданскою короною.

Но я чужестранецъ, а чужестранцу не должно коснуться россійской исторіи! Новая мысль, которая по нынѣ была не извѣстна всѣмъ европейскимъ народамъ! Барре, французъ, писалъ исторію нѣмецкой имперіи, и нѣмцы перевели оную на свой языкъ. Рапенъ, французъ, писалъ англійскую исторію, и англичане оную перевели. Шмаусъ, нѣмецъ, писалъ исторію шведскаго Короля Густафа Адольфа, и она напечатана въ Стокгольмѣ? Миллеръ, французъ, еще недавно будучи въ Королевской дацкой службѣ, сочинилъ дацкую исторію, и Данія, отечество славныхъ историческихъ творцовъ, Голберха, Грамма и Лангебека, оную напечатать велѣла! Коль опасна сія мысль, которая царству наукъ угрожаетъ разрушеніемъ! Тогда только науки восходятъ до вышняго совершенства, когда ученые разныхъ дарованій и разныхъ націй въ оныхъ трудятся. Сіе правило общее, и потому не меньше справедливо и для исторіи. Домашній писецъ, описывая исторію своего отечества, легко избѣжать можетъ погрѣшностей, которые для чужестранца не минуемы; но чужестранецъ напротивъ того можетъ ей придать такую красоту и важность, какой отъ домашняго писателя не всегда ожидать можно.

Но я вывезу изъ государства россійскихъ лѣтописцевъ: я или другіе ихъ напечатаютъ и прибавятъ такія примѣчанія, которыя россійскому народу и государству будутъ предосудительны. На сіе вмѣсто однаго долженъ я учинить три отвѣта:

1) Хотя я оныя и повезу съ собою, однако весьма сумнительно, могу ли я когда выдать ихъ въ свѣтъ. Издаваніе россійскихъ лѣтописцевъ не такое дѣло, чтобъ можно было на оное употребить одни свободные отъ прочихъ трудовъ часы. Оно требуетъ прилѣжнаго упражненія, моя должность тогда состоять будетъ совсѣмъ въ иныхъ наукахъ; ибо Георгъ Третій не для того зоветъ меня въ Гетингъ, чтобъ трудиться въ сочиненіи россійской исторіи; сверхъ же того я, будучи внѣ Россіи и не имѣя тѣхъ способовъ, которые необходимо нужны къ такому дѣлу, не могъ бы публикѣ ничего представить, какъ только трудъ весьма несовершенный; но возможно ли подуматъ, чтобъ ученый человѣкъ, который гораздо больше способовъ имѣетъ свѣту представить себя съ авантажемъ, столько

былъ безуменъ, чтобъ забывъ свою честь отважился писать точно о такихъ матеріяхъ, гдѣ онъ наибольшія и неминуемыя погрѣшности учинить можетъ.

2) Но положимъ, хотя тому и не бывать, чтобъ я выдалъ ихъ въ свѣтъ: какую не получилъ бы чрезъ то честь, и сдѣлалъ бы себѣ заслугу у россійской націи, не имѣя отъ нея за свой трудъ никакого награжденія, привелъ бы я всѣхъ европейскихъ ученыхъ, какъ въ югѣ, такъ и на западѣ въ состояніе, соединенными силами трудиться въ сочиненіи россійской исторіи! Сею дорогою французская, англійская и нѣмецкая исторіи достигли нѣнышняго своего совершенства: всѣ народы большею частію еще въ прошломъ вѣкѣ отдали свои лѣтописи на разсмотрѣніе ученой Европѣ, и всѣ націи въ объясненіи оныхъ одна другой вспомоществовали. Развѣ Россія одна изъ того исключена быть имѣетъ.

3) Издаватель древнихъ лѣтописцевъ не можетъ повредить честь государства. Либо онъ не разумѣваетъ ихъ, и вноситъ въ свое описаніе такія историческія положенія, которыхъ не бывало въ нихъ: и тогда публика назоветъ его глупцомъ и невѣжею; или онъ будетъ строгій подражатель истины, и скажетъ тоже, что говорятъ лѣтописцы: тогда исполнитъ онъ должность честнаго человѣка, и достойнаго испытателя исторіи. Святополкъ Первый, великій князь россійскій, былъ тиранъ; такъ говорятъ всѣ лѣтописцы: Татищевъ тоже говоритъ, г. Ломоносовъ также. Чужестранецъ можетъ ли погрѣшить противъ должнаго къ россійской націи почтенія, когда тоже самое скажетъ. [1])

Въ семъ состоятъ, сколько мнѣ до нынѣ извѣстно, учиненныя на меня нарѣканія. Если оныхъ еще болѣе есть, то я для того только объ нихъ не упоминаю, что я объ нихъ не знаю. Предъ Академіею, предъ правительствующимъ Сенатомъ и предъ самымъ трономъ моя невинность и непорочность моихъ намѣреній торжествовать имѣетъ надъ злословіемъ моихъ непріятелей. При помощи Всевышняго и подъ покровомъ милосердыя Екатерины Вторыя, я либо продолжать буду трудиться къ чести и пользѣ Россіи, не боясь гоненія и притѣсненій, или по крайней мѣрѣ перенесу съ собою чрезъ Балтійское море драгое имя честнаго человѣка и славный титулъ добраго гражданина.

Въ С.-Петербургѣ іюля 5 дня 1764 года.

Августъ Людвигъ Шлецеръ, адъюнктъ при Императорской Академіи наукъ, назначенный королевскимъ великобританскимъ профессоромъ при Гётинскомъ университетѣ.

---

[1]) Послѣдняя часть этого документа, начиная съ того мѣста, гдѣ рѣчь идетъ о *государственныхъ секретахъ*, относится равно какъ къ Миллеру, такъ и къ Ломоносову. См. автобіогр. стр. 203 и 214.

IV.

ЗАПИСКА ШЛЕЦЕРА О ВЫЗОВѢ ЕГО ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. [1]

I.

Въ февралѣ 1761 г., когда я, послѣ возвращенія изъ Швеціи, снова жилъ въ Гёттингенѣ и мнѣ только одинъ годъ оставался до полученія степени доктора медицины и для предпринятія давно задуманнаго путешествія въ Азію, гнъ Миллеръ меня впервые пригласилъ чрезъ гна Бюшинга, пріѣхать въ Петербургъ помогать ему въ его занятіяхъ географіею и исторіею Россіи.

II.

Въ мартѣ того же года я писалъ гну Миллеру слѣдующее:

1. Я смѣю надѣяться, что могу успѣшно заниматься русскою исторіею, потому что я въ Швеціи три съ половиною года занимался сѣверными древностями.

2. Что касается русскаго языка, изученіемъ котораго, какъ писалъ г. Миллеръ, облегчалось полученіе должности въ Россіи, то я обѣщалъ усвоить его въ очень короткое время.

3. Такъ какъ гнъ Миллеръ желалъ, чтобы я тотчасъ же отправился въ путь, то я просилъ объ отсрочкѣ до осени того же года, чтобы прежде окончить вторую часть шведской библіографіи и первую Hirozoikon, такъ какъ съ издателемъ обоихъ этихъ книгъ дѣло было уже кончено; впрочемъ я обѣщалъ гну Миллеру въ слѣдующую зиму «чрезвычайнымъ прилежаніемъ вознаградить пропуски лѣта.»

4. Наконецъ я изложилъ ему весь планъ моихъ занятій и изъяснилъ, въ чемъ заключалась цѣлъ и польза моего азіатскаго путешествія, одобреннаго Геснеромъ и Михаэлисомъ; какъ многими и какими важными выгодами я, сверхъ моего прилежанія, пожертвовалъ этому плану. Послѣ всего этого я заключилъ: (здѣсь приводится слово въ слово заключеніе 1-го письма къ Миллеру, см. ниже).

---

[1]) Въ этой недоконченной запискѣ Шлецеръ, какъ видно, хотѣлъ выяснить настоящія причины своего прибытія въ Петербургъ и доказать, что Миллеръ обязанъ былъ, по условію, содѣйствовать его плану, на что онъ не разъ намѣкаетъ и въ автобіографіи.

III.

Г-нъ Миллеръ въ первомъ своемъ письмѣ ко мнѣ, отъ 30-го марта 1761-го г. отвѣчалъ мнѣ:

«Россія именно и есть то поле, которое Провидѣніе назначило вамъ воздѣлывать, гдѣ вы вмѣстѣ съ тѣмъ можете пожать самую вѣрную награду за ваше прилежаніе. Естественная исторія совершенно удобно можетъ соединиться съ политическою исторіею и географіею. Но къ новымъ открытіямъ въ этихъ наукахъ ни одно государство не представляетъ больше случаевъ, чѣмъ Россія. Нашъ естественно-историческій музей содержитъ такое огромное множество неизвѣстныхъ предметовъ, описанія которыхъ еще ожидаютъ, что этому дѣлу могъ бы посвятить всю свою жизнь не одинъ натуралистъ. Здѣсь такъ же, не менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, существуютъ пособія для основательнаго изученія естественныхъ наукъ и восточныхъ языковъ. И кто охотно предпринимаетъ путешествіе, тотъ нигдѣ не найдетъ лучшаго случая удовлетворить этой склонности, какъ въ столь обширномъ государствѣ, и въ посольствахъ, посылаемыхъ въ Турцію, Персію и въ Китай, для чего легко даютъ пособія.»

IV.

Чтобы впослѣдствіи не возникъ какой нибудь споръ или недоразумѣніе, я отвѣчалъ 3-го мая:

«Надежда получить мѣсто въ Академіи и оффиціальное жалованіе, вмѣстѣ съ надеждою получить пособіе для путешествія, вотъ причины, болѣе всего побудившія меня къ принятію этого приглашенія».

V.

Г-нъ Миллеръ былъ согласенъ, ибо онъ отвѣчалъ мнѣ, что ожидаетъ меня въ началѣ сентября (это онъ писалъ 29 мая), прислалъ такъ же деньги на путевыя издержки, которыхъ я требовалъ, но только четвертую часть оныхъ.

VI.

Этого достаточно, чтобы доказать, что я не только никогда не отказывался отъ своего путешествія въ Азію, но что именно съ этою цѣлью и съ этимъ условіемъ прибылъ я сюда, что совершу это путешествіе легче и съ большею пользою для наукъ.

Кромѣ того слѣдуетъ присоединить сюда письма Михаэлиса къ г-ну Миллеру объ этомъ дѣлѣ....

V.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ОТЪ АДЪЮНКТА ШЛЕЦЕРА.

Къ стр. 221.

Ежели Императорская Академія наукъ соблаговолитъ со мною заключить контрактъ, на такомъ основаніи, на какомъ и прежде принимала въ свою службу другихъ иностранцевъ, которой бы съ одной стороны соотвѣтствовалъ великости и важности труда, какой я на себя принимаю, краткости времени, въ какое обѣщаюсь оной исполнить, и благодарности, которую вся ожидающая Европа за такой трудъ окажетъ Императорской Академіи, а съ другой стороны моему счастію, спокойствію и ревности, дабы наукамъ и Императорской Академіи оказать важную услугу, ежели, говорю я, такой контрактъ со мною сдѣланъ будетъ, и я оный формально подпишу, то симъ обязуюсь, и обѣщаюсь, какъ честной человѣкъ, который о томъ совершенно увѣренъ, что заключенные контракты должно содержать свято и не нарушимо, и крайне того желаетъ, чтобъ онъ въ свѣтѣ слылъ честнымъ человѣкомъ, что ежели я или нынѣшнимъ лѣтомъ, или будущею весною для извѣстныхъ уже причинъ за необходимыми нуждами поѣду въ мое отечество, то возвращусь на положенный срокъ, и по прежнему буду о томъ стараться, чтобъ исполнять пункты моего контракта, по возможности моихъ силъ, къ славѣ Императорской Академіи наукъ и къ собственной моей чести; ежели жъ я, несмотря на то, что заключенъ со мною формальный контрактъ сюда, назадъ не буду, то сіе письмо, которое я самъ своею рукою писалъ и подписалъ, да будетъ служить къ обличенію меня доказательствомъ, и ежели Императорской Академіи наукъ, сему почтенія столь достойному собранію, не можно будетъ мнѣ мстить для отдаленія мѣстъ за учиненный мною мерской такой обманъ, то пусть публикуетъ сіе мое письмо, которымъ я въ случаѣ умышленнаго невозвращенія объявляю себя добровольно, безъ принужденія и съ здравымъ разсужденіемъ за нечестнѣйшаго и непотребнѣйшаго человѣка, во всѣхъ россійскихъ и иностранныхъ издаваемыхъ печатныхъ листахъ, да нынѣшній свѣтъ воспомянетъ о моемъ имени съ омерзеніемъ, а потомствующій меня да проклянетъ.

А ежели я изъ сей моей поѣздки сюда возвращусь, и слѣдовательно самымъ дѣломъ окажу искренность моихъ намѣреній, то всѣ вышеписанныя ругательства, къ справедливому моему удовольствію, да обратятся на того или на тѣхъ, которые старались столь жестоко терзающимъ обра-

зомъ обнесть мое доброе имя, которые тщались у другихъ, знающихъ лучше ихъ непорочную и отъ всякаго обмана и лжи удаленную мою совѣсть, привесть меня въ подозрѣніе, и которые своими клеветами понудили меня дать отъ себя сіе письмо, которое слѣдуетъ къ поношенію моего характера. Ихъ ровесники да будутъ упоминать объ немъ, или объ нихъ съ омерзеніемъ, а потомки ихъ да проклянутъ.

Писано въ Санктпетербургѣ Іюля 7 дня 1764 года.

Августъ Людвигъ Шлецеръ, императорской Академіи наукъ адъюнктъ и назначенной Королевской великобританской профессоръ въ Гётингенѣ.

VI.

ПЛАНЪ ПУТЕШЕСТВІЯ НА ВОСТОКЪ И ПЛАНЪ ЗАНЯТІЙ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІЕЮ. [1]

Къ стр. 248—249.

Его превосходительству гну дѣйствительному статскому совѣтнику Теплову.

Имѣю честь представить вашему пр—ву два плана: съ совершеннѣйшею и почтительнѣйшею покорностію предоставляю вашему пр—ву выборъ, который для меня было бы очень трудно сдѣлать.

Первый планъ — путешествіе на востокъ.

§ 1.

Цѣли этого путешествія будутъ тѣже самыя, которыя предположило себѣ общество ученыхъ, совершившее путешествіе въ Аравію по повелѣнію его величества короля датскаго. Подробности находятся въ Собраніи вопросовъ (Recueil de questions) г. Михаэлиса.

§ 2.

Я полагаю,

1) что эти цѣли касаются религіи и наукъ, а потому заслуживаютъ не только рвенія частнаго лица, но и заботъ государя. Людовикъ XIV и

---

[1]) Планы эти были напечатаны въ *Журналѣ Мин. Нар. Пр.* 1840 г. ч. XXV, отд. V, стр. 1—8; но такъ какъ между тѣмъ переводомъ и бывшимъ у насъ французскимъ подлинникомъ оказалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ различіе, то мы помѣщаемъ вновь этотъ документъ.

недавно датскій король посылали подобныхъ путешественниковъ; вся Европа за то благословляетъ ихъ память. — Я полагаю,

2) что я обладаю качествами, необходимыми для такого путешествія. Гг. Геснеръ и Михаэлисъ уже въ 1758 году дали мнѣ въ томъ аттестатъ, оригиналъ котораго и теперь находится у меня; г. Михаэлисъ, составившій проектъ упомянутаго датскаго общества, сказалъ тоже самое публично;

3) что не совсѣмъ обыкновенное рвеніе одушевляетъ меня къ совершенію этого путешествія и къ выполненію всѣхъ обязанностей. Уже девять лѣтъ я приготовляюсь къ нему; втеченіе этихъ девяти лѣтъ я смѣло пожертвовалъ этому проекту многими случаями устроить свое состояніе. Я полагаю наконецъ,

4) что я нарочно прибылъ въ Россію для того, чтобы найти здѣсь пособія для совершенія этого путешествія. Я ссылаюсь на приложенныя здѣсь извлеченія. [1])

§ 3.

Я не слишкомъ люблю науки чисто отвлеченныя. Я желалъ бы сдѣлать это путешествіе столько же полезнымъ для Россіи и торговли, какъ и для библейской филологіи.

Первымъ письмомъ къ Миллеру (изъ Гёттингена, отъ 14 марта 1761 г.) я увѣдомлялъ его, что, можетъ быть, въ планъ этого путешествія войдутъ еще нѣкоторые другіе виды, которые не могутъ быть не угодны Россіи; можетъ быть, я въ состояніи былъ бы собрать свѣдѣнія о торговлѣ, которыя Коммерцъ-коллегія приняла бы благосклонно и изъ которыхъ государство, гдѣ духъ торговли царствуетъ въ такой степени и болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, можетъ извлечь нѣкоторыя выгоды.

Я учился торговлѣ, какъ купецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ученый. Я знаю теорію; я собралъ много свѣдѣній о дѣйствительномъ состояніи торговли въ Европѣ; я обладаю искусствомъ вести коммерческія книги. Одно изъ первыхъ моихъ сочиненій относится къ торговлѣ [2]); оно было одобрено учеными и купцами и даже было переведено безъ моего вѣдома.

Въ наше время торговля сдѣлалась наукой. Мало ученыхъ ее изучаютъ; но тѣ, которые занимаются ею, обогатятся въ тотъ вѣкъ, когда націи будутъ становиться могущественными по мѣрѣ того, какъ они будутъ развивать торговлю.

---

[1]) Извлеченія эти не сохранились; надо полагать, что Шлецеръ сослался здѣсь на свою переписку съ Миллеромъ.

[2]) Оно написано по-шведски подъ заглавіемъ: Färfök til en allmän Historia am Handel och Sjöfart, Stockh. 1758, 8⁰; нѣмецкій пере[illegible]ссора Гадебуша явился въ Ростокѣ въ 1761 г.

§ 4.

Если ея императорскому величеству угодно будетъ оказать мнѣ милость относительно хотя части издержекъ для этого путешествія, и дать мнѣ порученія, касающіяся торговли, то ваше пр—во будете столь добры дадите мнѣ *подробную инструкцію*, какія замѣчанія я долженъ составить о торговлѣ Средиземнаго моря и востока.

Если ея величеству угодно, чтобы я совершилъ это путешествіе вполнѣ подъ ея покровительствомъ, какъ упомянутое общество совершило его подъ покровительствомъ датскаго короля, то г. Михаэлисъ составитъ новый

Recueil de questions proposées à....
qui par ordre de Sa Majesté Impériale de Russie
fait le voyage du Levant.

Онъ составитъ такъ же *инструкцію*, которая будетъ разсмотрѣна вашимъ пр—вомъ и утверждена ея величествомъ.

§ 5.

На все путешествіе я полагаю отъ 5 до 6 лѣтъ: первые два года будутъ употреблены на приготовленіе, остальные 4 на самое путешествіе.

Я проведу первые два года въ Гёттингенѣ. Втеченіе этого времени

1) я буду приготовляться къ путешествію,

2) издамъ все то, чѣмъ доселѣ я занимался по русской литературѣ; т. е. все перепишу начисто, пришлю сюда; все будетъ процензировано вашимъ пр—вомъ и затѣмъ напечатано здѣсь или въ Гёттингенѣ.

Что касается самого путешествія, то

a) Мнѣ назовутъ порты Средиземнаго моря и востока (напр., Кадиксъ, Ливорно, Смирна), гдѣ я долженъ остановиться подолѣе.

b) Я буду составлять точныя и обстоятельныя записки, которыя послужатъ для ознакомленія съ торговлею этихъ портовъ, и буду имѣть честь доставлять ихъ вашему пр—ву.

c) Будучи въ Римѣ, я перерою славянскія рукописи Ватикана. Надѣюсь, что славянская литература много выиграетъ отъ этихъ розысканій.

d) Если угодно и если это мнѣ будетъ возможно, я проникну въ Персію, увижу окрестности Евфрата и Тигра и возвращусь чрезъ Каспійское море или чрезъ Понтъ Эвксинскій.

Второй планъ — древняя русская исторія.

§ 1.

Я готовъ повиноваться приказаніямъ вашего пр—ва и продолжать древнюю исторію Россіи. Я надѣюсь, что подъ милостивымъ покровительствомъ вашего пр—ва энтузіазмъ, съ которымъ я нѣкогда предавался этому изученію, возвратится въ короткое время. Но этотъ шагъ рѣшитъ всю остальную мою жизнь. Мнѣ уже 30 лѣтъ: остановиться теперь на исторіи значитъ отказаться навсегда отъ путешествія на востокъ.

Я желаю такого положенія, чтобы, освобожденный отъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, я могъ не только жить, но жить съ достоинствомъ, жить съ семействомъ и имѣть на что покупать книги. Можетъ быть вашему пр—ву уже извѣстны прекрасные виды на будущее, которые я имѣлъ въ Германіи; у васъ душа слишкомъ благодѣтельна, и вы пожелаете, чтобы я въ Россіи былъ по крайней мѣрѣ такъ же счастливъ, какъ могъ бы быть въ другихъ странахъ.

Я желалъ бы быть членомъ какой нибудь императорской коллегіи, имѣть въ ней званіе и исполнять обязанности. Только покровительство вашего пр—ва доставило бы мнѣ убѣжище отъ нападеній моихъ враговъ; я въ этомъ совершенно убѣжденъ; но ваше пр—во можете умереть, и мое спокойствіе умерло бы вмѣстѣ съ вами, а мои враги остались бы.

§ 2.

Судя потому, что я узналъ отъ г. Тауберта, г. генералъ Бецкій призналъ меня достойнымъ занять мѣсто секретаря конференціи Академіи художествъ. Я знаю обязанности секретаря изъ только что публикованнаго регламента: смѣю увѣрить, что я ихъ исполню согласно съ законами Академіи. Я былъ бы очень счастливъ, еслибы вашему пр—ву угодно было доставить мнѣ это мѣсто секретаря съ званіемъ императорскаго профессора русской исторіи.

Если ваше пр—во предпочитаете, чтобы я остался при Академіи наукъ, и если ея величеству угодно будетъ всемилостивѣйше пожаловать меня именнымъ указомъ въ ординарные профессоры исторіи съ жалованіемъ, какое получаютъ на этомъ мѣстѣ другіе, я не былъ бы менѣе счастливъ, лишь бы только вашему пр—ву угодно было освободить меня отъ аккуратнаго присутствія въ конференціи до тѣхъ поръ, пока Академія наукъ не будетъ такъ же поставлена, какъ Академія художествъ.

§ 3.

Какое бы мѣсто я ни получилъ, древняя исторія Россіи всегда останется моимъ первымъ предметомъ (не мѣшая однако другимъ занятіямъ по моей обязанности).

Но я буду заниматься исторіею Россіи только подъ покровительствомъ и по указаніямъ вашего пр—ва. Вслѣдствіе этого

a) Ваше пр—во милостиво снабдите меня хрониками и другими книгами, необходимыми для этого занятія.

b) Я представлю вашему пр—ву общій планъ того, какъ, по моему мнѣнію, русская исторія должна быть обработываема; я представлю такъ же планы каждой спеціальной работы, которую я предприму для нея.

c) Ваше пр—во исходатайствуете мнѣ позволеніе печатать мои сочиненія; вы будете ихъ цензировать, чтобы видѣть, нѣтъ ли въ нихъ чего-либо противъ государства, религіи и нравовъ.

d) Если я внесу въ мои сочиненія предположенія, которыя другимъ знающимъ людямъ покажутся ложными, ваше пр—во не только позволите, но прикажете имъ опровергать меня публично, чтобы публика была судьею или моего пораженія, или моей побѣды.

§ 4.

Я обѣщаю окончить всѣ мои сочиненія, которымъ здѣсь прилагаю каталогъ, до 1770 года, въ томъ случаѣ, когда не будетъ никакого препятствія со стороны типографіи. Втеченіе этого времени я все соберу, все опишу, все перерою, нисколько не опасаясь за будущее.

Ея императорское величество окажетъ мнѣ ту самую милость, какая до сихъ поръ была оказываема, съ основанія Академіи, всѣмъ иностраннымъ ученымъ, вызываемымъ сюда, т. е. приметъ меня на опредѣленное число лѣтъ. Само собою разумѣется, что patria est ubi bene est; но если состояніе моего здоровья или другія обстоятельства принудятъ меня тогда возвратиться въ мое прежнее отечество, никто не сдѣлаетъ мнѣ ни малѣйшаго затрудненія. Я ничего не увезу безъ позволенія и всѣ мои бумаги подвергнутся строгому осмотру. Я дамъ, если это признаютъ нужнымъ, juramentum taciturnitatis и останусь на всю жизнь подданнымъ Россіи и членомъ-пансіонеромъ Академіи.

§ 5.

Указъ правительствующаго Сената будетъ тотчасъ отмѣненъ.

Весною я получу позволеніе поѣхать въ Германію на четыре мѣсяца, чтобы возстановить свое здоровье, увидѣть свою родину (гдѣ я не былъ уже 13 лѣтъ), проститься съ престарѣлою матерью, которая не желаетъ умереть, не увидѣвъ еще разъ единственнаго сына, купить книгъ и установить корреспонденціи, соотвѣтствующія моему новому назначенію.

Занятія отъ 5 до 6 лѣтъ.

1. Окончу мою русскую грамматику.
2. Начну сокращеніе историческихъ сочиненій покойнаго Татищева

на нѣмецкомъ языкѣ. Отецъ русской исторіи заслуживаетъ того, чтобы ему отдали эту справедливость; и правила методы требуютъ такого сокращенія. Нужно имѣть связную систему прежде, чѣмъ желать усовершенствовать ея части.

Такъ какъ я уже приготовилъ всѣ матеріалы для этого сокращенія, то могъ бы окончить первую часть въ короткое время, чтобы ее представить ея величеству и своевременно оправдать милостивыя чувства, которыя ваше пр—во имѣли ко мнѣ.

3. Составлю русскую географію на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ для великаго князя и всего русскаго юношества; сочиненіе само по себѣ малое, но важное относительно народнаго образованія.

4. Составлю сокращеніе древней русской исторіи для той же цѣли на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

5. Издамъ этимологическій словарь русскаго и латинскаго языковъ при содѣйствіи г. Румовскаго, по плану, который уже давно у насъ составленъ.

6. Какъ скоро получу пять или шесть списковъ Нестора, подвергну его критическому изслѣдованію; сдѣлаю латинскій переводъ Нестора съ критическими и историческими примѣчаніями.

7. Еслибы угодно было дать мнѣ въ помощь для этихъ работъ г. Легкаго, русскаго студента, то я обѣщаю въ четыре или пять лѣтъ сдѣлать изъ него очень хорошаго русскаго историка.

VII.

ПИСЬМО КЪ ТЕПЛОВУ.

Къ стр. 262.

Его превосходительству гну дѣйств. ст. сов. Теплову.

Съ глубочайшею покорностію чту милость великой государыни, которая воззрѣла на меня и желаетъ не только освободить меня отъ настоящихъ бѣдствій, но и сдѣлать меня счастливымъ.

Съ сильнѣйшими движеніями радости услышалъ я, что ея императорское величество изволила передать вашему пр—ву разрѣшеніе моего дѣла. При вашемъ просвѣщенномъ умѣ и великодушномъ сердцѣ, справедливость моего дѣла, чистота моихъ намѣреній, мое горячее рвеніе сдѣлаться полезнымъ наукамъ и обществу необходимо должны одержать блистательную побѣду.

Ожидаю отъ вашего пр—ва приказаній и прошу милостиваго позво-

ленія устно покорнѣйше просить милостиваго покровительства и совѣта при одномъ шагѣ, который долженъ рѣшить мое будущее назначеніе.

При семъ имѣю честь представить вашему пр—ву мою послѣднюю записку, поданную въ конференцію. [1]) Остальные акты, которыхъ еще нѣтъ въ собраніи, находящемся въ рукахъ вашего пр—ва, въ скоромъ времени доставитъ г. Таубертъ.

Милостивый государь, настоятельнѣйшая, усерднѣйшая моя просьба состоитъ въ томъ, чтобы видѣть вскорѣ все мое дѣло совершенно оконченнымъ, или, если это невозможно, по причинѣ безконечнаго множества важныхъ дѣлъ, отвлекающихъ ваше пр—во, то доставить мнѣ возможность придти въ такое состояніе, чтобы я, послѣ семи-мѣсячной паузы, втеченіе которой горе, болѣзнь и непріятности сдѣлали меня неспособнымъ ко всякой умственной работѣ, могъ на свободѣ и въ покоѣ обработать давно уже мною набросанное сочиненіе о воспитаніи, по случаю заданной гарлемскимъ обществомъ задачи для соисканія преміи,—и для этого получить милостивое разрѣшеніе, лично для меня, провести предстоящіе праздники въ сосѣдней Финляндіи.

Вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Шлецеръ.

3-го декабря 1764 г.

VIII.

НАЗНАЧЕНІЕ ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ И ОТЪѢЗДЪ ЗА ГРАНИЦУ.

Къ стр. 264 и слѣд.

1.

Указъ нашей Академіи Наукъ.

Академія имѣетъ въ службу нашу принять адъюнкта Шлецера, профессоромъ Исторіи Ординарнымъ на кондиціяхъ при семъ приложенныхъ. [2])

---

[1]) Записка эта помѣщена въ автобіографіи, стр. 232—236.
[2]) Контрактъ помѣщенъ въ автобіографіи, стр. 264—265.

На подлинномъ указѣ подписано собственною Ея Имп. Вел. рукою тако:

Екатерина.

Генваря 3 дня
1765 года.

2.

Сего Генваря 3-го дня отъ Ея Императорскаго величества за подписаніемъ Ея Величества собственныя руки полученъ въ Канцелярію Академіи Наукъ высочайшій имянной указъ, которымъ повелѣно въ службу Ея Императорскаго Величества принять адъюнкта Шлецера профессоромъ исторіи ординарнымъ на кондиціяхъ приложенныхъ при томъ, и во исполненіе онаго имяннаго Ея Императорскаго Величества высочайшаго указа Канцелярія Академіи Наукъ приказали: 1) списокъ съ имяннаго указа и кондиціи копіи подать въ правительствующій Сенатъ при репортѣ; 2) оной имянной высочайшій указъ, призвалъ его Шлецера въ Канцелярію, ему объявить и по подписаніи имъ контракта привесть его къ присягѣ, а опредѣленное ему жалованіе начать производить сего года Генваря съ перваго числа, и о вышеписанномъ въ академическое собраніе послать указъ съ приложеніемъ копіи съ подписаннаго имъ контракта. Подлинной за подписаніемъ Канцеляріи Академіи Наукъ г-дъ присутствующихъ, за скрѣпою секретаря Михаила Гурьева.

(5-го января 1765 г. Шлецеръ приведенъ былъ къ присягѣ Іоакимомъ Христіаномъ Гротомъ, пасторомъ при Евангелическо-Лютеранскомъ приходѣ на Вас. Острову. Того же числа отправлены въ Сенатъ копіи съ высочайшаго указа и съ контракта).

3.

Въ канцелярію Академіи Наукъ

Доношеніе.

Понеже Ея Императорское Величество, по силѣ 7-го пункта всемилостивѣйше соизволила дозволить мнѣ ѣхать симъ лѣтомъ въ Германію, что я и намѣренъ учинить въ немедленномъ времени, дабы заблаговременно осенью могъ я возвратиться назадъ: чего ради Канцелярію Академіи Наукъ покорно прошу:

1) исходатайствовать мнѣ къ 12-му числу сего мѣсяца паспортъ;

2) поручить мнѣ какія нибудь коммиссіи, дабы я въ отсутствіе мое Академіи могъ оказывать пользу;

3) по принятому обыкновенію въ таковыхъ случаяхъ прика-

зать выдать мнѣ впередъ за треть жалованья, ибо я сверхъ путевыхъ расходовъ намѣренъ купить многія книги необходимо надобныя для употребленія при сочиненіи исторіи.

Шлецеръ.
Ординар. Профессоръ исторіи.

Мая 3 дня
1765.

На оборотъ резолюція рукою Тауберта:

1. Въ иностранную коллегію послать промеморію и требовать, чтобъ опредѣленному при Академіи по имянному Ея Императорскаго величества указу профессору исторіи Лудвигу..... Шлецеру дать пашпортъ для свободнаго отъѣзду въ Нѣмецкую землю, куда въ силу того жъ имяннаго указу уволенъ онъ на три мѣсяца.

При томъ же требовать паспортовъ на трехъ студентовъ (имена ихъ), отправляемыхъ для продолженія наукъ въ чужестранные университеты, каждому особливый.

2. Выдать ему заслуженное какъ за прошлую треть генварскую, такъ и на майскую впередъ.

Тожъ и онымъ студентамъ противъ того, какъ выдано прежде отправленнымъ въ Стразбургъ, Лепехину и Полякову (о чемъ справиться напередъ по щетнымъ дѣламъ).

3. Предложить въ Академическомъ собраніи, чтобъ каждый изъ Академиковъ, какую коммиссію Профессоръ Шлецеръ при нынѣшнемъ своемъ вояжѣ для пользы Академіи и по профессіи каждаго исправить можетъ, дабы оную ему препоручилъ.

4. Гну адъюнкту Бакмейстеру приказать, дабы немедленно приготовилъ одинъ библіотечный печатный каталогъ съ прибавленіями, дабы гднъ Шлецеръ по оному тѣхъ сѣверной исторіи писателей для императорской Библіотеки сыскивать и съ собою привезти или переслать могъ, которыя рѣдки и въ оной не находятся.

5. Какіе у него есть книги и манускрипты, оные возвратить на прежнее ихъ мѣсто, а и прочіе собранные имъ къ россійской исторіи принадлежащія, съ собою не брать, а еще менѣе кому сообщить или безъ вѣдома Академіи въ печать издавать, и въ томъ, какъ и въ возвращеніи на предписанный имъ самимъ срокъ, исключая препятствія, какія отъ водянаго пути произойти могутъ, обязать его подпискою.

4.

1765 года мая 10 дня по указу Ея Императорскаго Величества Канцелярія Академіи Наукъ, слушавъ доношенія поданнаго отъ профессора Шлецера, которымъ проситъ, 1) чтобъ въ силу заключеннаго съ нимъ и

Ея Императорскимъ Величествомъ апробованнаго контракта уволить его на три мѣсяца въ Германію и исходатайствовать ему для проѣзда туда пашпортъ; 2) поручить ему какія нибудь коммиссіи, дабы онъ и въ отсутствіе свое отъ Академіи могъ оказывать пользу; 3) какъ для путевыхъ расходовъ, такъ и для покупки книгъ, необходимыхъ для его употребленія при сочиненіи исторіи, выдать ему впередъ за треть жалованья. А по справкѣ въ Канцеляріи Академіи Наукъ Генваря 3 дня сего 1765 года даннымъ за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки указомъ Академіи Наукъ повелѣно онаго Шлецера принять въ Академію профессоромъ исторіи ординарнымъ на кондиціяхъ, приложенныхъ при томъ, въ которыхъ между прочимъ въ 7-мъ пунктѣ написано: что для поправленія здоровья и для свиданія съ его фамиліею дозволяется ему наступающею весною на три мѣсяца ѣхать въ Германію, а дабы онъ напередъ писанный срокъ возвратился, взять съ него по обыкновенію реверсъ и снабдить его таковыми отъ Академіи коммиссіями, которыми бы онъ производимое ему на то время жалованіе заслужить могъ; а понеже по разсужденію академическаго собранія для лучшаго успѣху и пріобрѣтенія въ наукахъ вящшаго совершенства назначены нынѣ къ отправленію въ иностранные университеты нѣкоторые студенты академическіе въ томъ числѣ Василій Свѣтовъ и Василій Венедиктовъ, которые въ языкахъ и историческихъ наукахъ упражняться должны, дабы со временемъ изъ природныхъ россіянъ были люди ученые и способные, кои могли бы употреблены быть впредь при сочиненіи россійской исторіи: того ради приказали: 1-е упомянутаго гдна профессора Шлецера въ силу высочайшаго Ея Императорскаго Величества указу въ Германію на три мца уволить и съ нимъ отправить означенныхъ студентовъ для продолженія наукъ въ Гёттингенскомъ университетѣ, а въ чемъ ихъ упражненіи и ученіе состоять имѣетъ, сочинить гну профессору Шлецеру обстоятельную для нихъ инструкцію, которую, апробовавъ въ собраніи, дать имъ при указѣ. 2-е. Для проѣзду за море и обратно истребовать какъ ему гну Шлецеру, такъ и на каждаго студента особливые пашпорты отъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. 3-е. Выдать ему г-ну Шлецеру заслуженное имъ какъ за прошлую генварскую, такъ и впередъ за майскую сего года треть жалованія по окладу его, а отправляемымъ съ нимъ студентамъ противъ нынѣшнихъ окладовъ находящихся за моремъ переводчика Полѣнова и студентовъ Лепехина и Лехкаго производить жалованія каждому по двѣсти пятидесяти рублевъ и напередъ выдать имъ за полгода, да на проѣздъ и приготовленіе для себя пристойнаго платья и бѣлья, каждому жъ по сту рублевъ отъ коммиссарства. 4-е. Положить въ Академическомъ Собраніи, чтобъ каждый изъ академиковъ представилъ письменно, какую коммиссію господинъ профессоръ Шлецеръ при своемъ вояжѣ и по тому тракту, которымъ онъ поѣдетъ, для пользы Академіи исправить можетъ, а для

студентовъ заготовить рекомендательныя письма отъ Академіи, куда и кому отъ собранія за пристойное признано будетъ. 5-е. Адъюнкту Бакмейстеру немедленно приготовить одинъ библіотечный печатный каталогъ съ прибавленіями о сѣверной исторіи писателяхъ, дабы господинъ Шлецеръ по оному тѣхъ писателей для императорской библіотеки сыскоьать и съ собою привезти или переслать могъ, которыя въ оной не находятся, и на покупку оныхъ ассигновать ему до двухъ сотъ рублей изъ библіотечной суммы. 6-е. Какіе у него есть взятые изъ библіотеки книги и манускрипты, тако жъ и у объявленныхъ студентовъ, книги оныя возвратить на прежнее мѣсто, да и прочіе, собранные имъ, господиномъ Шлецеромъ къ россійской исторіи принадлежащія списки по силѣ указа Правительствующаго Сената съ собою не брать, а еще менѣе кому сообщать или безъ вѣдома Академіи въ печать издавать, и въ томъ такъ, какъ и въ возвращеніи его на предписанной имъ самимъ срокъ, исключая препятствія, какія отъ водянаго пути произойти могутъ, обязать его подпискою. 7-е. Отправляемымъ студентамъ дать указы, чтобъ они какъ выданнымъ нынѣ, такъ и впредь посылаемымъ къ нимъ на жалованье и расходы денгамъ присылали сюда по третямъ года отчеты, также атестаты отъ профессоровъ о добропорядочныхъ своихъ поступкахъ и опыты своего прилежанія и успѣха въ предписанныхъ имъ языкахъ и наукахъ; и о всемъ вышеписанномъ учинить немедленное исполненіе. Подлинной за подписаніемъ Канцеляріи Академіи Наукъ господина статскаго совѣтника Тауберта, за скрѣпою секретаря Михайла Гурьева.

(Промеморія изъ Академической Канцеляріи въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ о паспортахъ для Шлецера и четырехъ студентовъ и предписаніе Бакмейстеру посланы немедленно).

5.

Благородный г. Профессоръ.

Каково на поданное отъ вашего благородія доношеніе о увольненіи васъ въ Германію на три мѣсяца учинено въ Канцеляріи Академіи Наукъ опредѣленіе, съ онаго для вашего вѣдома и исполненія прилагается при семъ копія.

Вашего благородія
готовый слуга (*Таубертъ*).

Г. Шлецеру.
Мая 10 дня 1765 года.

6.

Сего Мая 10 дня по предписанію Канцеляріи Академіи Наукъ велѣно при г-нѣ профессорѣ Шлецерѣ (которой въ силу имяннаго Ея Императорскаго Величества указу уволенъ въ Германію на три мѣсяца)

для лучшаго успѣха и пріобрѣтенія въ наукахъ вящшаго совершенства академическихъ студентовъ Василья Свѣтова и Василья Венедиктова отправить въ Геттингенъ; а сего Мая 30 дня изъ собранія профессорскаго репортомъ представлено, что съ ними жъ отправить и назначенныхъ къ продолженію математическихъ и физическихъ наукъ студентовъ Петра Иноходцева и Ивана Юдина въ Галлу и какъ имъ всѣмъ четверымъ, будучи въ чужихъ краяхъ, поступать, приложена инструкція, и по указу Его Императорскаго Величества, канцелярія приказали: 1-е хотя по разсужденію профессорскаго собранія оные студенты Иноходцевъ и Юдинъ и назначены къ отправленію въ Галлу, но дабы они какъ въ пути имѣли себѣ надежнаго предводителя, такъ и въ нѣкоторыхъ еще нужныхъ имъ сверхъ математики и физики знаніяхъ и особливо въ нѣмецкомъ языкѣ могли положить лучшее основаніе, то и оныхъ на первый случай съ г-номъ профессоромъ Шлецеромъ отправить въ Геттингъ же, а оттуда уже спустя нѣсколько времени ѣхать въ тѣ университеты, куда отъ профессорскаго собранія предписано имъ будетъ. 2-е. По прибытіи въ Геттингъ гдну профессору Шлецеру предписать имъ, смотря по будущему ихъ назначенію, порядокъ ихъ житія и къ какому именно изъ тамошнихъ профессоровъ на лекціи ходить должны, а жительствомъ ихъ расположить разно, дабы больше привыкали къ обхожденію съ иностранными и одни бъ только между собою всегдашнихъ компаній не видали, а при томъ поручить ихъ въ строгое смотрѣніе одному изъ тамошнихъ профессоровъ, которому они какъ въ расходахъ своихъ, такъ въ поступкахъ и ученіи отчетъ давать и во всемъ ему послушны быть должны подъ опасеніемъ за худые поступки тяжкаго штрафа и лишенія оказуемой имъ Высочайшей Императорской милости. 3-е. Для проѣзду ихъ за море и обратно истребовать на каждаго особливый пашпортъ отъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. 4-е. Онымъ студентамъ въ бытность ихъ за моремъ производить жалованье по примѣру прочихъ, а именно каждому по двѣсти по пятидесяти рублевъ и напередъ выдать имъ за полгода, считая съ будущаго іюня мѣсяца сего года, да на проѣздъ и приготовленіе имъ для себя пристойнаго платья и бѣлья каждому по сту рублевъ отъ коммиссарства съ запискою въ расходъ и съ росписками. 5-е. Какіе у нихъ есть взятые изъ библіотеки книги, оныя отобрать и о томъ, о чемъ кому надлежитъ дать ордеры, а онымъ студентамъ съ прописаніемъ вышеписаннаго дать указы и при томъ велѣть, чтобъ они какъ о успѣхахъ въ своихъ наукахъ и о расходѣ денегъ присылали по третямъ года въ канцелярію репортъ съ засвидѣтельствованіемъ какъ отъ профессоровъ, у кого лекціи слушаютъ, такъ особливо отъ того, кому они въ смотрѣніе и попеченіе поручены будутъ; а для вѣдома о семъ къ гдну профессору Шлецеру сообщить копію при ордерѣ и при томъ предписать, чтобъ онъ и о упомянутыхъ прежде назначенныхъ къ отправленію студентахъ Свѣтовѣ и Венедиктовѣ учинилъ равно-

мѣрное во всемъ распоряженіе. Подлинной за подписаніемъ Канцеляріи Академіи Наукъ гдна статскаго совѣтника Тауберта; за скрѣпою секретаря Михайла Гурьева.

Подписано Мая 4 дня.

1765 года.

7.

Рапортъ въ императорскую Академію наукъ.

I.

Въ слѣдствіе устнаго приказанія, отъ 2-го текущаго мѣсяца, импер. Академіи, я на другой день былъ въ университетѣ и распросилъ нѣкоторыхъ студентовъ, которые имѣли бы охоту и способность заниматься историческими науками въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ. Два младшіе изъ нихъ, Свѣтовъ и Венедиктовъ, показались мнѣ способными къ этому; г. профессоръ Котельниковъ такъ же отозвался съ похвалою какъ относительно ихъ прилежанія, такъ и поведенія. На другой день оба они, каждый особо, были у меня. Я еще разъ проэкзаменовалъ ихъ въ латинскомъ, задалъ имъ кое-что перевести съ нѣмецкаго и французскаго, и нашелъ ихъ такими, что думаю, ихъ возможно рекомендовать импер. Академіи для посылки въ иностранную высшую школу, и именно на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Оба они имѣютъ чрезвычайно важную выгоду возраста: имъ только 19 лѣтъ; а потому на 22 году они могутъ уже окончить полный курсъ.

2. Оба они имѣютъ добровольное расположеніе какъ къ поѣздкѣ за границу, такъ и къ историческимъ наукамъ. Такъ какъ они такимъ образомъ сами устраиваютъ свое назначеніе; такъ какъ историческія науки, по своей натурѣ, у каждаго молодаго человѣка находятъ доступъ, если обстоятельства, только нѣкоторымъ образомъ открываютъ имъ пути; то кажется, тѣмъ менѣе можно опасаться, что они совершенно обманутъ надежды Академіи.

3. Оба довольно понимаютъ, а также говорятъ по-латини; поэтому они сейчасъ же въ первое полугодіе могутъ съ пользою присутствовать въ филологическихъ и Disputir- коллегіяхъ, въ которыхъ преподаваніе на латинскомъ языкѣ.

4. Свѣтовъ говоритъ по-нѣмецки, Венедиктовъ по-французски и такъ же переводятъ съ этихъ языковъ. Первый сейчасъ же, а послѣдній послѣ короткаго пребыванія въ Германіи въ состояніи будутъ безъ затрудненія слушать нѣмецкія коллегіи.

II.

Еслибы императ. Академіи было угодно послать со мною въ Гёттингенъ упомянутыхъ студентовъ, Свѣтова и Венедиктова, и опредѣлить годичную стипендію въ двѣсти пятьдесятъ рублей, чтобы они тамъ втеченіе трехъ лѣтъ занимались исторіею и филологіею у лучшихъ учителей, и впослѣдствіи могли сдѣлаться, къ чести Академіи и своей собственной, полезными работниками или на обширномъ полѣ русской исторіи, или инымъ образомъ, то я съ своей стороны имѣю честь предложить императ. Академіи слѣдующія, клонящіеся къ этой цѣли труды:

A. Я постараюсь по возможности хорошо устроить ихъ въ Гёттингенѣ, рекомендовать ихъ nomine Academiæ тѣмъ профессорамъ, которыхъ они преимущественно должны слушать, а такъ же неутомимо заботиться объ ихъ экономическомъ устройствѣ, сообразно съ тѣми точными свѣдѣніями, которыя я имѣю объ этой высшей школѣ.

B. Тотчасъ по нашемъ прибытіи въ Гёттингенъ я пріищу способнаго молодаго человѣка, уже окончившаго курсъ. За готовое содержаніе и, смотря по обстоятельствамъ, годичную плату отъ 30 до 50 рублей, онъ долженъ будетъ жить у нихъ, быть ихъ постояннымъ товарищемъ, помогать имъ особенно въ нѣмецкомъ и репетировать съ ними лекціи. Эту мѣру, по многимъ причинамъ, считаю очень важной и необходимо нужной.

C. Такъ какъ я спеціально знаю почти всѣхъ гёттингенскихъ профессоровъ, то могу сообщить нашимъ студентамъ точную инструкцію не только о томъ, что имъ слѣдуетъ изучать, но и въ какомъ порядкѣ, у какого доцента и сколько Collegia они должны слушать каждое полугодіе. Эту инструкцію Академія разсмотритъ и передастъ имъ для исполненія.

D. Я отсюда буду вести постоянную корреспонденцію какъ съ ними самими, такъ и съ тѣмъ, кто будетъ жить съ ними, и съ г. профессоромъ Ахенвалемъ, котораго легко можно будетъ склонить принять надъ ними родъ инспекціи, чтобы Академія по крайней мѣрѣ три раза въ годъ имѣла вѣрныя донесенія объ ихъ поведеніи и успѣхахъ.

E. Но чтобы не полагаться только на чужія свидѣтельства, я буду предлагать имъ по-чаще ученыя работы, не превышающія ихъ силъ: дѣлать извлеченія отдѣльныхъ мѣстъ въ тамошней библіотекѣ, рѣшать вопросы, предлагаемые тамошними профессорами, переводить сочиненія на русскій и проч.

III.

Я привелъ основанія, почему я думаю, что эти оба студента, Свѣтовъ и Венедиктовъ, съ пользою и надеждою могутъ быть посланы. Здѣсь,

по моему мнѣнію, самое важное—ихъ возрастъ: очень многое, чего имъ недостаетъ, впрочемъ не по ихъ винѣ, я надѣюсь, вознаградятъ, такъ сказать, механически счастливыя внутреннія и внѣшнія условія Гёттингена. Но такъ какъ delectus ingeniorum вообще также труденъ въ исполненіи, какъ важенъ въ своихъ послѣдствіяхъ, а я этихъ молодыхъ людей знаю едва изъ часоваго разговора, то отъ дальнѣйшаго обсужденія Академіи зависитъ, покажутся ли ей достаточными вышеупомянутыя данныя.

Петербургъ, 7-го мая, 1765.

Шлецеръ,
Ордин. Профессоръ Исторіи.

8.

1765 года іюня 15 дня въ Канцеляріи Академіи наукъ профессоръ Августъ Лудвигъ Шлецеръ обязуется симъ реверсомъ въ томъ, что онъ по силѣ имяннаго Ея Императорскаго величества указа и заключеннаго съ нимъ контракту отпущенъ въ Германію для поправленія своего здоровья и для свиданія съ его фамиліею отъ вышеписаннаго числа впредь на три мѣсяца, по прошествіи же того срока явиться ему въ Академію непремѣнно; развѣ препятствіе какое отъ водянаго пути произойти можетъ, а какія у него есть взятыя изъ библіотеки книги и манускрипты, оныя возвратить на прежнее мѣсто безъ всякаго удержанія, да и прочія собранныя имъ къ россійской исторіи принадлежащія списки по силѣ указа правительствующаго Сената съ собою не возьметъ, и никому не сообщитъ, также и безъ вѣдома Академіи въ печать издавать не будетъ, а въ противномъ случаѣ поступлено будетъ съ нимъ по указамъ.

9.

1. Я сдѣлаю все возможное, чтобы возвратиться въ назначенный 3-хъ мѣсячный срокъ; если же это окажется невозможнымъ вслѣдствіе многочисленныхъ и важныхъ порученій, данныхъ мнѣ импер. Академіею уже послѣ того, какъ этотъ короткій срокъ былъ назначенъ, то я надѣюсь, что меня освободятъ отъ всякаго подозрѣнія до тѣхъ поръ, пока я не оправдаюсь достаточными доводами.

2. Что книги, которыя я бралъ изъ библіотеки, какъ печатныя, такъ и писанныя, мною возвращены, о томъ, вѣроятно, смотрители библіотеки уже донесли Академіи.

3. Списки русскихъ хроникъ, снятые мною изъ книгъ импер. библіотеки, всѣ сложены въ кладовой одного изъ членовъ Академіи; тамъ же находится большая часть моихъ бумагъ; такъ какъ отъ нихъ существенно зависятъ мои будущія обязательныя работы, то я прошу импер. Академію

не оставить ихъ своимъ попеченіемъ въ особенныхъ случаяхъ, какъ напр., пожаръ. С.-Петербургъ, 15 іюня 1765 года.

Шлецеръ, ординарный профессоръ исторіи.

10.

Изъ Канцеляріи Академіи Наукъ въ Ст.-Петербургскую Портовую Таможню.

По имянному Ея Императорскаго Величества и Академіи Наукъ указу отправляется за море гднъ Профессоръ Шлецеръ и съ нимъ посылаются студенты Петръ Иноходцевъ, Иванъ Юдинъ, Василій Венедиктовъ и Василій Свѣтовъ, которымъ и даны изъ государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ каждому пашпорты, того ради благоугодно бъ было осмотря ихъ скарбъ и для безостановочнаго пропуску дать ерлыкъ.

IX.

ПИСЬМА КЪ ИСТОРІОГРАФУ МИЛЛЕРУ.

1.

Благородный господинъ, высокоуважаемый господинъ профессоръ.— Для меня было очень лестною честью, что г. дръ Бюшингъ счелъ меня достойнымъ того мѣста, для котораго ваше благородіе отъ него потребовали кого нибудь. Поэтому я не только сейчасъ же объяснилъ ему, какъ охотно я послѣдовалъ бы этому во многихъ отношеніяхъ желательному для меня призыву, но рѣшился также, съ его согласія, письменно увѣрить въ этомъ ваше благородіе, въ надеждѣ, что ваше благородіе не приняли бы въ дурную сторону эту мою смѣлость.

Поле, на которомъ мнѣ придется работать подъ руководствомъ вашего благородія особенно для меня пріятно. Такъ какъ я во время моего трехъ съ половиною-годичнаго пребыванія въ Швеціи принужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя изслѣдованія въ древнѣйшей исторіи сѣвера, то я естественнымъ образомъ уже тогда коснулся и русской исторіи, и теперь еще съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю, сколько неизвѣстнаго и сомнительнаго въ первой разрѣшила послѣдняя, когда я началъ со вниманіемъ искать пособія въ вашихъ сочиненіяхъ. При этомъ у меня даже явилась охота совершить путешествіе въ Петербургъ, и я адресовался къ совѣтнику посольства въ Стокгольмѣ, г. Стахіеву, который благосклонно изъявилъ готовность поддержать меня рекомендательнымъ письмомъ къ

вашему благородію. Но неожиданно послѣдовавшій отъѣздъ мой въ Германію на этотъ разъ разстроилъ мое намѣреніе. Хотя послѣ того другія цѣли отвлекли меня отъ этихъ занятій, однако нужно только незначительное побужденіе, чтобы снова пробудить эту еще не погасшую во мнѣ любовь къ сѣверной и русской исторіи.

Изученіе русскаго языка я сдѣлалъ бы первымъ и главнымъ занятіемъ въ Петербургѣ изъ чистаго любопытства и склонности къ языкознанію, хотя бы это и не было средствомъ для иностранца составить себѣ счастіе въ Россіи; тѣмъ болѣе, когда мнѣ даютъ надежду, что я могу при этомъ пользоваться вашимъ драгоцѣннымъ руководствомъ. Можетъ быть, мнѣ это будетъ облегчено предварительнымъ хотя только весьма малымъ знаніемъ польскаго языка, которое я имѣлъ случай пріобрѣсти въ Стокгольмѣ.

Но только я долженъ покорнѣйше просить у вашего благородія отсрочки на полгода и позволенія уѣхать не ранѣе августа. Такъ какъ я только нѣсколько дней тому назадъ получилъ извѣстіе о вашемъ приглашеніи то мнѣ неудобно раньше освободиться отъ должности, которую я теперь здѣсь занимаю. Кромѣ того я желалъ бы этимъ лѣтомъ слушать здѣсь еще нѣкоторыя лекціи, которыя были бы для меня чрезвычайно полезны. И наконецъ я обязался моимъ издателямъ доставить еще къ будущей Михайловской ярмаркѣ вторую часть моей Шведской біографіи и первую часть филологическаго и естественно-историческаго описанія животныхъ, о которыхъ упоминается въ библіи. Я не думаю, чтобы столь незначительная отсрочка на нѣсколько мѣсяцевъ разрушила всю мою надежду. Если ваши работы такъ умножились, что уже въ это лѣто нуждаются необходимо въ комъ нибудь, то я лучше постараюсь вознаградить пропущенное въ будущую зиму особеннымъ усиліемъ. Позднее время года я не беру въ соображеніе: я уже знаю по опыту, что море мнѣ равно благопріятствуетъ въ сентябрѣ, какъ и въ маѣ.

Прекрасные виды, которые ваше благородіе указываете вдали, и вѣрная надежда со временемъ поступить на службу при Академіи, даютъ мнѣ смѣлость представить отчетъ о всѣхъ моихъ занятіяхъ до сихъ поръ и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть ей намѣренія, которыя я при томъ имѣлъ.

Я былъ предназначенъ къ духовному званію: но такъ какъ съ ранней юности меня одушевляло непреодолимое стремленіе путешествовать и видѣть свѣтъ, а теологія казалась мнѣ менѣе соотвѣтствующимъ средствомъ для удовлетворенія этому стремленію, то я занимался преимущественно тѣми науками, которыя болѣе клонились къ моей цѣли. Первые мои академическіе годы въ Виттенбергѣ я провелъ за философіею и такъ называемыми Humanioribus. Въ Гёттингенѣ я прошелъ курсъ богословія подъ руководствомъ покойнаго канцлера фонъ Мосгейма, а г-нъ профессоръ Михаэлисъ внушилъ мнѣ любовь къ восточнымъ языкамъ. Такъ

какъ этотъ послѣдній на своихъ лекціяхъ часто говорилъ частію о томъ, какое еще безчисленное множество неясностей въ основномъ языкѣ ветхаго завѣта, которыя нельзя иначе объяснить, какъ только совершеннымъ знаніемъ арабскаго; отчасти — какое вся литература пріобрѣла бы приращеніе, нѣкотораго рода Palingenesie, которое не многимъ уступало бы начавшемуся 400 лѣтъ тому назадъ, когда стали вытаскивать изъ монастырей латинскихъ и греческихъ писателей, еслибы сдѣлались извѣстны многочисленныя арабскія рукописи, лежащія погребенными въ европейскихъ библіотекахъ: то мое до сихъ поръ неопредѣленное стремленіе путешествовать ограничилось путешествіемъ въ Аравію и на востокъ. Мое пребываніе въ Швеціи побудило меня присоединить сюда еще естественную исторію. Послѣ этого я составилъ планъ моего путешествія и отослалъ его для разсмотрѣнія г. надв. сов. Геснеру и г. проф. Михаэлису; оба они не только совершенно одобрили его, но оказали мнѣ честь, давъ мнѣ родъ кредитива, въ которомъ старались возбудить довѣріе тѣхъ меценатовъ и друзей наукъ, которые пожертвовали бы что нибудь на путевыя издержки, что путешествіе принесетъ нѣкоторую пользу, и деньги не будутъ употреблены къ другой цѣли. Подстрекаемый такими добрыми мнѣніями, я два года тому назадъ снова пріѣхалъ сюда, чтобы еще болѣе приготовиться къ этому путешествію. Кромѣ арабскаго языка и естественной исторіи я старался пріобрѣсти и другія знанія, полезныя путешественнику, и особенно укрѣпиться въ статистикѣ и коммерческой наукѣ, на тотъ случай, еслибы пришлось на пути туда или назадъ пробыть нѣсколько времени въ торговыхъ городахъ, лежащихъ у Средиземнаго моря.

Таковы были намѣренія, къ которымъ устремлялись всѣ мои старанія до той минуты, какъ я получилъ извѣстіе о вызовѣ в. благородія. Я принесъ имъ въ жертву шестилѣтнее прилежаніе и, кромѣ другихъ значительныхъ выгодъ, два мѣсяца тому назадъ священническую должность, которую имѣлъ милость предложить мнѣ владѣтельный графъ фонъ Гогенлое-Кирхбергъ. И такъ ваше благородіе вы сами легко можете понять, какъ мнѣ было больно сразу совершенно оставить этотъ проектъ. Еслибы вы нашли такъ же легкимъ, какъ г. др. Бюшингъ, соединеніе этого намѣренія съ моимъ другимъ назначеніемъ въ Петербургѣ; еслибы даже была только вѣроятность получить нѣкоторую поддержку отъ Академіи, которой я такимъ образомъ надѣюсь сдѣлаться нужнѣе; то я послѣдовалъ бы этому призыву въ Петербургъ тѣмъ съ большею радостію и тѣмъ съ большею увѣренностію смотрѣлъ бы на него, какъ на призывъ Провидѣнія. Несмотря на то, я былъ бы не прочь отъ 2 до 3 лѣтъ до поѣздки совершенно посвятить себя русской исторіи и потомъ снова продолжать ее, при чемъ совершенно оставить всѣ другія занятія. Можетъ быть, съ этой поѣздкой возможно было бы соединить еще другія цѣли, которыя могли бы быть пріятны русской націи. Можетъ быть, я могъ бы къ услугамъ Коммерцъ-коллегіи собрать коммерческія свѣдѣнія, изъ коихъ государство, гдѣ коммерческій

духъ сильнѣе господствуетъ, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, могло бы извлечь нѣкоторую выгоду.

Не желаю ничего больше, какъ быть въ состояніи вскорѣ показать на дѣлѣ вашему благородію, съ какимъ рвеніемъ и неутомимымъ прилежаніемъ я постараюсь заслужить ваше удовольствіе и съ какою почтительною благодарностію я всю жизнь буду чтить основателя моего будущаго счастія. Между тѣмъ, съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего благородія покорнѣйшимъ слугою.

Августъ Лудвигъ Шлецеръ.

Гёттингенъ
14 марта 1761.

2.

Благородный, высокоуважаемый господинъ профессоръ.—Благосклонное письмо ваше, отъ 10-го прошл. мца чрезъ г. лейбъ-медика Редерера я имѣлъ честь получить третьяго дня. За письмо и особенно за дозволенную мнѣ отсрочку до августа приношу покорнѣйшую благодарность. Относительно опасенія, которое ваше благородіе выражаете въ своемъ письмѣ къ г. др. Бюшингу, прошу васъ быть совершенно увѣреннымъ, что такъ какъ я на принятіе этого приглашенія рѣшился не иначе, какъ послѣ зрѣлаго обсужденія и при точномъ знаніи всѣхъ тѣхъ pro и contra, которыя могутъ склонить нѣмца къ поѣздкѣ въ Россію или отклонить отъ нея, и уже далъ въ томъ свое слово; то эти двѣ причины уже достаточно сильны, чтобы принудить меня къ постоянству въ своемъ рѣшеніи.

Такъ какъ относительно путевыхъ издержекъ г. др. Бюшингъ еще не получалъ никакой коммиссіи отъ вашего благородія, то я беру смѣлость покорнѣйше просить объ опредѣленіи quanti, и именно опредѣленія онаго въ Species Ducaten. Я имѣю основательное опасеніе, что иначе, вслѣдствіе нынѣшняго слишкомъ большаго различія монеты въ Германіи, при платежѣ этихъ денегъ могли бы возникнуть недоразумѣнія, и еслибы они были такого свойства, что ихъ нельзя было бы иначе отклонить, какъ вновь полученными свѣдѣніями изъ Петербурга, то все путешествіе легко могло бы быть отсрочено на полгода, что вашему благородію было бы такъ же непріятно, какъ и мнѣ. Самый короткій путь былъ бы, конечно,— приказать гамбургскому или любскому купцу перевести назначенную сумму, по возможности скоро, сюда на г. лейбъ-медика Редерера, у котораго я могъ бы получить ее на канунѣ моего отъѣзда. Если съ этой стороны не явится замедленіе, то я надѣюсь, что мнѣ возможно будетъ прибыть въ Любекъ уже въ половинѣ августа.

Ваше благородіе позволите мнѣ привести здѣсь условія, сообщенныя мнѣ г. др. Бюшингомъ, на котораго вы ссылаетесь. За то, что я приму участіе въ вашихъ историческихъ и географическихъ трудахъ, а также употреблю

нѣсколько часовъ въ день на обученіе вашихъ дѣтей, ваше благородіе обѣщаете готовое Subsistenz и fixum 100 рублей, при чемъ я, еслибы научился по-русски и заслужилъ одобреніе, имѣлъ бы надежду поступить на службу въ Академію. Эта послѣдняя — я разумѣю надежду на оффиціальный пенсіонъ — и есть то, что вмѣстѣ съ надеждою получить пособіе на путешествіе, преимущественно побудило къ принятію этого приглашенія; потому что ваше благородіе сами легко усмотрите, что такъ какъ жалованіе въ 100 рублей въ такомъ дорогомъ городѣ, какъ Петербургъ, несоразмѣрно, то мнѣ было бы чрезвычайно тягостно долгое время прибавлять изъ своихъ средствъ, не говоря ужъ о томъ, что я для этого жертвую несравненно большими выгодами, которыми теперь дѣйствительно пользуюсь въ Гёттингенѣ.

Съ особеннѣйшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего благородія покорнѣйшимъ слугою

Шлецеръ.

Гёттингенъ.
3-го мая 1761.

3.

Благородный, высокоуважаемый господинъ профессоръ.—Семь недѣль тому назадъ я имѣлъ смѣлость отвѣчать на благосклонное письмо вашего благородія, отъ 30 марта, подъ адресомъ г. др. Бюшинга, и покорнѣйше просить васъ о забытомъ прежде назначеніи путевыхъ денегъ. Такъ какъ я до сихъ поръ на это еще не получалъ никакого извѣстія и послѣ отъѣзда отсюда г. др. Бюшинга здѣсь нѣтъ никого, къ кому я могъ бы обратиться по этому дѣлу, а еще большее замедленіе поставило бы меня тѣмъ болѣе въ затруднительное положеніе, потому что оно слишкомъ разстроило бы ожиданія вашего благородія, мои желанія и мѣры, принятыя мною сообразно съ ними, и легко отдалило бы путешествіе на цѣлое полгода; то я не могъ воздержаться отъ того, чтобы снова не обезпокоить ваше благородіе настоящимъ письмомъ и этимъ повторить мою прежнюю покорнѣйшую просьбу.

Если вашему благородію угодно будетъ оказать мнѣ честь, поручивъ мнѣ до моего отъѣзда изъ Германіи какія либо литературныя или другія коммиссіи, то я ожидаю вашихъ приказаній.

Покорнѣйше поручая себя постоянной благосклонности вашего благородія, остаюсь съ совершеннѣйшимъ высокопочтеніемъ вашего благородія покорнѣйшій слуга

Шлецеръ.

Гёттингенъ.
24-го іюня 1761.

4.

Благородный господинъ, высокоуважаемый господинъ профессоръ. — Я пишу это 7-го ноября н. ст. на бортѣ любскаго моряка Іоганна Граапа, на рейдѣ предъ Аспё, въ пяти миляхъ отъ Фридрихсгама, послѣ того, какъ уже 21-го сентября я въ первый разъ вышелъ изъ Травемюнде подъ парусами, и слѣдовательно, втеченіе семи недѣль переносилъ самое дорогое и самое трудное морское путешествіе, какое только можно себѣ вообразить. Четыре раза противный вѣтеръ принуждалъ насъ возвращаться въ Травемюнде. Всѣ мои друзья совѣтовали, или лучше сказать, требовали, чтобы я отложилъ путешествіе до будущей весны; но чтобы не обмануть ожиданій вашего благородія, я рѣшился на крайность. Я видѣлъ четыре корабля, которые, такъ сказать, въ моихъ глазахъ потонули. Теперь, благодареніе небу! мы стоимъ въ безопасной гавани, но въ то же время мы въ опасности замерзнуть здѣсь, а въ этомъ случаѣ нѣтъ другаго средства, какъ сухимъ путемъ отправиться изъ Фридрихсгама въ Петербургъ. Почему я не ранѣе пустился въ дорогу, объ этомъ я устно дамъ отчетъ.

Съ совершеннѣйшимъ высокопочтеніемъ вашего благородія покорнѣйшій слуга

Шлецеръ.

5.

Съ тѣхъ поръ, какъ в. благородіе высказались, что не знаете никакого средства соединить свои намѣренія съ моимъ счастіемъ; съ тѣхъ поръ, какъ посольство въ Константинополь отправилось, о чемъ я ничего не зналъ, и слѣдовательно, разрушились всѣ мои надежды, побудившія меня къ поѣздкѣ въ Россію: съ тѣхъ поръ всѣ мои заботы направлены къ тому, чтобы нѣкоторымъ образомъ вознаградить понесенную, для меня очень чувствительную, потерю какъ времени, такъ и денегъ. Я не знаю, принимаете ли в. благородіе доброе участіе въ этихъ моихъ заботахъ. Но по нѣкоторымъ причинамъ я все таки думаю, что имѣю нѣкоторое право ожидать этого. Если в. благородіе и думаете, что для васъ безъинтересно, довольный ли, или въ высшей степени недовольный удалюсь изъ Россіи, все таки полагаю, что чувство естественной справедливости со стороны в. благородія будетъ уже достаточной побудительной причиной къ тому.

Я не намѣренъ уже въ этомъ году оставить Россію. Чему я до сихъ поръ научился, то недостаточно, чтобы само по себѣ уже могло приносить мнѣ пользу, и на мои будущія намѣренія не имѣетъ никакого вліянія. И такъ я долженъ былъ бы цѣлый годъ, такъ сказать, вычеркнуть изъ моей жизни; но потерянный годъ — какая дорогая потеря для человѣка,

который ни на что такъ не скупъ, какъ на время, и для того возраста, который долженъ основать счастіе всей будущей жизни! Еслибы я, напротивъ того, остался здѣсь еще нѣсколько времени, то я все таки надѣюсь столько сдѣлать по русской исторіи, что если не мнѣ, то другимъ могло бы быть полезно. Изученіе языка и другія трудныя propaedeumata я отчасти преодолѣлъ. Это занятіе теперь перестаетъ быть мнѣ работой, поэтому я хочу его продолжать. Быстрые успѣхи должны вознаградить мнѣ трудъ приготовленія.

Другая причина еще гораздо болѣе побуждаетъ меня продлить пребываніе въ Россіи. Досаду, внушенную несбывшеюся надеждою, можно наконецъ преодолѣть; но при тщетныхъ стараніяхъ достигнуть новой надежды, видѣть, какъ всѣ прежнія исчезаютъ,—это стоитъ многихъ часовъ скорби. Уже три года положеніе мое было такъ хорошо, что еслибы я только два года еще остался въ немъ, то путешествіе мое на востокъ не зависѣло бы болѣе отъ обстоятельствъ или отъ милости важнаго господина; я могъ бы рѣшиться предпринять его на собственный счетъ. Но вотъ уже восемь мѣсяцевъ я живу, не получая никакого дохода; еще болѣе: 130 рублей я пожертвовалъ на путешествіе въ Россію — большая сумма, потому что она составляетъ третью часть моего капитала. И до сихъ поръ я не вижу еще ни малѣйшей вѣроятности, ни малѣйшаго приготовленія къ вознагражденію этого убытка.

Ничтожнаго мѣста корректора, котораго я искалъ, не получилъ. Предполагавшееся изданіе русскаго словаря, при чемъ давали мнѣ надежду на доходъ, остановилась; а съ обѣщаннымъ мѣстомъ при газетной экспедиціи уже 8 недѣль волочатъ.

Неужели изъ всего класса людей, которые могутъ работать и хотятъ работать, я одинъ долженъ удалиться изъ Петербурга, недовольный въ этомъ отношеніи? И неужели — устраняя все остальное — рекомендація такого человѣка, какъ Михаэлисъ, человѣку, пользующемуся такимъ уваженіемъ, какъ ваше благородіе, не могла составить моего счастія, которое достается въ удѣлъ столь многимъ авантюристамъ, едва окончившимъ трехгодичный курсъ въ университетѣ и находящимъ здѣсь самыя выгодныя мѣста! Какое униженіе для меня и для моего германскаго благодѣтеля!

Еслибы возможно было получить мѣсто при Академіи, и ваше благородіе могли изъ своихъ собственныхъ работъ дать мнѣ столько, чтобы я впредь могъ жить въ вашемъ домѣ, отнынѣ не стѣсняя васъ болѣе жалованіемъ, то всѣ мои заботы разомъ бы окончились.

Если одно изъ этихъ двухъ предложеній невозможно, то я прошу ваше благородіе доставить мнѣ въ какомъ нибудь хорошемъ домѣ мѣсто секретаря или другую благородную должность.

Если и этого нельзя получить, то я долженъ снова приняться за давно уже оставленное ремесло и—педагогизировать (podagogisiren). Но

если я принужденъ буду сдѣлать этотъ шагъ, то желалъ бы, чтобъ это было въ Москвѣ, а не здѣсь, чтобъ Михаэлисъ, Дрейеръ и Варгентинъ этого не узнали.

Шлецеръ.

22 апр. 1762.

6.

Есть три причины, а не одна только, которыя до сихъ поръ препятствуютъ мнѣ въѣхать:

1. Мнѣ даютъ только *одну* комнату: тѣ двѣ, которыя сначала были мнѣ назначены, занялъ Румовскій. Но одной мнѣ совершенно недостаточно. Моя комната, еслибъ она была такъ набита, имѣла бы видъ не многимъ лучше дворницкой. Хотя г. Тауберть говоритъ, что мнѣ слѣдуетъ получить двѣ, но управляющій говоритъ только объ одной; и третьяго дни Бурбье говорилъ о предложеніи, что *со временемъ* можно было бы раздѣлить и безъ того уже тѣсныя комнаты.

2. Мнѣ не даютъ мебели. Объ этомъ уже говорено такъ много, что я усталъ. Сначала г. Таубертъ обѣщалъ все; потомъ онъ исключилъ только постель; но я долженъ былъ получить кровать, столы, стулья и проч. Теперь ничего не хотятъ мнѣ дать.

3. Мнѣ предлагаютъ очередоваться съ Бурбье въ надзорѣ за дѣтьми. Что я на это не могу согласиться, не требуетъ доказательствъ.

Ни одно изъ этихъ затрудненій не можетъ быть устранено. Но есть одинъ путь, которымъ всѣ цѣли этого приглашенія могутъ быть достигнуты, и я все таки остаюсь въ покоѣ.

Вначалѣ условія были: 1) Учить дѣтей по-нѣмецки и по-латини въ назначенные часы. 2) За столомъ составлять имъ полезное общество. И такъ, я буду давать тамъ уроки, вмѣстѣ обѣдать и жить внѣ дома.

Получу ли что либо взамѣнъ ужина, чая и проч. и другихъ условій дароваго помѣщенія, это я могу предоставить гг. Тауберту и Теплову. Неужели мнѣ остаться ни съ чѣмъ? хорошо, пусть такъ. Этимъ способомъ я теряю сто рублей; но для своего спокойствія я пожертвовалъ бы еще больше.

Въ этомъ предложеніи, конечно, есть выгода—но только на другой сторонѣ. Итакъ я не могу сомнѣваться, согласился ли бы кто нибудь на него.

И еслибы вышеприведенный 3-й пунктъ перемѣнили такъ, что я, какъ вначалѣ говорилъ г. Таубертъ, иногда имѣлъ бы надзоръ только изъ

услужливости, а не по обязанности, то для меня это все таки было бы ничто. Идея субординаціи ужъ слишкомъ глубоко сидитъ въ душѣ Бурбье: ежедневно мнѣ приходилось бы бороться съ нею, это было бы источникомъ вѣчныхъ жалобъ и хлопотъ. Слишкомъ очевидное различіе, которое дѣлаютъ между мною и Румовскимъ, для меня также несносно.

Г. Таубертъ говоритъ: я дѣлаю слишкомъ много затрудненій. Но если я долженъ ихъ дѣлать? не лучше ли, что я дѣлаю ихъ раньше переѣзда? Какого бы это надѣлало шуму, еслибъ я, что навѣрное предвижу, спустя короткое время, въ досадѣ долженъ былъ выѣхать? [1])

7.

4 іюля 1763.

Конечно, у насъ также дѣлаютъ *квасъ;* но такъ какъ я нé хотѣлъ учиться дѣлать квасъ, а хотѣлъ имѣть *короткое опредѣленіе* его, то я полагалъ, что долженъ адресоваться скорѣе къ профессору, чѣмъ къ нашему кучеру.

Въ русскомъ словарѣ я нахожу: potus acidus fermentatus; этого мнѣ на всякій случай было довольно; но я не умѣлъ передать это по-нѣмецки, потому что я не химикъ. Между тѣмъ мнѣ все таки нужно было объясненіе этихъ словъ въ одну или полторы строки для моей русской грамматики. Но прочитать для этого разсужденіе у меня нѣтъ времени. Я объясняю 400 словъ; если о каждомъ словѣ читать разсужденіе, то это стоило бы мнѣ 400 часовъ.

Если кто пишетъ что нибудь въ Гёттингенѣ, въ Стокгольмѣ или въ другомъ мѣстѣ, тотъ по тѣмъ предметамъ, которые не составляютъ собственно главнаго въ сочиненіи, обращается къ такимъ людямъ, мнѣніе коихъ объ этихъ предметахъ принимаютъ за forum competens. Я къ этому привыкъ: ради одного прилагательнаго мнѣ не трудно послать за 100 шаговъ, или самому пойти. Но здѣсь, какъ я вижу, это не въ модѣ и даже принимаютъ въ дурную сторону, потому меня не удивляетъ, что въ Петербургѣ никогда или развѣ въ 20 лѣтъ разъ издается что нибудь умное.

— Non omnia possumus omnes. [2])

8.

Ваше благородіе, покорнѣйше прошу ваше благородіе, если возможно, прислать мнѣ назадъ только на нѣсколько дней мою *латинскую статью,* [3])

---

[1]) Безъ означенія числа и безъ подписи.
[2]) Безъ подписи.
[3]) Здѣсь рѣчь идетъ о Periculum.

которую я семь недѣль тому назадъ отдалъ въ конференцію. Такъ какъ я теперь занятъ Script. Byzant., то рѣдко проходитъ день, чтобы мнѣ не пришлось что нибудь прибавить къ вышеупомянутой статьѣ; но эти замѣчанія теряются для меня, потому что я отчасти забылъ содержаніе означенной статьи, а передъ отдачею я не снялъ съ нея копіи, отчасти по краткости времени, отчасти въ томъ предположеніи, что сужденіе о ней Академіи могло послѣдовать скорѣе.

Оригиналъ непремѣнно возвращу въ конференцію или въ понедѣльникъ, или навѣрное въ пятницу.

Шлецеръ.

19 іюня 1764.

9.

Wachterum Bibliotheca publica, *Halthausium* Fischerus subjecit. Deest adhuc Frischius, quem si obtenuero, linguae Slavo-Russicae

Exigam monumentum aere perennius!

Schlözer [1])

10.

Благородный, высокоуважаемый господинъ коллежскій совѣтникъ. — Если вашему благородію угодно продолжать Sammlung Russ. Gesch. (эту книгу, безъ которой очень много иностранцевъ вовсе не знали бы, что въ Россіи существуетъ Академія), то я готовъ здѣсь [2]) каждый разъ принимать на себя не только корректуру и заботы о печатаніи, какъ вы мнѣ это укажете, но и доставлять время отъ времени статьи, особенно такія, которыя ваше благородіе сами выберете или благосклонно сообщите мнѣ матеріалы. Одно предоставляю на ваше благоусмотрѣніе: не будетъ ли полезно или теперь же, или впослѣдствіи дать книгѣ новое заглавіе, потому что иначе продолженіе будетъ слишкомъ длинно, а слѣдовательно, все сочиненіе слишкомъ дорого для иностранныхъ покупателей, ибо въ Германіи часть продается по 2 рейхст. 16 грош., и г. Землеръ отнесъ ее къ разряду рѣдкихъ книгъ.

Гёттингенская библіотека имѣла счастіе получить съ весселингскаго аукціона въ Голландіи *Witsen* 1705 г. за 19 флорин. (за коммиссію дала

---

[1]) Безъ означенія числа; но эта записка, очевидно, относится къ тому времени, когда Шлёцеръ былъ занятъ составленіемъ русской грамматики, т. е. къ лѣту 1763 г.

[2]) Т. е. въ Петербургѣ, потому что въ то время Миллеръ былъ уже въ Москвѣ.

150) и гораздо полнѣйшее изданіе, чѣмъ здѣшнее, съ оглавленіемъ и множествомъ плановъ и другихъ гравюръ.

Гг. Михаэлисъ и Гетереръ почтительно свидѣтельствуютъ свое почтеніе. Письмо послѣдняго ваше благородіе, должно быть, получили.

Для библіотеки я привезъ между прочимъ также рѣдкій турецкій лексиконъ Менинскаго за 60 рублей.

Съ покорнѣйшимъ почтеніемъ г-жѣ коллежской совѣтницѣ имѣю честь оставаться съ совершеннымъ уваженіемъ вашего благородія покорнѣйшій слуга

Шлецеръ.

4 сент. 1766.

X.

РАПОРТЫ ШЛЕЦЕРА ВЪ АКАДЕМІЮ НАУКЪ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ. [1])

№ I.

Рапортъ въ императорскую Академію наукъ. Любекъ, 12 Авг. 1765 г.

15-го іюня мы уѣхали изъ Петербурга въ Кронштадтъ.

5-го іюля съ сѣверовосточнымъ вѣтромъ мы вышли, но дошли только до брандвахты. Втеченіе слѣдующихъ дней мы, лавируя, прошли 10 миль въ море; но 13-го противный вѣтеръ такъ усилился, что мы снова возвратились въ Кронштадтъ. День спустя, мы снова вышли; 15-го вѣтеръ подулъ съ сѣвера, и мы достигли Гохланда. Въ ночь съ 19 на 20 іюля мы выдержали бурю съ SO; и вскорѣ послѣ того приблизились къ Дагеро на 12 миль. 21-го и слѣдующіе дни дулъ отчасти S, отчасти NW; не смотря на то, мы, хотя чрезвычайно медленно, прошли Готландъ и 28 увидѣли Борнгольмъ. 29-го мы были въ 18 миляхъ отъ Травемюнде. Здѣсь жара сдѣлалась для насъ такъ же несносна, какъ былъ прежде холодъ, и чрезвычайный штиль крайне намъ наскучилъ. Только 3-го августа мы бросили якорь на рейдѣ въ Травемюнде; 4-го мы поѣхали въ Любекъ. Такимъ образомъ путешествіе изъ Петербурга въ Любекъ, которое болѣе счаст-

---

[1]) На этихъ рапортахъ сохранены нумера, выставленные самимъ Шлецеромъ, чтобы можно было видѣть, какихъ именно рапортовъ недостаетъ.

ливые люди очень часто совершаютъ въ 10 дней, намъ стоило 5 недѣль и 4 дня. Какъ дорого придется мнѣ платить за эту потерю!

Все наше путешествіе вообще можно назвать болѣе скучнымъ, чѣмъ дурнымъ. Никогда не было попутнаго вѣтра, большею частію противный, иногда боковой, но такъ же очень рѣдко сильный. Я отдѣлался пароксизмомъ лихорадки, а мои спутники легкой головною болью. Одинъ Венедиктовъ страдалъ формально морскою болѣзнью.

Здѣсь, въ Любекѣ, я надѣялся окончить всѣ лежавшія на мнѣ порученія втеченіе недѣли; но и это не удалось, вслѣдствіе разныхъ фатальныхъ случайностей. Г-нъ пробстъ соборной церкви Дрейеръ уѣхалъ въ Голштинію, а потому, въ его отсутствіе, не стоитъ труда подавать въ магистратъ прошеніе по поводу важнаго порученія импер. Академіи на счетъ древнихъ новгородскихъ грамотъ. Итакъ все дѣло я долженъ отложить до моего возвращенія.

Мои векселя причиняютъ мнѣ множество хлопотъ: по двумъ изъ нихъ мнѣ выплатятъ завтра; но по двумъ другимъ я, можетъ быть, получу деньги черезъ три недѣли, потому что купецъ, на ордеръ котораго они выданы, уѣхалъ въ Гамбургъ и не хочетъ ихъ индосировать прежде, чѣмъ они будутъ акцептованы въ Амстердамѣ. Смотрителя здѣшняго дома сумашедшихъ такъ же не было въ городѣ; но сегодня я говорилъ съ нимъ и узналъ, что нужныя свѣдѣнія уже двѣ недѣли тому назадъ вытребованы отъ него здѣшнимъ магистратомъ и отосланы въ Петербургъ. Онъ далъ мнѣ копію съ нихъ; если они слишкомъ кратки и недостаточны, какъ я опасаюсь, то со временемъ я дополню недостающее словесными объясненіями. Согласно съ даннымъ мнѣ порученіемъ я могъ бы закупать книги для импер. библіотеки, и даже съ выгодой, потому что здѣсь проѣхалъ одинъ чужой книгопродавецъ, который сбывалъ свой запасъ со значительною уступкою; баумгартенская библіотека такъ же продается съ аукціона; но на это у меня не было денегъ: назначенный для этой цѣли вексель въ 200 рублей, который я навѣрное думалъ найти у здѣшняго нашего коммиссіонера, г. Шмидта (какъ было обѣщано), еще не былъ полученъ. Поэтому я купилъ только Эйлера Theoriam corporum solidarum для г. проф. Румовскаго и на этой недѣлѣ отсылаю со шкиперомъ Миллосомъ.

Между тѣмъ мои спутники по немногу экипируются, осматриваютъ достопримѣчательности города и начинаютъ знакомиться съ нѣмецкимъ міромъ. Они ведутъ обстоятельный дневникъ всего нашего путешествія и будутъ имѣть честь представить его изъ Гёттингена импер. Академіи.

Кабинетъ г-на Феедопса все растетъ. Я видѣлъ у него новыя вещи: китайскую золотую рыбку, устричную раковину въ 246 фунтовъ, норвежскую Scharniervogel; г-нъ Реймаръ сообщилъ ему письмомъ отъ 31-го мая, что зеленый бразильскій изумрудъ обладаетъ электричествомъ, какъ

турмалинъ, и что въ Голландіи нашли средство шлифовать исландскій кристалъ въ различныя формы.

Дѣло колонистовъ даетъ здѣсь очень много поводовъ къ разговорамъ. Только въ этомъ году уже болѣе 3000 душъ отправилось отсюда въ Россію. Въ послѣднемъ письмѣ къ г. ст. сов. Тауберту я уже высказалъ сожалѣніе, что не имѣю болѣе точныхъ свѣдѣній о Саратовѣ, а потому не могу отвѣчать на предлагаемые мнѣ здѣсь устные вопросы объ этомъ предметѣ.

Гнъ др. Бюшингъ теперь еще въ Альтонѣ. До сихъ поръ я еще не встрѣтилъ въ Германіи человѣка, который бы не осудилъ его за внезапный отъѣздъ изъ Петербурга.

Отъ моихъ здѣшнихъ ученыхъ знакомыхъ я получилъ нѣсколько важныхъ дополненій къ моей предполагаемой русской библіотекѣ; въ нее я соберу въ видѣ экстрактовъ все, что иностранцы писали о древней русской исторіи, по плану, который я уже имѣлъ честь представить импер. Академіи. Я такъ же очень охотно извлекъ бы древнія извѣстія о Славянахъ изъ многочисленныхъ рукописныхъ любскихъ хроникъ, которыя я здѣсь нашелъ; но для этого нужно время и спокойствіе. Именно эта разсѣянность, которая есть необходимое слѣдствіе моихъ остальныхъ путевыхъ занятій, послужатъ мнѣ достаточнымъ извиненіемъ, если настоящій рапортъ носитъ отпечатокъ поспѣшности и совершенно не соотвѣтствуетъ ни достоинству императ. Академіи, ни тому глубокому уваженію, которое я къ ней питаю.

Шлецеръ.

№ II.

Рапортъ въ императорскую Академію наукъ, Люнебургъ, 21-го авг. 1765 г.

Гнъ соборный пробстъ Дрейеръ возвратился наконецъ 14-го этого мѣсяца въ Любекъ. Я посѣтилъ его на другой день, и еще прежде, чѣмъ я ему сообщилъ о своей коммиссіи, онъ уже приготовилъ мнѣ пакетъ древнихъ рукописей, которыя отчасти объясняютъ русскую исторію, отчасти отъ нея ожидаютъ объясненія. Я нашелъ между ними такъ же документъ на русскомъ языкѣ, на пергаментѣ, очень хорошо написанный, а первыя строки золотыми буквами. Но его содержаніе не очень важно. Алексѣй Михайловичъ проситъ герцога Фридриха Голштинскаго о выдачѣ одного подъячаго, совершившаго плутовство, который въ Константинополѣ дозволилъ себѣ обрѣзать, а въ Римѣ сдѣлался католикомъ. Recessus Nowgorodicus былъ важнѣе. Я передалъ гну Дрейеру письмо Академіи, а къ магистрату хотѣлъ самъ написать меморіалъ, но г Дрейеръ не счелъ это нужнымъ, потому что архивъ находится подъ его надзоромъ, и я могъ избавиться отъ этихъ хлопотъ. Впрочемъ онъ обѣщалъ

дать мнѣ записку о всѣхъ древнихъ новгородскихъ грамотахъ въ любскомъ архивѣ, чтобы я могъ выбирать и списывать тѣ, которыя мнѣ будутъ нужны. Это работа по крайней мѣрѣ на четыре недѣли, хотя я работаю день и ночь,—работа, которая навѣрное окажетъ услугу русской исторіи и которую не такъ легко можно было бы исполнить въ другое время, когда въ Любекѣ будетъ, можетъ быть, другой не столь услужливый архиваріусъ, а у Академіи не будетъ на нѣмецкой почвѣ такого терпѣливаго и трудолюбиваго агента. Я сердечно радъ былъ сейчасъ начать работу; но мы уже стояли въ Любекѣ двѣнадцать дней, моимъ спутникамъ дорогой городъ сдѣлался тягостнымъ, и свои вексельныя дѣла я совершенно окончилъ 16-го авг. Опасаясь отвѣтственности, еслибы я изъ-за однѣхъ грамотъ еще долѣе остался здѣсь, я просилъ гна Дрейера приготовить все до моего возвращенія, и 17-го авг. мы уѣхали съ обыкновенной почтой.

Впрочемъ въ Любекѣ я читалъ газеты и журналы, чтобы восполнить пробѣлъ, образовавшійся въ моей исторіи литературы, вслѣдствіе четырехгодичнаго отсутствія изъ Германіи. Всего болѣе дѣлаютъ шуму въ Германіи религіозные распри. Вольнодумецъ Базедовъ въ Альтонѣ и социніанецъ Теллеръ, профессоръ богословія въ Гельмштедтѣ, возбудили противъ себя правовѣрныхъ и достигли той чести, что будутъ увѣковѣчены въ исторіи ересей нашихъ временъ, потому что объ нихъ слишкомъ много кричатъ. Всѣ газеты наполнены ими.

Съ патріотическимъ удовольствіемъ видѣлъ я въ любской библіотекѣ множество прекрасныхъ но еще не напечатанныхъ и не извѣстныхъ любскихъ хроникъ. Я все думалъ, что Россія единственная страна въ Европѣ, такъ долго оставляющая свои сокровища въ пыли и плѣсени; но Любекъ, si fas est parva, поступаетъ точно такъ же. Но Любекъ слишкомъ бѣденъ, чтобы платить собственнымъ исторіографамъ, и дѣйствительно, у него ихъ никогда не было.

Я видѣлъ нѣсколько чрезвычайно хорошихъ анатомическихъ препаратовъ, присланныхъ какимъ-то г. Мелье изъ Петербурга въ подарокъ въ Любекъ. Мнѣ было стыдно, что я даже по имени не зналъ этого искуснаго человѣка, о которомъ думаютъ, что онъ, по своему искусству, никуда не могъ быть ангажированъ, кромѣ анатомическаго театра императорской Академіи наукъ.

Втеченіе только нынѣшняго года уже болѣе 3000 колонистовъ перевезено изъ Любека въ Россію. Почти всѣ они были пфальцскіе уроженцы, 5 лѣтъ тому назадъ переселившіеся на датскія земли. Копенгагенская коллегія колонистовъ, которая, по разсказамъ, состоитъ изъ четырехъ медиковъ, одного магистра философіи и одного пастора, не имѣла искусства обратить въ датскихъ гражданъ этихъ людей, которые драгоцѣнны какъ колонисты, потому что они по большей части богатые крестьяне. Вообще, говорятъ, состояніе Даніи печально. Кромѣ вновь введенной тяжелой по-

головной подати, угнетающей страну и даже возбудившей въ Норвегіи возстаніе, это государство, ведущее цвѣтущую торговлю и уже болѣе 40 лѣтъ пользующееся постояннымъ миромъ, недавно заняло въ Голландіи 4 милліона по 5%. О королевѣ разсказываютъ странныя исторіи. Въ послѣдній день моего пребыванія въ Любекѣ я слышалъ о договорѣ, заключенномъ относительно Голштиніи между нашимъ и датскимъ правительствомъ.

Нѣсколько времени тому назадъ недалеко отъ Любека продавали съ аукціона писанный Lexicon Venedicum. Гнъ Дрейеръ далъ 40 талеровъ за коммиссію и все таки не получилъ его. Такія книги императорская библіотека должна была бы стараться ловить за какую бы то ни было цѣну. Но кто вѣритъ нашимъ грамматическимъ и этимологическимъ проповѣдямъ? Однако, пока не будутъ учить русскому языку, critisch u. antiquarisch excolirt, до тѣхъ поръ изъ русской исторіи ничего не выйдетъ, кромѣ крапанія и qui vult finem.

Русскаго министра въ Гамбургѣ, гна Мусина-Пушкина, обожаютъ: такъ онъ умѣлъ заставить всѣхъ полюбить себя. Любскій коммиссаръ, гнъ Шмидтъ ревностно преданъ русскимъ интересамъ въ дѣлѣ колонистовъ, такъ что, по разсказамъ, изъ Любскаго магистрата иногда получаются напоминанія, что онъ гражданинъ Любека. О Саратовѣ имѣютъ хорошее понятіе; считаютъ его такою же страною, какъ Италія, только воображаютъ, что тамъ не безопасно отъ татаръ.

17-го мы уѣхали изъ Любека, 18-го прибыли въ Люнебургъ; 19-го я со своими спутниками осмотрѣлъ домъ умалишенныхъ, 20-го соляныя варницы и известковую гору. Съ третьяго дня здѣсь аукціонъ хорошихъ историческихъ книгъ. Какъ больно мнѣ было, что я все еще не получилъ изъ канцеляріи 200 рублей! Книги ушли за полцѣны; я купилъ на нѣсколько талеровъ для себя.

Завтра, 22-го мы плывемъ дальше. Я пишу это поспѣшно; можетъ быть, въ Гановерѣ найду больше покоя.

Шлёцеръ.

№ III.

Въ императорскую Академію наукъ, Гёттингенъ, 25-го августа 1765 г.

Согласно приказанію канц. Академіи, обязывающему меня во время путешествія въ разныхъ мѣстахъ собирать свѣдѣнія объ устройствѣ въ Германіи домовъ сумашедшихъ, я уже въ Любекѣ познакомился съ смотрителемъ тамошняго дома съ намѣреніемъ получить требуемыя свѣдѣнія. Но такъ какъ я отъ него узналъ, что уже нѣсколько недѣль тому назадъ онъ отдалъ статью объ этомъ предметѣ въ магистратъ, отъ котораго она другими путями была будто бы вытребована, то я не счелъ нуж-

нымъ его безпокоить и отложилъ свои разспросы до Люнебурга, гдѣ, какъ я слышалъ, существуетъ такой же домъ.

19-го авг., въ первый день по моемъ прибытіи въ Люнебургъ, я со студентомъ Моходскимъ предпринялъ прогулку въ этотъ домъ. По своему положенію, онъ названъ широкимъ лугомъ (die breite Wiese) и находится приблизительно въ верстѣ отъ города. Изъ латинской надписи надъ воротами я узналъ, что онъ основанъ уже въ 1566 году, а именно auctoritate et decreto магистрата; что прежде онъ былъ почтовымъ домомъ или госпиталемъ для больныхъ чумою (pestilentibus morbis), въ 1610 былъ admeliorem formam реставрированъ при тогдашнемъ Administratore legationum piarum Schumacher и наконецъ въ 1722 г. въ послѣдній разъ возобновленъ.

Положеніе этого дома чрезвычайно красиво и вполнѣ соотвѣтствуетъ его назначенію; широкая прелестная равнина, поросшая травою и кустарникомъ, среди которой расположенъ домъ, служитъ умнымъ и безумнымъ мѣстомъ пріятной прогулки. Такимъ образомъ послѣдніе въ особенности могутъ дѣлать необходимый моціонъ и бѣгать далеко вокругъ, не уходя изъ виду своихъ надсмотрщиковъ и ничего не встрѣчая, чѣмъ могли бы въ сумасшествіи повредить себѣ. Близъ самаго дома кругомъ былъ проведенъ ровъ, теперь ненужный, который прежде, можетъ быть имѣлъ назначеніе тѣснѣе замкнуть домъ, когда онъ былъ еще почтовымъ домомъ.

На этотъ разъ во всемъ домѣ было только одиннадцать умалишенныхъ, и то только слабоумныхъ. Ни одного неистоваго (furiosus), на котораго нужно было бы наложить цѣпь, не было между ними; но мнѣ показали комнату, или лучше сказать, яму, гдѣ еще немного лѣтъ назадъ лежалъ одинъ такой несчастный. Съ одной стороны сдѣлано было отверстіе въ стѣнѣ въ другую комнату; черезъ него можно было притянуть безумнаго совершенно близко къ стѣнѣ и прикрѣпить его, чтобы онъ не могъ приблизиться къ служителю и причинить ему вредъ, когда онъ приходилъ чистить комнату.

Этихъ 11 человѣкъ, частью мужескаго, частію женскаго пола, содержатъ, хотя и скудно, кормятъ и одѣваютъ на счетъ заведенія. По воскресеніямъ и праздничнымъ днямъ они получаютъ сало, въ нѣкоторые другіе дни недѣли сыръ, а въ остальные дни горохъ и другіе подобные огородные овощи. Здѣсь не думаютъ лѣчить ихъ отъ безумія, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда они заболѣваютъ, призываютъ нарочно къ тому опредѣленнаго врача. Эти люди пользуются всевозможною свободою: при нихъ нѣтъ никакой стражи, они свободно бѣгаютъ по полю и, не смотря на то, никто не убѣгаетъ, потому что они при своемъ безуміи все таки понимаютъ, что пребываніе ихъ въ этомъ домѣ для нихъ благодѣяніе. Ихъ не принуждаютъ ни къ какой работѣ; хотя нѣкоторые изъ нихъ прядутъ

шерсть, но продаютъ ее въ свою пользу; другіе работаютъ въ огородѣ, близъ дома, но все добровольно.

Смотритель и кухарка завѣдываютъ всѣмъ домомъ. Первый совершенно простой человѣкъ, получаетъ жалованія всего 1 талеръ въ недѣлю. Довольный видъ и гордый тонъ, которымъ онъ произнесъ: каждую недѣлю одинъ талеръ, вызвали во мнѣ патріотическое желаніе, чтобы всѣ будущіе *управители* подобныхъ заведеній въ Россіи такъ же довольствовались 50-тью рублями въ годъ. Еще замѣчу одно очень мудрое постановленіе: смотритель самъ не смѣетъ закупать жизненныхъ припасовъ, но ему еженедѣльно присылаютъ ихъ въ натурѣ отъ магистратскаго писаря. Такимъ образомъ можно было меньше опасаться, что бѣдные получатъ испорченную и дурную пищу. Они не были совершенно оставлены на произволъ смотрителя, и корыстолюбію стоило бы хлопотъ, еслибы оно захотѣло дѣйствовать во вредъ этого благотворительнаго заведенія, потому что смотритель долженъ былъ бы вѣдаться съ писаремъ и добыча была бы меньше, да и не стоила бы труда, такъ какъ вмѣсто одного два человѣка должны были бы дѣлить ее между собою.

Вотъ все, что я въ торопяхъ успѣлъ увидѣть. Болѣе точныя свѣдѣнія я могъ бы собрать у врача, опредѣленнаго къ этому дому, и у члена магистрата, имѣющаго высшій надзоръ надъ нимъ, еслибы мнѣ было позволено долѣе остаться въ Люнебургѣ; между тѣмъ изъ вышесказаннаго я извлекаю слѣдующія заключенія:

1. Начало подобныхъ учрежденій въ Германіи обыкновенно полагаемо было правительствомъ: первыя основанія тонкой, а еще болѣе христіанской политики ставитъ ему это въ обязанность. Но это начало было всегда въ очень малыхъ размѣрахъ; мало по малу эти учрежденія расширялись, благодаря завѣщаніямъ частныхъ лицъ, и многія изъ нихъ сдѣлались чрезвычайно богаты. Всѣ большіе города въ Германіи представляютъ такіе примѣры.

2. Нѣтъ ничего милѣе, какъ прекрасное употребленіе, которое дѣлаютъ изъ доходовъ такого заведенія: они непремѣнно идутъ въ его пользу. Лица, служащія при немъ, несутъ свои обязанности большею частью только par honneur и par charité. Высшее управленіе лежитъ поочередно на членахъ совѣта; никто, на кого приходитъ очередь, не смѣетъ отказываться, хотя онъ за свои труды не получаетъ ни гроша.

3. Правило: quod fieri potest per pauca, соблюдается самымъ строжайшимъ образомъ. Смотритель и кухарка завѣдуютъ всѣмъ заведеніемъ безъ канцеляріи и безъ конторы; о низшей прислугѣ такъ же ничего не знаютъ.

4. Въ городахъ высшій надзоръ надъ такими учрежденіями принадлежитъ магистратамъ, которые особенно уполномочиваютъ на это ежегодно одного изъ своихъ членовъ. Это слѣдовало бы такъ же завести въ Россіи, потому что само правительство не можетъ immediata зани-

маться этимъ; но здѣсь сдѣлаетъ много затрудненій большое различіе между магистратами русскихъ и нѣмецкихъ городовъ.

Всѣ эти благотворительныя учрежденія, которыхъ въ Европѣ такое большое множество и изъ которыхъ дома сумашедшихъ составляютъ только неважный speciem, — очень сложное дѣло, и только благодаря опыту нѣсколькихъ столѣтій, получили свое настоящее хорошее устройство. Невозможно повѣрить, какое удивленіе къ славѣ царствованія Екатерины II возбуждаетъ въ Германіи то, что въ Россіи теперь также хотятъ учредить подобныя заведенія. Такая богатая нація, какъ русская, которой такъ же не недостаетъ благотворительности, скоро всѣхъ превзойдетъ въ этомъ; очень желательно только, чтобы въ этихъ учрежденіяхъ ничего не было испорчено въ самомъ началѣ и чтобы они были устроены самымъ лучшимъ образомъ, т. е. было бы очень желательно, чтобы, по примѣру Петра Великаго, сперва самымъ точнымъ образомъ разузнали объ устройствѣ этихъ учрежденій у другихъ народовъ, не только посредствомъ письменныхъ разспросовъ, на которые слѣдуютъ безполезные и по меньшей мѣрѣ неудовлетворительные отвѣты, но чрезъ очевидцевъ, нарочно для того посланныхъ.

Августъ Людвигъ Шлецеръ.

№ IV.

Рапортъ въ императорскую Академію наукъ, Гёттингенъ, 28 авг. 1765 г.

Когда мы были въ Люнебургѣ горѣла Kalkreese (20 авг.). Такъ называется (отъ шведскаго resa, erigere) высокая пирамида разбитыхъ известковыхъ камней; основаніемъ ея служатъ большія колоды, а въ серединѣ положены рядами меньшія полѣнья, посредствомъ которыхъ камни пережигаются въ известь. Каждая reese поглощаетъ 260 сажень дровъ; сажень стòитъ отъ 3 до 6 талеровъ; какъ король, такъ и магистратъ жгутъ известь. Король продаетъ свое право какому нибудь антрепренеру и беретъ 2000 рейхс. тал. за каждую reese (обыкновенно дѣлаютъ ихъ по двѣ въ годъ). Известь вывозятъ въ Данію. Для тяжелыхъ работъ антрепренеръ имѣетъ право употреблять крѣпостныхъ арестантовъ; за то онъ ихъ кормитъ, и только по воскресеніямъ они ѣдятъ на счетъ короля. (Равнымъ образомъ жильцы смирительнаго дома должны сами зарабатывать пропитаніе изготовленіемъ толстыхъ шерстяныхъ одѣялъ, которыя разстилаютъ на повозкахъ для соли). Магистратъ самъ пользуется своимъ правомъ; жжетъ только для страны и не продаетъ иностранцамъ. Когда reese горитъ, то при этомъ работаетъ отъ 30 до 40 человѣкъ; женщина въ день зарабатываетъ 3 gut. грош. и столько же въ ночь; мужчина получаетъ однвъ gut. грошъ больше. Обыкновенно reese горитъ

8 дней и ночей. Странно, что это дѣлается такъ близко отъ города: слабая грудь чрезвычайно страдаетъ отъ отвратительнаго сѣрнаго запаха.

Мы видѣли также соль. Король прусскій нанесъ этому производству значительный ущербъ. Онъ хотѣлъ заключить контрактъ съ дворянами, владѣльцами соляныхъ варницъ, чтобы все его королевство покупало Люнебургскую соль по установленной цѣнѣ. Касательно цѣны уже были согласны; но переговоры разстроились вслѣдствіе несогласія на счетъ рода монеты. Король разгнѣвался и учредилъ множество соляныхъ варницъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Теперь въ Люнебургѣ жалуются на недостатокъ сбыта; магазины стоятъ полные и много солянаго разсола утекаетъ даромъ.

21-го мы хотѣли осмотрѣть городскую библіотеку. Но нельзя было найти библіотекаря, и я бранился. Вмѣсто того мы посѣтили ратушу. Здѣсь на стѣнахъ очень красиво написаны всѣ брауншвейгскіе герцоги; здѣсь находятся золотые рога для питья и другіе средневѣковые драгоцѣнные сосуды, и сотня другихъ замѣчательныхъ предметовъ, которые, вѣроятно, Уффенбахъ уже всѣ описалъ.

22-го утромъ мы съ обыкновенною почтою уѣхали изъ Люнебурга. За полчаса до отъѣзда библіотекарь велѣлъ извиниться предо мною во вчерашнемъ отсутствіи и приглашалъ меня въ библіотеку. Я забѣжалъ туда на минуту. Между прочимъ я видѣлъ весьма искусную модель строенія, въ которомъ варится соль. Внутреннее устройство пренъ со всею утварью очень хорошо сдѣланы изъ дерева въ миньятюрѣ. Художникъ сдѣлалъ ее по собственному побужденію и придумалъ «крючекъ», чтобы пріобрѣсти за нее деньги. Когда она была готова, онъ представилъ ее магистрату, объявивъ, что она заказана въ Петербургъ. Онъ предполагалъ, что магистратъ не допуститъ, чтобы люнебургскія тайны солеваренія перешли въ чужія страны и купитъ модель à quelque prix que ce soit. Но магистратъ охотно дозволилъ ему это. Тогда онъ принужденъ былъ сознаться, что никто въ Петербургѣ не требовалъ этой машины и отъ души былъ радъ, когда, по его просьбѣ, купили ее у него въ Люнебургѣ за 25 талеровъ.

Луидоръ въ Гановерѣ стоитъ только 4 талера 16 gut. gros.; не смотря на то, всѣ жизненные припасы, какъ и другіе товары, чрезвычайно дороги. Мое путешествіе пришлось въ самое неудобное время.

Гановерскія войска уменьшены съ 40 т. человѣкъ до 14 т.; но страна не чувствуетъ послѣдствій такого уменьшенія, которыя обыкновенно бываютъ дурныя. Всѣ офицеры получаютъ еще полное жалованіе; но такъ какъ простые солдаты были только здѣшніе уроженцы, то возвращены земледѣлію для блага страны.

И такъ 22-го мы уѣхали. 23-го утромъ мы были въ Целле. Передъ тѣмъ со мною случилось несчастіе: въ то время, какъ я выскочилъ изъ кареты, колесо переѣхало мнѣ черезъ ногу; но, по непонятному для меня

счастью, всѣ мои ossa и ossicula pedis остались цѣлы. Какъ охотно остался бы я нѣсколько дней въ Целле. Здѣсь можно было бы описать прекрасно устроенный домъ сумашедшихъ. Еще охотнѣе я собралъ бы свѣдѣнія о здѣшнихъ пансіонахъ. Целле во всей Германіи славится, какъ школа благопристойности и утонченныхъ нравовъ и какъ семинарія, изъ которой выходятъ самыя галантныя женщины во всей нижней Саксоніи. Эти училища достойны изслѣдованій и эти изслѣдованія были бы полезны для учреждаемаго *воспитательнаго училища*; но четырехдневное пребываніе здѣсь снова стоило бы намъ четыре луидора; поэтому мы поѣхали дальше и въ тотъ же день вечеромъ, въ 5 часовъ, прибыли въ Гановеръ.

По вышеозначеннымъ причинамъ мы также поспѣшили уѣхать и изъ Гановера, пробывъ тамъ два часа. Я очень охотно засвидѣтельствовалъ бы лично свое почтеніе г. каммерпрезиденту Мюнхгаузену; но идти къ нему я не могъ, вслѣдствіе случившагося со мною несчастія, а хромать—было бы противъ этикета.

Въ Гановерѣ я, сверхъ всякаго ожиданія, впервые услышалъ, что намъ трудно будетъ найти квартиры въ Геттингенѣ, потому что всѣ комнаты заняты. Дорогой на станціяхъ я изучалъ chronique scandaleuse Гёттингенскаго университета. 24-го, въ ночь съ субботы на воскресеніе мы прибыли въ Гёттингенъ. Теперь исполнилось ровно 8 недѣль со времени нашего отъѣзда изъ Петербурга. Это путешествіе сухимъ путемъ въ 36 миль было для меня тягостнѣе морскаго путешествія въ 180 миль, вслѣдствіе безпокойствъ и особенно безконечныхъ хлопотъ на почтовыхъ дорогахъ.

Воскресеніе (25-го авг.) прошло въ визитахъ. Еще прежде я обѣщалъ своимъ спутникамъ чрезъ два дня по прибытіи помѣстить ихъ въ ихъ собственныхъ комнатахъ; но времена перемѣнились. Послѣ многихъ разспросовъ и бѣготни я только сегодня нашелъ комнаты; но и тѣ они могутъ занять не раньше субботы. Между тѣмъ они въ гостинницѣ сидятъ подъ домашнимъ арестомъ, пока не будутъ готовы ихъ сюртуки; въ Любекѣ я не могъ ихъ заказать, потому что въ этихъ дорогихъ городахъ они стоили бы имъ почти столько же, какъ въ Петербургѣ.

Теперь здѣсь составилось цѣлое общество земляковъ, изъ Петербурга: всѣхъ 8 человѣкъ, не считая меня. Остальные четверо: гг. Геннингеръ, Пфлугъ, Бердевикъ и Бютцовъ. Старые земляки уже отыскали насъ, новыхъ пришельцевъ, и сдѣлали намъ визитъ. Гнъ Бюшингъ не идетъ къ намъ. Онъ хотѣлъ сдѣлаться ординарнымъ профессоромъ богословія, но ему отказали; теперь говорятъ, что онъ отправится въ Бюцовъ. Вчера я былъ въ библіотекѣ. О, какая библіотека! Счастливъ былъ бы тотъ русскій историкъ, который нашелъ бы возможность втеченіе девяти мѣсяцевъ заняться извлеченіями для своихъ хроникъ.

Шлецеръ.

№ V. (Miscellanea).

Рапортъ въ императорскую Академію наукъ, Гёттингенъ, 30-го авг. 1765 г.

25-го августа я прибылъ въ Гёттингенъ. 27-го я въ первый разъ услышалъ о вновь учрежденной здѣсь исторической Академіи; 28-го я былъ приглашенъ присутствовать въ ихъ собраніи, и не успѣлъ опомниться, какъ Академія провозгласила меня своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Такъ любятъ въ Германіи русскихъ историковъ! Приложеніе содержитъ краткое извѣстіе объ этой Академіи.

Недавно здѣсь былъ разосланъ къ профессорамъ циркуляръ, которымъ предложено замѣчать всѣ книги, нужныя каждому въ своемъ классѣ и не находящіяся еще въ библіотекѣ, чтобы немедленно пріобрѣсти ихъ для означенной библіотеки. Это значитъ—сдѣлать публику библіотекаремъ.

Гановерское правительство торгуетъ въ Петербургѣ экземпляръ Witsens Nord en Ost Tatarie. Даетъ за него 200 рублей. Въ Petri van der Aa Bibliotheca splendidissima № III, a. 1729, pag. 777, n 2758 записанъ этотъ liber rarissimus, но только старое изданіе 1692 г.

Я думалъ, что Академія за 1000 рублей купила всѣ рукописи Байера у его вдовы; однако въ the second part of T. Osborneis Catalogue of Books An. 1752 я нахожу, pag. 4—7 inclus., въ прибавленіи a Catalogue of a curious Library of printed Books and Msts in the Chinese and other Oriental Languages late the Revd. D. Bayer and the Revd. D. Gerdes.

Между ними больше китайскихъ, арабскихъ а также русскихъ, чѣмъ Historica Slavonica Msta etc.; за все требовали 100 гиней; отчего тогда не купили?

Такъ какъ по причинѣ возрастающаго числа студентовъ квартиры становятся здѣсь рѣдки, то правительство разрѣшило выдать къ Михайлову дню 30 процентовъ съ строительныхъ издержекъ всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ устроить новыя студенческія квартиры.

Предо мною англійскій переводъ описанія Камчатки; онъ очень дуренъ. Переводчикъ не умѣлъ даже склонять по-русски; онъ пропустилъ цѣлые отрывки, даже цѣлыя главы, потому что не понялъ ихъ, и въ извиненіе этотъ болванъ говоритъ въ предисловіи: «русскій языкъ, на которомъ написанъ оригиналъ, еще слишкомъ варварскій; онъ необходимо долженъ былъ сдѣлать эти измѣненія и пропуски, чтобы книга могла понравиться читателямъ со вкусомъ», и этотъ отвратительный переводъ профессоръ Köhler переводитъ на нѣмецкій и вскорѣ напечатаетъ.

Надписи на кускѣ стѣны изъ Геркуланума здѣсь никто прочитать не можетъ. Гнъ Бюттнеръ думаетъ, что она имѣетъ видъ japegisch изъ Ка-

либріи; но къ несчастію, мы еще не могли найти книги, въ которой будто бы есть рисунокъ такого іапигскаго памятника.

Здѣсь учреждается военная школа; говорятъ, будто бы для нея выписанъ профессоръ изъ Страсбурга. Для этой же цѣли правительство доставило профессору Мейстеру возможность поѣхать этимъ лѣтомъ въ Голландію и Францію; онъ получаетъ ежемѣсячно 100 рейхстал. и кромѣ того 200 рубл. на экипировку.

Въ кабинетѣ принца Фердинанда въ Гаагѣ находится великолѣпный манускриптъ in folio, переплетенный въ соболь, со множествомъ видовъ и другихъ рисунковъ тушью, страницъ въ 200, съ заглавіемъ:

> «Journal von der A. 1736 aus Orenburg zu dem Albulgeier Chan «der Kirgis Kaysak-Tartarischen Horda aus freyem Willen u. blos zu «dem Besten des Russ. Reichs unternommenen höchst nöthigen u. «zwar gefährl. doch glückl. vollbrachten Reise dargestellt durch «John Castle, einem Engländer u. gewesenen Kunstmaler bey der «Orenburgischen Expedition 1741.

Одинъ здѣшній профессоръ сдѣлалъ кое-какія извлеченія изъ этой рукописи.

Bistaciam Armeniacam, полученную мною отъ гна горнаго совѣтника Лемана, я отдалъ здѣшнему Hortum botanicum. Это былъ очень пріятный подарокъ, за который при моемъ отъѣздѣ reciproce заплатятъ другими рѣдкостями для петербургскаго сада.

Въ Premontrals Preservatif помѣщена исторія воспитанія одного молодаго русскаго, Муловскаго, которое далъ ему гнъ Чернышевъ въ Берлинѣ; она написана очень хорошо, со всѣми подробностями.

La pure Vérité — заглавіе только что явившейся брошюры, которая содержитъ премилые анекдоты и всю жизнь нынѣшняго герцога Виртенбергскаго.

Мои корреспонденты по немногу начинаютъ дѣйствовать. Въ четыре недѣли, что я въ Германіи, я написалъ уже 24 письма, большею частію подробныя. Вѣчно отвлекаемый моими коммиссіями, я самъ не знаю, откуда взялось время для всего этого.

Шлецеръ.

№ XVII.

Рапортъ въ императорскую Академію наукъ, 18 сент. 1765 г.

Русская литература составляетъ здѣсь, какъ само собою разумѣется, главный предметъ моего вниманія и ученаго любопытства. Я выгребаю изъ всѣхъ угловъ все, что только такъ или иначе касается русскаго языка и его братьевъ, или самой русской исторіи, все, что только но-

ситъ имя *славянскій*, и рѣдко мнѣ приходится искать и не находить. Странное и почти непонятное явленіе, что въ это короткое время, которое я провелъ здѣсь, я пріобрѣлъ гораздо больше свѣдѣній въ этомъ дорогомъ для меня предметѣ учености, чѣмъ прежде въ четыре года. Кто сталъ бы искать въ Гёттингенѣ древнихъ славянскихъ и русскихъ памятниковъ? А между тѣмъ не только большая публичная, но и двѣ частныя библіотеки (гг. Фейерлейна и Бюттнера) наполнены такими рѣдкостями. Я стараюсь эти новыя мои познанія сдѣлать полезными для императ. Академіи тремя способами: 1) дѣлаю изъ нихъ извлеченія для моего будущаго изданія лѣтописей; 2) отмѣчаю заглавія (*книгъ*), чтобы со временемъ можно было пріобрѣсти ихъ такъ же для императорской библіотеки; но такъ какъ подобныя старыя сочиненія рѣдко и случайно попадаются, то теперь, когда у меня деньги въ рукахъ, 3) г. профес. Бюттнеръ предложилъ свои услуги слѣдить за всѣми аукціонами во всей Европѣ (каталоги которыхъ всегда здѣсь получаются) и сдѣлать хорошія закупки для императорской библіотеки.

Какъ образецъ, привожу нѣсколько примѣровъ изъ моей книги для извлеченій. Недавно я видѣлъ Andr. Wengerseri Libros IV. Slavoniae reformatae continentes: Historiam Ecclesiarum Slavonicarum imprimis Polonicarum, Bohemicarum, Lithuanicarum, Russicarum, Prussicarum, Moravicarum etc. ab Apostolorum tempore usque ad nostra tempora etc. Amst. 1679 4-to pag. 586.

Свѣдѣнія объ исторіи протестантовъ въ Польшѣ составляютъ большую и драгоцѣнную часть этой книги. Но на стр. 457—478 говорится о греческомъ духовномъ родствѣ въ Польшѣ и Литвѣ и NB на стр. 499 напечатано изъ Sandii appendice — Hist. eccl., pag. 61, письмо, написанное будто бы однимъ изъ пословъ Владиміра М. изъ Александріи къ Владиміру. Подпись: Iwaniec Smera Polowlanin Medicus et Rhetor tuus. Оригиналъ этого письма существовалъ будто бы тогда еще на болгарскомъ языкѣ; съ почерка также приложенъ образецъ, но я его не могу прочитать. Я не думаю, чтобы это письмо scriptaferreis litteris, excusa in 12 tabulis aereis, было подлинное; но самая выдумка показываетъ совершенное согласіе съ прочими свѣдѣніями нашихъ русскихъ хроникъ.—Въ этой книгѣ нашелъ я такъ же одно мѣсто, заимствованное у одного древняго нѣмецкаго аналиста, которое содержитъ милый анекдотъ, будто бы Владиміръ греческую Анну перебилъ у императора Оттона III, которому она была уже обѣщана.

D. Christ. Mentzelii. Elect. Brandenb. Archiatri, Index nominum plantarum multilinguis. fol. Berol 1696, содержитъ въ началѣ очень богатый указатель на 8 страницахъ in folio, какъ по-русски называются растенія. Названія эти сообщены сочинителю какимъ-то фонъ Бергеномъ, секретаремъ и русскимъ переводчикомъ при курфюрстѣ Бранденбургскомъ.

У г. Фейерлейна, профессора богословія, есть множество славянскихъ

книгъ. При помощи ихъ я впервые получилъ вѣрное понятіе о многихъ славянскихъ діалектахъ, о Кроатскомъ, Боснійскомъ, Далматскомъ, Иллирійскомъ и проч. Я вижу, что все мое знаніе русскаго языка будетъ ничтожно, пока я не изучу всѣ эти діалекты также хорошо, какъ собственно славянскій. Совершенно различная ороографія этихъ нарѣчій, отчасти ихъ совершенно различные алфавиты, особый геній каждаго, не смотря на то, что всѣ они весьма сходные братья русскаго языка, представляетъ богатое поле для новыхъ изслѣдованій, которыя сами по себѣ могутъ занять всю жизнь.

Вчера я былъ у г. Кёстнера: inter sobria pocula онъ ради шутки досталъ истрепанный молитвенникъ, который показался мнѣ славянскимъ; но я нашелъ, что это молдаванскій. Теперь я знакомлюсь такъ же съ этимъ діалектомъ, потому что передъ тѣмъ я во всю жизнь не видѣлъ молдаванской книги.

Гнъ Бюттнеръ составляетъ для меня хронологическую таблицу славянскихъ буквъ какъ кирилловскихъ, такъ и глаголитскихъ, какъ онѣ со времени ихъ изобрѣтенія измѣнялись втеченіе вѣковъ у многихъ народовъ, которые ими пользовались, пока наконецъ не приняли своей нынѣшней русской формы.

Въ письмахъ Альберти есть обстоятельное извѣстіе объ англійскихъ школахъ, которое можно было бы примѣнить къ теперешнимъ проектамъ школъ въ Россіи. Если этой книги нѣтъ въ Петербургѣ, то я пришлю изъ нея извлеченіе.

Въ прошломъ году вышла въ Стокгольмѣ на шведскомъ языкѣ жизнь Густава Адольфа, въ которой очень много говорится о русскихъ дѣлахъ, о лже-Димитріи и обо всемъ тогдашнемъ смутномъ состояніи Россіи. Можетъ быть, извлеченіе изъ нея было бы пріятно гну кол. сов. Миллеру для его новой исторіи Россіи въ Sammlungen.

Шлёцеръ.

№ XX.

Геттингенъ, 16-го апрѣля 1766 г.

Нѣсколько дней тому назадъ г. надв. сов. Михаэлисъ прислалъ мнѣ прилагаемый при семъ печатный листъ съ просьбою переслать его императ. Академіи въ Петербургъ. Причину этого онъ самъ указалъ на 1775—1779 стр. этого листа: онъ проситъ доставить ему нѣкоторыя свѣдѣнія, важныя и необходимыя для его *введенія въ Новый Завѣтъ*, которыя онъ можетъ получить только изъ императ. Академіи.

Такъ какъ я не сомнѣваюсь, что императ. Академія, при ея извѣстномъ рвеніи къ расширенію наукъ, очень охотно и благосклонно приметъ просьбу упомянутаго надворнаго совѣтника, который до сихъ поръ

пользовался всякаго рода содѣйствіемъ другихъ иностранцевъ, а такъ же высокихъ дворовъ при ученыхъ работахъ, касающихся наукъ вообще и въ особенности богословія и библейской критики; то я прошу императ. Академію возможно скорѣе

1) увѣдомить меня, нѣтъ ли слѣда, что древнѣйшій славянскій переводъ библія, изъ котораго многія мѣста встрѣчаются въ лѣтописяхъ, сохраняется еще гдѣ нибудь въ рукописяхъ?

2) доставить мнѣ точный списокъ всѣхъ славянскихъ изданій библіи, отъ острожскаго изданія 1751 года до новѣйшаго московскаго, находящихся въ императ. библіотекѣ;

3) велѣть посмотрѣть, въ какомъ изданіи въ первый разъ вставлено въ текстъ Dictum 1. Joh. V. 5.

2-е и 3-е можетъ быть сдѣлано гмъ Богдановымъ; о первомъ, можетъ быть, угодно будетъ гну надв. сов. Полетика, обладающему особенными познаніями въ русской церковной исторіи, сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія. И то и другое можетъ быть мнѣ прислано только по-русски; я немедленно ихъ переведу и подъ именами составителей передамъ по принадлежности.

Я надѣюсь, эта услужливость возстановитъ прежнія сношенія петербургскихъ ученыхъ съ заграничными, что послужитъ столько же къ чести императорской Академіи, сколько къ пользѣ всей ученой публики. Здѣшніе ученые не преминутъ оказать свое высокое почтеніе и готовность служить какъ всей императ. Академіи, такъ и отдѣльнымъ ея членамъ.

Гнъ Штриттеръ, котораго я, по приказанію императ. Академія и отъ ея имени, пригласилъ на должность конректора въ академической гимназіи, готовъ къ отъѣзду и ежечасно ждетъ формальнаго приглашенія и денегъ на путевыя издержки. Надѣюсь, что и то и другое уже на дорогѣ.

Шлецеръ.

№ XXII.

Гёттингенъ, 30 апрѣля 1766 г. (Miscellanea).

Во время путешествія по Франковіи я нашелъ у пастора одной неизвѣстной деревни китайскую рукопись, содержанія которой никто не зналъ. Я счелъ ее за Конфуція, потому что въ ней содержались не только цѣлые чертежи, обнаруживающіе математическое содержаніе, но и совершенно ясно знаменитая проблема Конфуція, которая вся выражена въ полулиніяхъ и въ цѣлыхъ линіяхъ, и въ которой Лейбницъ ищетъ свою Dyadik (?), а одинъ новѣйшій авторъ ученіе о пропорціяхъ. Но чтобы быть въ этомъ увѣреннымъ, я списалъ заглавіе и прошу приложенную

бумажку при случаѣ показать гну Леонтьеву, который въ состояніи будетъ перевести это въ нѣсколькихъ словахъ.

Witsens Nörd-en Oost Tatarie — эту книгу, о которой до сихъ поръ думали, что находящіеся въ Петербургѣ три ея экземпляра единственные въ мірѣ, здѣшняя библіотека имѣла счастіе пріобрѣсти въ прошломъ году на Весселинговомъ аукціонѣ въ Голландіи за 19 флориновъ (за коммиссію она заплатила 150 флорин.). Этотъ экземпляръ безъ сравненія полнѣе всѣхъ петербургскихъ; потому что въ немъ находится много рисунковъ, плановъ городовъ, картъ, NB реестръ (см. Samml. Russ. Gesch. Tom I, p. 196 и 222). Это извѣстіе будетъ интересно гну коллежск. сов. Миллеру. Мимоходомъ замѣчу, что въ сочиненіяхъ Сведенборга я нашелъ карту сибирскихъ рудниковъ, которая, вѣроятно, обойдена гномъ Миллеромъ въ его вообще чрезвычайно полномъ указателѣ русскихъ ландкартъ.

Въ прошломъ году въ Академіи возникъ вопросъ о знаменахъ древнихъ Славянъ. Недавно я читалъ Винценти (a. 1764) первое изданіе Богемской хроники, гдѣ два раза встрѣчается vexill rosea древнихъ богемскихъ воеводъ.

Ліонская école vétérinaire, о которой во всѣхъ газетахъ такъ много шумѣли, оказывается чистый французскій пуфъ. Гановерское правительство хотѣло послать туда учениковъ; оно освѣдомилось объ этомъ въ Швеціи, гдѣ недавно это было сдѣлано, и получило отъ Варгентина и Бэкка такое описаніе, что потеряло охоту къ посылкѣ.

Недавно я нашелъ древнюю римскую надпись въ истинно римскомъ вкусѣ, которая, вѣроятно, теперь можетъ послужить образцомъ къ подражанію въ Россіи во многихъ новыхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ ея императорскаго величества. Она гласитъ объ императорѣ Антонинѣ:

DIVO
ANTONINO
AUG. PIO
ALIMENTARI.

Другая:

IMP. NERUAE. . . . Nomine. Puerorum.
puellarumque. *Ulpianorum.*
Ex. S. C. C. (Cathariniauorum).

Мало-по-малу важнѣйшія русскія книги, дѣлающія честь Россіи, но до сихъ поръ совершенно неизвѣстныя за границею, начинаютъ обстоятельно разсматриваться въ здѣшнихъ газетахъ. При семъ прилагается начало этого дѣла. Работа чрезвычайно утомительная, а потому идетъ довольно медленно.

Г. профессоръ Поповичъ уже нѣсколько времени тому назадъ писалъ мнѣ изъ Вѣны:

«Сообщите вашимъ наблюдателямъ погоды и всего, что сверхъ того происходитъ на земномъ шарѣ, что 11-го декабря прошлаго года ртуть въ барометрѣ упала чрезвычайно низко; никто не помнитъ, чтобы видѣлъ ее такъ низко. Хозяева обвиняли слугъ, что они что нибудь сдѣлали съ нею. Послѣдовала сильная буря; но ея шумъ продолжался столь короткое время, что многіе не замѣтили его и полагали, что гдѣ нибудь произошло землетрясеніе. 12-го утромъ воздухъ снова пришелъ въ обычное состояніе».

Шлецеръ.

Извлеченіе изъ письма изъ Гамбурга, отъ 4 августа 1766 г.

— *Discours sur l'utilité des Cabinets d'histoire naturelle dans un état et principalement en Russie* — написанъ французскимъ невѣждою и праздношатающимся Мадоретти: онъ жалкимъ образомъ восхваляетъ императрицу за введеніе естественной исторіи, которая такъ полезна «и въ особенности въ Россіи, гдѣ до сихъ поръ не имѣли случая составлять коллекціи подобнаго рода, и гдѣ поэтому эта высокая наука извѣстна только классу людей, которыхъ воспитаніе, рожденіе или общественное положеніе возвысили до воспріятія легкихъ поверхностныхъ знаній! Русскіе предпочли бы естественно-историческій кабинетъ «баламъ, можетъ быть, даже каруселямъ, не говоря уже о тѣхъ чрезвычайныхъ пособіяхъ которыя господа академики нашли бы въ этомъ общественномъ сокровищѣ для своихъ изслѣдованій, и существенныхъ выгодахъ, которыя Академія художествъ извлекла бы для славы этихъ работъ». Ни слова объ академическихъ собраніяхъ, кромѣ только того, что уже Петръ I собралъ кабинетъ рѣдкостей. Теперь онъ думаетъ, что государыня, по его слову, учредитъ естественно-историческій кабинетъ. — «Развѣ въ Академіи нѣтъ кабинета?» спросилъ Реймаръ. — «Да!» — Гдѣ мнѣ получить каталогъ, чтобы пристыдить такого шарлатана?

Кабинетъ умершаго купца Эверса еще не проданъ въ Россію. Это посредственный кабинетъ и нѣтъ каталога. Говорятъ, что онъ стоитъ 24000 марокъ.

XI.

ПИСЬМА КЪ ТАУБЕРТУ.

1.

Высокоблагородный господинъ статскій совѣтникъ, высокоблагосклонный покровитель [1]). Имѣю честь наскоро извѣстить ваше высокородіе, что мы въ прошлую субботу (3-го августа н. с.) благополучно прибыли въ Травемюнде, а въ слѣдующее воскресеніе сюда, въ Любекъ. И такъ, морское путешествіе испортило намъ и особенно мнѣ очень фатальнымъ образомъ болѣе пяти недѣль времени. Болѣе подробное донесеніе въ скоромъ времени буду имѣть честь послать въ императорскую Академію.

Съ самаго пріѣзда я занятъ тѣмъ, что собираю деньги по векселямъ своимъ и студентовъ (которыми до сихъ поръ совершенно доволенъ). Мнѣ даютъ надежду на хорошія и подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ здѣшняго дома сумашедшихъ. Съ русскимъ коммиссаромъ г. Шмидтомъ надѣюсь говорить сегодня.

Я сдѣлалъ большую небрежность, что не освѣдомился точнѣе въ Петербургѣ о колонизаціи, о свойствахъ мѣстности, куда посылаются колонисты, и т. п. Всѣ требуютъ отъ меня свѣдѣній объ этомъ, и такъ какъ я не коммиссаръ по дѣламъ колонистовъ, то моимъ извѣстіямъ вѣрятъ тѣмъ съ меньшимъ подозрѣніемъ; слѣдовательно, въ этомъ дѣлѣ я могъ бы оказать не безполезную услугу. Не возможно ли вашему высокородію доставить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о Саратовѣ.

Я очень стѣсненъ тѣмъ, что еще нѣтъ у меня 200 р. на книги для императорской библіотеки и тюка книгъ для меня и для гёттингенской библіотеки, который остался въ книжномъ складѣ; но я надѣюсь, что они уже въ дорогѣ.

Der allgemeine Erziehungs Plan печатается въ здѣшнемъ недѣльномъ листкѣ. Мое письмо изъ Кронштата ваше высокородіе, вѣроятно, получили. На этой недѣлѣ я надѣюсь окончить здѣсь дѣла и, слѣдовательно, на будущей уѣхать. Льщу себя надеждой, что въ Гёттингенѣ найду нѣсколько строкъ отъ вашего высокородія.

Съ покорнѣйшимъ почтеніемъ къ неизмѣнной благосклонности ва-

---

[1]) Это обращеніе остается неизмѣнно во всѣхъ письмахъ, а потому мы его не повторяемъ.

шего высокородія имѣю честь быть съ совершеннымъ высокопочтеніемъ вашего высокородія покорнѣйшимъ слугою.

А. Шлецеръ.

Любекъ
6-го августа 1765.

2.

Наконецъ я имѣю честь письменно засвидѣтельствовать вашему высокородію мое почтеніе изъ Гёттингена. Мы всѣ прибыли сюда здоровыми въ ночь съ 24 на 25 августа. Хотя при Целле колесо переѣхало мнѣ ногу, но это имѣло только тѣ послѣдствія, что я еще теперь хромаю и опухоль немного мѣшаетъ ходить.

Съ чрезвычайною досадою узналъ я отъ г. Бекмана (который не можетъ нахвалиться благосклоннымъ пріемомъ, какого ваше высокородіе удостоили его при прощаніи), будто бы вы не получили моего письма изъ Кронштата. Я его отдалъ только что прибывшей изъ Голштиніи дѣвицѣ Андерсенъ, просившей меня познакомить ее съ вашимъ высокородіемъ, такъ какъ она искала emploу при вашемъ вновь учрежденномъ воспитательномъ училищѣ.

Мои четыре студента только сегодня въѣзжаютъ въ свою квартиру. Они должны были недѣлю оставаться въ гостинницѣ, потому что Гёттингенъ теперь такъ процвѣтаетъ, что я съ самымъ крайнимъ трудомъ нашелъ для нихъ комнаты. Что касается до снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, то все уже закуплено; черезъ нѣсколько дней мнѣ возможно будетъ ихъ записать. Я съ ними не мало трудился, въ той мысли, что не только я, но и императорская Академія, гёттингенскій университетъ, да и вся русская нація заинтересованы въ томъ, чтобы изъ этихъ четырехъ субъектовъ вышли дѣльные люди, и опытъ высылки ихъ въ здѣшнія высшія школы былъ удаченъ. Все это я вскорѣ подробнѣе разскажу въ особомъ рапортѣ. Теперь я занятъ прінсканіемъ для двухъ младшихъ репетитора. Мнѣ уже трехъ предлагали; но какъ отъ этого очень много зависитъ, то я еще не рѣшился на выборъ; предварительно еще точнѣе освѣдомлюсь у здѣшнихъ профессоровъ. Объ инспекціи я говорилъ профессору Муррею; но онъ прежде, чѣмъ рѣшиться на что нибудь положительное, желаетъ познакомиться съ ними.

Но, Боже мой, какъ я возвращусь въ эту зиму? Сегодня, когда я это пишу, послѣднее число августа: по крайней мѣрѣ 14 дней я долженъ здѣсь остаться, потому что у меня еще нѣтъ репетитора, еще не вышелъ Lections Catalogus, безъ котораго я не могу составить для обоихъ математиковъ Plan d'Etudes, предписанный мнѣ канцеляріею; еще мои векселя, акцептованные въ Амстердамѣ, не возвратились, и все мое наличное состояніе заключается въ 10 луйдорахъ; теперь я долженъ еще от-

нравиться на родину за 50 миль и тамъ раздѣлить съ сестрами наше маленькое наслѣдство: есть ли человѣческая возможность до 1-го ноября снова пріѣхать сюда и до 8-го въ Любекъ? И послѣ того ѣхать — еще на кораблѣ? снова разстраивать слабое здоровье и рисковать провести зиму безъ пользы для себя и для Академіи на Готландѣ или еще печальнѣйшемъ зимовьѣ? Дражайшій мой покровитель, обсудите хладнокровно мое положеніе: думаю, что мнѣ нѣтъ надобности взывать къ вашей вѣчно для меня драгоцѣнной и въ гораздо важнѣйшихъ случаяхъ дознанной благосклонности, потому что сама справедливость и свойства обстоятельствъ говорятъ за меня. Чѣмъ я виноватъ, что 5 недѣль пробылъ въ морѣ? Возможно ли въ болѣе короткое время исполнить многочисленныя и важныя порученія, которыхъ удостоила меня Академія? Не такого ли они рода, что въ другое время ради нихъ Академія послала бы кого нибудь нарочно съ двойнымъ жалованьемъ, еслибы не случилось такъ, что я самъ просилъ объ этой поѣздкѣ и, слѣдовательно, не могъ ни на что претендовать кромѣ обыкновеннаго жалованья? Но самое важное обстоятельство еще впереди. Охота къ русской исторіи сдѣлалась у меня страстью. Вѣроятно я допишусь до вѣчности — но съ помощью здѣшней библіотеки: я вхожу въ нее, какъ губка въ воду. Гдѣ я въ Петербургѣ достану книгъ, изъ которыхъ здѣсь въ эту зиму я могу сдѣлать выписокъ на нѣсколько лѣтъ? И развѣ ваше высокородіе не столько же, какъ я самъ, заинтересованы въ томъ, чтобы моя работа вышла хороша? Въ моемъ прилежаніи и, какъ я надѣюсь, въ моемъ патріотизмѣ ваше высокородіе безъ того убѣждены. Я не бунтовщикъ, я и вида такого на себя не допускаю: *если Академія прикажетъ, то я съ отчаяннѣйшимъ послушаніемъ сяду на корабль хоть въ половинѣ декабря.* Но къ чему Академіи, такая безполезная жертва?

Шесть недѣль тому назадъ г. баронъ ле-Форъ проѣхалъ здѣсь со своими двумя сыновьями. Онъ теперь въ Страсбургѣ. Онъ здѣсь очень лестно говорилъ обо мнѣ: я не предполагалъ, что онъ меня знаетъ.

Что дѣлаетъ патріотическое общество? вполнѣ ли оно устроено? И такъ, съ будущей почтой и я, вѣроятно, получу патентъ сочлена. Въ Гёттингенѣ я получилъ одинъ, — спустя три дня послѣ моего прибытія, — отъ здѣшней исторической Академіи.

Въ скоромъ времени я пошлю формальное и болѣе подробное прошеніе въ канцелярію[1]). Прошу удостоить меня коммиссій, какого бы рода онѣ ни были. Писать ли мнѣ въ эту зиму что нибудь объ учебной части?

---

[1]) Прошеніе Шлецера получено было въ концѣ октября, и вслѣдствіе его состоялось слѣдующее опредѣленіе канцеляріи:

Сего октября 29-го дня въ канцеляріи Академіи наукъ изъ Гёттинга отъ гдна профессора Шлецера получено доношеніе, которымъ онъ представ-

Съ покорнымъ почтеніемъ къ супругѣ и всему вашему дому остаюсь неизмѣнно съ почтительнѣйшею благодарностію вашего высокородія покорнѣйшій слуга.

А. Шлецеръ.

Гёттингенъ
31 августа 1765.

ляетъ, хотя по силѣ его контракта отпущенъ онъ въ его отечество въ Германію считая мая отъ 30 числа сего года на три мѣсяца, токмо де по случаю слѣдующихъ обстоятельствъ просрочился для того 1-е, что по причинѣ противной погоды находился онъ на морѣ пять недѣль между Санктъ-Петербургомъ и Любекомъ. 2-е. Принужденъ онъ былъ въ Любекѣ для исправленія положенной на него отъ Академіи коммиссіи прожить двѣ недѣли. 3-е. По прибытіи въ Гёттингъ употребилъ онъ пять недѣль на порядочное распоряженіе, какимъ образомъ отправленнымъ съ нимъ академическимъ студентамъ продолжать тамъ свои науки, а сверхъ того и прочихъ порученныхъ ему коммисій въ короткое время исправить было не можно, и проситъ, чтобъ ему какъ для окончанія тѣхъ академическихъ дѣлъ, такъ и для опасной въ позднее осеннее время морской ѣзды до будущей весны въ Гёттингѣ остаться позволить и переслать къ нему оное дозволеніе письменно, а при томъ же проситъ и о пересылкѣ ему жалованья за сентябрскую треть, да отправленнымъ при немъ студентамъ впредь на полгода; а по справкѣ въ канцеляріи Академіи наукъ оный гднъ профессоръ Шлецеръ въ его отечество въ Германію отпущенъ мая отъ 30-го на три мѣсяца, и такъ должнобъ ему, возвратясь въ Санктъ-Петербургъ, явиться въ Академію сентября 1-го числа; а жалованье ему произведено Шлецеру въ окладъ его восемь сотъ шестьдесятъ рублевъ сентября по 1-е число; отправленнымъ же при немъ студентамъ Ивану Юдину, Василью Свѣтову, Василью Венедиктову и Петру Иноходцеву въ двусотъ пятидесяти рублевъ годовой окладъ генваря по первое число будущаго 1766 года. — И по указу Ея Императорскаго Величества канцелярія Академіи наукъ приказали: Оному гдну профессору Шлецеру для представленныхъ отъ него резоновъ возвращеніемъ сюда до будущей 1766 года весны отсрочить и остаться въ Гёттингенѣ позволить, о чемъ и переслать къ нему аттестатъ. А дабы какъ онъ, такъ и упомянутые студенты, будучи въ чужихъ краяхъ, по неимѣнію денегъ не претерпѣли нужды, да что и вексель для акцептованія послать напередъ въ Голландію, почему и заплата по оному прежде окончанія декабря послѣдовать не можетъ, и для того какъ ему Шлецеру за сію сентябрскую такъ и студентамъ генваря съ перваго будущаго года впредь на полгода жалованія въ показанные оклады выдавъ векселедавцу изъ академической суммы съ запискою въ расходъ и вексель внесть въ канцелярію и о томъ коммиссару Панкратьеву дать указъ, а по взносѣ вексель переслать къ нему гдну Шлецеру при указѣ, въ которомъ написать, чтобъ онъ будучи въ Гёттингенѣ порученныя ему отъ Академіи коммиссія по данной ему инструкціи старался исправить и будущею весною на первыхъ корабляхъ возвратился непремѣнно. Подлинный за подписаніемъ канцеляріи Академіи Наукъ гдна ст. сов. Тауберта, за скрѣпою секретаря Михайла Гурьева.

Подписанъ октября 29-го дня 1765 года.

Въ такомъ смыслѣ посланъ былъ въ Гёттингенъ вмѣстѣ съ векселями указъ отъ 1-го ноября 1765 года.

3.

Вчерашній день былъ для меня желаннымъ днемъ, пріятнѣйшимъ изъ прожитыхъ до сихъ поръ въ Германіи! Потому что

I. и главное, я получилъ письмо вашего высокородія отъ $^{12}/_{23}$ прошлаго мѣсяца; въ каждой строкѣ его я узналъ столь достопочтеннаго благодѣтеля, котораго благосклонности не можетъ уменьшить ни разстояніе, ни отсутствіе.

II. Г. профессоръ Муррей вручилъ мнѣ приложеніе (B), гдѣ онъ въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ удостовѣряетъ въ своемъ рвеніи, съ которымъ намѣренъ вести инспекцію надъ нашими четырьмя студентами (при томъ это человѣкъ такого характера, что ему можно вполнѣ въ этомъ довѣрить).

III. Репетиторъ, съ которымъ я четыре дня тому назадъ заключилъ контрактъ, донесъ мнѣ, что онъ со Свѣтовымъ и Венедиктовымъ уже началъ лекціи, что онъ ими чрезвычайно доволенъ и питаетъ самыя лучшія надежды. Нѣкоторые другіе профессора, у которыхъ они были pro hospite въ коллегіи и которые особенно познакомились съ ними, засвидѣтельствовали свое удовольствіе и обѣщали особенно имъ помогать.

IV. Я получилъ письмо отъ его превосходительства г. фонъ Мюнсхгаузена. Я надѣюсь, ваше высокородіе не сочтете тщеславіемъ, что я пересылаю здѣсь копію съ него (прилож. А.) [1]. Я слишкомъ охотно представляю вашему высокородію доказательства (и подобныя доказательства не могутъ быть вамъ непріятны), что другіе знатные люди, также благосклонно думаютъ обо мнѣ, какъ и ваше высокородіе.

Не хорошо ли я устраиваю свои дѣла? Моя мамаша сердечно желаетъ меня видѣть; но я не раньше тронусь съ мѣста, пока у меня тылъ не будетъ совершенно свободенъ, т. е. пока не сдѣлаю всѣхъ распоряженій объ этихъ четырехъ господахъ. Я о нихъ такъ забочусь, какъ этого желаете ваше высокородіе.

Къ гг. графамъ Разумовскимъ я пишу отсюда: ихъ письма я еще не получилъ. Ради Бога, что дѣлать этимъ пяти молодымъ русскимъ господамъ въ *Стокгольмѣ*, съ которыми уѣхалъ г. Бакмейстеръ?

Я сердечно радъ векселю на книги. Теперь я стану закупать, а такъ же выбирать дѣльныхъ людей для вашего воспитательнаго училища, такихъ дѣльныхъ, что затмятъ меня самого. Теперь я прошу немного времени. Тише ѣдешь, дальше будешь.

Мои русскія хроники день ото дня становятся мнѣ милѣе. Здѣсь нѣкоторые господа называютъ это laborem innitendum. Я боюсь, что изъ

[1]) Къ сожалѣнію обоихъ упоминаемыхъ приложеній не оказалось между письмами Шлецера.

чистой любви къ нимъ я заработаюсь до смерти въ первые же два года по возвращеніи въ Петербургъ.

На счетъ чулокъ я завтра пишу въ Любекъ. Развѣ нѣтъ важнѣе коммиссій, которыми ваше высокородіе или ваша супруга могли бы оказать мнѣ честь? Вѣдь есть разнаго рода прекрасныя вещи въ Германіи.

На дняхъ посылаю обстоятельные рапорты въ канцелярію. Мое послѣднее письмо отъ 31-го августа вы, надѣюсь, вѣрнѣе получили, чѣмъ изъ Кронштата.

Съ совершеннѣйшимъ высокопочтеніемъ остаюсь вашего высокородія всепокорнѣйшій слуга

А. Шлецеръ.

Гёттингенъ
15 сентября 1765.

4.

Все идетъ очень хорошо: всѣ мои коммисія удаются. У меня по уши работы, и множество и разнообразіе дѣлъ, которыми ежедневно занята моя голова, заставляютъ ее иногда кружиться; но счастливый успѣхъ всѣхъ моихъ патріотическихъ усилій поддерживаетъ, оживляетъ и умножаетъ мое рвеніе, и для моего спокойствія мнѣ ничего болѣе не достаетъ, кромѣ увѣренности, что я этимъ заслуживаю удовольствіе вашего высокородія и всей Академіи.

Ничто меня такъ не радуетъ, какъ хорошее положеніе, въ которомъ теперь находятся мои четыре студента. Выборъ репетитора былъ такъ удаченъ, какъ только я могъ желать: г. Вестфельдъ чрезвычайно способный человѣкъ, притомъ превосходнаго поведенія и такъ усерденъ въ исполненіи своей обязанности, какъ я. Самымъ сильнымъ доказательствомъ послѣдняго, можетъ служить то, что онъ частью изъ ученой любознательности, частью, и преимущественно, для пользы своихъ подчиненныхъ, началъ дѣйствительно учиться по-русски и раньше полугода будетъ въ состояніи засвидѣтельствовать почтеніе вашему высокородію посредствомъ русскаго письма. Еслибы вы желали имѣть удодостовѣреніе въ этомъ, то не послать ли ему съ первой почтой 12 отпечатанныхъ листовъ моей грамматики? Это былъ бы для него чрезвычайный encouragement. Грамматика Ломоносова ему негодится.

Оба драгоцѣнныя письма вашего высокородія я имѣлъ честь получить, а также вексель — первый и второй, и уже послалъ въ Амстердамъ для представленія. Если вы впредь удостоите меня своихъ приказаній и писемъ, то прошу только адресовать ихъ непосредственно ко мнѣ сюда. Если меня здѣсь не будетъ, то почтамтъ уже извѣщенъ, гдѣ меня найти.

Прошу вашего мнѣнія о посланномъ мною свѣдѣніи о Люнебург-

скомъ домѣ умалишенныхъ. Если оно нравится, то со временемъ доставлю больше; но только прошу разъ навсегда — дать мнѣ время.

На счетъ чулокъ уже на прошлой недѣлѣ данъ приказъ въ Любекъ. Съ первымъ кораблемъ они будутъ въ Петербургѣ.

Что я прежде писалъ о колонистахъ, то, можетъ быть, выражено слишкомъ темно, потому что ваше высокородіе истолковали это невѣрно. Никакіе колонисты не обращались ко мнѣ; только въ общестахъ, въ разговорахъ меня объ этомъ спрашивали. Теперь я знаю: чего въ подобныхъ случаяхъ нельзя сдѣлать одними случайными разговорами? Печатному извѣстію далеко не такъ сильно вѣрятъ. Этимъ способомъ я преобразую идеи, которыя до сихъ поръ имѣли во всей Германіи de state rerum in Russia. Хотя замѣчаютъ, что я присяжный русскій патріотъ, говорятъ мнѣ это даже въ лицо, но при всемъ томъ мнѣ вѣрятъ. На это я смотрю, какъ на важнѣйшую, хотя непризнанную выгоду моего путешествія, которая составила бы существенную главу въ моемъ спискѣ заслугъ, еслибы я имѣлъ обыкновеніе писать ихъ.

Недавно, чтобы сдѣлать что нибудь для Бекмана, я предложилъ его въ Гановерѣ въ chargé d'affaires littéraire. *Ohne Idee*! былъ отвѣтъ: *несравненно*! — и билль прошелъ.

Недавно я говорилъ съ однимъ величайшимъ здѣшнимъ ученымъ о проектированныхъ мною статистическихъ таблицахъ. *Помилуй Богъ всю Европу*, сказалъ онъ, *если Россія возьмется за дѣло народонаселенія не только посредствомъ колонизаціи, но и этимъ способомъ!* Нѣтъ никакой опасности, думалъ я про себя: дѣло давно забыто.—Eh bien! я остаюсь при моихъ хроникахъ.

Сейчасъ я получилъ письмо отъ одного человѣка, какихъ я вашему высокородію желалъ бы съ полдюжины для вашихъ патріотическихъ заведеній. Ему 27 лѣтъ, путешествовалъ, свободно говоритъ по-французски (чрезвычайно рѣдкое явленіе въ нѣмцѣ), ученый по профессіи, хорошаго extérieur и безупречнаго поведенія и образа жизни. Хотя для учителя онъ слишкомъ старъ и слишкомъ хорошъ, но я все таки счелъ своею обязанностію сообщить о немъ вашему высокородію. Можетъ быть, изъ него можно сдѣлать другое употребленіе, потому что изъ хорошаго дерева все можно вырубить.

Теперь я послалъ въ Академію 6 длинныхъ рапортовъ. Но есть ли кто нибудь въ конференціи, кто ихъ читаетъ? Потому что я не охотно принялся бы за такую тяжкую работу, еслибы она пропала даромъ.

Съ покорнымъ почтеніемъ ко всему дому вашего высокородія имѣю честь съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ оставаться вашего высокородія всепокорнѣйшимъ слугою

А. Шлецеръ.

Гёттингенъ
22-го сентября 1765.

(*На поляхъ*): Г. Геннингеръ покорнѣйше свидѣтельствуетъ свое почтеніе. Мы обѣдаемъ въ одной гостинницѣ.

5.

Приложеніе, я думаю, написано такъ точно и въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ, что удовлетворяетъ iniquo judici, и даже у г-на М***, еслибъ онъ его читалъ, не могло бы оставить ни малѣйшаго сомнѣнія, будто я съ намѣреніемъ не возвращаюсь въ эту зиму [1]). Но я писалъ въ канцелярію; я писалъ Memorial, который ad acta прилагается: еслибъ я писалъ только къ вашему высокородію, то было бы невѣжливо представлять съ такими ненужными подробностями основанія, которыя сами по себѣ очевидны.

Дѣйствительно, немного жестоко, что Академія даетъ мнѣ такія тягостныя порученія во время путешествія, которое по моему контракту должно быть для меня только beneficium. Что они тягостны, я это самъ узналъ только при ихъ исполненіи. Ваше высокородіе никакъ не повѣрите, напримѣръ, какой трудъ для меня составляетъ одна покупка книгъ. Вопервыхъ, я долженъ сначала узнать, какія книги по моему предмету были изданы втеченіе 4-хъ лѣтъ, или уже раньше вышли: одни эти разспросы стоятъ мнѣ многихъ длинныхъ совѣщаній съ здѣшними учеными. Когда я наконецъ это узнаю, то начинается вторая работа: откуда получить эти книги? Сюда приходятъ аукціонные каталоги со всѣхъ концовъ свѣта; я пользуюсь этой выгодой: пишу во Франкфуртъ, въ Марбургъ, въ Вѣну, въ Амстердамъ; но, можетъ быть, всѣ мои труды пропадутъ и я ничего не получу. Здѣсь гановерское правительство часто обращается ко всѣмъ англійскимъ посланникамъ всей Европы изъ-за одного томика въ 8°; этого я не могу сдѣлать съ моими 200 рублями.

Забота о студентахъ такъ же безпокоитъ меня еще каждый день. Отъ обширной корреспонденціи у меня голова идетъ кругомъ. А мои русскія лѣтописи? о, сколько онѣ выигрываютъ при здѣшней библіотекѣ! Какъ я съ ними справлюсь при петербургской? Европа ждетъ ихъ изданія. Не только моя честь, нѣтъ, честь всей Академіи зависитъ отъ того, хорошо ли я ихъ издамъ. Я бы желалъ, чтобъ въ эту зиму день былъ въ 48 часовъ, чтобъ мнѣ собрать достаточно матеріаловъ на слѣдующія 4 петербургскіе года!

Теперь у меня двѣ покорнѣйшія просьбы къ вашему высокородію.

---

[1]) Приложеніе, о которомъ здѣсь говорится, — прошеніе о продленіи отпуска; подъ г. М*** должно, безъ сомнѣнія, разумѣть Миллера. Опредѣленіе канцеляріи см. примѣч. къ письму 3-му.

1. Прислать мнѣ какъ можно скорѣе черезъ г. адъюнкта Бакмейстера каталогъ нѣмецкихъ историковъ, находящихся въ библіотекѣ, такъ какъ онъ далъ мнѣ съ собою Historia Septentrionali, чтобы не покупать книгъ, которыя ужъ есть.

2. Немедленно по полученіи сего прислать мнѣ и моимъ студентамъ вексель, и именно, раздѣленный на три меньшіе векселя (такъ мнѣ ихъ легче продать), приблизительно не болѣе 300 рублей каждый. Моимъ студентамъ нужны деньги, а мнѣ еще больше; потому что у нихъ было 100 рублей на дорогу, а у меня ничего. Мы все таки должны ждать до конца года, чтобъ получить за нихъ наличныя деньги, если они будутъ отосланы изъ Петербурга даже въ началѣ ноября.

Изъ Любека я имѣю извѣстіе, что чулки отосланы купцу Андрею. Всѣ письма ко мнѣ прошу только прямо адресовать сюда и на мое имя.

Съ всепокорнѣйшимъ почтеніемъ къ неизмѣнной благосклонности вашего высокородія и съ сильнѣйшимъ увѣреніемъ, что я здѣсь императорской Академіи оказываю такія услуги, какихъ ей въ самомъ Петербургѣ въ эту зиму поистинѣ не могъ бы оказать и на половину, остаюсь съ полнѣйшимъ уваженіемъ вашего высокородія всепокорнѣйшій слуга

А. Шлецеръ.

Гёттингенъ
6 октября 1765.

6.

Третьяго дня я снова прибылъ въ Гёттингенъ; вчера получилъ благосклонное письмо вашего высокородія отъ $^{13}/_{24}$ января и сегодня на него отвѣчаю. Что всѣ предыдущія письма отъ вашего высокородія дошли до меня, объ этомъ я уже говорилъ въ письмѣ изъ Франконіи, отъ 30 января. Что я не писалъ раньше, причиною тому была одна несчастная случайность, которую я обстоятельно описалъ въ упомянутомъ письмѣ. Я послалъ его черезъ Нюрнбергъ; если оно, чего я никакъ не могу думать, не дошло до мѣста, то я велю его списать еще разъ изъ моей письменной книги и копію засвидѣтельствовать у публичнаго нотаріуса.

Мое долгое молчаніе и 786 рублей (не 900) для меня непріятная ассоціація идей. Я до сихъ поръ, какъ честный человѣкъ, работалъ для Россіи и для моей Академіи: я не раскаюсь въ этомъ, если въ будущемъ недовѣрчивость, подозрѣніе и неблагодарность будутъ моей наградой — — но transeat cum ceteris. Лучше я приму антиспазматическій порошокъ и отложу мои дальнѣйшіе рапорты до будущей почты. А до того времени, не только до того, но и до конца моей жизни остаюсь съ совершеннѣй-

шимъ высокопочтеніемъ и уваженіемъ вашего высокородія всепокорнѣйшій слуга

А. Шлецеръ.

Гёттингенъ
19 февраля 1766.

7.

Я еще живъ. Это доказываютъ мои послѣднія письма, отъ 30-го янв., отъ 19 и 23-го февр., о вѣрномъ полученіи которыхъ я съ нетерпѣніемъ жду скораго извѣстія.

Порученіе доставить Академіи искусныхъ людей довольно занимало меня въ то время, когда въ Петербургѣ считали меня умершимъ или....; оно было одной изъ главныхъ причинъ путешествія въ Нюрнбергъ. Я уже приготовлялся къ систематическому рапорту, который хотѣлъ представить вашему высокородію по этому дѣлу; но г. Иноходцевъ только что показалъ мнѣ письмо, отъ 24 янв., которымъ требуется конректоръ. Я вижу, это periculum in mora, и въ надеждѣ, что ваше высокородіе простите мою торопливость, напишу только то, что мнѣ еще до отхода почты само придетъ на умъ.

Я думалъ, что съ г. Шейберномъ дѣло навѣрное уже кончено. Но когда онъ (вслѣдствіе письма вашего высокородія, отъ 4 окт.) услышалъ о 300 рубл., не смотря на то, что былъ выговоренъ столъ и квартира, — то все пропало. Ему уже 28 лѣтъ; онъ хотѣлъ устроиться въ Россіи и привезти жену; но на это, конечно, нельзя рискнуть съ 300 рублями.

Въ томъ же самомъ письмѣ, отъ 4 окт., ваше высокородіе требовали двухъ или трехъ людей для новаго воспитательнаго заведенія. Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, отъ 12 авг., ихъ жалованіе было опредѣлено отъ 200 до 250 рубл. съ полнымъ содержаніемъ, и путевыя деньги въ 100—150 рубл. На такія условія до сихъ поръ я искалъ людей.

Я писалъ въ Ерлангъ, который славится своимъ утонченнымъ образомъ жизни и французскимъ языкомъ, ѣздилъ туда самъ; но тамъ ничего не было.

Въ октябрѣ я оставилъ здѣсь коммиссіи на случай, если найдутся люди, соотвѣтствующіе цѣлямъ вашего высокородія. До сихъ поръ явился только одинъ, очень свѣдущій въ новыхъ языкахъ. Мнѣ предложили его надв. сов. Люттеръ и Айреръ. Я знаю его только три дня; но чтобы съ нимъ начать дѣло, я долженъ ближе его узнать. Извините мнѣ эту робость: я не подбираю людей на улицѣ, никого не предлагаю безъ убѣжденія. Или я долженъ быть увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, или я его

вовсе оставляю. Моя честность и интересъ Академіи требуютъ такихъ правилъ.

Г. генералъ-маіоръ фонъ-Бюловъ, который проѣхалъ всю Германію до Страсбурга и до Швейцаріи съ цѣлью нанимать учителей для кадетскаго корпуса, мнѣ очень повредилъ въ этомъ родѣ порученій. Онъ предлагаетъ 1) 300 рубл. жалованія, 2) къ чему еще прибавились бы 300 р. случайныхъ, 3) титулъ совѣтника. Съ такими предложеніями мои, конечно, не могутъ идти въ сравненіе, и я засѣлъ. . . . .

Но я не оставилъ надежды найти дѣльнаго конректора. Г. надв. сов. Михаэлисъ чистосердечно помогаетъ мнѣ въ этомъ. Но въ своемъ послѣднемъ письмѣ кромѣ 360 рублей ваше высокородіе ничего не упоминаете о столѣ и квартирѣ. За 250 рубл. и полное содержаніе я рѣшаюсь искать людей; но только не за 360 безъ всего. Гораздо охотнѣе каждый пошелъ бы въ прежнюю нѣмецкую Бюшингову школу, гдѣ все готовое и 200 рубл. безъ контракта.

Между тѣмъ, пока ваше высокородіе изволите дать мнѣ болѣе обстоятельныя инструкціи, я продолжу свои поиски и, какъ скоро что нибудь узнаю, немедленно сообщу вамъ.

Съ огорченіемъ узналъ я изъ Швеціи, что моя милая, добрая Академія близка къ полученію постыднаго отказа отъ молодаго Линнея. Я въ точности знаю предложенія, которыя сдѣлалъ ему г. Фалькъ; онъ отвѣчалъ, чтобы прислали ему Vocation, тогда онъ готовъ рѣшиться. Но я знаю *положительно*, что онъ требуетъ Vocation только для того, чтобы потомъ, подобно Кальму, напечатать въ газетахъ. Швеція ему милѣе при небольшихъ деньгахъ, чѣмъ Россія при большихъ.

Въ Вѣнѣ я спросилъ *только отъ своего имени* одного очень знаменитаго ботаника, не желаетъ ли онъ ѣхать въ Россію. Онъ отвѣчалъ мнѣ 18 декабря: «Въ прошломъ году г. посланникъ Голицынъ предложилъ г. Крамеру, какъ извѣстно, очень посредственному натуралисту, 2000 рублей: меньше онъ безъ ущерба своей чести и не могъ взять» ...... на этомъ наша корреспонденція и кончилась. И такъ, можетъ быть, возможно было бы ангажировать за 500 р. съ титуломъ профессора г. Бекмана, который цѣлый годъ занимался только естественною исторіею у Линнея; я также замѣчаю, что у него не мало охоты заниматься въ петербургскомъ естественно-историческомъ кабинетѣ. Но теперь именно дѣло идетъ о томъ, чтобы его вызвать въ Брауншвейгъ. А когда онъ будетъ тамъ, то я не честный человѣкъ, если онъ тогда не оцѣнитъ себя въ 1000 рублей.

Въ доказательство моего уваженія и моей благодарности я очень хотѣлъ бы порученныя мнѣ коммиссіи его пр—ва г. Теплова исполнить согласно съ его желаніемъ. Но чтобы въ такомъ деликатномъ дѣлѣ не впасть въ ошибку, то я прошу отъ его пр—ва или отъ вашего высоко-

родія подписанной записки какъ о требованіяхъ, такъ и о предложеніяхъ.

Жаль, что отсюда до Петербурга 300 миль: я могъ бы говорить о множествѣ разнообразныхъ предметовъ, о которыхъ письменно нельзя разсуждать довольно *accurat*. Съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ остаюсь вашего высокородія покорный слуга

Шлецеръ.

Гёттингенъ.
26 февр. 1766 г.

(На поляхъ): Нестора я довелъ до 10 листа включительно. Предисловіе къ нему теперь именно списываетъ Свѣтовъ: вскорѣ оно явится.

8.

Благосклонное письмо вашего высокородія отъ 23-го сентября прошлаго года я получилъ во время путешествія по Франконіи. Такъ какъ во время этой поѣздки я никогда и недѣли не оставался покойно на одномъ мѣстѣ, почему вся моя корреспонденція должна была остановиться на цѣлые четыре мѣсяца, то я надѣюсь, вы извините меня, что я не отвѣчалъ вамъ ранѣе. Теперь я хочу мало-по-малу, частыми рапортами сообщить императ. Академіи все то, что я, по своей службѣ, сдѣлалъ, замѣтилъ и узналъ.

Должно быть, мой послѣдній рапортъ, отъ 23 февраля (№ XIII), уже полученъ. Тамъ между прочимъ я сообщилъ мое наблюденіе въ Касселѣ надъ Воронцовскимъ памятникомъ изъ Геркуланума. Теперь я иду дальше: Ευρηκα, ἕυρηκα! Я нашелъ гравюры на деревѣ для Specul. Salvat. humanae, по необыкновенно странному случаю, который, какъ вы легко можете представить, не мало меня обрадовалъ. Во-первыхъ, я нашелъ слѣдъ ихъ въ Bibliotheca Uffenbach. tom. II, append. II, pag. jj и Schelhornii, amoenit. litter. tom. IX, pag. 970, и полагалъ, что они, можетъ быть, находятся еще въ остаткахъ Уффенбаховой библіотеки во Франкфуртѣ. Я спрашивалъ объ этомъ брата покойнаго Уффенбаха; но онъ ничего не зналъ. Однако жъ онъ далъ мнѣ De l'origine et des productions de l'Imprimerie primitive en taille de bois, par Mr. Fournier le jeune, à Paris 1759, 8°, гдѣ я нашелъ множество новыхъ извѣстій о Speculo en question, которыя послужили мнѣ руководствомъ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

Я уже оставилъ всякую надежду найти эти гравюры, какъ въ Нюрнбергѣ случайно узналъ, что они находятся въ Альтдорфѣ въ наслѣдствѣ Шварца. Я тотчасъ же написалъ профес. медиц. Вейсу, какъ cohaeredem этого наслѣдства, который далъ мнѣ слѣдующій отвѣтъ:

Альтдорфъ, 24 янв. 1766 г.

«На вашъ вопросъ служу должнымъ отвѣтомъ: рѣдкій Specul. Salvat. humanae, какъ онъ перенесенъ съ рѣзьбы на бумагу, находится въ библіотекѣ Шварца и можетъ быть проданъ. Эти таблицы не въ прекрасномъ переплетѣ, но хорошо сохранились, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторые листы снизу, вѣроятно, отъ сырости, потеряли немного цвѣта; однако рѣдкія фигуры рѣзьбы еще такъ свѣжи и такъ глубоко врѣзались, что и безъ красокъ ихъ можно ясно отличить. Прилагаю копію описанія [1]), какъ оно должно быть напечатано въ каталогѣ всѣхъ рѣдкихъ книгъ Шварца. Такъ какъ эти таблицы составляютъ большую рѣдкость, то за листъ охотно платятъ червонецъ, что вмѣстѣ составляетъ 50 рейхсталеровъ (на нюрнбергскія деньги 15 дукатовъ). Хотя я желалъ переслать экземпляръ, по вашему требованію, ad inspeciendum, но это не зависитъ отъ меня; потому что дѣти Кирштена такъ же наслѣдники, и ихъ опекуны имѣютъ тутъ голосъ».

Такъ какъ эти гравюры различной величины, то впослѣдствіи я вытребовалъ ихъ размѣры, изъ которыхъ вижу, что они совершенно сходятся съ экземпляромъ вашего высокородія.

Теперь все дѣло въ томъ, желаете ли вы пріобрѣсти эту рѣдкость по вышеозначенной цѣнѣ (отъ которой, можетъ быть, возможно будетъ кое-что уторговать); я предлагаю свои услуги и надѣюсь между тѣмъ, что мое вниманіе и изслѣдованіе будутъ вамъ пріятны. Описаніе вашего экземпляра съ помощію вышеупомянутыхъ цитатъ составило бы цѣлый мемуаръ, который непремѣнно понравился бы публикѣ. Фурнье говоритъ (стр. 262): «я желаю, чтобы сдѣланныя мною замѣчанія объ этихъ Speculum послужили къ болѣе обширному и болѣе точному знакомству съ произведеніемъ столь знаменитымъ и до сихъ поръ столь мало извѣстнымъ». Самое лучшее и самое новое сочиненіе объ этомъ предметѣ Мермана въ Annal. tipograph.; но я еще не читалъ этой книги. Жаль только, что, какъ я опасаюсь, съ подобными мемуарами сдѣлаешься смѣшнымъ въ Петербургѣ; между тѣмъ какъ въ остальной ученой Европѣ они послужили бы къ чести.

Обязательно присланное мнѣ вашимъ высокородіемъ извѣстіе о вновь изобрѣтенной русской охотничьей музыкѣ [2]) я переслалъ въ Hannöverische Magazin, гдѣ оно будетъ напечатано къ чести вашей и Россіи. Дипломъ исторической Академіи, которой вы оказываете честь своимъ сочленствомъ, я самъ привезу. Г. Гіёрфель свидѣтельствуетъ вамъ свое нижайшее почтеніе. Линней вздыхаетъ, что не получилъ новѣйшихъ *Комментаріевъ;* слѣдовательно, при новомъ изданіи Systema naturae онъ не воспользуется

---

[1]) Этого приложенія нѣтъ.

[2]) См. автобіографію, стр. 162.

ними. Молодой Линней думаетъ отказать Академіи; старый получилъ прекрасныя естественно-историческія описанія Лаксмана изъ Барнаула, которыя могли бы дать матеріалъ для нашихъ *Комментаріевъ*, еслибы автору два года тому назадъ дали столь горячо желанный пансіонъ; теперь они должны блистать въ Syst. nat. Линнея.

Вы желали, чтобы я собралъ свѣдѣнія объ ученыхъ на вакантныя мѣста въ Академіи. Я это сдѣлалъ; но меня такъ дерзко спровадили, что я потерялъ охоту дальше сондировать.

Въ надеждѣ, что ваше высокородіе будете такъ добры, окажете мнѣ честь своимъ письмомъ до моего отъѣзда въ Петербургъ, остаюсь съ особеннымъ высокопочтеніемъ

вашего высокородія
покорнѣйшій слуга
Шлецеръ.

Гёттингенъ.
2-го марта 1766 г.

9.

Порученіе вашего высокородія доставить людей для гимназіи еще не окончено; но я все таки пишу, чтобы вы не подумали, что я не пишу только по небрежности.

Въ конректоры еще никого нѣтъ: всѣ еще слишкомъ молоды. Г. Вестфельда можно было бы убѣдить, но въ немъ слишкомъ нуждаются здѣсь Свѣтовъ и Венедиктовъ; да онъ былъ бы слишкомъ хорошъ для конрекгора, потому что г. Кёстнеръ предназначилъ его черезъ нѣсколько лѣтъ въ профессоры экономіи. Наконецъ г. Михаэлисъ напалъ на одного субъекта, какъ видно изъ *приложенія* (A); онъ писалъ къ нему; черезъ недѣлю надѣюсь получить отвѣтъ.

Другой, по имени Отто, который особенно силенъ въ новыхъ языкахъ и въ исторіи, также долженъ получить прежде согласіе матери. И такъ, раньше двухъ недѣль не могу сообщить его рѣшенія.

Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ, что ген.-маіоръ Бюловъ повредилъ мнѣ при исполненіи моихъ порученій. *Приложеніе* (B) содержитъ доказательство [1]).

Г. Кёстнеръ занятъ приготовленіемъ Иноходцева и Юдина къ астрономіи, и въ это лѣто хочетъ показать имъ всѣ практическіе пріемы на обсерваторіи. Это было бы не дурно: они могли бы заниматься этой наукой, только какъ придаточной, и все таки въ 1769 г., во время прохожденія Венеры, съ пользою могли бы быть употреблены Академіею.

Жизнь Нестора съ помощью здѣшней библіотеки я очень полно об-

[1]) Обоихъ приложеній не оказалось въ бумагахъ Шлецера.

работалъ по новому способу; надѣюсь, что она вашему высокородію такъ же понравится, какъ здѣшней исторической Академіи, которой я ее прочиталъ. Но это не искусство написать что нибудь умное въ Гёттингенѣ.

Его пр—во императорскій надв. сов. и баронъ фонъ Зенкенбергъ въ Вѣнѣ велѣлъ per tertium поздравить меня съ моей русской исторіей, а также предложить мнѣ свои услуги въ случаѣ, если я въ интересахъ ея пріѣду въ Вѣну или въ Прагу.

Въ скоромъ времени получатся благодарственныя письма за книги, подаренныя здѣшней библіотекѣ. Не могу описать, сколько шуму дѣлаютъ изъ-за этого подарка.

Что ваше высокородіе отказали мнѣ въ листахъ моей грамматики, то, вѣроятно, это имѣетъ свои причины, которыя во всякомъ случаѣ я понимаю. Но если я попрошу ваше высокородіе прислать *съ будущей почтой* три листа моихъ латинскихъ epigrammatum, напечатанныхъ для г. Теплова, не подвергнусь ли также опасности получить отказъ?

Въ мои старые годы я еще сдѣлался магистромъ! Я долженъ смотрѣть на это, какъ на большой комплиментъ отъ здѣшняго университета, потому что онъ сдѣлалъ это не только безъ моей просьбы, но и даромъ. Иначе это дѣло стоитъ 40 рейхсталеровъ.

Надѣюсь, что ваше высокородіе съ супругою снова совершенно поправились? Съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ остаюсь вашего высокородія всепокорнѣйшій слуга

А. Шлецеръ.

Гёттингенъ.
9 марта 1766.

10.

Я опасаюсь, что при первомъ взглядѣ на прилагаемые XV рапортовъ у вашего высокородія возникнетъ мысль, *что я вмѣшиваюсь въ дѣла, которыя до меня не касаются*. Но думать нечего; при полномъ и *спокойномъ* прочтеніи всего рапорта думы улягутся сами собою, отвѣчаю я вмѣсто всякаго оправданія: Фридрихъ Вильгельмъ не сказалъ бы тому, кто далъ ему первый поводъ ввести въ свою страну 25000 Зальцбургцевъ, чтобъ онъ не вмѣшивался въ дѣла, которыя до него не касаются, хотя бы это былъ профессоръ его академіи.

Я думалъ сначала адресовать рапортъ непосредственно въ канцелярію; но потомъ мнѣ пришло въ голову, что вашему высокородію будетъ пріятнѣе, когда онъ пройдетъ черезъ Академію. Если мой трудъ ей не совершенно противенъ; если ей угодно будетъ разсматривать дѣло, съ одной стороны, сообразно съ многозначащимъ уваженіемъ, которымъ вы

пользуетесь у вельможъ, съ другой — сообразно съ вашимъ всегда доброжелательнымъ расположеніемъ ко мнѣ,— то онъ можетъ содѣйствовать къ тому, чтобы истребить у нѣкоторыхъ господъ остающіеся еще Ломоносовскіе предразсудки противъ меня, да и вообще Академіи можетъ быть полезно, если увидятъ, что ея члены пригодны къ чему нибудь другому, а не къ одному пустословію.

Теперь я съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта на мои многочисленныя письма. По поводу предложеннаго конректора г. надв. сов. Михаэлисъ еще не получилъ отвѣта. Всепокорнѣйше прошу ваше высокородіе съ первой почтой прислать мнѣ копію контракта, заключеннаго съ г. Вестфельдомъ: я не оставилъ у себя копіи, а мнѣ она необходима.

Съ неизмѣннымъ почтеніемъ имѣю честь подписаться вашего высокородія покорный слуга

А. Шлецеръ.

Гёттингенъ
17 марта 1766.

11.

Хотя сильными приложеніями я рапортовался чрезвычайно усталымъ, но не могу удержаться, чтобы не принести покорнѣйшую благодарность вашему высокородію за столь благосклонное письмо отъ 22 февраля и выразить мою искреннѣйшую радость о выздоровленіи какъ вашемъ, такъ и вашей супруги.

Съ четырьмя студентами все идетъ превосходно. И Свѣтовъ, и Венедиктовъ повеселѣли и начинаютъ вознаграждать потерю столь многихъ дорогихъ лѣтъ въ Петербургѣ. Теперь они живутъ въ одномъ домѣ со мною; ваше высокородіе легко разсудите, что имъ эта близость очень полезна. Я вездѣ съ ними; я экзаменую ихъ, самъ даю имъ уроки; они и нуждаются въ этомъ; и совершенно безпристрастные люди говорятъ тутъ, что еслибы я не такъ усердно интересовался этими, прежде такъ пренебреженными юношами, то ничего изъ нихъ не вышло бы. Теперь я веду переговоры съ новымъ репетиторомъ, у котораго кажется не столько génie, какъ у прежняго, но и менѣе легкомыслія.

Благодарность за подаренныя книги ваше высокородіе прочтете (какъ скоро онѣ будутъ переплетены) отчасти въ здѣшнихъ газетахъ, отчасти въ особомъ письмѣ библіотекаря. Меня просили написать рецензіи о новѣйшихъ изъ нихъ въ Gel. Anzeig.. Имѣя это въ виду, я занялся топографіею Оренбурга и вмѣстѣ съ тѣмъ, по приказанію вашему, обработываю разсужденіе о Казанской Исторіи Рычкова, потому что оба они находятся въ связи между собою.

За напоминаніе, чтобъ заботиться также о венеціянскихъ и генуэз-

скихъ историческихъ книгахъ, покорнѣйше благодарю. Я, дѣйствительно, не вспомнилъ бы о нихъ, а для русской исторіи онѣ необходимы.

Нѣсколько дней тому назадъ прошелъ здѣсь большой транспортъ русскихъ колонистовъ. — Я желалъ бы быть въ состояніи оказать какія нибудь услуги сыну моего покровителя, его превосходительства г-на Теплова; тѣмъ лучше помѣстить его въ Брауншвейгѣ.

Теперь я ожидаю отъ вашего высокородія прежде всего вызова для г. конректора Штриттера и прошу новаго векселя для себя, потому что меня безпокоитъ купецъ счетомъ за красное бархатное платье, которое я взялъ у него въ долгъ въ честь русской исторіи.

Съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ остаюсь на всю жизнь вашего высокородія покорный слуга

А. Шлецеръ.

Гёттингенъ
5 апрѣля 1766.

12.

Теперь ничего болѣе не осталось, что можетъ задержать васъ въ Гёттингенъ, такъ ваше высокородіе изволили выразиться въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Прошу извиненія: самое важное еще осталось — *деньги*. Безъ этого никто не можетъ путешествовать; я ссылаюсь на собственный опытъ вашего высокородія. Какъ я удивился, найдя только январскую треть вмѣстѣ съ ожиданіемъ, что я сейчасъ уѣду. Вексель, который я получилъ 6-го мая, идетъ до конца апрѣля; чтобы получить по немъ наличныя деньги, на это нужно отъ 4 до 5 недѣль: прежде чѣмъ за него заплатятъ въ Любекѣ, нужно его акцептировать въ Амстердамѣ. И такъ, я только въ іюнѣ въ состояніи буду здѣсь освободиться, а слѣдовательно, и на крыльяхъ зари я не могъ бы быть въ Петербургѣ къ концу мая, какъ ожидаете ваше высокородіе. Только въ іюнѣ у меня будутъ деньги на первые 4 мѣсяца: въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ, именно втеченіе тѣхъ мѣсяцевъ, когда я долженъ совершить обратное путешествіе и когда, слѣдовательно, деньги мнѣ всего необходимѣе, я останусь безо всего. Возможно ли, чтобъ ваше высокородіе сами не сдѣлали такого разсчета? Требую ли я чего нибудь безъ основанія? Развѣ я принимаю за право чужую услужливость? Выдумываю ли я крайность тамъ, гдѣ ея нѣтъ? Какъ охотно канцелярія выдаетъ деньги впередъ мѣсяца за два даже тѣмъ, которые въ Петербургѣ; и неужели она оставитъ меня во время заграничной поѣздки? мнѣ она хочетъ отказать въ выдачѣ денегъ впередъ за два мѣсяца, которая для меня все таки будетъ выдачею за прошлое, потому что между прибытіемъ векселя и уплатою по немъ проходитъ такъ много времени. Какъ мнѣ больно, что бывшій мой лучшій покровитель ставитъ меня въ положеніе въ высшей степени непріятное,

въ которомъ я, противъ всей моей воли, долженъ возбудить подозрѣніе моихъ враговъ, — если я, еще такъ счатливъ, что они есть у меня, — будто я, въ противность точнымъ указамъ, съ намѣреніемъ замедлилъ свое возвращеніе. Что я сдѣлалъ, что мои акціи у вашего высокородія такъ внезапно падаютъ, и мой прежде такой ясный горизонтъ въ Петербургѣ вдругъ становится мрачнымъ?

И такъ я искреннѣйше прошу ваше высокородіе:

«Будьте столь благосклонны, немедленно по полученіи сего перешлите мнѣ въ голландскомъ векселѣ половину моей майской трети, «143 рубля. Этого я долженъ здѣсь выждать абсолютно, чтобы быть «въ состояніи пуститься въ дорогу. Такъ какъ письмо отсюда въ Петербургъ идетъ отъ 21 до 24 дней, то я надѣюсь эти 143 рубля получить здѣсь въ половинѣ іюня ст. ст. Раньше я не могу рѣшиться «ѣхать; но какъ только получу вексель, уѣду, *foi d'honnête homme*, и «безъ особаго приказанія не буду ожидать письма въ отвѣтъ на «настоящее. Еслибы я вмѣсто 286 р. получилъ 400, то клянусь, самъ «бы раньше уѣхалъ; но теперь это невозможно. Все это я пишу въ «частномъ письмѣ; однако ваше высокородіе можете велѣть внести его въ протоколъ, если найдете это необходимымъ».

И такъ это замедленіе не моя вина; впрочемъ оно ограничится только нѣсколькими недѣлями, если ваше высокородіе снова меня не задержите; потому что 4 недѣли и безъ того пройдутъ, какъ я выше упомянулъ, и, само собою разумѣется, прежде чѣмъ я получу наличныя деньги за прошедшій вексель. Между тѣмъ я оканчиваю свою пространную корреспонденцію и по возможности историческія работы, начатыя въ здѣшней библіотекѣ, и ожидаю конца всѣхъ моихъ коммиссій. Если говорить объ этихъ коммиссіяхъ, которыя ваше высокородіе изволили назвать *могущими встрѣтиться случайными порученіями, слѣдовательно, не составляющими основанія къ дальнѣйшему замедленію моего возвращенія* (названія, которыя я всего менѣе могъ предполагать, потому что въ указѣ, данномъ мнѣ, отъ 1 декабря прошлаго года, прежде указа о возвращеніи на эту весну, точно было сказано, *чтобы вы порученныя вамъ отъ Академіи коммиссіи старались исправить*), то онѣ состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Я долженъ прежде окончить съ конректоромъ; вѣроятно, Vocation на дорогѣ. Еслибъ я между тѣмъ уѣхалъ, то у него не было бы никого, къ кому онъ могъ бы обратиться; онъ сталъ бы искать другаго engagement, я сдѣлался бы лжецомъ и съ Академіею вообще никто впредь не захотѣлъ бы имѣть дѣло.

2. Я долженъ получить отвѣтъ изъ Нюрнберга о сѣменахъ, чтобы

знать, какихъ сортовъ я тамъ не достану и долженъ буду купить въ другомъ мѣстѣ, а также чтобы знать, гдѣ за нихъ платить.

3. Изъ Регенсбурга я жду отвѣта о Менинскомъ, котораго ст. совѣтница Хризосколей когда-то продавала за 200 рублей, но котораго мнѣ даютъ надежду получить за 50 рублей.

4. Касательно Іевелинской библіотеки я также желалъ бы имѣть формальную резолюцію; я уже такъ много писалъ объ этомъ, что ничего не нахожу прибавить. Покупать по книжкамъ, по 500 руб. за каждую, невозможно: это пришлось бы на вѣсъ золота. Библіотека теперь подъ судебнымъ сохраненіемъ; Іевелинъ самъ умеръ сегодня послѣ обѣда; такимъ образомъ аукціонъ не долго замедлитъ. Каталогъ уже готовъ; но было бы безполезно посылать его въ Петербургъ: во всемъ русскомъ государствѣ нѣтъ никого, кто могъ бы таксировать книги и каждой изъ нихъ назначить свою цѣну, потому что это большею частію маленькія неизвѣстныя изданія. Еслибъ я былъ здѣсь, то нашелъ бы пособіе въ собственномъ осмотрѣ и въ наставленіяхъ здѣшнихъ библіотекарей и, смотря по обстоятельствамъ, могъ бы принять мѣры на самомъ аукціонѣ. Но если меня уже здѣсь не будетъ, то нѣтъ никакого средства доставить что-нибудь изъ этого сокровища Петербургской Академіи.

Но еще нѣсколько словъ о двухъ другихъ моихъ здѣшнихъ занятіяхъ. Ваше высокородіе сами должны рѣшить, можно ли ихъ назвать только *случайными*.

I. Здѣсь находятся четыре студента Академіи; оба историка прибыли сюда съ меньшими познаніями, чѣмъ десятилѣтніе мальчики въ Германіи. Тѣмъ не менѣе они чрезвычайно хорошо успѣваютъ: они уже могутъ со смысломъ слушать всѣ Collegia; даже Венедиктовъ, который въ августѣ не зналъ еще ни одного нѣмецкаго слова, можетъ уже совершенно объясняться.

Избави меня Богъ, чтобъ я вашему высокородію навязывалъ выводъ, что этотъ неожиданный успѣхъ долженъ быть отнесенъ на мой счетъ. Въ одномъ только могу увѣрить: планами, распоряженіями, постановленіями и увѣщаніями, дѣйствительно, ничего нельзя сдѣлать съ людьми, которые поступаютъ въ университетъ безъ воспитанія, слѣдовательно, безъ инстинкта и стремленія къ наукѣ, хотя бы ихъ самымъ убѣдительнымъ образомъ поручили величайшимъ ученымъ: требуется спеціальный надзоръ. Чего я не сдѣлалъ съ ними прежде, чѣмъ ѣхать въ Франконію! какъ хорошо, повидимому, они были обезпечены! Но въ короткое время моего отсутствія все пропало. Репетиторъ сдѣлался небреженъ незамѣтно для своихъ подчиненныхъ; я долженъ былъ ему отказать, иначе Академія получила бы обратно своихъ студентовъ изъ Гёттингена, какъ нѣкогда изъ Кёнигсберга. Теперь у нихъ честный репетиторъ, живутъ они со мною

въ одномъ домѣ, — теперь все идетъ превосходно; но какъ будетъ послѣ моего отъѣзда, потому что они еще теперь далеко не утвердились? — Въ три года они стоятъ Академіи 1500 рублей; если разсматривать только камералистически, не того ли желаетъ Академія, чтобы эта сумма была употреблена самымъ лучшимъ образомъ? Въ чемъ заключается основное зло Академіи? — Не выводитъ людей изъ своей націи, а между тѣмъ за границею въ этомъ полагаютъ главное назначеніе Академіи. Еще на прошлой недѣлѣ при одномъ случаѣ хотѣли было помѣстить въ здѣшнихъ Gel. Zeitungen: *этотъ corps littéraire, отъ котораго со временемъ величайшее государство нашего времени и страшнѣйшая нація можетъ ожидать все болѣе и болѣе развивающейся культуры.* Какъ легко было бы ее направить къ этому назначенію! Неужели ждутъ воспитанниковъ изъ воспитательнаго училища? сколько между тѣмъ пройдетъ времени? Почему не берутъ изъ гимназіи уже 14-лѣтнихъ subiecta, хорошихъ subiecta (напримѣръ, молодаго Гурьева) и не начинаютъ тотчасъ же ихъ приготовлять? Какъ теперь четверо здѣсь, также хорошо и надежно можно было бы устроить десятерыхъ. Издержки на репетиторовъ простираются теперь до 20 р. за каждаго изъ двухъ младшихъ; какія прекрасныя распоряженія можно было бы сдѣлать, еслибы можно было располагать вмѣсто двухъ, шесть разъ 20 рублями за шесть человѣкъ! и какой прекрасный результатъ въ будущемъ! Черезъ четыре года Россіи не нужно было бы выписывать иностранцевъ на мѣста въ гимназіи; можетъ быть, не всѣ шесть сдѣлались бы профессорами, но все таки были бы полезными учителями для воспитательныхъ заведеній. Я слышалъ, хотятъ послать нѣсколько человѣкъ въ Англію, каждый получаетъ 500, а ихъ надзиратель 1000 рублей. Здѣсь я дѣлаю тоже самое съ 250 рубл. за ученика и ни съ чѣмъ за надзирателя (въ этомъ отношеніи эта моя работа только *случайная*), и еслибы мое доброе дѣло не было прервано въ серединѣ, при чемъ я рискую потерять то хорошее, что уже пріобрѣтено, то я надѣюсь, что со временемъ могъ бы гёттингенскихъ студентовъ смѣло противопоставить оксфордскимъ.

II. Древняя русская исторія, говоритъ моя императрица въ моемъ контрактѣ, должна быть моимъ *главнымъ* занятіемъ. Эта исторія состоитъ изъ двухъ равно обширныхъ частей: иностранной и туземной. Къ первой принадлежитъ библіотека, которая находится не въ Петербургѣ и, повидимому, черезъ 50 лѣтъ тамъ не будетъ. Какъ часто я уже писалъ объ этомъ, Богъ свидѣтель, изъ чистаго патріотизма; но кажется, эти представленія навлекаютъ на меня только вражду. Я охотно прекратилъ бы ихъ, еслибъ это не было conditio sine qua non при исполненіи моей обязанности. Что я между тѣмъ здѣсь дѣлалъ, тому будущее будетъ свидѣтелемъ, и знатокъ судьею. Но я еще не кончилъ. Я думалъ довести мои изслѣдованія по крайней мѣрѣ до того, когда начинаются русскія лѣтописи; я жертвовалъ для этого и послѣобѣденное время съ очевиднымъ

ущербомъ для своего здоровья; но форсировать дѣло нельзя. О, еслибы знали, какъ много выиграла бы честь Россіи и Академіи, еслибы была русская исторія! Не подозрѣваете ли ваше высокородіе, что я говорю о чести Россіи, а думаю о своей собственной? Къ чорту это смѣшное тщеславіе! Пусть моего имени не упоминаютъ: Кай или Меній написалъ русскую исторію — это все равно; но она должна быть хороша: Европа ожидаетъ ея, Екатерина требуетъ, а половины необходимѣйшихъ пособій нѣтъ въ Петербургѣ.

Но прошу ваше высокородіе не думать, что я все это клоню къ тому, чтобы вымолить себѣ продолженіе моего пребыванія въ Гёттингенѣ. Сохрани меня Богъ отъ этого! Мое дѣло рапортовать, а дѣло Академіи — обсуждать и приказывать. Я привожу только историческіе факты: еслибы я ихъ облекъ въ форму просьбы, сейчасъ явилось бы подозрѣніе, что побудительная причина только мой собственный интересъ, а не интересъ Академіи. Если еще не наступило то счастливое время, что Академія принимаетъ къ сердцу свои существенныя выгоды, то я успокоюсь на томъ — *Dixi* et saluaris. Слѣпо слѣдую точнымъ ордерамъ и ѣду, какъ только явится человѣческая возможность, т. е. какъ только получу выше испрошенную половину трети. [1])

Почта сейчасъ уходитъ, отвѣты на все остальное я долженъ оставить до среды. Но предварительно увѣряю, 1) что всѣ порученія вашего высокородія въ Любекѣ точно исполню, 2) буду прилежно продолжать мои рапорты, но 3) буду ожидать здѣсь, въ Гёттингенѣ, отвѣта только на настоящее письмо, и всѣмъ этимъ 4) на дѣлѣ докажу благоговѣйное уваженіе, съ которымъ я на всю жизнь остаюсь вашего высокородія всепокорнѣйшій слуга.

Шлецеръ.

Гёттингенъ.
10-го мая 1766.

13.

Въ поспѣшности, которую ваше высокородіе извинитъ, я сопровождаю нѣсколькими строками письмо г-на профессора Гейне. Мое послѣднее письмо въ конференцію, отъ 30 апрѣля, вѣроятно, получено.

Множество пріятныхъ извѣстій, которыя вы по добротѣ своей сообщили мнѣ отъ 21 марта, дѣлаетъ меня безутѣшнымъ, потому что вы до сихъ поръ получали отъ меня такъ мало писемъ, вслѣдствіе чего и я лишился возможности болѣе частой корреспонденціи съ вашимъ высокородіемъ.

---

[1]) Вслѣдствіе этого письма Канцелярія 6-го іюня выслала Шлецеру черезъ книгопродавца Вейтбрехта 150 талеровъ (т. е. 138 р. 45 коп.) въ счетъ майской трети, какъ видно изъ Журнала канцеляріи.

Относительно ars moriendi я жестоко ошибся. Но я съ каждымъ днемъ становлюсь старше; моя память стирается какъ старый планъ, и такъ какъ я себѣ ничего не записалъ, то уже въ Кронштатѣ у меня въ головѣ были только Specul. Salvat. Сообщенныя вами свѣдѣнія о вашемъ драгоцѣнномъ, но ужасно испорченномъ экземплярѣ я передалъ профессору Гамбергеру, который здѣсь почитается первымъ историкомъ литературы; но онъ о книгѣ зналъ только то, что говоритъ Клеменцъ. Еслибы можно было найти то мѣсто въ лейпцигскихъ газетахъ, гдѣ упоминается о гравюрахъ.

Мои русскія хроники здѣсь при публичной библіотекѣ ежедневно ходятъ въ гости, [1]) отчего онѣ дѣлаются толсты и жирны. Здѣсь въ библіотекѣ заведенъ чрезвычайно странный порядокъ: не только здѣшніе, но и иностранные профессора командуютъ тамъ, какъ будто въ своей собственной библіотекѣ. Въ февралѣ мнѣ нужна была книга: Observations sur les peuples du Pont Euxin, par Heyponel (Paris, 1766). Ея еще не было; я принялъ это очень дурно и примирился только тогда, когда ее немедленно выписали — въ апрѣлѣ ее передали мнѣ въ руки. Можно ли еще спрашивать, почему здѣшніе ученые превосходятъ другихъ?

Что я здѣсь очень много собираю, вы легко мнѣ повѣрите; но если въ этомъ есть что либо хорошее, куда я съ этимъ дѣнусь? Нынѣшнія *Комментаріи* для меня закрыты; а сообщать другимъ академіямъ всѣ мои маленькія открытія не позволяетъ мнѣ мой esprit du corps.

Мой гёттингенскій періодъ уже окончился. Лишь только получу половину майской трети, которая мнѣ необходима на дорогу, тотчасъ же укладываюсь. Надѣюсь, что со стороны канцеляріи не сдѣлаютъ мнѣ никакого замедленія. Слѣдующія письма ко мнѣ прошу адресовать въ Любекъ, на имя пробста Дрейера.

Дай Богъ нашей почтенной *Академіи* поскорѣе новое учрежденіе, *мнѣ* въ Петербургѣ гёттингенскую библіотеку, а *русской исторіи* Codex Diplomat. Russicus [2]) изъ рукъ Миллера. Этого желаетъ съ патріотическимъ рвеніемъ и съ полнымъ уваженіемъ къ вашему патріотизму

вашего высокородія
всепокорнѣйшій слуга
Шлецеръ.

Гёттингенъ.
22-го мая 1766.

---

[1]) Это выраженіе (zu Gaste gehen), кажется, должно понимать такъ, что Шлецеръ сообщалъ свои хроники другимъ ученымъ.

[2]) Собраніемъ дипломатическихъ актовъ Миллеръ сталъ заниматься, по повелѣнію императрицы Екатерины II, только въ 1779 году. (*Ист. имп. Ак. н.* Пекарскаго, т. I, стр. 429).

14.

Вчера я прибылъ въ Любекъ. Больной я уѣхалъ изъ Гёттингена, и пріѣхалъ сюда еще хуже: во всю дорогу я принималъ хинину, но безъ всякаго вліянія на мою упорную изнурительную лихорадку. Я могу прождать здѣсь первую бурю — меня лѣчитъ одинъ очень искусный докторъ, г. Тренделенбергъ, — и потомъ немедленно сѣсть на корабль.

Множество книгъ и сѣмена, вѣроятно, благополучно доставлены г. Штриттеромъ. Юніусъ изъ Лейпцига обѣщалъ мнѣ еще въ нынѣшнемъ году доставить въ Петербургъ книги, которыя я отъ него потребовалъ.

Въ Гановерѣ я списалъ планъ вновь учрежденной горной Академіи во Фрейбургѣ; онъ слѣдуетъ съ будущей почтой.

Порученія Академіи и вашего высокородія будутъ здѣсь исполнены со всею точностію. Моя слабость только въ тѣлѣ; душа такъ дѣятельна, какъ прежде, безъ лихорадки.

При моемъ отъѣздѣ изъ Гёттингена четыре студента дали мнѣ всевозможныя доказательства своей благодарности, что меня чрезвычайно женировало и дало мнѣ охоту и на будущее время такъ же ревностно заботиться о подобныхъ людяхъ въ Петербургѣ.

Съ совершеннѣйшимъ высокопочтеніемъ имѣю честь быть вашего высокородія всепокорнѣйшій слуга.

А. Шлецеръ.

Любекъ
$^{8}/_{19}$ іюля.

15.

Любекъ $^{1}/_{12}$ августа 1766 г.

Къ моей величайшей досадѣ и величайшему затрудненію въ такомъ дорогомъ городѣ, какъ Любекъ, мой капитанъ Олрогъ, съ которымъ я условился тотчасъ по моемъ пріѣздѣ, за недѣлю до моего прибытія записался на биржѣ и медлитъ по недостатку фрахта; только на будущей недѣлѣ онъ отправится въ Травемюнде. Единственное мое утѣшеніе то что здѣшняя библіотека владѣетъ прекраснымъ запасомъ книгъ по исторіи сѣвера; а то бы я умеръ отъ скуки.

Дипломъ исторической Академіи, вѣроятно, вамъ уже передалъ г-нъ Штриттеръ.

14 января, когда приняло меня гёттингенское общество ученыхъ, я читалъ о Memorias Slavicas libellum I. При помощи гёттингенской библіотеки я совершенно обработалъ и напечаталъ жизнь Нестора. Въ то же время по остальной русской исторіи я такъ много собралъ, что на-

дѣюсь черезъ нѣсколько лѣтъ, если только не встрѣчу необыкновенныхъ препятствій и если мое ослабленное тѣло будетъ кое-какъ повиноваться желаніямъ души, въ состояніи буду исполнить нѣчто къ чести Академіи.

Четырехъ студентовъ я оставилъ въ Гёттингенѣ въ самомъ лучшемъ положеніи; но едва только прошло четыре недѣли съ моего отъѣзда, какъ получилъ непріятныя извѣстія. Это я предвидѣлъ; но еслибы я объ этомъ сообщилъ раньше, то наградою за мои намѣренія было бы подозрѣніе, что я ищу предлога продолжить свое пребываніе въ Германіи. Но такъ какъ я теперь готовъ пуститься въ море, то такое подозрѣніе исчезаетъ само собою.

Остаюсь съ особенно высокимъ почтеніемъ

вашего высокородія
всепокорнѣйшій слуга
Шлецеръ.

Примѣчаніе. Нижеслѣдующіе три документа, заключающіе не безъинтересныя свѣдѣнія о посланныхъ въ Гёттингенъ студентахъ, очевидно назначались Шлецеромъ для академической Канцеляріи; но почему-то остались въ письмахъ, адресованныхъ къ Тауберту. Вслѣдствіе этого мы помѣщаемъ ихъ рядомъ съ послѣдними.

1.

Отчетъ о занятіяхъ гг. Свѣтова и Венедиктова съ михайлова дня 1765 года до Пасхи 1766 г.

Изъ разговоровъ и книгъ они научились понимать нѣмецкій языкъ, который былъ имъ совершенно чуждъ. Ихъ опыты въ разговорѣ и письмѣ доказываютъ счастливый успѣхъ. Къ прозаическимъ сочиненіямъ, изъ которыхъ они ежедневно переводили отрывки, принадлежатъ преимущественно исторія Ахенвалля, землеописаніе Бюшинга (описаніе Россіи), введеніе въ исторію Френуа, кромѣ различныхъ статей изъ другихъ книгъ, напр., 3-ей части бранденбургскихъ достопримѣчательностей, исторіи Пуфендорфа и Шмауса. Изъ поэтовъ избраны были для начала семь маленькихъ стихотвореній Глейма въ анакреонтическомъ родѣ (потому что по духу этихъ стиховъ я заключаю, что они принадлежатъ этому великому поэту). Сначала нужно было два дня имъ на одно стихотвореніе и, окончивъ его, они снова повторяли. За тѣмъ слѣдовали оды Галлера auf die Tugend, auf die Ehre, an Doris. Чтобы ихъ понять, они употребляли больше или меньше времени, смотря по ихъ трудности. Потомъ продолжали изучать нѣкоторыя сочиненія Лихтвера и въ то же время принялись за безсмертныя произведенія Геллерта; прочитали по порядку трогательныя и шутливыя разсказы; для перемѣны взятъ былъ «Бѣднякъ» Глейма, первая и вторая идиліи Геснера и томъ Геллерта, а

иногда читались смѣшанныя пьесы Уца. Тогда настало время точнѣе познакомится съ какимъ нибудь однимъ писателемъ. Гагедорнъ признанъ былъ самымъ пригоднымъ, потому что его безконечное разнообразіе лучше всего занимаетъ душу. Начали съ первой книги одъ, потомъ были объяснены всѣ короткіе сказки и разсказы, и накопецъ большая часть эпиграммъ. Какъ только ознакомились болѣе съ языкомъ, то начали по три раза въ недѣлю упражняться въ небольшихъ сочиненіяхъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Занятія латинскимъ языкомъ должны были отчасти уступить изученію болѣе необходимаго нѣмецкаго; кромѣ того трудность объяснять латинскій языкъ по-латынѣ почти незнающимъ этого языка, дѣлали эти занятія еще болѣе тяжелыми. Поэтому много говорили по-латыни, три раза въ недѣлю писали и исправляли написанное. Для начала была взята первая книга Ливія и только въ трудныхъ мѣстахъ разрѣшались вопросы; потомъ подробно объяснили двѣнадцать одъ изъ первой книги одъ Горація; вмѣстѣ съ тѣмъ сообщены бѣглыя свѣдѣнія о древностяхъ и миѳологіи.

По гречеському языку, послѣ краткаго изложенія основныхъ началъ грамматики, объяснены были двадцать пѣсенъ Анакреона. Въ этомъ языкѣ достигли того, что знаніе значенія и образованія греческихъ словъ удерживалось въ памяти съ самими словами.

Изъ неизмѣримаго богатства географіи выбрано было только самое необходимое; изъ древней географіи Испанія разсмотрѣна нѣсколько подробнѣе и точнѣе.

Исторія Испаніи, Португаліи и Франціи была повторена съ особеннымъ прилежаніемъ на латинскомъ языкѣ, — занятіе, которое, вслѣдствіе чрезмѣрнаго множества событій, грозило нарушеніемъ порядка, а потому должно было прекратиться. Такимъ же образомъ пройдена была исторія Польши и Россіи.

Ф. Г. Вестфельдъ. [1])

Гёттингенъ
апрѣля 4-го дня 1766 г.

2.

Гг. Иноходцеву, Юдину, Свѣтову и Венедиктову.

1. Императорская Академія наукъ указомъ, отъ 1-го ноября 1765 года, «приказала мнѣ для отвращенія того, чтобы они (студенты) «тѣхъ опредѣленныхъ на полугодовое ихъ содержаніе денегъ «прежде времени или какимъ либо безпорядочнымъ образомъ

---

[1]) О немъ см. 9-е и 12-е письмо къ Тауберту; его замѣнилъ Вальхъ, какъ видно изъ слѣдующаго контракта.

«не истратили; то ввѣрить оныя тому изъ гёттингенскихъ го-
«сподъ профессоровъ, кому вы послѣ себя надзираніе надъ
«оными студентами поручите» [1]).

Но такъ какъ обстоятельства никакъ не дозволяютъ исполнить это приказаніе императорской Академіи и оказывается необходимымъ предоставить вамъ самимъ распоряжаться своими стипендіями; то на васъ ложится двойная обязанность: не только пользоваться упомянутыми стипендіями сообразно съ цѣлями императорской Академіи и вашимъ назначеніемъ, но и вести свои счеты съ крайней осторожностію, чтобы никакимъ образомъ не поколебать добраго довѣрія, которое вы заслужили у Академіи своимъ поведеніемъ.

2. Въ счетахъ чрезвычайно много зависитъ отъ внѣшней формы; нужно ихъ размѣстить такъ, чтобы можно было ихъ вдругъ обозрѣть, сравнить съ предыдущими и опредѣлить точность отдѣльныхъ статей безъ большаго затрудненія; а потому и сообщаю вамъ подробную форму, по которой вы будете впредь писать ваши счеты, если пожелаете удовлетворить требованію Академіи и снять отвѣтственность какъ съ меня, такъ и съ себя.

3. Такъ какъ въ Гёттингенѣ по главнымъ статьямъ расходовъ производится плата за полгода и вы получаете векселя не по третямъ, а тоже по полугодіямъ, то я составилъ форму на полугодичный счетъ.

4. Ваши расходы отчасти *опредѣленные* и неизмѣняющіеся, напримѣръ, столъ, квартира и т. п.; отчасти *измѣняющіеся*, напримѣръ, лекціи, одежда и т. п. — Послѣднимъ расходамъ ведите особые счеты, на особомъ листѣ, а потомъ, обозначивъ ихъ буквами А, В и проч., введете въ общій счетъ.

5. Такимъ же способомъ обозначайте особо, подъ буквою А., какія лекціи вы слушали и что за нихъ платили; подъ буквою В помѣстите, точный списокъ всѣхъ книгъ, которыя вы купили втеченіе полугода, означая цѣну каждой изъ нихъ, и т. д.

6. Что еще кромѣ того необходимо для сохраненія этой формы, о томъ я сообщу вамъ лично.

7. Составленные такимъ образомъ счеты должны быть подписаны вашимъ инспекторомъ, г. профессоромъ Мурраемъ, а счеты гг. Свѣтова и Венедиктова долженъ сверхъ того подписать ихъ временный репетиторъ. По этой причинѣ всѣ счеты составляются по-нѣмецки. Гёттингенъ, 14-го апрѣля 1766 [2]). Шлецеръ.

(Слѣдуютъ подписи четырехъ студентовъ).

---

[1]) Это требованіе академическая Канцелярія заявила въ томъ же указѣ, которымъ Шлецеру разрѣшалось остаться за границею до весны 1766 г. См. примѣч. ко 2-му письму къ Тауберту.

[2]) Вмѣстѣ съ этимъ документомъ въ Канцелярію Академіи доставлена была и самая форма счетовъ; рядомъ съ нею находимъ распредѣленіе занятій

3.

Контрактъ.

I. Гнъ Вальхъ будетъ жить съ гг. Свѣтовымъ и Венедиктовымъ въ одной комнатѣ. Онъ будетъ ихъ другомъ, совѣтникомъ, руководителемъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ университетской жизни, а равно хозяйства и самихъ занятій; за то онъ будетъ пользоваться квартирою, постелью, отопленіемъ, освѣщеніемъ и годовымъ гонораріемъ въ 40 рублей, или 10 луидоровъ.

II. Онъ обязанъ наблюдать за правильнымъ посѣщеніемъ коллегіи и необходимыми репетиціями, которыя каждое полугодіе будутъ имъ предписываться императорскою Академіею, и заботиться о томъ, чтобы они всѣ свои занятія устроили по плану, данному имъ изъ Академіи, на сколько позволятъ это обстоятельства.

III. На первое время главными предметами занятій будутъ нѣмецкій, латинскій языки и исторія, которыя г. Вальхъ пройдетъ съ ними самымъ ревностнымъ образомъ. Единственно для этой цѣли онъ посвятитъ имъ еженедѣльно двѣнадцать часовъ.

IV. При упражненіяхъ въ языкѣ онъ обратитъ больше вниманія на содержаніе, такъ что изученіе языка будетъ дѣломъ второстепеннымъ; поэтому для перевода съ обоихъ языковъ онъ выберетъ *отчасти* труднѣйшихъ стихотворцевъ, требующихъ наибольшихъ объясненій, какъ Горацій, Персій, Галлеръ, Уцъ и проч.; *отчасти* нѣмецкіе компендіумы исторіи и географіи, преимущественно такіе, о которыхъ гг. Свѣтовъ и Венедиктовъ будутъ слышать на лекціяхъ, и впередъ будетъ

всѣхъ четырехъ студентовъ, которое можетъ представить нѣкоторый интересъ. «Свѣтовъ и Венедиктовъ втеченіе этого семестра 1766 года будутъ слушать: 1) *Всеобщую исторію*, отъ 1 до 2 часовъ у профессора Гаттерера, а г. Вальхъ одновременно будетъ проходить ее с нимн. 2) *Исторію Англіи и Франціи* подробно, у профессора Муррая, отъ 4 до 5. 3) *Естественное богословіе* у г. дра Вальха, два раза въ недѣлю отъ 7 до 8, что послужитъ постепеннымъ приготовленіемъ къ философскимъ наукамъ. 4) Въ остальные часы они, подъ руководствомъ репетитора, будутъ заниматься *нѣмецкимъ* языкомъ, *латинскимъ*, *римскими древностями* и новою *политическою исторіею*, какъ то опредѣлено въ контрактѣ». — «Распредѣленіе занятій для математиковъ, Иноходцева и Юдина, составленное по совѣту профессора Кёстнера: 1) *Прикладная математика* отъ 7 до 8 часовъ у профессора Кёстнера. 2) *Алгебра* отъ 8 до 9 у него же. 3) *Высшая механика* у него же два раза въ недѣлю. 4) *Геометрія*, отъ 5 до 6, у профессора Мейстера. 5) 2-ая часть *Физика*, отъ 2 до 3, у профессора Гольмана. 6) Введеніе въ *философію* у него же, два раза въ недѣлю. 7) *Французскій* языкъ, у профессора Кольма, отъ 3 до 4». Оба росписанія помѣчены 20 октября 1766 г. и подписаны Шлецеромъ и студентами.

проходить съ ними то, что они должны будутъ услышать на слѣдующей лекціи.

V. По латинскому языку онъ будетъ учить ихъ римскимъ древностямъ по Ніёпорту и такъ подробно, чтобы на могущемъ быть экзаменѣ они въ состояніи были отвѣчать на каждое отдѣльное предложеніе, заключающееся въ этомъ компендіумѣ.

VI. А чтобы доставить имъ нѣкоторую практику въ латинскомъ языкѣ, онъ заставитъ ихъ переводить на чистый латинскій языкъ русскую исторію Ломоносова, а также писать собственныя краткія сочиненія по исторіи Ахенваля.

VII. Со всеобщею исторіею онъ соединитъ древнюю географію и такъ же заставитъ ихъ все выученное излагать письменно.

VIII. Онъ будетъ строго наблюдать, чтобы они всѣмъ своимъ занятіямъ вели точный журналъ, не только общій, но и спеціальный, такъ чтобы, напримѣръ, было обозначено, что они втеченіе недѣли читали Горація, Галлера, Ніёпорта, и самая ода и глава, пройденная съ ними. Этотъ журналъ вмѣстѣ со своими счетами, просмотрѣнными и подписанными г. Вальхомъ, каждое полугодіе они будутъ отсылать въ Петербургъ.

IX. Если въ нихъ обнаружится небрежность или распущенность, чего впрочемъ нельзя ожидать, судя по ихъ хорошему поведенію до сихъ поръ, то г. Вальхъ обязанъ заблаговременно и откровенно по совѣсти донести до свѣдѣнія императорской Академіи.

Этотъ контрактъ обѣ стороны утвердили своею подписью. Гёттингенъ, 17 апрѣля 1766 года.

Августъ Людвигъ Шлецеръ.

Іоганнъ Филиппъ Муррай.
Бернгардъ Георгъ Вальхъ.
Василій Свѣтовъ.
Василій Венедиктовъ.

XII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

1.

Рапортъ въ императорскую Академію наукъ.

$^{17}/_{29}$ августа я отправился изъ Травемюнде и 24 августа (4 сентября) прибылъ на кронштатскій рейдъ, а третьяго дня въ Петербургъ.

Такъ какъ я не получилъ еще съ корабля своихъ вещей, то только черезъ нѣкоторое время буду имѣть честь довести до свѣдѣнія импе-

раторской Академіи нѣсколькими рапортами, что я во время моего путешествія сдѣлалъ сообразно съ моими служебными обязанностями. С.-Петербургъ, 28 августа 1766 г.

Шлецеръ.

(*Резолюція*): Въ собраніе сообщить о возвратномъ прибытіи господина профессора Шлецера, которому представить генеральный рапортъ, въ чемъ онъ во время пребыванія своего въ чужихъ краяхъ, черезъ цѣлый годъ въ силу данной ему инструкціи для пользы Академіи упражнялся и впредь по профессіи своей упражняться намѣренъ, съ котораго его рапорта сообщить въ канцелярію копію; да отъ него въ канцелярію требовать, для чего онъ, какъ ему указомъ изъ канцеляріи точно предписано было, на первыхъ корабляхъ нынѣшнею весною не возвратился и до самаго августа безъ позволенія пробылъ въ чужихъ краяхъ.

Изъ журнала канцеляріи Академіи наукъ 1766 года октября 3-го дня.

Находящимся въ Гетингѣ академическимъ студентамъ Свѣтову и Венедиктову послать указъ, въ которомъ написать, хотя гднъ профессоръ Шлецеръ и возвратился въ Санктъ-Петербургъ, однако Академія наукъ, какъ сначала ихъ отправленія въ Гетингъ такъ и нынѣ за нужное разсудила препоручить ему дальнѣйшее распоряженіе ихъ ученія, чего ради имѣютъ они непремѣнно поступать какъ по оставленной имъ отъ него главной инструкціи, такъ и по приложенному при томъ и впредь посылаемымъ къ нимъ его наставленіямъ, и при томъ быть въ совершенномъ послушаніи у гдна профессора Муррея, дабы не только прилежнымъ упражненіемъ въ наукахъ исполнить намѣреніе и ожиданіе, съ которымъ они отправлены въ чужіе края, но и добропорядочными и честными поступками заслужить себѣ похвалу отъ всего Университета и дальнѣйшее попеченіе Академіи и способствованіи будущему ихъ счастію. Статскій совѣтникъ Таубертъ, секретарь Михайла Гурьевъ.

(Указъ посланъ въ октябрѣ того же года).

2.

Въ канцелярію Академіи наукъ.

Репортъ.

За минувшую сего года майскую треть передано ко мнѣ въ нѣмецкую землю только 150 талеровъ любскихъ курантъ, то канцелярію Академіи наукъ покорнѣйше прошу о выдачѣ мнѣ достальнаго жалованья.

При семъ прилагается щетъ 200 рублямъ [1]), которые канцелярія Академіи наукъ переслала ко мнѣ прошлаго года въ Гетингенъ на покупку старинныхъ въ книжныхъ лавкахъ по случаю нашедшихся книгъ Сѣверной исторіи. Канцелярія Академіи наукъ можетъ то мнѣ приписать, что я при семъ препоручительствѣ по особливому счастію во удовольствіе больше сдѣлалъ, нежели отъ меня ожидать можно было. Старинныя книги продаются по одному только случаю, котораго нерѣдко много лѣтъ ищутъ въ тунѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ я бывалъ мимоѣздомъ, не удавалось оныхъ найти; но тѣмъ больще избавился я убытка чрезъ иностранныхъ моихъ корреспондентовъ, гдна библіотекаря Гёрвелля въ Штокгольмѣ, гдна профессора Колла въ Копенгагенѣ, англійскаго секретаря посольства въ Гагѣ и чрезъ многихъ другихъ.

Ученыхъ книгъ знатоки найдутъ между купленными много весьма рѣдкихъ, которыя для здѣшней библіотеки необходимо нужны. Въ каж-

---

[1]) **Щетъ,**

сколько должна канцелярія Академіи наукъ.

	Любскій курантъ. Марка.	Шиллингъ.
A. За богемскія книги изъ Штокгольма 384 талера мѣдной монеты составляетъ любскихъ курантъ по тогдашнему курсу	78	14
B. За гаубергскія книги изъ Копенгагена, 19 талеровъ 5 марковъ 2 шиллинга датскихъ, составляетъ и съ расходами въ Любекѣ	60	15
C. Расходы Геттингскими деньгами 149 талеровъ 3 гроша или приведши въ любскіе куранты	398	15
За провозъ отъ С. Петербурга до Любека за посланныя въ геттингнскую библіотеку книги съ расходами	5	—
За провозъ бочки сѣмянъ E изъ Нюрнберга въ Любекъ съ расходами	14	10
1. За вѣсовыя деньги, 2) расходы при осматриваніи долгауза и цухтгауза, и 3) поѣздка въ Нюрнбергъ, учиненная мною для дѣлъ Академическихъ (хотя оная и втрое мнѣ дороже стала) считалъ я	70	—
За провозъ бочки съ сѣменами E изъ Любека въ С.-Петербургъ	3	6
Sagan om Ingwar Widtfarne, которые теперь только я получилъ для императорской библіотеки	2	6
Переслано ко мнѣ	634	2
200 рублей въ голландскомъ векселѣ, за вычетомъ вексельныхъ расходовъ, считая одинъ рубль по 50 шиллинговъ любскихъ курантъ	625	—
Слѣдовательно, надлежитъ мнѣ донять	9	2
9 марковъ 2 шиллинга любскихъ курантовъ составляютъ на россійскія деньги	2 руб.	88 коп.

дой книгѣ могу я дать отвѣтъ, для чего я почиталъ ее для биліотеки за нужную. Цѣны почти всѣ чрезвычайно малыя. При томъ еще и то думалъ, не находится ли уже такая же книга въ здѣшней библіотекѣ; потому я не смѣлъ поручить большія коммисіи. По сей то причинѣ покупалъ я отчасти только четвертую долю замѣченныхъ книгъ, а отчасти доставалъ я оныя за половинную только цѣну. Напримѣръ Мениисковъ (Meninski) чрезвычайно рѣдкій турецкій лексиконъ, который нѣсколько лѣтъ назадъ продавали въ Академію наукъ за 200 рублей, досталъ я только за 60 рублей. Столь же дешевы и рѣдки книги Sgyropuli Historia Consil. Florent, 70 толковниковъ Брейтингера и проч. При богемскихъ книгахъ токмо происходила ошибка, что досталися мнѣ нумера 8 и 9 вмѣсто другихъ нумеровъ, которые были богемскій лѣтописецъ. Но по счастію и сіи нумера 8 и 9 книги конфискованныя, и слѣдовательно тѣхъ денегъ стоятъ. Пренумераціонное письмо на глоссарій Иреса ожидаю я въ скоромъ времени изъ Штокгольма. Въ щетѣ упоминается, что поѣздка моя въ Нюрнбергъ касалась только до дѣлъ Академіи наукъ. Въ Нюрнберъ я ѣздилъ отчасти для того, чтобъ пріискать тамъ искуснаго человѣка въ конректоры въ академическую гимназію, отчасти чтобъ собрать разныхъ родовъ сѣмена для здѣшняго ботаническаго сада, отчасти же чтобъ описать по данному мнѣ приказанію тамошней долгаузъ (домъ полоумныхъ).

О прочихъ моихъ трудахъ подамъ въ канцелярію Академіи наукъ обстоятельный отвѣтъ при концѣ сего года.

Шлецеръ.

октября 28 дня
1766 года.

3.

Въ учрежденную при императорской Академіи наукъ коммиссію.

Репортъ.

Въ прошедшую майскую треть переслано ко мнѣ въ нѣмецкую землю 150 талеровъ любскихъ курантъ. Два мѣсяца уже ожидаю я достальнаго жалованія. Октября 28-го числа просилъ я о томъ письменно: третьяго дня напомянулъ я о томъ словесно; но господинъ титулярной совѣтникъ [1]) сказалъ мнѣ, что я ничего не получу, пока я не подамъ отвѣта, что я въ поѣздкѣ моей сдѣлалъ для Академіи наукъ.

Августа съ 1-го числа 1765 по 19-е іюня 1766 года переслалъ я въ Академію 25 обстоятельныхъ репортовъ. Сверхъ того писалъ я въ то время къ нѣкоторымъ членамъ Академіи. Что отъ меня напечатано въ нѣмецкой землѣ, то пересылалъ я иногда самъ въ экземплярахъ. По

[1]) Секретарь Гурьевъ.

пріѣздѣ моемъ получила Академія наукъ по вѣдомостямъ извѣстіе о двухъ моихъ трудахъ; то какъ не можетъ быть ей извѣстно, что дѣлалъ я въ пользу Академіи наукъ? Какъ можетъ она подъ тѣмъ видомъ, будто о томъ неизвѣстна удерживать у меня жалованіе?

Итакъ императорская Академія наукъ о томъ уже извѣстна и обстоятельно знаетъ, что я дѣлалъ. Развѣ я сдѣлалъ не довольно и что дѣлалъ, то дѣлалъ развѣ не справедливо, что хотятъ удержать у меня часть моего жалованья вмѣсто штрафа? Сіе есть иной вопросъ, котораго еще никто мнѣ не чинилъ и на который, если оной сбудется, ожидаю рѣшенія Академіи наукъ.

Въ поданномъ 28-го октября послѣднемъ репортѣ упомянуто мною при концѣ, что о прочихъ моихъ трудахъ подамъ я въ императорскую Академію наукъ обстоятельный отвѣтъ при окончаніи сего года. Не разумѣлъ я въ томъ никакого отвѣта, надъ которымъ принужденъ бы былъ признавать экономическій Департаментъ и по которому можно бы жалованье мнѣ выдать или удержать: я разумѣлъ отвѣтъ въ конференцію; хотѣлъ разсказать, какъ далеко я дошелъ въ порученныхъ мнѣ отъ всемилостивѣйшей Монархини дѣлахъ по Россійской исторіи, какъ я, по совѣту большихъ историковъ, съ коими имѣлъ я о томъ переговоры, далѣе оную исторію продолжать хотѣлъ и какія потребны мнѣ къ тому вспоможенія отъ императорской Академіи наукъ.

Какъ для Академіи наукъ, такъ и для меня самого было бы то безполезная трата времени, еслибы я хотѣлъ здѣсь доказывать, что я въ моей поѣздкѣ не токмо не былъ праздень, но и въ одномъ семъ году по моему знанію сдѣлалъ больше, нежели здѣсь на мѣстѣ въ три года могъ сдѣлать; Академія не токмо уже о томъ довольно извѣстна, но и то какъ необыкновенный и людямъ благороднаго мнѣнія не желаемой трудъ, чтобъ дѣлать реестры собственнымъ своимъ заслугамъ. Такимъ образомъ представляю здѣсь токмо генеральную опись моимъ трудамъ, сколько могу я показать ясно, а о протчихъ трудахъ умалчиваю.

I. Отвезъ я въ Геттингенъ 4 Академическихъ студентовъ и до отъѣзду моего оттуда имѣлъ я надъ оными всякое надзираніе. Слѣдствія того довольно видны. Двое младшихъ изъ оныхъ хотя и назывались студентами, однако не больше въ наукахъ знали, какъ каждой ученикъ въ хорошо учрежденной нѣмецкой школѣ; но я съ своимъ стараніемъ довелъ ихъ до того, что въ первые полгода могли они уже слушать Академическія лекціи съ большою пользою. Такой ли же успѣхъ имѣютъ по отъѣздѣ моемъ, того я не знаю; но только мнѣ то извѣстно, естлибъ они подъ моимъ смотрѣніемъ еще годъ обучались такимъ порядкомъ, то бъ Академія изъ такъ незнающихъ людей (имѣла) въ толь короткое время толь искусныхъ, какъ сіи подлинно бы сдѣлались.

II. Наложенную на меня весьма трудную коммиссію — закупать для библіотеки старинныхъ историческихъ книгъ, исполнилъ съ великимъ

прилежаніемъ и бо́льшимъ счастіемъ, нежели ожидать можно. Въ послѣднемъ моемъ репортѣ о томъ показано. Въ библіотеку доставилъ я за 150 рублей рѣдкихъ и нужныхъ книгъ, за кои бы при другомъ случаѣ 300 рублей заплатить принуждены были.

III. Описалъ я долгаузы (домы полоумныхъ) въ Любекѣ, Люнебургѣ Франкфуртѣ и Нюрнбергѣ. Сіе поручено мнѣ было отъ Канцеляріи по присланному изъ Правительствующаго Сената въ Академію запроса.

IV. Безпрерывно велъ я пространную корреспонденцію какъ по нѣмецкой землѣ, такъ и внѣ оной, отъ части для порученныхъ мнѣ дѣлъ отъ Академіи, отъ части жъ для дѣлъ, касающихся до моей профессіи.

V. Ежедневно трудился я въ превосходной геттингенской библіотекѣ и собиралъ потребное, зная, что здѣшняя библіотека къ сочиненію россійской исторіи не много служитъ. При помощи первой сдѣлалъ я слѣдующее:

VI. a) Первую часть *меморій славянскихъ* (Memoriarum Slavicorum), принадлежащихъ къ россійской исторіи до Рюрика. Сокращеніе поставлено въ геттингенскихъ сочиненіяхъ.

VII. b) *Сочиненіе о Лехѣ*. Проситъ меня Данской (Данцигской) сосіететъ, чтобъ сдѣлалъ я пространнѣе и обстоятельнѣе. Мнѣ не возможно, потому что не имѣю я при себѣ ни гетинской ни залаской библіотеки.

VIII. c) Преподобнаго Нестора житія а вообще о древней россійской исторіи, для приготовленія иностранной публики къ изданію лѣтописей, 6 листовъ уже того напечатано. Въ голландскихъ вѣдомостяхъ отъ 4-го Августа 1766 года о томъ упомянуто.

IX. d) Французская исторія для россійской публики. Академіи наукъ должность распространять науки въ государствѣ: но въ семъ еще и по нынѣ ничего не учинено; либо выбирали не весьма полезныя книги для переводу, будто бы хотѣли смѣяться надъ націею, или хотя книги и были хороши, но для здѣшней публики не годились. Сочиненная мною исторія о Франціи уповательно будетъ удобнѣе. Есть ли Академія наукъ опредѣлитъ къ тому переводчика, то не токмо можно будетъ оную тотчасъ печатать, но и стану я въ свободные часы по малу описывать исторіи всѣхъ нынѣшнихъ государствъ.

X. Въ *Гановерскій Магазинъ* внесено моихъ сочиненій, изъ коихъ четыре о россійскихъ дѣлахъ.

XI. Весьма многимъ ученымъ сообщалъ я россійскія ученыя извѣстія для исправленія большихъ ошибокъ, которыя дѣлаютъ чужестранцы ежедневно въ нашей литературѣ. Нѣкоторые явно уже употребили, напр. *Michaelis* въ руководствѣ въ N. T., *Hamberger* въ сокращеніи надежнаго его извѣстія, *Köhler* въ предисловіи къ переводу описанія земли Камчатки.

XII. Въ честь россійской литературы началъ я обстоятельно раз-

сматривать россійскія книги въ гет. гел. показаніяхъ. Поручено мнѣ непрерывно въ томъ упражняться. Въ тѣхъ же вѣдомостяхъ разсматривалъ я чрезвычайно худую шведскую исторію въ универсальной исторіи. Сіе имѣло то слѣдствіе, что издатель Д. Семлеръ и Жебуръ, который на свой коштъ печаталъ, мнѣ поручили трудиться во всей старинной исторіи о Польшѣ, Россіи и Швеціи для сего славнаго дѣла, и проч.

Чтобы въ сихъ и во многихъ другихъ по должности моей трудахъ не было мнѣ помѣхи отъ экономическихъ попечительствъ: то учрежденную при императорской Академіи наукъ коммиссію покорнѣйше прошу, дабы соблаговолено было приказать выдать мнѣ безъ дальнаго отлагательства жалованіе, котораго уже два мѣсяца ожидаю. [1])

Шлецеръ.

Ноября 2-го дня 1766 года.

---

[1]) 4-го ноября коммиссія опредѣлила: выдать Шлецеру недоданное ему жалованье за майскую треть 148 р. 21½ коп., и по его счету за книги 2 руб. 89 копѣекъ.

Exhib. in Conventu academico
d. 10 Maii 1764.

XIII.

PERICULUM

ANTIQVITATIS
GRÆCIS

COLLUSTRATAE LUMINIBUS.

Imperatoriae Scientiarum Academiae oblatum

ab

Augusto Ludovico Schlözero.

d. 30 Aprilis, 1764.

Index Capitum.

ANTELOGIUM.

Antiquitatem Russicam e tenebris in lucem vocare, impeditum opus est, multiplicisque doctrinae non capax modo, verum etiam indigum. Parum enim aut nihil scimus de Russiarum antiquis rebus, quoad, domesticorum scriptorum paupertate contenti, extrarios non consulimus, horumque opibus, magnis sane, patriam Historiam non ornamus, collustramus, locupletiorem reddimus.

Quantas utilitates *Byzantina* Historia Russicae praestet, aut ut verius dicam, quam hæc prorsus nequeat carere illius auxiliis BEYERUS quondam nostras, carum nomen doctis hominibus, luculentis exemplis commonstrauit. Quid expectari ab *Tatarica* debeat, existimare facile ii poterunt, qui norunt, quam multa, quam ieiune, annales nostri libri de rebus Tataricis commemorent. Verum est quoque *Slauorum*, a quibus Russica gens ortum ac sermonem duxit, historia longe diffusissima, cuius informe quidem sed corpus tamen nobis Jordanus dedit: est denique *septemtrionalis* historia, Islandicis monumentis comprehensa, quae quam sit in nostra Historia necessaria, haud ita pridem nouo argumento *Brocmannus* Suecus docuit (Sagan om Ingvar Vidtfarne, Holm. 1762, 4°. pagg. 280). Magnifica vero historia eademque digna coli conjunctis eruditissimorum virorum studiis, quae ex *universa Europa*, cuius magnam partem Slaui, aliique populi Russiae quondam habitatores, aut victoriis peragrarunt, aut illustrarunt stragibus, quæ ultra *Caucasum Caspii*que maris litora, quae ex ultima denique *Thule*, ornamenta sibi subsidiaque parare debet!

Verum sunt hæc omnia satis perspicua: at quis crediderit, *ne eos quidem, qui omne studium Historiae Russicae sola domesticorum auctorum lectione finiunt, carere exterarum literarum luce posse*? Atqui hoc est id, cujus probandi feci hac scriptione periculum.

Usus sum duobus exemplis Nestoris; altero *Regiomontano*, qui typis exscribi coeptus est, altero peruetusto optimæque notae codice Mscto, cuius usum mihi duobus abhinc annis *Pol'etica*, vir amplissimus, Consiliar. aul., benevole concessit.

Ceterum si cui leuis hæc opella videtur propterea, quod tota fere versetur in vocibus grammaticisque rebus: eum rogo consideret, *nihil parvum esse, sine quo ad magna progredi non licet.* Ordinis atque rationis via procedere, ut omnis antiquitatis, ita Russicæ quoque, studium debet. Quocirca prima cura esto, ut *queamus uti* diuitiis nostris, h. e. ut intelligamus annales nostros: subsequetur deinceps, quamquam longo interuallo altera, iisdem ut *recte utamur.*

Schlözer.

I.

LOCA NESTORIS RESTITUTA.

A.

Initium Annalium Nestoris, Geographiam antiquam complexum.

§ 1.

Се начнемъ повѣсть сїю. По потопѣ трїе сынове Ноевы раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. [2] И яся встокъ Симови Персида, Ватрь даже и до [3] Индїи, кія въ долготу и въ ширину [4] и до Нирокурія якоже рещи отъ встока даже и до полуденья, и Сирія, и Мидія, и Евфратъ рѣка, и Вавилонъ, Кордуна, Асуріане, Месопотамія, Аравія старѣйшая, Элумансъ и Инди, Аравія сильная, [5] Килїя,Колгини, Финикія всӵ.

Græca Cedreni.

pag. 11. 6. Σημ τω προτοτοκω .... εδωκεν απο Περσιδος και Βακτρων εως Ινδικης μηκος· πλατος δε απο Ινδικης εως Ρινοκȣρȣρων της Αιγυπτȣ, ητοι τα απο ανατολης εως μερȣς της μεσημβριας, την τε Συριαν — και Μηδιαν και ποταμον διοριζοντα αυτȣ τα ορια τον Ευφρατην.

pag. 12. 6. ȣτοι παντες εκ τȣ Σημ καταγονται, ων η κατοικια εστιν κατα μηκος απο Βακτρων και Ινδικης εως Ρινοκορȣρων. — — κατα δε πλατος απο Περσιδος και Βακτρων εως Ινδικης. Τα δε ονοματα των χωρων ταυτα. Περσις και τα εν αυτη εθνη, Βακτριανη, Υρκανια, Βαβυλωνια, Κοδρυαλια, Ασσυρια, Μεσοποταμια, Ευδαιμων Αραβια, Κοιλη Συρια, Κομμαγενη, και η φυσικη Περσις. Τα δε εξ αυτων γενομενα εθνη ταυτα· Εβραιοι — — Ελιμαιοι, Αραβες αρχαιοι κ. τ. λ.

Variantes lectiones codicis Poleticensis:

1. ѿ селѣ.
2. И яшася Симофи восточныя страны.
3. Индикія.
4. deest.
5. и Колія и Каманиги и Финикия.

Locus Nestoris in Latinum conversus:

Age, ordiamur historiam hancce. Post diluuium partiebantur inter sese terrarum orbem tres Noachi filii, Semus. Chamus et Jafetus. Quæ versus orientem spectat, eam partem Simetæ occupabant, nimirum, quicquid terrarum a Perside atque Bactria in longum usque ad Indiam porrigitur, in latum vero ab India usque ad Rinocorura, sive quæ ab ortu solis sunt usque ad plagam meridionalem: Syriam nempe, et Mediam, et Eufratem fluvium[a] (designauit Noa, qui limites Semi definiret). Porro Babyloniam, Corduennam[b], Assyriam, Mesopotamiam, Arabiam antiquissimam[c], Elymaida, Indiam[d], Arabiam potentem[e], Coelesyriam[f], Comagenem, Phoeniciamque[g].

a. Quid Euphrates fluvius hic inter regna et provincias? Supplenda igitur e Cedreno, quæ jam versioni intuli uncis inclusa.

b. R. кордуна, P. ĸородуна, Cedren. Κοδρυαλια. Codryalia ego non novi, neque Cellarius nouit. Sed est Corduenna provincia transtigritana, apud Ammianum: corrigendus igitur e Nestore Cedrenus est. Jam amica inter græcas Russicasque literas conspiratio est: præstant sibi mutuam operam.

c. Antiqua Arabia novæ opponitur, hoc est, Aethiopiæ; constat enim, Aethiopes Arabum colonos esse. Cedrenus hoc loco felicem habet Arabiam; sed paullo post *Cosaeorum* veterum Arabum meminit. (In græco omisit Cosæorum nomen typographi incuria, verum habet illud Xylandri latina versio).

d. Turbatus hic in Nestore ordo, Elimaidisque atque Indiæ nomina haud suis quæque locis posita. conf. Cedrenus.

e. *Potentem* Arabiam non novi. Cedrenus *felicem* tantum atque *antiquam* habet. Quid si pro сильная legatur скальная, *Petraea* Arabia? Скала enim petram significat; unde Polonis Ibicis nomen Skalna-koza.

f. Килія, коми, колчини, et команиги nihil esse, sed Coelesyriam et Comagenem, vulgata nomina, reponi debere, per se patet, etiam si ea nomina ipsa apud Cedrenum non essent.

g. R. et P. Финикія, contra ea Cedrenus: και η φυσικη Περσις. Utrumque satis commode; sed potuit tamen errare Nestor, ac pro φυσικη φοινικια legisse.

§ 2.

Хамови же яся полуденная часть, Египетъ, Еѳіопія, прилежащія ко Индомъ; другая же и Еѳіопія, изъ нея же исходитъ рѣка Еѳіо-

ская [1] Черманъ, текущая на востокъ: [2] Фивулін прилежащи даже къ Кvриніи, Мармарія, [3] Суритуливія, Нумидія, Масурія, Мавританія противу [4] сущи Гадирѣ. Сущимъ же къ встокомъ имать Киликію, Памфилію, Писидею, Мосію, Лукаонію, Фригію [5] Макалію, Ликію, Карію, Лидію, Амасію, Трояду, Сомуду, Вифинію, старую Фригію. И островы паки имать Сардинію, Критъ, Кипръ и рѣку Гіону, зовемую Нилъ.

Greca Cedreni.

pag. 11. 6. Χαμ — — εδωκε την προς νοτον και λιβα και μερος της δυσεως απο Ρινοκορȣρων της Αιγυπτȣ· Αιϑιοπιαν και Αιγυπτον και Λιβυην, Αφρικην και Μαυριτανιαν, εως Ηρακλειων στηλων, ητοι εως τȣ δυτικȣ και Λιβυκȣ ωκεανȣ. ποταμον δε διοριζοντα τον Νειλον, ος και Γεων και Χρυσορροας λεγεται.

pag. 13. a. — τȣτων δε κατοικια απο Ρινοκȣρων εως Γαδειρων τα προς νοτον. τα δε εξ αυτων γεννηϑεντα εϑνη, Αιϑιοπες — — — ȣτοι δε διακρατȣσιν απο Αιγυπτȣ εως τȣ δυτικȣ προς Λιβα και νοτον ωκεανȣ — — αι δε χωραι αυτων Αιγυπτος, Αιϑιοπια η βλεπȣσα κατα Ινδȣς προς ευρονοτον. Αλλη Αιϑιοπια προς νοτον, οϑεν εκπορευεται ὁ Νειλος ποταμος. Ερυϑρα η βλεπȣσα κατα ανατολας, Θηβαϊς, Λιβυη η παρεκτεινȣςα μεχρι Κυρηνης. Μαρμαρις και τα περι αυτην παντα Συρτις εχȣσα εϑνη γ΄ — Λιβυη απο Λεπτιος παρεκτεινȣσα μεχρι μικρας Συρτεως· Νȣμιδια, Μασȣνις, Μαυριτανια, ἡ και Αφρικη παρεκτεινȣσα μεχρι Ηρακλιωτικων στηλων κατεναντι Γαδειρων.

Εχει δε εν τοις κατα βορραν τα προς ϑαλασσαν Κιλικιαν, Παμφυλιαν, Πισσιδιαν, Μυδιαν, Λυκαονιαν, Φρυγιαν, Καβαλλιαν, Λυκιαν, Λυδιαν, Καριαν, Τρωαδα, Αμιωλιαν, Βιϑυνιαν, την αρχαιαν Φρυγιαν. Εχει δε νησȣς επισημȣς γ΄ Σαρδω, Κρητην, Κυπρον: επ' εκειναις δε — — [nomina minorum insularum] ποταμον δε Γειων, τον και Νειλον, ος και κυκλοι Αιγυπτον και Αιϑιοπιαν — — —

Versio Latina.

Chamitis[h] contra pars australis cessit; Aegyptus scilicet, Aethiopia ad Indos vergens, altera Aethiopia unde Nilus fluvius oritur; Erythra[i] quæ orientem respicit, Thebais, Lybia ad Cyrenam protensa, Marmaris Syrtis, Lybia (a Lepti ad paruam Syrtem excurrens), Numidia, Masuria[k], Mauritania (ad Herculeas usque columnas) e Gadium regione procurrens. Habet autem versus orientem[l] Ciliciam, Pamphiliam, Pisidiam, Mysiam[m], Lycaoniam Phrygiam, Caballiam[n], Lyciam, Cariam, Lydiam, Amasiam[o], Troada, Soli-

---

[1] Чермна. [2] Өива и Лувия, прилежащая. [3] Сурити и Лива и другая. [4] суща Гадеры. [5] Камбалію

da[p], Bithyniam, Phrygiam antiquam. Habet et insulas (insignes tres) Sardiniam, Cretam, Cyprum[q] — — — (Flumenque in Chamitarum ditione) Gihon currit, qui Nilus dicitur. [r]

h. Multa hic sunt in Nestore omnino non intelligibilia, certe parum inter sese colligata, nisi suppleantur ex Cedreno compluria nomina, quae omisit Nestoris librarius tanquam ignota sibi vocabula.

i. Черманъ. Р. чермна, non fluvii nomen est, cuius paulo ante mentio facta, sed regionis Erythrææ quam Cedrenus habet, quamque Ptolomæus etiam Cyrenaicæ tribuit. Errauit Nestor quod proprium nomen Russice convertit: ερυϑρος, ruber, чермный.

k. Масурія, Cedren. Μασδνις: utrobique male. Nota Massylorum gens, quæ in altera parte Numidiæ versus ortum solis regnabat: Massæsyli, Mauris adfines, occidentalem tenebant Numidiam. Mosyllios paullo ante Cedrenus vocat. Nisi forte Maurosii intelligendi, quos Nigretibus Strabo iungit, quorumque in Africa excitatos tumultus Cedrenus pag. 396 narrat.

l. Cedrenus: habet versus Boream mari terras adiacentes Ciliciam etc. etc.

m. Mysiam recte Nestor: Cedrenus male Μυδιαν.

n. de Cabalia Lyciæ regione vid. Cellarii Geogr. antiqua tom. II, pag. 105.

o. Amasia, Ponti regio, Cellar. I c. pag. 277. Αμιωλια Cedreni nihil est, Aeolia autem, quam Xylander interpres in eius locum ponit, ordini reliquarum prouinciarum repugnat.

p. Soli, Ciliciæ urbs: deest apud Cedrenum.

q. Hæc e Cedreno supplenda, sine quibus haud opportuna Nili mentio fuerit.

r. Nilum *Gihonem* dictum, Aethicus quoque asseuerat. Est id nomen appellatiuum, fluuiisque omnibus in Oriente commune: speciatim tamen *Nilo* tributum, atque *Oxo*, quem nunc * Syrdarja vocant Tatari.

§ 3.

Афетови же полунощная страна и западная: Мидія, Ольванія, Арменія малая и великая, Каппадокія, Фефлагонія, Галатія, Колхисъ, [1] Воспорія, Меоти, [2] Дереви, Сармати, Тавріани, Скуѳія и Ѳраци, Македонія,

* Amu-daria.
[1] Воспари. [2]. Дервіи.

Далматія, Молоси, Θессалія, Локрія, Пеленія, яже и до Пелопонисъ наречется, Аркадія, Ипиронія, Илирикъ, Словене, Лухотія, [3] Андріакія, Андріатійска пучина. Имать же и островы Вританнію, Сикилію, Евбею, Родона, Хіона, Лезвона, Куөиру, Закунөъ, Кефалинію, Иөаку, Керкуру, и часть всякія страны нарицаемую [4] Онію и рѣку Тигръ, текущую межи Миды и Вавилономъ до Понтійскаго моря.

Græca Cedreni:

pag. 12. a. Ιαφεϑ δε — — απο Μηδιας τα προς αρκτον και δυσμας, εως Γαδειρων και Βρεττανικων νησων, Αρμενιαν — —

pag. 14. a. Τα δε τȣ Ιαφεϑ εϑνη απο Μηδιας εως τȣ εσπεριȣ ωκεανȣ κατεσπαρται βλεποντα προς βορραν ȣτως. Μηδοι, Αλβανοι — — Αρμενιοι — — Καππαδοκες κ. τ. λ.

ib. αι χωραι δε αυτων· Μηδια, Αλβανια, Αρμενια μικρα και μεγαλη, Αμαζονις, Παφλαγονια, Καππαδοκια, Γαλατια, Κολχις, Βοσπορηνοι, Μαιωτις, Δερρις, Σαρματια, Ταυριανοι, Βακτριανοι, Σκυϑια, Θρακη, Μακεδονια, Ελλας, Θετταλια, Βοιωτις, Λοκρια, Αιτωλια, Αχαια, Πελοποννησος, Ακαρνανια, Ηπειρωτις; Ιλλυρις, Λυχνιτις, Αδριακη, αφ' ης το Αδριατικον πελαγος εκληϑη. — — — Ενταυϑα καταληγει τα ορια τȣ Ιαφεϑ εως Βρεττανικων νησων τα προς βορραν βλεποντα· εχει δε νησȣς Βρεττανιαν, Σικελιαν, Ευβοιαν, Ροδον, Χιον, Λεσβον, Κυϑειραν, Ζακυνϑον, Κεφαληνιαν, Ιϑακην και τας Κυκλαδας, και μερος της Ασιας την Ιωνιαν καλȣμενην· ποταμον δε Τιγριν διοριζοντα μεταξυ Μηδιας και Βαβυλωνιας.

Versio Nestoris.

Japheti[s] posteris septentrionalis plaga atque occidentalis obtigit: Media nimirum, Albania, Armenia, maior et minor, Cappadocia, Paphlagonia, Galatia, Colchis, Bosporus, Mæotis, Derbe[t], Sarmatia, Tauriane, Scythia, Thracia, Macedonia, Dalmatia, Molossis, Thessalia, Locris, Pelenia quæ etiam Peloponnesus dicitur, Arcadia, Epirus, Illyricum, Slavonia, Lychnitis, Adriace, quæ Adriatico mari nomen dedit. Habent ii etiam insulas Britanniam, Siciliam, Euboeam, Rhodum, Chium, Lesbum, Cytheram, Zacynthum, Cephaleniam, Ithacam, Corcyram, et Asiæ[u] partem quæ Jonia appellatur. (Pro termino est) Tigris fluuius, qui Mediam a Babylonia diuidit.

s. Pleraque omnia ad verbum ex Cedreno exscripta nisi quod Nestor Arcadiam Corcyramque habet, ubi Cedrenus Acarnaniam Cycladesque insulas, et quasi de suo addidit Slauoniam atque Dalmatiam, etc.

---

[3] и Андрѣиская пучина.
[4] отъ нихъ.

t. Derbe Lycaoniae urbs. Derbices ad Oxum agebant, Hyrcanis affines: Delbices Stephanus appellat, Derbios Ctesias. Male Cedrenus Δερρις: Derris enim in Africa est, Marmaricæ promontorium.

u. Lepidus vero librarii error! R. всякія, P. чавсячнкія, pro асіятическія. Ut paulo post R. Онію, P. отъ нихъ, pro Іонію, Ionia.

B.

ALTER LOCUS NESTORIS EX CEDRENO RESTITUTUS.

Nestor pag. 13.
Cedrenus pag. 154.

— — Καισαριος αδελφος τȣ — Γρηγοριȣ — — τοιαδε φασκει· εν γαρ εκαστη χωρα και εϑνεσιν εν τοις μεν εγγραφος νομος εστι, εν τοις δε η συνηϑεια· νομος γαρ ανομοις τα πατρια δοκει.

Ων πρωτοι Σηρες, το ακρον της γης οικȣντες, νομον εχȣσι το πατρωον εϑος, μη πορνευειν, η μοιχευειν η κλεπτειν, η λοιδορειν, η φονευειν, η κακȣργειν το συνολον.

Νομος δη παρα Βακτριανοις, ητοι Βραχμαναις ή εκ προγονων παιδεια και ευσεβεια, μη κρεωφαγειν η οινοποτειν η λαγνευειν η παντιαν κακιαν διαπραττεσϑαι δια πολυν φοβον ϑεȣ και πιστιν.

Καιτοιγε των παρακειμενων αυτοις Ινδων ταναντια διαπραττομενων αδεως. Εν δε τοις ενδοτεροις μερεσι τȣτων ανϑροπ[illegible]βορȣντες και τȣς επιξενωμενȣς αναιρȣντες κατεσϑιȣσιν ως κυνες.

Глаголетъ Георгія въ лѣтописаніи: коемуждо языку овѣмъ законъ исписанъ есть, другимъ же обычай, за не [1] бѣ законъ имъ отечествія мнится.

Отъ нихъ же первые Сири, живуще наконецъ земли, законъ имутъ отецъ своихъ и обычай, не любодѣяти, ни красти, ни клеветати, или убити, или злодѣяти весьма отнюдъ.

Законъ же Уктріанъ, глаголемый [2] Врахмини островницы, иже отъ прадѣдъ [3] наказаніемъ и благочестіемъ мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, [4] ни коея же злобы, страха ради многа.

Ибо [5] прилежатъ къ Индіомъ убійстводѣнцамъ скверно [6] творящимъ и гнѣвливымъ паче естества; во внутреннѣйшей же странѣ [7] ихъ человѣки ядуще, странствующихъ убиваху, паче же ядятъ яко псы.

---

1. безъ законнымъ. Cedr. ανομοις.
2. врахмани и
3. наказаніе и благочестіе имуще.
4. никоего жъ. reliqua desunt.
5. друзія близъ тѣхъ сущія инѣмъ закономъ.
6. творяще гнѣвливы пачеества.
7. deest.

Ετερος νομος Χαλδαιοις και Βαβυλωνιοις ασελγειας αναμεστος και αισχρȣργιας.

Законъ [8] же Халдеомъ и Вавилоняномъ, матери понимати, собратними чады блудодѣяти, и убиваху и безстудное всякое [9] дѣяніе яко дѣтельнѣ мнятся дѣюще, любо аще далече страны своея будутъ.

Αλλος δε παρα Γηλαιοις νομος, γυναικας γεωργειν και οικοδομειν και τα ανδρων πραττειν, αλλα και πορνευειν ως αν βȣλωνται, μη κωλυομενας παντελως υπο των ανδρων αυτων. Εν αις υπερεχȣσι και πολεμικωταται και θηρωσαι τα μη λιαν ισχυροτατα των θηριων. Αρχȣσι δε των οικειων ανδρων, και κυριευȣσιν.

Инъ же законъ Гиліомъ: жены ихъ орютъ и [10] зижутъ храмы, и мужская дѣла [11] творятъ: но люби творити елико хощутъ не воздержимы отъ мужъ своихъ отнюдъ, ни зазрятъ. Въ нихъ же суть хоробрыя жены ловити звѣрь крѣпки, и владѣютъ жены мужями своими и одоляютъ ими.

Εν Βρεττανια δε πλειστοι ανδρες μια συγκαθευδȣσι γυναικι, και πολλαι γυναικες ενι εταιριζονται ανδρι.

Въ [12] Витаніи же мнози жены со единимъ мужемъ спятъ, тако и многіе мужи со единою женою похотствуютъ, и беззаконная законъ отчіи творятъ независтно и невоздержанно.

Αμαζονες δε ανδρας ȣκ εχȣσιν, αλλ᾽ως τα αλογα ζωα απαξ τȣ ετȣς περι την εαρινην ισημεριαν υπεροριοι γινονται, και μιγνυμεναι τοις γειτνιωσιν ανδρασι, ως πανηγυριν τινα και μεγαλην εορτην τον καιρον εκεινον ηγȣνται. Εξ ων και κατα γαστρος συλλαβȣσαι, παλινδρομȣσιν οικαδε πασαι. Τω δε καιρω της αποκυησεως το μεν αρρεν φθειρȣσι, το δε θηλυ ζωογονȣσι, και τιθηνȣσι επιμελως και εκτρεφȣσιν.

Амазоняне жъ мужа не имутъ, аки скотъ безсловесный, но единою лѣтомъ къ вешнимъ днемъ оземствени будутъ, и сочетаются со окрестными. Ибо мужа яко нѣкоторое имъ торжество и великое празненство время тѣмъ мнятъ. Отъ нихъ зачевшимъ въ утробѣ, и паки разбѣгутся отсюду вси. Во время же хотящимъ родити, аще родится отроча, погубятъ; аще ли дѣвическъ полъ, то воздоятъ и прилѣжно воспитаютъ.

---

[8] инже.
[9] творятъ. reliqua desunt.
[10] созидаютъ.
[11] и орудія.

Locus Nestoris latine conversus, atque ex Cedreno restitutus.

Cæsarius. Gregorii frater, in Annalibus libris: habet suam quæque natio, inquit, aut scriptam legem, aut consuetudines, quibus a maioribus acceptis tanquam legibus reguntur.

Quorum primi Seres, ultimi terrarum orbis habitatores, pro lege habent consuetudinem a patribus traditam, ut stupro, adulterio, furto, convicio, cæde atque maleficio omni sese abstineant.

Apud Bactrianos seu Brachmanas, *insularum habitatores* [1] dictos, institutio est atque pietas a maioribus accepta, quod neque carne vescantur nec vinum bibant, et quod ob constantem dei metum lasciviam vitent flagitiumque omne.

Contra ea adfines iis Indi sine verecundia contrariam prorsus vitæ rationem tenent. Quin interiora terrarum gentes habitant, apud quas ipsae etiam epulæ visceribus humanis apparantur, quæ jugulant hospites, jugulatosque ut *canes* [2] devorant.

Alius Chaldæis Babyloniisque mos est: fornicantur cum matribus atque consobrinis, caedesque et alia quævis turpia inverecunde committunt.

Apud *Gelaeos*[3] mos invaluit, ut mulieres terram colant, struant ædificia, faciantque ea quæ alias viri solent: verum etiam scortari iis licet, quantum libet, neque viri id impediunt. Sunt inter eas bellicosæ feminæ, quæ feras etiam robustas venentur. Imperant autem viris suis mulieres, iisque iussa dant.

In Britannia multæ mulieres cum uno viro concumbunt, compluribusve viris una communis uxor est: incontinentissimeque sequuntur patrum foedos mores.

Amazones autem maritos nullos habent, sed bestiarum ritu semel quotannis circa æquinoctium vernum extra suos fines profectae, cum vicinis viris concumbunt, qui id tempus solenne et festivum quam maxime agitant. Postea quam concepere mulieres, omnes domum redeunt: ubi pariunt, mares perdunt, femellas tollunt diligenterque educant.

1. Insulas habitare Brachmanes, Cedrenus hoc loco non commemorat; sed paullo ante (pag. 152) eius rei mentionem fecit.
2. Nestor: ut *canes*, Cedrenus: ut *Cabes*; quid hoc sibi velit, ignoro. Καβηξ, καβαισος, vorax, inexplebilis: aut *Cacus* forte reponendus, famosus ille poetarum fabulis aduenarum iugulator?
3. R. Гилиомъ, P. Тилиомъ, Cedren. Γηλαιοις, Xyland. Agelæis. Et hoc obscurum: neque enim Gelæos hic intelligi puto Gelæ in Sicilia urbis habitatores.

II.

LOCA NESTORIS EXPLICATA.

§ 1. Судъ, Σουδα.

Loca Nestoris, ubi судъ occurrit, hæc sunt:

ad. a. 866. Царю же [Михаилу] отшедшу на Агоряны и дошедшу ему Черныя рѣки, вѣсть Епархъ посла къ нему, яко Русь идутъ на Царьградъ, и возвратися Царь. Они жъ внутрь СУДА вшедше, и много убійство христіаномъ сотвориша, и въ дву сту кораблю Царьградъ оступиша.

ad a. 907. Пріиде [Олегъ] къ Царюграду, а Греци замкоша СУДЪ, а градъ затвориша. И выйдя Олегъ на брегъ и воевати нача и много убійства сотвори около града.

ad a. 941. Идуть Русь на Царьградъ — и всю страну Никомидскую поплѣнивше и СУДЪ весь пожгоша [Cod. P. прежде же греческымъ воемъ не приспѣвшымъ то градъ, СУДЫ вся пожгожа огнемъ].

§ 2.

Putaram aliquando, hoc СУДЪ Islandicum *SUND* esse, adeoque fretum significare. At postquam me docuit tertius Nestoris locus, судъ esse aliquid quod comburi queat; necesse fuit, mutare sententiam.

§ 3.

Σȣδα, mediæ Græcitatis vocabulum, fossam significat, ac proprie quidem fossam sudibus munitam, qua muniri castra solent (ein mit Pallisaden umsteckter Graben). Frequentissime utuntur eo vocabulo cum omnes scriptores Byzantini, tum Constantinus maxime Porphyrogenneta: vid. Cangii Glossar. Græc. sub voce Σȣδα. Talem sudam vero in vicinia Constantinopoleos fuisse, non nostrates tantum auctores dicunt sed et ipsi Græci. Locus est apud Symeonem Logothetam in Leone Armenio, quem ait exstruxisse alium murum extra illum, cui Blachernæ nomen dederunt, Sudamque illam latam fodisse [ηρξατο κτιζειν ετερον τειχος εξωθεν τειχȣς των Βλαχερνων, κοψας και την σȣδαν πλατειαν].

Restat adhuc quærere, an non Byzantini quoque scriptores ubi Russorum contra Græcos expeditiones narrant, Sudam quoque hanc ab iis combustam alicubi commemorent.

§ 4.

Ceterum, ne cui mira videatur ista græci vocabuli in Russiam traductio, monstrabo illud totam fere Europam peragrasse. 1. Non prorsus novum est, nam habet jam Scholiastes Euripidis in Phoeniss. 2. In Creta insula urbi SUDA nomen dedit. Arabes enim, ut Symeon Logoth. refert, ex Hispania in Cretam appulsi, castra sua statim vallo munierunt, unde postea urbs et nomen nobis Suda ortum traxit. Superest quoque in ostio Orontis fluuii, Σȣδι dicto. 3. In Visigotorum Legibus Sudes occurrunt, hoc est, fossæ feris insidiandi causa præparatæ, quas eædem Leges alio loco Foveas nuncupant. 4. Fossæ significatum habet etiam *Sode* in German. *Salz-Sode*, fodina Salis. Anglo-Sax. *Seath*, fovea, lacus, puteus: unde *Sealt- seath*, salina.

§ 5. DE IGNE GRÆGO.

Locus Nestoris ad annum 941 hic est:

E. Cod. Regiom.

——— и брани межи ими бывши злѣ, одва одолѣша Греци. Русь же возвратишась по дружинѣ своей къ вечеру и на ночь влѣзоша въ лодьи и обѣгоша. Θеофанъ же усрѣте я въ олядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огнь на лядьи рускія, и бысь видѣти страшно чудо. Русь же видоху пламень, и вметахуся въ воду морскую, хотя же убрести, и тако возвратишась во свояси. Тѣмъ пришедшимъ въ землю свою, повѣдаху кождо своимъ и о бывшемъ и о оляднемъ огни: Яко же и молнія, рече, иже на небеси, Греци имутъ у собе, пущающе жгутъ насъ и сего ради не одолѣхомъ имъ.

E. Cod. Politic.

——— И брани межи ими бывши злѣ, и одва одолѣвше Греци, Русь же возвратишась ко дружинѣ своей къ вечеру, и на ночь влѣзша въ лодья и отбѣгоша. Романъ же царь посла надъ Романы, елико бяху въ Константіне граде, съ Θеофаномъ патрикіомъ на Русь лодейныя воя. Θеофанъ же прежъ Руси уряди и уготовивъ ожидая въ лодіяхъ Руси, хотя на ня ити: и скрестна г҃лемаго форастражища, въ неижъ огнь влагаемъ на просвѣщеніе внощи, и сеи на усть Понта стражбудѣя за не ту частое разбойничество и на страны нагнанія, ихъ же разби Иравлія. Тогда жъ полкуи и Руския лодья разруши, и *устроеніемъ* огнемъ поже. Усрѣте я въ олядехъ со огнемъ и *пущати* начать огнь *трубами* на лодьи Рускія, и бысь видѣти страшно чудо. Русь же видяще пламень вметахуся къ воду морскую, хотяще убрести и мнози истопоша, и тако проклодѣй возвратишась на побѣгъ во своя си. И пришедшимъ имъ въ

землю свою, и повѣдаша коиждо своимъ о бывшемъ о олядномъ огни якоже *молнія* рече иже на небесѣхъ Грецы имуть у собе ижъ пущаху иже жагу насъ, и сего ради не могохомъ одолѣти имъ.

§ 6.

Perspicuum est, Nestorem hic de Igne græco loqui, cuius novitate aut prodigio potius perculsi Russi non græcorum virtute victi, ingentem cladem passi sunt. Rationem huius ignis ipse adeo Nestor ignorasse videtur. Tanto iucundius est videre, quam belle ei tamen conueniat cum extrariis Scriptoribus qui de isto igne exposuere accuratius.

§ 7.

Scilicet diu ante Christum natum non missiles tantum ignes sed etiam automati ignis genus quoddam quod a nostro nitrato pulvere proxime abest, cum aliis antiquis populis, tum Indis maxime, cognitus fuit. Postea Sæculo VII^mo æræ nostræ de igno græco primum audiri coeptum est, cuius quidem et inuentorem et inuentionis rationem totam prorsus ignoramus. Eum enim ab angelo quodam Constantino Magno Imperatori primum monstratum, credat Constantinus Porphyrogenneta (de administr. imper.), non ego. Theophanes auctor est imperante Constantino Pogonato Callisticum quendam a Saracenis profugum Architectum eius usum circa annum 655 Christianos docuisse. Saraceni eo usi leguntur contra Græcos a. 672, Constantinopolitani contra Saracenos a. 718, iidem Saraceni contra Ludovicum Sanctum Gallicarum regem a. 1250. Operæ pretium sit inquirere apud Scriptores Byzantinos fecerintne eius mentionem etiam in hac Russorum contra Constantinopolin expeditione, a. 941. facta.

§ 8.

Fiebat ex Naphtha iste ignis, quam Medeæ oleum dixere Graeci. Eam eminus in hostium navigia eiaculabantur per Siphones æneos. Rationem omnem eius conficiendi *Aeneas* in Poliorceticis descripsit, sed quæ lucem publicam nondum viderunt.

Sifonum formam nobis conservarunt *Heronis Alexandrini* Pneumatica. Videntur ii initio machinæ satis grandes fuisse, aere obductæ (εμπροσθεν χαλκω ημφιεςμενος, Leo in Tact.), atque ad proram navium constitutæ non omnium, sed quorundam tantum, quas conferre cum nostris *Brulots* vel *Branders* possis. Dictae eæ naves Κακκαβοπυρφοροι (igniferæ naues Caccabi forma constructæ), et δρωμωνες σιφωνοφοροι (naves longæ siphoniferæ

---

arab. حَرَّاق Gol. pag. 600.

Qui siphonibus hisce ignem græcum eiaculantibus ad proram præerat, vel qui ipsum ignem per siphones in hostes eiaculabatur, Σιφωνατωρ nominabatur. Serius tandem, hoc est imperante Leone Philosopho, Χειροσιφωνες inventi, h. e. tubuli manuales vel qui manibus teneri poterant militum ignem eiaculantium. Describit eos idem Leo in Tacticis.

Ceterum qui nobis vulgo græcus ignis dicitur is ab ipsis Græcis πυρ θαλασσιον (*marinus*), υγρον (*humidus*), σκευαστον, εσκευασμενον, ενεργον (*factitius*) nuncupari consueuit.

§ 9.

Bene vero hæcce omnia Nestori cum græcis auctoribus conueniunt. Siphones is commemorat e quibus ignem eiaculati græci (пущати трубами): quin et nomen habet, σκευαστον πυρ (устроеныи огнь): additque præterea *flammas* et *fulgura*. Quid sit оладный огнь, equidem non divino, neque reponere лодный (navalis ignis, θαλασσιος) audeo prius, quam Codices Msctos Nestoris plures inter sese conferre mihi licuerit.

§ 10. Дымъ.

«Козаре, inquit Nestor ad ann. 859, имаху дань на полѣхъ, и на Сѣверѣ, и на Вятичехъ по бѣлкѣ З'ДЪІМА». Græca locutio: καπνος enim et fumun, et focum, et aedes quæ focum habent, significabat, ac secundum των καπνων numerum tributa quædam pendi consueverant. Ita Novella. 1. Alexii Comnenii: απο μεν της χωρας της εχδσης καπνδς λ, νομισμα ην χρυσδν — απο δε εχοντος δεκα καπνδς χωρια, αργυρα ε αρνιον εν.

Tributum hoc, quod singulæ καπνα vel καπνοδοχεια (Gall. Foyers, Rauchfänge præstare debebant καπνικον proprio nomine dictum. Inde quoque καπνολογειν, exigere Capnicum. Loca plurima citat du Cangius.

§ 11. Кувара.

Est id navigii græci genus, cuius mentio fit in actis foederis, quod Igor cum Romano Græcorum Imperatore fecit (n. 7.). Κδμβαριον, Κομβαριον, Κομπαριον, frequentissimum in Historia Byzantina nomen, navem longam significans, quæ remis agitur, nunc *Salera* dicta. Consentiunt Scriptores, et nomen nauigii et formam a Saracenis esse: iilud igitur a magnitudine ductum (كبر), eadem ratione ut *Felouque* (فلك) a rotunditate. Transiit nomen ad Venetos, qui dixere *Gombarias*: neque *Cumba*, mediæ Latinitatis vocabulum, hocce κδμβαριω differt, quamquam non longam nauim

. ita quoque pag. 14. Даша (поляне) отъ дыма мечь (козаромъ).

sed breuem, lintrem, vel scapham, significet. Ceterum Корабль καραβος, Carabus) etiam e Græcia esse, alibi ostendi.

§ 12. Мѣсячные.

In iisdem actis foederum Russos inter atque Græcos percussorum commemorantur Мѣсячныя, iis tribui solita, qui mercaturæ faciendæ caussa e Russia in Græciam commeabant. Quam obscura sint omnia, quæ Nestor de iis memoriae prodidit, quam nihil de iis finiri certi queat, facile patebit ei qui, quæ passim de iis habet Historiæ Russicæ pater, voluerit cum cura in unum locum conferre, quod quidem in tanta antiquorum Codicum penuria facere velle vix sit operæ pretium.

Interea incidi in quædam loca græcorum Scriptorum, quæ facere aliquid ad illuminanda illa Nestoriana мѣсячныя posse mihi videntur. Nam ne quid de μηναιοις dicam seu menstruis distributionibus fieri solitis, quorum meminit Euchologium: reperio apud *Cedrenum* (an. 16. Anastasii) μηνιαιας αννονας, annonam menstruam; reperio quoque consimile prorsus vocabulum μηνιατικον, tributi genus, apud *Phranzem* L. III. cap. 24, et μηνιαιον apud *Symeonem* Logothetam. Verum quid fuerit proprie illud μηνιατικον, id equidem adhuc ignoro.

§ 13.

Философъ. Языкъ. Дружина.

Philosophorum subinde meminit Nestor, quorum opera cum Russi tum Bulgari sint ad Christum conuersi. Ne quis hic philosophos intelligat, quos nos vocamus, sed Monachos potius: ea enim vocabuli significatio apud Christianos et græcos et latinos in frequentem promiscuumque usum uenit. Φιλοσοφειν, monachicam vitam profiteri, jam Philo de Essæis dixit. Eodem sensu est apud Historiæ Ecclesiasticæ Scriptores Byzantinosque alios: addunt interdum φιλοσοφειν θεω, εν χριστιανισμω, κατα τον της εκκλησιας θεσμον, την ερημιαν, et huiusce modi alia. Ita quoque φιλοσοφος monachus: εκκλησιαστικος addit Sozomenus: et φιλοσοφια vita monachica, cui haud raro epitheta μοναχικη, θεια, φιλοθεος et ασκητικη attribuuntur.

Языкъ, lingua, sed Nestori populus; et hoc quoque græcismus est. Ita exempli causa in Vita S. Eudociæ: ȣκ Ισμαελιτων μονον αλλα και Αβαρων και ετερων γλωσσων. Plura loca laudat du Cangius in voce Γλωσσα. Medium æuum Latinum quoque *Linguam* ea significatione dixit.

Дружина, copiæ sociæ, amicæ, præsertim ad custodiam principis corpori appositæ, a другъ, amicus. A lectione Scriptorum Byzantinorum recenti non poterat non in mentem venire των εταιρειων, de quibus longa disputatio est apud du Cangium pag, 439).

III.

LINGUA RUSSICA

Græcissans.

§ 1.

Russorum, atque Slauorum adeo omnium, linguam, ab eadem matre esse progenitam, quæ Græcam, quæ Germanam, quæ Romanam peperit, in Specimine Glossarii Russici iis argumentis confeci, quæ rerum harum intelligentibus facile se probare queant.

Postea, cum pars huius populi ea lingua matrice utentis a reliquo corpore sese seiunxisset, relictisque auitis sedibus ad Volgam consedisset, Sarmatarum olim confuso nomine, post accuratiori Slauorum inclyta: novæ gentis exortus nouus sermo est, quem ita immutauit sæculorum cursus, ut alius prorsus a Græcorum, a Romanorum, a Germanorum sermone videatur, communisque harum omnium linguarum origo in solis adhuc vocum seminibus, quas radices vocant, neque nisi ab exercitatis oculis, cerni queat.

§ 2.

Verum cum DCCC abhini annis Russia, victa profanitate, Christo nomen daret; coepit denuo esse aliqua Græci Russicique sermonis communitas. Inde enim ab eo tempore Russica lingua non tantum magna vi vocabulorum Græcorum aucta fuit, sed tota quoque eius ratio ad græci sermonis ingenium ita immutata, ut si quis utrisque linguæ bene gnarus antiquissimorum nostrorum Scriptorum libros legat, putet se subinde non Russica legere sed e Græco ad verbum Russice conuersa.

§ 3.

Juuat exemplis aliquot commonstrare, quantas diuitias pararit patrio sermoni religio, artes atque scientiæ e Græcia petitæ, mercaturae mutuæ, bella, denique conjugia inter utriusque populi principes inita: eumque in finem indicem vocabulorum Russicorum proponam, quæ ignota antiquis Slavis posterior demum ætas, græcis ritibus moribusque imbuta, ciuitate donauit.

In tria vero genera partiri ea vocabula visum est. Primum genus eorum est quæ origine et significatione græca sunt; *alterum* eorum, quæ ori-

gine quidem Russica sunt, at græca significatione atque translatione (v. c. воскресеніе, resurrectio, Russicum est; at quod diem dominicam designat, id e Græcia est): *tertium* denique genus ea complectitur, quæ peregrina quidem atque aliunde accepta sunt tamen et græcae et Russiae linguæ communia, tanquam сундукъ.

Explicare vocabula hæcce, longum sit atque a brevitate huius Scriptionis alienum. Sufficit sola eorum recensione monstrasse, quam latus iste campus sit, quamque utiliter exercere se in eo hominum græce russiceque doctorum queat industria. Nequit a verborum inuestigatione amplissima rerum cognitio sejungi. Quocirca si quis cum cura atque studio versari in hac litterarum Russicarum parte voluerit; poterit is, quamquam nil nisi Grammatici nomen professus *officia aulica* quæ Russia olim habuit explicare feliciter, poterlt tenebras dispellere, quas *Historiæ monetariæ* Russicæ, quas *Historiæ ecclesiasticæ*, quas *Juri ciuili* atque *legibus* patriis temporum tractus obduxit atque incuria.

§ 4.

Primum genus.

Mitto hic vocabula Монастырь, Лавра, Игуменъ, Митрополитъ, Іеромонахъ, трапеза, схима, Діаконъ, амбонъ, aliaque quam plurima, quæ græca esse, latet neminem. Eorum loco alia proponam aliquanto ignotiora:

Βαριον apud Hesychium et Theodorum, ovis. Russ. *баранъ*.

Βολυμη plumbum, corruptum ex Μολυβδος. Russ. *олово* stannum, Polon. plumbum.

Γραμμα πεζον. Edictum Imperatoris, Russ. *Граммота*.

Καραβος genus nauigii. Russ. *Корабль*.

Λεντιον, Hesych. περιζωμα ιερατικον: Russ. *лента*.

Μανδρα, proprie caula ovium, deinde Monasterium, unde Αρχιμανδριτης. De differentia Δρχιμανδριτȣ et Ηγȣμενȣ longa est apud Cangium ex Antiquitatibus græcis disputatio.

Μηναια, volumina cujusque divi et cuiusque sancti officia continentia. Ita quoque Πατερικον, liber vitas Patrum complexus.

Οξυς, acetum. Russ. *уксусъ*.

Οδηγητρια, epitheton Deiparæ, quod explicauit Cangius in CPoli Christiana Lib. III. Reperi idem Epitheton, ni fallor, in Historia Sibirica Cel. *Mulleri*.

Οκνα foramen dolii in Turcogr. Crussii: apud Epiphanium pars nauis est, haud intellecta Cangio. Russ. *окно*.

Παγανος, gentilis. Russ. *поганъ*.

Παπας, πρωτοπαπας, παπαδια (попадья) etc.

Παραμοναριος, Custos Ecclesiæ: Lat. *Mansionarius*, Russ. пономарь.

Πιϑηκος, simia: Russ. пификъ.

Σπεκλον, vitrum, corruptum e Lat. Speculum. Russ. *стекло* Artem vitriariam e Græcia religio invexit in Russiam, ut ex Italia in Angliam.

Σταυροπηγιον quid sit, quod Cœnobiis Russicis immediatis nomen dedit, docte interpretatur Cangius Glossar. pag. 1432 sqq.

Συγκλητικοι, Senatores, Proceres, Συγκλησεως nomen Nestor pluribus locis Clero attribuit.

Ταμεῖον Aerarium principis; ταμειακα quæ pertinent ad fiscum; ταμειακοι qui tractant principis patrimonium. Videtur inde Russ. *таможня* portorium, effictum.

Τετραδερμον, quaternio ex Pergameno: it. τετραδιον. Russ. *тетрадь*.

§ 5.

Alterum genus.

Αυτο-κρατωρ, Russ. *само-держецъ*.

Ανασαστασημος ημερα, Russ. *воскресеніе*: utrumque nomen a resurrectione ductum.

Αχειροποιητοι imagines Christi vel Deiparæ, divinitus, non arte humana pictæ. Russ. *не-руко-творительный*.

Βαπτιζειν, non baptizare tantum, verum etiam Patrinum esse: ut Russ.

Γερων, senex, post monachus: speciatim eo nomine in Græcia etiam nunc Episcopos compellant.—Καλογηρως bonus senex, idem monachus, etiam nunc apud plurimos græci ritus populos, tanquam apud Uscochos etc. —Μελανειμονες atrati, it. monachi, quod nigras vestes ferrent: opponuntur iis λευκημονȣντες.—Αδελφικον, fraternitas, it. Monachorum coetus.

Patet hisce vocabulis omnibus exacte respondere Russica *старецъ*, *черноризецъ*, *Братья* etc. etc.

Εμποριον Burgum adjunctum castro, commercandi ideam habet adjunctam, ut Russ. *посадъ*.

Ζω-γραφος pictor, Russ. *живо-писецъ*.

Θεοτοκος, Deipara — *Богородица*.

Θεοφανια — *Бого-явленіе*. etc.

Κεφαλη, dux exercitus. Russ. *голова*.

Μεγαλειοτης, majestas — величество.

Στεφανȣν matrimonio conjungere, a στεφανοι coronæ nuptiales. Russ. *вѣнчать* a вѣнецъ.

Συναξις a συναγειν, celebrare Synaxin in ecclesiam coire. Russ. *соборъ*, a собрать.

Συγγνωμην αιτειν, veniam rogare: vox monachorum cum ab se invicem discedunt. Inde nostrum прощай. Eodem sensu medium æuum latinum *veniæ* usurpavit vocabulum.

Τυροφαγος, Hebdomas quæ subsequitur Dominicam της αποκρεȣ, sic appellata a Dominica quæ hanc perinde excipit, cui Tyrophago a casei esu nomen est. Russ. *сыропустъ*.

Ψυχη homo, proprie anima; ψυχαριον, mancipium: Russ. *душа*. Ita quoque Latino Barb. *Anima*.

§ 6.

Tertium genus.

Αγγȣριον, cucumer; Russ. *огурецъ*: Tataricum videtur: est enim in Usbeckorum tractu provincia, quam a cucumerum multitudine Ogurzam dici peregrinatores perhibent.

Αχταρα vel. Ιχταρα, apua, albula piscis. Nescio, an inde vox Russ. *кира* queat illustrari.

Αμανατη non intellexit Cangius: at patet id esse Russicum Tataricumque *аманатъ*, obses.

Βαβα, avia, Russ. *баба*.

Βαμβαξ vel βομβακιον, gossypium: βαμβακιον, charta ex panniculis vel linteolis confecta. Russ. бумага.

Εβγα s. ευγα, oriens. Rus. *югъ* } Rationes mutatæ paullulum a
Ζερβος, sinister, lævus. Russ. *сѣверъ* }
Russis significationis horum vocabulorum possunt ex universali grammatica reddi.

Ζακανον lex, mos receptus. it. adscriptio anni mensis et diei. Occurrit aliquoties apud Scriptores Byzantinos, scribiturque etiam ζακονιν. Russ. *законъ*.

Καβαδης, καβαδιον; toga virilis. Russ. *кафтанъ*.

Καβος s. καδης, Cadus, vas. Russ. *кадь*.

Κοιλον mensuræ species: sine dubio. Russ. *куль*.

Φεδȣρα vas ligneum: forte Russ. *ведро*.

Κολλιξ vel κολλικιον, species panis rotundi, jam apud Athenæum occurrit. Russ. колачъ. Obuiat etiam in actis germanicis medii aeui, vid. *Haltausii* Glossar. Germ. pag. 1107.

Κομπαρ e Lat. *Compater* contractum. Inde Russ. *кумъ*, Bohem. kumr.

Κȣρβα meretrix.

Κρȣμενα crumena: Russ. карманъ.

Μαιμȣ, simia. Memini me alicubi in Aduersariis *Messerschmidtianis* cursim legere, id Simiæ nomen in Sibiria esse. Tat. ميمون

Μεδος, medo, hydromeli. Russ. *медъ*.

Μελκη, Paulus Aegineta definit οψον τι δια γαλακτος. Russ. *молоко*.

Παζαρη forum, emporium: unde εμπαζαριωτης, Salsamentarius. Russ. *Базаръ*, Tat. بازار

Πασμαχζης Calceorum feminarum confector. Russ. *Башмакъ*.

Ρενδα, cingulum, quo reges cinguntur: verum etiam stola, vestimenti genus ad talos usque demissum; ita enim Hebr. אדרת Jos. VII. 21. vertit græcus quidam auctor apud Cangium. Forsitan serviet hoc vocabulum inueniendo etumo τȣ *Рынды* de quo quæsiuit Cel. Mullerus in Samml. Ruß. Gesch. Vol. V. pag. 29. hærere enim iis id nomen a stolis poterat, quo tanquam proprio vestimenti genere utebantur. Cæterum est quoque medii aeui latina vox *Rinca* explicata a Cangio; est quoque Ρενδακις cognomen Sisinnii Patricii CPolitani apud Theophanum; sed nondum contigit mihi, ea loca examinare.

Ραβαν τιτζινη, Rheum barbarum. Russ. *ревенъ*.

Ραδα linea, Russ. *рядъ*, Svec. rad.

Ῥȣττα manipulus militum. Russ. *рота*.

Σεντȣκιον vel. συνδȣκιον vel. σενδȣκη, arca: Russ. *сундукъ*, Tat. صندوق

Σκουτλον lanx, catinus. Slav. *скудель*, Schüßel.

Σπαϑα, Spatha, major gladius. Russ. *шпага*.

Σσοφοριν muliebre vestimentum. Russ. *сарафанъ*.

Ταρχαν, dignitas apud Persas, apud Menandrum. Superest id nomen etiam nunc in populis quibusdam Tataricis Russorum potestati subjectis, cuius explicationem dedit *Rytschcovius* in Hist. Orenburg.

Φαναρη, laterna: Russ. *фонарь*, Tat. فنر

Φοτιλιον, ellychnium: Russ. *фитиль*, فتيل

Φολκον, cuneus militum. Russ. *полкъ*.

etc. etc. etc.

COROLLARIUM.

Φιλολογȣμενα super vocula.

вичь.

§ 1.

Proposuit Cel. Mullerus (in Ежемѣсячныя сочиненія, генв. 1763, pag. 94) quæstiones 7 super hac vocula. Earum tres grammaticæ sunt, huiusque argumenti:

1. Отъ чего происходитъ окончательный слогъ **вичь**, прилагаемый для чести къ отеческому имени?
3. Употребляется ли въ той же силѣ и въ другихъ отъ Славенскаго произшедшихъ языкахъ?
4. Польской и Малороссійской окончательный слогъ **вичь**, которой прилагается къ прозваніямъ одного ли съ нашимъ свойства и происхожденія?

Quae reperire adhuc potui facientia ad has quæstiones, hæc fere sunt?

§ 2.

1. Significatio voculæ hujus.

Filios a patribus nominari, tam est consentaneum naturae, ut fere omnes populi in eo more conspirarint, quamquam cum aliqua diversitate, si fas est in re tam parua subtilitate atque elegantia uti: nam

1. aut plene dicunt: Cajus filius Titii. Ita Arabes; e. c. Mahomed Ibn (filius) Abdallah.
2. aut addunt simpliciter Patris nomen, idque

   vel in Nominativo: ita *Romani*, v. e. *Marcus Tullius*. vel in Genetivo: ita Græci, v. e. Αλεξανδρος ο τȣ Φιλιππȣ, scilicet υιος.

3. aut plene quidem loquuntur, ut Arabes, verum ex utroque vocabulo unum formant, v. e.

Suecice: *Pehr***son**, *Clas***son**, pro *Pehrs son.*

Saxonice: Petersen, Janssen.

Littuanice: *Adoma***itis**, Adami filius.

*Adoma***ite**, Adami filia.

Lettice: *Kla***wens**, Claudii filius.

*Anne***ne**, Annæ filia

Portugallice; *Sanch***ez**, *Henriqu***ez** h. e. Sanctii etc. filius.

Anglo-Saxonice: *Pudd***ing**, Puttæ filius.

*Beorn***ing**, Beorni filius etc.

Ita quoque *Mero***vingi**, *Caro***lingi**, *As***tingi** apud Jornandem, *Lith***ingi** apud Paull. Diac. etc.

Moldavice: *Arap***esti**, *Movul***esti**, *Tautul***esti** etc.

Græcobarbare: Ὁμβερτοπȣλος, Humberti filius.

Θεοφιλοπȣλος, Theophili filius.

Romani: *Achill***ides**, *Romul***ides**.

Polonice: *Krole***wic**, *Woiewodz***ic**, *Szlách***cic**.

ita Russice: **Ивановичь.** etc.

§ 3.

Verum filium denotare hanc voculam nominibus propriis subiunctam, de hoc nemo est qui dubitet. Quæritur, *quid per se significet, neque in conjunctione posita?* Ne cui putida aut ridicula videatur ea quæstio. Nihil fere est in linguis fortuitum, nihil temere in frequentem promiscuumque usum venit. Reperit Wachterus origines syllabæ **er** (Schneider), **heit** Weisheit), aliarumque consimilium: reperiet si quis aliquando exorietur Wachterus Russicus, Dialectos Slavonicas omnes scientia philosophica complexus, origines syllabarum **ость** (in рад**ость**), **итель** (in служ**итель**), **ище** (in дом**ище**), quos ignorare non turpe quidem aut damnosum sit, at scire tamen jucundum.

§ 4.

Ordiamur a cognitis, atque ita deinceps progrediamur ad incognita aut obscura:

Suecicum son, Saxonicum sen, manifesto est a Sohn, filius.

Germanicum atque Anglo-Saeconicum **ing** s. **ling** est a Cambrico engi, parere: unde Germ. jung, Fris. **inga.**

Græcobarbum πȣλος est a Lat. **pullus,** quod ab avibus sumtum translatum postea ad quoduis paruum s. nondum adultum.

Unde Moldavicum **esti,** Portugall. **ez,** Letticum **ens** trahat originem frustra adhuc quæsiui. Jam videamus de **вичь.**

§ 5.

II. Origo voculæ вичъ, eiusque usus in aliis linguis cognatis.

Antequam ad id aggrediar, hæcce mihi dari velim:

1. Linguam Slavonicam hactenus eandem esse cum latina atque græca, quod omnes eæ linguæ ex uno fonte manarint.
2. Incredibiles in vocibus injuria temporum mutationes contingere at non fortuitas illas, sed constantibus adstrictas legibus, quamquam vulgo ignotis.

Hisce positis, nullus dubito, terminationes:

Græcam Αχιλλιδης
Latinam Achillides
Lithuanicum Adomaitis
Polonicum Korolewic, et
Russicum Ивановичъ, pro iisdem habere, cum significatione prorsus, sono autem multum conveniant.

Undenam istud **idis**, ιδης, **itis**, **wic**, **вичъ**? — Deprehendi, affinitatis vocabula propemodum omnia eadem esse in linguis Europæis, indicemque eorum in Specimine Glossar. Russ. dedi. Cui igitur probabile non videatur, vocis græcæ ὑιος superesse ad minimum adhuc vestigia quædam in reliquis linguis græcæ cognatis? Et sunt certe quam plurima, quamuis haud primo obtutui obuia. Ab υιος, formauit antiquum Latium *Fidius* (Funccii de Orig. Lat. Linguæ Cap. IV. pag. 271), pro quo postea *filius* dixit, ut *lacryma* pro *dacruma*, *lautia* pro *dautia*. Aspiratio primæ vocalis transierat in labialem literam *f*, Dialectorum legibus conuenienter: verum denuo rediit in Hispania (filius, Hispan. *hijo*). Eandem aspirationem Lithuanus prorsus omisit (Adomaitis), contra eam Slavus mutauit in *w*, siue labialem leniorem (**вичъ**: abest tamen etiam interdum, e. c. **никитичъ**).

§ 6.

III. Consectaria.

Non igitur Russicæ linguæ propria est hæc terminatio, sed Slavicis fere omnibus communis, quamuis varia fata passa, nam

1. In *Polonia* et *Ucrania* e patronymico nomine gentile factum est, et cum natura sua indiuidua aut consobrinos tantum distingueret, postea familiis integris inhæsit, quotiescunque aliquis eminuit in populo, neque ipse tantum meruit digito monstrari et dicier: hic est, verum dignitatis suæ partem ad posteros quoque transmisit.

Idem accidit in Suecia et Saxonia inferiori: *Classon* enim et *Petersen* etc. nunc familiarum nomina sunt.

2. in Russia mansit quidem patronymicum, at non promiscuum verum valde **honorificum**: perinde atque græcum πȣ̃λος, quod egregie illustrat Russicum **вичь** et de quo longa est apud du Cangium disputatio. In Polonia secus euenit; non enim noui ullam familiam Polonicam illustrem, cuius in nomine obuiet nostrum **wic.** *)
3. in *Lettica* lingua terminatio **ite** nihil nisi **Diminutiua** format: e. c. **semmite**, parua terra, a semme etc. Idem in græco πȣ̃λος accidit: nihil est enim vulgatius in recentiori Græcitate, quam tales Diminutiva, v. e. αμαξοπȣ̃λος.
4. in *Bohemica* deflexit ad Adjectiva **Possessiva**, v. e. Petrowic dom, domus Petri.

Si digna visa fuerit Academiæ hæcce scriptio, quæ typis exscribatur: secundis curis eam perpoliam, addamque, quæ interea dies me docebit, et studium, doctorumque hominum consilia.

Auctor.

Mihi quidem prelo digna essse videtur.

Müller.

d. 10 Maii.

Neque ego abnuo: conatusque istos laudo, majoremque partem probo.

Fischer.

Hoc periculum ita conscriptum est, ut quicunque linguae Russiacae ignarus legerit, illam filiam esse Graecae credat necesse est, quod tamen cum veritate pugnat. Idcirco eo habitu, quo nunc apparet, in publicum prodire non debet. Taceo non pauca alia corrigenda. M. L. (Мих. Ломоносовъ).

---

*) Sed Dalmaticas reperi aliquod

XIV.

РУССКАЯ

ГРАММАТИКА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Объ азбукѣ.

§ 1.

Русскій алфавитъ, какъ онъ употребляется нынѣ, состоитъ изъ 31-й буквы, которыя имѣютъ слѣдующее начертаніе, названіе и значеніе:

А	а	азъ	a
Б	б	буки	b
В	в	вѣди	w (§ 2).
Г	г	глаголь	g (§ 3).
Д	д	добро	d
Е	е	есть	e (je) (§ 20).
Ж	ж	живѣте	sch (но мягко, какъ франц. j, польск. ż, см. § 4).
З	з	земля	s (мягко, какъ греч. ζ).
И, І	и, і	иже	i
К	к	како	k
Л	к	люди	l
М	м	мыслѣте	m
Н	н	нашъ	n
О	о	онъ	o
П	п	покой	p
Р	р	рцы	r
С	с	слово	s (твердо, какъ sz).
Т	т	твердо	t
У	у	у	u
Ф	ф	фертъ	f
Х	х	хѣръ	ch
Ц	ц	цы	z
Ч	ч	червь	tsch (англ. ch).
Ш	ш	ша	sch

Щ	щ	ща	schtsch или stsch.
Ъ	ъ	еръ	см. ниже § 18.
Ы	ы	еры	польск. *y*, см. ниже § 24.
Ь	ь	ерь	см. § 14.
Ѣ	ѣ	ять	см. ниже § 22. слѣд.
Ю	ю	ю	
Я	я	я	

Глава II.

Произношеніе и раздѣленіе согласныхъ.

§ 2.

В обыкновенно произносится, какъ *w*, но звучитъ, какъ *f*

1) на концѣ слова, какъ въ именахъ городовъ и фамилій, которыя часто оканчиваются на *овъ* и *евъ*, напр. *Черниговъ*, *Гурьевъ*;
2) предъ другою твердою согласною, какъ *втеку*, *овца*, *все*.

§ 3.

Г звучитъ какъ *g* въ словѣ *geben*; но иногда какъ

1) *ch*, какъ въ словѣ *Богъ* и въ нѣмецкихъ названіяхъ городовъ на *burg*: какъ *Оренбургъ*; а такъ же когда за нимъ слѣдуетъ *к*, какъ *легкой*, *мягкой*;
2) какъ *h*: въ косвенныхъ падежахъ слова Богъ: *Богу*, *Богомъ*, а такъ же въ словахъ: *того*, *Государь*, *Го́сподь*, *гласъ*, *благо* и всѣ производныя отсюда и сложныя съ ними. Этотъ выговоръ *г* какъ *h* есть остатокъ славянскаго языка.
3) Какъ *к* на концѣ слога, какъ *другъ*.

Примѣчаніе: родит. падежъ прилагат. единственнаго числа *его* и *аго* въ обыкновенной рѣчи произносится какъ *ево* и *аво*, напр. *моего* mojewo, *сильнаго*, silnawo.

§ 4.

Ж должно строго отличать въ произношеніи отъ *ш*. Вообще русскій алфавитъ богаче всякаго другаго многими шипящими, отличающимися различнымъ произношеніемъ и различнымъ начертаніемъ. Такъ,

з есть мягкое *s*.

с болѣе твердое *ss*.

ж мягкое *sch* или франц. *j*.

ш болѣе твердое нѣм. *sch*.

ч англійское *ch*.

щ должно выговариваться, какъ еще болѣе шипящее *ч*, предъ которымъ будто бы стояло *с* или *ш*. Въ нѣкоторыхъ русскихъ провинціяхъ

это *щ* произносится какъ двойное *sch*; но въ сербскомъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ какъ *scht*.

§ 5.

Л звучитъ въ русскомъ иначе, чѣмъ въ нѣмецкомъ. Различіе можно очень ясно слышать въ словахъ: *здѣлаю*, *было* и др. Русское *л* кажется тѣмъ же, что перечеркнутое польское *ł*. Это послѣднее польскіе грамматисты описываютъ такъ, что при его произношеніи языкъ твердо прикасается къ верхнимъ зубамъ и *l* произносится какъ будто вдвойнѣ. Однако есть и русскія слова, въ которыхъ *л* звучитъ, совершенно какъ нѣмецкое.

§ 6.

Ф или *f* русскому языку чуждо, какъ и финскому, и принято только для иностранныхъ словъ. Нынѣ въ греческихъ словахъ употребляютъ его такъ же вмѣсто ϑ, которое въ славянскомъ алфавитѣ имѣло свое особое начертаніе (ѳ), но все таки постоянно произносится какъ ф, *Ѳома*, *Ѳеодоръ*, подобно тому, какъ аѳинянинъ произносилъ φλᾶν вм. ϑλᾶν, а эоліецъ φλίβω вм. ϑλίβω.

Примѣчаніе. Украинцы еще теперь произносятъ *ѳ* иначе, чѣмъ *ф*, и такимъ именно образомъ, который дѣлаетъ понятнымъ переходъ звука *th* въ *f*. И новые греки подобнымъ образомъ произносятъ свое ϑ въ словѣ ϑεόσ.

Въ другихъ греческихъ словахъ, которыя только въ новѣйшее время получили право гражданства въ русскомъ языкѣ, *th* выражается посредствомъ т, *театръ*, *тронъ*.

§ 7.

Въ славянскомъ алфавитѣ есть еще различныя другія буквы, которыя весьма основательно исключены изъ новаго. Такъ, болѣе не пишутъ ѯ (*x*), но *кс* (*Алексѣй*, *Alexius*); не ѱ, а *пс* и проч. Эти сложные звуки безъ того чужды русскому языку и встрѣчаются только въ иностранныхъ словахъ. Буквы *ц*, *ч* и *щ* были бы такъ же излишни, потому что онѣ только выражаютъ сложные звуки *тс*, *тш* и *стш;* вмѣсто *щ* многіе, дѣйствительно, пишутъ *сч*. Напротивъ того въ русскомъ алфавитѣ недостаетъ двухъ буквъ, именно *h* (§ 3) и польск. *l* (§ 5). Въ тѣхъ многихъ иностранныхъ словахъ, въ которыхъ встрѣчается *h*, принуждены или вовсе его выбрасывать (*Исторія*, die Historie), или выражать посредствомъ *г* (*Голландія*, Holland).

§ 8.

Часто въ одномъ слогѣ сходятся двѣ и болѣе твердыхъ согласныхъ, что для иностранцевъ затрудняетъ произношеніе. Напр. *Мценскъ*, *ржу*, *льда*, *льна*, *встрѣчать* и проч. Однакожъ языкъ отъ того не дѣлается такимъ жесткимъ, какъ можно было бы думать, Стихъ:

Познавъ, кто носитъ скиптръ, мечь, щитъ

который звучитъ невыносимо, когда произноситъ его иностранецъ, въ устахъ русскаго теряетъ чрезвычайно много своей жесткости.

§ 9.

Согласныя, какъ во всякомъ языкѣ, частью
твердыя, какъ: *п*, *ф*, *к*, *х*, *т*, *ш*, *с*, *ц*, *ч*; частью
мягкія, какъ: *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*; частью
плавныя, какъ: *л*, *м*, *н*, *р*.

Это раздѣленіе въ русскомъ языкѣ имѣетъ свою пользу, потому что на немъ основываются слѣдующія правила произношенія, правописанія и перемѣны согласныхъ.

a. Когда мягкія согласныя стоятъ передъ твердою согласною или на концѣ слова, то произносятся твердо; именно: *б* какъ *п*, *в* какъ *ф*, *г* какъ *к* или *х*, *д* какъ *т*, *ж* какъ *ш*, *з* какъ *с*; напр. *обсыпаю* (opsypaju), *справка* (sprafka), *овца* (ofza), *здоровъ* (sdorof), *ногти* (nochti), *низко* (niszko), *Богъ* (Boch), *надпись* (natpisz), *легко* (lechko), *сладко* (slatko).

b. Напротивъ того, твердыя согласныя, стоя предъ мягкими, получаютъ мягкое произношеніе; какъ-то: *отъ горы* (odgory), *къ добру* (gdobru), *отдѣляю* (otdeliaju),

c. Въ ороографіи эти правила не имѣютъ никакого вліянія. Пишутъ: *сладко* не *слатко* отъ *сладость; водка* не *вотка* отъ *вода; трубка* не *трупка* отъ *труба; подписка* не *потписка* отъ *подъ* и *писать*.

Во всѣхъ этихъ словахъ произношеніе требуетъ твердыхъ буквъ, однако на письмѣ удерживаютъ буквы кореннаго слова. Отсюда исключаются только предлоги *разъ*, *изъ* и *возъ*, когда они сложены съ глаголами; ибо предъ твердыми согласными *з* переходитъ въ *с;* какъ-то: *разбить*, *разорить*, *разграбить*, *разрыть*, *избытокъ*, *возбраняю;* напротивъ того: *распилить*, *рассыпать*, *растопить*, *истребляю*, *исцѣлить* *воскресеніе*. Но если *изъ* стоитъ отдѣльно, то не перемѣняется; какъ *изъ крѣпости*. Если онъ теряетъ свое *и* черезъ апокопею, то всегда пишутъ *с;* такъ: *съ двора* вм. *изъ двора*, *съ умыслу*.

d. Передъ плавными буквами (*л*, *м*, *н*, *р*) какъ и передъ *в* могутъ стоять твердыя и мягкія согласныя безразлично; какъ: *подошва*, *свать*, *звать*, *блюдо*, *плаваю*.

§ 10.

Согласныя раздѣляются еще на перемѣняющіяся и неперемѣняющіяся. Первыя суть: *г*, *ж*, *з*, *к*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ* и проч.

Ихъ называютъ перемѣняющимися потому, что при измѣненіи и производствѣ словъ онѣ разнообразно мѣняются между собою и съ другими неперемѣняющимися. Знаніе правилъ, по которымъ происходятъ эти перемѣны, особенно полезно въ этимологіи. Напр. *лежу* нѣмецъ легко

приметъ за нѣмецкое liegen, если онъ знаетъ, что *ж* и *г* въ русскомъ часто замѣняютъ другъ друга.

Самыя обыкновенныя перемѣны этихъ буквъ слѣдующія:

г въ *ж*: *много множество; могу*, 2 л. *можешь; бѣгу, бѣжишь; жгу, жжешь; кругъ, кружу; Богъ*, зв. *Боже.*

Въ славянскомъ *г* часто переходитъ въ *з*. Остатокъ этого перехода въ словѣ *другъ*, множ. *друзья.*

к въ *ч*: *крикъ кричать; теку* 2 л. *течешь; сѣку* (сѣко) *сѣчешь; рука* прил. *ручной.*

з въ *с* (исключеніе изъ § 9: *близь бліскій; дерзаю дерскій.*

х въ *ш*: *ухо* мн. *уши; орѣхъ* уменьш. *орѣшикъ.*

ц въ *ч*: *отецъ отечество; вѣнецъ вѣнчаю.*

Примѣчаніе. *з*, *х* и *ц* въ спряженіи не перемѣняются; напротивъ того *ж*, *ш*, *ч* и *щ* перемѣняются только въ спряженіяхъ, а именно слѣдующимъ образомъ:

ж въ *д* или *з*, какъ: *хожу*, 2 л. *ходишь*, прош. *ходилъ; рѣжу, рѣжешь, рѣзалъ.*

Въ *держу, множу* и *ворожу* *ж* не перемѣняется. Если глаголъ *вожу* со своими производными имѣетъ значеніе *везу*, то *ж* переходитъ въ *з*, какъ *вбзишь, возилъ, перевозилъ;* но если оно значитъ *веду*, то *ж* переходитъ въ *д*, какъ *водишь, водилъ, наводилъ.*

ш въ *с*, какъ *прошу, прбсишь, просилъ; пишу, пишешь, писалъ.*

Оно не перемѣняется, 1) когда произошло изъ *х*, какъ *грѣшу* отъ *грѣхъ, слышу* отъ *слухъ;* 2) въ гл. *пашу, машу, тѣшу.*

ч въ *т*; какъ *свѣчу, свѣтишь, свѣтилъ, мечу, мечешь, металъ.* Оно не перемѣняется, когда произошло изъ *к*, какъ *мучу, мучишь, мучилъ* отъ *мука; кричу* отъ *крикъ*. Въ гл. *плáчу* оно переходитъ въ *к*, *плáкалъ.*

щ въ *ст*, *ск* или *т*, какъ *крещу*, крестишь, крестилъ; *ищу*, ищешь, искалъ; *хлещу*, хлесталъ; трепещу, трепеталъ.

§ 11.

Послѣднее употребительное дѣленіе согласныхъ на radicales и serviles. Первыя всегда составляютъ часть кореннаго слова, какъ *г*, *д*, *р*; *н*, *р*. Послѣднія напротивъ служатъ часто для различныхъ измѣненій коренныхъ словъ и для образованія изъ нихъ другихъ словъ родственнаго значенія. Напр.

Б въ сл. *прозьба* есть servilis, потому что образуетъ существительное изъ глагола *просить.*

В образуетъ родит. мн.: *орѣхъ, орѣховъ;* и многія прилагательныя: *Иванъ, Ивановъ.*

М образуетъ творит. ед. и дат. и твор. множ.: *орѣхомъ, орѣхамъ, орѣхами;* такъ же 1 лицо наст. вр. множ. числа.

Х предложный множ. *орѣхахъ.*

Ш 2 лицо ед. наст. вр. *знаю*, *знаешь.*

Л прошедш. *зналъ* отъ *знаю.*

К и *ц* уменьшительныя: *дворикъ*, *платьице.*

Щ увеличительныя: *бабище* отъ *баба* и проч.

Полное указаніе всѣхъ этихъ перемѣнъ съ ихъ значеніемъ, было бы весьма полезно, потому что оно чрезвычайно способствуетъ скорому изученію языка; но это возможно будетъ только тогда, когда мы будемъ имѣть хорошій русскій словарь.

Глава III.

О маломъ и большомъ еръ.

(ь и ъ).

§ 12.

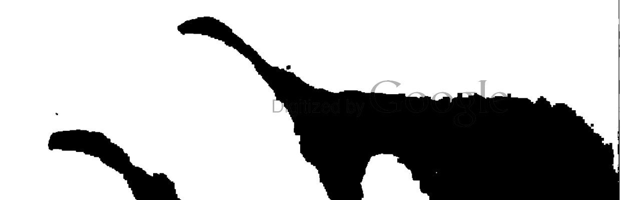
Буква *еръ* составляетъ особенность русскаго языка. Это нѣчто среднее между гласной и согласной; неясный звукъ, который близко подходитъ то къ ясному *j*, то къ очень бѣглому *е* или *i*, смотря по тому, ставится ли онъ передъ гласной, или вырывается за согласною, или вторгается между гласною и согласною; полузвукъ, который хотя и существуетъ почти во всѣхъ языкахъ, но для правильнаго выраженія требовалъ болѣе тонкаго отвлеченія, почему всѣ другія націи, кромѣ русской, либо вовсе его не замѣтили, либо означили его неточно.

§ 13.

Этотъ *еръ* трояках рода:

a. *Онъ ставится передъ гласною* — тогда онъ ясный *j*, который, такъ сказать, самъ собою образуется въ то время, какъ голосовые органы приготовляются къ произнесенію гласной, и съ гласною, передъ которой онъ является, сливается почти въ одинъ звукъ. Этотъ первый *еръ* для нѣкоторыхъ народовъ такъ естественъ, что они приставляютъ его ко множеству словъ, не имѣвшихъ его первоначально. Такъ, нѣмецъ говоритъ: Jahr, Joch, jung, а шведъ: *aar*, *ok* и *ung*. Англичанинъ произноситъ *used* jused. Русскій говоритъ: *jabloko* Apfel; *jakor* Anker; *jagna*, agnus. Жители одной шведской провинціи ставятъ его всегда передъ *е* и говорятъ, наприм.: *jeld* вм, *eld* (огонь); точно такъ же въ русскомъ языкѣ сдѣлалось правиломъ произносить *е* всегда какъ *je*, въ противность чему собственно *е* получило особое начертаніе (*э*).

b. *Онъ вырывается позади согласной*, *которою оканчивается слогъ* — тогда это отзвучіе, такъ же подходящее къ *j*, производимое голосовыми

органами прежде, чѣмъ они придутъ въ совершенно покойное состояніе; при нѣкоторыхъ согласныхъ, какъ *l*, *n* и *t* оно почти неизбѣжно. Оно довольно замѣтно въ нѣмецкихъ словахъ: nicht, recht, mancher и welcher (какъ будто: manjcher, weljcher; въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ этотъ *еръ* дѣлается еще замѣтнѣе, и упомянутыя слова произносятся почти какъ три слога). Еще яснѣе онъ во французскихъ словахъ, въ которыхъ передъ *il* стоитъ гласная: *eventail*, *oeil*, *travail*; но всего замѣтнѣе въ сирійскомъ языкѣ S. D. Christ. Bened. *Michaelis* Syriasmus, pag. 9 etc.

c. *Онъ вторгается между согласною и гласною*—тогда онъ въ шведскомъ и французскомъ такъ же *j*; но въ русскомъ и еврейскомъ *schwa* или бѣглое *е*. Способъ его происхожденія трудно объяснить. Каждая буква при ея произношеніи требуетъ различнаго положенія во всѣхъ голосовыхъ органахъ и особенной дѣятельности принадлежащихъ къ нимъ мускуловъ. Можетъ быть, эти органы при непосредственномъ переходѣ отъ нѣкоторыхъ согласныхъ къ гласнымъ должны преодолѣть нѣкоторыя трудности прежде, чѣмъ они выйдутъ изъ одного положенія и перейдутъ въ другое. Можетъ быть, въ этотъ маленькій промежутокъ времени, какъ бы мимовольно, происходитъ этотъ полузвукъ, этотъ короткій *j*, это бѣглое *е*, или этотъ третій *еръ*. У русскихъ онъ является почти послѣ всѣхъ согласныхъ. Французъ употребляетъ его въ *miel* (лат. *mel*), *fiel* (лат. *fel*) и проч.; италіанецъ въ *niente*, *cieco* (лат. *caecus*), *cuore* (*cor*), *buono* (*bonus*), *doglioso* и проч.; испанецъ въ *Valladolid*, *llamar* и проч. Въ нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ тому примѣровъ; но его братъ, шведскій языкъ, употребляетъ его во множествѣ словъ общихъ съ нѣмецкимъ. Вотъ цѣлый списокъ такихъ словъ:

Bjelke der Balken, björk die Birke, björn der Bär, bjuda bieten, djerf derbe, djup tief, djur das Thier, fjärran ferne; gjordel der Gürtel, gjuta gieszen, kjälla die Quelle, ljus das Licht, ljud der Laut, mjälte die Milz, mjöd der Meth, mjöhl das Mehl, mjölk die Milch, njure die Niere, njuta genieszen, själ die Seele, sjo die See, sjunga singen, skjuta schieszen, sljunga schlingen, tjära der Theer, tjäna dienen, tjok dick, tjuf der Dieb, tjur Taurus и проч.

§ 14.

Этотъ *еръ* является въ очень разнообразныхъ видахъ во всѣхъ другихъ языкахъ, которымъ онъ менѣе прирожденъ, чѣмъ русскому. То онъ выражается посредствомъ *i* (франц. *miel*, итальян. *cieco*, польск. *wielki*, вм. *великій*), то посредствомъ *j* (нѣм. *jung*, лат. *jungo*), то посредствомъ *u* (итал. *cuore*, *buono*); и еще неестественнѣе онъ обнаруживается иногда въ *gl* (итал. *figlio*), въ *ill* (франц. *faillir*), въ *gn* (франц. *yvrogne*), въ *ll* (испан. *Valladolid*, *llamar*), въ *ñ* (исп. *España*) и въ *m̃* (польск.). Только русскій выражаетъ его во всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ случаяхъ, гдѣ онъ встрѣчается самымъ правильнымъ и одинаковымъ образомъ. Второй *еръ*

который стоитъ въ концѣ слога послѣ согласной, онъ выражаетъ особеннымъ знакомъ (ь), какъ *брать* читай: *bratj*, *сельди* и т. д. (въ этихъ случаяхъ польское и другія славянскія нарѣчія употребляютъ знакъ ('). Первый *еръ*, который ставится впереди гласныхъ, онъ соединяетъ съ самими гласными въ одинъ знакъ и такимъ способомъ образуетъ новыя гласныя; такъ *а* съ *еромъ* впереди превращается въ *я*; *е* въ *ѣ*; *и* въ *ы*, *у* въ *ю*. Для выраженія третьяго *еръ*, который вторгается между согласною и гласною, онъ употребляетъ именно эти составныя гласныя и тогда принимаетъ за правило, что *еръ* въ такомъ случаѣ гораздо менѣе слышно, чѣмъ когда имъ начинается цѣлый слогъ.

§ 15.

Въ отношеніи этого трояхаго *еръ* языки очень различны. Грекъ не знаетъ ни одного изъ нихъ; хотя у него есть слова, начинающіяся *ια*, *εα*, *εο* и проч., однако онъ произноситъ эти предшествующія гласнымъ *ι* и *ε*, какъ полные слоги; слѣдовательно, они сюда не идутъ. Арабу первый *еръ* такъ же долженъ представлять затрудненіе, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда онъ произносится какъ *j*; потому что онъ почти всегда перемѣняетъ его на *w* или вѣрнѣе *u*. Римлянинъ и нѣмецъ имѣютъ только первый *еръ* (*jacio*, *jecur*, *conjicio*, *jocus*, *jungo; Jahr*, *jener*, *jung*). У французовъ есть 2-й и 3-й (*eventail*, *miel*); у сирійцовъ 1-й и 2-й; италіанцы и испанцы только 3-й (*degli*, *cuore*, *llamar*, *España*). У шведа рѣдко является первый *еръ* (какъ *jag* ich, *jord* die Erde), но третій часто, см. выше § 12. 3. Перваго *еръ*, или *j* передъ гласной, нѣкоторыя націи вовсе не могутъ произносить: французъ превращаетъ его въ *ж*, италіанецъ въ *дж*, испанецъ въ *х* (напр. лат. *jungo* по его различному произношенію у этихъ трехъ народовъ). Второй *еръ* послѣ буквъ *l* и *n* французъ происноситъ съ легкостію; нѣмецъ научается настоящему произношенію его только тяжелымъ упражненіемъ. Но третій *еръ*, по крайней мѣрѣ какъ его произносятъ русскіе, труденъ для всѣхъ иностранцевъ. Двоегласныя (ĕa, ĕe, ĕu) имъ чужды. Наприм. *земля* звучитъ у нихъ либо какъ *Sem-lja*, такъ что *j* слишкомъ ясно слышенъ; или они останавливаются слишкомъ долго на *е*, и вмѣсто *sem-lea* (два слога, въ которыхъ *е* едва слышится) произносятъ *sem-le-a*, какъ три слога.

§ 16.

Этотъ *еръ* производитъ въ языкахъ множество перемѣнъ, которыя потому достойны замѣчанія, что въ важной главѣ всеобщей грамматики, трактующей о способѣ происхожденія діалектовъ, посредствомъ его объясняется множество явленій въ языкахъ. Напримѣръ:

1. Вслѣдствіе его выпадаютъ цѣлыя буквы. Въ шведскихъ словахъ: *djur*, *ljus*, *gifa* (прежде писали *gjifa*) въ произношеніи совершенно вы-

падаютъ *d*, *l* и *g*. Точно тоже бываетъ въ испанскомъ съ *c* передъ *l*; llamar (лат. *clamare*), и въ италіанскомъ съ *l*: *piacere*, *fiume* (лат. *placere*, *flumen*).

2. Гласныя, передъ которыми онъ находится, перемѣняются въ другія: dick по-шведски *tjock*, der Dieb *tjuf*, die Milz *mjälte*, die Milch *mjölk*; *Peter* по-русски звучитъ *Peotr* (одинъ слогъ) и проч.

3. Согласныя получаютъ совершенно другое произношеніе. *G* вслѣдствіе вставки этого *еръ* передъ *e* и *i* во франц. звучитъ какъ *ж*, въ италіанскомъ, какъ *дж*. Вслѣдствіе того же буквы *s*, *sk* и *st* въ шведскомъ получаютъ звукъ *sch*, какъ *själ* die Seele, *skjuta* schieszen, *sked* der Löffel, *stjärna* der Stern, читай: *schäl*, *schuta*, *sched*, *schärna*. И англичанинъ потому произноситъ *sur* какъ *schur*, хотя на письмѣ не означаетъ ни малѣйшаго слѣда *ера*, который есть причина этого страннаго произношенія. Онъ именно у всѣхъ европейскихъ націй испортилъ настоящее произношеніе латинск. *c* передъ *e* и *i*. Римлянинъ произносилъ его повсюду какъ *k*; между этимъ *c* и слѣдующею гласною сѣверные народы, разрушившіе господство и языкъ Рима, вставили свой любимый *еръ*: оттого образовалось *k*, исходящее изъ глубины горла и имѣющее въ себѣ нѣчто шипящее, подобное чему замѣчается въ шведск. *kjök*, *kyrka* и др. Наконецъ этотъ шипящій звукъ одержалъ верхъ, *k* исчезло и съ тѣхъ поръ сдѣлалось правиломъ, что нѣмецъ произноситъ его какъ *ц*, французъ какъ *c* и италіанецъ какъ *ч*.

§ 17.

Впрочемъ, что особенно касается до русскаго *ерь*, по крайней мѣрѣ выражаемаго особымъ знакомъ, то употребленіе его еще не вездѣ опредѣлено точными правилами. Но вотъ нѣкоторыя:

1. Пишутъ его постоянно послѣ неопред. накл. и 2-го л. ед. ч. настоящ. времени, какъ *любить*, *любишь*, потому что въ обоихъ случаяхъ въ славянскомъ языкѣ послѣ *т* и *ш* стояло *и*.

2. Ставятъ его тоже всегда послѣ *л* и *т* въ окончаніяхъ существительныхъ на *ител* и *ост*: *учитель*, *вѣдомость*.

3. Часто онъ употребляется такъ же въ словахъ, оканчивающихся на двѣ согласныя, какъ *ноябрь* (въ противность этому *добръ*, *Августъ*).

4. Въ серединѣ словъ ставятъ его послѣ *л*, если за нимъ слѣдуетъ другая согласная, *сильно*, *сельди*. Послѣ *р* онъ сомнителенъ: пишутъ *перьвый* и *первый*, *твердить*, а не *твердить* и проч.

5. Иногда онъ служитъ, чтобы отличать слова различныхъ значеній и родъ именъ; напр. *брать* значитъ nehmen, напротивъ *братъ* der Bruder; *дань* der Tribut, *данъ* gegeben. И по правилу всѣ имена, оканчивающіяся на малый *еръ*, суть женскаго рода. См. ниже.

§ 18.

Все, что до сихъ поръ было сказано объ *еръ*, касается только такъ называемаго малаго *еръ* (ь). Тотъ, который русскіе называютъ большимъ (ъ), совершенно отличенъ отъ него: онъ не заслуживаетъ того, чтобы стоять въ ряду буквъ, потому что не выражаетъ никакого звука; это ненужный баластъ русскаго алфавита, который служитъ только къ тому, чтобы затруднить дѣтямъ склады и изъ 23 печатныхъ листовъ сдѣлать приблизительно 24. По однажды введенному этикету, ни одно слово не должно оканчиваться на согласную. Арабъ, такъ же слѣдуя этому странному правилу, послѣ послѣдней согласной приставляетъ *schwa*, а русскій свой большой *еръ*, безъ всякой другой причины, кромѣ вышеупомянутаго правила. Въ письмѣ стараются всѣми возможными сокращеніями избавиться отъ этой ненужной буквы. Его совершенно пропускаютъ, сливая въ одно, напримѣръ, предлоги, въ которыхъ онъ встрѣчается, съ слѣдующимъ словомъ; какъ *сним* вм. *съ нимъ*; или же пишутъ самое согласную, за которою онъ слѣдуетъ, надъ строкою, чтобы выиграть мѣсто двухъ буквъ.

Примѣчаніе. Начинающимъ, которые еще не могутъ читать по-русски, большой *еръ* въ одномъ случаѣ приноситъ пользу. Такъ какъ сложныя гласныя *я*, *ѣ* или *е* и *ю* имѣютъ различное произношеніе, смотря по тому, начинается ли ими цѣлый слогъ, или имѣютъ предъ собою согласную, то этотъ *еръ* показываетъ, что согласная, за которой онъ стоитъ, принадлежитъ еще къ предъидущему слогу, и слѣдовательно, должно читать: *подъемлю* podjemlju, а не *po-demlju; съѣдаю* sjedaju, а не *s'edaju; объявляю objawľaju*.

Глава IV.

О гласныхъ.

§ 19.

Простыхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ пять; именно: *а*, *е*, *и*, *о у*.

Когда *и* приходится стоять предъ другою гласною, то оно измѣняетъ свое начертаніе въ *і*; напр. *Академія* вм. *Академия*, *исканіи* вм. *искании*. Въ словѣ *миръ* оно служитъ, чтобы различить два его разныя значенія: когда *миръ* съ *и*, то значитъ der Friede, но *міръ* съ *і* значитъ die Welt.

Въ церковномъ шрифтѣ есть еще три гласныя; именно: греческое υ (ѵ), долгое у (ȣ) и долгое о (ѡ); но всѣ три оставлены. Вмѣсто ѵ, гдѣ она встрѣчается въ греческихъ словахъ, пишутъ *и*, какъ *физика*, *система* (ы подходило бы ближе къ настоящему произношенію греческой υ); или *в*, когда оно съ другою гласною образуетъ двугласную, какъ *Европа*, *Августъ*, *Павелъ*.

а, *и*, *у* произносятся какъ въ нѣмецкомъ; но объ *е* и *о* нужно сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

§ 20.

Е постоянно читается какъ *je*, если имъ начинается слогъ (причину тому см. выше § 13. а), какъ *епанча* jepantscha; но какъ *е* послѣ согласной, какъ *середа* sereda. Въ иностранныхъ словахъ, начинающихся съ *Е*, нѣкоторые употребляютъ оборотное *е* (э); только это начертаніе не вездѣ употребительно; пишутъ, напр. *експедиція*, *ескадра*, *Единбургъ*, а все таки произносятъ Expedizija, а не Jexpedizija и проч.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это *е* звучитъ

I. Какъ *о* съ предшествующимъ *еръ* или бѣглымъ *е*, какъ *медъ* читай *Meod* (какъ одинъ слогъ) или *M'ed*. Это произношеніе имѣетъ мѣсто только тогда, когда удареніе на *е*; а именно:

a) когда это *е* произошло изъ другой гласной, какъ три, *трехъ*, читай *tr'och;* везу, *везешь wes'osch;* огонь, *огнемъ ogn'om.*

b) Когда въ существительныхъ и глаголахъ удареніе, падающее на другой слогъ, переносится на *е;* какъ несу, *несъ*, читай *n'osz;* верста, *верстъ w'orst;* бревно, *бревна br'owna.*

Исключеніе: когда въ глаголѣ удареніе хотя и приходится на *е*, но это *е* не въ послѣднемъ слогѣ слова, а передъ нимъ, какъ *держу*, держишь*;* *треблю*, теребишь; точно такъ же въ существительныхъ: *плечó*, плéчи; *межа*, мéжи; читай terebisch, а не ter'obisch и пр.

c) Въ уменьшительныхъ, оканчивающихся на *екъ*, какъ куль, *кулекъ*, читай kul'ok.

d) Въ слѣдующихъ существительныхъ:

медъ	ледъ	едренъ
ленъ	овесъ	орелъ
оселъ	песъ	перстъ
пестръ	теплъ	тéменъ
Петръ	Ѳедоръ	Семéнъ.

e) Иногда оно имѣетъ это произношеніе, когда имъ начинается слогъ но тогда оно звучитъ какъ ясное *jo*; какъ *елка*, *копье*, *мое*, *шъемъ*, *ежъ*, *житье*, *пріемъ*, читай Jolka, korjo и проч.

II. Какъ і въ окончаніяхъ уменьшительныхъ на *енка*, въ которыхъ на *е* нѣтъ ударенія; какъ *маленька* отъ малéнекъ, *душенька* отъ душа, читай duschinka.

§ 21.

О, если оно кратко и нѣтъ на немъ ударенія, въ московскомъ нарѣчіи, которое такъ же господствуетъ въ Петербургѣ, произносится какъ *а*, напр. *подóбенъ*, padoben; *хорошó*, charascho; *говорú* gawari.

§ 22.

Предъ простыми гласными русскій ставитъ малый *еръ* и изъ нихъ образуетъ сложныя гласныя, такъ что ь + а = *я*, ь + е = *ѣ*, ь + и = *ы* и ь + у = *ю*. Въ этомъ случаѣ *о* остается безъ приставки; въ говорѣ у русскаго есть ь + о (см. § 20, I); но онъ его болѣе не пишетъ: начертаніе ȋо, которымъ прежде его выражали, оставлено.

Эти четыре сложныя гласныя *я*, *ѣ*, *ы* и *ю* свойственны русскому языку; ихъ можно было бы назвать собственнымъ ученымъ именемъ Vocales Jeratas. Ихъ произношеніе уже указано выше (§ 14); именно:

1. Если ими начинается слогъ, то *еръ*, съ которымъ онѣ сложены, ясный *j*, напр. *ясно*, *моя*, jasno, moja; пріѣхалъ prijechal; *юфть*, мой;
2. Но если онѣ стоятъ послѣ согласныхъ, то этотъ *еръ* звучитъ, какъ очень короткое *i*, или лучше сказать, *e;* какъ *пять*, p'at; *князь* kn'as; *погоня* pogon'a; *нѣтъ*, n'et; *люблю*, lubl'u

Я выражаю это очень короткое *е* или *i* по способу поляковъ посредствомъ апострофа ('). Приведенныя ниже въ § 27 основанія оправдаютъ это нововведеніе.

§ 23.

Въ обыкновенномъ говорѣ по звуку *ѣ* мало отличается отъ *е*, если оба они стоятъ послѣ согласныхъ; оттого случается, что часто въ ороографіи сомнѣваются, писать ли слово съ *е* или *ѣ;* потому что одинъ слухъ не можетъ опредѣлить ихъ достаточно вѣрно. Однако украинское нарѣчіе совершенно ясно различаетъ ихъ такъ же въ говорѣ: *е* звучитъ открытѣе, *ѣ*, напротивъ, сжатѣе.

§ 24.

Слогъ никогда не начинается на *ы*, оттого никогда не бываетъ такого случая, чтобъ его можно было произнести, какъ *ji*. Однако послѣ согласной онъ звучитъ не такъ какъ ěi, а скорѣе, какъ ŭi; *бытъ* читай bŭit, такъ какъ и въ италіанскомъ *еръ* передъ *о* принимаетъ звукъ *и*, cuore, buono. Но что *ы* ничто иное, какъ *и*, имѣющее предъ собою *еръ*, между прочимъ видно изъ того, что каждое *и*, предшествуемое *еръ*, получаетъ это произношеніе; напр. отъискать, въ избѣ, ходитъ и къ намъ, читай: *отыскать*, *вызбѣ*, *ходи ты кнамъ*.

§ 25.

Нѣкоторыя согласныя, какъ *г*, *ж*, *к*, *х*, *ш*, *щ* и *ф*, не терпятъ послѣ себя vocales jeratas, а вмѣсто нихъ только простыя гласныя; такъ *хочу*, а не *хочю*. Отъ этого въ склоненіяхъ зависитъ различіе окончаній падежей на *а* или *я* и на *и* или *ы*. Напротивъ того, есть другія согласныя, послѣ которыхъ преимущественно ставятся jeratas вмѣсто simplicium Такъ, въ первомъ лицѣ ед. ч. наст. вр. всѣхъ глаголовъ, которые предъ конечною гласною имѣютъ *л*, *н* или *р*, вмѣсто обыкновеннаго *у* ставятъ

ю; *молю, храню, орю.* Подобное случается послѣ всѣхъ гласныхъ: пишутъ *Италія, Азія, Азіятецъ.* Такъ же въ глаголахъ въ вышеупомянутомъ первомъ лицѣ всегда употребляется *ю* вмѣсто *у*, когда ему предшествуетъ непосредственно гласная.

Если ѣ составляетъ характеристику надежа или въ глаголахъ предшествуетъ конечному слогу *ю*, то никогда не смѣшивается съ *е*, какая бы предъ нею ни стояла согласная, какъ *рукѣ*, дат. ед.; *орѣхѣ* предл. ед. отъ *орѣхъ*.

§ 26.

Такъ какъ вѣрное произношеніе vocalium jeratarum составляетъ для иностранца одну изъ величайшихъ трудностей русскаго языка, то слѣдующій списокъ словъ, имѣющихъ совершенно различное значеніе, смотря по тому, произносятся ли они съ vocali simplici или jerata, можетъ служить для упражненія, чтобы вѣрно и точно означить различіе этихъ двухъ родовъ гласныхъ: гляжу, глажу; лѣчу, лечу; пѣню, пеню (винит.); пѣнье, пенье; плѣнъ, пленъ (род. мн.); вѣсь (повел.), весь; всѣ (мн.), все (ед. ср); сѣлъ, селъ; былъ, билъ; сыръ, сиръ; сытъ, ситъ, сюда, суда.

§ 27.

Гласныя *ä*, *ö* и *ü* чужды русскому языку; принуждены вмѣсто первыхъ писать *е*, а вмѣсто послѣдней *и*. Но еще гораздо болѣе трудностей представляютъ иностранцамъ русскія vocales jeratae. Когда слогъ начинается съ *я*, *е* и *ю*, то нѣмецъ можетъ выражать ихъ совершенно вѣрно посредствомъ ja, je и jo; но если онѣ стоятъ послѣ согласной, и *j* звучитъ болѣе какъ бѣглое *е*, то это невозможно. Напишите слово *земля* Semlja, или Semlia, или Semlea, ни одно изъ этихъ начертаній не покажетъ иностранцу, незнающему русскаго языка, настоящаго произношенія этого слова. Semlja заставитъ сдѣлать j слишкомъ сильнымъ; а изъ Semlia и Semlea онъ сдѣлаетъ трехсложное слово. Такъ же невозможно вѣрно выразить Бѣлоозеро, Тюмень, Остяки, Вотяки.

Это трудность не только грамматическая: она имѣетъ большое вліяніе на русскую исторію и землеописаніе, которыя отъ того теряютъ. Иностранцы, частью по необходимости, частью изъ небрежности, такъ калѣчатъ русскія собственныя имена, что они становятся неузнаваемы; и такъ какъ у каждаго свой собственный способъ калѣчить, то нерѣдко случается встрѣчать одно и тоже имя у трехъ путешественниковъ въ трехъ различныхъ видахъ.

§ 28.

Ко всѣмъ гласнымъ, какъ простымъ (§ 19), такъ и сложнымъ (§ 22) русскій приставляетъ *и* и вмѣстѣ съ этими гласными произноситъ какъ одинъ слогъ, и слѣдовательно, изъ нихъ образуетъ двугласныя: ай, ей, ій,

ой, уй, яй, ѣй, ый, юй. Полукругъ надъ *и* есть знакъ, что оно не составляетъ особаго слога. Другія двугласныя неизвѣстны русскому языку: au и eu пишутся *ав* и *ев* (см. выше § 19); но ау составляютъ два слога.

Глава V.

Объ удареніи, о знакахъ ударенія, о знакахъ препинанія и о раздѣленіи слоговъ.

§ 29.

Коренныя слова русскаго языка, какъ и всѣхъ другихъ языковъ, вообще односложны; но вслѣдствіе составленія, производства и перемѣнъ эти маленькія односложныя вырастаютъ въ чрезвычайно длинныя слова. Напр. *правъ*, коренное слово; отъ него: править. Отъ него правитель, правительство, правительствую, правительствующій, прич. наст. дѣйств., правительствующаго, родит. ед. муж. р.

Точно такъ же образуютъ изъ обилепъ, преизобилующее; родъ, высокоблагородный; умъ, неудоборазумѣваемое.

§ 30.

На одномъ изъ этихъ многихъ слоговъ, соединенныхъ въ одно слово, лежитъ удареніе, хотя не такъ ощутительное, какъ въ нѣмецкомъ, но несравненно яснѣе, чѣмъ во французскомъ. Это удареніе составляетъ одну изъ главныхъ трудностей для иностранца, желающаго научиться говорить по-русски, по двумъ причинамъ:

I. Обыкновенно оно остается на томъ слогѣ, на который падало первоначально, какъ бы ни выросталъ конецъ слова; слѣдовательно, ему часто приходится стоять, въ противность природѣ нѣмецкаго и большинства другихъ языковъ, на третьемъ, четвертомъ и пятомъ слогѣ предъ послѣднимъ, а часто еще дальше; наприм. и́стинный, и́стиннаго (родит.); преизоби́лующее; прави́тельствующій Сенатъ.

Такимъ образомъ русскій можетъ правильнѣе произносить латинскія слова Ovidius, Vírgilius, líttoribus, márginibus и др. чѣмъ нѣмецъ, который непривыкъ переносить удареніе черезъ antepenultimam, а потому, въ противность латинской просодіи произноситъ: Ouídius, Virgílius, littóribus. margínibus.

II. Напротивъ того въ двухсложныхъ существительныхъ удареніе разнообразно переносится съ одного слога на другой въ тѣхъ падежахъ, окончаніе которыхъ ни однимъ слогомъ не удлиняетъ слова, такъ что въ этихъ случаяхъ только удареніе образуетъ падежи, совершенно сходные между собою по начертанію; наприм. воды̀—вòды, рукѝ—рỳки, слòва—слова̀, лица̀—лѝца, копья̀—кòпья.

§ 31.

Ударенія обозначаютъ тонъ. Древній славянскій языкъ, изъ неловкаго подражанія греческому, пользовался ими во всѣхъ словахъ; у него были accentum gravem, acutum, circumflexum и даже spiritus. Въ настоящее время знакъ употребляется только въ томъ случаѣ, когда онъ одинъ опредѣляетъ совершенно различныя значенія словъ, пишущихся одинаково, и устраняетъ ихъ двумысліе; напр. (кромѣ упомянутыхъ въ § 30. II): потòмъ — пóтомъ, пóлонъ — полóнъ, òбразы — обрáзы, мукà — мýка, свóйство — свойствò, извéсть — ѝзвесть, знакóмъ — знáкомъ, мой — мой, рой — рой.

§ 32.

Знаки препинанія, нынѣ употребляемые въ русскомъ языкѣ, совершенно тѣже, какъ и въ другихъ образованныхъ языкахъ: двоеточіе, точка съ запятою, точка, знакъ вопроса, знакъ восклицанія, и проч., а потому никто здѣсь не будетъ ждать ихъ объясненія.

Въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ есть множество сокращеній. Церковная печать подражаетъ имъ еще теперь, но не смотря на то, они совершенно вышли изъ моды; поэтому списокъ ихъ сюда нейдетъ, а долженъ быть отнесенъ въ славянскую грамматику.

§ 33.

Раздѣленіе слоговъ опредѣляется тѣми всеобщими правилами, которыя имѣютъ или по крайней мѣрѣ должны были бы имѣть значеніе во всѣхъ языкахъ. Поэтому

1) Слова раздѣляются такъ, какъ они составлены; напр. воз-ношу, а не во-зношу; у-казъ, а не ук-азъ. Если принять во вниманіе составъ словъ, то это правило никого не приведетъ въ сомнѣніе. Было бы столько же правильно, еслибы его распространили

2) Такъ же на перемѣны и производство словъ, и ни одной буквы, принадлежащей къ коренному слову, не отдѣляли бы въ слѣдующій слогъ, который составляетъ только прибавочное окончаніе кореннаго слова; напр. потвор-ство; ноч-ный; различ-ный; чуд-ный, ибо *ство* и *ный* суть только окончанія.

Но никто не слѣдуетъ этому правилу. Нѣмецъ раздѣляетъ star-ker, хотя *k* принадлежитъ къ коренному слову и слѣдовало бы писать stark-er; точно такъ же русскій пишетъ чу-дный вм. чуд-ный, по третьему правилу раздѣленія, которое впрочемъ тогда только можетъ имѣть мѣсто, когда ему не мѣшаютъ первыя два, и вслѣдствіе чего

3) Причисляютъ къ слѣдующей гласной всѣ согласныя, которыми начинаются другія русскія слова въ подобномъ порядкѣ; какъ ужа-сный, дря-хлый, то-пчу, потому что нѣкоторыя слова начинаются на *сн*, *хл* и *пч*, какъ снѣгъ, хлѣбъ, пчела.

4. Отдѣльныя согласныя, стоящія между двумя гласными, относятъ къ слѣдующей гласной; но двойныя раздѣляютъ, какъ о-тецъ, Ахил-лесъ.

Примѣчаніе: Въ обыкновенномъ складываніи словъ согласныя, послѣ которыхъ стоитъ *еръ* считаются отдѣльными слогами, и нѣкоторые, дѣйствительно, дѣлятъ ихъ такъ на письмѣ; напр. гро-мъ. Безсмысленное правило! *Еръ* ничего не значитъ (§ 18); кто же сдѣлаетъ изъ gro-m два слога!

§ 34.

Прежде предлоги, какъ въ еврейскомъ и другихъ восточныхъ языкахъ, на письмѣ непосредственно соединялись съ тѣми существительными, которыми они управляютъ; напр. вдомѣ вм. въ домѣ; надгорою вм. надъ горою; изокна вм. изъ окна. Но это еще принято только въ церковной печати и въ канцелярскихъ бумагахъ; обыкновенно же ихъ пишутъ всегда отдѣльно, исключая слѣдующіе случаи:

1. Когда предлогъ со своимъ существительнымъ образуютъ слово другаго значенія, т. е. когда имя, предъ которымъ онъ стоитъ, склоняется съ нимъ по всѣмъ падежамъ или же не имѣетъ послѣ себя того падежа, которымъ онъ управляетъ; напр. предмѣстіе, род. ія, дат. ію и т. д.; вдругъ, порознь, поротно. Напротивъ того: на низу, къ вечеру, по силѣ, а не нанизу, квечеру, посилѣ.

2. Когда падежъ существительнаго хотя и примѣняется къ предлогу но все сложное слово вслѣдствіе его получаетъ другое значеніе; какъ въ мѣстѣ и вмѣстѣ: жить вмѣстѣ съ братомъ, и напротивъ: жить въ мѣстѣ многолюдномъ.

3. Когда предлогъ стоитъ предъ именемъ, иначе неупотребляемымъ, вдоль, вкось.

4. Въ слѣдующихъ словахъ правописаніе произвольно: впрочемъ, вообще, вопервыхъ, потому, ктомужъ, напослѣдокъ, понынѣ, пополамъ.

§ 35.

Соединительное слово *же*, вопросительное *ли*, и условное *бы*, часто теряютъ свои гласныя и тогда они сливаются съ тѣмъ словомъ, за которымъ они стоятъ, будь это имя, мѣстоименіе, глаголъ или частица; напр. можноль, вм. можно ли? онажь, вм. она же; тобъ я былъ, вмѣсто то бы я былъ.

Отрицательныя слова *не* и *ни* (изъ коихъ послѣднее такъ же иногда означаетъ латинск. cunque или libet, in quicunque, quilibet) стоятъ то отдѣльно, то слитно съ существительными, глаголами и частицами; напр. непремѣнный, недостатокъ, нетрудно, никто, нигдѣ. Напротивъ того: не пріятно, не только, не на землѣ, не слышу, ни одинъ. Первый случай выражаетъ propositiones affirmativas infiniti praedicati; а второй собственныя propositiones negativas. Но это различіе слишкомъ тонкое и метафизическое. См. Segneri specimen Logicae universaliter demonstratae, p. 8 и p. 82.

же учится имъ ученый.
начинаетъ съ нихъ, а не
хочетъ научиться читать,
съ цѣлыхъ словъ, но съ
ему языкъ на его про-
изъ общей грамматики
ія:
ятъ отъ одного значенія
они расширяются, сужи-

звуки какъ гласныя, такъ
скаются или замѣняются
личіе двухъ въ основа-
въ словѣ? —
ь языкъ, которому хо-
ъ языкѣ дѣйствительно
щая грамматика гово-
скоро онъ узналъ ко-
акъ изъ давно извѣст-
имъ трудомъ, сдѣлать
Такъ мало стоитъ ему

венно изслѣдованіемъ
хъ отношеніяхъ:
Часто одно коренное
кто знаетъ коренное
нтельное сочиненіе,
ческое стихотворе-
годѣ, заставляющія
своего кореннаго
откроете, или если
нія памяти само
(die Verordnung),
), отстояніе (die
höre auf), при-
tändig): десять
о терпѣнія и я
(der Kamm):
ь значеніе ко-

еній: заучать
мѣрѣ столько
овъ. Коренное

слово опять уменьшаетъ этотъ трудъ и всѣ эти повидимому совершенно различныя значенія подводитъ къ одному. Какъ бы ни перевести Committo, вручить ли (committere praelium), или поручить что нибудь кому нибудь, или травить на кого нибудь, оно вездѣ выразитъ одинаковую основную идею.

3. Геній, красота и настоящая сила языка навсегда остается закрытою для тѣхъ, кто не проникаетъ въ познаніе его коренныхъ словъ. Грамматика, которая учитъ только склонять и спрягать, учитъ только чисто говорить, чтобы не оскорбить уха, привыкшаго уже въ извѣстнымъ звукамъ: душа ничего не мыслитъ при этихъ звукахъ; ей все равно, говорятъ ли der Tisch, или das Tisch. Однако красота письма, восхищающая духъ, зависитъ отъ выбора словъ и ихъ правильнаго употребленія. Тогда слово прекрасно, выраженіе сильно, когда оно кромѣ главной идеи, которую хочетъ внести въ душу читателя или слушателя, вноситъ съ собою цѣлый рядъ побочныхъ идей, дающихъ главной мысли свѣтъ, ясность и пріятность, побочныя идеи, которыя иногда связываются съ словомъ вслѣдствіе простаго каприза своевольнаго употребленія, но гораздо чаще вслѣдствіе этимологіи [1]).

Выше я назначилъ число собственно коренныхъ словъ языка не свыше 500 и думаю, что не ошибаюсь [2]), потому что я исключаю изъ нихъ всѣ частицы, мѣстоименія и всѣ искуственныя слова. Первые два разряда такъ часто встрѣчаются, что они въ первый мѣсяцъ сами собою внимательному читателю сдѣлаются понятными и безъ его старанія; но послѣдній не принадлежитъ къ собственной основѣ языка. Но выучить 500 словъ только памятью безъ всякаго содѣйствія воображенія и разсудка, слѣдовательно съ чрезвычайнымъ трудомъ, еще слишкомъ много для лѣниваго ученика! Такъ какъ онъ умѣетъ дать языкознанію его настоящее значеніе, и смотритъ на него не какъ на ученость, но только какъ на средство къ ней, то онъ цѣнитъ свои силы слишкомъ благородно и свое время слишкомъ дорого, и не станетъ расточать ихъ на такую неважную работу.

Посадите ученаго, знающаго греческій, латинскій и нѣмецкій по главнымъ ихъ нарѣчіямъ, котораго обязанность или простое любопытство

---

[1]) Я привожу здѣсь только тѣ выгоды этимологической методы, которыя имѣютъ вліяніе на скорое, легкое и основательное изученіе языка. Многія другія и гораздо важнѣйшія выгоды указываетъ г. надв. сов. Михаэлисъ въ своемъ удостоенномъ преміи сочиненіи: vom wechselsweisen Einflufs der Sitten eines Volks in seine Sprache.

[2]) Не указывайте мнѣ здѣсь на множество Radicum въ восточныхъ языкахъ. Не всѣ Radices коренныя слова. На всѣхъ языкахъ давно уже говорили прежде, чѣмъ начали писать. Первобытное однообразіе этихъ словъ тогда сдѣлалось неузнаваемымъ въ произношеніи; въ письмѣ болѣе слѣдовали произношенію, чѣмъ этимологіи: оттого произошло гораздо больше Radices, нежели дѣйствительныхъ коренныхъ словъ.

побуждаютъ къ изученію русскаго языка: какая радость должна быть для него, когда онъ услышитъ, что изъ 500 русскихъ коренныхъ словъ по крайней мѣрѣ $^3/_4$ тѣ же, которыя онъ знаетъ изъ извѣстныхъ ему уже языковъ. Хотя эти слова часто такъ закутаны, что онъ при первомъ взглядѣ приметъ ихъ за чужія, и не сейчасъ припомнимъ, что *рука* нѣмецкое, *слово* греческое, и *умывать* латинское: онъ приметъ за шутку, когда вы ему скажете, что *ἅγιοσ* и *святый*, *ухо* и *hören* одно и тоже слово; но обратите его къ кореннымъ словамъ всѣхъ этихъ языковъ; скажите ему правило, почему они въ устахъ славянина потерпѣли такія большія перемѣны: съ помощью этихъ правилъ онъ среди этихъ перемѣнъ найдетъ свой языкъ и узнаетъ неузнанное слово, какъ стараго знакомаго, который изъ дальняго путешествія возвращается домой, перемѣнившись. Тогда не придется ему учить наизусть, а только сравнивать: воображеніе отниметъ у памяти половину ея труда, и то, что прежде было труднымъ занятіемъ, обратитъ въ игрушку въ свободные часы. Русскія слова: *мракъ*, *слабъ* и *правъ* могутъ служить тому яснымъ примѣромъ.

И такъ, если знаніе коренныхъ словъ есть существенное средство основательно, легко и скоро изучить языкъ, то конечно разсужденіе о нихъ заслуживаетъ особой главы въ русской грамматикѣ. Мнѣ кажется это слѣдуетъ изъ опредѣленія грамматики.

§ 38.

Второй разрядъ читателей, которые ищутъ въ грамматикѣ такого разсужденія, суть изслѣдователи исторіи и древностей. Лейбницъ первый училъ великому положенію, что языкъ народа достовѣрнѣйшій историческій источникъ свѣдѣній для отысканія его происхожденія. Величайшіе историки нашего столѣтія признали его правильнымъ: прекрасное употребленіе, которое они изъ него сдѣлали, доказываетъ его значеніе и важность. Посредствомъ сравненія языковъ они спасли отъ забвенія историческія истины, которыхъ не сохранило ни одно преданіе и ни одна хроника не записала [3]).

---

[3]) Хотя для такого употребленія изслѣдователь исторіи нуждается только въ словарѣ, а не въ грамматикѣ, однако и послѣдняя дѣлается ему иногда необходимою, если не для того, чтобы открыть истину, то чтобы избѣжать ошибки. Славянская исторія сама представляетъ тому очевидный примѣръ. Ленгнихъ (Lengnich) (Historia Polonica p. 343 sqq. въ прибавленіи, которое трактуетъ de Polonorum maioribus) производитъ Поляковъ отъ Лацировъ (Laziern), народа, обитавшаго въ старину въ древней Колхидѣ. Его главныя доказательства этимологическія: primum Polonorum nomen, говоритъ онъ, sed patrium, seu ducem aliquem sequamur. Поляки называютъ себя Polacy: кто тутъ не видитъ имени Ляцы (Lazi). Вспомните при томъ, что *ро* въ соединеніи означаетъ *потомки*, то доказательство будетъ полное. Однако Polacy множ. ч. отъ ед.

Исторіи Славянъ еще никто не оказалъ этой услуги, а она болѣе всѣхъ въ ней нуждается. Древнѣйшіе ея періоды покрыты мракомъ и туманомъ. Ни письменные памятники, ни преданія, ни даже миѳологія не изъясняютъ намъ происхожденія этого знаменитаго народа, его первыхъ жилищъ и его родства съ другими націями: только языкъ его можетъ руководить насъ въ этомъ мракѣ.

Но это вспомогательное средство должно употреблять, умѣючи. Славяне очень древній народъ: его отдѣленіе отъ тѣхъ націй, которыхъ часть онъ прежде составлялъ, произошло уже въ отдаленнѣйшія времена: ихъ языкъ, который въ началѣ былъ именно тотъ, на коемъ говорили родственные имъ народы, перемѣнился послѣ ихъ отдѣленія. Въ теченіи столь многихъ столѣтій угасли почти всѣ слѣды его общаго происхожденія; удержался только основной матеріалъ или его коренныя слова. Поэтому въ нихъ однихъ должно искать сходства славянскаго языка съ другими европейскими, если онъ дѣйствительно имѣетъ это сходство: надо сравнивать славянскія коренныя слова съ нѣмецкими коренными же, а не производными словами. Кто не станетъ этого соблюдать, тотъ впадетъ въ ошибку, которую такъ часто дѣлаетъ Вахтеръ во вредъ своему въ другихъ отношеніяхъ превосходному Glossarii, запутывая исторію этимологіею, вмѣсто того, чтобы объяснять ею, и унижаетъ достоинство этой науки еще болѣе, чѣмъ нелѣпости столь многихъ неудачныхъ этимологовъ.

§ 39.

Греческій, латинскій и нѣмецкій языки въ основаніи одинъ языкъ. Я ставлю это положеніе, какъ доказанное; оно совершенно вѣрно; не нужно только обращать вниманія на дурныя доказательства, которыми столь многіе писатели, по незнанію этимологической теоріи ему болѣе вредили, чѣмъ приносили пользы. Кто въ этомъ еще не убѣжденъ, тотъ долженъ или читать Вахтера, или, если онъ окажется неудовлетворительнымъ, дождаться шведскаго Glossarium Ире.

Рядомъ съ этими тремя языками, которые безспорно братья отъ одной матери или по крайней мѣрѣ двоюродные братья отъ одной бабки я ставлю четвертый, именно Славянскій, по всѣмъ его нарѣчіямъ, и

Polak; слогъ *ak* во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ есть только окончаніе, образующее существительное муж. рода. Такъ говорятъ по-русски Пруссакъ отъ Пруссія, дуракъ отъ дуръ; козакъ отъ Вендскаго Ковзамъ (Kowsam), скоро и легко куда нибудь ѣхать верхомъ. И по-польски говорится: Prusak, Slesak (der Schlesier). Богемцы называютъ русскихъ Ruszacy и проч. Слѣдовательно, для кореннаго слова ничего не остается, кромѣ Pol, и вся гипотеза Ленгниха, которую множество нѣмецкихъ писателей повторяетъ за нимъ, основывается на положеніи, что Pol и Laz одно и тоже слово! Несторъ естественнѣе Ленгниха объясняетъ имя и происхожденіе Поляковъ.

утверждаю, что онъ съ этими тремя языками, вмѣстѣ взятыми и съ каждымъ отдѣльно, такъ же родственъ, какъ эти три упомянутые языка между собою, и что напр. изъ четырехъ славянскихъ коренныхъ словъ три изъ нихъ находятся или во всѣхъ трехъ, или по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ нихъ.

Здѣсь нѣтъ рѣчи о томъ, который изъ этихъ четырехъ языковъ древнѣе и который изъ котораго произошелъ. Я говорю только о ихъ родствѣ; въ отношеніи древности я ни одному изъ нихъ не даю первенства предъ другимъ; я на нихъ смотрю, какъ на потоки, выходящіе изъ одного источника, какъ на рукава одной рѣки, какъ на вѣтви одного ствола. Я думаю, что на Рейнѣ и на Тибрѣ употреблялись слова, корни которыхъ сохранились только на Волгѣ. Но я думаю, что найдется въ славянскомъ языкѣ столько же другихъ словъ, которыхъ этимологія не существуетъ болѣе ни въ одномъ изъ его діалектовъ, а только въ нѣмецкомъ, латинскомъ или греческомъ. Ученые прошлаго столѣтія не могли сообразиться въ различіи этихъ вопросовъ: изъ двухъ сходныхъ между собою языковъ одинъ долженъ былъ быть древнѣе другаго, одинъ долженъ былъ всегда происходить отъ другаго, и такъ какъ эти этимологи въ то же время были патріоты, то каждый изъ нихъ своему родному языку приписывалъ эти мнимыя преимущества. Голландецъ находилъ въ своемъ языкѣ слова, которыя такъ же находились и въ различныхъ другихъ языкахъ, и тотчасъ заключалъ, что всѣ другіе языки въ мірѣ происходятъ отъ его роднаго языка, и въ своемъ этимологическомъ восторгѣ уже въ раю слышалъ голландскій языкъ. Шведъ, по той же слабости, производилъ всѣ другіе языки отъ шведскаго, основывалъ честь своей націи на древности ея языка, и со всею ревностію патріота бранилъ тѣхъ, кто осмѣливался ему возражать. И славянскому языку угрожало однажды подобное усердіе, но, не знаю, по какимъ причинамъ, оно счастливо его миновало [4]).

§ 40.

Исторія не противорѣчитъ родству этихъ четырехъ языковъ. Въ древнѣйшія времена Славяне жили между Дономъ и Волгою: Готы, нѣмецкій народъ, владѣли берегами Чернаго моря и Дуная, а далѣе внизъ начинались Греки. Здѣсь, на не слишкомъ обширномъ пространствѣ, мы находимъ коренныя жилища трехъ великихъ народовъ — Славянъ, Нѣмцевъ и Грековъ, и колыбель трехъ языковъ, которые въ послѣдующія времена сдѣлались главными языками Европы. Можетъ быть, это положеніе со временемъ и въ другомъ отношеніи можетъ сдѣлаться важнымъ. Можетъ быть, съ его помощью легче, чѣмъ до сихъ поръ, объяснятся остатки

---

[4]) Kohlii Introd. in Hist. Litter. Slavorum pag. 39: multae sunt aliae voces tam sibi similes, ut Latinas quis dicat ex Slavonicis, quod mihi fit verisimilius, vel ex Latinis Slavonicas progerminasse.

нѣмецкаго или, лучше сказать, этого гораздо древнѣйшаго первобытнаго языка, отъ котораго происходятъ нѣмецкій, греческій и славянскій и который не только Бусбекъ, но и ранѣе его одинъ италіанскій путешественникъ и послѣ него разные другіе путешественники находили въ Крыму. Еще болѣе, Славяне сближаютъ насъ съ востокомъ; они приближаются къ сосѣдямъ Каспійскаго моря. Если когда либо придется объяснять родство персидскаго языка съ нѣмецкимъ, — одно изъ самыхъ странныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ рѣшенныхъ явленій языка, — то это должно быть сдѣлано посредствомъ славянскаго языка. Да, если когда либо будетъ возможно найти согласіе между восточными языками (еврейскимъ и его братьями) и нашими европейскими и указать ихъ общее происхожденіе, — надежда, которая съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ знакомиться съ славянскимъ языкомъ, болѣе не представляется мнѣ столь нелѣпой, — то славянскій языкъ будетъ имѣть ближайшее право составить переходъ между этими впрочемъ совершенно различными классами языковъ и такимъ образомъ на цѣлый шагъ приблизить насъ къ важному открытію linguae primigeniae.

§ 41.

Я перехожу къ доказательствамъ моего положенія. Существуютъ извѣстныя общія характеристическія черты, которыя тотчасъ же при первомъ взглядѣ дѣлаютъ очевиднымъ родство двухъ языковъ [5]). Я отношу къ нимъ

I. *Числительныя имена.* Всѣ народы считаютъ, и почти всѣ считаютъ до десяти. Не много такихъ, которые, подобно Корьяканамъ (Kor'akan) [6]), считаютъ не выше 5, и еще меньше такихъ, которые, подобно Ямеосамъ (Jameos) [7]), не выше 3. Однако нѣтъ идеи болѣе подверженной запутанности, какъ идея числа; а потому самому грубому народу пришлось изобрѣтать слова, чтобы предупредить эту запутанность. Эти разъ изобрѣтенныя числительныя имена перешли отъ одного рода къ другому; ежедневное ихъ употребленіе не дозволяло ихъ забывать; но именно вслѣдствіе этого частаго употребленія, которое почти во всѣхъ языкахъ сдѣлало неправильными verbum substantivum, мѣстоимѣнія и нѣкоторыя прилагательныя (какъ gut, böse, gross и проч.), они мало-по-малу до того перемѣнились, что ихъ первоначальное сходство возможно признать только при сравненіи нѣсколькихъ языковъ. Русскія числительныя даютъ тому очень ясное доказательство; напр.

Одинъ, слав. единъ, ein; шведск. en; εἶσ, ἑνος; unus.
два, шведск. tvo; δυω, duo, zwei; вторый, δευτερος.
три, шведск. try; drei, τρεῖσ, tres.

---

[5]) Miscellan. Leibnit. pag. 53.
[6]) Крашенинникова Описаніе земли Камчатки, во 2-й части, стр. 175.
[7]) Origine des Loix par M. Goguet, Tom. I изъ de la Condamine.

четыре, τεσσαρες, поэт. τετορες (τ вслѣдствіе вставки ерь переходитъ въ ч, см. выше § 16); Улфил. fidur, quatuor, viere.
пять, польск. pięć, πεντε; fünf; quinque.
шесть, польск. sześć, sechs, sex, ἕξ.
седмь, septem, ἑπτὰ, sieben.
осмь, octo, ὀκτὼ, шведск. otta; acht.
девять, должно быть тоже, что novem, neune и ἔννεα, какъ ни противится тому глазъ и ухо.
десять, δέκα, decem, zehen, шведск. tio.
сто, centum, ἕκατον, hundert; Улфил. hund.
тысяща, польск. tysiąc (подобно tio sto, т. е. десять разъ сто), шведск. thusande, tausend.

II. *Мѣстоименія.* О нихъ должно тоже сказать, что и о числительныхъ, напр.
я, шведск. jag; исл. eg, ego, ἐγω, ich.
мнѣ, польск. mi; mihi, ἐμοι, mir.
мы, ἡμεισ, шведск. vi, wir.
насъ, nos, ὑμασ; шведск. oss, uns.
мой, meus, εμοσ, mein.
нашъ, noster, unser.
Ты, συ, tu, du.
тебѣ, tibi; шведск. tig; dir.
вы, шведск. i, vos, ihr.
васъ (винит.) vos.
твой. tuus.
вашъ, vester.
Себѣ, sibi.
себя, слав. ся, польск. się; se, ἑ, sich.
свой, suus, σφης.
Онъ, шведск. han, er; hon sie: ihn (винит.).
Самъ, шведск. som, samma; англ. some (хотя въ различныхъ значеніяхъ).
Того, ту, то, польск. ten, ta, to; τον, την, το; исландск. thann, thaa, thad den, die, das.

III. Слова, выражающія простѣйшія, необходимѣйшія и наиболѣе подлежащія чувствамъ понятія; напр.
мать, mater, μητηρ, die Mutter, шведск. Moder.
братъ, frater, φρητηρ; der Bruder, шведск. broder.
бать, уменьш. батюшка, pater, πατηρ, Vater, шведск. fader.
сестра, шведск. syster, die Schwester.
сынъ, der Sohn.
дочь или дщерь, die Tochter, θυγατηρ.
вода, шведск. vatn; Wasser, υδωρ.
огнь, ignis.

носъ, nasus, die Nase, швед. näs.
око, das Aug, шведск. öga, лат. уменьш. oculus.
нощь, nox, νυξ, die Nacht.
солнце, лат. и шведск. sol, die Sonne. ἥλιοσ.
луна, luna.
не, ne, nein, nicht, и проч. и проч. [8]).

IV. Флексіи глаголовъ; напр.

I. глагола существительнаго: есмь.

Русск.	Греческ.	Лат.	Улфил.	Нѣмецк.	Исландск.	Польск.
Есмь,	ειμι,	Sum,	Im,	Bin,	Er,	Jestem
еси	εις	es	is	bist	ert	jesteś
есть	ἔςτι	est	ist	ist	er	jest
есмы	ἔςμεν	sumus	sijum	seyn	erum	jesteśmy
есте	ἔςτε	estis	sijuth	seyd	erud	jesteście
суть	εἰςι	sunt	sind	sind	eru	są.

II. прочихъ глаголовъ.

Русск.	Латин.	Нѣмецк.	Улфил.	Исланд.	Греческ.
мѣшаю,	misceo,	mische,	sokja,	elska,	μιςγω
ешь	es	est	ais	ar	εις
етъ	et	et	aith	ar	ει
емъ	emus	en	am	um	ομεν
ете	etis	et	aith	ed	ετε
ютъ	ent	en	and	a	ουςι

§ 42.

Доказательство, которое можно отсюда вывести для родства всѣхъ этихъ языковъ, сильно. Ихъ сходство въ самыхъ существенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ своевольныхъ частяхъ слишкомъ велико, чтобы его можно было приписывать только случаю; и еще неестественнѣе было бы думать, что древніе Славяне, у которыхъ искони были носы и глаза, которые искони знали огонь, воду и солнце, только впослѣдствіи заимствовали имена этихъ предметовъ у Грековъ, Римлянъ, Нѣмцевъ и другихъ народовъ. Слѣдовательно, въ то время, когда эти слова изобрѣтались и сдѣлались общеупотребительными, должно быть, они вмѣстѣ со всѣми этими народами составляли одинъ родъ и вмѣстѣ съ ними образовали одинъ языкъ, который только со временемъ вслѣдствіе раздѣленія семействъ раздѣлился на разныя нарѣчія. Переверните доказательство: сравните такимъ же образомъ нѣмецкій съ турецкимъ, русскій съ еврей-

[8]) Ниже (въ § 43) будетъ представлено множество подобныхъ словъ.

скимъ: оно такъ же сильно докажетъ различіе этихъ послѣднихъ языковъ. Но это послужитъ только приготовленіемъ ко второму доказательству, которое основывается на сравненіи отдѣльныхъ коренныхъ словъ и совершенно рѣшаетъ дѣло. Прежде, чѣмъ я приступлю къ нему, позвольте предпослать слѣдующія замѣчанія:

1. Я этимологизирую по правиламъ; эти правила я предполагаю здѣсь извѣстными. Главнѣйшія изъ нихъ Вахтеръ объяснилъ въ Prolegom. къ своему Glossario Germanico. Какія насильственныя перемѣны производитъ въ буквахъ *еръ* (§ 16); какъ легко смѣшиваются между собою literae unius organi; какъ сильно измѣняетъ слово придыханіе или spiritus asper, которое нѣкоторыя націи приставляютъ къ извѣстнымъ буквамъ въ началѣ слога, и которое въ иныхъ нарѣчіяхъ переходитъ то въ s, то въ g, то въ k и т. д., — это вещи, которыя необходимо знать, чтобы судить, основательно ли этимологическое сравненіе, или только игра остроумія. Однако здѣсь не мѣсто каждый разъ указывать эти правила и излагать формально, вполнѣ все доказательство.

2. Я стараюсь быть повсюду крайне краткъ и часто въ немногія строки сжимаю то, о чемъ можно было бы написать подробную диссертацію. Этимологическія изслѣдованія, болѣе всѣхъ другихъ, требуютъ подобной краткости. Растянутое изложеніе окончательно лишаетъ ихъ той малой цѣнности, которую они могутъ имѣть. На этомъ основаніи я такъ же исключаю все лишнее и постороннее. Если я нѣмецкія и латинскія слова объясняю съ помощью русскихъ новымъ, но такимъ естественнымъ способомъ, что никакой ученый этимологъ не сдѣлаетъ противъ него возраженія, то я не всегда считаю нужнымъ доводить до свѣдѣнія читателя, что Варро (Varro), Вахтеръ и Фришъ придумали именно отъ этихъ словъ либо натянутое, либо доказанно неправильное производство. Тѣ слова, въ которыхъ я собственно ищу сходства съ русскими, отличаю отъ другихъ, которыя привожу только какъ переводъ, курсивомъ и петитомъ. Точно такъ же и въ русскихъ словахъ я отличаю коренныя буквы отъ тѣхъ, которыя только прибавились. Сокращенія извѣстны читателю, знающему этимологію, изъ Вахтера и Фриша [9]).

3. Я не привожу словъ, которыя религія, торговля и науки очевидно ввели въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ только въ новѣйшія времена. Такія слова, которыя иные замѣчаютъ прежде всего, ровно ничего не доказываютъ; рѣчь идетъ только о такихъ, которыя составляютъ собственно сокровище языка народа. Естественныя слова или Onomatopoetica (звукоподражательныя) по другой причинѣ неудобны для доказательства общаго происхожденія двухъ языковъ, а потому я привожу ихъ такъ же рѣдко.

---

[9]) Герм. у меня значитъ вообще древній германскій; Сораб. славянское нарѣчіе въ Лузаціи; Л. Варв. Латинскій среднихъ вѣковъ и проч. и проч.

4. Чтобы не приписали случайности нѣмецкія, греческія и латинскія слова, находящіяся такъ же въ русскомъ языкѣ, списокъ долженъ былъ сдѣлаться нѣсколько пространнымъ и содержать слова на всѣ буквы русскаго алфавита. При этомъ способѣ доказательствъ количество составляетъ существенное обстоятельство. Если я иногда ошибаюсь въ отдѣльныхъ словахъ и ищу сходства тамъ, гдѣ его нѣтъ, то, при множествѣ другихъ, противъ которыхъ нечего возражать, доказательство все еще остается въ силѣ; потому что если строгій изслѣдователь и вычеркнетъ мнѣ цѣлую пятую часть изъ этихъ словъ, то у меня все еще останется $^4/_5$—и этого довольно. Въ первыхъ буквахъ, отъ Б до К, я буду нѣсколько подробенъ, но при слѣдующихъ прибавляю только родственныя слова безъ доказательствъ и объясненій, и предоставляю дальнѣйшее исполненіе этого будущимъ составителямъ славяно-русскихъ глоссарій.

§ 43.

Б.

Баня, *das Bad*; употребляется только о теплыхъ или потовыхъ баняхъ; Лат. Bajae, теплая ванна; βω, caleo; *bägen* fomentare; можетъ быть и backen, pinsere, и исландск. bakast, грѣться.

Баринъ, herus, paterfamilias. Bar въ древн. англ. и Baron въ древн. французск. означало супругъ или отецъ семейства; собственно оно значитъ свободный, отъ bar, свободный. Въ этомъ смыслѣ Barones встрѣчается уже у Цицерона и Гирціуса (второе значеніе у Цицерона, такъ какъ оно означаетъ дурака, Фришъ производитъ отъ слав. баранъ, veruex). У лонгобардовъ Bar означало человѣка вообще, былъ ли онъ свободенъ или рабъ. Въ позднѣйшія времена оно получило болѣе благородное значеніе, которое нынѣ имѣетъ нѣмецк. Baron и испанск. varon. Англосаксы называли вельможъ Fram-baren. Вѣроятно, изъ того же источника происходитъ такъ же англ. Peer и франц. Pair de France.

Берегу servo, custodio; откуда *берегъ*, *das Ufer*; Герм. *bergen*, коренное слово отъ verbergen (прятать), отчего и теперь еще говорятъ geborgene, отъ кораблекрушенія спасенное имущество. Улфил. bairgith saiwala seina, servat animan suam. Отсюда der Bürge, die *Herberge* die Burg, munimentum и проч. А. Сакс. beorgan, cavere; gebeorg, cautus, русск. *беречься* sich hüten. Gloss. Lips. geberge, cubilia animalium. А. Сакс. Scancbeorg, сапоги, тоже что Schenkelverwarer (предохранитель голени). Lex. Ripuar. Bainbergae, въ этомъ самомъ значеніи. Исландск. Hals-biorge, collare chalybeum. А. Сакс. Hals-bearh, панцырь, откуда древне-французск. Haubert и Fiefs de Haubert: Osbergum, панцырь, откуда Италіанск. Usbergo. Въ Гольштинскомъ *Berg*

horreum perflatile, eine Feldschüpfe или постройка безъ стѣнъ, только съ крышей, которую можно подымать и опускать, подъ которой сохраняютъ сжатую рожь [10]). Der *Berg*, mons, сюда не относится, см. подъ сл. верхъ.

Беру, accipio, sumo, capto. Шведск. båra, А. Сакс. и Франкс. beran; Улфил. bairan; fero, φερω. Хотя всѣ эти слова не означаютъ собственно *брать* (nehmen), а *нести* (tragen); однако, кромѣ того, что эти идеи очень родственны, понятіе о tragen дѣлается очевиднымъ въ производныхъ отъ русск. *беру* и понятіе о nehmen въ производныхъ другихъ языковъ. Напр. беремя opus praegnantis, оберемѣнѣть (schwanger werden); также какъ въ нѣмецк. отъ древняго båren еще осталось *Bär* Mutter и gebären. (*Tragen*, *trächtig*, употребляется въ томъ же значеніи, но только о животныхъ). Кельтск. bru, venter и uterus, русск. брюхо, alveus, venter, зборщикъ, тотъ, который взимаетъ съ подданныхъ государственныя подати. Шведск. Upbördsman.

Блещу, еснуть, fulguro, mico, corusco. Существ. блескъ (der Blitz), Швед. blixt, Франк. blech или blig. А. Сакс. blican, rutilo; blac-ern, фонарь. Отсюда *blicken*, *blitzen*, *blinzen*, fulgeo, φλεγω.

Блекну, flaccesco, *verbleichen;* блѣденъ, pallidus, *blass*. Герм. blod; Исл. blaudur, pavidus, meticulosus; bloden, pavere; отсюда sich *erblöden*.

Болитъ, dolet, откуда болѣзнь (die Krankheit); Герм. Bal (malus, φαυλος), malum passionis, dolor, cruciatus; и malum actionis, scelus; Камбр. ball, А. Сакс. wol, чума; Исл. bol, боль, (der Schmertz, das Unglück), Улф. balwjan, torquere; Франкск. baluwe, afflictio (das Uebel).

Борода, или брада, der *Bart*, barba; Армор. barf, въ Крыму bars.

Босъ, nudus pede; Шведс. и Герм. bar, blos, откуда *bar*fusz; Сораб. Boszak, Польск. Bosak, босоногій монахъ.

Бровь, supercilium, Герм. Aug-brawen; вм. чего мы теперь говоримъ: *Augen-Braunen*; Англ. eyge-brow, Голланд. winkbrauw; А. Сакс. broewe Франкск. brauuo, supercilium и palpebra. Перс. abrou; βλεφαρον, Макед. ἀβρουτες.

Броня, der Harnisch; Франкск. brun, brunia; Галл. brugne, broigne; А. Сакс. byrn, Шведск. brynia; Лат. варвар. brunia, отъ Кельтск. brun, die Brust (грудь), такъ какъ Лат. thorax. Въ Capitular. Caroli M. нѣмецкимъ купцамъ запрещается привозить Вендамъ arma et brunias, т. е. ни наступательнаго, ни оборонительнаго оружія. Отсюда оборонять, beschützen, такъ же какъ отъ

щитъ, scutum, защищать въ томъ же значеніи.

Бѣгу, fugio, φεύγω.

Бобъ, die *Bohne*, Герм. bohn.

---

10) См. Поповичъ Untersuch. vom Meer, S. 193.

[**Бить**, schlagen; отсюда бичь, die Peitsche. Гр. Варв. βιτζα и βίζζα; въ верхн. греманск. *fitzen*, высѣчь розгами.

Блита или **плита**, Fliesen.

Буравъ, ein Borer, forare

Бердышъ, eine Streitaxt; Герм. barde; А. Сакс. brad-aexe.

Батоги, die Batoggen; Франц. baguettes.

Бляха, das Blech.

Бродъ, die *Furt*; А. Сакс. ford; Лат. Варв. forda.

Блѣю, balo, blöcken [11])].

В.

Вага, die Wage; вѣшу, *wiegen*, wägen, pondus habeo и libra examino; вѣсъ, das *Gewicht*; важный *wichtig*, какъ по его собственному, такъ и фигуральному значенію: *вишу* ich *hange*, такъ какъ и Лат. pendo и pendeo происходятъ отъ одного кореннаго слова.

Валю, prosterno, *fällen*, fallen: βάλλω. Герм. bolen, iaculari; откуда Лат. balista; А. Сакс. bolt, catapulta. Валяю, *walken*.

Валяю, voluo, *wälzen*; Герм. wellen, bolen; Улфил. walwjan, ειλειν, πολειν. Отсюда bol, Герм. rund, Камбр. der Bauch, Голландск. der Kopf (πόλος, vertex): der *Ball*, pila, Франц. boule, bouleverser; Герм. boll, cepe, и gemma plantae; die Walze cylindrus, auf*wallen*, die Arzenei*pillen* русск. волна, die *Welle*, fluctus. Все отъ der Ründe или отъ wälzen.

Валяю, значитъ также castrare, откуда ein Wallach, equus castratus, не отъ Валлахіи (Wallachei), хотя французы переводятъ его словомъ Hongre. Герм. *gall*, castratus, sterilis; γάλλος, euiratus; исл. *gall*-ko, vacca non foetificans; *gall*-strand, litus sterile et sabulosum.

Варю, coquo; *поварь* имѣетъ сходство или съ warm, θερμος, лат. formus, ferueo; или съ *gar* въ *Gar*Salz, sal debito modo coctus; *Gar*Koch, *gare* Kost, въ брауншвейгскомъ городовомъ правѣ, то, что ѣдятъ за обѣдомъ или за ужиномъ; die *Gare* соляной растворъ, когда соль достаточно выварена. См. Frischs Wörterbuch. S. 319.

Вдовъ, viduus, der *Wittwer*, Камбр. gweddw, англ. widow.

Веду, везу, duco, veho, откуда извощикъ, der Fuhrmann, Герм. *Wagen*-mann. Сораб. вожь, der Wagen, vehes; οχος.

Великій, grosz; отъ вель, въ славянск., и до сихъ поръ употребляемая въ польскомъ particula augmentativa; напр. вельможи, die Grossen des Reichs, какъ будто *Hoch* или *Groszmögenden*. Вель это нѣмецкое *viel*, Улфил. filu, А. Сакс. fela, Голландск. veel, πολὺ. Во всѣхъ язы-

---

[11]) Слова и объясненія, заключенныя въ скобки, принадлежатъ не мнѣ; я обязанъ ими благосклонности г-на профессора Фишера.

какъ смѣшивается quantitas discreta съ continua; напр. magnus, magis; Франкск. filufesti, очень храбрый и проч.

Отсюда сравнительная степень

Больше (положит. больма, valde) еще обыкновенна въ русскомъ яз., но означаетъ не grőszer, а mehr, plus, откуда получили свое имя Бояре, въ древнихъ хроникахъ называемые постоянно боляре.

Вергаю и **верзаю**, werfen, Лат. варв. verpire, ῥίπτω.

Верхъ, oben, сораб. Wrch, der Berg. Понятія о высотѣ и горѣ, низменности и долинѣ во многихъ языкахъ одно и тоже. Что въ русскомъ языкѣ означаетъ oben (верхъ), то въ Вендскомъ и другихъ Слав. нарѣчіяхъ значитъ der Berg (гора), и то, что въ послѣднихъ значитъ *oben*, то въ русскомъ der Berg. **Гора**, сораб. *Hora*, der Berg; ὄρος; герм. her, altus: αἴρω. Въ сорабскомъ оно употребляется въ составныхъ глаголахъ часто вмѣсто русскаго *возъ* (hinauf), какъ horehdu, иду вверхъ; напротивъ того, delehdu, иду внизъ, отъ **долъ** или долина, das *Thal*, vallis, шведс. dal; нижне-герм. dal gehen, вм. hinunter gehen; дольный niedrig; такъ же какъ **низъ** nieder, франкск. nidan, шведс. ned, герм. hienieden: νεύω, vergo, inclino.

Верста, извѣстная русская дорожная мѣра; прежде изъ нихъ 5-ти, а теперь изъ $6^3/_4$ составляется нѣмецкая миля. Фришъ и Вахтеръ сравниваютъ ее съ древне-нѣм. *Rast*, къ которому русскіе приставили *в*, точно такъ же какъ нижне-герм. къ ringen *wrangen*. Іеронимъ. въ Joëlem: Unaquaeque gens certa viarum spatia suis appellat nominibus. Nam et Latini *Milliare* mille passus vocant, et *Galli Leucas*, Persae *Parasangas*, et *Rastas* universa Germania. Улфил. переводитъ Матѳ. V, 41 греч. μίλιον ἓν rasta aina. Въ грамотахъ франкскихъ королей встрѣчается rasta, на руническихъ камняхъ rost, и въ исландск. rast въ значеніи мѣры мили. Величина ея была въ Германіи различна: Папа Левъ III въ одномъ посланіи къ Карлу Великому говоритъ о rastis Saxonicis. Одинъ древній словарь объясняетъ слово *Rast Wegs* двухъ-мильнымъ путемъ. Но вѣроятно, прежняя нѣмецкая миля, судя по ея этимологіи, заключала въ себѣ только развѣ четвертую часть нынѣшней; и такимъ образомъ Rast мало чѣмъ не равнялась старой большой русской верстѣ. Два другія мѣста, приводимыя Фришемъ, позволяютъ предполагать, что Rast вовсе не была мѣрою для большой мили. Оно происходитъ отъ reisen, почему и пишется Reisete. Чтобы окончательно рѣшить это дѣло, стоило бы изслѣдовать, когда впервые стали въ Россіи считать по верстамъ.

Весна, der Frűling, ver; славяне въ Венгріи называютъ ее ярь ἔαρ шведс. vår.

зима, der Winter: hiems, χειμών.

Ветхій, alt, vetus, точно такъ же

новый, neu, novus, νέος.

Вечеръ, der Abend, vesper, ἕσπερος. Точно такъ же **утро** der Morgen Gloss. Lips. *adro* diluculum; Улфил. uhtwon; А. Сакс. uht и uht-tide, tempus matutinum: uht-sang, Исландск. otto-saung, preces antelucanae. Франк. uohtun, matutinum; Голландск. uchtens, mane, ἕωθεν. Отъ утро происходитъ

завтра, auf den Morgen, т. е. cras; какъ

вчера отъ вечеръ, т. е. heri и

севодня, diesen Tag, т. е. hodie (вм. hoc die), Улфил. hina dag.

Вижу, неопред. видѣть, videre, εἴδω, sehen. Отсюда видъ, species, das Ansehen. За-видую, beneiden, in-video, образъ, подъ которымъ евреи такъ же представляли зависть; нена*вижу*, hassen, какъ будто на кого нибудь не хотѣть смотрѣть.

вѣд-аю, *wissen*, εἰδω, ἵστημι, происходитъ отъ вижу, откуда вѣжливъ, artig, какъ лат. scitus отъ scio. Видѣть и знать очень близко родственныя идеи. Мы знаемъ только то, что посредствомъ чувствъ проникаетъ въ нашу душу; но изъ всѣхъ чувствъ зрѣніе самый богатый источникъ нашихъ познаній. Поэтому грекъ выражаетъ понятія однимъ и тѣмъ же словомъ; и отсюда прекрасно объясняется этимологія слова ἱστορία. Улфил. употребляетъ *знать* вм. *видѣть* Матѳ. IX, 4. Еврей и Эстляндецъ говорятъ *видѣть* огонь, вмѣсто *чувствовать* теплоту.

Владѣю, regieren, слово, очень далеко распространившееся въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ. Исл. wallda, können, valeo, validus. Улфил. waldan. А.-Сакс. wealdan, Франкск. uualtan, herrschen, regieren, употребляется преимущественно о Богѣ и короляхъ. Отфридъ говоритъ: seinen *Mut walten*, т. е. поработить свои страсти. А. Сакс. wald, Камбр. gallued, Исланд. valid, Шведс. vaelde, die *Gewalt* (власть), Regierung, Herrschaft. Франк. Selbuualt, liberum arbitrium, А. Сакс. Anvald, die *Monarchie*, Швед. Enewaelde, деспотизмъ; Лонгобардск. mundvald, administrator tutelae. Мы говоримъ еще *Anwald* и *Sachwald* вм. адвокатъ. Франкск. Lantuualton, намѣстники въ провинціяхъ. Отъ этого происходятъ тѣ многія старинныя нѣмецкія собственныя имена, которыя оканчиваются на vald, какъ Osvald, Walter, Cariovalda, Батавскій князь во времена Тацита, и прекрасное имя Володимеръ или Woldemar, т. е. владѣтель міра. Русск. Владыка почетный титулъ высшаго духовенства. Ein *Gewaltiger* означало прежде начальствующаго офицера.

Вода, Улф. wate, Шведс. vatn, das *Wasser*, ὕδωρ. Платонъ говоритъ, что греки получили это слово отъ фригійцевъ, которые произносили его *bedy*.

Волна, die *Wolle*. Теперь обыкновенно говорятъ шерсть.

Волоку, ziehen, ἕλκω. Нѣмецкое *ziehen* находится въ другихъ слав. нарѣчіяхъ. какъ tahnauti и проч.

Волосъ, das Haar, Сораб. Wlosz; villus, πλοκοσ; отсюда вѣроятно *ленъ*, Голландск. vlas получилъ свое названіе, какъ франц. filasse отъ filum.

Воля, der *Wille*, die Freiheit; изволить, *wollen*, volo; βούλομαι, θέλω; уволю, *entlassen*; доволенъ, genug (какъ будто, такъ много, какъ хотять, такъ же какъ Нѣмецкое *genug* отъ Шведск. nöje удовольствіе), неволю, приневоливаю. zwingen; **велю**, velle voluntate efficaci, т. е. *befehlen*, откуда слово повелитель въ императорскомъ титулѣ. *Wohl*, *wählen*, *gefallen* и *befehlen* происходятъ изъ одного источника. Можетъ быть и *желать*, verlangen, со своими производными принадлежитъ сюда.

Ворочу, слав. вращу; неопр. вратить; verto. Отсюда возвратить, reverto, umkehren: ворота, porta (настоящій корень котораго поэтому verto); отъ Umdrehen in den Angeln (переворачивать на крюкахъ): выворачиваю, versuram facio.

Ворошу, zitternd machen, rühren. Герм. *Freis*, horror, timor, terror; freislich, terribilis; *frais*, ius terrendi, т. е. jurisdictio criminalis; франц. affreux, англ. afraid, furchtsam.

Ворса, die Haare auf dem Laken, *Borsten*.

Воръ, fur; ворую, furor; отъ беру, fero

Воскъ, das Wachs.

Вѣрю, ich glaube; вѣра, der Glaube; вѣрный, getreu, вѣрность, die Treue; нѣмецк. *wahr*, лат. verus. Warheit, Treue и Glauben, родственныя идеи; Glauben значитъ считать за правду, но Treue и sittliche Warheit равносильныя слова; отсюда шв. tro, вѣрить; англ. truth, правда, нѣмецк. Treue, fides. А. Сакс. cy-vir, verus, fidelis, rectus; cywiro сдержать свое обѣщаніе; enwir, improbus, impius. Герм. war, значитъ также bonus, probus, ἄρηος, ἄριστοσ. Отфридъ противопоставляетъ его сл. ubel, откуда *bewären*, также лат. verus значитъ иногда iustus, aequus. См. ниже ПРАВЪ.

Вѣю, flo, spiro, *wehen*, ἄειν; откуда вѣтръ, der Wind, швед. vaeder, лат. ventus, отъ wehen, aether. *Wetter* теперь называется tempestas, сильный вѣтеръ или вообще Witterung (погода), хотя Ноткеръ называетъ такъ aerem leniter spirantem и противопоставляетъ непогодѣ (Ungewitter): er gemachota ungeuuitere za uuetere, Psalm. CVI, 28.

Вяжу, неопр. вязать, ligo, *fest* machen, Швед. faesta, А. Сакс. faestnung, colligatio, vinculum; Исл. festi, funes nautici. Если въ сл. вяжу произносятъ *я* съ польскимъ Rhinesmo, то изъ него образуется vincio, *winden*, *binden*. Откуда вѣнецъ, der Kranz; вѣнчать, жениха и невѣсту сочетать бракомъ; такъ же какъ Исл. *festa* stipulatio fidei, *festir* sponsalia; Швед. Faeste-mö, невѣста.

Вью, vieo, *windeln*, *wickeln*; откуда повивальная бабка, obstetrix, потому какъ Windelfrau.

[**Вялъ** *welk*, flaccus.
Врачъ, der Arzt.
Валъ, vallum, der Wall.]

Г.

Гадъ (obs.) и *гад*атель, augur; предъу*гад*ываю, praesagio, diuino. Можетъ быть это слово А. Сакс. *galdere*, исл. *galldra*madur, incantator и древн. нѣмец. *Galster*Weib, Zauberin (волшебница)? Венское нарѣчіе очень часто пропускаетъ l въ произношеніи. [По-русски говорятъ такъ же колдунъ; но это имя, вѣроятно, происходитъ отъ Chaldäern (Халдеевъ), такъ какъ римляне называютъ этихъ людей *Magos* и Мингрельцы *Magor* отъ древне-персидск. *Magiern*].

Гажу, дить, nauseo, maculo, foedo; за*гаж*иваю, conspurco; *гадъ* das Insect. Герм. *gastig*, вмѣсто чего мы теперь говоримъ *garstig*: ἀγόστειν immundum esse. Франц. *gater*; Голл. *garstig* spek, lardum rancidum: Нижненѣмец. *gallstrig*.

Глава или *голова*, der Kopf, κεφαλή.

Глазъ, das Auge, откуда *гляжу*, дѣть, sehen; в*глядъ* der Anblick и проч. Плодовитое коренное слово, которое удержалось только въ славянскомъ, но отъ котораго въ другихъ языкахъ существуетъ множество производныхъ, напр,:

1. *Gleissen*, *glänzen*, *glitzeln*: der Glanz, герм. Glast: ἄγλαος, γέλα splendor. Исл. *gloa*, splendere. Камбр. *goleu*, lux, lumen, γλάυσσειν fulgere. Шв. lysa, lucere: clarus, γλαυρος.
2. По-исландски *gler* называется все, что блеститъ, свѣтитъ, гладко и прозрачно, откуда *Gless* древнее названіе янтаря. А. Сакс. *glaere*; Solin. Cap. 25. «Succinum Germani gentiliter *glaesum* vocant; откуда прусскіе берега назвали *Glessariae* insulae. Das *Glas*, vitrum. *Glizza* родъ полотна въ средніе вѣка. См. дю-Канжа *Glast* или *glest*, всякая матерія, которая, будучи растоплена въ огнѣ, даетъ глиняннымъ сосудамъ блескъ и гладкость; отсюда *глазурь* (Glasur). *Glaer* значитъ такъ же blau (голубой), можетъ быть, первоначально, свѣтло и блестяще голубой (hell und glänzend-blau). А.-Сакс. *glaesen* eage, голубой глазъ; откуда *Glast*, Isatis, чѣмъ древніе Бритты красили себя въ голубой цвѣтъ; γλαυξ сова, ab oculis *glaucis*, der *Lasur*-Stein, Камбр. llasar, русск. *лазурь*, blau.
3. *гладкій*, politus, glaber; *гла́жу*, дить, polio, laeuigo, limo, pumico, mulceo. Герм. *glat* первоначально значило *glänzend*. Отфридъ говоритъ: ehe der Mond die Nacht regierte, und die Sonne so *glatt* wurde. Впослѣдствіи *glatt* значило polirt, schlüpfrig (скользкій). Переходъ отъ *Glanz* къ *Glätte* былъ легкій и естественный. А. Сакс. *glid*, λοιὸσ, γλισχρος. Русск. *голиться* (die Haare ausraufen), откуда у насъ eine *Glatze* (плѣшь). Laeuis, λεῖος. *Глуть*, lubricus; *glitschen*, aus*gleiten*, *Glatt*Eis, die *Glätz*scher въ Швейцаріи и проч.

4. Отъ гладкости и прозрачности получило свое имя *glacies*, у древнихъ Сициліянъ γέλα (см. Suidas), откуда, можетъ быть, *gelu*, русск. *ледъ*: придыханіе предъ *л* выпало, хотя въ сл. *холод*ный, *gelidus kalt*, оно тѣмъ сильнѣе.
5. **гладъ** или **голодъ**, der Hunger. Можетъ быть, *die Glätte* дало ему имя, вслѣдствіе неправильнаго физіологическаго представленія о способѣ происхожденія голода? По крайней мѣрѣ арабъ, вслѣдствіе подобной же ошибки, назвалъ его по сухости[12]).
6. Отъ *Glätte*, можетъ быть, происходитъ англ. и шведск. *glad*, freudig (веселый), *laetus*. Всѣ слова, которыя выражаютъ нравственное потрясеніе, первоначально означали нѣчто чувственное.

Гласъ, слав. *голосъ*, die Stimme; *hallen*, sonare. Герм. *gall*, sonus vehemens; vor Schmerzen einen *Gall* lassen (въ Heldenbuch), т. е. громко кричать. Исл. *gala*, пѣть, волшебствовать; откуда *Nachtigal*, пѣвецъ ночей. *Согласіе*, consensus, suffragatio; Герм. in etwas *gehellen*: *несогласіе*, dissensus, Герм. *missehullen*; Daniel wollte in des Königs Gebot nicht *hélen*, Mathes. Sarept. Можетъ быть, отсюда происходитъ der *Hals*, collum, γλῶσσα и

глаголю, слав. reden, λαλεῖν, вм. котораго нынѣ употребляютъ **говорю**, которое Фришъ сравниваетъ съ нѣмецк. *Wort*.

Глочу, тить, deglutio; *глотунъ*, de*glutitor*; *глотка*, iugulum, faux.

Гнету, drucken; гнетъ, die Presse. Шв. *gnida*, reiben (тереть); нижненѣм. ein *Gnidel*Stein, для глаженія бѣлья. *Kneten*, farinam subigere; откуда слав. воз*гнета*ю, зажигать огонь. Древнѣйшій и простѣйшій способъ добыванія огня состоялъ въ томъ, что два куска дерѣва терли (rieb) другъ о друга[13]). Такъ дѣлаютъ еще и теперь, кромѣ Арабовъ (см. Arvieux) и многихъ другихъ дикихъ народовъ, камчадалы[14]). По-еврейски kadach значитъ зажигать, что по-арабски означаетъ тереть, точно какъ въ русскомъ. У древнихъ нѣмцевъ такъ же находятся слѣды этого способа производить огонь. Когда впослѣдствіи *высѣканіе* огня вытѣснило первобытный способъ *вытиранія*, суевѣріе освятило его и создало изъ него *ignem auerruncum*. Мнѣ кажется, что такимъ образомъ всего естественнѣе объясняется *Nodfyr*, у Вахтера, стр. 443.

Гну, неопред. *гну*ть, curuo, flecto, biegen; откуда *genu*, γόνυ, das *Knie* (колѣно), какъ *Nacken* (затылокъ) отъ *neigen* (клонить). Одинъ только русскій языкъ удержалъ это коренное слово, но у него нѣтъ производныхъ; въ немъ das Knie называется колѣно отъ круглой формы

---

[12]) Golii Lexic. Arab. pag. 377.
[13]) Goguet de l'origine des Loix etc. Tom. I. L. II. pag. 157.
[14]) Крашенинникова, Описаніе земли Камчатки. II. ч. стр. 32, гдѣ этотъ способъ добыванія огня представленъ на картинкѣ.

чашки колѣна; см. ниже *коло*. Отъ гнуть происходитъ

кнутъ (die Knute), отъ кривой линіи, которую онъ описываетъ на спинѣ преступника, и

книга, das Buch, такимъ же способомъ образованы, какъ еврейск. *Megilla* отъ *galal*, катать (rollen), лат. *volumen* отъ *volvo* и Buch отъ *biegen*.

Гнѣздо, *das Nest*, *nidus*.

Годить, gefallen, geschickt, или bequem zu etwas seyn; при*гожъ*, formosus, venustus, неу*годенъ*; miszfällig, unnütz, unnötig. Все идеи, гармонирующія съ словомъ *gut*, αγαϑος, швед. god.

Горло, *guttur*, die *Gurgel*.

Горожу, неопр. дить, umzäunen; откуда *городъ*, слав. *градъ*, die Stadt. Швед. *gord*, дворъ или огороженное мѣсто со всѣми его принадлежностями, что древніе Франки называли *sala*. А. Сакс. *geard*, area, *гряда*; der *Garten*, hortus. Швед. *gaerdesgord*, заборъ (der Zaun). Улф. *gards*, домъ, *aurtigards* садъ. Польск. *grodz*, stabulum, caula. Итал. *corte*, aula, palatium. Въ русскомъ языкѣ часто встрѣчается въ именахъ городовъ и означаетъ тоже, что *dun* (заборъ, Zaun) въ Lung*dunum*, August*odunum*, и проч., какъ *Новгородъ*, *Царьградъ* (т. е. Константинополь); и въ Германіи находятся подобные города, какъ *Stutgard*, *Stargard* (т. е. старый городъ) и проч. Улфил. *gard* употребляется вмѣсто Reich (государство); *thiudangard*, королевство; откуда въ Исландскихъ лѣтописяхъ древнія имена Россіи: *Holmgard*, *Ostrogard* и *Hunigard*. Можетъ быть, сюда принадлежатъ и die *Erde* (земля), шведск. *jord*, А. Сакс. *geard? Gard* еще и теперь на языкѣ Сербовъ называются палисадники или сваи въ Дунаѣ, въ которыхъ ловятъ бѣлугу [15]); подобные палисадники у Астрахани на Волгѣ назыв. *учюги*.

Горю, ardeo; *грѣю*, сораб. *rjju* или *hrjju* и *warju*, calefatio, *wärmen*; *жаръ*, *fervor*, aestus. Лат. *uro*, англ. burn, герм. *börnen*, *brennen*, откуда получилъ свое имя der *Börnstein* (янтарь). *Görlis* значитъ именно то, что *Brandenburg*. *Гор*ѣлина, bustum; *горнъ*, furnus; Сораб. *Horne*, глиняный горшокъ для варки, *urna*. Сравн. съ этимъ уже вышеобъясненное *вар*ить, kochen. Фришъ причисляетъ такъ же сюда Лат. *pruna* уголь, греч. πρηϑω incendo и слав. *палит*и urere.

Господь, hospes, δεσποτης, съ теченіемъ времени въ своемъ значеніи потерпѣло очень много перемѣнъ. Славянская библія употребляетъ его только вм. Іегова; но нынѣ *господинъ* выражаетъ Herr, HausVater. Въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ еще очевидно значеніе лат. *hospes*. Сораб. *hospoda*, польск. *gospoda*, die Herberge (постоялый дворъ); *hospoduju*, herbergen, *hospitari*; *hospodar*, der Hauswirt (домохо-

---

[15]) Поповичъ описываетъ ихъ въ Изслѣдов. моря, стр. 204.

зяинъ); (это значеніе оно имѣетъ еще и теперь въ Украйнѣ); *hosposa*, die Wirthin, *δεςποvα*. Въ Константинополѣ оно впервые получило свое высокое значеніе. Въ XI и XII стол. стали такъ называться греческіе императоры: въ канцелярскомъ слогѣ не говорили болѣе *Magnus Rex*, а Δεσποτης φιλοχριςτος. Алексѣй Ангелъ отмѣнилъ этотъ титулъ и далъ его тѣмъ, кто стоялъ всѣхъ ближе къ монарху, напр. императорскимъ принцамъ и мужьямъ дочерей. Послѣ паденія греческой имперіи это осталось титуломъ нѣкоторыхъ могущественныхъ вассаловъ, которые еще обладали остатками этого государства; еще и теперь молдавскіе и валахскіе князья извѣстны подъ именемъ *господарей*, [16]). Въ Россіи оно сдѣлалось титуломъ монарховъ, только говорили государь вм. господарь; однако встрѣчается послѣднее на одной монетѣ Лже-Димитрія. Нынѣ употребляется *государь* въ отношеніи и къ другимъ, кромѣ монарха, но только въ звательномъ падежѣ.

Гость, *hostis*, der *Gast*, въ сущности одно и тоже съ предъидущимъ. Напр. Слав. *гост*иница, das Wirtshaus, *угощ*еніе die Bewirthung, франц. *hote*, итал. *hoste* вм. hospite. Въ русскомъ оно, вѣроятно, вначалѣ значило тоже, что въ латинскомъ первоначально значило *hostis*, именно, иностранца вообще; впослѣдствіи оно усвоено значительнымъ купцамъ, потому что они были обыкновенно иностранцы. Эти *гости* или оптовые купцы въ древнія времена часто употреблялись для посылокъ. Такъ, при великихъ князьяхъ Олегѣ и Игорѣ они заключили мирные и торговые договоры между Греціею и Россіею; при великой княгинѣ Ольгѣ ихъ находилось около 44; при константинопольскомъ дворѣ ихъ встрѣчали съ особеннымъ почетомъ, приглашали къ императорскому столу, и благочестивый Люитпрандъ, по своемъ возвращеніи въ Германію, жаловался, что булгарскіе гости были посажены выше пословъ всѣхъ другихъ государей. Константинъ Порфирородный называетъ ихъ πραγματευτας, а Полибій *Gaesatos*. Въ Россіи еще въ прошедшемъ столѣтіи они составляли особый классъ придворныхъ и государственныхъ чиновниковъ. Они пользовались годовымъ жалованіемъ, служили при таможняхъ въ Москвѣ и Архангельскѣ, какъ и въ сибирской канцеляріи, взимали казенныя подати съ кабаковъ, и въ торжественные дни должны были являться при дворѣ. Впрочемъ слово *Gast* въ значеніи иностранца или купца не безъизвѣстно и остальному сѣверу. Peregrinos quosque etiam mercatores, говоритъ Ludwig de peregrinit. pag. 25, dicere solemus *Gäste*, uti peregrinos salis emtores, sermoque vulgi est: die *Gäste blieben aus*

---

[13]) Harduini Numism. saec. Constantin., въ соч. коего Opp. select. pag. 497. Reiskii annotatt. ad Constantin. Porphyrog. de caerimoniis aulae Byzant. pag. 16.

(гости не явились). Въ Копенгагенскомъ городовомъ правѣ иностранные купцы называются *Gester*, а подать, которую они платили за свободу торговли, *Gesteskud*. Das *Gast*recht въ нѣмецкомъ законовѣдѣніи отчасти принадлежитъ такъ же сюда.

Градъ, der Hagel, *grando*.

Грань, откуда *граница*, die *Gränze*, новое слово, которое въ нѣмецкомъ языкѣ принято только за 300 лѣтъ; прежде говорили такъ же *Gränis*, что еще ближе подходитъ къ русскому. Лат. варв. *Granicies;* въ Венгріи *Granitser* солдаты, охраняющіе границы, что въ Россіи называется *линіи*. *Краина*, Карніола и *Украйна* получили отсюда свое имя; и то и другое означаетъ пограничная земля. Герм. eine *Mark*. Краинцы, какъ и Uker-Wenden, дѣйствительно, иногда носятъ имя *Ukrani*; одни потому, что граничили съ Венгріею, а другіе съ Маркграфствомъ-Бранденбургскимъ. Исл. *greina*, distinguere; русск. *край*, extremitas rei.

Гребу, *graben*, γραφω: *гробъ*, das *Grab*, der Sarg. *Ровъ* die *Grube*.

Граблю, бить, *rapio*; *raffen*, *rauben*, plündern. Чешск. *hrabati*, Сораб. *rabu*. *Граблю* значитъ такъ же eggen (боронить), откуда *грабли*, rastrum, vel instrumentum dentatum, quo terra raditur; откуда по сходству *гребень*, der Kamm. Герм. *Graben*, вообще тяжело работать, такъ же какъ

рабъ, der Knecht, *работа* der Frondienst (барщина), *рабо*таю, arbeiten. Кельтск. *erw*, *aruum*, jugerum; исландск. *orva*, glebas dentatis rastris vertere. Камбр. *trafod*, работа, испан. *trabajo*, франц. *travail*.

Грубъ, barbarus, rusticus, *grob*.

Гряду, слав. venio, *gradior*.

Грызу. *rodo*, ambedo.

Губа, bucca, labrum, sinus, summitas forcipum; *губа*нъ, bucco, labeo; Камбр. *gwep*; франк. *uuiph*, vultus, facies, rostrum: die *Waffel*, bucca os bene fissum. Герм. *Wafe*, голланд. *gaping*, открытая рана, которая, какъ рыло имѣетъ большую labia (губа). *Gaffen*, швед. *gapa*, χαω, hio; слав. *зіяю*, *зѣваю*, *hisco*, *oscito*, Кельтск. *kaw*; hohl (полый) *cauus*.

[**Гушить**, es *jäscht*, schäumt].

Д.

Даю, *do*, δω, geben. *Даръ*, δωρον, das Geschenck: по*дар*ить, schencken. *Дань*, δανειον der Tribut.

Дверь, die *Thüre*, θυρα; Улфил. *daur*, откуда *дворъ*, der Hof, aula, такъ же какъ на востокѣ говорится Оттоманская *Порта* (Pforte) вм. Оттоманскій *дворъ* (Hof); отсюда *двор*янинъ, ein Edelmann; какъ прежде во Франціи дворяне и вассалы назывались *Hommes de la Cour du Seigneur*.

Звѣрь, das Thier, θηριον, *fera*.

Двигаю, be*wegen*, см. выше *вью*.

Дерево, или *дрова*, arbor. lignum. А Сакс. *treow*, Швед. *thrae*, Улфил. *triu*, δρυς, quercus et lignum. Откуда

деревня, das *Dorf*, Камбр. *tref*, А. Сакс. *throp* и *tref*: oppidum vel locus habitationis. Въ Германіи, которая въ прежнія времена была вся покрыта лѣсами, большинство деревень строилось въ лѣсу; это называлось: ein Dorf aus wilden Wurzeln besetzen. Множество именъ нѣмецкихъ мѣстностей, оканчивающихся на *hain*, *rode*, *leben*, и *ham*, доказываетъ это происхожденіе большинства городовъ и деревень. Такъ же *Markfleck* значитъ ничто иное, какъ vicus e silua excisus. См. Вахтера подъ этимъ словомъ, стр. 1049.

Дерзаю, audeo, Швед. *töras* sich er*dreisten;* Герм. *durren, dursten*, θαρσειν: *durst*, θαρσος, *дерз*ость, die Künheit. А. Сакс. *dirstilice*, audacter. Отсюда der *Trost* и *getrost*.

Деру, драть, lacero, excorio, caedo. Греческ. δερω имѣетъ всѣ эти три значенія: δερμα, pellis; δηριαω, rixor, *здорю.*

Дергаю, vello, carpo, *sergen*, *serren*.

Десный, *dexter*, δεξιος, Улфил. taihswo. Такъ же какъ

лѣвый, *laevus*, λαιος, *linck*, и

шуій, *scaevus*, σκαιος.

Добръ, gut. *Tapfer*, или какъ писали древніе *dapfer*, значило прежде хорошо вообще. Страсбургскій полицейскій законъ говоритъ: man soll am Sonntage ohne *dapfere* Ursache keine Arbeit thun. Его также употребляли вм. *reif*, maturus. Потомъ оно было усвоено мужеству и смѣлости. Понятія о нравственной добротѣ или добродѣтели и храбрости, по своей природѣ, родственны между собою: трусъ рѣдко честный человѣкъ; поэтому они почти во всѣхъ языкахъ смѣшиваются между собою; напр. virtus, *fromm*, и проч. Русское добръ происходитъ отъ *доберу*, какъ zu-*träglich*, an-*genehm*, ac-*ceptus*, προςδεκτος, пріятный.

Домъ, domus; нѣмецк. *Haus*, *casa*, есть Сорабск. кейжа.

Диво, Сорабск. *dziw*, ostentum, miraculum, θαυμα; *дивится*, mirari, θηεομαι, θαυμαζω. *Чудь*, miraculum, вѣроятно, сюда же принадлежитъ.

Деждь или дожжь, der Regen, δευσις, irrigatio.

Долгій, lang: δολιχος, longus, tempore et spatio.

Долгъ, debitum, *должен*ъ, verpflichtet: *sollen*. Вендъ проглатываетъ *l*, какъ французъ и голландецъ, и говоритъ вм. dolg или dol, *dow*. Здѣсь сближаются *sollen* и *debeo*, два слова, сравнивать которыя не рѣшились бы даже Рудбекъ и Германъ фонъ деръ Гардтъ.

Дорога der Weg, откуда предлогъ *durch*, per. Большинство частицъ суть первоначально имена: русск. *пока*, bisz, отъ покой, die Ruhe; Швед. *ända*, bisz, собственно das Ende; даже нѣмецк. *weg*, apage и проч.

Дою, mulgeo, Швед. *dy*, sugere; оттуда die *Dutten*, *Zitzen*, франц. *têton*; слав. *дойлица*, nutrix, сораб. *deika*, τετϑη.

Дремлю, *dormito*, *dremeln*, т. е. schlaftrunken seyn; *träumen*, (быть сонливымъ, видѣть во снѣ). Такъ точно

сонъ, Швед. *sömn*, *somnus*: *сну* einschlafen.

спать, schlafen: *sopio*, *sopor*.

Другъ, der Freund. Это значеніе въ числѣ многихъ другихъ имѣетъ и древнее *Draut* или *Drut*; см. Вахтера, S. 303, и Фриша, стр. 209. Апостолы называются: *Christi Druten*. Въ нижн. Саксоніи говорятъ еще: *min truten Wifken*. Франкс. *drutinna*; *друг*иня, amica; *drutscaf*, дружество; amicitia. Галл. *drue* amica; *druerie*, amicitia; итал. *drudo* amasius.

Думаю, cogito, puto. Швед. *döma*. Улф. *domjan*, meinen, urtheilen; у насъ оно встрѣчается только въ сложномъ сл. ver*dammen* (осуждать). Прежде въ русск., какъ въ шведск. и нѣмецк., употреблялось въ юридическомъ смыслѣ: оттуда *дум*ные дворяне, и *дум*ные дьяки, чиновники въ прежнихъ судахъ. *Дума*, consilium, А. Сакс. dome, iudicium, шведск. *dom*, судъ.

Дуръ и *дур*акъ, der Thor.

Дую, flo, halo; *дышу*, spiro anhelo; дох*ну*, exspiro; *душу*, suffoco, strangulo. Дутье, das Blasen; Голландск. *tuyten*, cornu inflare; дуда der *Dudel*sack.

Душа, die Seele и *духъ*, der Geist, происходятъ отъ дую. Почти во всѣхъ языкахъ эти существа получили свое наименованіе отъ дыханія и вѣтра. Въ Odens Fabel-Lehre Парки, которыя провожаютъ души умершихъ въ другой міръ, называются *Dyser*. По Изидору, у древнихъ Галловъ были *Dusii* Daemones, родъ фауновъ или сладострастныхъ лѣсныхъ боговъ. На руническихъ камняхъ встрѣчается *dus*, горный духъ. См. Вахтера pag. 228 и Френцеля Orig. Sorab. pag. 278.

Дыханіе, anhelitus; душный, vaporosus, отъ wehen (вѣять); такъ же какъ и въ Герм. *Wind* и *Witterung*, Швед. lucht die Luft; отъ вѣять перешло испаряться и пахнуть.

Дымъ, fumus, ϑυμα, герм. *Dampf*, exhalatio cuiuscunque rei. Шведск. *Dam*, пыль; der *Dunst* принадлежитъ такъ же сюда.

Дышло, die *Deichsel*, А. Сакс. *thisl*.

Дѣва, ein Mädchen; *дѣвица*, die Demoiselle, нѣмецкое *Dieb* fur, голландск. *teef* meretrix и нижнесаксонск. *Tiffe* canis foemina. Удивительное смѣшеніе словъ и понятій! Но употребленіе языка — тиранъ: предоставленный только самому себѣ и своему шаловливому своенравію онъ не слушаетъ ни разсудка, ни благопристойности. Однимъ и тѣмъ же знакомъ онъ выражаетъ прекраснѣйшія и безобразнѣйшія, почтен-

нѣйшія и презрѣннѣйшія идеи и связываетъ *дѣвица* съ *teef*, *Probst* съ *Profos*, *король* съ *Kerl*, *князь* съ *Knecht* и *Queen* (англ.) съ *Kona* (шведск.). Вотъ цѣлая родовая роспись сл. *дѣва*:

Theowian значитъ въ А. Сакс. и въ Улф. *dienen* (служить); *thive*, servus, *thiva*, ancilla. Въ салическихъ законахъ и у франкскихъ писателей встрѣчается *thev*, *thiu*, *thuwe*, такъ же въ этомъ значеніи. Послѣ *thiwe*, der Knecht, сдѣлалось именемъ вора (eines *Diebs*), такъ же какъ лат. *fur* первоначально значило Knecht. *Thiwa*, ancilla, перешло, подобно нѣмецкому *Magd*, на весь незамужній прекрасный полъ: русск. дѣв*ство* какъ герм. Magd*tum* значитъ Jungfer*schaft*. Наконецъ неприличное употребленіе языка въ Нижней Саксоніи распространило его на суку (Hündinnen), а въ Голландіи съузило на непотребную женщину (Huren).

Дѣдъ, der Gros-Vater; татарск. Dede, Dathe вм. отецъ (Vater) нѣмецкое и шведское провинціальное слово: τεττα, Atmor. *tad*, фризійск. *teyte*. Въ древнихъ римскихъ надгробныхъ надписяхъ встрѣчается *Tata* въ этомъ значеніи. Точно такъ же (кромѣ уже выше упомянутыхъ, § 41, III, многихъ семействъ словъ)

Отецъ, der Vater. Звукоподражательное слово *Atta* находится во множествѣ языковъ. Отсюда вот*чина*, наслѣдственное имѣніе или патримоніальное имѣніе, которому до 1731 года противопоставлялись помѣстія, переходящія только по наслѣдству въ мужской линіи.

Дѣверь, δαηρ, levir.

Дядя, patruus, avunculus, Θειος. Татарск. *Daji*, avunculus; еврейск. *Doda*.

Тетка, die *Tante*; татарск. *Tejese*.

Золовка, *glos*.

Свекоръ, socer, ἑκυρος, der *Schwieger-Vater*.

Сватъ, pronubus, paranymphus: сват*ья*, die *Geschwei*. *Schwager* значило прежде такъ же pronubus отъ *wogan*, nubere. Англ. *wooer*, procus.

Вичь въ отчествахъ, какъ Петро*вичь* (Peters Sohn), кажется, произошло отъ греч. υἱος.

Дѣлю, Швед. *dela*, *teilen*.

Дѣю, А. Сакс. *duen*, Улфил. *taujan*, *thun*, Θειναι; осталось только въ производныхъ, какъ дѣ*йство*, die *That*, Handlung; впрочемъ говорятъ дѣ*лаю*, τελεω.

[**Дарда**, Слав. hasta, δορυ; Швед. *dart*, pugio; франц. *dard*.

Долва, Слав. *dolium*. · **Дробина**, *Treber*.

Дрязгъ, res nihili, *Dr*- -.].

E.

Ежъ εχινος, der *Igel*. Оттуда *игла*, die Nadel.

Еже, *jetzt*, ηδη, Улф. *juthan*.

Еду, неопред. *ѣхать*, gehen, reisen, но верхомъ на лошади, на кораблѣ или на телѣгѣ; напротивъ того *иду*, неопред. *итти*, идти пѣшкомъ; хожу, неопред. ходить, есть глаг. frequentatiuum. Eo *gehen*, *cedo*, εω или ειμι, ὁδευω. Выходъ и выездъ, εξοδος, *exitus*.

Емъ, неопр. есть, *essen*, *edo*, εδω. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ языкахъ спряженіе этого глагола въ единств. ч. настоящаго времени почти такъ же, какъ sum.

Емлю, неопр. *имать*, *nemen*, *sumo*, *emo* (по его первоначальному значенію); *н* является такъ же въ русскихъ производныхъ: до*ни*мать, над*ни*мать.

Ж.

Жажду, слав., *sitio*; жажда, *sitis*.

Жена, das *Weib*. Сораб. *жона*, латышск. *ganna*, γυνη; франкск. *chenna*, Улф. *quino*, Швед. *quinna*, Датск. *kona*; отсюда А. Сакс. *Cwen* и Англ. *Queen*, преимущественно королева; *kona*, напротивъ, значитъ по-шведск. meretrix. *Cunnus*, вѣроятно, происходитъ такъ же отсюда. Голландецъ говоритъ *schoon*broder, *schoon*dochter, *schoon*moeder и пр. вм. der *Frau* Bruder, der *Frau* Tochter, и пр. Французъ понялъ это schoon неправильно и перевелъ его посредствомъ *beau*-frère, *beau*-père и проч., какъ будто здѣсь schoon значило то же, что *schön*.

Жив-у, неопр. жить; αω. βιοω, *vivo*.

Жит-о, слав., far, frumentum, σιτος.

Жну, meto; *schneiden* употребляется такъ же особенно о жатвѣ. *Жнецъ* ein *Schnitter*.

Журю, molesto, invehor, incuso. Въ обыкновенной рѣчи говорятъ: einen *scheren*, vexare; einem etwas zur *Schur* thun, т. е. дѣлать кому что либо на зло.

[**Жр**-у, *voro* avide. Въ верхней Германіи въ шутку говорятъ *schrauten*, вм. жадно кушать.

Желчь, die *Galle*, fel χολη, А. Сакс. *gealla*.]

З.

Законъ, das Gesetz: Гр. варв. ζακανον, Meursii Glossar. Graeco Barb. p. 175. Коренное слово польское *konam*, perficere.

Зерно, das *Korn*, *granum*.

Знаю, ich weis, Лат. *noo*, коренное слово отъ *nosco* и *novi*, *nosse*, а это отъ νους, какъ лат. *cogito*, отъ шведск. *hog*, чувство, сердце.

Зову, rufen; зовъ, vocatio; исл. *op*, clamor; ιβυω, clamo.

Золото, das *Gold*, такъ же какъ **серебро**, das *Silber*.

[**Ознобъ**, die *Fieber-Kälte*. Голланд. he is ges*neuv*elt, онъ потерялъ calidum radicale, т. е. онъ умеръ.]

И.

Иго, *jugum*, das *Joch*, ζευγος; шведск. *ok*. **Юсъ**, слав., catena: jungo. Союзный, con*junc*tus, alliirt.

Или, oder, шведск. *eller*.

Имя, Сораб. *Meno*, der *Name*: *n* выпало, какъ выше въ нмать, nemen.

Иный, Швед. annan, ein *ander*er.

Ищу, неопред. *искать*, suchen. Шведск. *äska*, desidero, posco. Франкск. *eiscon;* А. Сакс. *ahsian*, *heischen*. См. Вахтера, стр. 694.

К.

Кажу, неопред. *каз*ать, ostendo, Слав. dico. Сораб. jubeo; отсюда *указъ* eine Ukase, и при*казъ*, старинное названіе канцелярій въ Россіи. Герм. *kosen*, sermocinari, loqui, откуда еще осталось lieb*kosen* (ласкать). Jeroschin говоритъ er *koste lieblich zu mir*: χωσαι, корень χωτιλλειν. У Лонгобордовъ *kosen* было юридическимъ терминомъ, какъ лат. causa. Послѣднее имѣло, вѣроятно, болѣе обширное и болѣе близкое къ нѣмецкому *kosen* значеніе, какъ видно изъ его производныхъ. Голландск. *koosen*, schwätzen. Вм. *kosen* говорили такъ же *keden*, откуда англ. he *quoth*, А. Сакс. *cvedan*, Улф. *vithan*. Lazius de Migrat. gent. L. VI. Carni peculiares voces a ceteris populis Germaniae diversas habent, ut *cheden* pro loqui. *Kiesen* значило такъ же видѣть что либо возвышенное и отличать отъ другаго; см. Фриша, стр. 169. Это ближе всего подходитъ къ значенію русскаго *каз*ать, ostendere. Вѣроятно, и *heissen* принадлежитъ сюда.

Казнь, польск. *kasanie*, die Strafe, по-сорабски приказъ; на*каз*ать *cas*tigare.

Камень, der Stein, откуда *каминъ*, focus, der *Kamin*, и франц. *cheminée*.

[**Корабль**, das Schiff. Isidor. Lib. XIX, Cap. 1. *Carabus* parva scapha ex vimine facta, quae contexta crudo corio genus navigii praebet. Papias: *Carabus* navicula discurrens in Pado, id est linter; est autem ex vimine et corio]. Еще и теперь существуетъ родъ круглыхъ кораблей средней величины, извѣстныхъ подъ именемъ *Caravellen*, которые употребляются преимущественно въ Средиземномъ морѣ. Регкманнъ (Regckmann) (въ своей Lübschen Chronik, § 100) говоритъ о *Kraffeln*, въ числѣ которыхъ былъ одинъ въ 300 ластовъ, хорошо снабженный орудіями и людьми. Въ средніе вѣка называли ихъ *Karb* или *Kerb*-Schiffe, *corbitas*. См. Фриша стр. 101 и 544.

Карячусь, divarico, въ Франконіи. *kreitschen*.

Квасъ, fermentum, и potus acidus fermentatus, извѣстный русскій напитокъ, венец. *Vino piccolo*. Отсюда ein Schmaus (пиръ) по-чешски и польск. называется kwass; такъ же какъ швед. *öl* пиво, употребляется вм. пиръ (Gasterei) въ *Graf-öl*, погребальное пиршество, и проч. Герм. *quas*, convivium; *quasen*, comessari; im *Quas* und Saus liegen, helluari.

По-сорабски оно значитъ преимущественно свадьба; откуда Герм. die *Quarre* въ извѣстной пословицѣ: Quare mit der Pfarre.

Клей, der Leim, особенно бѣлужій клей; *gluten*, viscus; γλια, κολλα: Герм. *klaeb*, голландск. *kleve*, франц. *glu*; отсюда *kleben* и *kleiben*. А. Сакс. *cleofan*, adhaereo: der *Kleister*, gluten farreum: die *Klette* (репейникъ) франкс. *cliba*; А. Сакс. *clyf*-wyrth: Maria Be*kleib*ung, Festum conceptionis Mariae; и *Klei*, *gleba*, жирная, вязкая и плодоносная земля, какой требуетъ *клеверъ* *Kleber* или *Klee*, trifolium.

Клоню, in*clino*, κλινω.

Ключь, κλεις, *clavis*, der *Schlüssel*; *claudo*.

Клевещу, неопр. тать, criminor, clam incuso criminis. Герм. *klaffen*, Голл. *klappen*, garrio, effutio; *Klaffer*, nugator, delator.

Князь, der *Kn'as*, высшая степень русскаго дворянства, мнѣ кажется, есть нѣмецкое *Knecht*. Оба слова требуютъ объясненія: изъ сравненія ихъ обнаружатся основанія моего предположенія.

Knab, *Knap*, А. Сакс. *Cnave*, Галл. *Gnabat* (Gloss. Isidor) и *Knecht* и *Knächt*, какъ оно прежде писалось, — все это одно и тоже. Это слово первоначально означало I. einen *Knaben* (мальчикъ) или все, что мужскаго рода. Таціанъ говоритъ такъ: Herodes habe alle *Knechte* in Betlehem erschlagen; и въ одной древней хроникѣ сказано: da was die Jungfrau (des Königs in Ungarn Prinzessin) in ihrem vierten Jahr und der Knecht (des Landgrafen in Thüringen Sohn) in seinem siebenden. Потомъ оно, вѣроятно, значило II. einen *Knecht* (слуга) (греч. κονειν, dienen, служить), но никогда крѣпостнаго, а servum liberi obsequii. Оно особенно относилось къ солдатамъ, которые служили за плату, отчего еще осталось *Landsknecht* и *Fusshnecht* (ратникъ). Ученики Христа у Отфрида называются seine *Knechte* и А. Сакс. leorning-*cnihtas*, Lehr*Knechte* (ученики). III. *Knecht* означало преимущественно родъ молодыхъ дворянъ, которые еще не были рыцарями, nobilis equitum tiro, оруженосцы: лат. варв. *Knapo*, ein Schild*knap* (щитоносецъ); исланд. *Knape*, Edel*Knabe*, пажъ, откуда Герм. Knapen-Gericht. Наконецъ оно получило IV значеніе, которое еще ближе подходитъ къ русскому. Оно было распространено на milites maiores, т. е. предводителей на войнѣ. Высокое дворянство въ Германіи называлось *des heiligen Reichs Knecht*. Въ Англіи *Knight* значило equitem auratum, который за свое благонравіе получилъ отъ короля въ подарокъ золотое кольцо и шпоры. Еще и теперь оно означаетъ тамъ рыцаря: говорятъ *knight* of the Garter, *knight* Baronet, *knight* Marshal и проч.; отсюда *to knight*, посвящать въ рыцари, герм. ein-*knapen*. V. Совершенно противоположное этому благородному значенію имѣетъ значеніе англійск. *Knave* (плутъ).

Славянское *Князь* въ своихъ значеніяхъ испытало такую же странную судьбу I. Въ Россіи съ основанія монархіи оно было титуломъ

государей и всѣхъ принцевъ крови. Первый въ отличіе отъ послѣднихъ назывался великій *князь*, что въ Константинополѣ переводили Ἄρχων. Такое же высокое значеніе это слово имѣло и у другихъ славянскихъ народовъ [17]). Древнее прусское и литовское *Kungs* (princeps, herus) я охотнѣе сравниваю съ русск. *князь*, чѣмъ съ нѣмец. *König*. II. По-сорабски оно такъ же почетное слово, но въ меньшей степени. *Knez*, dominus; *mlody knez*, der Junker, paterfamilias, herus, patronus; *Knein*, domina, patrona, hera; *Kneste*, die Fräulein: *Knestwo* die Herrschaft. III. Въ Верхн. Лузаціи говорятъ: *Knez Duchouny*, Herr Pfarrer, *Knein Duchouna*, Frau Pfarrerin; но въ Нижней Лузаціи и въ Богеміи *Knes* называется преимущественно священникъ, какъ почетнѣйшій во всей деревнѣ, или изъ уваженія къ духовному сословію, такъ же какъ и въ Россіи почетный титулъ «владыка» присвоенъ епископамъ. У Балтійскихъ славянъ *Knes* имѣлъ то же значеніе. Когда герцогъ Мекленбургскій Іоаннъ, возвратился изъ Парижа домой и сообразно со своимъ орденомъ и степенью (онъ сдѣлался магистромъ богословія) явился важнымъ, соотечественники осмѣяли его и на своемъ языкѣ назвали его *Knese Janeke*, т. е. Pfarrer Hans. Cranz Vandal. L. VII. Cap. 16.

Сравните съ этимъ словомъ выше объясненное *дѣва;* примите за его корень либо нѣмецкое *Knab*, либо греческ. κονειν, то всѣ его значенія въ славянскихъ, равно какъ и въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, всѣ неестественные скачки отъ благороднѣйшей къ презрѣннѣйшей идеѣ выяснятся и соединятся легко и безъ натяжекъ.

Коло, сорабск. das Rad, шведск. hjul, κυκλος, κυλιω; русск. *около*, circum, herum. Отсюда *Kola*, круглый плацъ у Варшавы, гдѣ польскія государственныя сословія избирали короля. *Kolatsch*, русск. и штирійск. родъ круглаго печенія: *Колѣно*, das Knie, отъ круглоты колѣнной чашки, вѣроятно, такъ же нѣмецкое *Kugel*. *Колесо*, das Rad, откуда коляска, франц. *caleche*: такъ же, какъ Герм. *Rad*, currus et rota.

Копаю, fodio, κοπτω, откуда

копье, der Spies, κοπις; отсюда *копѣйка*, по изображенію св. Георгія съ копьемъ.

Коплю, *copulo*, *kuppeln*.

Король, der König, нѣмецкое Karl и Kerl, см. Вахтера и Фриша. Мато-

---

17) Diocleas de Regno Slavorum fol. 299. Regina (uxor Dobroslavi, post mortem viri) cum filio suo Goysao primogenito regebat regnum et filios. Nullus autem ex eis vocitatus est Rex, donec vixit Regina mater eorum, sed tantummodo *Kneni* vocabantur. Idem fol. 302. Gradigna Rex sepultus est honorifice et cum magnitudine manibus filiorum suorum Radaslavi *Knesii*, Johannis et Blandimiri. Post haec Radaslauus *Knesius* perrexit ad Imperatorem etc.

зіусъ говоритъ: древнихъ военныхъ предводителей называли *Kerl.* Со временъ *Карла* Великаго стали употреблять это слово, какъ имя собственное. По незнанію перваго нарицательнаго значенія, древніе шведскіе историки насчитали въ ряду своихъ королей двѣнадцать *Карловъ*, хотя ихъ никогда не было болѣе шести. А. Саксон. *ceorl*, супругъ; откуда *ceorljan*, nuptum dari, такъ какъ *wifian*, uxorem ducere; по-герм. означало все, что мужскаго пола: англ. *carle-cat*, котъ, и *carle hempe*, крѣпкая пенька; русск. *Карла*, der Zwerg; англ. *churl*, такъ же презрительно.

Коротокъ, *kurz*, *curtus*.

Кость, das Bein: οςτεον, *costa*.

Кривъ, curuus, *krumm*. **Горбъ**, gibbus.

Кричать, schreien: шведск. *skrika*, κραζω; Герм. *kraehen*, clamare, *kreischen*, франц. *crier*.

Кровь, das Blut; сорабск. *Krei*; Камбр. *crau*; лат. *cruor*; откуда *crudus*, *crudelis*, *grausam*, жестокій.

Крома, mica, ein *Krümgen* Brod (крошка хлѣба).

Кругъ, der *Kreis*, *circus*.

Крюкъ, uncus, шведск. *krok*, франц. *croc*.

Крѣпокъ, stark, нѣмец. *Kraft*, откуда крѣ*пость*, die Festung: крѣ*постной*, ein Leibeigner. Такъ же какъ

твердъ, fortis.

Купить, шведск. *köpa*, *kaufen*.

Кушаю, *kosten*, schmecken, geniessen. Улфил. *kausian*; *gusto*, γευω; герм. *küsten*, *kiesen* (выбирать), откуда die *Kost*, cibus, *куш*аніе.

Кую, schmieden, *cudo*; *куз*нецъ, der Schmidt.

[**Кора** и **корка**, die Rinde, *cortex*, откуда der Kork (пробка).

Кружка, ein *Krug* или *Krus*.

Качать, *quatere*. Шведск. *skaka*.

Котелъ, der *Kessel*.

Клыба, *gleba*, der *Klos*.

Колода, der *Klotz*.

Клохчу, *glocio*, *glucken*.

Кровля, das *Dach*, οροφος.

Куль, caleus, такъ же мѣра].

Кисть, der *Quast*.

Карманъ, crumena.

Кличу, voco, καλεω.

Колосъ, arista, *Hülsen*.

Л.

Лава, die Bank; *лавка*, die Krambude. Герм. *Laube*, всякое покрытое мѣсто. Лат. варв. *lobium*, spatium tectum juxta aedes ad expatiandum (совершенно такъ построены русскія лавки), отъ древняго *lauben*, bedecken (покрывать).

Лачу, кать, *lecken*, lingo, λειχω, такъ же лижу. [*Лягаться*, Герм. *lecken*, бить задомъ].

Лгу, *lügen*, mentiri.

Лесть, die *List*.

Легокъ, *leicht*.

Лупить, de-*glubo*.

Лечу, heilen, Шведск. *laeka*; Улф. *leikinon*; А. Сакс. *lacnian*; лекарь, der Arzt; Шведск. *Laekare*; Улфил. *Leic*; *лек*арство, die Arznei, Исл. *laekning*, отъ *lac*, munus, oblatio; такъ же какъ латинск. *praebia*, а *praebendo*, потому что въ старинныя времена лѣкаря лѣчили даромъ.

Лежу, жать; *liegen*, jacere; *полагаю*, *legen*, ponere.

Лице, польск. *oblicze*, das Antliz; Улфил. *wlits* и *luz*, vultus. Исландск. *lita*, А. Сакс. *wlitan*, ansehen (посмотрѣть). Сораб. *lico*, польск. *lice*, gena, maxilla.

Ловлю, *ловить*, fangen, λαβειν.

Лью, giessen, лат. *luo*, въ e*luo*, di*luo* и проч.

Люблю, быть *lieb*en; *любовь*, die *Liebe;* у*лыб*аюсь, arrideo, *libet*.

Люди, die *Leute*; Улф. lauth, λαος. Ново-греч. κοινολαιται.

Лубъ, *liber*, die Baumrinde, отъ *луп*ить, de*glubo*.

Лѣзъ, der Wald, αλσος. Сорабы вмѣсто того говорятъ *Holia*, ὑλη, *sylva*.

Лѣто, der Sommer и въ то же время das Jahr (годъ). Напротивъ того Скандинавы и Англо-саксы считали годъ по зимамъ. А. Сакс. *thri-wintre*, трехлѣтній; *ungewintredc wife*, несовершеннолѣтняя дѣвушка. Различіе климатовъ этихъ народовъ производитъ различіе въ выраженіяхъ: оно, такъ же какъ нравы, религія, образъ мыслей и питанія, имѣетъ свое вліяніе на языкъ.

[**Ласкатель**, ein Schmeichler, λασκαζω.

Лаю, *lat*ro, ὑλαω.

Лохань, ein Giesbecken, λεκανη.

Лопатка, scapula, pala, λοπας, patina, patella].

М.

Мацаю, contrecto; во Франконіи говорятъ: etwas be*mazen*.

Меньшій, слав. мный, *minus*, *minder*.

Мелю, *molo*, *malen*; молоть, *molitus*.

Мертвъ, *mortuus*; *морю*, neco; *моръ*, die Pest;

смерть, *mors*; *умеръ*, *mortuus* est.

стерво, cadaver, отъ sterben, умереть.

Мечь, das Schwerdt, откуда das Messer и der Metzger, см. Вахтера.

Мзда, der Lohn, μισϑος; Улфил. *misdo*, pretium laboris, откуда *mieten*; русск. мстить, sich rächen; Герм. *Miet*, praemium, donum.

Милъ, amabilis, carus; *mild*, μαλος, *mollis*; милость, die Gnade, А. Сакс. *myltsian*, misereri; польск. *miłować*, lieben, откуда die *Milz*.

Много, viel; Герм. *manig*; Шведск. *monga*, *manche*; *множ*ество, die Menge.

Мню, *meinen*; по*мню*, sich erinnern. Коренное слово отъ **me*mini***; **шведск. minnas, μναομαι; Улфил. ga*munan*, re*minisci*; μενος, animus.**

Могу, können, *mögen*; откуда мужъ, der Mann.

Молоко, слав. *млеко*, die *Milch*; γαλα или γαλαξ; Шведск. mjölk.

Молю, bitten; *молвить*, sprechen, издавать изъ себя голосъ. Шведск. måla, *melden*, говорить; maal, языкъ.

Море, *mare*, das *Meer*.

Мѣсяцъ, *mensis*, der *Monat*.

Мою, *мыть*, waschen; *мытъ*, lotus: *madeo*.

Мракъ, tenebrae; Шведск. mork.

Мытъ, der *Maut*, Улфил. *mota*, telonium; въ Австріи говорятъ *Mautner* вм. Zöllner (сборщикъ податей).

Мѣчу, тить, zielen; *meta*.

Мѣряю, μειρω, messen.

Мѣшаю, *misceo*, *mischen*.

Мягокъ, *weich*; Шведск. mjuk.

Мяту, tumultuor; *мучу* и *мутю*, turbo, ad rixam provoco. Герм. *meute*, seditio, *Meuterei* (мятежъ), франц. *mutin*.

Мясо, caro, шведск. *mat*, кушаніе, но въ нѣкоторыхъ провинціяхъ особенно мясо.

[**Могила,** слав. ein *Mal*, Grab*mal*.

Мѣдь, Kupfer, герм. *Mesz*, *Messing*.

Мѣчу, mugio, μυκαομαι].

Н.

Небо, der Himmel; Камбр. *nef*, coelum, supera. Коренное слово значитъ *hol* (вогнутый, пустой), откуда die *Nabe*, ступица въ колесѣ и der Näber (буравъ), terebra, *нап*арье. Оптически небо — далекое пустое пространство, отъ чего римляне дали ему названіе. *Navis*, ναυς, der *Napf* (горшокъ) и der *Nabel* (пупъ) — всѣ изъ одного источника.

Нагъ, *nackt*, шведск. *nakot*.

Нынѣ, *nun*, *nunc*, νυν.

Носъ, die *Nase* и Landspitze или Vorgebirge (мысъ). Исл. naes, νησος. Герм. *Nase*, говорится такъ же о верхушкахъ горъ.

Нудю, *nötigen*; Улфил. *nauthjan*, Франк. *noten*; *нуж*но, *nötig*.

Нѣженъ, zart, delikat; Улф. *hnasqua*, mollis, откуда *genäschig* (лакомый).

Няня, die Amme, Kinderfrau; Итал. *nina*.

О.

Оба, *ambo*, beide.

Овощъ, das *Obst*; Герм. *obez*.

Орю, *aro*; раз*ор*ить, zerstören.

Плугъ, der *Pflug*.

[**Облакъ,** die *Wolken*.

Ось, die *Achse*, *axis*].

П.

Падаю, пасть, fallen; πιπτω, отъ πετω.
Пара, par, das *Par*.
Парень, der *Knabe*; puer; древн. лат. *por*.
Пасу, *пасть*, *pasco*; *паства*, *pascuum*; *пастухъ*, слав. *пастырь*, *pastor*.
Пеку, asso, frigo, coquo; *backen*; отсюда *печь*, der Ofen.
Прягу, *frigo*, torreo, asso; въ верхн. Германіи *brächeln*.
Пеня, *poena*, ποινη.
Передъ, ante, pars anterior; der *vordere*, *vorne*.
Перси, pectus, die *Brust*. Нижне-С. *Borst*.
Печать, das *Pettschafft*; *печатать*, Bücher drucken.
Пила, serra, lima, die *Feile*.
Пиръ, conuiuium, epulae. Франкск. *fira*, ein *Feiertag* (праздникъ): *firrotak*, der Sabbat (шабашъ). У всѣхъ народовъ и всѣхъ религій существуютъ праздничные дни, соединенные съ гостьбою. Tacit. annal. I, 50. Festa Germanis nox ac solennibus *epulis* ludicra. Такъ точно и наоборотъ

Праздникъ, ein Festtag; Герм. *brassen*, kochen, *prassen* (варить, жить расточительно).
Плаваю, nato, nauigo, *fluito*; πλεω, πλοιον, navigium. *Плавлю*, Metalle giessen. *Плотъ*, ein Flosz, ratis; die *Flotte* (флотъ).
Пламя, die *Flamme*, *flamma*.
Плаха, caudex, der *Block*.
Плачу, reficio, resarcio. Во Франконіи *Pletz* кусокъ кожи для починки башмаковъ (zu *flicken*); ein *Fleck* (заплата).
Плачу, кать, lugere, *fleo*, *flehen*.
Плету, *flechten*, *plecto*, πλεκω.
Плѣшь, der Kahlkopf, die *Platte*.
Поганъ, foedus, immundus, ein Heide, *paganus*.
Подъ, solum, der *Boden*, πεδον, нарѣч. unter.
Полкъ, ein Regiment; А. Сакс. *folch*, caterua, agmen; das *Volk*, *vulgus*. Исл. *fylki*, предводитель. *Полковникъ*, der Oberste.
Полонъ, *voll*, *plenus*.
Полсть, stragulum, das *Polster*.
Постъ, die *Fasten*.
Прочь, apage, procul.
Порокъ, vitium, macula: *портить*, corrumpo, περθω.
Пою, singen, сущ. *пѣніе*. Παιαν, hymnus.
Пью, пить, trinken; πινω; питье, *potus*, греческ. η πιθι η απιθι, русск. или *пей*, или *поди*.
Правъ, rectus, insons *probus*, *brav*: *правда*, die Warheit. Русскій въ

одномъ коренномъ словѣ связываетъ Recht и Warheit (правда и истина), какъ еврей въ сл. *Zedek* и римлянинъ въ *verum*.

Прошу, сить, peto, rogo, quaero; *fragen*.

Прямъ, rectus, aequus; Герм. *fromm*; А. Сакс. *freme*, benignitas.

прямо, нарѣч. gerade zu, Шведск. fram.

Птица, der Vogel, отъ πετομαι, fliegen; πτηνος, volucris.

Перо, die *Feder*, πτερον.

Пустъ, vacuus, inanis, *vastus*, *wüste*; *пуст*ыня, die Wüstenei.

Пыль, *puluis*, πηλος. **Пышу**, anhelo, *pusten*.

Пытаю, torqueo; *пыт*ка, die Folter, прежде означало вообще выспросить, такъ же, какъ лат. *quaestio*: πευθω, rescisco. Откуда Apollo *Pythius*. Любо*пыт*енъ, φιλοπυςτος, neugierig.

Пѣшь, pedester; *пѣш*комъ, zu *Fusze*. Кореннаго слова *Fufz* нѣтъ въ русскомъ языкѣ; вм. того говорятъ нога.

[**Палецъ**, der Daumen, *pollex*.

Притчи, Gedichte, Fabeln, Erzälungen; такъ же изреченія Соломона носятъ это названіе. Отсюда *Pritschmeister* старинное названіе плохихъ стихотворцевъ].

P.

Радъ, volens, alacer, laetus; *рад*ѣніе, diligentia; *рад*ость, die Freude. Герм. *rad*, ραδιος, geschwind, munter (быстрый, бодрый), почему мы нынѣ говоримъ *rasch*: *raden*, cum impetu ferri.

Разъ, vice: одинъ *разъ*. Шведск. en *resa*. Голл. een *rees*, einmal.

Рать, слав. praelium, bellum, militia. Герм. *reite*, *reise*, militia, expeditio. Откуда *Reisige* (всадникъ); *reiten*, militare; *Reit*-wagen, Kriegswagen. Исланд. hardasti hrid, certamen acerrimum.

Рамо, слав. die Schulter. Герм. *Ram*, robur, robustus; it. margo.

Росту, *cresco*; рощу, wachsend machen; нѣмецкое *gros*. Откуда *ростъ*, foenus отъ vermeren (увеличить); такъ же какъ *Wucher* (ростовщичество) отъ шведск. *öka*, *augeo*.

Рдѣю, rot werden, краснѣть отъ стыда или гнѣва. Единственное русское слово, означающее цвѣтъ, которое я нахожу такъ же и въ другихъ языкахъ.

Ребро, die *Ribbe*, costa.

Рою, fodio, e-*ruo*, di-*ruo* и проч.

Реву и **рыкаю**, rugio.

Рыгаю, ructo.

Рогъ, das *Horn*, cornu.

Ремень, der *Riemen*.

Роса, ros, δροσος, ερση.

Рыпаю и **скрыплю**, crepo.

Рѣку, sagen; рѣчь, die Rede. A. Сакс. *recean*, narro, declaro; Франкск.

ketat-rahha, разсказъ о совершившихся дѣлахъ (von *gethanen* Dingen), т. е. исторія; *katat-Rahhari*, историкъ. Герм. *Rache*, res, causa отъ *reccan*, такъ же какъ *Sache* отъ *sagen*; отъ рѣку — *рокъ*, какъ лат. *fatum* отъ *fari*.

Ретивъ, iracundus, который легко раздражается (*reizen*). (Шведск. *reta*).

Ржа, der *Rost* во ржи и на желѣзѣ, *aerugo*.

Рота, cohors, turma: die *Rotte* (толпа, шайка), но въ хорошемъ смыслѣ.

Ругаю, vitupero, obiurgo. Герм. *rügen*, accuso. См. Вахтера стр. 1315.

Рука, die Hand, откуда *reichen* (подать). Вахтеръ, 1264. Quemadmodum *langen*, tangere, est a *law*, manus, per epenthesin; ita *reichen* videtur esse a χειρ, manus, per anastrophen.

Руль, gubernaculum navis. Камбр. *rhodl* и *rhodol*, remus.

Рушаю, moveo, А. Сакс. hrysan.

Рѣжу, зать, scindo, sculpo: *reiszen* (рвать). Отсюда *обрѣз*аніе, die Beschneidung.

Рѣка, der *Flusz*; ρυω, fluo; ρυαξ.

Рядъ, ordo, series. Шведск. *rad*, die *Reihe*; отсюда *ряда*, der Vertrag, и *изряд*енъ, сорабск. *riany*, schön. За долго до Вольфа славянинъ зналъ, что порядокъ есть одно изъ основныхъ понятій красоты.

[**Руда**, metallum crudum. *Raudum* или *Rodum* старинное кельтское слово, см. Ott. Sperlingii Diss. de numo Furiae Sabinae Tranquillinae. Латинское *Rugus* Варро и одинъ старый греческій Glossarium объясняютъ посредствомъ infectum aes. Пруденцій говоритъ: aeris *rudere* decocta massa. Такое же значеніе, кажется, осталось въ нѣмецкомъ *Rotgieszer* (мѣдникъ), потому что ему противополагается der *Zinngieszer* (оловянничникъ), а не *Weis*gieszer.

С.

Сажу, дить. colloco, pass. sedeo. *Сижу*, дѣть, *sedeo*; сѣдаю, *consideo*; отсюда *сѣдло*, der *Sattel*, обсѣдаю, ob*sid*eo и проч.

Свѣтъ, das Licht, φως, φαω.

Святый, heilig; *свят*ить, consecrare; *свящ*енникъ, ein Priester; Герм. *weihen*, ἁγιος, см. Вахтера стр. 1849.

Слабъ, schwach, *schlaff*.

Скачу, кать, salio; шведск. *skaka*.

Скоблю, *scabo*, *scalpo*.

Скоръ, geschwinde: curro.

Смердъ, foetor: merda.

Снѣгъ, *Schnee*: nix.

Сокъ, *succus*.

Строю, *struo*.

Ставлю, *stabilio*.

Сметана, lac pingue, *Schmant*.

Смокчу, exsugo, *schmecken*.

Скребу, id. schrapen.

Слава, *laus*, *Lob*.

Смерть, *mors*.

Сердце, das *Herz*, *cor*.

Соль, *sal*, *Salz*.

Стою, *sto*.

Сухъ, *siccus*.

Сытъ, *satt*, *satur*.
Сѣно, *foenum*.
Сѣю, *sero*, *säen*; сѣмя, *semen*.
Сѣку, *seco*.
Скамья, *scamnum*.
Страхъ, metus, ταρασσω.
Скала, cautes, rupes. Шведск. skallot, felsicht (скалистый); σκαλα, scopulus sub aquis latens. Tzetz. chiliad. VII. Откуда польск. *skalna* koza (каменный козелъ).
Слово, слав. слого, λογος; das Wort.
Слуга, der Diener; *служ*ить, servire. Герм. *schalk*; венгер. *Szolga*.
Слышу, hören; *слуш*аю, gehorchen. Герм. *losen*; А. Сакс. *hlystan*, auscultare; *lauschen*; англ. *list* отъ камбр. *clust*, А. Сакс. *hlyst*, ухо.
Слюна и *слина*, salina, sputum: *Schleim*.
Слѣдъ, vestigium; *слѣд*ую, folgen, be*gleiten*, erforschen. Герм. *leit*, via; *leiten*, duco, discedo; Исл. *leid*, manuductio. Шведск. *leta*, изслѣдовать.
Спорю, zanken, disputiren; Шведск. *spörja*, спросить.
Спѣшу, eilen, sich *spuden*, σπευδω.
Стенаю, слав. gemo, *stöhnen*, στεναζω.
Страна, regio, ora; лат. варв. *straneus*, ein Fremder, франц. *étranger*, герм. *Streiner*, vagabundus.
Стремленіе, impetus; струя, fluentum: *Strom*, *strömen*. Исл. straumfall, die Ebbe nnd Flut (отливъ и приливъ).
Строгъ, seuerus, *streng*.
Стружу, гать, runcino, laevigo: *streichen*.
Стрѣла, sagitta; герм. Stral, и итал. *strale*, der Pfeil; отсюда Donner-Stral и die Strelizen.
Сужу, дить, judicare; герм. *sünen*.—Судья, герм. *Süner*, iudex. Отсюда die Sünde (грѣхъ). См. Вахтера.
Сыплю, пать, fundo res aridas, коренное слово латинскаго dis-*sipo*.
[**Скорбь**, der Schmerz, die Krankheit. Откуда der *Skorbut*, der *Schorf*.
Серпъ, die Sichel, ἁρπη. Стебель, *stip*ula.
Суровъ, *scharf*, severus).

T.

Таю, ять, auf*tauen*; прилагат. *талъ*, liquescens, regelatus.
Таю, ить, celo, occulto, *tego*, *decken*; *тай*ность, die Heimlichkeit. Герм. *tögen*, verbergen (скрывать). Кельст. *techu*, latere.
Тихъ, tacitus; Герм. *tagen*, Швед. *tiga*, tacere.
Теплъ, *tepidus*; Герм. *deben*, anzünden (зажигать), τυφω. Откуда за*топ*ить, einheizen.
Тынъ, der Zaun.
Тку, *тк*ать, texere; *ziehen* (тянуть), Исл. *toka*.
Товарищъ, der Geselle; отъ Чешск. Tabor, солдатская палатка. Отсюда *taberna* и con*tubernalis*. Польск. tovarzyz, кавалеристъ.
Толкую, interpretor, explico; Шведск. *tolka* отъ tal, рѣчь.

Тонокъ, *dünne*, *tenuis; тонить*, verd*ünnen*; отъ **тяну**, tendo, *dehnen*, τεινω.

Топлю, пить, untertauchen, schmelzen; Герм. *taufen*, *dupfen*, mergo, отъ *Tief*, τιφος, palus.

Торгъ, der Handel, mercatura: Шведск. *torg*, рынокъ; отсюда названіе города *Targau;* Шведск. Köping, франц. *troquer*.

Требую, fodern, be*dürfen; потреб*ность, die Be*dürf*nisz. Герм. *derb*, utilis.

Трепещу. zittern, *trepido*. **Тру**, тереть, *tero*.

Труба, tubus; голл. *trompe*. *Trompete*.

Тупъ, hebes, obtusus; Герм. *taub*, *stumpf*.

Тухну, ex*tinguor; тушу*, ex*tinguo*.

Тюрма, das Gefängnisz, der *Thurm*.

У.

Уголъ, angulus, der Winkel. **Уголь**, die *Kohle*, carbo.

Умъ, ingenium, animus; плодоносное коренное слово очень многихъ производныхъ, какъ *умѣ*ніе, die Kenntnisz, раз*ум*енъ, verständig и проч. Въ сѣверныхъ шведскихъ провинціяхъ говорятъ: jag har en liten *hum* om denna saken, я имѣю темное понятіе объ этомъ.

Уста, *os*, faux; *устье*, *ostium* fluvii.

Утроба, viscus, hepar, *uterus*.

Ухо, множ. *уши;* οὖς, Лат. *auris* и *ausis;* Улф. *auso*, das *Ohr*.

[**Увы**, calceamenta Russica; об*ув*аю, *induo* calceos. Коренное слово латинскаго *exuo*, *induo*].

Х.

Хапаю, *capio*, prehendo. it. **хватаю** и **цапаю**.

Харкаю, scrêo.

Хладъ, die *Kälte*, см. выше стр. 455.

Хлопъ, или **Холопъ**, могло бы быть нѣмецкое *Sklave*, чтобы избѣгнуть другаго производства, которое вредитъ чести древнихъ храбрыхъ славянъ, а потому чрезвычайно невѣроятно, ибо это слово находится во всѣхъ нынѣшнихъ европейскихъ языкахъ, а такъ же въ новогреческомъ.

Хлѣбъ, panis, victus, seges. Улф. *hlaibs;* А. Сакс. *hlaf*; Герм. *leib* и *laib*, das Brod. Въ финскихъ нарѣчіяхъ есть такъ же это слово.

Холмъ, collis, clivus. Шведск. *holm*, холмъ въ морѣ, т. е. скала или маленькій островъ.

Худъ, malus; Герм. *quad*. bös; Исл. *at*, foedum: ατω, noceo.

[**Хлопаю**, klopfen).

Хомутъ, das *Kummet* an Rossen. Кельт. *camm*, curnus.

Хулю, *fluchen*].

Ц.

Царапаю, carpo;
Цѣль, meta, das *Ziel.*
Цѣжу, percolo, durch*seigen.*
Цѣлъ, totus, integer, salvus. Шведск. и нижне-нѣм. *hel*, ganz (весь); ὅλος. Отсюда *цѣлю*, *heilen*, sano (вм. этого Вендъ говоритъ *hoju*, ὑγιόω), и *цѣлую* или *цалую*, küssen, слав. grüssen (кланяться), (такъ же какъ Шведск. helsa, grüszen, равно heil *sagen.*

Ч.

Чавкаю, mastico, *kauen.*
Чарую, incanto, fascino, be*schwören.* Молдавск. цюрь, *schwören.*
Червь, vermis, *Wurm.*
Чешу, сить, pecto crinem, carmino; *zausen.*
Чистъ, purus, mundus, *castus.*

Ш.

Шаю, старинное. Отсюда слав. *ошаяваюсь*, *schuen*, devito.
Шелкъ, die Seide, шведск. *silke.*
Шпага, der Degen; итал. *spada*, франц. *épée.*
Шью, шить, *suo.* шведск. *sy*, nähen. Откуда der *Schuster.*

Щ.

[**Щиплю**, пить, *zupfen*].

Ю.

Юнъ, слав. *juvenis, jung; юно*шество, die Jugend; *юне*цъ, *juven*cus.

Я.

Яй, старин., уменшит. *яйцо*, das *Ei.*
Ядъ, das Gift, Герм. *wad*, *weide*, mala herba.
Ятрѣетъ, die Wunde *eitert* (рана гноится).

Имена изъ царства животныхъ.

Блоха, der *Floh*, pulex.
Боровъ и **вепръ**, *verres*, *aper*, der *Eber.* А. Сакс. vilde *bar*, tam *bar*, дикая и домашняя свинья. Герм. *Borg*, porcus castratus. Въ нижнесаксонскомъ городскомъ правѣ *Beer* частò встрѣчается въ значеніи *verris* gregarii. Англ. *bore*, *boar*.

Быкъ, der Ochse, Герм. *Bock*, вообще бодливое животное. Сорабск. *Боджу*, cornu ferio. *Bos*, βους.

Волъ слав. der *Bulle*, англ. *bull*.

Бобръ, der *Biber*, Fiber и *bebrus*. Ditmarus: fixerunt tentoria iuxta amnem qui *Bober* dicitur Sclavonice, *castror* Latine.

Волкъ, der *Wolf*, λυκος.

[**Выдра,** eine Fisch-*Otter*, *lutra*.

Ворона, κορωνη, die *Krähe*.]

Говя, die *Kuh*. **Коровъ**: das Kalb. **Теля,** vitulus, ιταλος.

Гусь, die *Gans*. **Утка,** die *Ente*.

Голубь, *columb*a. **Котъ,** die *Katze*, *catus*.

Заецъ, der *Hase*. **Левъ,** der *Löwe*.

Коза, die *Geis*, capra. **Мышь,** mus, die *Maus*.

Куна, der Marder; γουναι, мѣхъ, у Константина Багрянородн. de Caerim. aulae Byzant. см. Reiske's Anmerkungen стр. 113.

Лебедь, der Schwan, вѣроятно, находится въ названіи древняго города *Lebedus*, который лежалъ противъ Смирны. Эти страны, особенно по рѣкѣ Kayster, знамениты у древнихъ по множеству лебедей [18]).

Муравей, шведск. *myra*, die Ameise.

Муха, musca, die *Mücke*.

Мулъ, mulus, der *Maul-Esel*. **Оселъ,** der *Esel*.

Орелъ, шведск. *örn*; der *Adler*. См. Фриша.

Песъ, der Hund, die *Betze*, foeminin. Обыкновенное слово собака есть персидское Spacos, Justin. L. I. cap. 4.

Пчела, die Biene герм. *Zeidel*. См. Фриша. Такъ же какъ

Медъ, der Honig, der *Meeth*. Шведск. *mjöd*.

Порося, *porcus*. **Свинья,** das *Schwein*.

Ракъ, der Krebs, шведск. *räka*.

Селдь, der Hering; шведск. sill.

Угорь, der Aal, герм. *aar*.

Ягня, *agnus*. **Овца,** *ovis*.

Имена изъ царства растеній.

Береза, betula alba, die *Birke*.

Ерникъ, alnus alpina minor, die *Erle*; *ерникъ* березовый, betula nana.

Ива, не die *Eibe*, но salix viminalis; такъ же какъ **талъ,** salix; шведск. *tal*, pinus, и **Пихта** не die *Fichte*, но abies foliis solitariis. Языкъ различаетъ деревья и растенія не такъ точно, какъ Линней.

Илимъ, ulmus campestris; *илме*новникъ, *ulmus* humilis.

Кедръ, сибирск. *Ceder*, pinus foliis quinis.

---

[18]) Cellarii Notitia orbis antiqui, Tom. II, p. 70.

Конопля, *cannabis*, der *Hanf*-Samen.
Ленъ, *linum*, *Lein*.
Липа, die Linde; отсюда названіе *Лейпцига*. *Липа* отъ *лупить*, *deglubere*.
Лукъ, der *Lauch*, cepa.
Мохъ, *muscus*, das *Moos*.
Овесъ, der *Haber*.
Рожь, *Roggen*, Шведск. *rog*.
Рѣпа, die *Rübe*, *rapa*.
Слива, prunum, *Schlehen;* A. Сакс. *sla*, prunum sylvestre.
Теринъ, der *Dorn*.
Хмѣль, der Hopfen, *humulus*, Шведск. *humla*.
Яблоко, der *Apfel*.

§ 44.

Я надѣюсь, что этотъ списокъ совершенно достаточенъ для моей цѣли (§ 39). *Количество* [19]) русскихъ словъ, которыя въ основаніи одинаковы съ нѣмецкими и латинскими, такъ велико, и сходство ихъ такъ

---

[19]) И все таки это далеко еще не все. Я съ намѣреніемъ избѣжалъ тщательнаго изслѣдованія, которое при этимологизаціи часто приводитъ только къ заблужденіямъ, и довольствовался только такими словами, сходство которыхъ при первомъ взглядѣ открыло мнѣ случайную ассоціацію идей. Поэтому списокъ ихъ легко можно было бы увеличить на цѣлую треть. Но на сколько онъ сдѣлался бы важнѣе, если бы былъ извлеченъ изъ всего богатства славянскаго языка, въ его обширнѣйшемъ объемѣ? Я причисляю сюда:

1) *Областныя слова*, которыхъ, вѣроятно, должно быть не мало отъ Невы до Анадырки и отъ Ледовитаго моря до Чернаго и до Байкала. Гмелинъ въ своемъ Путешествіи по Сибири мѣстами замѣтилъ нѣкоторыя сибирскія слова.

2) *Древній* или собственно такъ называемый *славянскій языкъ*, который еще живетъ въ столь многихъ книгахъ и хранитъ еще безчисленное множество чисто славянскихъ словъ, вытѣсненныхъ въ новѣйшее время равнозначащими иностранными.

3) Многія *нарѣчія* этого языка, коихъ три довольно различныхъ, находится въ самой Россіи, именно: Московское, Архангельское и Украинское, но еще гораздо больше внѣ ея; какъ то: Польское, Чешское и Вендское въ Лузаціи; Боснійское, которое Поповичъ призналъ чистѣйшимъ, прекраснѣйшимъ и пріятнѣйшимъ; языкъ Моравовъ, Кроатовъ, Далматовъ, Рецовъ (Räzen), Болгаровъ, еще теперь такъ называемыхъ Славянъ между Савою и Дравою, и еще многихъ другихъ народовъ, которые всѣ Славянскаго или Вендскаго происхожденія, и слѣдовательно, всѣ говорятъ на одномъ языкѣ, который хотя въ основаніи одинъ и тотъ же, но, не смотря на то, въ своихъ нарѣчіяхъ очень различенъ. Поповичъ (Unters. vom Meere, im Anhang) приводитъ множество Англо-Саксонскихъ словъ, которыя онъ замѣчаетъ въ знакомыхъ ему Вендскихъ нарѣчіяхъ, объясняя пребываніемъ Вендовъ у Балтійскаго моря; такъ равно, какъ въ собственно Славянскомъ замѣчаетъ болѣе сходства съ Греческимъ. Однако изъ того, что я до сихъ поръ приводилъ

очевидно, что нельзя при этомъ не узнать существеннаго сродства этихъ языковъ.

Я называю это сходство *очевиднымъ;* но я еще разъ повторяю то, что уже сказалъ выше (§ 41, I), что говорю только съ знатоками дѣла, а потому убѣдительнѣйше прошу удержаться отъ сужденій тѣхъ, которые или едва понимаютъ начальныя основанія этого рода учености, или даже сомнѣваются въ томъ, существуетъ ли особенная наука, называемая этимологіею. Опредѣлить существенное сходство двухъ растеній допускается только систематику-ботанику: но неужели ботаника легче искусства разлагать выраженія нашихъ понятій на ихъ простѣйшія части, изслѣдовать ихъ переходъ отъ одного значенія къ другому вслѣдствіе отношенія понятій между собою, пройти всю цѣпь ихъ производствъ по извѣстнымъ, не произвольно вымышленнымъ, но по выведеннымъ изъ безчисленныхъ наблюденій правиламъ, и такимъ образомъ подслушивать у природы ея тайны, какъ она создаетъ языки и учитъ языкамъ? И дѣйствительно, знаніе языка, которымъ мы обязаны кормилицѣ, безконечно отличается отъ критическаго языкознанія, о которомъ я говорю. Нѣмецъ, который не обладаетъ послѣднимъ, и только потому, что онъ нѣмецъ по рожденію, питаетъ къ себѣ благое довѣріе, что онъ въ состояніи счастливо этимологизировать свой языкъ, безспорно, играетъ забавную роль. Григорій Эѳіопіанинъ охотно уступалъ это право своему ученику, который вовсе не былъ эѳіопіанинъ (Ludolf, Histor. Aethiop.), и восклицалъ при этомъ: o doctrinam Europae! Еслибы я не желалъ только мимоходомъ

становится несравненно вѣроятнѣе производство нѣмецкихъ словъ Вендскихъ нарѣчій изъ древнѣйшихъ источниковъ, а именно, изъ первоначальнаго единства славянскаго, нѣмецкаго и греческаго языка, нежели мысль, что они только въ новѣйшія времена заимствованы однимъ народомъ у другаго.

4) Существуютъ еще другіе языки, какъ *Молдавскій*, *Валахскій* и *Латышскій*, которыя хотя имѣютъ много общаго съ славянскимъ, но, собственно, все таки не могутъ быть названы его нарѣчіями. Изъ нихъ особенно латышскій чрезвычайно способенъ къ этой цѣли. Онъ составляетъ, такъ сказать, переходъ отъ славянскаго къ латинскому и нѣмецкому языку: въ немъ множество латинскихъ словъ, которыхъ я не нахожу въ русскомъ; да и тѣ, которыя одновременно находятся въ русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ, въ латышскомъ примѣтнѣе и часто ихъ легче можно разобрать, потому что они не потерпѣли столь насильственныхъ перемѣнъ, какъ въ русскомъ. Напримѣръ:

Deevs, deus	Wihrs, vir.
Auss, ausis, или auris.	Art, arare, орить.
Puht, putrescere.	Wezs, vetus, ветхій.
Simts, сто, centum, Улф. hund.	
Ram, камбр. ram, *fromm*, прямый, firmus.	
Behrns, das Kind, шведск. Barn.	
Mehle, die Zunge; исл. mal, die Sprache.	
Lohgs, das Fenster, шведск. glugga.	

коснуться этого важнаго предмета, но составить русскій глоссарій, который былъ бы понятенъ и для начинающихъ; то я разсмотрѣлъ бы всѣ слова съ тою полнотою и общепонятною ясностію, три образца которой предлагаю здѣсь въ заключеніе:

Холопъ я сравнилъ (стр. 473) съ нѣмецкимъ *Sklaw*. Невѣжда начнетъ считать въ обоихъ словахъ буквы и думать совершенно серіозно, что я ихъ потому считаю одинаковыми, что въ обоихъ находится *l*. Однако такъ не этимологизируютъ Вахтеръ, Геснеръ, Махаэлисъ и Ире! Вмѣстѣ съ Ферраріо напередъ принимаю, что обыкновенное производство нѣмецкаго *Sklav* не доказательно. Тѣ Славяне, которыхъ Карлъ В. въ 741 г. подарилъ Вюрцбургскому епископу Буркгардту для обработки пустынь между Редницомъ и Майномъ [20]), безъ сомнѣнія, назывались *Slaven des Bischofs*, и въ этомъ смыслѣ *Slav* и *Sklav*, конечно, было одно и тоже. Будучи далекъ отъ того, чтобы думать, что вслѣдствіе этого образовалось слово *Sklav* въ значеніи крѣпостнаго, я скорѣе расположенъ видѣть здѣсь начало обыкновеннаго ложнаго производства, которое очень легко могло возникнуть изъ вышеупомянутаго событія и сходства словъ *Slav* и *Sklav*. Слишкомъ далекое распространеніе покоренныхъ славянъ, которое приводятъ для подтвержденія обыкновенной этимологіи, не доказывается исторіею. Въ Италію, конечно, не проникъ ни одинъ изъ этихъ Slaven, еще менѣе въ Швецію и Грецію; а все-таки во всѣхъ этихъ странахъ есть слово *Sklav*, servus. Слѣдовательно, оно должно быть старше, чѣмъ покореніе и распространеніе нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ. Слѣдовательно, оно должно происходить изъ древняго первобытнаго языка, отъ котораго произошли почти всѣ нынѣшніе европейскіе языки. Теперь я нахожу въ славянскомъ языкѣ [21]) слово **холопъ**, которое совершенно однозначуще съ нѣмецкимъ *Sklav*, mancipium, но съ именемъ славянъ не имѣетъ ни малѣйшаго сродства. И такъ, спрашивается только, можетъ ли это быть такъ же нѣмецкое *Sklav*? Два положенія, частью изъ всеобщей, частью изъ особенной славянской діалектологіи (см. выше стр. 439. 2), указываютъ мнѣ возможность этого. *Во-первыхъ*, холопъ можно произнести такъ же *хлапъ*; эта перемѣна анологическая: новѣйшій русскій языкъ множество односложныхъ словъ, при встрѣчѣ двухъ согласныхъ, разложилъ на два слога; напр. городъ

[20]) Jordani Origg. Slav. IV. pag. 101. sqq.

[21]) Уже въ Ярославовыхъ Новгородскихъ законахъ, п. 16, встрѣчается это слово, гдѣ оно прямо противопоставляется *свободному*. По суровости, по которой оно совершенно сходно съ нѣмецкимъ Sklav, уже древніе славянскіе переводчики библіи исключили его изъ церковнаго слога, а Петръ Великій, особымъ распоряженіемъ, исключилъ его и изъ канцелярскаго слога, и вмѣсто его ввели болѣе мягкое *рабъ*, der Knecht (см. выше, стр. 458). Въ польскомъ нарѣчіи оно не имѣетъ такого жесткаго значенія: говорятъ: Chłop, der Kerl, или Bauer; Chłopiec, der Junge и проч.

изъ *градъ*; волосъ изъ *власъ*, голосъ изъ *гласъ*, молодъ изъ *младъ* и т. д. По-польски такъ же говорятъ Chlop. *Во-вторыхъ*, нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ приставка къ словамъ sibilum, начинаются ли они согласной или гласной; напр. сѣнь, der Schatten, латышск. ehn, равно какъ лат. *umbra*, исп. sombra; λραφω, scribo; крикъ, шведс. skrik; смерть *morti;* качать, швед. skaka; слѣдъ, герм. *leid* (см. выше стр. 472). βαρυς, швед. *svaar*, *schwer;* леттъ изъ нѣмецкаго слова Künstler дѣлаетъ Skunsteneeks и проч. Какъ мало кто-нибудь станетъ сомнѣваться въ томъ, что крикъ и skrik одно и тоже слово, такъ же вѣрно и то, что chlap, schlap, *Sklav*, *esclave*, италіан. *schiavo*, швед. *slaf*, σκλαβοσ могутъ быть одно и то же слово.

Земля, Das Land, die Erde. Это слово, по своему значенію, принадлежитъ къ разряду тѣхъ, о которыхъ было упомянуто выше § 41, III; поэтому я основательно отыскиваю слѣдовъ его также въ другихъ языкахъ, родственныхъ славянскому. Слогъ *ля* не коренной; л выпадаетъ въ производныхъ (напр. *земскій*), по-польски говорятъ такъ же *ziemia*, латыш. *Semme*; по-литовски *Zeme*, по-чешски *Zem*. Итакъ настоящее коренное слово должно быть чешское *Земъ*. *Sem* наводитъ меня на древне-нѣмецкое *Hem*, отъ котораго у насъ еще теперь осталось *Daheim* и *Heimath*. Безчисленныя значенія *Hem*, которыя приводитъ Вахтеръ въ Glossar. Germ. pag. 689 sqq, прекрасно согласуются съ славянскимъ *земъ*. Перемѣна придыханія *h* на sibilum *з* опять аналогично: какъ изъ ὑς сдѣлалось лат. *sus* и изъ *hyems зима*. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что *земля*, *земъ* и *Hem* одно и тоже слово.

Богъ, Gott. И это слово принадлежитъ къ вышеупомянутому классу, § 41, III; по той же причинѣ я предполагаю, что оно найдется если не непосредственно, то посредственно и въ другихъ языкахъ, родственныхъ съ русскимъ. Оно не можетъ быть кореннымъ словомъ: идея высшаго существа слишкомъ абстрактна; но народъ, творецъ языковъ, всегда выражаетъ абстрактныя идеи чувственными или по крайней мѣрѣ такими выраженіями, которыя онъ заимствуетъ изъ другихъ уже извѣстныхъ ему понятій. Я нахожу много совершенно различныхъ народовъ, которые всѣ называютъ *Бога* производными отъ боязнь (Furcht) и страхъ (Schrecken). Такъ у арабовъ (allah, отъ aliha, испугаться (erschrecken), у римлянъ, леттовъ (Deus, Deews, отъ δεος, die Furcht): финнъ также соединяетъ обѣ идеи въ одномъ коренномъ словѣ (Iumala Богъ, julma schröcklich), и наконецъ говоритъ Петроній *primus in orbe* Deos *fecit* timor. Какъ послѣ всего этого становится вѣроятнымъ, что русское *Богъ* происходитъ отъ *боюсь* (sich fürchten), съ которымъ онъ имѣетъ такъ много сходства въ буквахъ. *Боюсь* нѣмецкое beben (трепетать), лат. paveo, греч. φοβος. Слѣдовательно, *Богъ* есть нѣмецкое, латинское и греческое, хотя оно совершенно другое слово чѣмъ Gott, Deus и Θεος.

§ 45.

Теперь я иду дальше въ исторіи русскаго языка. И такъ, *коренныя слова* у него совершенно общія съ нѣмецкимъ, латинскимъ и греческимъ; но во *флексіяхъ* и *производствахъ* (см. выше стр. 439), слѣды этого общаго происхожденія менѣе замѣтны. Это равно относится какъ къ древнему русскому языку, такъ и къ новому. Правда, время и природа произвели въ немъ перемѣны; но эти перемѣны очень незначительны, и теперь еще въ Россіи говорятъ, въ основаніи, на томъ же русскомъ языкѣ, на которомъ говорили основатели Новгорода за 1300 лѣтъ. Съ IX вѣка до новѣйшихъ временъ еще существуютъ русскіе письменные памятники въ непрерывной послѣдовательности. У насъ есть еще мирные и торговые договоры, которые заключилъ съ греческими императорами Олегъ, второй русскій великій князь, въ 912 году, и Игорь, его преемникъ, въ 945 г. У насъ есть новгородское городовое право, изданное Ярославомъ въ 1019 г. У насъ есть историческій писатель Несторъ, писавшій около 1100 г. и его продолжатели, игуменъ Сельвестръ, съ 1116, суздальскій епископъ Симеонъ, съ 1220, и новгородскій священникъ Іоаннъ, съ 1230. Имена слѣдующихъ лѣтописцевъ утрачены исторіею, но ихъ сочиненія остались. Всѣ эти драгоцѣнные остатки среднихъ вѣковъ еще въ нашихъ рукахъ. Шагъ за шагомъ они знакомятъ насъ съ формою языка русскихъ въ каждомъ столѣтіи, и убѣждаютъ насъ, какъ она постоянно оставалась одинаковою даже во время величайшихъ государственныхъ переворотовъ.

Даже восшествіе на русскій престолъ иностранной династіи въ особѣ Рюрика и его братьевъ, не произвело никакого измѣненія въ языкѣ народа. Даже *Варяги* (Waräger), или сѣверные герои, которые въ Нормандіи и Британіи ввели вмѣстѣ съ своими законами и обычаями и свой языкъ на развалинахъ туземнаго, въ Россіи забыли свой собственный языкъ и научились языку своихъ новыхъ подданныхъ. Но тѣ господствовали, какъ завоеватели народовъ, которые они покорили мечомъ; эти же, напротивъ, были князья, которыхъ призвалъ на тронъ свободный выборъ независимаго народа.

§ 46.

Однакожъ можно указать три эпохи, въ которыя русскій языкъ отчасти обогатился, отчасти обременился множествомъ новыхъ словъ чуждыхъ настоящему славянскому языку, хотя не перемѣнился въ своихъ флексіяхъ.

Эти эпохи суть:

I. Введеніе *христіанства* при Владимірѣ Великомъ въ 988 году.

II. Владычество *татаръ*, отъ сраженія при Калкѣ въ 1225 г. до Ивана Васильевича I.

III. Реформа *Петра* Великаго съ 1700 г.

§ 47.

I. *Греческая религія* принесла съ собою въ Россію множество греческихъ словъ. О богослужебныхъ словахъ это само собою разумѣется. Кромѣ того, Греція долгое время посылала въ Россію священниковъ, архитекторовъ и врачей; искусствамъ и наукамъ учили или природные греки, или ихъ черпали въ русскихъ монастыряхъ не изъ иныхъ, какъ только изъ греческихъ книгъ; священное писаніе перевели съ греческаго; имена, даваемыя при крещеніи, большею частію были заимствованы отъ греческихъ святыхъ; и греческія естественныя и искусственныя произведенія, приносимыя въ Россію торговлею, иногда также удерживали свои прежнія названія. Всѣ эти слова мало-по-малу сдѣлались обыкновенными не только въ ученомъ и церковномъ, но и въ общеупотребительномъ языкѣ; такимъ образомъ нынѣшнее русское нарѣчіе наполнено столькими же греческими словами, какъ польское латинскими. Напр.

Монастырь или лавра, игуменъ, архимадритъ, митрополитъ, архіерей, протопопъ, іеромонахъ, трапеза, схима. Византійскіе историки говорятъ: δέχεσθαι το σχημα, вступить въ орденъ. Діаконъ, Diaconus, откуда діакъ, прежде секретарь, такъ же какъ англ. Clerk, тоже секретарь, ибо въ Россіи, какъ въ Англіи и Германіи, было время, когда ни одинъ свѣтскій не умѣлъ читать и писать, и слѣдовательно, къ такого рода службѣ можно было допускать только духовныхъ. Уксусъ, и проч.

§ 48.

II. Несчастный *татарскій* періодъ, продолжавшійся 200 лѣтъ, привелъ Россію, хотя очень нежеланнымъ путемъ, къ болѣе близкому знакомству съ востокомъ. Хотя татары, ея побѣдители и тираны, никогда не избирали себѣ въ Россіи постоянныхъ жилищъ; но они почти всегда имѣли тамъ своихъ пословъ, войска и сборщиковъ податей. Кромѣ того, русскіе князья большею частію лично со значительною свитою отправлялись въ Орду, когда имъ приходилось или получать отъ хановъ права на ихъ княжества, или въ своихъ внутреннихъ раздорахъ аппеллировать къ нимъ. Наконецъ, между обоими народами на Волгѣ шла дѣятельная торговля, которая ввела подъ восточными именами множество восточныхъ естественныхъ произведеній, мануфактурныхъ и особенно одежды и проч. Наприм.

[*Анбаръ*, домъ для запасовъ или провіанта. Тат. Anbar, глубокія, подземныя ямы, которыя восточные жители наполняютъ хлѣбомъ и другими запасами, и которыя они умѣютъ закрывать такъ искусно, что нѣтъ возможности ихъ открыть. Шарденъ описываетъ ихъ, подъ именемъ *Amber*, въ своемъ *путешествіи по Мингреліи*.

Древніе нѣмцы имѣли такъ же подобныя подземныя кладовыя; Tacit. de mor. Germ. Cap. 16. Наше нѣмецкое *Magazin* тоже изъ Азіи; Тат. *Mahhsen*, cava).

Арбузъ, тат. *Karbus*, eine *Arbuse*, и

Дыня, eine *Melone*. Allgem. Sammlung von Reisebeschreib. Tom. VII, S. 250.

Огурецъ, die *Gurke*. Въ землѣ Узбековъ есть провинція *Огурца*, которая получила свое названіе отъ множества произрастающихъ въ ней огурцовъ.

Богатырь, ein Held, сильный человѣкъ, татарское собственное имя *Bajadur*.

Базаръ, большой рынокъ, извѣстенъ на всемъ востокѣ, куда только заходили татары.

Барабанчикъ, ein Tambur; узбековское Pärvantschi.

Башмаки, die Schuhe; но татарскіе башмаки имѣютъ другую форму, чѣмъ у европейцевъ.

Безменъ, тат. *Batman*, родъ вѣсовъ, которые и въ Нижней Саксоніи извѣстны подъ этимъ именемъ.

Денга, уменьш. *денешка*, полкопѣйки; множ. *денги* вообще. *Tanga*, единственная серебряная монета въ большой Татаріи, цѣною 12 англ. пенсовъ, Allgem. Samml. von R. Beschreib. Tom. III. pag. 255 и 527. На одну тангу идетъ 100 *Pul*, а одна *Pul* тоже, что русская

Полушка, четверть копѣйки, такъ же какъ

Алтынъ, тат. *altin*, шесть, потому что одинъ алтынъ составляетъ шесть денежекъ.

Фарфоръ, das Porcellan. Во всемъ Левантѣ китайскій фарфоръ называютъ *Facfur*. Названіе произошло оттого, что южныя земли Китая отъ р. Юенъ, гдѣ обрабатывается фарфоръ, называли *Facfur*. Allgem. R. Beschreib. T. VII, 464. Marco Paolo L. II, cap. 53.

Ямъ, русская почтовая станція. Rubruquis на стр. 62 и 75 упоминаетъ *Iani*, какъ такихъ людей, которые назначаются въ Китаѣ для принятія пословъ и другихъ иностранцевъ, прибывающихъ съ запада. Почтовыя станціи тамъ называются *Ima*. Кто по службѣ ѣдетъ съ подорожною, тотъ во всякое время находитъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отдыхаетъ, свѣжихъ лошадей и постоялый дворъ; Allgem. R. Beschreib. Tom. V. 470 и T. VII, стр. 508. И такъ русскіе, посредствомъ татаръ, получили отъ китайцевъ и учрежденіе и его названіе. М. Паоло такъ же упоминаетъ о нихъ въ L. II, Cap. 23, подъ именемъ *Jan-li*, но Thevenot называетъ ихъ *Jam*.].

Бумага, das Papier, хлопчатая *бумага*, слово въ слово, колоченная, т. е. бумага, очищенная отъ сѣмянъ, для чего и арабъ имѣетъ свое собственное слово *(Nadif)*. Въ Германіи родъ бумажной тка-

ни извѣстенъ подъ именемъ *Bomassin*. Русскіе и писчей бумагѣ (Papier) даютъ названіе отъ бумаги (Baumwolle): доказательство, что они раньше узнали бумагу изъ хлопчатой бумаги, чѣмъ изъ льна.

Дѣдъ, тат. *Dede*. *Дядя*, тат. *Daji*, братъ матери.

Тетка, тат. *Tejese*, сестра матери. См. выше стр. 461.

Кафтанъ, верхнее мужское платье.

Колпакъ, die Mütze. Karakalpacken (т. е. чёрныя шапки) у Аральскаго моря оттого получили свое имя.

Кушакъ, der Gürtel.

Кирсйка, родъ зимнихъ шубъ. Тат. *Kereke*, лѣтній плащъ. *Кунтышъ*, eine *Contusche*, тат. *Kontosch*, плащъ.

Сарафанъ, женская одежда. Оно встрѣчается, хотя почти въ неузнаваемой формѣ у Constant. de Caerim. aulae Byzant, гдѣ объяснилъ его Рейске.

Мѣдь, Kupfer, тат. *Meaden*, металлъ вообще. Въ Россіи, какъ и въ древней Греціи, долго не знали другой руды, кромѣ мѣди, и дѣлали изъ нея всю утварь.

Казна, *gaza*, богатства короны; тат. *gasna*.

Кровать, das Bett, тат. *Kerevet*.

Сундукъ, der Coffer, тат. *Sanduk*.

Фонарь, die Laterne, тат. *Fener*, франц. *Fanal*.

Фитиль, der Tocht, die Lunte: тат. *Fitil*.

Аманатъ, der Geisel. *Караулъ*, die Wache.

Карандашъ, der Bleistift. *Ртуть*, Quecksilber.

Сургучъ, Siegellack, и *Пудъ*, das Pud, вѣроятно, всѣ азіатскія слова [22]).

§ 49.

III. Когда Петръ Великій въ своемъ пересозданномъ государствѣ вызвалъ мореплаваніе, торговлю, мануфактуры, нравы, искусства и науки, и ввелъ въ немъ множество частью прежде совершенно неизвѣстныхъ учрежденій, частью преобразовалъ уже существовавшія, то и русскій языкъ принялъ участіе въ этихъ великихъ перемѣнахъ, и обогатился чрезвычайно большимъ количествомъ иностранныхъ словъ, которыя хотя не украсили его, но въ значительной степени облегчили его изученіе для иностранцевъ. Здѣсь для примѣра приводятся подобныя слова, кото-

[22]) Я пропускаю множество татарскихъ именъ частью сибирскихъ растеній, частью бухарскихъ мануфактурныхъ произведеній, встрѣчающихся въ сибирской и астраханской торговлѣ. О первыхъ можно видѣть у Гмелина Flora Sibirica, а о послѣднихъ у г. проф. Миллера — Извѣстія о торговлѣ въ Сибири, въ Samml. Russ. Geschichte, Tom. III, стр. 598 и слѣд.

рыя почти всѣ выбраны мною изъ одной только С. Петербургской Газеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда можно видѣть, какія перемѣны претерпѣваютъ иностранныя слова въ ороографіи и флексіяхъ, когда они получаютъ право гражданства въ русскомъ языкѣ.

Россійская *имперія*, das Russische Kaiserthum.

Ея Императорское Величество, Ihre Kaiserliche Majestät.

Аммуниція военная, Kriegs-*Ammunition.*

Тайной *Конференцъ* Совѣтникъ, geheimer *Conferenz*Rath.

Главная *Канцелярія Артиллеріи и Фортификаціи*, die Haupt-*Artillerie* und *Fortifications-Kanzlei*.

Дѣйствительный *Камерцеръ*, Wirklicher *Kammerherr*.

Канцелярія Лейбгвардіи Коннаго полку, Kanzlei der *Leibgarde* zu Pferd.

Адмиралтейская подрядная *кантора*, *Admiralitäts* Lieferungs-*Contoir*.

Офицерское достоинство, *Officiers* Rang.

Кавалеръ ордена Слона, *Ritter* vom Elefanten *Orden*.

Курфишеской съѣздъ, der *Kurfürsten* Tag.

Президентъ Медицинскаго Факультета, *Präsident* der *Medicinischen Facultät*.

Московской *Университетъ*, die Moskowische *Universität*.

Академія Наукъ и Художествъ, *Academie* der Wissenschaften und Künste.

Галерная Верфь, die *Galeeren Werft*.

Придворный *Кухмейстеръ*, Hof *Küchenmeister*.

Коллежскій Ассессоръ, *Collegien Assessor*.

Невскій *Перспективъ*, das Newische *Perspectiv*.

Генеральная Гошпиталь, *General Hospital*.

Морской *Кадетскій Корпусъ*, das See-*Cadetten-Corps*.

Генералъ Аншефъ, *Général en-Chef*.

Генералъ Порутчикъ, *General* Lieutenant.

Сумма денегъ, eine *Summa* Geldes.

Почтовые станы, *Post*-Stationen.

Маіоръ Артиллерій, *Major* von der *Artillerie*.

Министерство, das *Ministerium*.

Портъ или *Гавань*, der *Hafen*.

Генералъ фелдмаршалъ.

Генералъ-фельдъ-Цейхмейстеръ.

Оберштеръ-Кригсъ-Комисаръ.

Оберъ-Кафешенкъ. *Экономъ*.

Магистратъ. *Республика*.

Принцъ. *Принцесса*.

Мануфактуры. *Матеріалы*.

Персона. *Штрафъ*.

Свита, la *Suite*.
Резолюція.
Форма.
Партія.
Портретъ.
Публиковать, *publiciren*.
Атаковать, *attaquiren*.
Минаветъ, Menuet.
Комисія.
Архивъ.
Проектъ, *Projet*.
Штука.

§ 50.

Все, что до сихъ поръ было сказано о родствѣ русскаго языка съ другими европейскими языками и о ихъ перемѣнахъ, относится только къ *кореннымъ словамъ*. Это родство также обнаруживается, хотя менѣе замѣтно, въ способахъ, какъ изъ этихъ *коренныхъ словъ* посредствомъ *соединенія флексій* и *производства* (см. выше, стр. 439) образуются новыя слова. Мѣстоименія и глаголы (§ 41, II и IV) обнаруживаютъ очевидно свое первоначальное единство. Passivum, или лучше сказать, Medium, русскій образуетъ, какъ шведъ, прибавленіемъ на концѣ *с*, которое произошло изъ славянскаго мѣстоименія *ся* (*бьюсь*, швед. *slos*, sich schlagen). Прилагательныя на *ивъ* суть латинскія на *ivus* (милост*ивъ*, *furt*ivus); прилагательныя на *скій*, суть нѣмецк. на *isch*, шведс. *isk* (*Росcі*йскій, *Russisch*, *Preuss*isk); на *окъ* нѣмецкія на *ig*, лат. *icius* (*крат*окъ, *güt*ig, *ciner*icius). Существительныя отвлеченныя на *еніе*, сораб. enj, суть нѣмецкія на *ung* (*у*ченіе, *Erlern*ung); на *ость* латинскія на *estas*, и нѣмецкія на *st*; (*бѣдн*ость, *eg*estas, *Tro*st, *Kun*st, *Dien*st). Но полное изложеніе всего этого требуетъ полнаго Русскаго словаря.

РУССКАЯ
ГРАММАТИКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отдѣлъ первый.

ИМЯ.

Глава VII.

О родѣ именъ.

§ 51.

Въ русскомъ языкѣ нѣтъ члена; потому мы прямо начинаемъ съ именъ.

У русскихъ *родъ* именъ троякій: *мужескій*, *женскій* и *средній* [23]).

Что мужескія имена мужескаго, а женскія женскаго рода — само собою разумѣется, равно какъ и во всѣхъ языкахъ, имѣющихъ грамматическій родъ. Слѣдовательно, никто не спроситъ: какого рода Король? Портной? Воевода? Повариха? — Но въ другихъ словахъ, которыя сами по себѣ не имѣютъ рода, окончаніе опредѣляетъ грамматическій родъ по слѣдующимъ правиламъ, чрезвычайно легкимъ и подверженнымъ гораздо меньшимъ исключеніямъ, чѣмъ въ другихъ языкахъ.

§ 52.

Мужескаго рода суть имена, которыя *оканчиваются на согласную;* или, если выразить правило темнѣе, но соотвѣтственнѣе русской грам-

---

[23]) Замѣчательно различіе относительно рода, господствующее въ сѣверныхъ языкахъ. У эстляндца (Estländer) вовсе нѣтъ рода, какъ у турка и англичанина. Леттъ (Lette) и литовецъ имѣютъ два, какъ еврей и французъ: *мужескій* и *женскій*. У шведа также два, но *мужескій* и *средній*. Только всѣ славянскія нарѣчія согласуются съ нѣмецкимъ, латинскимъ и греческимъ въ томъ, что имѣютъ троякій родъ.

матикѣ: мужескія суть тѣ, *которыя оканчиваются на* ъ (§ 18) и на й или j согласное (§ 28). Напр.

гòродъ, столъ, востòкъ, зàпадъ, югъ, сѣверъ, свинèцъ, чулòкъ, сокòлъ, соловей, рай, сарай, обычай.

§ 53.

Женскаго рода суть *тѣ, которыя оканчиваются на* ь *и* а (слѣдовательно и на я, § 22 и 25), какъ

книга, слàва, похвалà, зимà, свинья, пустыня, земля, коллегія, жесть, крѣпость, гòрдость, рàдость, любовь, кровь, добродѣтель, соль, сажèнь, òсень, степь, рѣчь, стèрлядь, мѣдь.

Такъ же большая часть Pluralia tantum суть женскаго рода. См. ниже § 55.

Исключенія.

1. Нѣкотрыя Nomina *virilia* имѣютъ женское окончаніе на *а*, и всѣ verbalia на *итель* или *атель*, которыхъ очень много, хотя оканчиваются на ь, однако по своему значенію, слѣдуя общему правилу (§ 51) суть мужескаго рода; какъ

возни̇̀ца, слугà, учи̇̀тель, слу̇̀шатель.

Другой разрядъ verbalibus *concretis* употребляется какъ masculina и какъ feminina; какъ

ханжà, плàкса, пьяница.

Также *contemtiva* masculina суть generis communis, какъ мужичина, старичи̇̀на.

2. Слѣдующія также masculina, хотя они оканчиваются на ь:

вепрь, гвоздь, лось, гусь, день, олèнь, ключь, звѣрь, корàбль, кàмень, конь, кремèнь, куль, лàпоть, лучь, медвѣдь, мечь, огòнь, путь, ремèнь, ревèнь, рубль, сòболь, у̇̀голь, угорь, фонарь, червь, якорь, ячмень, Генварь, Февраль, и проч. волдырь, вèхоть, гогòль, грачь, карàсь, кисель, кистень, колачь, кòмель, карась, костыль, котèль, кубарь, лань, мячь, панцырь, пень, пѣскарь, пламень, поршень, пузырь, пупырь, сычь, щебень и проч.

3. Нѣкоторыя, окончивающіяся на *я* и въ родительномъ удлиняющіяся однимъ слогомъ, суть *средняго* рода, и принадлежать къ слѣдующему §.

§ 54.

Средняго рода суть тѣ, которыя оканчиваются на *е* и *о;* какъ

сердце, поле, знаніе, правленіе, слово, желѣзо, кольцо, лекарство.

Сюда принадлежать также многія имена на *я*, или имѣющія передъ *я м*, или означающія молодыя живыя существа. Оба разряда узнаются

по родительному падежу, который имѣетъ одинъ слогъ больше чѣмъ именительный. Наприм.

время, родит. времени; имя, родит. имени; теля, родит. теляти; ребя, родит. ребяти.

Примѣчаніе. Увеличительныя на *ще* суть мужескаго рода, если они произведены отъ мужескихъ именъ, какъ
столище, отъ столъ,
домище, отъ домъ,
дѣтинище, ein grosser junger Kerl.

И женскаго, если произведены отъ именъ женскаго рода, какъ бабище, отъ баба; избище, отъ изба; силище, отъ сила.

Но обыкновенно оба употребляются какъ *среднія;* великое домище, дурное бабище.

Глава VIII.

О СКЛОНЕНІЯХЪ.

§ 55.

Чиселъ, *говоря вообще, только два:* единственное и множественное.

Существуетъ singularia tantum. Таковы (кромѣ множества другихъ, которыя по своей природѣ почти во всѣхъ языкахъ не имѣютъ множественнаго числа, какъ золото, серебро и проч.) преимущественно существительныя отвлеченныя на *ость;* младость, любовь, старость и проч.

Существуютъ также Pluralia tantum. Они большею частью *женскаго* рода, § 53. Какъ

вериги, вилы, воробьи, голени, дрожжи, латы, мощи, портки, сани, сѣни, щи. Муж. люди. Средн. устà, дрова и проч.

§ 56.

Dualis, котораго слабые и до сихъ поръ незамѣченные слѣды остались въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ, въ славянскихъ нарѣчіяхъ претерпѣло странныя судьбы. *Древняя* славянская грамматика имѣла его вполнѣ, какъ въ именахъ, такъ и въ глаголахъ; она склоняла наприм.

Dualis Mascul. Два пророка.

Nom. et Acc.	та пророк*а*.
Gen. et Praep.	тóю пророк*у*.
Dat.	тыма пророк*ома*.
Instr.	тѣма пророк*ама*.

Dualis femin. Двѣ дѣвѣ.

Nom. et Acc.	тѣ дѣв*ѣ*.
Gen. et Praep.	тѣю дѣв*у*.
Dat. et Instr.	тыма и тѣма дѣв*ама*.

Dualis Neutr. Два сердца.

Nom. et Acc.	та сердц*а*.
Gen et Praep.	тою сердц*у*.
Dat.	тыма сердц*ема*.
Instr.	тѣма сердц*ама*.

Еще такъ же полно оно въ литовскомъ въ именахъ и въ глаголахъ. Поляки и чехи сохранили его еще только въ трехъ случаяхъ: 1) Въ членахъ человѣческаго тѣла, которые по природѣ двойные, какъ глаза, уши, ноги, руки и проч. Этотъ родъ Dualis находится также въ еврейскомъ. 2) Въ числительныхъ *dwa*, *oba*, *trzcy* и *czterey* во всѣхъ падежахъ. 3) Въ именительномъ нѣкоторыхъ существительныхъ, когда они сложены съ *два*, какъ:

Польск. dwa grosza, чешск. dwa Czeska.
Польск. dwie letie, чешск. dwe lete [24]).

Въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ Dualis употребляется только въ слѣдующихъ случаяхъ:

I. Въ числительныхъ *два*, *три* и *четыре*, см. схему ихъ въ гл. X.

II. Въ именительномъ существительныхъ, которыя стоятъ при одномъ изъ этихъ трехъ числительныхъ:

два сѐрдца (множ. сердцà),
три сенàтора (множ. сенаторы).

Этотъ именительный двойственнаго, какъ и Поповичъ замѣчаетъ о вендскомъ нарѣчіи [25]), всегда сходенъ съ родительнымъ единственнаго. Но это не даетъ праваъ чителямъ языка совершенно исключить двойств. ч. изъ нынѣшняго русскаго и ставить неестественное правило, что послѣ два, три и четыре слѣдуетъ родит. единств., потому что въ такомъ случаѣ Присціанъ (Priscian) постановилъ бы въ латинскомъ правило: Ex управляетъ Dativum, когда Nomen стоитъ во множ. ч., ибо Dat. и Abl. pluraris всегда сходны между собою.

---

[24]) См. Haaks Littauishe Grammatik, pag. 241.
Schlags Polnische Sprachlere, pag. 45.
Pohls Böhmische Sprachkunst, pag. 22.

[25]) Untersuch. vom Meere, pag. XXXI.

§ 57.

Падежей шесть: Nominativus, Genitivus, Dativus, Accusativus, Instrumentalis, Praepositivus.

Въ славянскомъ есть еще Vocativus, наприм.

проро́че, *дѣво*,
друже, *овце́*,
Іоно, отъ *пророкъ*, *дѣва*, *другъ*, *овца* и *Іона*.

Но нынѣшній русскій знаетъ его такъ же мало, какъ и многіе другіе языки, и употребляетъ вмѣсто его именительный. Только немногіе Vocativi сохранились въ перешедшихъ изъ церковнаго языка, какъ

Бо́же, отъ Богъ. Христе̂! отъ Христосъ. Іисусе, отъ Іисусъ. Го́споди, отъ Господь. Отче нашъ, отъ Отецъ. Человѣче, отъ человѣкъ.

§ 58.

Praepositivus собственно латинскій ablativus. Онъ никогда не стоитъ одинъ, а всегда управляется предлогомъ *о*, *при*, *въ*, *на* и *по*, отчего получилъ свое названіе. Славянская грамматика называетъ его *Сказательный*, Narrativus, напр. Я о братѣ своемъ печалюсь; я о томъ не писалъ при свидѣтеляхъ, на морѣ.

Instrumentalis (*творительный*, такъ сказать, Factivus) составляетъ принадлежность русскаго языка и всѣхъ его славянскихъ братьевъ. Квинтиліанъ уже зналъ его значеніе и видѣлъ въ его отсутствіи недостатокъ латинскаго языка [26]). Его употребленіе отчасти изъясняется его названіемъ; какъ

Мстить *огнемъ* и *мечемъ*, *mit Feuer* und *Schwerdt* rächen.
Камчатка съ трехъ сторо̂нъ окружѐна *моремъ*, die Halbinsel Kamtschatka ist auf dreien Seiten *mit dem Meer* umgeben.
Городъ Санктпетербургъ заложенъ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ Маія 10. числа́ 1704 года: St.-Petersburg ist *von Peter dem Grossen* den 10-Maj 1704 angelegt worden.
Завоеваніе Британіи *Англо-Саксонцами*. Eroberung Britanniens *durch die Angel-Sachsen*.
Отда́ча Гава́ны *Англичанамй* Гишпанцамъ, Rückgabe der Havana *von den Engländern* an die Spanier. Havana Hispanis *ab Anglis* reddita.

---

[26]) Quintiliani Institt. Orator. I. 7. «Quaerat etiam, sit ne apud Graecos vis quaedam sexti casus, et apud nos quoque *septimi*. Nam cum dico, *hasta* percussi, non utor Ablativi natura, nec si idem Graece dicam, Dativi, τῳ δορι».

Примѣчаніе I. Послѣдніе два примѣра наглядно показываютъ выгодное употребленіе этого богатства падежей и пріятную краткость, которую оно доставляетъ языку, опуская предлогъ безъ вреда для точности. Въ послѣднемъ примѣрѣ нѣмецъ долженъ прибѣгнуть къ помощи двухъ предлоговъ, если *отдача* такъ же и понѣмецки выразить существительнымъ. Но римлянинъ долженъ или поставить Participium, если онъ хочетъ Гишпанцамъ перевести такъ же дательнымъ (redditio *facta* Hispanis), или отдача перемѣнить совершенно въ другую Partem Orationis, а именно въ Participium. Слово же *Англичанами* ни нѣмецъ, ни римлянинъ не можетъ перевести безъ помощи предлога.

Примѣч. 2. Но это богатство падежей ни въ одной формѣ склоненія не встрѣчается все вмѣстѣ: напротивъ того, въ каждой схемѣ одно и тоже окончаніе означаетъ часто два, а иногда три падежа. Ни одна форма не имѣетъ собственнаго винительн. мн. а также собственнаго винительн. един., исключая только имена втораго склоненія на *а*. Многія формы имѣютъ въ единственномъ числѣ всего три падежа; напр.

Nom. et Accus. песокъ, любовь.
Gen. Dat. et Praep. песку, любви.
Instr. пескомъ, любовью.

§ 59.

Два *главныя правила* особенно содѣйствуютъ тому, чтобы многіе русскіе падежи подвести къ немногимъ и такимъ образомъ облегчить памяти ихъ изученіе:

I. Въ среднемъ родѣ, какъ въ латинскомъ, въ обоихъ числахъ *именительный* и *винительный* сходны; и во множественномъ оканчиваются на *а*, какъ

Ед. Имен. и винит. сердце.
Мн. Имен. и винит. сердца.

II. Мужескія имена не имѣютъ собственнаго винительнаго падежа; но у тѣхъ, которыя означаютъ *живыя* существа, винительный сходенъ съ родительнымъ, у тѣхъ же, которыя означаютъ *безжизненныя* вещи, сходенъ съ именительнымъ; какъ

столъ, винит. *столъ*.
человѣкъ, родит. и винит. *человѣка*.
любить *брата*,
убить *быка*,
купить *домъ*,
разращать *языкъ*,
поставить *болванъ*,
наполнить *мѣшокъ*.

Примѣчанія.

1. Это правило также составляетъ особенность русскаго языка. Другіе языки его не знаютъ; но оно существуетъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Оно такъ обще, что распространяется и на прилагательныя. Даже имена неодушевленныхъ предметовъ повинуются ему, какъ скоро вслѣдствіе фигуральной рѣчи становятся именемъ одушевленнаго предмета, напр.

посмотри на *болвана*, нашего *мѣшка* обманули,
языка ведутъ.

2. Однако есть два случая, въ которыхъ это собственно столь общее правило подвергается исключенію; именно:

a) Въ единственномъ числѣ именъ, которыя склоняются по второму склоненію, какъ: Воевода, винит. *воеводу*; лошадь, винит. тоже лошадь.

Во множественномъ, напротивъ, правило снова возстановляется:

Имен. Воеводы, род. и вин. воеводъ.
Имен. Лошадь, родит. и вин. лошадей.

b) Въ слѣдующихъ конструкціяхъ, означающихъ назначеніе по должности, винительный множественнаго сходенъ съ именительнымъ множ.; какъ

онъ поставленъ въ игумены,
посвященъ въ попы,
взятъ въ солдаты,
выбранъ въ цѣловальники.

3. Всякій разъ, когда случится, что въ схемѣ будетъ двойной винительный падежъ, смотря по тому, означаетъ ли имя что либо *одушевленное* или *неодушевленное*, я для сокращенія обозначу знакомъ о+.

§ 60.

СКЛОНЕНІЙ *существительныхъ* (потому что прилагательныя имѣютъ свое особое склоненіе, см. гл. VIII) три. Я дѣлю ихъ по различію родовъ (§ 51); это самое легкое и естественное дѣленіе, а потому оно принято всѣми чешскими и польскими учителями языка. Конечно, оно имѣетъ исключенія; но сколько же грамматическихъ правилъ, изъ которыхъ нѣтъ исключеній?

I. Въ первомъ склоненіи родительный имѣетъ *а*. Оно содержитъ только имена мужескаго рода, слѣдовательно,

1. Тѣ, которыя оканчиваются на согласную (ъ и *й* § 52);
2. Тѣ, которыя хотя и оканчиваются на ь, но суть мужескаго рода (§ 53, искл.).

рокъ, покой, царь, гвоздь,

Исключаются *путь* и *пламень*, которые склоняются по второму склоненію, хотя они мужескаго рода. *Степень* общаго рода,

и также по второму. *Камень* и *корень*, оба мужескаго рода имѣютъ камня, корня и такъ же камени, корени.

II. Второе склоненіе имѣетъ въ родительномъ *и* (или *ы*). По этому склоненію склоняются:

1. Всѣ женскаго рода (или имена на *а* и *ь* § 53).
2. Нѣкоторыя мужескаго рода, которыя оканчиваются на *а* (§ 53, исключ. I), какъ книга, любовь, слуга.

III. Третье склоненіе обнимаетъ средній родъ. Родительный не одинаковъ: тѣ, которыя оканчиваются на *е* и *о*, имѣютъ въ родительномъ *а* и склоняются, какъ имена муж.; но другія на *а* (§ 54) частью имѣютъ *ени*, частью *яти*, и склоняются большею частію, какъ женскій родъ;

лицо, лица; званіе званія; имя, имени; теля, теляти.

§ 61.

Общая *схема* всѣхъ склоненій.

	Склоненіе I.	II.	III.		Всѣ три.
Единствен. ч. И.	ъ — и	а — ь.	е — о	Множествен. ч. И.	и — а
Р.	а	и	а	Р.	овъ—ъ.
Д.	у	ѣ — и	у	Д.	амъ.
В.	$^{о}\dagger$	у — ь	е — о	В.	$^{о}\dagger$
Тв.	омъ	ю.	омъ.	Тв.	ами.
Пр.	ѣ.	ѣ — и	ѣ.	Пр.	ахъ.

§ 62.

Само собою разумѣется, что эта таблица заключаетъ только основныя черты склоненій: исключенія должны быть изучаемы по особеннымъ, ниже слѣдующимъ таблицамъ. Что иногда встрѣчаются *я* вмѣсто *а*, *ы* вм. *и*, и *ю* вм. *у*, я не считаю этого исключеніемъ, потому что тѣ и другія гласныя въ основаніи одно и тоже и обыкновенно опредѣляются только предъидущими буквами (§ 22 и 25). Это относитси такъ же и до *емъ* вм. *омъ* и проч.

Сравнивая всѣ склоненія въ этой таблицѣ и имѣя въ виду вышесказанныя два *главныя правила* (§ 59), можно общую таблицу склоненій подвести подъ еще меньшее число правилъ:

I. *Единственное* число относительно трехъ склоненій нѣсколько различно; однако

1. *Средній* р. склоняется совершенно какъ мужескій (§ 59, I).
2. *Ѣ* во всѣхъ трехъ склоненіяхъ составляетъ примѣту *предложнаго* падежа. Въ женскомъ родѣ *ѣ* можетъ такъ же означать дательный падежъ.

3. *У* въ *мужескомъ* и *среднемъ* р. обозначаетъ *дательный*, но въ *женскомъ*—*винительный*.

II. *Множественное* число во всѣхъ трехъ склоненіяхъ почти совершенно одинаково, исключая только одинъ родительный (имѣя въ виду вышесказанныя *главныя правила* § 59). Примѣты падежей очень замѣтны:

Им.	ы:	императоры	книг*и*	(яйца)
Дат.	амъ:	император*амъ*	книг*амъ*	яйц*амъ*
Тв.	ами:	император*ами*	книг*ами*	яйц*ами*
Пр.	ахъ:	император*ахъ*	книг*ахъ*	яйц*ахъ*

§ 63.

Первое склоненіе.

ТАБЛИЦА.

Единственное ч.				Множественное ч.			
Им.	ъ	ь	й	Им.	ы	и	и
Род.	а	я	я	Род.	овъ	ей	евъ
Дат.	у	ю	ю	Дат.	амъ	ямъ	ямъ
Вин.	°† (§ 59. II)			Вин.	°†		
Тв.	омъ	емъ	емъ	Тв.	ами	ями	ями
Пр.	ѣ	ѣ	ѣ	Пр.	ахъ	яхъ	яхъ.

Примѣръ перваго склоненія.

Единственное ч.

И. соколъ	орѣхъ	король	якорь
Р. сокол*á*	орѣх*а*	корол*я*	якор*я*
Д. сокол*ý*	орѣх*у*	корол*ю*	якор*ю*
В. сокол*á*	орѣхъ	корол*я*	якорь
Т. сокол*óмъ*	орѣх*омъ*	корол*емъ*	якор*емъ*
П. сокол*ѣ́*	орѣх*ѣ*	корол*ѣ*	якор*ѣ*

Множественное ч.

И. сокол*ы*	орѣх*и*	корол*и*	якор*и*
Р. сокол*овъ*	орѣх*овъ*	корол*ей*	якор*ей*
Д. сокол*амъ*	орѣх*амъ*	корол*ямъ*	якор*ямъ*
В. сокол*овъ*	орѣх*и*	корол*ей*	якор*ей*
Т. сокол*ами*	орѣх*ами*	корол*ями*	якор*ями*
П. сокол*ахъ*	орѣх*ахъ*	корол*яхъ*	якор*яхъ*

Единственное ч.

И. злодѣ*й*	горноста*й*	ро*й*
Р. злодѣ*я*	горноста*я*	ро*я* (ро*ю*)
Д. злодѣ*ю*	горноста*ю*	ро*ю*
В. злодѣ*я*	горноста*я*	ро*й*
Т. злодѣ*емъ*	горноста*емъ*	ро*емъ*
П. злодѣ*ѣ*	горноста*ѣ*	ро*ѣ* (ро*ю*)

Множественное ч.

И. злодѣ*и*	горноста*и*	ро*и*
Р. злодѣ*евъ*	горноста*евъ*	ро*евъ*
Д. злодѣ*ямъ*	горноста*ямъ*	ро*ямъ*
В. злодѣ*евъ*	госноста*евъ*	ро*и*
Т. злодѣ*ями*	горноста*ями*	ро*ями*
П. злодѣ*яхъ*	горноста*яхъ*	ро*яхъ*.

§ 64.

Гласныя *е* и *о*, предшествующія конечной согласной, *въ остальныхъ* падежахъ *часто выпадаютъ*.

I. Это постоянно встрѣчается въ окончаніяхъ именъ на *ецъ* и *окъ*, образующихъ окончанія Verbalia activa и уменьшительныхъ: какъ

самовидецъ	род.	*самовидца*	гонѐцъ	род.	*гонца*
самодержецъ	—	*самодержца*	хвостѐцъ	—	*хвостца*
отецъ	—	*отца*	мѣшòкъ	—	*мѣшка*
и́стецъ	—	*истца*	крестѐцъ	—	*крестца*
желудокъ	—	*желудка*	топорокъ	—	*топорка*
сверчокъ	—	*сверчка*	листокъ	—	*листка*
бобокъ	—	*бобка*.			

II. *Часто* происходитъ это и въ другихъ слогахъ; какъ

овесъ	род.	*овса*	пень	род.	*пня*
орелъ	—	*орла*	день	—	*дня*
оселъ	—	*осла*	ровъ	—	*рва*
левъ	—	*льва*	стебель	—	*стебля*
ледъ	—	*льда*	огонь	—	*огня*
лобъ	—	*лба*	кремень	—	*кремня*
ленъ	—	*льна*	перстень	—	*перстня*.
			уголь	—	*угля*.

III. Но *иногда* гласная остается, если безъ нея произношеніе было бы слишкомъ жестко, или если слогъ *окъ* коренной:

чтецъ	род.	*чтеца*	бокъ	род.	*бока*
прошлецъ	—	*прошлеца*	рокъ	—	*рока*
игрецъ	—	*игреца*	отрокъ	—	*отрока*
чистецъ	—	*чистеца*	порокъ	—	*порока*

IV. Въ окончаніяхъ на *ей е* переходитъ въ ь; какъ

воробей род. *воробья*, соловей — *соловья*, муравей — *муравья*.

Примѣчаніе. Но согласныя въ casibus obliquis не подвергаются перемѣнамъ; оттого русскія склоненія гораздо легче польскихъ, чешскихъ и древнихъ славянскихъ.

§ 65.

РОДИТЕЛЬНЫЙ единственнаго постоянно оканчивается на *а*. Это особенно отностится до словъ,

1) которыя означаютъ *живыя* существа.

сынъ	—	*сына*	уродъ	—	*урода*
соколъ	—	*сокола*	отрокъ	—	*отрока*
левъ	—	*льва*	орелъ	—	*орла*

2) которыя *теряютъ* свою гласную предъ конечною буквою § 64, подобно слѣдующимъ, кромѣ приведенныхъ выше:

чулокъ	род.	*чулка*	мизинецъ	род.	*мизинца*
конецъ	—	*конца*	овесъ	—	*овса*

3) которыя означаютъ *орудія*, *одежды*, *постройки*, *утварь* и т. д., какъ

топоръ	род.	*топора*	сапогъ	род.	*сапога*
клинъ	—	*клина*	поясъ	—	*пояса*
дворъ	—	*двора*	анбаръ	—	*анбара*
брусъ	—	*бруса*	водовикъ	—	*водовика*
кафтанъ	—	*кафтана*			

4) которыя не *Collectiva*, но къ которымъ можно приставить числительныя 2, 3, и проч., какъ

бобъ	род.	*боба*	блинъ	род.	*блина*
волосъ	—	*волоса*	законъ	—	*закона;*

потому что можно сказать: три волоса, четыре закона и проч. Напротивъ, анисъ род. *анису*, воскъ род. *воску*, ибо нельзя сказать: три аниса; три воска.

32*

§ 66.

Но есть много другихъ словъ, которыя вмѣсто *а* или *я* въ родительномъ имѣютъ *у* или *ю*, а также или *я* и *ю*. Сюда принадлежатъ:

I. Существительныя на *й*, какъ

клей род. *клею*	край род. *краю*
рой — *роя* и *рою*	рай — *рая* и *раю*
бой — *бою*	слой — *слою* и *слоя*
чай — *чаю*	

Напротивъ, змѣй родит. *змѣя* и зуй род. *зуя* (Haematopus, ein Vogel) остаются по правилу § 65, 1.

II. *Nomina collectiva* вещей, которыя дѣлятся по *мѣрѣ*, *протяженію* и *вѣсу*, а также обозначающія *мѣсто* и *время*;

Анисъ *-су*	полкъ *-ку*
укладъ *-ду*	бархатъ *-ту*
воскъ *-ску*	ледъ, *льду*
песокъ *-ску*	гонтъ *-ту*
дернъ *-рну*	перецъ *-рцу*
базаръ *-ару*	квасъ *-су*
верхъ *-ху*	берегъ *-гу*
перёдъ *-ду*	низъ *-зу*
караулъ *-лу*	задъ *-ду*
чеснокъ *-ноку*	содо́мъ *-му* (die Rotte)
бисеръ *-еру*	
хрящъ *-щу*	
короводъ *-оду*	

вечеръ род. вечер*у* и вечер*а*; вѣкъ род. вѣк*у* и вѣк*а*; лугъ род. луг*у* и луг*а*.

III. *Имена*, которыя происходятъ *отъ глаголовъ*, но при томъ новыя, не бывшія въ употребленіи въ славянскомъ языкѣ; какъ

чесъ *-су*	визгъ *-гу*
взглядъ *-ду*	грузъ *-зу*
попрекъ *-ку*	розмахъ *-ху*
трепетъ *-ту*	возрастъ родит. *а* и *у*
переносъ *-су*	видъ родит. *а* и *у*.

Напротивъ, имена, такъ сказать, облагороженныя употребленіямъ въ славянскомъ книжномъ языкѣ, не терпятъ перемѣны окончанія на *у*, которое введено только въ новѣйшее время въ небрежномъ обыденномъ

языкѣ; потому одно и тоже слово имѣетъ различный родительный падежъ, смотря по достоинству своего значенія, напр.

святаго *духа* — розоваго *духу*
человѣческаго *дома* — прошлогоднаго *дому*
ангельскаго *гласа* — птичья *голоса*.

§ 67.

ПРЕДЛОЖНЫЙ падежъ, который, слѣдуя правилу, имѣетъ *ѣ*, часто принимаетъ также *у*, когда имя означаетъ мѣсто или время, особенно, въ такихъ, которыя въ родительномъ падежѣ имѣютъ *у* (§ 66) и передъ собою предлоги *въ* и *на*; какъ на *берегу*, на *лугу*, на *песку*, на *верху*, на *бою*, въ *полку*, въ шестомъ *часу*, въ нынѣшнемъ *вѣку*, въ *вечеру*, въ *низу*, на *клею*, въ *чаю*.

Исключенія.

1. *Ѣ* остается послѣ другихъ предлоговъ, кромѣ *въ* и *на*, какъ *при берегѣ*, *о лугѣ*, *о часѣ*.
2. *Ѣ* остается въ слѣдующихъ рѣченіяхъ съ предлогами *въ* и *на*: на караулѣ, на базарѣ, на пикетѣ, на кипарисѣ, въ кармазинѣ.
3. *Ѣ* употребляется преимущественно въ высокомъ слогѣ (такъ же, какъ *а* въ родит. § 66, III), въ которомъ русскій языкъ склоняется болѣе къ славянскому: очищенное *въ горнѣ* злато, мѣдъ *въ горну* плавятъ; жить *въ домѣ* Бога вышняго, въ поту *домой* прибѣжалъ; скрыть *въ ровѣ* зависти, *на рву* жить; ходить *въ свѣтѣ* лица Господня, *въ свѣту* стоять.

§ 68.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ *множественнаго* имѣетъ *ы*, когда слово оканчивается на ъ, и напротивъ *и*, когда оканчивается на ь или *й*. Однако

I. Если конечная буква *ж*, *г*, *к* или *х* (все буквы, которыя послѣ себя не терпятъ Vocales Jeratas, § 25), то такъ же вмѣсто *ы* употребляется *и*:

чертогъ *-оги*, верхъ *-рхи*, дуракъ *-аки*, порокъ *-оки*, ножъ *-ожи*.

II. Другія имѣютъ и *и* и *а*:

берегъ	имен. мн.	*береги -га*	снѣгъ	имен. мн.	*снѣги*, *снѣга*
лугъ	—	*луги -га*	стругъ	—	*струги -га*
лѣсъ	—	*лѣсы*, *лѣса*	колоколъ	—	*колоколы -ла*
островъ	—	*островы -ва*	облако	—	*облаки -ка*.

III. Нѣкоторыя имѣютъ только *а:*

рогъ им. мн. *рога;* бокъ им. мн. *бока*; глазъ им. мн. *глаза*.

§ 69.

РОДИТЕЛЬНЫЙ *множественнаго* имѣетъ

овъ, когда слово оканчивается на ъ, и

евъ, когда оканчивается на *й*; но когда оканчивается на ь, то *ей*.

Однакожъ *ей* имѣютъ также тѣ, которыя оканчивается на *жъ*, *шъ*, и *щъ*:

ножъ	род. множ.	*ножей*	барышъ	род. мн.	*барышей*
рубежъ	—	*рубежей*.	ковшъ	—	*ковшей*
чертежъ	—	*чертежей*	шабашъ	—	*шабашей*
ужъ	—	*ужей*	лещъ	—	*лещей*
мужъ	—	*мужей*	грошъ	—	*грошей*.

Примѣч. Творительный множественнаго именъ на ь иногда имѣетъ *ьми* вмѣсто *ами*: гость-*гостьми*; гвоздь-*гвоздьми*.

§ 70.

Nomina *Gentilia* на *нинъ*, имена *городовъ* и *фамиліи* на *овъ*, *евъ*, *инъ* и *скъ*, и нѣкоторыя другія слова на *ой* и *ей*, которыя первоначально суть прилагательныя или причастія, отступаютъ отъ таблицы перваго склоненія; а именно:

I. Gentilia и нѣкоторыя другія на *инъ* въ единственномъ склоняются совершенно правильно; но во множественномъ *инъ* переходитъ въ именительномъ на *е*, въ родительномъ на ъ, въ остальныхъ падежахъ также отбрасывается; какъ

россія*нинъ*	имен. множ.	*россіяне*
римля*нинъ*	—	*римляне*
дворя*нинъ*	—	*дворяне*
мѣща*нинъ*	—	*мѣщане*
крестья*нинъ*	—	*крестьяне*

Примѣч. I. Аналогичнѣе было бы писать: россіян*а*, дворян*а*, римлян*а* и проч., потому что очень много другихъ существительныхъ мужескаго рода во множественномъ оканчивается на *а* и ни одно на *е*.

Примѣч. 2. Шуринъ въ именительномъ множественнаго шурья, род. *шурьевъ*. Господинъ имѣетъ *господа*, см. ниже § 71.

II. Имена городовъ и фамилій на *овъ*, *евъ*, *инъ* и *скъ* въ единственномъ (за исключеніемъ только творительнаго) слѣдуютъ правилу; но во множественномъ они склоняются, какъ короткія славянскія прилагательныя. Таблица ихъ будетъ въ слѣдующей главѣ. Наприм. Серпуховъ, Ржевъ, Скопинъ, Тобольскъ — все города; Годуновъ, Лопухинъ—фамиліи.

III. Нѣкоторыя имена на *ой* и *ей*, которыя по окончанію и происхожденію суть прилагательныя, склоняются такъ же, какъ прилагательныя, и относятся къ слѣдующей главѣ, какъ

пѣвчей	кравчей
стряпчей	подъячей
прохожей	носящей
нищей	сотской
проѣзжей	посадской.

Примѣры всѣхъ этихъ уклоненій:

Единственное ч.

И.	Ржевъ	Скопинъ	Годуновъ	Тобольскъ
Р.	Ржев*а*	Скопин*а*	Годунов*а*	Тобольск*а*
Д.	Ржев*у*	Скопин*у*	Годунов*у*	Тобольск*у*
В.	Ржевъ	Скопинъ	Годунов*а*	Тобольскъ
Т.	Ржев*ымъ*	Скопин*ымъ*	Годунов*ымъ*	Тобольск*имъ*
П.	Ржев*ѣ*	Скопин*ѣ*	Годунов*ѣ*	Тобольск*ѣ*

Множественное ч.

И.	Россіян*е*	Скопин*ы*	Годунов*ы*
Р.	Россіянъ	Скопин*ыхъ*	Годунов*ыхъ*
Д.	Россія*намъ*	Скопин*ымъ*	Годунов*ыми*
В.	Россіянъ	Скопин*ы*	Годунов*ыхъ*
Т.	Россіян*ами*	Скопин*ыми*	Годунов*ыми*
П.	Россіян*ахъ*	Скопин*ыхъ*	Годунов*ыхъ*

Примѣч. Какъ Скопинъ, склоняется Новъ въ словѣ Новгородъ: род. Нова-города, дат. Нову-городу, твор. Новымъ-городомъ и проч.

Нищей.

	Единственное.	Множественное.
И.	нищ*ей*	нищ*іе*
Р.	нищ*аго*	нищ*ихъ*
Д.	нищ*ему*	нищ*имъ*
В.	нищ*аго*	нищ*ихъ*
Т.	нищ*имъ*	нищ*ими*
П.	нищ*емъ*	нищ*ихъ*.

§ 71.

Всѣ остальныя неправильности перваго склоненія относятся только ко множественному числу и могутъ быть подведены подъ слѣдующія три класса.

Всѣ они имѣютъ между собою то общее, что во множественномъ числѣ оканчиваются на *а*, какъ средній родъ.

I. Нѣкоторыя на ъ и ь въ именит. множ. имѣютъ *ья* вмѣсто *ы* и въ родит. *ьевъ*; этотъ ь они удерживаютъ и въ остальныхъ падежахъ:

колъ	Имен. мн.	колья	Род. мн.	ьевъ
лоскутъ	—	лоскутья	—	ьевъ
прутъ	—	прутья	—	прутьевъ
брусъ	—	брусья	—	брусьевъ
листъ	—	листья и листы		
батогъ	—	батоги и батрожья		
пень	—	пни и пенья		
кусъ	—	кусья		
стулъ	—	стулья.		

Отъ множественнаго числа всѣхъ этихъ именъ можетъ быть образовано единственное на *ье*, какъ кольѐ, листьѐ, брусьѐ и проч. Это единственное число, дѣйствительно, употребительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но все таки, подобно собирательнымъ въ единственномъ, имѣетъ значеніе множественнаго.

II. Уменьшительныя имена молодыхъ живыхъ существъ на *енокъ* заимствуютъ множественное отъ своихъ Primitivis на *я*, и потому во множественномъ склоняются, какъ средній родъ:

теленокъ, имен. множ. *телята*; цыпленокъ, *цыплята*. См. ниже § 81, примѣч. I.

III. Слѣдующія имѣютъ частью *двоякій именительный множественнаго* и иногда также уклоняются отъ правила и въ родительномъ:

камень	Им. множ.	*камни* и *каменья*		
другъ	—	*други* и *друзья*		
сынъ	—	*сыны* и *сыновья*		
внукъ	—	*внуки* и *внучата*		
господинъ	—	*господа*	род.	*господъ*
князь	—	*князья*	—	*князей*
шуринъ	—	*шурья*	—	*шурьевъ*
братъ	—	*братья*	—	*братьевъ*
сватъ	—	*сватовья*	—	*сватовей*
кумъ	—	*кумовья*	—	*кумовей*
хозяинъ	—	*хозяева*	—	*хозяевъ.*

Примѣч. I. Неправильность снова исчезаетъ, какъ скоро изъ этихъ Pluralibus Neutris образуется такъ же и Singularis generis Neutrius, которыя отчасти дѣйствительно употребительны въ другихъ нарѣчіяхъ; напр. князь, чешск. княз̌ье и проч.

Примѣч. II. Окончаніе *овъ* въ сыновья, кумовья и проч. польское. См. Schlags Polnische Sprachlehre, S. 22.

Примѣч. III. Слово человѣкъ имѣетъ множественное, когда передъ нимъ стоитъ числит. два, три и четыре. Въ другихъ случаяхъ употребляютъ Plural. tantum: *люди*.

Примѣры множеств. числа.

И.	кóл*ья*	княз*ья*	господ*а*	сынов*ья*
Р.	кол*ьевъ*	княз*ей*	господъ	сынов*ей*
Д.	кол*ьямъ*	княз*ьямъ*	господ*амъ*	сынов*ьямъ*
В.	кол*ья*	княз*ей*	господъ	сынов*ей*
Т.	кол*ьями*	княз*ьями*	господ*ами*	сынов*ьями*
П.	кол*ьяхъ*	княз*ьяхъ*	господ*ахъ*	сынов*ьяхъ*

Второе склоненіе.

§ 72.

ТАБЛИЦА.

Единственное ч.				Множественное ч.			
И.	а	я	ь	И.	ы	и	и
Р.	ы	и	и	Р.	ъ	ь—ей	ей
Д.	ѣ	ѣ—и	и	Д.	амъ	ямъ	ямъ
В.	у	ю	ь	В.		о+	
Т.	ою—ой	ею—ей	ью	Т.	амъ (sic)	ями	ями
П.	ut Dativus.			П.	ахъ	яхъ	яхъ

Примѣры втораго склоненія:

Единственное ч.

И.	воевод*а*	изб*а*	княгин*я*	зем*ля*
Р.	воевод*ы*	изб*ы*	княгин*и*	зем*ли*
Д. } П. }	воевод*ѣ*	изб*ѣ*	княгин*ѣ*	зем*лѣ*
В.	воевод*у*	изб*у*	княгин*ю*	зем*лю*
П.	воевод*ою*	изб*ою*	княгин*ею*	зем*лею*

Множественное ч.

И.	воевод*ы*	изб*ы*	княгин*и*	зем*ли*
Р.	воеводъ	избъ	княгинь	земель
Д.	воевод*амъ*	изб*амъ*	княгин*ямъ*	зем*лямъ*
В.	воеводъ	изб*ы*	княгинь	зéм*ли*
Т.	воевод*ами*	изб*ами*	княгин*ями*	зем*лями*
П.	воевод*ахъ*	изб*ахъ*	княгин*яхъ*	зем*ляхъ*

Единственное ч.

И.	Академі*я*	лошадь	церковь
Р. Д. П.	Академі*и*	лошад*и*	церкв*и*
В.	Академі*ю*	лошадь	церковь
Т.	Академі*ею*	лошад*ію*	церков*ію*

Множественное ч.

И.	Академі*и*	лошад*и*	церкв*и*
Р.	Академі*й*	лошад*ей*	церкв*ей*
Д.	Академі*ямъ*	лошад*ямъ*	церкв*амъ*
В.	Академі*й*	лошад*ей*	церкв*и*
Т.	Академі*ями*	лошад*ями*	церкв*ами*
П.	Академі*яхъ*	лошад*яхъ*	церкв*ахъ*

Примѣчаніе. Имена на *ья* склоняются, какъ земля, и удерживаютъ ь во всѣхъ падежахъ; только въ родит. множ. имѣютъ *ей* (см. ниже § 75. II. 2.):

им. свинья, род. свиньи; дат. и пред. свиньѣ; вин. свинью.

§ 73.

I. Во второмъ склоненіи (какъ и въ первомъ, § 64) *е* и *о* послѣдняго слога выпадаютъ въ Casibus obliquis, кромѣ *творительнаго:* какъ

церковь,	род.	*церкви*,	твор.	церковью
любовь	—	*любви*	—	любовью
лесть	—	*льсти*	—	лестью
ложь	—	*лжи*	—	ложью
вошь	—	*вши*	—	вошью

II. Другой Crasis имѣетъ мѣсто въ *творительномъ* единств. и множ., ибо тамъ переходитъ

1) і и я въ ь и
2) ю въ *й;* какъ

лошадь	*твор.*	един.	лошадью вм. лошадію
	—	множ.	лошадьми вм. лошадями
добродѣтель	—	един.	телью и лію
	—	множ.	тельми и лями
изба	—	един.	избою и избой
княгиня	—	—	княгинею и княгиней
воевода	—	—	воеводою и воеводой.

§ 74.

I. *Родительный* единственнаго и *именительный* множественнаго во всѣхъ формахъ сходны между собою; только въ словахъ на *а* и *я*-нхъ иногда различаютъ удареніемъ; потому что, если слово имѣетъ удареніе на *а*, то оно остается и въ родительномъ на послѣднемъ слогѣ, и напротивъ того, во множественномъ числѣ переходитъ назадъ на предпослѣдній слогъ (см. выше § 30). Какъ

вода́	Родит.	воды́	*Им.* мн.	во́ды
земля́	—	земли́	—	зе́мли
рука́	—	руки́	—	ру́ки.

Но если удареніе уже въ имен. множеств. на предпослѣднемъ слогѣ, то этого различія не бываетъ. Какъ

воево́да	Род.	воево́ды	*Им.* мн.	воево́ды.
княги́ня	—	княги́ни	—	княги́ни.
кожа	—	ко́жи	—	ко́жи.

II. Именно эти оба падежа (*род.* ед. и *имен.* множ.) имѣютъ *ы*, когда слово оканчивается на *а*. Но тѣ существительныя, которыя передъ *а* имѣютъ *г*, *ж*, *к*, *х*, *ч*, *ш*, *щ*, приближаются къ существительнымъ на *я* тѣмъ, что въ *родит.* ед. и *имен.* м. имѣютъ *и* вмѣсто *ы*, какъ

нога́ *род.*	*ноги́*	*им.* мн. *но́ги*	бочка	*род.* и *им.* мн.	*бочки*
рука	*руки*	*руки*	кожа		*кожи*
блоха	*блохи*	*блохи*	свѣча		*свѣчи*

III. *Творительный* единств. существительныхъ на *а* оканчивается на *ою*; но тѣ, которыя передъ *а* имѣютъ *ж*, *ц*, *ч*, *ш* и *щ* на *ею*. Какъ

кожа	*творит.*	*кожею*
лѣстница	—	*лѣстницею*
свѣча	—	*свѣчею*
груша	—	*грушею*
гуща	—	*гущею*

IV. *Предложный единственнаго* во всѣхъ формахъ сходенъ съ *дательнымъ*.

§ 75.

Родительный множественнаго образуется двумя различными способами:

I. *Отбрасываніемъ а* и *я*, какъ

воевода	*родит.* множ.	*воеводъ*
вода	—	*водъ*
княгиня	—	*княгинь*.

Но такъ какъ вслѣдствіе этого очень часто произношеніе могло бы сдѣлаться слишкомъ жесткимъ, то предъ конечною согласною вставляется *гласная*; а именно:

1. *О* въ словахъ, которыя оканчиваются на *ка* и предъ этимъ слогомъ имѣютъ еще согласную; какъ

трубка	*родит.* множ.	*трубокъ*
дѣвка	—	*дѣвокъ*
бурка	—	*бурокъ*
утка	—	*утокъ*
тетка	—	*тетокъ.*

Примѣчаніе. Только передъ слогомъ *ка* не должно быть *ж*, *ч*, *ш*, или *ь*; въ противномъ случаѣ ставится *е* вм. *о*; какъ

кружка	*родит.* множ.	*кружекъ*
бочка	—	*бочекъ*
пушка	—	*пушекъ*
кошка	—	*кошекъ*
люлька	—	*люлекъ*
нянька	—	*нянекъ.*

2. *О* также вставляется, когда согласная есть *г*, *к*, или *х*; какъ

игла	*родит.* множ.	*иголъ*
игра	—	*игоръ*
икра	—	*икоръ*
тыква	—	*тыковъ*
ахка	—	*ахокъ*

Исключеніе: яхта, родит. яхтъ
драхма — драхмъ.

3. *Е* вставляется при всѣхъ другихъ согласныхъ (кромѣ *к*, *ж*, *ч*, *г*, *ш*), предшествующихъ *а*, если предъ нимъ есть еще согласная:

серга	*родит.* множ.	*серегъ*
гривна	—	*гривенъ*
тьма	—	*темъ*
сосна	—	*сосенъ*

Примѣчаніе. Если послѣдней согласной предшествуетъ *й*, то онъ переходитъ въ *е*, какъ райна род. мн. *раенъ*.

II. *Прибавленіемъ* слога *ей* или *ій*

1. При окончаніяхъ *жа*, *ча*, *ша* и *ща*, если предъ ними стоитъ согласная, какъ

ханжа	*род.* мн.	*ханжей*	вѣкша	*род.* мн.	*вѣкшей*
каланча	—	*каланчей*	верша	—	*вершей*
парча	—	*парчей*	пища	—	*пищей*

2. Во всѣхъ оканчивающихся на ь, *ія* и *ья*; какъ

церковь	*родит.* множ.	*церквей*
библія	—	*библій*
коллегія	—	*коллегій*
келья	—	*келей*
попадья	—	*попадей*
свинья	—	*свиней*
скуфья	—	*скуфей.*

Примѣчаніе. Тѣ, которыя оканчиваются на *ая*, *ея* и *уя* перемѣняютъ только *я* на *й;* какъ

свая	*родит.* множ.	*свай*
верея	—	*верей*
лядвея	—	*лядвей*

шея, *шей;* шлея, *шлей;* струя, *струй.*

III. Двоякій родительный множеств. имѣютъ имена на *ня*, равно какъ и нѣкоторыя другія; какъ

лютня	*род.* мн.	*лютенъ* и *ней*
башня	—	*башенъ* и *башней*
вишня	—	*вишенъ* и *вишней*
епанча	—	*епанечъ* и *епанчей*
(капля	—	*каплей*
цапля	—	*цаплей*).

§ 76.

Мать и *дочь* суть аномаліи и склоняются слѣдующимъ образомъ:

Единственное ч.

Имен. и *Винит.*	мать	дочь
Род. Дат. и *Предл.*	мàтери	дòчери
Творит.	мàтерью	дòчерью

Множественное ч.

Именит.	мàтери	дòчери
Род. и *Вин.*	матерèй	дочерèй
Дат.	матерàмъ	дочерàмъ
Твор.	матерàми	дочерàми
Предл.	матерàхъ	дочерàхъ

Но ихъ неправильность исчезаетъ, какъ скоро написать именительный матерь, дщерь или дочерь: эти именительные дѣйствительно употре-

бительны въ славянскомъ. Въ литовскомъ есть особенное склоненіе, которое постоянно принимаетъ въ родительномъ слогъ *er*.

Mote родит. *Moteries* — мать
Dukte — *Dukteries* — дочь
Sessu — *Sessuries* — сестра и проч.

У чеховъ это *er* въ словахъ: *Bratr*, братъ, и *Kmotr*, кумъ.

Третье склоненіе.

§ 77.

ТАБЛИЦА.

Единственное ч.		Множественное ч.	
Им.	е или о	*Им.*	а — я
Род.	а — я	*Род.*	ъ — й
Дат.	у — ю	*Дат.*	амъ — ямъ
Вин.	какъ *именит.*	*Вин.*	какъ *имен.*
Твор.	емъ — омъ	*Твор.*	ами — ями
Пр.	ѣ — и	*Пр.*	ахъ — яхъ

Примѣры третьяго склоненія.

Единственное ч.

Им. Вин.	слȍв*о*	лиц*ѐ*	копь*ѐ*	учені*е*
Род.	слȍв*а*	лиц*ȁ*	копь*я*	ученія
Дат.	слȍв*у*	лиц*ӳ*	копь*ю̏*	ученію
Тв.	слȍвомъ	лиц*ѐмъ*	копь*ѐмъ*	ученіемъ
Пр.	слȍв*ѣ*	лиц*ѣ*	копь*ѣ*	ученіи.

Множественное ч.

Им. Вин.	слов*ȁ*	лӣц*а*	кȍпь*я*	ученія
Род.	слȍвъ	лицъ	коп*ей*	ученій
Дат.	слов*ȁмъ*	лӣц*амъ*	кȍпь*ямъ*	ученіямъ
Тв.	слов*ȁми*	лӣц*ами*	кȍпь*ями*	ученіями
Пр.	слов*ȁхъ*	лӣц*ахъ*	копь*яхъ*	ученіяхъ.

§ 78.

I. И здѣсь *родит. единств.* сходенъ съ *именит. множ.*, какъ и во второмъ склоненіи (§ 74. 1); но въ двусложныхъ словахъ съ такимъ же различіемъ *ударенія;* потому что во всемъ единственномъ оно всегда

остается на томъ слогѣ, на которомъ было въ именительномъ; напротивъ того, во множественномъ ч. оно переходитъ; напр.

Ед. *сло́во*, сло́ва, сло́ву   Мн. *слова́*, слова́мъ.
Ед. *лице́*, лица́, лицу́   Мн. *ли́ца*, ли́цамъ.

II. Если *ударенія* въ *единствен. ч.* на конечной буквѣ *е*, то и *е* произносится, какъ *о* (§ 20. 1. d.), а иногда такъ и пишется. Тоже относится и къ творительному единств.; какъ

Имен. лицѐ и *лицо; твор.* лицѐмъ и *лицо̀мъ.*

III. Окончанія *ле* и *ре* въ большей части падежей имѣютъ послѣ себя vocales *Jeratas* вм. Simplicium, а потому склоняются, какъ *копье*; напр. *мо̀ре — по̀ле.*

Ед.	*Род.*	мо̀ря	по̀ля
	Д.	мо̀рю	по̀лю
	Т.	мо́ремъ	по̀лемъ
Мн.	*Им.*	моря̀	поля̀
	Р.	морѐй	полѐй
	Д.	моря̀мъ	поля̀мъ
	Т.	моря̀ми	поля̀ми
	Пр.	моря̀хъ	поля̀хъ

IV. Наконецъ *родительн. множ.* и здѣсь сходенъ со вторымъ склоненіемъ (§ 75. I. II) въ томъ, что

a) онъ *постоянно* образуется посредствомъ отбрасыванія конечной *е* и *о;* какъ

слово *род.* мн. *словъ*, лице *род.* мн. *лицъ.*
игуменство — *игуменствъ.*

b) Но у именъ на *ье* и *іе* оканчивается на *ей* и *ій*, какъ

море *род.* мн. *морей*, поле *род.* мн. *полей*
копье — *копей*, ученіе — *ученій.*

c) Но въ случаѣ, когда двѣ согласныя предшествуютъ *е* и *о*, то послѣ отпаденія этихъ гласныхъ, между согласными вставляется *е* (рѣдко *о*), чтобы смягчить произношеніе:

число	*род.*	мн.	*чѝселъ*
сѣдло		—	*сѣделъ*
письмо		—	*писемъ*
ребро		—	*ребѐръ*
сердце		—	*сердѐцъ*
(окно		—	*оконъ*
стекло		—	*стѐколъ*).

§ 79.

Неправильности третьяго склоненія относятся тоже только ко *множественному числу* и суть слѣдующія:

I. Какъ имена *мужескаго* рода склоняются во *множеств.* ч.

око	*Имен.*	мн.	*очи*
ухо		—	*уши*
плечо		—	*плечи*
яблоко		—	*яблоки*
судно		—	*судны.*

Но если *судно* означаетъ корабль, то *имен.* м. *суда*, а род. *судовъ.*

II. *Небо*, *чудо* и *тѣло* (когда говорится о небесныхъ тѣлахъ) принимаютъ во *множествен.* ч. слогъ *ес* и удерживаютъ его во всѣхъ падежахъ, какъ

небо	мн.	*небеса*	род.	*небесъ*	дат.	*небесамъ*
чудо	—	*чудеса*	—	*чудесъ*	—	*чудесамъ*
тѣло	—	*тѣлеса*	—	*тѣлесъ*	—	*тѣлесамъ.*

III. Нѣкоторыя во *множеств.* ч. принимаютъ jer передъ *я* и тогда склоняются, какъ *колья* (§ 71):

крыло	мн.	*крылья*
перо	—	*перья*
дерево	—	*деревья*
полѣно	—	*полѣнья.*

IV. Нѣкоторыя существ. средняго рода, которыя по своему происхожденію и окончанію суть собственно прилагательныя, склоняются во всѣхъ падежахъ, какъ прилагательныя; напр.

Жаркое, род. *жаркаго*, дат. *жаркому;* преображенское, род. *преображенскаго*, дат. *скому.*

Напротивъ того Nomina Possessiva на *во* и *но*, означающія мѣсто или область, склоняются, какъ *слово*, за исключеніемъ только *творительнаго* (§ 70, II), какъ

Осташково, род. *Осташкова*, твор. *Осташковымъ.*

Тушино, род. *Тушина*, твор. *Тушинымъ.*

§ 80.

Существуетъ еще цѣлый отдѣлъ самостоятельныхъ существительныхъ *средняго рода*, которыя хотя во *множеств.* ч. и совершенно правильно склоняются, однако въ *единственномъ* очень отступаютъ отъ другихъ сущ. сред. рода. Таковы имена на *мя* и тѣ на *я*, которыя означаютъ молодыя живыя существа; какъ

время	*род.*	врѐ*мени*	Им. мн.	вреи*ена̀*
имя	—	*имени*	—	им*ена̀*
сѣмя	—	сѣ*мени*	—	сѣ*мена*
племя	—	пле*мени*	—	пле*мена*
щеня	—	*щеня̀*ти	—	*щеня*та
цыпля	—	*цыпля*ти	—	*цыпля*та
жеребя	—	*жеребя*ти	—	*жеребя*та
теля	—	*теля*ти	—	*теля*та
щигля	—	*щигля*ти	—	*щигля*та
ребя	—	*ребя*ти	—	*ребя*та
порося	—	*порося*ти	—	*порося*та
отроча	—	*отроча*ти	—	*отроча*та.

§ 81.

Склоненіе всѣхъ этихъ словъ отступаетъ отъ другихъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1. Оно Imparі*syllaba:* въ *родит. пад.* слово удлиняется однимъ слогомъ.
2. Эти слова *средняго* рода, слѣдоват. (§ 59. I) у нихъ *именит.* и *винит.* одинаковы, и во *множ. ч.* имѣютъ *а.* Также *творительн.* оканчивается, какъ у именъ *средн. рода.*
3. Но *родит. дат.* и *предложный* имѣютъ *и*, слѣдовательно, заимствованы изъ втораго склоненія отъ словъ на *ь.*

Эти имена *средняго рода* на *я* можно представлять себѣ какъ *apocopata;* напр. имя произошло изъ *имянъ*, и теля изъ *телятъ*. Это предположеніе объясняетъ, не только почему *н* и *т* являются въ остальныхъ падежахъ, но и почему эти слова въ трехъ падежахъ склоняются, какъ *лошадь* (§ 72). Другія славянскія нарѣчія еще болѣе оправдываютъ это объясненіе. *Имя* по-польски *Imie*; но *e* въ этомъ и другихъ словахъ на *mie* произносится съ Rhinesmo или почти какъ *eng.*

Примѣры

неправильностей третьяго склоненія.

	Единств.	Множ.
Им. Вин.	тел*я̀*	тел*я̀та*
Род.	тел*яти*	тел*ятъ*
Дат.	тел*яти*	тел*ятамъ*
Тв.	тел*ятамъ*	тел*ятами*
Пр.	тел*яти*	тел*ятахъ*.

	Единств.	Множ.
Им. Вин.	*и̂мя*	*имена̀*
Род.	*имени*	*имянъ*
Дат.	*имени*	*именъ*
Тв.	*именемъ*	*именами*
Пр.	*имени*	*именахъ*.

Примѣчаніе 1. Нынѣ уменьшительныя имена молодыхъ животныхъ на *енокъ* употребительнѣе, чѣмъ на *я*, однако множеств. число они заимствуютъ отъ послѣднихъ; напр.

жеребенокъ род. *бенка*, твор. *бята*.
теленокъ — *теленка* — *телята*.

Примѣчаніе 2. *Дитя* въ единств. ч. склоняется, какъ *теля*, но во множ. оно имѣетъ *дѣти* и склоняется какъ *король* (§ 63).

Глава IX.

О ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ,

ихъ склоненіе и степени сравненія.

§ 82.

Всѣ прилагательныя имѣютъ три окончанія (кромѣ Comparativos, которыя несклоняемы).

Они имѣютъ двоякое склоненіе, которое какъ въ единств., такъ и и во множ. отступаетъ отъ склоненія существительныхъ.

I. Первое, какъ обыкновеннѣйшее, обнимаетъ большую часть прилагательныхъ. Ихъ окончанія суть:

Муж. ый, ой, ій, ей
женск. ая, яя, ія
средн. ое, ее, іе, какъ:

россійск*ій* / россійск*ой*	россійск*ая*,	россійск*ое*
*добр*ый / *добр*ой	*добр*ая,	*добр*ое
*син*ій,	*син*яя	*син*ее
*Бож*ей,	*Бож*ія	*Бож*іе.

II. Второе склоненіе обнимаетъ только Adjectiva Possessiva и Patronymica, которыя въ русскомъ очень часто употребляются вмѣсто родит. существительныхъ (см. ниже гл. XI) и въ единств. числѣ склоняются (только твори-

Надпись на экземпляръ Г. Л. Бакмейстера:

Это *начало* русской грамматики (именно *первая часть* и начало *второй*) составлялось г-мъ Августомъ Людвигомъ Шлецеромъ въ С. Петербургѣ между 1762 и 1766 годами, и мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ изготовлялся одинъ листъ за другимъ, печаталось при Академіи Наукъ. Такъ какъ по поводу 89 — 92 страницъ возникли непріятности, то печатаніе прервано на одиннадцатомъ листѣ, или 176 страницѣ, и все изданіе уничтожено, почему экземпляръ этихъ одиннадцати листовъ большая рѣдкость. Въ рукописи далѣе было мало, или даже вовсе ничего не было приготовлено.

Г. Л. Бакмейстеръ.

С. Петербургъ
2-го Сентября 1796 года.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 7. Зебальдусъ Нотанкеръ — герой романа, написаннаго извѣстнымъ въ прошломъ столѣтіи писателемъ и книгопродавцемъ Х. Ф. Николаи (род. 13 марта 1733, ум. 8 янв. 1811), подъ заглавіемъ: Leben und Meinungen des Magisters Sebaldus Nothanker (3 ч. 1773 — 1776). Оригинальный взглядъ на Апокалипсисъ, составленный этимъ магистромъ, былъ причиною всѣхъ его многочисленныхъ несчастій.

» 24. Послѣднее предложеніе § 11 заключаетъ, вѣроятно, намекъ на какой нибудь случай, извѣстный во время Шлецера, но по незначительности, забытый исторіею. Тоже самое должно сказать и о намекѣ, заключающемся въ 24 — 25 строкахъ 37 стр.

» 41. Рудбекъ, авторъ сочиненія: Atlantica sive Manheim vera Japheti posterorum sedes ac patria, Upsaliae, 1675—1702, 4 v. Составитель Dictionnaire Bibliographique замѣчаетъ, что «это произведеніе необъятной учености и содержитъ среди множества парадоксовъ весьма любопытныя изслѣдованія въ области древностей сѣвера вообще и Швеціи въ особенности».

» 50. Бухгалтеръ (Buchfürer) Миллеръ — здѣсь Шлецеръ видимо ошибся: въ его время въ Петербургѣ былъ книгопродавецъ (Buchhändler) Миллеръ, издававшій время отъ времени каталоги книгъ, находившихся въ его магазинѣ. Къ сожалѣнію, тотъ каталогъ, о которомъ говоритъ Шлецеръ, нигдѣ не сохранился; но само собою разумѣется, что по книгопродавческому каталогу нельзя судить о богатствѣ литературы. (О дѣйствительномъ существованіи такого книгопродавца свидѣтельствуетъ сохранившійся въ Имп. публ. библіотекѣ экземпляръ изданнаго имъ каталога подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Catalogue des livres françois chez Charles Guillaume Muller, Libraire, rüe Lougovaja Millionnaja № 77, à St. Pétersbourg. 1789. 12°, 129 p.)

Къ стр. 199. Разсказъ Шлецера о женитьбѣ Ломоносова есть слѣдствіе недоразумѣнія, по нашему мнѣнію, вовсе не разсѣяннаго объясненіями его сына, цитируемыми Пекарскимъ во II т. *Ист. Ак. н.*, стр. 305. Что Ломоносовъ 6 іюня 1740 г. въ Марбургѣ вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицею Елисаветою-Христиною Цильхъ, въ томъ удостовѣряетъ выписка изъ церковной книги Марбургской реформатской церкви, напечатанная М. И. Сухомлиновымъ въ его статьѣ: *Ломоносовъ, студентъ марбургскаго университета*, стр. 162, 163 (*Русск. Вѣстникъ*, 1861, XXXI). Но когда онъ, по возвращеніи въ Россію, выписалъ свою жену, то долженъ былъ обвѣнчаться съ нею по обряду православной церкви, чего требовалъ положительный законъ, изданный еще во времена Петра В. (*Полн. Собр. Зак.* 1721, іюня 23, № 3798; авг. 18, № 3814) и дѣйствующій понынѣ (*Сводъ Зак.* т. X, ч. I, ст. 72). Нѣтъ сомнѣнія, что это вторичное бракосочетаніе дало поводъ къ неправильнымъ толкованіямъ отношеній Ломоносова къ его женѣ.

» 208—209. Откуда Шлецеръ почерпнулъ извѣстіе о русской типографіи, основанной въ Лейпцигѣ имп. Екатериною II, мы не знаемъ, и даже осмѣливаемся предполагать, что Шлецера ввелъ въ заблюжденіе какой нибудь ложный слухъ.

» 209. О докторѣ и золотомъ зубѣ находимъ у Бокля слѣдующій разсказъ: «Въ концѣ XVI вѣка вызвано было сильное движеніе распространившимся тогда слухомъ, что въ Силезіи родилось дитя съ золотымъ зубомъ. По слѣдствію слухъ этотъ оказался справедливымъ. Невозможно было скрыть это отъ народа; чудо вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ во всей Германіи; всѣ считали его таинственнымъ предзнаменованіемъ и всѣ въ страхѣ ломали себѣ голову, что могло бы означать это явленіе. Впервые раскрылъ истину докторъ Горстъ. Въ 1595 году этотъ отличный медикъ опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій; онъ указалъ на то обстоятельство, что при рожденіи дитяти солнце сошлось съ Сатурномъ въ знакѣ Овна. И такъ, событіе это хотя и сверхъестественно, но нисколько не опасно. Золотой зубъ былъ предвѣстникомъ золотаго вѣка, когда императоръ выгонитъ турокъ изъ Европы и положитъ основаніе новой имперіи, которая просуществуетъ тысячу лѣтъ. «На все это, говоритъ Горстъ, есть намеки у пророка Даніила въ извѣстной второй главѣ, гдѣ онъ говоритъ объ изображеніи съ золотою головою». *Ист. цивил. въ Англіи*, I, гл. 6.

» 356. Dyadik—простѣйшая изъ всѣхъ численныхъ системъ, въ ко-

торой двѣ единицы одного класса уже образуютъ единицу слѣдующаго класса. (Meyer's Convers. Lexicon, p. 1007).

Къ стр. 370. Speculum humanae salvationis — весьма распространенное въ XV вѣкѣ сочиненіе, переведенное на нѣмецкій языкъ Генрихомъ фонъ Лауфенбергомъ подъ заглавіемъ: Spiegel menschlichen Heils (Geschichte der deutschen Literatur, v. H. Kurz, I B. S. 635). Это произведеніе весьма драгоцѣнно, какъ одинъ изъ первыхъ памятниковъ типографскаго искусства; оно состоитъ изъ 63 листовъ, печатанныхъ только съ одной стороны; одни изъ нихъ печатаны буквами, вырѣзанными на деревянныхъ доскахъ, другіе литыми буквами. (Dictionnaire Bibliographique, par M. P*****. T. II. p. 326).

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

излагаетъ свои планы, 332—335. Рѣшается ѣхать въ Россію и проситъ о высылкѣ денегъ, 335 — 336. Повторяетъ свою просьбу, 336. Извѣщаетъ Миллера о прибытіи къ берегамъ Финляндіи, 337. Жалуется, что надежды его обмануты, и проситъ Миллера пріискать ему мѣсто, 337—339. Затрудненія, предшествовавшія его вступленію въ институтъ Разумовскихъ, 339—340. Выражаетъ неудовольствіе на неудовлетворительный отвѣтъ Миллера о словѣ *квасъ*, 340. Проситъ возвратить ему латинскую статью, 341. Предлагаетъ Миллеру участіе въ Samml. rus Gesch. и заботы объ изданіи, 342.

Рапорты въ Академію наукъ изъ-за границы: Плаваніе отъ Петербурга до Любека, 342—343. Отсутствіе Дрейера; хлопоты съ векселями; извѣстіе о домѣ сумашедшихъ отослано въ Петербургъ; не можетъ покупать книгъ, за неимѣніемъ денегъ; о студентахъ; о кабинетѣ Феслоиса 343. Свѣдѣнія о колонизаціи и о Бюшингѣ; предположенія на будущее, 344 Дрейеръ сообщаетъ рукописи, касающіяся рус. исторіи, 344 — 345. О богословскихъ спорахъ въ Германіи; о любскихъ рукописяхъ; объ анатомическихъ препаратахъ Мелье; о датской колонизаціи; о покупкѣ книгъ; о колонистахъ, 345 — 346. Отчетъ о домѣ сумашедшихъ въ Люнебургѣ, 346 — 349. Обработка извести въ Люнебургѣ, 349. О люнебургской соли; городская ратуша, городская библіотека; о гановерскихъ войскахъ; приключеніе въ Целле, 350. Прибытіе въ Гёттингенъ, 351. Гёттингенская историч. академія избираетъ его своимъ членомъ; порядки въ тамошней библіотекѣ; о рукописяхъ Байера; о переводѣ на англ. и нѣмецкій яз. описанія Камчатки, 352. О надписи изъ Геркуланума, 352. О вновь учреждаемой военной школѣ; о рукописи, принадлежащей принцу Фердинанду; о Bistaciam Armeniacam; о воспитаніи Муловскаго; la pure Vérité; обширность корреспонденціи, 353. Отчетъ о занятіяхъ въ Гёттингенѣ; образцы изъ записной книги, 354. Содѣйствіе проф. Фейерлейна и Бюттнера, 355. О молдаванскомъ языкѣ; о письмахъ Альберти; о біографіи Густава Адольфа, 355. Передаетъ просьбу Михаэлиса о доставленіи ему свѣдѣній о славянской библіи, 356. Приглашаетъ Штриттера на службу въ Россію, 356. Находитъ китайскую рукопись, 356. Сообщаетъ о книгѣ Witsen'а, о картѣ сибирскихъ рудниковъ, о знаменахъ древнихъ славянъ, о ліонской ветеринарной школѣ, о римской надписи, о. наблюденіи проф. Поповича, 357—358. О Мадоретти, авторѣ Discours sur l'utilité des Cabinets d'histoire naturelle etc. и о кабинетѣ Эверса, 358.

Письма къ Тауберту: Сообщаетъ о путешествіи до Любека; проситъ доставить свѣдѣнія о Саратовѣ; стѣсненъ тѣмъ, что не получилъ денегъ на покупку книгъ, 359. Сообщаетъ о приключеніи въ Целле и о письмѣ изъ Кронштадта; занятъ устройствомъ порученныхъ ему четы-

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.